ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Бочкарёв Сергей Александрович

Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учения о праве и государстве;
12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научный консультант:
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор,
Савенков Александр Николаевич

Москва 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....3

Глава 1. Генезис отечественного уголовно-правового знания.....33
1.1. Формирование уголовно-правовой науки в царской России.....34
1.2. Идеологизация теории уголовного права в советской России.....61
1.3. Плюрализация уголовно-правового знания в современной России.....84

Глава 2. Состояние субъектов уголовно-правового знания.....121
2.1. Ограничения научного познания уголовно-правовой реальности.....127
2.2. Пределы практического понимания уголовно-правовой действительности.....147
2.3. Издержки социального опыта в поддержании уголовного правопорядка.....169

Глава 3. Состояние уголовно-правового знания как объекта познания...194
3.1. Предрассудки науки уголовного права в восприятии философии.....202
3.2. Стереотипы уголовно-правового знания в отношении к истории.....240
3.3. Обыкновения теории уголовного права.....266

Глава 4. Философские предпосылки становления уголовно-правовой мысли и ее преобразования в знание.....289
4.1. Уголовно-правовая идея в философии Античности и Средневековья.....292
4.2. Уголовно-правовой концепт в философии Нового и Новейшего времени.....318
4.3. Уголовно-правовые представления в отечественной философии.....345

Глава 5. Потенциал философского подхода в познании уголовного права.....371
5.1. Онтологические свойства уголовного права.....371
5.2. Герменевтика в структуре уголовно-правового знания.....412
5.3. Синергетический подход в науке уголовного права.....456
5.4. Виртуализация уголовно-правового пространства.....469

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....487

БИБЛИОГРАФИЯ.....502

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Уголовно-правовое знание имеет глубокие корни. Первые попытки осмысления ряда уголовно-правовых явлений обнаруживаются еще у философов Античности. На всех последующих этапах становления цивилизации есть подтверждение тому, что интерес к криминальной сфере социального бытия и соответствующей области знания был неслучаен. Внимание мыслителей к ним имело и продолжает иметь онтологическую основу, поскольку ни одна из предлагаемых ими картин мира до сих пор не обходилась без уголовно-правового концепта как своей необходимой части.

Уголовно-правовое знание в институциональном смысле, как знание об отрасли законодательства, сфере правоприменения, научной и учебной дисциплине, имеет трехсотлетнюю историю. За этот период исследуемое знание прошло этапы становления на уровне формирования различных учений и теорий, последующего апробирования на практике и применения в повседневной жизни. За счет значительных усилий субъектов знания на современном этапе оно приобрело статус объекта, который, с одной стороны, унаследован из прошлого как предмет национального достояния, а с другой – является результатом текущей научно-практической деятельности и инструментом организации справедливого будущего.

Кроме того, за это время как уголовное право, так и знание о нем претерпели влияние различных факторов. Вклад в их формирование внесли идеалистические, материалистические, антропологические, эмпирические и иные философские течения, а также, безусловно, естественные науки. При этом генезис знания не всегда был подчинен внутреннему закону. Определенное воздействие на него оказывали различные общественно-политические движения (порой диаметрально противоположные), в составе которых или вопреки которым исследуемое знание воспроизводилось в гуманитарном или, напротив, карательном виде.

Монархическая, коммунистическая, демократическая и иные формации общественно-политического устройства в целях самоутверждения и уси-

ления собственного потенциала в первую очередь старались реформировать уголовное право и его институты, в связи с чем неминуемо оставляли след на облике знания о нем. В условиях первой формации научно-практическая мысль об уголовном праве объективировалась и институализировалась. В условиях последующей – развитие этой мысли было существенно стеснено и ограничено рамками конкретно-политического догмата. Третья – отказалась от цензуры и идеологического давления, провозгласив свободу мысли, в том числе уголовно-правовой. Каждая социально-экономическая формация в итоге привносила свою специфику в эволюцию знания.

Таково общеисторическое происхождение и реальное положение уголовно-правового знания в социальной жизни, которое имеет еще онтологическое обоснование. Знание в философии отнесено к явлениям бытийного порядка, где наряду с чувством и волей воплощает одну из трех основных форм бытия, служит образующим началом общечеловеческой жизни, поскольку имеет своим предметом объективную истину[1]. Через знание бытие совершает акт самопознания и самораскрытия, расчленения и оформления, проходит путь от хаоса к космосу, от тьмы к свету, просветляясь и «побеждая безумие хаотического распада». При этом «то расчленение, и дифференциация, и объединение, и синтезирование, которые даны в знании, совершаются в самом бытии…». И наоборот, «…в самом бытии происходит то, что происходит в знании…»[2]. Несмотря на индивидуально-психологическое происхождение, «знание имеет общечеловеческое значение, поскольку оно приходит вместе с индивидом, но с его уходом не утрачивается, а остается с родом, обеспечивает его единство, преемственность и развитие. Через знание бестелесное и недействительное человечество становится реальным и бессмертным»[3].

В общеправовом и конкретно-отраслевом плане понимание вышеописанного значения знания отсутствует. Обнаруживается диссонанс между их

---

[1] См.: *Соловьев В.* Философское начало цельного знания. – Мн.: Харвест, 1999. – С. 187.

[2] *Бердяев Н.А.* Философия свободы // *Н.А. Бердяев* / Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2004. – С. 95.

[3] См.: *Трубецкой С.Н.* Сочинения / Сост., ред. и вступ. ст. П.П. Гайденко; примеч. П.П. Гайденко, Д.Е. Афиногенова. – М.: Мысль, 1994. – С. 558–564.

восприятием знания и его действительным контекстом. Во-первых, знание не выделено в понятийном аппарате уголовного права и не рассматривается как самостоятельный объект наблюдения. Во-вторых, значение знания весьма сужено, а самой категории отведена второстепенная роль в составе понятия об уголовном праве как науки. Нередко категория «знание» подменяется терминами «наука» или «теория», а их задачи смешиваются либо отождествляются, т. е. знанию придается несоответствующий его гносеологическому статусу и потенциалу смысл. В-третьих, уверенность специалистов в принятой на вооружение познавательной парадигме и в том, что она уже дала наиболее полные представления об уголовно-правовом мире, является необеспеченной.

Обзор диссертационных изысканий подтверждает, что научные, практические и собственно социально-бытовые представления об уголовно-правовой реальности, как входящие в структуру уголовно-правового знания элементы, еще ни разу не объединялись в целое и не рассматривались как взаимосвязанные части целого. Эти представления в пределах единой и неделимой категории «знание» и в рамках ее собственной логики не анализировалась. Объектом изучения становились лишь отдельные стороны и элементы знания. Сформировавшаяся структура знания под сомнение не подпадает, с позиции полноценности и самодостаточности не оценивается. Связь знания с феноменами познания и сознания не исследуется. Задача о верификации производимых этим знанием результатов не ставится. Философско-методологический базис для проверки отраслевых достижений используется крайне редко.

Вместе с тем введение в полноценном виде и объеме феномена «знание», которое «полагает себя как бытие, а бытие исполняет себя как знание»[4], ведет: к появлению в орбите права не менее масштабного и глобального, чем само право, явления бытийного порядка; к возможности выхода с помощью названной категории за пределы узкой и тривиальной ассоциации знания исключительно с правоведением; к переходу в более широкую плоскость, где не знание рассматривается в составе и на фоне права, а право оценивается на фоне знания как более глубоко укоренного в бытии феномена. Здесь не знание складывается и раскладывается по

[4] См.: *Корет Эмерих.* Основы метафизики / Пер. В. Терлецкого. – Киев: Тандем, 1998.

канонам права, когда не соответствующие традиционным представлениям о нем суждения исключаются из правоведения или остаются невостребованными. Картина права составляется по логике и правилам самого знания, которые всегда подчинены цели обеспечения его полноты как условию истинности и достоверности.

Знание предлагает не ограничивать процесс познания права исследованием взглядов на него субъектов правоотношений; отстаивает оценку состояния права с точки зрения субъектов знания; продвигает изучение влияния качества знания на качество правоведения, правотворчества и правоприменения, а в целом – формирует и институализирует представления о знании как сфере реализации права. Бытийное происхождение знания еще тем интересно и полезно праву, что через обнаружение себя в знании и знания в себе оно получает легальные основания для отношения к феноменам онтологического порядка и возможность для преодоления невысокого о себе мнения позитивистов, считающих право предприятием во многом рукотворным и искусственным. Через категорию «знание» право получает не произвольное, а закономерное притяжение к человеку и антропологическое обоснование, поскольку оно производно от сознания и без сознания как единственного источника своего питания невозможно.

Введение в правоведение категории «знание» вызывает необходимость в философско-правовом подходе. Соизмерение и противопоставление уголовно-правового знания и философского опыта имеют онтологическую основу. В гносеологии, как отмечает В.А. Лекторский, знание рассматривается как традиция, а философия – как недоверие к традиции[5]. Философия, по свидетельству Н.С. Мудрагей, еще в Античности «осмелилась идти против традиционных, глубоко укоренившихся в обществе мнений»[6]. «Философия, – уточняет И.Т. Касавин, – постигает интегральную детерминацию и многообразие культурных смыслов знания»[7]. В этом смысле обращение к философскому опыту является обусловленной необходимостью. Главное преимущество такого дискурса состоит в

---

[5] См.: *Лекторский В.А.* Что есть знание? // Знание как предмет эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2011. – С. 4–21.

[6] *Мудрагей Н.С.* Философия: трудности становления и путь // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 587.

[7] *Касавин И.Т.* О дескриптивном понимании истины // Философские науки. – 1990. – № 8. – С. 64.

обладании методологическим инструментарием, предназначенным для выхода за пределы рассматриваемого знания, без чего оценка его полноценности невозможна. Дискурс способствует выявлению тех «предрассудков», «стереотипов» и «обыкновений», которые наполняют собой знание и препятствуют познанию криминальных практик и противостоящего им правового опыта. Он содействует диагностированию тех «порогов» и «пороков» изыскательских практик, которые уверяют специалистов в их совершенстве и не позволяют им развивать уголовно-правовое знание.

Таким образом, актуальность исследования, определяющая его фундаментальность и новизну, имеет объективное подтверждение и требует проведения соответствующего изучения, что в силу междисциплинарности темы возможно на базе общей теории и философии права, играющих ключевую роль в процессах консервации и модификации отраслевого знания, его встраиванию в общеправовой и человеческий контекст.

Научная проблема исследования формулируется как ответ на кризис современного уголовного права, который специалистами идентифицирован главным образом как внутриотраслевая дилемма и отнесен к сферам нормотворчества и правоприменения. Однако изучение детерминант кризиса с позиции гносеологии показало, что его корни на самом деле берут свое начало из конфликта между используемым на практике уголовно-правовым знанием и разномасштабными социоправовыми, политэкономическими и технологическими изменениями, динамично протекающими в современном социуме и существенно его трансформирующими.

Из-за своей ригидности и стереотипности, принадлежности к ушедшей в прошлое общественно-культурной обстановке принятое на вооружение знание неспособно оценивать и учитывать при самовоспроизводстве новые модификации времени и пространства, деятельности человека и его отношения к общезначимым ценностям, что сопровождается распространением и утверждением плюралистического мировоззрения.

Аналитическая ревизия теоретических, практических и социально-бытовых ресурсов, их верификация в рамках философско-правового подхода создают

методологическую основу для междисциплинарного синтеза и исследования на его базе состояния и качества современного уголовно-правового знания, вклада в объявленный кризис уголовного права, а также предрасположенности этого знания к внесению предложений по проектированию и конструированию новых когнитивных и социальных практик.

Степень научной разработанности темы. Исследователями периодически совершаются «выходы» за пределы сложившегося уголовно-правового знания. Например, ученые рассматривают уголовно-правовые явления и закономерности с экономической, политической, этнической или иных точек зрения. Таким образом, по убеждению специалистов, ими выдерживается курс на междисциплинарность как на основной методологический тренд современности. Но потенциал их исследований ограничивается тем, что в действительности они не выходят за границы имеющегося уголовно-правового знания, а лишь добавляют или извлекают из него политический, экономический или иной дискурс.

В свою очередь онтологический подход способен преодолеть методологическую и дисциплинарную обособленность любой теории, в том числе уголовно-правовой, которая основана главным образом на внутридисциплинарных разработках, некоторых достижениях социально-гуманитарных дисциплин и не всегда учитывает принцип единства знания и универсальности критериев научного познания. Философско-правовой подход может помочь ученому отказаться от стереотипов и шаблонов любого знания. В отличие от иных методов философско-правовой подход, по мнению В.С. Нерсесянца, позволяет рассмотреть знание в составе всего мира права, в его сущностно-понятийном единстве, в главных определениях и реальных проявлениях[8]. Только выработанные этим подходом фундаментальные категории, универсалии и матрицы, как отмечал В.С. Степин, могут обеспечить включение отраслевого знания в общенаучный контекст и мировоззренческую картину человека и общества[9].

---

[8] См.: *Нерсесянц В.С.* Философия права // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – С. 227–230.

[9] См.: *Гусейнов А.А., Степин В.С.* и др. Пути развития философии права в России // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1 (10). – С. 9–49.

Исследования подобного рода с учетом поставленных целей и задач, предложенного познавательного подхода в уголовно-правовой науке до сих пор не проводились, выбранный соискателем объект осмысления ранее не был предметом специального изучения. Некоторые аспекты, соприкасающиеся с темой диссертации, получили отражение, как правило, в трудах по истории формирования уголовно-правовой мысли и ее современному состоянию применительно к конкретно и узко прикладным темам. Если говорить о правоведении в целом, то в нем сравнительно недавно появилось фундаментальное исследование – это диссертационная работа В.Г. Графского, специально посвященная изучению социальной роли знания[10]. В ней автор рассмотрел знание как комплексное явление, включающее в себя знание обыденное, научное, профессиональное, философское, и исследовал ее взаимоотношения с категорией «власть». Профессор В.Г. Графский обратил внимание и на нетрадиционность предпринятого им исследования для учебного и научного правоведения. По состоянию на 1992 г. он констатировал отсутствие в литературе систематизированной разработки этой темы как сквозной для всего исторического правоведения. С тех пор сложная ситуация, как ее оценил сам ученый, не преодолена, и пробел в науке не восполнен.

Отсутствие исследований категории «знание» не умаляет ее познавательно-методологическое значение, не опровергает, а подтверждает актуальность данного исследования. Известно, что фундаментальный вклад в имплементацию и развитие в правоведении категорий «знание», «сознание» и «познание» внес член-корреспондент Д.А. Керимов. Ученый воспринимал право как сложную систему, требующую системного познания. Кризис российского правоведения объяснил, помимо прочих факторов, апатией ученых, постоянным и бессмысленным оперированием устаревшими знаниями[11]. Феноменом «знание» активно оперировал член-корреспондент Г.В. Мальцев, рассмотрев в своей работе «Социальные основания права» вопросы соотношения знания и истины, эволюции

---

[10] См.: *Графский В.Г.* Проблема взаимоотношений власти и знания в истории политической мысли: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Ин-т государства и права. – М., 1992.

[11] См.: *Керимов Д.А.* Избранные произведения: в 3 т. / *Д.А. Керимов*. – М.: Издательский дом «Академия», 2007; *Он же*. Методологические функции философии права // Государство и право. – 1995. – № 9; *Он же.* Будущее российского правоведения / Культура и техника законотворчества. – М., 1991.

представлений об этой паре при переходе от классических научных парадигм к новым типам правопонимания, отметив важное значение для развития правового знания работы по освобождению его от возникших в прежние времена предрассудков[12]. Академик В.Н. Кудрявцев призывал овладеть богатством «современного знания», а объектом своего интереса сделал «гуманитарное знание». При его изучении особое внимание уделял оценке состояния общественных наук. Для их вывода из кризиса ученый указывал на необходимость изменения угла зрения на предмет исследования, избавления от ограничений и деформаций[13]. Академик Т.Я. Хабриева проблемы правотворчества связала с исчерпавшим свой потенциал позитивистским базисом современной юридической науки, обосновав возможность постановки правотворчества на успешную траекторию при условии использования новейших знаний, в том числе экономики, социологии, истории, политологии[14]. Член-корреспондент А.Н. Савенков сосредоточился на генезисе философского знания как результате философско-правового мышления, его влиянии на решение связанных с государством и правом мировоззренческих вопросов в период их трансформации[15]. Академик А.Г. Лисицын-Светланов выявил базисное значение онтологического и антропологического знания для философии права при изучении юридических явлений, определил сознательную деятельность личности и социальную среду как условия формирования философско-правовых теорий[16]. Академик В.С. Нерсесянц исследовал процессы правового мышления.

---

[12] См.: *Мальцев Г.В.* Социальные основания права / *Г.В. Мальцев*. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – С. 38–85.

[13] См.: *Кудрявцев В.Н.* Общественные науки: переоценка ценностей // Вестник АН СССР. – 1989. – № 8. – С. 49–53; *Он же.* Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. / *В.Н. Кудрявцев.* – М.: Наука, 2002. – С. 387–397; *Он же.* Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 130–131.

[14] См.: *Хабриева Т.Я.* Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. – 2015. – № 8 (224). – С. 5–13; *Она же.* Правовое измерение научного прогресса // Журнал российского права. – 2009. – № 8 (152). – С. 14–24.

[15] См., напр.: *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ИГП РАН, 2019. – С. 9–93.

[16] См., напр.: *Лисицын-Светланов А.Г.* Философия права: классические идеи и вызовы современности // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ИГП РАН, 2019. – С. 153–164.

В общественном сознании он обнаружил реальный ориентир для юридических новаций и источник знания о подлинных интересах общества, а также существование различных «образов», игнорирование которых ведет к правовому регрессу[17]. Член-корреспондент Е.А. Лукашева рассмотрела некоторые аспекты взаимоотношений обыденного сознания и научного знания, последствия его несоответствия другим способам постижения мира[18]. Академик В.И. Жуков затронул тему роли фундаментальных знаний в обеспечении национальных интересов[19]. В размышлениях о философии правосудия член-корреспондент М.И. Клеандров в основном востребовал понимание как близкое к знанию понятие, с его развитием в обществе связал рост значения и функциональности судебной власти[20].

В отличие от правоведения, где понимание знания как нуждающегося в постоянном изучении объекта еще не состоялось, другие науки демонстрируют серьезный прорыв в этом направлении. В социологии одним из приоритетных и состоявшихся дискурсов признается «социология знания»[21]. При этом социологи занимаются не только изучением знания как объекта познания, но и выработкой средств управления им[22]. В экономической науке успешное будущее этой отрасли человеческой деятельности связывают с овладением «экономикой знания»[23].

---

[17] См.: *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция – наука о свободе // Законодательство и экономика. – 1997. – № 17–18. – С. 8; *Он же.* Перестройка и правовое мышление // Советское государство и право. – 1987. – № 9. – С. 41; *Он же.* Типология правопонимания // Право и политика. – 2001. – № 10. – С. 4; *Он же.* «Образ врага» – автопортрет общества // Платон. – 2014. – № 4. – С. 51–52.

[18] См., напр.: *Лукашева Е.А.* Права человека в современном мироустройстве // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ИГП РАН, 2019. – С. 259–271.

[19] См., напр.: *Жуков В.И.* Сбережение населения: национальные интересы, мораль и право // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ИГП РАН, 2019. – С. 282–363.

[20] См., напр.: *Клеандров М.И.* Философия права и правосудие // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ИГП РАН, 2019. – С. 162–214.

[21] См., напр.: *Шульц В.Л.* Социология знания: история и методология / *В.Л. Шульц.* – М.: Наука, 2006; *Тощенко Ж.Т.* Новые тенденции в развитии российской социологии // Социологические исследования. – 2013. – № 4 (348). – С. 3–13.

[22] См., напр.: *Мильнер Б.М.* Управление знаниями. Эволюция и революция в организациях // Проблемы теории и практики управления. – М., 2003.

[23] См., напр.: *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Вестник РАН. – 2003. – Т. 73. – № 5. – С. 450–456; *Осипов Г.В.*, *Степашин С.В.* Экономика и социология знания / *Г.В. Осипов, С.В. Степашин.* – М.: Наука, 2009.

В хозяйственные исследования активно вовлекаются другие отрасли знания для познания неэкономических граней экономики[24]. В философии сложилась эпистемология как философия знания[25], которая на современном этапе исходит из понимания того, «что нет мира «чистой» науки и «чистого» рационализма: «мир науки» включает в себя в «снятом виде» все многообразие «других» форм знания (от мифа и теологических представлений, укорененных в предыстории человечества, до нетрадиционных, экзотических структур жизни и форм мыследеятельности)». «Другие», «не чисто» рациональные формы знания и способы миропонимания, столь же активно «чеканят» и выстраивают мир»[26].

Для достижения цели и решения поставленных задач проанализирована история основных процессов и взглядов, отражающих зарождение, становление и развитие уголовно-правовой мысли. С целью оценки вклада в эволюцию этой мысли отечественного знания востребовано наследие мыслителей Античности, в том числе Аристотеля, Платона, Плотина, Сенеки, Цицерона; эпохи Средневековья – П. Абеляра, А. Августина, Ф. Аквинского, А. Боэция, Б. Достопочтенного, А. Кентерберийского, П. Ломбардского, У. Оккама, Г. Порретанского, М. Экхарта, а также философов, социологов и правоведов Нового и Новейшего времени – И. Бентама, Ф. Брэдли, Д. Вигмора, Г. Гегеля, Т. Гоббса, Р. Йеринга, И. Канта, К. Кенни, А. Коцоурека, У. Миллера, Г. Мэна, Н. Паунда, Г. Спенсера, К. Станхоупа, Ж. Тарда, У. Уиллоуби, Ф. Уортона А. Франка, Г. Харта, Л. Хобхауса, Р. Черри, Р. Штамлера.

Кроме того, изучены труды таких современных зарубежных исследователей общеправового и уголовно-правового знания, как: Л. Александра, Ф. Аллота,

---

[24] См., напр.: Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние» / Под ред. акад. РАН О.Т. Богомолова. – М., 2008; Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. межд. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. межд. проекта Б.Н. Кузык. – М.: Институт экономических стратегий, 2010.

[25] См., напр.: *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая / *В.А. Лекторский*. – М.: Эдиториал УРСС, 2001; *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. 7. – № 1. – С. 5–15; Эпистемология вчера и сегодня / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2010.

[26] *Калинина Г.Н.* Метаморфоз форм знания на границах науки: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08 / НИУ БелГУ. – Белгород, 2013.

У. Армстронга, М. Барона, П. Бенсена, М. Бергсмо, М. Бермана, А. Бучанана, С. Гарви, Д. Гусака, Д. Голова, Д. Далинко, Э. Даффа, Д. Дворкина, Дж. Деижа, Дж. Дресслера, Б. Зипарского, Дж. Кольмана, Дж. Крауса, К. Куца, М. Мура, У. Нойманна, Дж. Постема, А. Рипстейна, К. Стэйкера, Э. Фариса, К. Ферзанп, К. Химма, С. Шапиро, Э. Эшворта и др.

В ходе исследования рассмотрены и приняты во внимание взгляды представителей ведущих университетов мира – Кеньонского колледжа, Колумбийского, Кембриджского, Гарвардского, Оксфордского, Чикагского, Йельского, Пекинского университетов, а также университетов Торонто, Вашингтона, Калифорнии, Пенсильвании, Огайо, Сан-Диего, Вирджинии, в том числе штатов США – Техаса, Иллинойса и Индиана, Северо-Западного университета США, университетов имени Джона Хопкинса, Рутгерса, Иешива, Дьюка, Стирлинга, Ковентри и др. Названы основные и передовые Научно-образовательные центры, занимающиеся разработкой современного уголовно-правового знания. Обозначен вклад в развитие и обновление этого знания учрежденной в 1909 г. и до сих пор действующей Международной ассоциации по философии права и социальной философии (Association for Legal and Social Philosophy), а также созданного в 2010 г. ведущими учеными мира Центра исследований международного права и политики (The Centre for International Law Research and Policy – CILRAP) и его двух основных отделов – Форума по международному уголовному и гуманитарному праву (Forum for International Criminal and Humanitarian Law – FICHL) и Академического издательства (Torkel Opsahl Academic EPublisher – TOAEP).

Отмечен существенный вклад в процесс институализации философии права и уголовного права отраслевых периодических изданий: Journal of Criminal Law & Criminology (1909 г.), The Oxford Journal of Legal Studies (1981 г.), Law and Philosophy (1982 г.), The Journal of Moral Philosophy (2004 г.), где в каждом из них рассматриваются вопросы междисциплинарного порядка. Данные издания знакомят с трудами и взглядами на философские проблемы уголовного права таких мыслителей, как Джон Хопкинс, Уэстел Вудбери Уиллоуби, Фрэнсис Брэдли и Герберт Спенсер. В 2007 г. одним из авторитетных немецких издательств «Шпрингер» учрежден специализированный международный журнал по вопро-

сам философии преступления, наказания и уголовного права в целом – Criminal Law and Philosophy.

Отдельному исследованию подвергнуто отечественное философско-правовое наследие, в том числе взгляды ученых: Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева, С.И. Гессена, Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, Вл.С. Соловьева, В.В. Розанова, Н.О. Лосского, И.В. Михайловского, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, И.А. Покровского, Н.А. Реймерса, Л.Н. Толстого, С.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского, А.Д. Франка, С.Л. Франка, Б.Н. Чичерина и др. Осмысление трудов российских ученых позволило прийти к выводу о наличии в России собственной школы философии уголовного права, которая в свое время была непростительно не замечена, а сегодня оставлена в прошлом. В настоящее время о ней не вспоминают.

По вопросу генезиса уголовно-правового знания изучены произведения ученых-криминалистов XIX–XX вв.: Н.С. Алексеева, А. Богдановского, С.О. Богородского, М.В. Духовского, В.В. Есипова, А.Ф. Кистяковского, Ф. Листа, И.М. Наумова, И. Неймана, С.В. Познышева, П.П. Пусторослева, П. Редкина, В.Д. Спасовича, Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина, П.А. Фейербаха, Г.С. Фельдштейна, Э. Ферри, И.Я. Фойницкого, А. Чебышев-Дмитриева, М.Д. Шаргородского и др.

С целью выявления и определения методологических проблем современного уголовно-правового знания были востребованы работы ведущих теоретиков права: В.М. Баранова, Т.А. Васильевой, Н.А. Власенко, Г.А. Гаджиева, В.Г. Графского, А.Б. Дидикина, Д.В. Дождева, В.Н. Жукова, В.Д. Зорькина, И.А. Исаева, В.Б. Исакова, Д.А. Керимова, Ю.И. Козлихина, А.В. Корнева, М.А. Краснова, В.В. Лапаевой, В.С. Малахова, А.В. Малько, Г.В. Мальцева, О.В. Мартышина, М.Н. Марченко, Т.Н. Радько, О.Ю. Рыбакова, А.В. Полякова, В.В. Сорокина, Л.И. Спиридонова, В.М. Сырых, В.А. Томсинова, И.Л. Честнова, В.Е. Чиркина, Ю.Л. Шульженко и др.

В качестве эмпирического материала рассмотрены взгляды представителей науки уголовного права и криминологии: А.И. Александрова, А.И. Алексеева, М.М. Бабаева, А.И. Бойко, Б.В. Волженкина, Я.И. Гилинского, В.И. Гладких, Ю.В. Голика, О.В. Дамаскина, А.И. Долговой, О.Л. Дубовик, С.А. Елисеева, А.Э. Жалинского, Э.Н. Жевлакова, О.Д. Жук, М.А. Кауфмана, В.С. Комиссарова,

И.Я. Козаченко, А.И. Коробеева, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, С.А. Маркунцова, И.М. Мацкевича, С.Ф. Милюкова, Е.Н. Мысловского, В.С. Овчинского, Э.Ф. Побегайло, Т.Г. Понятовской, Б.Т. Разгильдиева, А.И. Рарога, А.И. Ситниковой, А.Н. Попова, Ю.Е. Пудовочкина, В.И. Радченко, В.И. Селиверстова, В.Ф. Цепелева, Б.В. Яцеленко и др. В этом же качестве проанализированы суждения представителей ключевых институтов правоприменения, в том числе Верховного Суда и Конституционного Суда РФ, Следственного комитета России, МВД России, Генеральной прокуратуры РФ, а также официальная статистика, результаты социальных опросов и данные различных аналитических центров.

Изучение эмпирического материала с помощью разработок Р. Генона, Т. Куна, К. Поппера, В. Розанова, Ж.-П. Сартра и других помогло проанализировать опыт научного и практического осмысления состояния уголовного права, выявить основные критерии и показатели, которыми руководствуются специалисты при оценке устойчивости уголовно-правовой сферы, определить самодостаточность используемых учеными приемов и методов, их ориентированность на выверенное, достоверное и целостное отображение состояния уголовного права, а также оппозиционность по отношению к иным источникам и субъектам знаний.

Для обоснования теоретических построений использованы труды и взгляды видных отечественных ученых: С.С. Алексеева, А.В. Габова, М.К. Горшкова, А.А. Гусейнова, А.В. Дмитриева, В.И. Жукова, Т.И. Заславской, И.Т. Касавина, Д.А. Керимова, М.В. Ковальчука, А.А. Кокошина, В.Н. Кудрявцева, В.В. Лаптева, В.А. Лекторского, А.Г. Лисицына-Светланова, Е.А. Лукашевой, Г.В. Мальцева, В.В. Миронова, В.С. Нерсесянца, Т.И. Ойзермана, Г.В. Осипова, Н.Я. Петракова, Ю.С. Пивоварова, А.Н. Савенкова, В.С. Степина, Ю.К. Толстого, Ж.Т. Тощенко, В.Л. Шульца, Т.Я. Хабриевой и др.

Объект исследования – современное уголовно-правовое знание как основной и перманентный объект философско-методологической рефлексии, унаследованный из прошлого и являющийся результатом текущей научно-практической деятельности, одновременно устремленным в будущее инструментом справедливой организации человеческого общежития.

Предмет исследования – философско-методологический подход, его место, значение и потенциал в составе современного уголовно-правового знания, гносеологические и эвристические возможности по обнаружению стереотипов и проблем этого знания, их преодоления.

Цель диссертационной работы – проведение теоретического и философско-методологического исследования состояния современного уголовно-правового знания, выявление проблем этого знания и потенциала философско-правового подхода для их диагностирования, разрешения в теории и преодоления на практике.

Учитывая цель диссертации и необходимость решения указанной научной проблемы, **основная задача** изыскания состоит в исследовании парадигмы современного уголовно-правового знания, его структуры и качества, полноценности и самодостаточности.

Конкретные задачи исследования:

– обратиться к истории основных явлений, процессов и взглядов, отражающих зарождение, становление и развитие уголовно-правового знания; с помощью историографического обзора сформировать или дополнить имеющиеся представления о происхождении уголовно-правовой мысли;

– определить преемственность исследовательского интереса к криминальному миру и положение отечественного знания на фоне сложившихся научных школ и течений, выявить и продемонстрировать потенциал российского наследия, оценить степень присутствия и уровень вовлеченности отечественного знания в процессы становления философии уголовного права путем изучения истории ее становления и современного состояния;

– ввести в научный оборот малоизвестные зарубежные источники, указать ведущих специалистов в рассматриваемой области и передовые научно-образовательные центры, занимающиеся разработкой уголовно-правового знания;

– обобщить и описать суждения теоретиков и практиков уголовного права о состоянии современного уголовного правопорядка, обнаружить совокупность используемых для этого критериев и источников информации;

– оценить самодостаточность применяемых субъектами знания гносеологических приемов и методов, их ориентированность на выверенное, достоверное и целостное отображение состояния уголовного права;

– рассмотреть уровень взаимопонимания модераторов (ученых) и операторов (практиков) уголовного права как индикатор состояния этой отрасли права и лежащего в ее основе знания, определить степень полярности их позиций и критичность удаленности последних друг от друга;

– выявить традиции, стереотипы и шаблоны современного уголовно-правового знания, заложником которых являются его пользователи при восприятии, оценке и понимании уголовно-правовой реальности;

– определить и снять ограничения лежащих в основе мировоззрения субъектов знания рационалистических и иррационалистических установок, которые сковывают любого исследователя вытекающими только из них средствами и приемами познания уголовно-правовой действительности;

– диагностировать самодостаточность уголовно-правового знания через исследование его отношения к философии, истории, теории, правоприменительной практике и социальному опыту как к своим основным источникам;

– распознать социальный контекст, в составе которого изучаемое знание развивается и которому оно старается соответствовать; сформировать представления о конкретно-исторической тенденции, потребителем и последователем чего выступает данное знание; определить философскую традицию, в лоне которой, несмотря на свое отрицание философии в принципе, культивируется уголовно-правовое знание;

– диагностировать наличие признаков кризиса знания и его внутренней потребности в философско-методологическом инструментарии, способном освободить уголовно-правовую мысль от укоренившихся в ней стереотипов и служить ей антикризисной мерой.

Теоретико-методологическая основа исследования. В ходе изыскания были применены подходы, представляющие собой совокупность общенаучных методов, характерных для гуманитарных и общественных наук. Речь идет прежде всего о методах систематизации, классификации, исторического и сравнительного анализа. Использован инструментарий и категориальный аппарат общей теории права и философии права.

Среди других философских подходов применены методы историософского исследования и компаративистского анализа. В связи с многоплановостью тематики, необходимостью учитывать исследования в области как социогуманитарных, так и естественных наук, применен междисциплинарный подход. Для прояснения результатов эволюции ряда ключевых понятий и отраслевых явлений применен темпоральный подход, методика концептуального и типологического анализа.

Специфика изучения проблемы потребовала использования научных методов познания общественных процессов: системного, структурно-функционального, социологического, а также методов феноменологического описания и историко-культурной реконструкции.

В общетеоретическом плане методологической основой исследования явились работы С.С. Алексеева, В.М. Гессена, В.Н. Жукова, И.А. Исаева, Д.А. Керимова, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, В.Н. Кудрявцева, А.С. Лаппо-Данилевского, М.Н. Марченко, П.Е. Недбайло, А.В. Полякова, Е.В. Пономаренко, В.А. Томсинова, Е.А. Фроловой, И.Л. Честнова и др.

В философско-методологическом ключе в диссертации использованы:

– основные достижения П.П. Гайденко, В.А. Лекторского, И.Т. Касавина, Т.О. Ойзермана, В.С. Степина, Б.Г. Юдина, Э.Г. Юдина и других ученых в области эпистемологии и философии науки;

– концепция Т. Куна об исторической динамике научного знания; теория критического рационализма К. Поппера, идеи философии традиционализма Р. Генона, феноменологические и экзистенциальные исследования М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, основные положения философии жизни В. Розанова;

– взгляды основоположников позитивизма – А. Вейсмана, Г. Кельзена, Ф. Кенэ, Ж.А. Кондорсе, О.Ф. Конта, Г. Раценгофера, К.А. Сен-Симона, Г. Спенсера, А.Р. Тюрго, А.Ж. Фуллье, А. Шеффле и др.;

– воззрения разных философских школ, отстаивавших метафизику, – Аристотеля, Пифагора, Платона, Ф. Аквинский, Г. Лейбница, Р. Декарта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, И. Канта и Г. Гегеля, Ж. Пуанкаре, Ф. Клейна, Дж. Тернера и др. – для обоснования возможности метафизического измерения уголовного права;

– разработки и аргументация отечественных специалистов в области методологии права и науки в целом: В.А. Бачинина, В.В. Бибихина, Ю.Ф. Вилесова,

П.П. Гайденко, В.Д. Захарова, Ф.В. Лазарева, Г.В. Мальцева, Н.И. Кареева, М.К. Мамардашвили, В.В. Миронова, А.Ю. Севальникова, С.Н. Трубецкого, С.Л. Франка, Б.Н. Чичерина и др.;

– произведения Ф. Шлейермахера, Ф. Шлегеля, Г.Ф. Аста, Э. Бетти, Ф.А. Вольфа, Г. Гадамера, Ф. Гваттари, В. Гумбольдта, Ж. Делёза, В. Дильтея, Э. Ласло, С. Манна, И.Р. Пригожина, П. Рикера, М. Хайдеггера, Г. Шпета и др. с целью выявления потенциала современных философских течений – герменевтики и синергетики – для науки уголовного права.

Методологическая база, заложенная в основу работы, предопределила системность и комплексность исследования.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Знание в общеправовом и конкретно-отраслевом плане не выделено и не рассматривается как самостоятельный объект наблюдения и исследования. Значение знания сужено, а самой категории отведена второстепенная роль в составе понятия об уголовном праве как науки. Отличие феномена «знание» от таких терминов, как «наука» и «теория», в контексте которых «знание» зачастую используется, не проводится. Их задачи смешиваются либо отождествляются. Знанию, в итоге, придается не соответствующий его гносеологическому статусу и потенциалу смысл. Уголовное право с позиции и в пределах единой и неделимой категории «знание», в рамках ее собственной логики, не анализируется.

2. В свою очередь представления о науке определяются преимущественно через суждения о ее прикладном предназначении. Дискуссия о науке, ее содержании в основном переведена в плоскость вопросов о ее предмете, задачах и методах, т. е. сугубо внешних атрибутах науки. При выработке и раскрытии термина «наука» специалисты нередко идут от определения уголовного права к определению науки этой отрасли права, не по пути от науки в целом к науке уголовного права в частности. При этом не учитывается, что всякому научному знанию, в т. ч. правовому, предшествует знание в принципе, которое вмещает и часто содержит в недифференцированном виде как научные, так и ненаучные представления о мире и его субъектах, закономерностях функционирования криминального бытия.

3. Связь уголовно-правового знания с феноменами познания и сознания не исследуется. Нередко упускается, что наука уголовного права представляет со-

бой один из видов познавательной деятельности человека. В таком качестве эта наука взаимодействует не только с науками иных отраслей права. Она кооперирует и несет на себе след работы с обыденным, художественным, религиозным, экономическим, политическим, мифологическим, философским, этическим и другими видами познания, которые также могут производить истинные суждения. В связи с этим наука уголовного права должна своим источником иметь не только научное знание, но и знание альтернативных видов познания.

4. Уголовно-правовое знание представляет собой унаследованный из прошлого продукт эволюции общественного сознания, являющийся одновременно результатом текущей научно-практической деятельности и инструментом по организации справедливой охраны основ и ключевых благ человеческого общежития в будущем. Если на ранних этапах эволюции уголовно-правового знания его источником являлось в основном чувство, которого было достаточно для обозначения наглядности, очевидности и недопустимости уголовного правонарушения, то с прогрессом сознания и усложнением социального бытия, движением его участников от индивидуальных форм существования к коллективным привело к замене прежних источников и их переходу от чувства к разуму, от инстинкта к сознанию.

5. Подлинным и перманентным источником уголовно-правового знания является сознание человека. Сознание социума служит местом зарождения, а его память – постоянным местом жительства уголовного права и знания о нем. Прежде всего сознание, а затем уже иные символические и вещественные памятники поддерживают в активном состоянии представления индивида и общества об уголовно-правых запретах. К производным источникам этого знания относятся отраслевая теория, а также философия, история, политика, практика и социальный опыт, к каждому из которых, как неотъемлемому элементу своей структуры, оно на протяжении своего развития реализовывало и реализовывает особенное отношение.

6. Отечественное уголовно-правовое знание разрабатывалось на фоне синхронного роста интереса к позитивизму и отрицания метафизики (XVIII–XIX вв.). В этот период оно дополнялось в основном за счет сравнительно-исторического и историко-догматического изучения уголовно-правовой дей-

ствительности, т. е. методов позитивизма. При этом исторически сложилось так, что сначала в социальной жизни появлялось и реализовывалось практическое направление уголовно-правовой мысли, а только потом к нему присоединилось научно-теоретическое направление.

7. Историческая предзаданность, в условиях которой уголовно-правовое знание получило институциональное становление, а также текущий мировоззренческий выбор субъектов этого знания в пользу позитивизма привели к игнорированию философии, к существенной недооценке истории и ее значения, к гипертрофированию уголовно-политических и собственно теоретических разработок, а в итоге к сужению уголовно-правового взгляда, т. е. к неполноте структуры знания, оппозиционности к иным источникам знания, к отсутствию в нем ориентира на достоверное и целостное отображение уголовно-правовой реальности как динамически развивающегося объекта.

8. Включение в состав науки уголовного права философского знания и опыта в порядке референции позволило выявить, что основу современного уголовно-правового научного знания составляет логико-позитивистская и критико-рационалистическая традиция с сопутствующими ей эмпиризмом, натурализмом, историцизмом, нормативизмом, бытовизмом и релятивизмом, освоение которых привело к выработке ограничений в научном познании криминальной реальности, достижению пределов в практическом понимании уголовно-правовой действительности, а также к появлению издержек в социальной поддержке права.

9. Адаптация и активная эксплуатация главным образом позитивистских постулатов, уверование в их самодостаточность для отраслевых нужд уголовно-правового знания привели, в частности:

– в теоретическом плане – к формированию представлений об уголовном праве как о рамочном понятии и узкой области двух основополагающих и смыслообразующих явлений – «преступления» и «наказания», при этом взятых в их эмпирическом понимании. Уголовное право в буквальном смысле, т. е. как право, не рассматривается. Для современного уголовно-правового мировоззрения стало историчным и обычным игнорировать онтологию собственной отрасли права. Его функциональное значение сведено до обеспечения взаимосвязи между деянием и воздаянием;

– в научно-практическом плане – к возникновению между основными потребителями знания – модераторами (учеными) и операторами (практиками) уголовного права – раскола во внутриотраслевых и межотраслевых мнениях о состоянии действующего уголовно-правового порядка. Названные субъекты знания, основываясь на его релятивистских началах, находятся в своих оценках состояния правопорядка на противоположных и критически удаленных друг от друга позициях;

– в нормативно-правоприменительном плане – к формированию и реализации на практике упрощенного и минималистского отношения к преступлению, а также к организации системы правоохранительной деятельности, которая из-за отсутствия в своей основе философско-антропологического знания и инструментария в современных условиях не имеет достаточных средств для целостного восприятия населяющих государство сообществ и объединяющих их ценностей, в том числе понимания того, что в эпицентре всех изменений стоит человек с собственными представлениями о мироустройстве, претерпевающими сегодня существенную трансформацию.

10. Изучение практики эксплуатации уголовно-правового знания показало, что оно в его современном состоянии неспособно за счет собственных отраслевых средств избавиться от позитивистской традиции и от связанных с ней издержек. Для достижения этой цели знание нуждается в философско-методологическом инструментарии, способном освободить знание от укоренившихся в нем догм и стереотипов, его субъектов – от позитивистских предубеждений и предрассудков, а главное – ввести их в общенаучный и полножизненный контекст.

11. С помощью метафизики теории уголовного права продемонстрировано существование наиболее полной реальности бытия человека, наличие которой не учитывается криминалистами, а также выявлена условность и приблизительность эмпирических средств, традиционно используемых для оценки преступности и наказуемости деяний, их неспособность выполнять задачи по конкретизации содеянного, персонификации ответственности и индивидуализации наказания. Отмечено, что современным уголовным правом как системой научного знания остались невостребованными неэмпирические и неметрические инструменты измерения индивидуального и социального поведения, в т.ч. девиантного.

12. С позиции герменевтики обнаружено, что уголовно-правовое знание оперирует в основном институтом толкования, а не феноменом понимания, имеющим метанормативное значение для человека в целом и уголовного права в частности, является для них и целью, и ценностью, определяет их содержание, а также служит им условием введения в социальный контекст и реализации в нем. Тем не менее правила понимания рассеянно присутствуют в уголовно-правовой области и не образуют единого механизма, касаются текста закона и в меньшей степени используются для оценки криминальных событий и поведения их участников. С помощью герменевтического подхода также выявлено, что конечное определение уголовно-правовому запрету и событию дает не законодатель и закон, как продукт его деятельности, а субъект правоприменения. При этом не закон, а знание о событии происшествия и законе, которое вырабатывается в ходе коммуникации участников судопроизводства, служит единственно реальным и актуальным основанием уголовной ответственности.

13. Синергетическая парадигма ставит под сомнение самодостаточность знаний об уголовном праве как о статическом порядке, реализующемся в его внутренней организованности и во внешней направленности на дисциплинирование социума. Выставляет феномен хаоса как данность бытия, допускает существование уголовно-правового беспорядка и предлагает рассмотреть в связи с этим отрасль в динамике. То есть как институт, который помимо прочих традиционных значений может либо не отвечать своему назначению, предрасполагать к разрушению опекаемых благ и вести к дестабилизации социума, либо сам подвергаться разрушению под влиянием трансформирующегося общества и утрачивать возможность выполнять по отношению к нему свою нормативную функцию. Еще одна точка приложения синергетики к уголовному праву обнаружена в ее методологической готовности к анализу иррегулярного поведения, ставшего в настоящее время самостоятельной криминальной силой, к диагностированию, профилактике и искоренению которой уголовно-правовая наука и практика не приспособились.

14. С позиции виртуальности как феномена современного технологического уклада определено, что действующий уголовно-правовой концепт основан преимущественно на механистическом представлении о мире и не имеет доста-

точных знаний о фантомной реальности, активно востребованной социумом и его криминальной частью. Вовлечение человека в виртуальную среду и использование ее имитационных средств привели к приумножению силы преступного воздействия – повышению эффективности, снижению издержек и расширению сферы криминального поведения, а также к изменению ментальных представлений индивида о времени и пространстве, что требует от науки поиска новых средств самовыражения и развития уголовного права.

15. В итоге исследование показало, что структура современного уголовно-правового знания не отличается целостностью, а в науке этой отрасли права отсутствует понимание того, какой социальной целостности должно служить уголовное право и какую целостность его субъектам и институтам необходимо правообразовывать и нормовоспроизводить, при какой целостности уголовное право может выполнять свое бытийное предназначение. Противопоставление отраслевого знания и философского опыта дало возможность в качестве ответа на обнаруженный дефицит понимания и виде-ния выработать универсальную модель уголовно-правового знания, которая для обеспечения своей целостности и самодостаточности должна включать в себя и совмещать в себе ряд само- и взаимно генерирующихся составляющих: *онтологическую*, *аксиологическую*, *экзистенциональную и гносеологическую*.

Первая аккумулирует знания об обстоятельствах, при которых уголовное право остается правом, т. е. отвечает собственному назначению как средству защиты жизненно неотъемлемых и необходимых благ от насилия. *Вторая* сосредоточивает знания об условиях, при которых уголовное право служит мерой справедливости для человека и человечества в целом. *Третья* локализует знания о специфичности уголовного права и его неповторимости как среди других отраслей права, так и иных социальных регуляторов. *Четвертая* фокусирует знания о средствах и способах познания криминального мира, истинности, достоверности и полноты получаемых о нем сведений.

Источниковая база исследования. Постановка широкой и многоаспектной темы предопределила использование опубликованных материалов различного характера, касающихся в основном философской рефлексии, процессов фор-

мирования и развития уголовно-правового знания за продолжительный период его становления. Речь идет и о малоизвестных зарубежных источниках Средневековья и Нового времени, до сих пор не введенных в отечественный научный оборот. Рассмотрены результаты исследований ведущих специалистов в данной области, проведенных в передовых научно-образовательных центрах, занимающихся формированием уголовно-правового знания.

Эмпирическую базу исследования составили пять групп источников, разных по происхождению, научной ценности, времени создания.

Первая группа источников представлена социологическими данными, полученными Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом общественного мнения (ФОМ), исследовательской группой «Ромир», социологами РАНХиГС.

Ко второй группе значительной информативной емкости относятся официальные статистические данные, в том числе МВД России, Судебного департамента Верховного Суда РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ;

Третья группа включает социологические исследования, проведенные в Институте социологии РАН, Центре стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН и других экспертных организациях.

Четвертую группу составляют аналитические материалы общественных организаций, таких, например, как Российский союз промышленников и предпринимателей или International Property Rights (IPRI).

Пятая группа источников – это издания периодической печати, официальные заявления государственных руководителей и опубликованные нормативные правовые акты.

Завершают классификацию источников процессуальные решения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в отечественной юридической литературе уголовно-правовое знание впервые выделено в качестве социального феномена и самостоятельного объекта исследования, комплексность познания которого обеспечена за счет философско-методологического подхода, крайне редко и фрагментарно используемого в отраслевых источниках и изысканиях.

Выбор ранее не исследованного объекта и широко не употребляемого для его познания метода позволил обнаружить, что современное уголовное право как наука не располагает апробированной гносеологической моделью по оценке состояния знания, его субъектов и ключевых источников, а также по верификации основных положений этого знания и их введению в общенаучный и мировоззренческий контексты.

Применение философской методологии позволило вскрыть причины, по которым для науки продолжительное время остается незамеченным развитие уголовно-правовой мысли в лоне главным образом одной – позитивистской – методологической традиции, создавшей необеспеченные представления о совершенстве и самодостаточности этой мысли и исключившей с определенной поры знание из современного существенно усложнившегося социального контекста. Оно перестало с ним сверяться из-за отставания от него, утратило способность к целостному восприятию криминальной реальности и выявлению обусловливающих ее детерминант.

В ходе исследования установлено, что структура современного уголовно-правового знания не отличается целостностью, а в науке этой отрасли права отсутствует понимание того, какой социальной целостности должно служить уголовное право и какую целостность его субъектам и институтам необходимо правообразовывать и нормовоспроизводить, при какой целостности в итоге уголовное право может выполнять бытийное предназначение.

Противопоставление знания и философии, основанное на правилах гносеологии, позволило разработать универсальную модель знания, которая для обеспечения целостного взгляда на объект и его эволюцию должна включать познавательные инструменты по определению того, что уголовное право:

– на онтологическом уровне остается правом, т. е. отвечает назначению как средству защиты жизненно необходимых благ от насилия, а не превращается в инструмент расправы;

– на аксиологическом уровне служит мерой для человека и человечества в целом, а не «меркой» для обеспечения интересов наиболее влиятельных субъектов этого права;

– на экзистенциальном уровне сохраняет свою специфичность, а не трансформируется в придаток иных отраслей права;

– на гносеологическом уровне сохраняет смысл и обеспечивает понимание, корреляционную связь между теоретической и практической составляющими.

Избранный методологический базис предопределил фундаментальность диссертации и возможность междисциплинарного взгляда на объект исследования в его сущностно понятийном единстве, рассмотрения в составе всего правоведения, в его главных определениях и реальных проявлениях. Позволил выйти за отраслевые границы изучаемого знания и получить ответы на до сих пор не актуализированные о нем вопросы. В частности, установить наличие в знании традиций, дистанцироваться от них и рассмотреть изнутри сформировавшиеся в науке познавательные практики; продиагностировать стереотипы знания и разомкнуть тот логический круг, который они очертили вокруг объекта; определить уровень понимания, существующий между модераторами и операторами знания, причины их расхождения и даже взаимоотрицания; снять ограничения лежащих в основе мировоззрения субъектов рационалистических и иррационалистических установок.

Философско-правовое измерение знания способствовало расшифровке социального контекста, в составе которого изучаемое знание развивается и которому оно старается соответствовать; формированию представления о конкретно-исторической тенденции, потребителем и последователем которой выступает данное знание; определению философской традиции, в русле которой культивируется уголовно-правовое знание.

Значительный объем философского знания и опыта, впервые вовлеченных в таком масштабе в исследование конкретной отрасли знания, позволил преодолеть его узкометодологическую и дисциплинарную обособленность; продемонстрировать эвристический потенциал философского измерения уголовного права, главный из которых состоит в его способности освободить науку этой отрасли права от множества целеполаганий, абстрагировать от точек расхождения субъектов знания и поставить на собственные бытийные начала; диагностировать наличие признаков кризиса знания и его внутренней потребности в философско-методологическом инструментарии, способном освободить науку уголовного права от укоренившихся в ней стереотипов и предубеждений.

В итоге диссертантом в масштабе всей работы реализована авторская концепция философско-методологического осмысления уголовно-правового знания, выступающая направлением научно-практической деятельности по познанию этого объекта как динамически развивающегося явления социальной действительности.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Исследование преимущественно носит теоретический характер. Его итоги расширяют горизонт отечественного правоведения и развивают философию отраслей права, которая уже продолжительное время недооценивается, находится в зачаточном состоянии и не получает научно обоснованного и достаточного импульса на развитие. За счет применения ранее остававшегося на периферии философско-методологического подхода получены выводы, существенно углубляющие познания об онтологических, аксиологических, гносеологических, экзистенциальных и социальных основаниях уголовного права, его феноменах и институтах.

Рассмотрение проблемного поля с отмеченных позиций позволило решить ряд крупных задач и при этом достичь прикладных результатов. К числу главных следует отнести выделение в уголовно-правовой сфере категории «знание». Проследить эволюцию этого феномена, выявить связанные с его генезисом издержки социального и политического плана. Определить структуру знания и состав питающих его источников. Выявить их узость и недостаточность, чтобы охватить и понять современный криминальный мир. Идентифицировать слабо пальпируемые дефекты действующей парадигмы уголовно-правового знания, создающие необеспеченные представления о его совершенстве, что приводит к исключению доступа отрасли к другим источникам информации и ограничению возможности регенерации знания.

Диагностике подвергнуты не только структура знания и состав его источников, но и состояние субъектов уголовно-правового знания. Обнаружение между основными воспроизводителями знания раскола во внутриотраслевых и межотраслевых взглядах на состояние действующего уголовно-правового порядка помогло вскрыть как латентную, так и основную предпосылку активно обсуждаемого в научно-практическом сообществе кризиса современного уголовного

права. Предложить средства по минимизации негативных последствий релятивизма, доминирующего в современной научно-практической культуре.

Референция современного уголовно-правового знания также создала условия для выявления находящихся в его базисе стереотипов и шаблонов, которые сегодня терпят кризис из-за достижения пределов и неспособности вместить в свои формы существующую и ежедневно зарождающуюся социальную практику. Используя онтологическое измерение традиций, лежащих в основе мировоззрения субъектов знания, были сняты ставшие привычными для него ограничения рационального и иррационального порядка, и появилась возможность перейти к философскому исследованию знания.

Благодаря потенциалу последнего, реализована очередная крупная задача по ревизии и существенной модификации представлений об уголовном праве и его основных феноменах. В частности, концептуально пересмотрены ставшие уже аксиоматичными знания о том, что есть уголовное право, как право, и в чем может заключаться его квинтэссенция.

Предложенная философско-правовая верификация уголовно-правового знания имеет практическое значение для каждого, особенно для тех, кто постоянно и профессионально пользуется уголовно-правовым инструментарием. Наряду с познанием гносеологических основ уголовно-правового знания исследователем сделан гармоничный вывод своих теоретических достижений в прикладную плоскость. Так, с помощью метафизики продемонстрировано, что современное уголовное право как наука и практика ограничивает реальность своего познания и не учитывают другие области жизни человека. Наличие иных модусов бытия и их введение в число объектов научного наблюдения в качестве эксперимента на страницах диссертации обнаружило условность и приблизительность эмпирических средств, традиционно используемых для оценки преступности и наказуемости деяний. Их неспособность выполнять поставленные задачи по конкретизации содеянного, персонификации ответственности и индивидуализации наказания.

Наряду с бытийным уровнем исследован конкретно-исторический этап формирования современного уголовно-правового знания, сопровождающийся

быстрорастущим уровнем информатизации мирового и российского общества. В связи с этим показано, что вслед за цифровыми технологиями были приумножены возможности человека, в том числе криминальные, он активно меняет свои представления о мире, прежде всего о времени и пространстве, которым действующий уголовно-правовой концепт с его исторически сложившимися представлениями о двумерной среде, не соответствуют. С учетом этого механистически устроенное уголовно-правовое мировоззрение неспособно распознать современные проявления криминала и его внедрения в виртуальную реальность, поскольку они построены на так называемых новых физических принципах, значительно увеличивающих силы преступного воздействия, снижающих издержки и расширяющих сферу криминального поведения, минимизирующих вероятность обнаружения виновного лица и жертв его посягательств.

Таким образом, цифровая эпоха актуализировала для теории и практики уголовного права необходимость поиска новых средств выражения этого регулятора и охранителя общественного уклада в жизни. Прежние уголовно-правовые механизмы не обеспечивают возможность присутствия этой отрасли в искусственных реалиях.

Углубленное изучение наследия основоположников некоторых философских направлений, прежде всего герменевтики и синергетики, показало их значительный и еще не вскрытый потенциал для правоведения в целом и уголовного права в частности. Предложены конкретные концептуальные разработки мыслителей, научно-практическое апробирование которых существенно преображает представления об уголовном законе, его изменившемся функциональном значении в процессе правоприменения. Обращается внимание на то, что конечное определение тому или иному уголовно-правовому запрету и событию дает не законодатель и закон, как продукт его деятельности, а субъект правоприменения. При этом не закон, а знание о событии происшествия и законе, которое вырабатывается в ходе коммуникации участников судопроизводства, служит единственно реальным и актуальным основанием уголовной ответственности.

Полученные результаты исследования содержат предложения по замене количественных на качественные способы измерения причиненного преступлени-

ем вреда, отличию общественной опасности деяния от общественной опасности преступления, минимизированию произвольного усмотрения в законодательных и правоприменительных практиках, обеспечению понимания отдельного поступка индивида исходя из всей совокупности «жизненных обстоятельств» автора уголовного закона.

Кроме того, полученные при исследовании результаты могут быть использованы для разработки научно-образовательных программ и учебно-практических курсов. Диссертация вносит вклад не только в теоретическое развитие уголовно-правовой парадигмы, но и в ее практическую модернизацию с целью обеспечения соответствия разработанных на ее основе институтов и механизмов разномасштабным социоправовым, политэкономическим, культурным и технологическим изменениям, которые происходят в сознании и поведении как отдельного человека, так и криминального мира в целом.

Материалы исследования могут быть применены в выработке рекомендаций для мониторинга социально-правовых процессов, предотвращения негативных последствий использования современных технологий социального управления и манипулирования.

Апробация работы и основные публикации по теме диссертации. Диссертация обсуждена на заседаниях сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, рекомендована к защите. Промежуточные результаты исследования обсуждались на заседаниях Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН (2016 г.), лаборатории модульных информационно-управляющих систем Института проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН (2017–2018 гг.), Центра исследования проблем безопасности РАН (2016–2018 гг.), лаборатории политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (2016–2019 гг.).

Итоги работы апробированы в выступлениях и дискуссиях на международных и всероссийских конференциях, в частности: Всероссийская научная конференция с международным участием «Уголовный закон XXI века: кого и что он должен защищать» (2019 г.), Всероссийская научная конференция с международ-

ным участием «Уголовный процесс: законность, объективность, справедливость» (2019 г.).

Под научным руководством диссертанта в 2017 и 2019 г. вышли в свет номера «Российского журнала правовых исследований» посвященные по его инициативе теме «Философия права и философия отраслей права». Издания получили положительные отзывы, высокую оценку среди практикующих и теоретизирующих юристов.

Основные положения диссертации прошли научную и практическую экспертизу в рамках следующих научных проектов: гранта РФФИ № 18-011-01232 «Состояние отечественной системы правосудия: взгляд изнутри на ее самостоятельность и независимость» (2018–2019 гг.); гранта РФФИ № 18-29-16151 мк «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий» (2018–2021 гг.).

Материалы диссертационного исследования опубликованы в виде монографий и научных статей; печатных материалах по итогам конференций. Общий объем работ, опубликованных автором по теме диссертационного исследования, составил более 55 п. л.

Структура работы. Структура работы соответствует целям и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих в себя в общей сложности 16 разделов, заключение и библиографический список. Все разделы структурно взаимосвязаны. Главы 1–3 имеют проблемно-методологическое значение для всей диссертационной работы. Их предназначение состоит в диагностировании состояния и в выявлении основной проблемы современного уголовно-правового знания. В связи с этим исследованы эволюция знания, а также положение истории, философии, научной и практической деятельности, в том числе социального опыта в структуре уголовно-правового знания как его источников. Главы 3–4 являются логическим продолжением раскрытия предыдущих тем. Их предназначение состоит в демонстрации значения для науки уголовного права философского знания, а также того методологического потенциала философии, который способен вывести право из кризиса.

Глава 1
Генезис отечественного уголовно-правового знания

Исследование феномена «знание» предполагает выяснение его значения и эволюции во времени, выявление присущих ему признаков, отличающих от таких терминов, как «наука» и «теория», в контексте которых понятие «знание» чаще всего используется. Сравнительное рассмотрение этих категорий может показаться простой задачей, так как представления о данных терминах кажутся общеизвестными, исходными, элементарными и почти бесспорными. Через эти категории и с их помощью происходит знакомство практически каждого интересанта с уголовным правом. Для широкого круга пользователей стали традиционными и общепринятыми представления об уголовном праве как о науке, учебной дисциплине, сфере законотворчества и правоприменения, области общественных отношений и институте государственного воздействия.

Если обратиться к истории описываемых дефиниций, можно обнаружить, что со времен обособления рассматриваемой области юриспруденции речь о ней в основном идет как об отрасли законодательства и науки. К числу классических и до сих пор не утративших значение относят определения, подразумевающие под термином «уголовное право», как писал А.Ф. Кистяковский, двоякий смысл. То есть дефиниции, понимающие под правом, во-первых, совокупность законов, относящихся к преступлениям и наказаниям, и, во-вторых, науку, которая исследует, определяет и излагает понятия о преступлении и наказании[27]. С возникновением социальной необходимости и развития общественного сознания формировались другие из перечисленных понятий.

Однако тема не лишена актуальности. Соотношению заявленных категорий друг с другом, определению подлинного масштаба и реальной емкости каждого из них уделяется меньше внимания, чем, например, раскрытию понятий «преступление» и «наказание». Умиротворенное восприятие науки и теории в качестве понятных и в должной мере уясненных юридической общественностью

---

[27] См.: *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 3-е изд. – Киев: Ф.А. Иогансон, 1891. – С. 1.

категорий привело к прямо противоположному результату, т. е. к их вытеснению на обочину науки. Внутренние мотивы и механизмы образования научных представлений, вопросы их эволюции в пространстве и во времени практически не исследуются. Но на этом издержки оставления явлений вне познавательного контроля не исчерпали себя. Следом наступило снижение строгости в применении отмеченных понятий, и слова «наука» и «теория» стали использовать как синонимы. Более того, снижение уровня дискуссии по вопросам методологического порядка привело к абсолютизации классической школы уголовного права, к ее отождествлению с теорией уголовного права и пониманию под ней наиболее полного, выверенного и в своем роде единственно правильного учения.

Таким образом, первая глава данного исследования имеет целью раскрыть историю становления российской науки во всей ее широте и глубине, а также на примере основных исторических этапов проследить эволюцию представлений о явлениях науки, теории и знании уголовного права.

1.1. Формирование уголовно-правовой науки в царской России

По убеждению профессора Императорского училища правоведения В.Д. Набокова, русская уголовно-юридическая наука очень молода и является ровесницей судебных уставов Императора Александра II (1864 г.)[28]. С судебной реформой Императора, как пишет М.П. Чубинский, связывали «вдвижение» «…в русскую жизнь, хотя и ограниченное тесными пределами, начало законности, а создание присяжных и выборного мирового института должно было приблизить народ к пониманию права и закона и поколебать его вековое недоверие к суду…»[29]. По мнению современников М.П. Чубинского, летоисчисление науки следует вести с оглашения в 1766 г. Наказа Екатерины II, представляющего собой философско-правовое произведение, подготовленное на основе трудов мыслителей эпохи Просвещения и излагавшее взгляды Императрицы на буду-

---

[28] *Набоков В.Д.* К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1915. – № 44. – С. 2780.

[29] *Чубинский М.П.* Кризис права и морали и пути к возрождению России. – Ростов-н/Д.: [б. и.], 1919. – С. 4; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть [Электронный ресурс]: учебник для вузов / Под ред. д-ра юрид. наук. В.С. Комиссарова, д-ра юрид. наук. Н.Е. Крыловой, д-ра юрид. наук. И.М. Тяжковой. 2-изд., стереотип. – М.: Статут, 2014.

щее российское законодательство и государственное устройство. Специалисты назвали ее «первым теоретиком российского уголовного права», поскольку она первой в истории российского правоведения подготовила научное произведение, «в котором были сформулированы основные начала уголовного права»[30].

Итак, исторические факты свидетельствуют о том, что вышеприведенные главы государства дали ощутимые толчки для развития уголовной юстиции не только на практике, но и в теории. Обстоятельства же, сопровождающие подготовку судебных уставов Александра II и Наказа Екатерины II, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что появление каждого из них обусловлено и острой практической потребностью, и существующей к тому времени теоретической подготовленностью, позволившей иначе посмотреть на сложившиеся в этой области проблемы средневекового происхождения. Присутствие в процессе познания уголовного права практического и теоретического элементов одним из первых подметил А.Ф. Кистяковский. Его восприятие отрасли в двуликом качестве привело к выводу о том, что эта отрасль как совокупность законов, обычаев и положений судебной практики познается и изучается двояко: путем практики и путем науки. Первое изучение есть практическое, второе – теоретическое. С учетом этого в своем учебнике по общему уголовному праву он сначала дал определение этому праву, а затем указал на время появления уголовного права как совокупности законов и как науки. Также ученый провел разделение науки уголовного права на общую и особенную части, объяснил ее связь с другими отраслями юридических наук и отношение к судебной медицине и психиатрии, определил значение для науки истории и статистики. Он также выделил наиболее главные черты и особенности науки уголовного права, а ее задачу увидел в исследовании, обобщении и систематизации понятий, относящихся к преступлениям и наказаниям.

Отдельно криминалист пояснил причины различия во времени появления уголовного права в качестве совокупности законов и в качестве науки. Они, по его мнению, заключены в различии свойств этих направлений человеческой де-

---

[30] Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. 1 / *А.В. Наумов* [и др.]; Под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016; Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования. 2016. – 711 с. – С. 678–688. – URL: http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/05-06-2018-1d.pdf

ятельности[31]. «Первое, – как объяснял А.Ф. Кистяковский, – создается непосредственно деятельностью человека, и даже на низших ступенях развития. Это есть один из самых бедных видов самозащиты в обширном смысле слова. Второе для своего создания требует значительной степени развития обобщающей и систематизирующей мыслительной способности человека: а такая способность составляет принадлежность человека высшей породы, чем каковой обладает человек дикого, полудикого или варварского состояния»[32]. Наука, подчеркивал юрист, является произведением высшего порядка и более стройных чувств человека.

Не двоякий, а троякий взгляд на науку уголовного права представил Н.Д. Сергеевский. После детального рассмотрения существующих точек зрения на состав науки и сведения их воедино он дал, как сам выразился, точное и содержательное определение уголовному правоведению как науки юридической. «Уголовное право, – по словам юриста, – есть наука о преступлении и наказании; задачей своей она имеет систематизацию, анализ и обобщение понятий о преступлении и наказании; материалом для нее служит уголовный закон в обширном смысле и его история; содержание ее образуется из изучения состава преступления, из учения об уголовном законе и из учения о наказании…»[33]. При этом цель науки уголовного права, по убеждению Н.Д. Сергеевского, состоит в даче руководства к составлению, пониманию и приложению на практике уголовных законов. То есть, как заметил Н.С. Таганцев, «в разработке руководства по судебной практике для подведения частных, в жизни встречающихся случаев под общее положение, выраженное в законе; руководства законодателю для правильного построения закона; подборе ключа к уразумению и оценке действующего права в его целом и частностях посредством изучения истории положительного уголовного права»[34].

---

[31] См.: *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 3-е изд. / *А.Ф. Кистяковский*. – Киев: Ф.А. Иогансон, 1891. Т. 1.

[32] *Кистяковский А.Ф.* Там же. – С. 5–6.

[33] *Сергеевский Н.Д.* Преступление и наказание как предмет юридической науки // Юридический вестник. – 1879. – Т. 2. – № 12. – С. 898; *Сергеевский Н.Д.* Избранные труды / Отв. ред. А.И. Чучаев. Серия «Право». – М., 2008.

[34] См.: *Таганцев Н.С*. Русское уголовное право: часть общая: лекции: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Государственная типография, 1902. – С. 11.

Отдельно Н.Д. Сергеевский обозначил, что свои выводы наука уголовного права должна основывать не на абсолютных идеях и не на положениях чистого разума, а на данных, добытых положительными науками. Как писал криминалист, «не в теориях и их создании должна заключаться наука уголовного права и ее прогресс, а в исследовании положительного материала. Не в каких-либо предвзятых идеях или представлениях, не в трансцендентных идеалах и математически размеренных утопиях должны мы искать основные положения уголовного права, а в действительной жизни человека и человеческого общества, в природе его и в законах его развития. <...> Иными словами, центр, около которого должна вращаться наука уголовного права, <...> состоит в изучении действующего уголовного права, т.е. уголовного законодательства в тесном смысле, затем обычного права, насколько оно является действующим правом, в двух его разветвлениях: как права народного и как обычая, вырабатываемого судебной практикой»[35]. При этом ученый отдавал отчет в том, что одним положительным правом наука не может ограничиться. Поскольку выделенный из своего прошлого и из современных ему сторон государственной и общественной жизни уголовный закон останется непонятен и мертв, то необходимыми условиями для прогресса науки должны быть признаны: 1) национальное направление, предполагающее изучение закона и возможность его применения в условиях конкретных народных обычаев и симпатий[36]; 2) сравнительный метод, требующий не закрывать глаза перед всем не русским; 3) исторический метод, предусматри-

---

[35] *Сергеевский Н.Д.* Преступление и наказание как предмет юридической науки... – С. 898.

[36] По этому поводу юрист также писал, что «с точки зрения криминалиста-философа, кража лошади ничем не отличается от кражи коровы, собаки, воза с хлебом, суммы денег и т.д. С точки зрения человека, знакомого с действительными условиями русской жизни и со старым русским правом, конокрадство будет более преступно, чем даже кража со взломом, и это будет совершенно справедливо: человек, похищающий лошадь у земледельца, знает, что этим обрекает его на разорение и голод; наоборот, человек, похищающий со взломом деньги, лишает владельца только той суммы, которую этот последний сохранял при себе в наличности; похищающий же со взломом какой-либо иной вещи или, что чаще всего бывает на Руси, одежду и съестные припасы, совершает действие еще менее зловредное, еще менее опасное. Таких несвоевременных уклонений от старого русского образца мы найдем немало в уложении; источник всех их – все те же субъективно созидательные стремления и отсутствие народного элемента в законодательных работах». (См.: *Сергеевский Н.Д.* Философские приемы и наука уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права: январь и февраль: издание Санкт-Петербургского юридического общества. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1879. Кн. 1. – С. 85.)

вающий необходимость не охранения устаревшего материала, а выяснения того органического и в то же время твердого принципа, в силу которого из прошлого сложилось и получило развитие настоящее; 4) межотраслевой подход, не позволяющий выделять уголовный закон из других областей права и рассматривать его совершенно изолировано от них[37].

Дополнительно нужно отметить, что главный посыл Н.Д. Сергеевского о положительном происхождении и качестве науки уголовного права состоял в ее противопоставлении философским направлениям и приемам, способным, по его убеждению, не только к крупным логическим построениям, но и к выдвижению десятков «… более мелких изобретений, которые вырастают и пропадают в доктрине как метеоры или, вернее, как мыльные пузыри, не оставляя после себя ничего, кроме недоразумений»[38]. Эти «пузыри» или, как их еще называл ученый, «родные дети философии», к его сожалению, рассеяны в учебниках и монографиях, а также заслуженно выработали к себе отрицательное отношение со стороны юридической практики. Правовед соглашался по этому поводу с позицией немецкого ученого А. Шютца и в подтверждение обоснованности своего взгляда цитировал его слова о том, что «практика видит в доктринальных построениях карточный дом, воздушный замок, или массу дождевой воды, которая образует грандиозное озеро весною и пропадает бесследно летом. Горький опыт сделал практику недоверчивой, чтобы не сказать запуганной»[39].

Таким образом, Н.Д. Сергеевский предлагал отречься от философии, которую он сравнивал с великаном, принесшим не только много вреда, но и много хорошего. Он не считал возможным превращать науку уголовного права в практического комментатора к кодексу. Вслед за Ф.К. Савиньи Н.Д. Сергеевский предлагал основывать ее на исторической площадке. Без нее, как выражался пра-

---

[37] Ученый дополнительно отмечал, что «выделить уголовный закон от других областей права и рассматривать его совершенно отдельно, изолированным нет никакой возможности; возьмем любую статью уложения и мы увидим, что действительное ее понимание возможно только тогда, когда нам предварительно известен целый ряд определений гражданского и государственного права. Начинать изучение юриспруденции с уголовного права буквально немыслимо; ему должно предшествовать гражданское и государственное право». (См.: *Сергеевский Н.Д.* Философские приемы и наука уголовного права... – С. 80.)

[38] *Сергеевский Н.Д.* Философские приемы и наука уголовного права... – С. 39–87.

[39] *Schütze.* Notwendige Theilnahme Am Verbrechen. 1869.

вовед, юридическое знание может быть пригодно лишь для канцелярской службы в судах. В силу отмеченных свойств криминалист подчеркивал, что уголовное право в полном смысле этого слова является одной из юридических наук, которая противопоставляется наукам социальным. При этом на фоне исследования природы и содержания социальных дисциплин, в том числе социологической и антропологической, ученый определил, что наука уголовного права в большей мере искусство, чем наука, так как наука ставит перед собой задачу исследования и формулирования законов, управляющих внешней природой и развитием человеческого общества. Вместе с тем ученый отмечал, что необходимым продолжением науки является искусство, которому наряду с другими отраслями юриспруденции служит уголовное правоведение. «Искусство опирается на науку и, в свою очередь, наука не будет приведена к своей конечной цели без искусства. Наука исследует законы явлений, искусство пользуется их познанием для практических целей»[40]. Наукой уголовное право является лишь в том случае, когда обращается к более широкому пониманию науки и подразумевает под ней знание и организованное исследование.

Вопрос о науке и теории уголовного права Н.С. Таганцев отдельно не поднимал и в лекциях по русскому уголовному праву целенаправленно не выделял. Ученый использовал эти категории в контексте различных тем и с позиции методов их разработки. Наиболее часто они встречаются в первом параграфе лекций Н.С. Таганцева – «Уголовное право, его содержание и разработка». В этом параграфе он дал близкое к представлению А.Ф. Кистяковского определение науки. С сохранением специфики своего подхода Н.С. Таганцев писал, что «уголовное право, как одна из юридических наук, должно иметь своим предметом изучение преступных деяний как юридических отношений»[41]. Вместе с тем это убеждение о науке, которое до последнего времени, как отмечал юрист, считалось сакраментальным, начало пересматриваться. В связи с формированием в XVIII–XIX вв. других отраслей науки и ростом

---

[40] *Сергеевский Н.Д.* Преступление и наказание как предмет юридической науки... – С. 890.

[41] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. 2-е изд. – СПб.: Государственная типография, 1902. – С. 8.

их значения появились, по его наблюдениям, голоса против суживания задачи изучения. Стали высказываться требования поставить в науке уголовного права на первый план не юридическую, а социально-антропологическую сторону.

Проанализировав все попытки замены уголовного права уголовной социологией и антропологией, ученый пришел к выводу, что такое трансформирование приведет к полному упразднению уголовного права как науки юридической. Юристы не смогут черпать сведения о том, что и как запрещается законом под страхом наказания, а социологи и антропологи потеряют свою почву, утратят признаки, выделяющие предмет их исследования из области социологии и антропологии вообще. Наряду с этим Н.С. Таганцев считал не заслуживающей внимания и подлежащей отвержению инициативу по соединению в одну единую науку социологического, антропологического и юридического исследования преступления и преступника, поскольку это «…теоретически не соответствовало бы основным началам классификации отдельных отраслей знания, а практически послужило бы только к взаимному вреду разработки этих отдельных отраслей исследования, так как они разнятся и по методам, или приемам изучения материала, и по преследуемым ими целям»[42].

После знакомства с трудами, в особенности с работами по уголовной социологии, ученый убедился в том, что они необходимы для криминалиста. Развитие этих направлений обусловливает прогресс уголовного права, констатировал Н.С. Таганцев. Поэтому изучение преступления как социального явления и антропологическое изучение преступника, по его утверждению, должны составлять отрасли знания, восполняющие уголовное право как юридическую науку, а не сливающиеся с ним, являясь составными частями самостоятельных наук – социологии и антропологии. По словам криминалиста, изучение отмеченных сторон преступности не может устранить необходимость и важность изучения преступного деяния с юридической точки зрения[43]. В этой связи Н.С. Таганцев объяснял, что предметом курса уголовного права должно быть изучение юридической конструкции преступных деяний и вызываемой ими карательной деятельности госу-

---

[42] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право... – С. 9.

[43] См.: Там же. – С. 14–15.

дарства, изучение совокупности норм, определяющих наказуемость преступных деяний, а предметом курса русского уголовного права – изучение действующих в России постановлений о преступных деяниях и их наказуемости как вообще, так и в отдельных родах и видах. Поэтому предметом уголовного права и центром изучения является преступное деяние, а не преступность, и деятельность личности, а не сама личность[44]. К составу науки уголовного права ученый отнес еще вопросы о методах изучения институтов преступления и наказания. Также он отметил, что «этот вопрос имеет основное притяжение к общей теории права, так как уголовное право не представляет чего-либо исключительного, что в литературе именно по этой отрасли с большей рельефностью, чем в источниках иных отраслей правоведения, выразилась борьба двух противоположных способов исследования: метафизического, и положительного»[45].

В ряде случаев Н.С. Таганцев упоминает и использует в тексте своих лекций по русскому уголовному праву категорию «знание». В одном месте он указывает на то, что знание может отвратить гражданина от преступления. Наличие знания позволяет ему пользоваться в безопасности своей свободой и своим имуществом, в чем собственно и состоит цель соединения людей в обществе. Знание также позволяет создать твердо определенные законы, которые дают возможность каждому гражданину точно рассчитать неудобство дурного деяния, а судьям не увлекаться «обманчивым непостоянством произвольных толкований»[46]. Кроме того, правовед еще раз напомнил ту цель, которой должно служить использование знания. «Знание необходимо только для правильного закономерного применения уголовного закона, а не для его устранения и замены». Судья, несмотря на запрещенность деяния законом, не может признать такие деяния ненаказуемыми, ссылаясь, например, на обычай, под влиянием которого оно совершено. Судья, отмечал Н.С. Таганцев, конечно, должен быть знаком с бытовыми чертами своего народа, но знание о суевериях последнего могут «быть причиной уменьшения наказания, а не являться условием безнаказанности».

---

[44] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. – СПб.: Государственная типография, 1902. – С. 16.

[45] См.: Там же. – С. 18.

[46] См.: Там же. – С. 182.

Ученый указывал еще и на то, что научная разработка права не относится к правопроизводящим источникам. «Теоретик, исследующий право в литературе или путем устного преподавания с кафедры, анализирующий жизненные проявления юридических отношений, исторически накопившийся материал народно-обычного права, судебные решения и положения закона, сопоставляющий их с данными чужеземного права, возводя эти данные к общим принципам или, обратно, расчленяя существующие правовые положения путем дедуктивным, и в том, и в другом случае, конечно, не только дает материал для существующего права, не только разъясняет недоразумения, указывает неполноту, но и создает или устанавливает правовые положения, могущие пополнить структуру права. Но и эти результаты научной работы не могут быть признаваемы, по крайней мере в области уголовного права, теми юридическими нормами, которыми непосредственно определяется область запрещенного или дозволенного, каким бы научным авторитетом ни пользовался данный исследователь права; современное уголовное право не допускает ссылку на мнение правоискусников как на основу, а не на пособие при установлении ответственности за учиненные деяния. Такого рода изыскания и работы могут быть только материалом для законодателя при реформе или созидании законов уголовных»[47].

Расширенного взгляда на науку уголовного права придерживался М.В. Духовской. Здесь следует отметить, что в своей лекции он не дал определение науки уголовного права, а сразу приступил к постановке ее задачи. С помощью такого методологического приема, по признанию самого юриста, он одновременно попытался определить содержание науки рассматриваемого права и пришел к выводу о том, что уголовное право должно заниматься исследованием преступления как аномального явления общественного строя, изучением причин этого деяния и установлению средств для его искоренения. Вследствие этого он считал «неверным взгляд на уголовное право как на науку, изучающую только преступление и налагаемое за него наказание». В подтверждение своей правоты криминалист сравнил уголовное право с медициной. Как медицина лечит больной организм человека, так и уголовное право делает то же с общественным строем, избавляет

---

[47] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право... – С. 140.

от преступления, которое есть не что иное, как болезнь в правильной общественной жизни. «Поскольку такое сравнение уместно, – писал М.В. Духовской, – то несправедливо лишать науку уголовного права одной из задач, стоящей перед медицинской наукой. Не только лечить уже заболевший организм, но и изучать болезнь, побудившие ее причины и указывать средства, предотвращающие появление болезни. В этом плане уголовное право также должно изучать преступление, узнавать причины его появления и указывать государству средства, годные к предупреждению этого явления»[48].

Существенное внимание науке уголовного права уделил В.В. Есипов. Во введении к своему очерку русского уголовного права автор первое и ключевое место отвел главе под названием «Наука уголовного права», где он рассмотрел историю ее становления и опыт изучения самой науки. Анализ науковедческих вопросов, т. е. состоятельности сложившихся к тому времени научных школ и предлагаемых ими исследовательских программ, позволило юристу непроизвольно и нешаблонно определить структуру своего очерка (по сути – самого уголовного права). Выявив односторонности и другие недостатки уголовно-антропологического и уголовно-социологического направлений, правовед пришел к выводу, что «истина лежит на рубеже старых и новых взглядов, и к умозаключению о том, что уголовное право есть наука о преступлении и преступнике, о наказании и наказуемом»[49].

В последующих изданиях своего очерка В.В. Есипов существенно скорректировал взгляд на науку. Сначала признал механическим определением прежнюю и широко распространенную точку зрения на науку уголовного права как науку о казнях. Заявил о том, что в наказании должно видеться не только грубое и бесполезное возмездие за проступок, но дальнейшее препятствию к совершению зла. Затем привнес в понятие о науке «дух времени»: «Наше время требует не механического подведения данного преступления под известную статью уголовного закона, оно требует гуманности прежде всего; она стоит под знаменем цивилизации и первая неотделима от второго. <...> Принимая во внимание эту

---

[48] См.: *Духовской М.В.* Задачи науки уголовного права. Вступительная лекция, читанная 3 октября 1872 года // Временник Демидовского юридического лицея. – Ярославль: Тип. Губернского правления, 1873. Кн. 4. – С. 220–252.

[49] См.: *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая: преступление и преступники. Наказание и наказуемые. 2-е изд. – СПб.: Типография Н.В. Васильева, 1898.

гуманитарную точку зрения, – подытожил В.В. Есипов, – мы можем сказать, что наука уголовного права не есть наука о казнях, не есть наука о способах возмездия и наказаниях. Это прежде всего наука о человеке, наука о способах возрождения нравственно падшего человека»[50].

Для правильного понимания того, что есть наука, и из чего она складывается, важно обратить внимание на кратко описанные ученым исторические предпосылки и условия, предшествовавшие ее становлению. Речь идет в первую очередь о сознании народа как месте рождения и памяти как постоянном месте жительства уголовного права, в прежние времена не требующие его обработки из-за простоты жизнедеятельности. Для обозначения наглядности и очевидности уголовных правонарушений было достаточно чувства обиды и «… нескольких слов для напоминания тех общих требований, без которых было невозможно правильное общежитие»[51]. Усложнение социального бытия и движение его участников от индивидуальных форм существования к коллективным требовал перехода от чувства к разуму, от инстинкта к сознанию. Развитие разумных начал общественного устройства влекло проведение обработки уголовного опыта и появлению цельных кодексов.

Пристальное внимание науке уголовного права уделил М.П. Чубинский. При вступлении в тему он обозначил, что наука в целом есть отражение жизни человечества и всякие попытки изолировать ее от жизни всегда вели к упадку и омертвению науки. Вслед за жизнью и ее запросами «наука уголовного права пережила ряд формаций, изменяясь как по своей форме, так и по содержанию»[52]. Теории и гипотезы питают науку, а борьба старых взглядов и мнений с новыми контртеориями и контргипотезами образует источник бесконечного прогресса науки. Более об источниках и о существе науки ничего не было сказано.

В основном юрист сосредоточился на вопросах реформирования пределов и задач науки уголовного права. На фоне развернувшейся дискуссии выбрал компромиссную позицию и занялся примирением крайних взглядов, не желавших

---

[50] *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая: преступление и преступники. Наказание и наказуемые. 3-е изд., доп. – М.: Издание книжного магазина «Правоведение» И.К. Голубева, 1904. – С. 11; *Таганцев Н.С.* Курс уголовного права. – СПб., 1902.

[51] Там же.

[52] См.: *Чубинский М.П.* Наука уголовного права и ее составные элементы // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – № 7. – С. 97–166.

давать должное место в науке, с одной стороны, юридическому, а с другой – политическому и этиологическому элементам[53]. М.П. Чубинский заявил о том, что юридическое изучение преступления и наказания необходимо. Разделил позицию принципиальных защитников «… строго-юридической постановки науки уголовного права – целого ряда старых, а отчасти и новых криминалистов (Биндинг, Гелыннер, Мейер, Меркель, Григорович, Вульферт, Мари, Петит и др.), а также Н.С. Таганцева и Н.Д. Сергеевского, которые считали, что расширять рамки науки уголовного права нельзя, ибо она в таком случае потеряет свой юридически характер»[54].

В то же время М.П. Чубинский обозначил, что юридическое изучение не должно оставаться единственным, ибо не признавал «науки для науки и не видел ничего сакрального в существующей обрисовке пределов ведомства» разных наук. Он поддержал идеи М.В. Духовского, Ф. Листа, Ф. Пионтковского, Е.Д. Синицкого, Э. Ферри, И.Я. Фойницкого и др., выступавших за действительный компромисс, основанный на обоюдных уступках спорящих сторон в понимании истины. М.П. Чубинский соглашался с замечаниями Н.А. Бернштейна и ратовал за эклектизм, так как, по его пониманию, он являлся «естественной реакцией против доктринерского стремленья выводить все из одного положения или обсуждать все по одному и тому же методу». Ученый выражал уверенность в том, что «наука уголовного права, имеющая дело со сложным феноменом преступности, требует столь же сложной и разносторонней научной разработки»[55].

Иначе поступил в своем курсе русского уголовного права П.П. Пусторослев. Первоначально юрист дал предварительные сведения о материальных и духовных потребностях человека, стремлениях к их удовлетворению, условиях жизни, государстве и праве. Обнаруживая свой мировоззренческий подход, высказал мысль, что «государство было первым и навсегда осталось единственным творцом права»[56]. Заявил о культурном государстве и высшем руководящем принципе его общественной деятельности – поддержание и увеличение всесто-

---

[53] См.: *Чубинский М.П.* Наука уголовного права и ее составные элементы // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – № 7. – С. 97–166.

[54] Там же. – С. 134.

[55] Там же. – С. 97–166.

[56] *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право: Общая часть. Вып. 1. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. – С. 5.

роннего народного благосостояния, материального и духовного. Затем дал определение уголовному праву в прямом смысле этого слова. После этого перешел к раскрытию своих представлений о науке уголовного права, ее методе и составе, в который, по его убеждению, входят история уголовного права, догма уголовного права и уголовная политика.

Под наукой уголовного права ученый понимал «систематическое учение о принципах уголовного права, его историческом развитии, его современном состоянии, его отношении к потребностям и условиям народной жизни и его усовершенствовании»[57]. Единственным строго научным приемом разработки уголовного права он считал позитивный, или положительный метод. Этот метод, как полагал юрист, состоит в изучении действительности посредством наблюдения и опыта и составляет о ней представления и понятия с помощью индукции и дедукции с неуклонным соблюдением требований логики.

Плодотворный итог дореволюционной дискуссии подвел С.П. Мокринский в своей работе о системе и методах науки уголовного права. Однако на этом ученый не остановился. Он показал высокий и строгий пример научной дискуссии и на этой почве сделал прорыв в уже исчерпавших себя рассуждениях о науке. С одной стороны, обратил внимание на известную и длительно развивавшуюся дискуссию о составе науки уголовного права, о возможности и целесообразности включения в ее состав социологического, политического, антропологического и биологического аспектов. С другой стороны, не стал повторяться, примыкать к одной или другой точке зрения, заниматься примирением или разведением по сторонам авторов существующих мнений. Он понимал, что науку как сложный конгломерат юридических и социологических дисциплин нельзя относить ни к юридическим, ни к социальным, так как в таком случае от науки ничего не остается, а только сохраняется условное и техническое обозначение группы разнородных наук, объединяемых в дидактических целях. Поэтому юрист один из немногих, кто по вопросу о науке обратился к основам самой науки – к теории познания и с ее позиций постарался определиться в аспектах темы, которые благодаря рукотворным усилиям специалистов, подходившим к познанию

---

[57] *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право... – С. 14.

проблемы в ином методологическом порядке, приобрели коллизионный и в определенной мере неразрешимый характер[58].

С позиции гносеологии правовед обозначил, что право в целом и уголовное право в частности можно изучать с различных позиций. Когда право становится объектом познания, замечал С.П. Мокринский, исследователь должен учитывать, что в самую первую очередь он оперирует не явлением социальной жизни или ее продуктом, а категорией мышления, проблемы которого обычно в правоведении не рассматриваются. В связи с этим, писал ученый, «юрист изучает право не как элемент сущего, не как частицу реальной действительности, но как нечто, лежащее вне действительности, относящееся к совершенно иной сфере человеческого сознания, – как непосредственное выражение должного»[59]. Результаты его научной работы представляют знание, которое является уже не юридическим, а социологическим, становится продуктом человеческой деятельности и, естественно, несет на себе отпечаток индивидуальности производителя и носителя уголовно-правового знания. Поскольку право имеет отношение к иной области сознания, то закономерно, что вне сферы уголовного права лежат уголовные антропология и социология, учения о биологических и социальных факторах преступности. Эти дисциплины не исследуют право, отмечал ученый. Даже соприкасаясь с правом, они рассматривают только биологические или социальные факторы, лежащие в основе тех явлений, борьба с которыми составляет задачу права. Тем не менее изучение этих факторов обязательно, «так как нельзя бороться с нежелательным явлением, не зная его причин <…>. Но отсюда, – уточнял правовед, – еще не следует, чтобы можно было этиологию преступности рассматривать как отрасль науки уголовного права»[60]. Для консолидации научных усилий он предложил использовать категорию уголовно-правового знания, предполагающую возможность включения и комбинирования в себе разных рубрик.

Ученый еще отметил, что именно предмет науки и его свойства ставят перед наукой соответствующие задачи. В связи с этим он выделил и к задачам науки

---

[58] См.: *Мокринский С.П.* Система и методы науки уголовного права // Вестник Права. – 1906. – Кн. 3. – С. 21–53.

[59] Там же. – С. 22.

[60] Там же.

уголовного права отнес: описание действующего права, построение должного права и оценку действующего права согласно имеющимся у субъекта представлениям о должном. Для разрешения этих задач, т. е. для описания, оценки и созидания права, исследователь воспринимает право не произвольно, а строго в определенном парадигмальном формате. То есть, писал криминалист, «либо как чисто логическое построение, либо как систему понятий. Или как средство к достижению произвольно полагаемых целей, или, наконец, как проявление абсолютного, непререкаемого идеала жизни, как воплощение нравственного императива, как осуществление безусловно должного»[61]. Метод, применяемый в первом случае, он назвал догматическим, во втором – политическим, в третьем – нормативно-этическим. Три задачи и три метода, приложимые к разрешению задач, дают в общем девять сочетаний, подсчитал правовед. Но всего лишь трем комбинациям задач и методов науки права С.П. Мокринский придал «… особенно важное практическое значение: догматическому описанию, политическому построению и моральной оценке права, или, короче, его догме, политике, этике»[62].

Во многом невольное развитие ряда тем, поднятых С.П. Мокринским о характере научного знания и влияющих на его генезис факторах, происходит в ходе дискуссии, развернувшейся на страницах еженедельной юридической газеты «Право», выходившей в свет в Петрограде. Речь идет о полемике между В.Д. Набоковым, А.А. Жижиленко, П.И. Люблинским и другими учеными, которые напрямую и в широком, т. е. нетрадиционном плане вопросами гносеологического порядка не задавались. Но вынужденно для себя о них высказались, когда в 1915 г., в период развернувшейся Первой мировой войны, попытались выяснить перспективу русской науки уголовного права. Находясь под глубочайшим впечатлением от трагических последствий этого социально-политического и военного события и приурочив к нему свои поиски, ученые подтвердили мысль С.П. Мокринского о том, что уголовно-правовое знание является по своему составу не только юридическим, но и социологическим.

Задаться вопросом о будущей ориентации русской науки уголовного права В.Д. Набокова заставили, как он сам признался, колоссальные изменения в поли-

---

[61] *Мокринский С.П.* Система и методы науки уголовного права... – С. 27.

[62] Там же.

тических и социальных условиях жизни европейских народов, связанных с войной, беспримерной по своему объему, кровопролитию, размерам затронутых ею интересов. По сути, ученый говорил о появлении новой и до сих пор небывалой реальности, к возникновению которой ведут все трагические события войны, решительно оставляя на долгое время неизгладимые следы во всех областях, в том числе в психике и духовной жизни захваченных народов[63]. Так как инициатором войны была Германия, то все германское оказалось под пристальным вниманием и сомнением. Даже ставшие классическими произведения в различных сферах немецкого искусства, не утратив своего великолепия и очарования, начали вызывать к себе недоверие, поскольку, как отмечал криминалист, они несли на себе отпечаток германского духа[64]. Во всяком случае, теперь их воспринимают иначе. Идейное значение немецких художественных творений вызывало переоценку[65].

Процесс переоценки, заметил В.Д. Набоков, коснулся науки, тем самым обозначив влияние аксиологических установок на наполнение науки и формирование ею своих приоритетов. «Если в свете переживаемых великих событий меняют свой смысл и свое значение в наших глазах произведения искусства, – если эти перемены касаются даже бессмертных произведений, каким является

---

[63] См.: *Набоков В.Д.* К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права... – С. 2773–2790.

[64] «В них сказались, – писал В.Д. Набоков, – особенности германских взглядов, поскольку они дух от духа и плот от плоти современной Германии, – постольку они нам духовно чужды и противны, и, неизбежно, в силу психологической необходимости, значение их перестает быть живой, творческой силой в нашем сознании. Если угодно, то и здесь имеется переоценка ценностей, только не объективная, а субъективная». (См.: *Набоков В.Д.* Там же. – С. 2775.)

[65] Набоков В.Д. признавал, что «это произведения вечные, так сказать, общечеловеческие. Они вошли в общую сокровищницу мировых достижений, и всякие попытки вырвать их оттуда, оставаясь безуспешными, свидетельствовали бы только о полном обскурантизме авторов этих попыток. <...> И все же немцы сами виноваты в запустившейся переоценке ценностей. Поскольку ответное на их злодеяния чувство искренно, то оно естественно и законно … побуждает нас теперь и, может быть, надолго – обходить те произведения германского художественного творчества, на которых ясна и ощутима печать национального гения. <...> Мы стали более чуткими к истинному значению многого, мимо чего мы раньше проходили без внимания. И потому мы начинаем яснее сознавать ту грань, которая отделяет истинное величие старых мастеров от ходульной напыщенности современников, с их стремлением к “колоссальному”, так легко переходящим в безвкусие и крикливость. Это отсутствие чувства меры, эта погоня если не за грандиозным, то за громадным, предназначенным бить в нос и свидетельствовать о величии германского духа, германской науки, не чувствуются ли эти черты и в творчестве таких современных немецких композиторов». (См.: *Набоков В.Д.* Там же. – С. 2775–2776.)

“Фауст”, то можно ли, однако, говорить о чем-либо подобном в области науки?», задавался вопросом ученый и отвечал: наука едина и общенациональна. В его понимании наука представляет собой сумму «объективно-достоверных и систематических знаний о действительных явлениях со стороны их закономерности или неизменного порядка», пополняется усилиями человеческого ума и растет непрерывно, обогащаясь благодаря творчеству всех цивилизованных наций. «Науки исторические, филологические, философские в широком смысле слова, – писал криминалист, – равным образом пополняются из общей сокровищницы человеческой мысли».

Таким же образом ученый высказался о юриспруденции, заметив при этом, что в отличие от иных отраслей человеческого знания, в правоведении естественно и законно проявляются национальные черты каждого народа[66]. Затем В.Д. Набоков обратил внимание на то, что эта область может подвергаться различным влияниям и обратился к вопросу о «немецком засилье» в русской науке уголовного права. Он отметил и осудил факты участия немецких ученых, случайно попавших в Россию и ничего не знавших о ее народной жизни, в систематизации и составлении отечественного уголовного законодательства[67], критически оценил деятельность русских государственных деятелей, которые, как правило, не давали должной оценки отечественному законодательству, а порой называли его варварским и бесполезным. В свою очередь уголовно-правовую мысль характеризовали как беспочвенную, хаотичную и скудную. Защищая последнюю, ученый объяснял, что научному творчеству «… неоткуда было взяться, поскольку народная мысль была скована рабством и невежеством, а тонкий слой наружной

---

[66] «Само право, – уточнял юрист, – есть общечеловеческое, но и всегда национальное, явление в своем внешнем выражении. Юридические доктрины, правовое творчество в форме законодательства, право-политические воззрения – на всем этом сказываются национальные особенности. Здесь мы выходим из круга одних только систематизированных положительных знаний и вступаем в область духовного творчества, этических учений, создания право-политических идеалов». (См.: *Набоков В.Д.* К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права. – С. 2777.)

[67] Иностранные специалисты, по мнению ученого, не учитывали, в частности, то, что «язвой русской жизни в течение всей первой половины прошлого века были не столько плохие законы, сколько бессудие и кривосудие, безобразное лихоимство судей, безобразные процессуальные порядки». Их законодательное творчество не преодолевало принципиального разрыва с положительным правом, исторически сложившимся и имевшим корни в народной жизни. (См.: *Набоков В.Д.* Там же. – С. 2780.)

культуры был насквозь проникнут подражанием»[68]. Во всяком случае, утверждал юрист, о «немецком засилье» не приходится говорить, так как немцы не навязывались. Эту роль отводили и навязали им «наши же государственные люди»[69].

Тем не менее, признавал правовед, нельзя отрицать большого влияния немецкой мысли на русскую науку, которое до сих пор остается преобладающим. Так как русская уголовно-юридическая наука молода и является ровесницей судебных уставов Императора Александра II, не представляла ни самостоятельной разработки права, ни оригинальных теоретических воззрений, то ее истинные основатели – крупные научные силы – В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, А.Ф. Кистяковский, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов – были вынуждены в своих трудах отдавать дань германской научной мысли[70]. «Германские университеты, – писал В.Д. Набоков, – оставались своего рода Меккой русских криминалистов». Поэтому, подводил он итог, «огульно-отрицательное отношение к влиянию немецкой науки было бы равносильно приговору над нашей собственной наукой в лице ее виднейших представителей в прошлом и в настоящем». Вместе с тем при попытке ответить на вопрос о будущем русской науки уголовного права ученый занял противоположную позицию. Он постарался дать себе отчет в том, какие сложатся взаимоотношения с научной мыслью Германии под влиянием пережитых и еще ожидаемых событий, и по итогам заключил: «… нам с ними не по пути, общение с ними в научной работе для нас невозможно». Перемена в отношениях, полагал криминалист, должна ближайшим образом проявиться в двух направлениях.

---

[68] См.: *Набоков В.Д.* К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права... – С. 2780.

[69] «Трудно было ярче проявить презрение к своей стране, к ее правосознанию, к ее обычаям и нравам», с сожалением отмечал В.Д. Набоков. «Обо всем этом совершенно не думали. Немец оказался под рукою – этого было довольно…». (См.: *Набоков В.Д.* Там же.)

[70] «Общая теоретическая разработка уголовного права в то время, как и позже, сосредоточивалась преимущественно в Германии <...> по сравнению с немецкой базой французская литература насчитывала несколько выдающихся и замечательных трудов. Но эти труды имели главным образом комментаторский характер. Английской догматической литературы не существовало вовсе. <...> А рядом с этим, Германия поражала богатством и разнообразием своей литературы, множеством работ конструктивно-догматического и критического характера, кипучей жизнью университетов, общением выдающихся ученых, привлекавших многолюдные аудитории. Для юных русских научных деятелей не было выбора. Их взоры должны были обратиться в сторону Германии, там они и довершали свое образование, черпали основные учения уголовно-юридической догматики». (См.: *Набоков В.Д.* Там же. – С. 2780.)

Во-первых, надо искать иные университета для паломничества и других ученых для наставничества. Во-вторых, должны произойти изменения в форме научного общения, проявляющейся в научных конгрессах, из числа участников которых Германия должна выбыть. Это, полагал В.Д. Набоков, ближайшие внешние последствия того разрыва с Германией, который явится неизбежным последствием войны. Отразится на ходе научной работы и внутреннее отрешение от германской науки, вызываемое разочарованием в ее этических основаниях. Использование результатов научной работы Германии будет продолжаться, но к оценке этих результатов будут подходить несколько иначе. Возникнет потребность в усилении «… самостоятельного творчества и разработке жизненных вопросов уголовного права и политики. Это и есть конечный вывод всего изложенного хода мыслей. Если в применении к науке нельзя говорить о немецком засилии, – подводил итог ученый, – то можно – до некоторой степени – жаловаться на немецкую планету, в которой находилась наша научная мысль в области юриспруденции вообще и уголовно-юридической науки в особенности»[71].

В своей ответной статье А.А. Жижиленко постарался предостеречь читателей от спешного одобрения позиции В.Д. Набокова. В этой связи он заявил о том, что «нельзя при оценке влияния немецкой науки, с одной стороны, игнорировать историческую перспективу и отчасти ее преувеличивать, с другой – умалять значение немецкой науки, как таковой, находя ее дефекты там, где их едва ли можно усмотреть, ... так как отечественные криминалисты – по преимуществу ученики немецких ученых. Нет ни одного вопроса теоретического характера, – настаивал ученый, – при разрешении которого мы могли бы обойтись исключительно при помощи нашей науки: нам постоянно приходится обращаться к иностранной литературе и в первую голову к немецкой»[72].

Вместе с тем правовед полагал необходимым «… учитывать, что русские криминалисты, даже находясь под преобладающим влиянием немецкой науки, не следовали ей рабски во всем и вносили немало своего в решете тех или иных

---

[71] *Набоков В.Д.* К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права... – С. 2790.

[72] *Жижиленко А.А.* К вопросу о прошлом и будущем русской науки уголовного права // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1915. – № 45. – С. 2866.

вопросов»[73]. По ряду тем они не подчинялись общему направлению немецкой науки и господствовавшим в ней течениям в решении вопросов, а выставляли свою оригинальную теорию, с которой немецкая наука считалась. Также ученый отметил, что русское законодательство XIX в. развивалось вне всякого отношения к работам немецких ученых, а в тех случаях, когда они принимали участие в разработке законодательных положений, их проекты составлялись на основании скрупулезного изучения русского положительного права.

После рассмотрения и отклонения аргументов В.Д. Набокова криминалист призвал все же признать несомненным «огромную ценность работ немецких ученых в области теории уголовного права». Их преимущество заключалось в разработке теоретических основ уголовного права, которыми главным образом занимались немецкие юристы. «Этому посвятили они свои силы и таким путем создали современную науку уголовного права». Работы немецких ученых по кардинальным вопросам науки «во многом являются образцовыми по глубине анализа, по всесторонности исследования затронутой темы, по новизне высказанных взглядов». «Никакая другая национальная наука, – дополнил ученый, – не в состоянии в данном отношении конкурировать с немецкой наукой».

В силу отмеченных качеств немецкой науки правовед считал, что «переживаемое нами в настоящее время озверение нравов, вызванное войной, и вполне естественное в связи с этим озлобление масс против врага, не продлятся вечно. Они, конечно, не пройдут бесследно для международного научного общения. Повлияют не только на психологию масс, но и отдельных лиц. А далее о себе заявит природа науки, требующая от своих представителей сохранять объективность и беспристрастие.

На вопрос о будущем отечественной науки А.А. Жижиленко ответил своеобразным способом. Он не стал прибегать к прогнозу и к проецированию перспективы, а детализировал заявленный вопрос через постановку трех уточняющих вопросов: «Что же мешает росту и процветанию нашей науки? Почему мы не видим ее надлежащего развития? Почему интерес к ней у нас вообще так

---

[73] *Жижиленко А.А.* К вопросу о прошлом и будущем русской науки уголовного права // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1915. – № 45. – С. 2866.

невелик?». Поиск ответов на них привел ученого к выводу о том, что в недугах отечественной науки повинны «… условия нашей общественной жизни и нашего государственного строя. Наука у нас, – писал криминалист, – в соответствии с общим уровнем нашей культуры, еще не ценится, как нечто самодовлеющее, нуждающееся в бережном и внимательном к себе отношении»[74].

Особенности государственного строя зачастую отражались на самом характере научных работ специалистов. Речь идет о вопросах, заниматься которыми, согласно политическому строю, было опасно или попросту запрещено. Свобода научного исследования в области уголовного права существенного ограничивалась несколькими уголовными запретами. К этой же стороне вопроса относятся существовавшие в то время в социальной системе национальные и религиозные ограничения, искусственно отсекающие от науки целый ряд специалистов, практикующих, например, на судебном или адвокатском поприще. В самой же науке большинство предалось однобокому интересу к сенатской доктрине, т. е. к общеобязательным решениям Сената, которые, как писал А.А. Жижиленко, «…убивали в наших судебных деятелях всякий интерес к науке, всякое стремление пополнить свой научный багаж <...>, и ученая литература не пользовалась спросом. В ходу были только учебники, рекомендуемые для подготовки к экзаменам и руководства практического характера. Периодические издания недолго существовали и преждевременно погибали»[75].

Доклад В.Д. Набокова о будущей ориентации русской научной уголовно-правовой мысли в связи с поворотом общественных и международных отношений к Германии произвел впечатление на П.И. Люблинского. Он признал его важным и своевременным, но счел, что вопрос следовало бы поставить иначе. Высказался о том, что психологическая невозможность продолжения международного общения является необходимой реакцией живой и развивающейся науки. Такую реакцию ученый допускал только как личный или политический момент, который может и должен учитываться не более чем на уровне отдельных организаций или отдельных лиц, так как считал, что не все представители германской науки

---

[74] См.: *Жижиленко А.А.* К вопросу о прошлом и будущем русской науки уголовного права. – С. 2866.

[75] Там же.

заражены воинствующим духом, а научные влияния стоят за пределами личного и международного общения. Отказ от германской юриспруденции, представляющей собою подлинную ценность для развития отечественного права, будет наказанием самих себя.

Также ученый высказался о том, что разочарование в германской юридической мысли в связи с войной имеет более глубокие корни. По мнению П.И. Люблинского, война стала только поводом к пробуждению ранее возникшей мысли о необходимости отделения подлинных ценностей от поддельных и пробуждения самостоятельности вместо зависимости. Оценка самостоятельности отечественной науки уголовного права привела юриста к пониманию того, что германское влияние за последние годы заметно усиливалось. Вместе с тем правовед признал, что традиционный взгляд на значительность влияния германской науки уголовного права нуждается в существенных ограничениях. Как писал криминалист: «…только в некоторых областях и в отдельные периоды мы можем характеризовать это влияние как господствующее. В общем же, германское влияние ничем не выделялось от прочих иностранных влияний, учитывалось наравне с ними и подвергалось самостоятельной научной переработке с точки зрения интересов русской науки. В этом отношении наука уголовного права в России раньше других отраслей юриспруденции эмансипировалась от зависимости»[76].

Далее ученым приведены примеры того, что далеко не во всех дисциплинах криминального цикла немецкая наука имеет «крупные имена» и далеко не всегда обходилась в своих построениях собственными силами. Немецкая наука сама часто заимствовала знания у других национальных систем права[77]. С учетом этого юрист заключил, что влияние германской науки по ряду ключевых направлений развития отечественного уголовного права было значительно слабее влияния романских стран, например Италии и Франции. Попытки последнего времени,

---

[76] *Люблинский П.И.* К вопросу о русской науке уголовного права и чужеземных влияниях // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1915. – № 47. – С. 2999–3008; № 48. – С. 3065–3071.

[77] В частности, правовед писал, что «когда, в связи с намеченной реформой имперского уголовного кодекса, за последние годы в Германии заметно возрос интерес к проблемам уголовной политики, сами германские криминалисты обнаружили сильный интерес к знакомству с опытом чужих стран… Уголовно-политические нововведения германского проекта уг. улож. 1909 г. и контрпроекта 1910 г. представляют много интересного и для нас, но они уже имели свой прототип в новых швейцарских проектах 1903 и 1908 гг., в норвежском уложении 1902 г., в английских законах последнего времени». (См.: *Люблинский П.И.* Там же. – С. 3004.)

писал ученый, вообще встречали мало отклика в России, где литература отводила германским уголовно-политическим соображениям весьма скромное место. «Если германская литература, – оговаривался юрист, – занимает порою первое место, то это объясняется во многом чисто количественным ее преобладанием, а не особым ее влиянием»[78]. К числу дополнительных факторов, влияющих на обращение отечественной науки к науке Германии, ученый отнес географическую близость этой страны к России.

Также криминалист указал на периоды, когда правоведение Германии не находилось на высоте совершенства юридической мысли. Обратил внимание на 70–80-е гг. XIX в., когда «…теория уголовного права в Германии была очень далека от положительного права. Она уходила своими корнями или в естественное право или, позднее, в идеалистическую философию. Общие начала науки были проникнуты метафизическими и абсолютными построениями, игнорировавшими действительность. Все научное творчество сводилось к критике старых теорий и созданию новых, столь же бесплодных, как и старые»[79]. П.И. Люблинский признавал их таковыми, поскольку они, по его глубокому убеждению, отдаляли человека от жизни, мертвили жизнь и извращали естественное развитее науки. По мнению ученого, «отдельные проблемы уголовного права могут иметь философский интерес, но несомненно, что жизнь должна искать ответа на практические запросы не в философии. Между тем спекулятивный метод, – к его сожалению, – совершенно овладел наукой»[80].

Понимание отмеченных качеств абстрактной философии привело к сворачиванию ее влияния. Реакция оппонентов философского подхода и востребование позитивистского взгляда отрезвило отечественных юристов. Последние пришли к необходимости решительного отречения от отвлеченно-философского метода и включились в борьбу с философско-абстрактным влиянием. Убедились в значимости исследования жизни и положительного закона. К числу отрекшихся криминалист отнес В.Д. Спасовича, Н.А. Неклюдова, Н.С. Таганцева, А.П. Чебышева-Дмитриева и других ученых, решивших, по его мнению, отка-

[78] *Люблинский П.И.* К вопросу о русской науке уголовного права и чужеземных влияниях... – С. 3004.

[79] Там же. – С. 3005.

[80] Там же. – С. 3006.

заться от теорий безусловной справедливости и всякого вообще абсолюта; покончили с эклектическими попытками согласования абсолютных концепций с утилитарными; отвергли отвлеченность и стали на почву реализма.

Категорию «знание» ученый отдельно не рассматривал. Обратился к ней лишь тогда, когда был вынужден констатировать, что вырождение аналитического метода не улучшило качество научного знания, «…вместо абстрактной философии появилась абстрактная казуистика». Сотни книг и диссертаций стали посвящаться поверхностным темам, решение которых должно подсказываться правовым знанием, вытекающим из здорового правового сознания. В сфере абстрактной казуистики создаются далекие от жизни отвлеченные теории. «Здоровое правовое чувство», которым так гордится английская юриспруденция, атрофируется. Вместо него появляются блуждания в лабиринтах умозрительных от жизни воззрений. Проникая в судебную практику, эти теории создают отчужденность практики от жизни.

Далее П.И. Люблинский очень подробно остановился на вопросе соотношения теоретического и практического компонентов в науке уголовного права, отметив, что теория и политика представляют две ветви науки. Ученый также выступил сторонником мнения о том, что действующее право не нужно возводить на пьедестал теории и принуждать его к отражению системы логически-стройных понятий, имеющее относительное значение. Он не считал теоретическую юриспруденцию воплощением чего-то отсталого и не предлагал ослаблять уважение к теоретическому элементу. Был убежден, что ни одна наука не может обходиться без теоретической переработки, полагая, что всякая теория, построенная на сугубо догматическом материале, имеет лишь вспомогательное значение и не может рассматриваться как исчерпывающее объяснение действительности. Теория, писал юрист, во многом односторонняя и относительна. Ей не под силу охватить жизнь, являющуюся объектом научного осмысления, в том числе науки уголовного права. Жизнь представляет сложное сплетение, не могущее быть адекватно объяснено одним только теоретическим построением[81].

---

[81] Криминалист писал, что в жизни «сохраняются следы прошлого и развиваются зачатки будущего. Теория дает руководящую идею, но эта идея не покрывает всей действительности, она освещает лишь отдельные стороны ее. Понятно, что попытки покрыть теоретическими

В отмеченном плане криминалист выразил симпатию английской юриспруденции, построенной не на абстрактных теориях, а на практических максимах. Английское правосудие не страшат практические казусы и абсурды, так как оно руководствуется известными границами приложения максим, а также их относительным и всегда конкретным значением. В понимании английской науки теория в праве – это служебный элемент. В свою очередь право не отражает собой теории, а создает ее. В этой связи для англосаксонского мировоззрения вполне приемлемо: если система права не является внутренне единой, а представляет собою продукт различных наслоений, то и теории не могут быть логически развиты до единой высшей мысли. Юристы не заботятся о сведении теоретических аспектов в логическую систему, так как не считают логическую гармонию теории самоцелью и ценность. Они убеждены, что логическая гармония необходима лишь для философской концепции.

П.И. Люблинский отметил, что теория есть продукт преимущественно кодекса. В подавляющем большинстве случаев она создавалась единым актом воли законодателя. Вслед за принятием кодекса создавалась соответствующая ему теория. Поэтому, писал юрист, теории рождаются с кодексом и умирают с ним. «Они действительны и плодотворны в пределах лишь кодекса, а не как универсальные выразительницы правовых идей». Более того, он подчеркнул, что «правовое сознание развивается не на почве теории, а на почве оценки действительности с точки зрения идеи соответственности ее немногим основным принципам справедливого, воплощенным в практических максимах. Эта оценка разрушает и создает кодексы с их теоретическими построениями, а не наоборот»[82].

В завершение можно отметить, что институализация отечественного уголовно-правового знания, т. е. его переход из обыденных и делопроизводствен-

---

построениями все разнообразие переплетающихся правовых явлений уже заранее обречены на неудачу. Между тем германская догматика в области понятия общей части за последнее время была сильно проникнута таким теоретическим универсализмом. Она подчиняла живое, развивающееся право установленной теории, извращая в угоду последней его естественное развитое, определяемое не теорией, а потребностями жизни. Вместо того, чтобы быть источниками света, теории становились мертвящими теориями». (См.: *Люблинский П.И.* К вопросу о русской науке уголовного права и чужеземных влияниях. – С. 3068.)

[82] *Люблинский П.И.* Там же.

ных представлений о криминальной жизни в организованные, осмысленные и познавательные формы аккумуляции, произошел в основном по требованию и посредством практики, при прямой модерации представителей практической сферы жизнедеятельности. На первоначальном этапе формирования знания, когда его субъекты не отличались высокой степенью развития обобщающей и систематизирующей мыслительной способности, под уголовным правом как наукой понимали дисциплину о преступлении и наказании. Источником как отрасли законодательства, так и науки тогда считали государство, которое в восприятии модераторов знания было первым и чуть ли не единственным творцом права. К числу основных задач науки относили элементарные действия по систематизации, анализу и обобщению понятий о преступлении и наказании. Выделяли в этой дисциплине практический и теоретический аспекты. Делили науку уголовного права на общую часть и особенную. Материалом для осмысления служил уголовный закон в обширном смысле и его исторические предпосылки, а научное изучение образовывалось из изучения состава преступления, учений о наказании и об уголовном законе.

Дальнейшее развитие гуманистических настроений в обществе привело к обоснованию в науке уголовного права мнений о необходимости отказа от прежней и широко распространенной точки зрения о ней как науке о казнях. Дополнительное влияние оказал рост значения естественных наук. Если говорить в целом, то на этом этапе формирования знания ученые вынесли противоречивые суждения. Одни предложили в разработке уголовно-правового знания ориентироваться на человека как на существо духовное, а под наукой уголовного права понимать науку о человеке и способах возрождения нравственно падшего индивида. Другие под впечатлением становления естественных наук обосновывали необходимость отнести к числу таковых науку уголовного права. Уравнять ее, например, с медициной. Третьим этого предложения оказалось недостаточно. Они обременились дискуссией о принадлежности уголовного права к разряду социологических либо антропологических предметов. Объясняли ее связь с психиатрией, с историей и статистикой. Активизация последних направлений в XVIII–XIX вв. привела к тому, что в науке уголовного права на первый план стала

выдвигаться и обосновываться не юридическая, а социально-антропологическая сторона. Четвертые старались выбрать компромиссную позицию и занимались примирением крайних взглядов. Развивали полемику о составе науки уголовного права, о возможности и целесообразности включения в ее состав социологического, политического, антропологического и биологического аспектов, отдавая должное и политическому, и этиологическому элементам.

На фоне развернувшейся дискуссии большинство специалистов в состав науки уголовного права включали историю уголовного права, догму уголовного права и уголовную политику. Редким, но возобладавшим над научным сознанием оказалось мнение о том, что попытки замены уголовного права уголовной социологией и антропологией приведут к упразднению уголовного права как науки юридической. Поэтому консенсусом явилось признание того, что познание преступления как социального явления и рассмотрение антропологических характеристик преступника должны составлять элементы отраслевого знания и восполнять уголовное право, как юридическую науку, а не сливаться с ней и тем более не претендовать на статус самостоятельных наук. При этом практичность осталась основной характеристикой и направляющей отечественной науки уголовного права. Ее цель ученые видели, как правило, в разъяснении условий применения уголовных законов на практике. Исходя из доминирования практического начала и подчинения ему теоретического компонента, наука приняла за центр своего вращения в основном действующее законодательство и обычное право в двух его ипостасях: как права народного и как обычая, вырабатываемого судебной практикой.

Практическое позиционирование отечественной науки уголовного права привело к формированию понимания о ее исключительно положительном происхождении, на основании чего она начала противопоставляться философским направлениям и приемам. Считалось, что единственным научным приемом разработки уголовного права является позитивный метод. Этот метод, как полагало большинство криминалистов, состоит в изучении действительности путем опытного наблюдения и составления о ней представлений с помощью индукции и дедукции, требований логики. Но поскольку отечественная наука уголовного

права на данном этапе была во многом, и прежде всего в теоретическом плане, зависима от западноевропейской, и в большей мере от немецкой традиций, пользовалась методом заимствования и эклектизма, то в ее буднях также нашла отражение борьба двух противоположных способов исследования уголовно-правового мира: позитивного и метафизического.

Исследование дополнительно позволило зафиксировать единичные случаи, когда ученые обращали внимание на категорию «знание». Замечая это явление, они обнаруживали его многогранное, индивидуальное и институциональное значение. Во-первых, его способность помимо затратной карательной системы отвращать человека от преступления, влиять и даже подавлять его волю к преступлению, в определенной мере выполнять превентивную функцию. Во-вторых, полное и достоверное знание позволяет гражданину безопасно пользоваться своей свободой, нормотворцам – создавать точные законы, служащие опорой его пользователям для выверенного расчета неудобств криминального деяния, а правоприменителям не дает увлекаться произвольным толкованием положений уголовного закона.

1.2. Идеологизация теории уголовного права в советской России

По мнению одних специалистов, Октябрьская революция 1917 г., изменившая общественно-политический и экономический строй страны, «не прервала поступательного развития российской уголовно-правовой науки, хотя господство марксистской идеологии и партийный диктат, безусловно, наложили на это развитие заметный отпечаток»[83]. По убеждению других историков права, после указанного трагического события наука отечественного уголовного права разделила печальную участь российского народа. Как одна из самых передовых научно-правовых школ в мире, уголовно-правовая наука не только «была обречена на забвение, но и подвергнута длительному идеологическому давлению»[84].

Разность, тем более кардинальная, в оценках состояния российской науки уголовного права данного периода, с одной стороны, обращает на себя внимание

---

[83] *Волженкин Б.В.* Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 461.

[84] Уголовное право. Общая часть: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. И.Я. Козаченко. – М.: Норма, 2008. – С. 14.

и в какой-то степени удивляет, а с другой стороны, понуждает установить причины расхождения ученых в своих взглядах. Поиск последних убеждает, что расхождение во взглядах обусловлено непригодностью критерия, взятого ими за основу своих оценок. В этом качестве выступали не связанные с самой наукой факторы, т. е. не внутринаучные, а околонаучные индикаторы. Наличие последних и их влияние на науку, безусловно, нельзя отрицать, но их, как представляется, недопустимо ставить на первое место. В частности, брался показатель, который складывался из состояния окружающей науку общественной сферы и отношения к этому состоянию исследующего специалиста. Этот же во многом практический подход господствовал над наукой уголовного права весь советский период.

Как и в дореволюционный период, советская наука уголовного права находилась в тесной связи с практикой. Если говорить точнее, то наука фактически являлась продолжением практики, служившей для ее рефлексии почти единственным поводом и основанием. В этом плане наука целенаправленно стремилась соответствовать требованию о тесной связи теории и практики, так как оно выступало ключевым принципом марксистско-ленинской теории, принятой за основу общественно-политического устройства страны и навязана науке для ее закрепления в общественном сознании. Считалось, что теоретическая разработка положений уголовного права достигнет необходимого результата в случае, если будет обогащена опытом революционной битвы за коммунизм как за свой основной и конечный идеал. Если теория уголовного права отрывается от практики, то она превращается в схоластику.

На большинстве партийных и научных мероприятий отмечалось, что получаемые на практике успехи в строительстве социализма должны стать для науки в целом и правоведения в частности толчком для модернизации. Обозначалось, что развертывание коллективизации и ликвидации кулачества открывает новые направления для теории советского строительства и права. Успехи в хозяйстве вызывают потребность в повороте всей научно-исследовательской работы к конкретным задачам становления советского государства.

В отличие от предыдущего периода в советский этап становления России во всех сферах общественной жизни, в том числе науке уголовного права, был

сделан акцент на политическую и на подчиненную ей идеологическую составляющие марксистско-ленинской теории, а за основу и средство их продвижения взят закон единства и борьбы противоположностей. При этом сила закона была обращена не только в сферу общественных отношений, но и в область науки, где за ее скобки были фактически выведены все не согласующиеся с марксистско-ленинской теорией идеи. Борьба с противоположностями в науке лишила ее какой-либо альтернативы и возможности разработки новых теорий. Иные методы осмысления права отвергались как враждебные. Из орбиты науки были исключены позитивистские и идеалистические течения, соперничество и консенсусы которых прежде составляли главный источник эвристического начала науки уголовного права. Так как они не ставили во главу угла классовую борьбу, то считалось, что позитивистская и догматическая методология воспроизводит искаженную картину реальности. Эти течения заменили историческим материализмом и методологией диалектического материализма. Большинство ученых верили и требовали от других верить в исключительность марксизма-ленинизма, единственно способного вскрыть действительные причины развития уголовно-правовых институтов.

Невозможность и недопустимость рассмотрения права вне политики марксизм объяснял неотрывностью права от государства. Эволюция возникновения и становления права теснейшим образом связана с историей возникновения и развития государства. Поскольку под политикой понималась сфера борьбы различных классов, то утверждалось, что право не может быть внеклассовой категорией. Уголовное право непременно должно восприниматься в качестве орудия укрепления диктатуры пролетариата и инструмента рабочего класса в борьбе за построение коммунизма. Оно должно выступать, как писал Б.С. Маньковский, «железной рукой» диктатуры пролетариата, снимающей всякое противоречие в обществе и уничтожающей врагов трудящихся масс, других изменников социалистической родины.

То же самое касается науки. Специалисты думали, что надклассовой науки не существует. Для советского периода становление науки являлось естественным и исходным, что наука – это следствие и продукт образования государства.

Поэтому вопрос о предмете науки уголовного права на различных этапах развития государств решался по-разному. В периоды создания рабовладельческого, феодального и буржуазного государств научная мысль давала сообразные этим формам политического устройства определения уголовного права. В одном случае оно было формально-юридическим, а в другом – материальным. Но во всех случаях, как утверждали советские специалисты, дефиниция определялась экономической моделью.

Придание науке классового характера привело к постановке ее под начало борьбы классов, широко развернувшейся на советском пространстве. Во-первых, наука должна заниматься изучением пяти форм классовой борьбы, описанных В.И. Лениным в конспектах о «Диктатуре пролетариата», и их внедрением в преподавательскую и научно-исследовательскую работу в качестве их исходного пункта. Во-вторых, наука сама должна была включиться в борьбу и выступить еще одним полем битвы с группами буржуазных контрреволюционеров, а к ним относились те, кто противопоставлял себя либо не поддерживал марксистско-ленинские идеи. Однако жернова антагонизма коснулись и того, кто одобрял и развивал идеи коммунизма, но ошибся в интерпретации этой идеи. То есть острие марксистской критики было также направлено против коммунистов. Тех из них, кто, как это воспринималось в те времена, разоружал пролетариат путем недооценки происшедших качественных изменений в экономике, требующих модернизации практики применения уголовной репрессии. Таким образом, борьба на два фронта против внешних и внутренних оппортунистов, преследующих цель ослабления пролетариата, вменялась марксистско-ленинской науке в качестве ключевой задачи в области теории и практики уголовного права[85].

Одним из примеров абструкции служит судьба видного советского правоведа Е.Б. Пашуканиса, которого первоначально в 1931 г. на Всесоюзном съезде марксистов-государственников и правовиков подвергли критике за допущенные им в своем творчестве крупные ошибки механистического порядка, заимствование теории равновесия; использование категорий теории им-

[85] Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладу тов. Крыленко // Советское государство и революция права. – 1931. – № 4 (апрель). – С. 129–133.

периализма в ключе, противоречащем их ленинскому пониманию, смазывание глубины расхождений между Лениным и Бухариным по вопросу о государстве и примиренчество к бухаринской теории «взрыва»[86]. Затем на уровне партийной ячейки Института советского строительства и права Коммунистической академии в 1932 г. осудили за критические замечания ко второму пятилетнему плану, принятому на XVII партийной конференции[87]. В 1937 г. Е.Б. Пашуканис был объявлен властью врагом народа, приговорен к смертной казни и в этот же год лишен жизни. Та же участь постигла его и в науке, несмотря на то что он являлся одним из немногих и первых ученых, давших марксистское объяснение ключевым правовым категориям[88]. Из-за определенных критических замечаний ряд коллег назвали Е.Б. Пашуканиса вредителем, а его школу обозвали «школкой»[89]. По их убеждению, ученый извращал действительные задачи социалистического уголовного права. Имелось в виду то, что «вопрос о предмете науки уголовного права в литературе по советскому уголовному праву решался крайне упрощенно»[90]. Ограничивались «констатацией формально-юридических определений уголовного права у различных буржуазных школ, без всякой попытки анализа действительной роли этих определений уголовного права на различных этапах развития буржуазного общества»[91].

---

[86] Такая же участь постигла революционера и виднейшего представителя марксистско-ленинской теории права П.И. Стучка, который первым развил марксо-ленинское революционное понимание права, обосновав тезис о классовом праве как о праве господствующего класса. Он был обвинен в симпатиях и примиренческом отношении к бухаринской теории организованного капитализма и попытке положить закон трудовых затрат в основу советского гражданского права с помощью идеи (См.: Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Советское государство и революция права. – 1931. – № 3 (март). – С. 143–153.).

[87] См.: Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) ИКП ССР и ИССП Комакадемии по докладу т. Пашуканиса «Проблемы государства и права в свете решений XVII партконференции» // Советское государство. – 1932. – № 5–6 (май–июнь). – С. 211–219.

[88] См.: *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм / Коммунистическая Академия. Секция права и государства; Е.Б. Пашуканис. – 3-е изд. – [М.]: Изд-во Коммунистической Академии, 1927; *Он же.* Пролетарское государство и построение бесклассового общества / *Е.Б. Пашуканис.* – М.: Партиздат, 1932. – 40 с.

[89] См., напр.: *Маньковский Б.С.* К вопросу о предмете науки уголовного права / *Б.С. Маньковский* // Советское государство. – 1938. – № 5. – С. 75–84.

[90] За марксо-ленинскую науку о праве // Советское государство. – 1936. – № 6. – С. 41–49.

[91] См.: *Резцов Л.* Право-отношение и право-норма (Теория Е. Пашуканиса, как рецидив буржуазно-правового индивидуализма) / *Л. Резцов* // Советское государство и революция права. – 1930. – № 8–9 (август–сентябрь). – С. 168–180.

Не менее существенное внимание уделялось в науке противопоставлению советского уклада уголовно-правовых институтов их аналогам буржуазного или, как тогда выражались, эксплуататорского права. Представители науки этого права, как полагали советские ученые, маскировали классовую сущность своей деятельности и пытались с позиции идеализма обосновать природу преступления и наказания как внеклассовых явлений. С позиции отмеченных идеологем отмечалось, что «наука уголовного права, – как писал Е. Ширвиндт, – в буржуазных странах находится в полном забвении. В отличие от них в советской России наука уголовного права находилась на высоте. В ее основу был положен марксистский метод как единственно научный»[92]. В реальности же противопоставить изначально было нечего, кроме весьма общих идеологем, поскольку основоположники указанной теории к рассмотрению вопросов уголовного права специально не обращались. В этой связи «разработка марксистско-ленинской теории уголовного права считалась первостепенной задачей науки и собиралась, в основном, по некоторым цитатам, высказываниям и указаниям родоначальников марксизма»[93].

За счет комплекса названных мер, как считалось их организаторами, обеспечивалась чистота марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата, максимальная бдительность и активность научной мысли, а в целом успешное наступление на двух фронтах – внешнем и внутреннем – по выкорчевыванию, в том числе в среде самих ученых, всяких отклонений от правильной линии. Однако следует отметить, что принятые меры приводили к разным результатам. Одни, из желания соответствовать требованиям времени, старались подкрасить различные виды теорий права, в том числе психологической, социологической и догматической, под марксизм. Другие – неустанно доказывали, что «революционный пролетариат, – как писал Б.С. Маньковский, – является наследником всей передовой науки в истории человечества». «Только марксизм – и в этом величайшая гениальная заслуга Маркса и Энгельса – разрешил эту, казалось бы,

---

[92] См.: *Ширвиндт Е.* О проблемах преступности. Сб. Проблемы преступности. Вып. 1. – М., 1926. – С. 3.

[93] См., напр.: *Кириченко В.Ф.* Вопросы советского уголовного права в свете работ и высказываний товарища И.В. Сталина // *В.Ф. Кириченко* / Советское государство и право. – 1950. – № 2 (февраль). – С. 16–23.

неразрешимую задачу тем, что показал, что основной пружиной развития человеческого общества являются экономические производственные отношения, которые определяют и социальную среду и идеологию». Третьи обращались к прошлому и критиковали материалистов XVIII столетия во главе с Дж. Локком, Гольбахом, Гельвецием, Кондорсе и Тюрго, не имевших в своем распоряжении крупных научных достижений, какие открыли человечеству Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин, и, как следствие, не достигли весомого результата в объяснении закономерностей развития человеческого общества. Кроме общих положений о материализме как о взаимодействии всех факторов, мыслители XVIII в. ничего нового не могли сказать. «Будучи в своих исходных позициях материалистами при объяснении явлений природы, признавая в природе закономерность и причинность, они при переходе к объяснению общественных явлений, – отмечал советский ученый, – не могли провести до конца свои материалистические установки <…>. Их материализм был и остался механистическим, а не диалектическим. Хотя только диалектический материализм мог поднять на научную высоту уяснение закономерностей природы и общества... и, более того, – писал Б.С. Маньковский, – если материалисты XVIII в. в области философии примыкали к материалистической концепции, то крупнейшим недочетом их материализма являлось то, что, признавая закономерность явлений и обусловленность явлений в природе, они в области общественных явлений отзывались в конце концов идеалистами»[94].

В итоге ученые отреклись от всех не связанных с марксизм-ленинскими идеалами концепций права в целом и уголовного права в частности. Забраковали идеализм, так как на его основе буржуазные юристы выводили основные понятия уголовного права, прежде всего преступление и наказание из абстрактных положений «чистого разума» либо «абсолютного и саморазвивающегося духа», «идеи права вообще», чем затушевывали классовую природу уголовного права. Метафизический подход, как утверждали советские криминалисты, не позволял познать роль наказания и его реально воздействующую силу в рамках классо-

---

[94] *Маньковский Б.С.* Чезаре Беккариа и наука уголовного права / *Б.С. Маньковский* // Советское государство. – 1938. – № 4. – С. 102–111.

вого общества, уяснить причины модификации репрессии на различных этапах становления классового общества. Признан полностью несостоятельным позитивизм, так как обоснованность его механистического метода была опровергнута практикой, доказавшая, что улучшение материально-культурного положения народных масс не привело к снижению и ликвидации преступности. «При изучении преступности буржуазного общества, отмечал Б.С. Маньковский, – позитивисты и прочие эклектики берут одну какую-либо сторону явления». Например, рост числа осужденных за кражи сравнивают с динамикой движения цен на хлеб. При этом с советской точки зрения, рост преступлений нельзя исчерпывать влиянием движения цен, а необходимо изучить во всей совокупности классовые противоречия капиталистического общества. «В конечном итоге, – подчеркивал правовед, – экономическая структура капиталистического общества обусловливает разнообразные формы преступлений и их характер»[95].

Равным образом борьба марксистско-ленинской мысли велась с различными разновидностями психологических, нормативных и социологических теорий в области права, для сохранения которых специалисты нередко пытались подстроить их под марксизм. В уголовном праве борьба велась против процветающей социологической школы, а также с маскирующимися под объективные криминологические исследования преступности и преступников антропологическими идеями Ломброзо и попытками биологизации уголовного права. Юристы были уверены, что все эти задачи можно решить только при помощи диалектического метода. Методология марксизма и диалектического материализма как его основного подхода предусматривает исследование явлений во всей их многогранности и противоречивости.

С выхолащиванием неугодных течений и теорий надо также связывать то, что у правоведов отпала необходимость в категории «наука уголовного права», под которой традиционно понимали сферу объединения и объективации различных знаний об объекте познания. Они перешли к использованию категории «теория уголовного права», поскольку об иных теориях даже речь не могла идти. Юристы

---

[95] *Маньковский Б.С.* К вопросу о предмете науки уголовного права / *Б.С. Маньковский* // Советское государство. – 1938. – № 5. – С. 84.

занялись использованием марксистско-ленинской методологии, являющейся, по их убеждению, единственным орудием для научной разработки проблем теории уголовного права и разоблачения до конца враждебных концепций исследуемой отрасли права. Марксизм, утверждали советские специалисты, учит при изучении правовых категорий выяснять их связь с общественными отношениями правящего класса и учитывать их становление в историческом развитии. Диалектический материализм, составляющий методологический базис марксистско-ленинской теории уголовного права, требует познаний о преступлении и наказании с позиции учения о социально-экономических формациях, что задает формат социального контекста, на фоне и в составе которого указанные явления должны познаваться. Изучение уголовного права в формально-логических рамках и в отрыве от противостояния классов в социуме, не способно вскрыть подлинной природы уголовно-правовых феноменов и институтов, причин их трансформации и законов развития на различных этапах становления классового общества.

Таким образом, в задачу марксистско-ленинской теории уголовного права входило изучение уголовного права эксплуататорского общества, исследование тенденций развития институтов уголовного права, в том числе преступления и наказания в конкретном классовом обществе и на различных этапах его развития. Далее эта задача конкретизировалась применительно к советскому социалистическому обществу. Теория советского социалистического уголовного права, в свою очередь, должна заниматься познанием детерминант преступлений в эпоху диктатуры пролетариата, а также форм сопротивления социалистическому строю буржуазного уклада. В эту задачу входили такие направления, как разработка институтов советского права, системы уголовного законодательства и уголовной репрессии как инструмента закрепления диктатуры пролетариата[96].

С учетом поставленной перед теорией задачей и необходимостью ее оправдания научное сообщество первоначально провозгласило, что советское уголовное право является социалистическим по содержанию и по форме. Затем оно занялось выявлением и обоснованием социалистической природы советского уго-

---

[96] См.: *Маньковский Б.С.* К вопросу о предмете науки уголовного права / *Б.С. Маньковский* // Советское государство. – 1938. – № 5. – С. 75–84.

ловного права. Специалисты принялись за имплементацию социалистической специфики в нормы уголовного законодательства в целом и составы преступлений в частности. Считалось, что чем более правовая форма наполняется «социалистическим содержанием, тем более перерождается сама эта форма». Параллельно с этим может идти процесс преобразования особенной части УК под углом зрения большего соответствия охране интересов социалистического строительства и пролетарской диктатуры[97]. Особенно в свете Сталинской Конституции, ученые всячески старались доказать и продемонстрировать коренное отличие институтов социалистического права от институтов буржуазного уголовного права.

Передовой характер советской науки уголовного права подсказывал ей, что преступность – это продукт капиталистического строя, и она может быть ликвидирована только в результате преобразования капиталистического общества в социалистическое. Уверенность выводам о кризисе буржуазной науки уголовного права добавил А.Н. Трайнин, который проанализировал борьбу школ, развернувшуюся в западных странах вокруг Германского проекта Уголовного кодекса 1925 г. В итоге он сделал вывод о том, что обострившиеся разногласия и резкое расхождение в практических мерах борьбы с преступностью являются лишь симптомами глубокого и внутреннего кризиса науки уголовного права. Если ранее, когда наука порвала с отвлеченными философскими построениями Фейербаха, Титмана и других и занималась основными и общими понятиями уголовного права, она находилась на высоте. То в настоящее для ученого время, когда общество испытало потрясение войной, положение резко изменилось и формальная юриспруденция, прежде составляющая идеологический центр науки уголовного права, стала переживать острый кризис. «Вся эта ценная аналитическая и систематическая работа, – по словам А.Н. Трайнина, – оказалась второстепенной перед лицом живой практики, перед бытовым материалом…»[98]. Формальная юриспруденция, по его выражению, воздвигла «… глухую стену между теорией и практикой, искусной научной схемой и простой житейской правдой»[99].

---

[97] Реформа советского уголовного права // Революция права. – 1929. – № 5 (сентябрь–октябрь). – С. 3–11.

[98] *Трайнин А.Н.* Кризис науки уголовного права. – М.: Изд-во «Право и жизнь», 1926. – С. 12.

[99] Там же. – С. 13.

Отрыв теоретической мысли от действительности криминалист объяснил не столько внутритеоретическими ошибками, сколько политическими соображениями и социально-экономическими предпосылками. То есть тем, по А.Н. Трайнину, что классическая школа, современница и попутчица становления капиталистических отношений, подчинила свое дело созданию того правопорядка, «…который юридически закреплял экономические и социальные позиции капитализма»[100]. Однако война и экономические потрясения в Европе поставили под сомнение незыблемость формул классической школы и уличили ее в неадаптивности к реальности, что привело к уходу криминалистов в прикладное либо социологическое направление этой школы и попытке перенести центр борьбы с преступностью от нереактивного законодателя к повседневно творящему право судье. То есть к предложениям, которые, по убеждению правоведа, носили второстепенный характер и отводили взоры от основных факторов преступности – капиталистических основ общественного строя. «Они избегали учета социальной природы тех сил, которые не могут быть поставлены в вину субъекту, ибо этот учет, – сделал вывод ученый, – бесповоротно привел бы к анализу отношений внутри капиталистического общества, привел бы к классовым противоречиям как социальному источнику преступности …»[101].

Иные причины преступления и преступности в советской науке уголовного права не рассматривались. Соответствующая часть науки уголовного права потеряла актуальность и была «ликвидирована», как определил А.А. Герцензон. Вслед за этим дискуссия о соотношении «юридического» и «социологического» элементов исследования преступления была переведена в социально-политическую плоскость, более всего содействовавшая полному раскрытию содержания проблем институтов, понятий советского уголовного права. Речь о соотношении «юридического» и «социологического», как подчеркивали советские ученые, у них не совпадала с полемикой, которая была развита в дореволюционной России и Западной Европе, странах буржуазной демократии и продуцировала незначительные, простые и, в общем, известные выводы – о влиянии нищеты,

---

[100] *Трайнин А.Н.* Кризис науки уголовного права. – М.: Изд-во «Право и жизнь», 1926. – С. 18.
[101] Там же. – С. 27.

алкоголизма или неудовлетворительных жилищных условий на преступность. При этом сами специалисты высказывались о неверности противопоставления целей «юридического» и «социологического» исследования. Полагали, что наука уголовного права как отрасль юридических наук не может ограничиваться одним юридическим исследованием проблем уголовного права, т. е. ограничивается догматическим анализом. «Для полного и всестороннего раскрытия социально-политического содержания своих явлений она пользуется историческими сравнениями и сопоставлениями, статистическими материалами, способствующими выяснению причин преступности и т.д.»[102]. То есть «социологическое» исследование в понимании советских специалистов могло быть и элементом уголовно-правового исследования, и иметь самостоятельное научное значение, выходящее за рамки науки этого права.

Отдельно следует остановиться на некоторых источниках советской уголовно-правовой науки. Основным из них, как уже было отмечено, являлась марксистско-ленинская теория. Вторым по значимости служили партийные совещания и конференции, где под руководством политических функционеров часто звучали критические замечания в адрес конкретных научных деятелей или их групп, а в целом задавался тон научной полемике и обозначался круг актуальных вопросов, выдвигались теоретические установки и давались политические оценки. Одним из наиболее известных примеров служат результаты Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков, на котором были определены главные опасности в уголовной политике. К их числу отнесены: непонимание всего существа социалистического строительства; либеральное понимание и истолкование революционной законности, протаскивание буржуазно-лицемерского принципа: «нет преступления, нет наказания без указания о том в законе»; ослабление регулирующей роли пролетарского государства в уголовной политике. На этом же мероприятии были подвергнуты непримиримой критике враждебные концепции в уголовном праве Пионт-

---

[102] *Герцензон А.А.* Об объеме содержания советской науки уголовного права / *А.А. Герцензон* // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925–1945): Тезисы докладов / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М.: Тип. Упр. делами Министерства черной металлургии, 1946. – С. 53–55.

ковского, Трайнина и др., а также отдельные коммунисты, в том числе Ширвиндт и Рубинштейн, выступившие в защиту ученых[103].

После подобного рода съездов исследовательские институты переключали свое внимание на разработку значимых проблем социалистического строительства, а другие учреждения обеспечивали контроль за исполнением в научной среде принятых на съезде решений и резолюций. Всесоюзная ассоциация обществ марксистов-государственников, в частности, констатировала, что «после съезда институтами и обществами с их отделениями на местах была проделана работа по консолидации марксистско-ленинских сил в области права и государства. На основе этой консолидации вокруг выполнения решения съезда успешно продолжалась борьба с представителями буржуазно-юридического мировоззрения»[104].

Основы официально-советского отношения к науке также вырабатывались органами комиссариата юстиции, в еженедельнике которых от 1929 г. № 22 отмечалось, что «чем меньше будет профессорских и непрофессорских толкований и комментариев, а больше будет уделяться внимания усвоению основных директив партии и правительства работниками суда и прокуратуры, тем меньше будет случаев извращения органами юстиции политики партии». Политика, таким образом, стала основным источником и драйвером всех сфер общежития, в том числе правоведения, а ее советский вариант признавался наилучшим. Как писал А.А. Пионтковский, «лучшей и наиболее действительной уголовной политикой в современном буржуазном обществе является политика пролетарского авангарда, подготавливающая торжество пролетарской революции, а лучшей социальной превенцией преступности – победоносная пролетарская революция»[105].

---

[103] За продвижение буржуазно-юридической методологии, затушевание и извращение классовой сущности государства пролетарской диктатуры, смазывание разницы между ним и буржуазными государствами, также были осуждены работы Магазинера, Дурденевского, Дябло, Палиенко, Понтовича, Котляревокого, Архиппова, Игнатьева, Крыльцова, Успенского и, как находившиеся под влиянием тех же методологических установок, работы коммунистов Магеровского, Малицкого, Райхеля, Гурвича и Стеклова (Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладу тов. Крыленко // Советское государство и революция права. – 1931. – № 4 (апрель). – С. 129–133).

[104] Резолюция пленума Всесоюзной ассоциации обществ марксистов-государственников по докладам товарищей Бермана и Климова // Советское государство и революция права. – 1931. – № 9 (сентябрь). – С. 123–125.

[105] Уголовное право РСФСР. Часть общая / *А.А. Пионтковский.* – М.: Гос. изд-во, 1924. – С. 50.

Еще одним источником науки уголовного права служили труды политических мыслителей и деятелей. Для советских криминалистов продолжительное время оставалась неизменной и постоянной задача изучения ключевых положений теории и истории уголовного права на основе трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В этом деле основное значение для юристов сыграло сталинское учение о базисе и надстройке для развития советской науки уголовного прав. Специалистами отмечено, что гениальная работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» стала не только неоценимым вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, но и открыла новые творческие возможности для развития советской науки государства и права и советской науки уголовного права[106].

Другая книга Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» сыграла, по мнению специалистов, не менее плодотворное влияние на науку уголовного права. Ее появление указало ученым на такие мало разработанные в уголовном праве темы, как борьба с дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, как трудовая дисциплина и ее нарушение и т.д. Книга Сталина дала основы для изучения вопроса об ответственности гитлеровцев. По признанию криминалистов, без содержащихся в этой книге характеристик тыла в СССР вообще нельзя было бы понять основных особенностей уголовного законодательства и судебной практики военного временя. Значение этой книги не ограничивалось помощью в освещении проблем уголовного права военного времени. Она сохраняла актуальность для разработки теоретических проблем, имеющих длительное значение. В качестве примера специалисты приводили установленное Сталиным различие между странами буржуазной демократии и странами фашистской тирании. Указания Сталина по этому вопросу создали методологическую основу для изучения иностранного законодательства и помогли исправить допускавшиеся ранее методологические ошибки при их изучении[107].

---

[106] *Утевский Б.С.* Значение сталинского учения о базисе и надстройке для развития советской науки уголовного права / Проф. *Б.С. Утевский* // Научная сессия, посвященная годовщине опубликования труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: Тезисы докладов / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М., 1951. – С. 23–25.

[107] *Утевский Б.С.* Наука уголовного права во время Отечественной войны / *Б.С. Утевский* // Социалистическая законность. – 1944. – № 11 (ноябрь). – С. 16–23.

Спустя сорокалетие становления советской науки уголовного права, основополагающее положение политического компонента в ее составе не изменилось. По выводам и оценкам А.А. Герцензона можно судить, что наука продолжила основываться на трудах Маркса, Энгельса, Ленина, решениях КПСС и Советского правительства, а также заниматься обобщением уголовного законодательства и практики его применения органами социалистического правосудия. Очередное подтверждение доминирования политической константы над научно-исследовательским процессом можно найти там, где за корректировкой политического курса, как правило, следовало изменение в приоритетах науки уголовного права. Так, после XX съезда КПСС в 1957 г., где был осужден культ личности и наследие Сталина, последовали аналогичные разоблачения в науке уголовного права. Вскрыты крупные извращения в представлениях о социалистической законности и детерминантах преступности, когда они были сведены к недостаткам политического строя, а иные причины не рассматривались как не заслуживающие внимания.

Возникновение соответствующих извращений специалистами объяснено и связано с составленным в 1921 г. В.И. Лениным «Наказом от Совета Труда и Обороны»[108], положения которого подвигли ученых на изучение практической стороны состояния хищений и спекуляций. На фоне практического акцента, по признанию А.А. Герцензона, научное изучение преступности и ее причин с 30-х годов по большей части прекратилось, что неблагоприятно сказалось на развитии советской науки уголовного права. Вопросы методологии были оставлены на обочине научного интереса и, как следствие, не получили всесторонней разработки. К числу недостатков науки также отнесено то, что на начальном этапе своего становления над ней довлели различные буржуазные учения. Происходила не разработка марксистско-ленинской теории уголовного права, а приспособление к советским условиям иностранных концепций преступности[109].

---

[108] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43: март–июнь 1921. – М.: Госполитиздат, 1958–1965.

[109] См.: *Герцензон А.А.* Сорокалетие советской науки уголовного права и вопросы изучения преступности и ее причины / *А.А. Герцензон* // Межвузовское научное совещание «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки»: Тезисы докладов / Министерство высшего образования СССР; Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А.А. Жданова. Юридический факультет – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1957. – С. 46–49.

Последовавшие за XX съездом КПСС решения Партии и Правительства, как считают специалисты, по-новому поставили перед органами юстиции и наукой задачу по изучению преступности и ее причин. Научно-исследовательская работа должна впредь проводиться по следующим направлениям: а) изучение состояния и движения преступности по главным ее видам; б) изучение причин отдельных видов преступлений; в) изучение личности преступника; г) изучение всей системы мер борьбы с преступностью. Движение в этих направлениях также предполагает: разработку методологических и методических вопросов; комплексное использование материалов уголовной статистики; активное и масштабное применение анкетного обследования обвиняемых, осужденных и заключенных; изучение и научное обобщение материалов статистики дореволюционной России и капиталистических стран.

В итоге наука права в целом и уголовного права в частности занималась обоснованием политической оценки преступных действий, оправданием применения и продвижением политического критерия к расширению пределов уголовной юстиции. Наука помогла выработке характеристики не только преступного действия, но и окружающей это деяние политической ситуации. В свете указаний Сталина на то, что надстройка состоит из политических, правовых, религиозных, художественных, философских взглядов общества и соответствующих им учреждений, наукой формировалось убеждение в том, что уголовное право вообще и конкретно советское уголовное право соответствуют определенным классовым правовым взглядам на преступление и наказание. Вслед за этим углубленно рассматривались вопросы о социалистической природе и о служебной роли институтов советского уголовного права.

Стало нередким и естественным сочетание в тексте законов элементов, характеризующих состав преступления, и признаков, относящихся к его политической характеристике. В этом случае политической стороне отводилась роль устранения какого-либо правоприменительного усмотрения и ощущения. Через нее передавалась и внушалась представителям органов юстиции эмоциональная нетерпимость и категорическая неприязнь к нарушителям закона оправдывалась жестокость мер воздействия. В качестве примера, когда общеполитическая и хо-

зяйственная оценка преступления выполняет роль оправдателя особо суровых репрессий, можно привести Постановление Совета труда и обороны РСФСР от 15.04.1921 «Об усилении наказания за проезд на паровозах и тормозных площадках лиц, не имеющих на то права, а равно в отношении должностных лиц, проявляющих бездействие в борьбе с этим опасным для железнодорожного движения нарушением революционного порядка». В нем немедленный арест и отправление в концентрационный лагерь на срок до 5 лет за безбилетный проезд оправдывался крайне тяжелым положением транспортного хозяйства и наплывом безбилетных пассажиров. В законодательных актах более позднего времени, по наблюдениям А. Трайнина, сочетание уголовно-правовой квалификации с политической характеристикой не ослаблялось. Оно стало лишь выражаться в новых весьма поучительных формах. Из общего законодательного введения, писал ученый, эта характеристика постепенно переходит в диспозицию и санкцию закона[110].

На основе марксистско-ленинского и сталинского наследия понятие «преступление» было переведено наукой из ряда юридических в разряд политических, ему дана классовая интерпретация. Считалось, что каждому классу, тем более доминирующему, соответствует свое понятие «преступление». Господствующий класс признает преступлениями те действия, которые являются опасные для него. С точки зрения социалистического правосознания под преступлением понимаются действия, направленные против задачи разрушения старого, эксплуататорского общества и построения нового, социалистического общества. Даже в тех случаях, когда речь шла о формально сходных действиях, объявляемых преступными в буржуазном и в советском уголовном праве (например, убийство), утверждалось, что в соответствующие составы преступления вкладывается различное содержание.

Политико-догматическое и идеологическое восприятие науки уголовного права было не случайным, что в ряде случаев признавали сами «красные криминалисты». Над ними властвовал эмоциональный фактор. Чувство «победы» над политическим оппонентом и прежним политическим строем в целом позволяло им заниматься диктатом, в том числе в науке. В частности, М.Н. Гернет отмечал:

---

[110] *Трайнин А.* Общая конструкция составов преступления в социалистическом уголовном праве // Социалистическая законность. – 1944. – № 11 (ноябрь). – С. 24.

«...пережившие величайшую в мире социальную революцию... знакомые с самыми решительными, самыми смелыми опытами в области борьбы с преступностью, вплоть до отмены всех уголовных и других законов, – мы подходим к оценке западноевропейской теории и практики с нашей особой меркой: мы мерим на революционный аршин... Отказаться от этой мерки «революционного аршина» нам психологически трудно, почти невозможно...»[111].

Среди источников советского периода крайне редко можно найти произведения, где дается реальная оценка состоянию науки уголовного права. Одной из таких немногочисленных работ является статья А.В. Маклецова. Ее автор постарался на ряде примеров показать губительную роль умерщвления свободной научной мысли и замены ее обязательной догмой, характерной для коммунистического режима. Отмечал, что если в области науки уголовного права в Советской России сохранились все же остатки живого научного творчества, то это, конечно, не благодаря советскому строю, а несмотря на него и вопреки ему. Юристы-марксисты, в его понимании, не имеют опоры, которая выручает марксистов-экономистов. Ни Маркс, ни Ленин не были криминалистами. Они проронили только несколько слов, посвященных вопросам права. Поэтому когда юристы пытаются представить «достижения марксистской мысли» в области криминологии, то фактически ограничиваются ссылкой на умеренных социалистов – К. Каутского, Бонгера, Ферри, Лафарга и Колаянни. Что касается официально-советского учения о преступлении, то специалист показал, что оно в действительности представляет собой доведенное до крайних выводов течение позитивистического социологизма в уголовном праве, представленного левым марксистским крылом итальянской школы криминалистов (Колаянни, Туроти, отчасти Ферри) и имеющего в русской науке своего умеренного адепта в лице М.Н. Гернета[112].

А.В. Маклецов свидетельствует о том, что в советский период становления науки уголовного права произошел разрыв научной традиции. Отсутствие надлежащей академической подготовки, а главное иссушающая до крайности и обяза-

---

[111] *Гернет М.Н.* Месяц за границей (Доклад пленарному заседанию Госуд. ин-та по изучению преступности 20 января 1926 г.). Вып. 1. – М.–Л.: Государственное изд-во, 1926. – С. 35.

[112] *Маклецов А.В.* Наука уголовного права в Советской России / *Ал. Маклецов* // Закон и Суд: Вестник Русского юридического общества. – 1930. – № 11–12 (май–июнь). – С. 371–376.

тельная Марксова догма привели в среде молодого поколения русских криминалистов подлинное духовное опустошение. «Если наука уголовного права, – писал юрист, – все-таки существует в России, несмотря на исключительный гнет извне со стороны монополистов марксистской догмы, то этим она обязана почти исключительно представителям старшего поколения криминалистов, получивших теоретическую подготовку до октябрьского переворота»[113].

Еще одна оценка положения науки уголовного права, близкая к реальности, имеется в ранее упомянутой работе Б. Утевского. Говоря в ней о науке, автор обратил внимание на положение в ее составе философского элемента, не пользовавшегося в те времена, как известно, широкой популярностью. Поэтому юрист указал на то, что наука уголовного права в разных направлениях соприкасается с философией. Речь идет в первую очередь о школах уголовного права, отличающихся по философскому базису.

Несмотря на идеологическую и догматическую заданность, Б. Утевский проанализировал состояние философии в науке уголовного права и отметил, что «ни одна отрасль советской науки государства и права не была подвержена столь сильному влиянию немецкой философии конца XVIII и начала XIX в., как наука уголовного права… В науке советского уголовного права в последние годы повелось при разработке проблем, соприкасающихся с философскими, не в меру ссылаться на немецкую философию конца XVIII и начала XIX в. Наиболее ярко это увлечение немецкой философией выразилось при изучении школ уголовного права. Классическая школа изучалась, главным образом, по Канту, Гегелю и А. Фейербаху, социологическая – по Листу.

Особенности школ в России игнорировались. Не изучались школы уголовного права и их представители в Англии, США, Франции и в других странах. Поэтому, писал ученый, неслучайно то обстоятельство, что в отечественной науке до последнего времени не опубликовано ни одной работы, посвященной уголовно-правовым взглядам корифеев русской классической философии или выдающихся философов англо-американских или романских стран. Между тем, отме-

---

[113] *Маклецов А.В.* Наука уголовного права в Советской России / *Ал. Маклецов* // Закон и Суд: Вестник Русского юридического общества. – 1930. – № 11–12 (май–июнь). – С. 376.

чал Б. Утевский, «…возникновение и развитие классической школы преимущественно связано с Англией, с английской революцией XVII в., с английскими выдающимися философами и юристами XVII – начала XIX в., (Бэкон, Гоббс, Локк, Бентам, Блекстон), не говоря уже о Франции, Французской революции XVIII в. и французской плеяде просветителей-энциклопедистов (Вольтер, Монтескье, Руссо)… Изучение работ американских, английских, французских и других авторов дало бы гораздо более оригинального и ценного, чем изучение одной только немецкой философии, и помогло бы избавиться от успевшего стать традиционным ничем не оправданного засилья немецких авторов». Особый акцент был сделан на изучении работ русских просветителей, представителей русской классической философии, что помогло бы передовым ученым-юристам избавиться от заблуждений о народе, как истинном носителе уголовно-правовых идей. Этого требуют, как отмечал правовед, не только чисто теоретические интересы, но и интересы преподавания уголовного права[114]. В этой же связи выражены надежды на то, что советские ученые-криминалисты будут больше уделять внимания изучению науки уголовного права и уголовного законодательства буржуазно-демократических стран, в особенности англо-американских[115].

Аналогичное мнение о роли немецкой философии в науке советского уголовного права высказал Н.М. Шаргородский, когда подвел итоги состоявшейся в 1947 г. всесоюзной дискуссии о положении философии в науке. Он отметил, что по его наблюдениям «ни в одном иностранном учебнике уголовного права неизвестно такое частое упоминание и подробное изложение взглядов Канта, Гегеля, Фейербаха, Фихте, как в нашем советском учебнике уголовного права. Этим авторам не уделяется столь значительное внимание не только в английских, американских и французских учебниках, где эти фамилии зачастую вообще не упоминаются, но даже в немецких учебниках. Такое гипертрофирование роли буржуазной, и, в особенности, немецкой философии в развитии уголовного права, является к тому же абсолютно неправильным и несоответствующим реальному значению немецкой философии в развитии уголовного права и законодательства. Не только взгляды Канта и Фихте,

---

[114] *Утевский Б.С.* Наука уголовного права во время Отечественной войны / *Б.С. Утевский* // Социалистическая законность. – 1944. – № 11 (ноябрь). – С. 16–23.

[115] Там же. – С. 21–22.

но и взгляды Гегеля не оказали ни решающего, ни даже сколько-нибудь заметного влияния на развитие уголовного законодательства капиталистического мира»[116]. Н.М. Шаргородский не ограничился своим мнением о немецкой философии. Он подошел к теме более широко и оценил положение всей философии в науке уголовного права, чрезвычайно важное значение которой для социально-экономических дисциплин и отраслей права не отрицал, а признавал и подчеркивал. Также он говорил о том, что «большинство недостатков, выявленных в области философской работы, в значительной мере, а иногда и полностью относится и к работе в области права».

Вместе с тем правовед не смог в своих суждениях избежать «давления» времени, обусловленного, по его же словам, ожесточенной борьбой с буржуазной идеологией и разделением мира на два лагеря, а также наставлениями Ленина о том, что объективизм, в отличие от марксистской партийности, ведет к поверхностному пониманию объективной действительности, к простому эмпирическому перечислению фактов. В своих выводах о недостатках в философской работе было обращено внимание на то, что соответствующий материал дается абстрактно и нейтрально, философские школы располагаются в книгах без указания на их борьбу друг с другом», т. е. без соблюдения принципа партийности и учета основных положений материализма, требующих непримиримости в борьбе со своими противниками. Что касается работ по уголовному праву, то в них, как подчеркнул Н.М. Шаргородский, часто «не чувствуется ни боевого духа, ни большевистских темпов». Ученый соглашался с мнением А.А. Жданова о том, что «наш философский фронт не похож на настоящий фронт, что он скорее напоминает тихую заводь или бивуак где-то далеко от поля сражения. Поле боя еще не захвачено, соприкосновения с противником большей частью нет, разведка не ведется, оружие ржавеет, бойцы воюют на свой риск и страх, а командиры или упиваются прошлыми победами, или спорят, хватит ли сил для наступления, не следует ли потребовать помощи извне, или на тему, насколько сознание может отстать от бытия, чтобы не показаться чересчур отсталым»[117].

---

[116] *Шаргородский М.Д.* Итоги философской дискуссии и некоторые вопросы науки уголовного права / *М.Д. Шаргородский* // Советское государство и право. – 1948. – № 3 (март). – С. 12–20.

[117] *Жданов А.А.* Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». – М.: Госполитиздат, 1947. – С. 20.

В этом плане, добавлял специалист, философская работа в науке уголовного права не отвечает решениям ЦК партии по идеологическим вопросам, всецело направленным «...против безыдейности и аполитичности в литературе и искусстве, против отрыва от современной тематики и удаления в область прошлого, против преклонения перед иностранщиной, за большевистскую партийность в литературе и искусстве»[118]. Решения партии не находят должного преломления в изысканиях в области уголовного права.

В продолжение исследования значения философского аспекта в составе советской науки уголовного права следует подчеркнуть, что если на самом раннем этапе отвергали все прежние школы уголовного права за их буржуазное происхождение, то с течением времени эти оценки специалисты начали пересматривать.

Первоначально Б.С. Маньковский предложил не уходить в крайность и не заниматься упрощенчеством в оценке буржуазных школ уголовного права. Признавал заблуждением квалифицировать учение классической школы уголовного права как иррациональное и мистифицирующее, считать его формально-юридическим. Считал извращением суждения о том, что учение отмеченной школы выражает эквивалентные отношения в области товарооборота. Настаивал на том, что анализ классовой природы учения не был основан на всей системе производственных отношений классового общества. Ученый утверждал, что советские специалисты искаженно раскрывали методологию родоначальников классической школы – Беккариа и Фейербаха, отождествляя ее с учением идеалистов, в то время как они примыкали к материалистической философии XVIII столетия. Социологическая школа уголовного права, по мнению криминалистов, также не заслуженно была деактуализирована, хотя признавалась как прогрессивная и передовая.

Затем М.М. Исаев с небольшими оговорками предложил пересмотреть идеи классической школы уголовного права. Признать ту ее часть, которая основывалась на идеях Ч. Беккариа как ее основоположника и только в той мере, в какой он воспроизвел в своем произведении взгляды английских и французских философов XVII и XVIII вв., т. е. мыслителей стран, переживших революции и по этому признаку были близки советской России. Той части классической шко-

[118] *Жданов А.А.* Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». – М.: Госполитиздат, 1947. – С. 20.

лы, на которую оказали влияние уголовно-правовые идеи немецких мыслителей, прежде всего Канта и Гегеля, требовалось отказать в реабилитации. Философия Канта не заслуживала внимания, так как она несла реакционные черты и придерживалась ветхозаветного талиона. Философия права Гегеля также подлежала отклонению, так как была отвлечена от действительности.

Что касается дореволюционной и советской отраслевой литературы, то отмечалось, что в ней недостаточно внимания уделялось процессу становления уголовно-правовых взглядов во Франции и Англии. В частности, проигнорированы работы английских ученых: Блэкстона – последователя взглядов Локка; Говарда, защищавшего не абсолютную, а относительную теорию наказания; и идеи Бентама и Оуэна с учением о зависимости преступности от общественных условий. Не востребованы мысли виднейшего французского криминалиста Росси, являющегося сторонником просветителей XVIII в., учения философов Сен-Симона и Фурье, предложивших свое учение о преступности и ее причинах. Упущение, в том числе французского и английского направлений, привело к переоценке важности немецких концепций для отечественной теории уголовного права и к отождествлению немецкого направления классической школы уголовного права с классической школой вообще[119].

В завершение можно отметить, что на протяжении советского периода становления уголовное право и как отрасль законодательства, и как область знания, а через них – сфера общественных отношений, подвергалось перманентной, системной и глубокой политизации. Речь идет именно о политизации как о вненаучном и, как следствие, неестественном процессе постановки вопроса об актуальности политического компонента и его директивного внедрения в научно-практическую плоскость уголовного правоведения. Когда конкуренция теорий и возникшее в результате нее превалирование в научных умах политических учений над другими концептами было подменено доминированием политики над наукой как одной сферы практической деятельности над другой. Здесь

---

[119] См.: *Исаев М.М.* К вопросу об оценке идей классической школы уголовного права в первой половине XIX века / *М.М. Исаев* // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925–1945): тезисы докладов / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М.: Тип. Упр. делами Министерства черной металлургии, 1946. – С. 56–58.

нужно отметить, что на дореволюционном этапе формирования науки уголовно-политическим идеям также было повышенное внимание и указывалось на их дефицит. Исследование источников уголовно-правового знания царского периода доказывает, что отмеченное отношение к политической составляющей являлось результатом научно-признанной, внутренне вызванной и социально необходимой потребностью.

Политическая «прививка» политического компонента делала его обязательной для всех представителей этой дисциплины и выводила из зоны их дискуссии. Модераторы знания яростно спорили о месте политического элемента в праве, его значении для права и достаточности в разрабатываемых теориях советского и пролетарского уголовного права. По ряду вопросов наблюдались расхождения. Компромисс же находили в том, что судьбу права по сути должна решить и решать политика. Политическая константа для них и предводителей революции выступала своего рода «предохранителем» от движения уголовного правоведения вспять (к оправданию монархической формы правления) либо перехода на альтернативные (например, капиталистические) пути развития. Значение эксперимента власти по политизации права и знания о нем исчерпывающим образом определил В.С. Нерсесянц. Ученый отметил, что «сведение советского права к форме политики пролетариата по существу означало отрицание права как самостоятельного и специфического феномена, отличного и независимого от политики пролетарской диктатуры… Право, таким образом, полностью подменялось политикой, политической целесообразностью, текучкой и конъюнктурой политики переходного периода»[120].

1.3. Плюрализация уголовно-правового знания в современной России

В начале 90-х годов XX в. российское общество пережило очередной этап коренной трансформации своих устоев во всех сферах жизнедеятельности. Как отмечают специалисты, произведен отказ от «жесткого авторитарного режима»[121], социалистических ценностей и ориентиров, сделан выбор в пользу де-

---

[120] *Нерсесянц В.С.* Философия права. Учебник для вузов. – М.: Изд-во «НОРМА» (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – С. 263–264.

[121] *Лукашева Е.А.* Уважение к Конституции – непреложный принцип демократического общества // 25 лет Конституции России: трансформация парадигмы права в цивилизованном раз-

мократического уклада общества и рыночных отношений в экономике. По результатам всенародного голосования и принятия Основного закона Российская Федерация провозглашена социальным, демократическим, светским и правовым государством, а человек, его права и свободы признаны высшей ценностью. Соблюдение и защита прав и свобод гражданина объявлены обязанностью государства. Изменения коснулись не только экономики, политики, права и религии, но и науки. В связи с этим Конституцией России, олицетворявшей «…полный разрыв с предшествующей практикой советской государственности, иллюзорной демократией, мифологией народовластия»[122], каждому гарантированы и свобода слова и мысли, и свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Обеспечивается идеологическое многообразие.

В результате смены конституционного строя, политико-правового устройства общественной жизни изменились и условия для занятия научной деятельностью. В соответствии с Федеральным законом от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», органы государственной власти Российской Федерации гарантировали субъектам научной деятельности свободу творчества; предоставили им право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок; обеспечили защиту ученых от недобросовестной конкуренции; признали право на обоснованный риск в научной деятельности; гарантировали свободу доступа к научно-технической информации.

Совокупность отмеченных гарантий, по мнению современных криминалистов, обеспечила свободу творчества ученых-юристов и позволила разработать в 1996 г. уголовный закон, лишенный идеологических штампов советских времен и представляющий собой концентрированное выражение основных достижений российской уголовно-правовой мысли. Также было констатировано,

---

витии человечества: материалы Всерос. конфер. с междунар. участием, Москва, 10–11 дек. 2018 г. / Ин-т гос. и права Рос. акад. наук; под общ. ред. А.Н. Савенкова, отв. ред. А.Б. Дидикин, Ю.Л. Шульженко. – М.: ИГП РАН, 2019. – С. 10.

[122] Там же. – С. 9.

что «в научной среде практически отсутствуют препятствия для самых критических оценок уголовного права – как на стадии законопроектной работы, так и после введения в действие уголовно-правовых норм»[123].

Ощущаемое специалистами чувство свободы дало свой результат. В ответ на раскрепощение условий научной деятельности ими предложены определения науки уголовного права, которые лишены идеологической и политической составляющих как своих доминант. Обозначая и подтверждая негативное влияние на научный процесс этих предводителей, в ряде источников на первых этапах авторами продолжалось указываться на то, что «уголовно-правовая наука должна быть свободна от идеологических штампов, руководствоваться прогрессивными правовыми идеями, в первую очередь о защите прав человека и интересов личности. <...> Наука, – пишут они, – опирается <…> на положения общей теории государства и права, а также использует данные других наук»[124].

Как представляется, гарантированная свобода не привела к ожидаемому плюрализму суждений. Свобода не воспроизвела многообразие и разнообразие представлений и мнений о понятии, предмете, задачах и структуре науки, к их обогащению за счет соперничества и оспаривания состоятельности друг друга. Сложилось два рода определений, которые даются науке в современной юридической литературе. Один – консервативный – бытует в учебниках и учебных пособиях, курсах и монографиях, что характерно для жанра таких произведений. Другой – прогрессивный – в научных периодических изданиях, более всего предрасположенных к дискуссии и полемике.

В ряде случаев современные юристы напрямую вернулись к наработкам дореволюционных коллег о том, что «предметом курса уголовного права, – как писал Н.С. Таганцев, – должно быть изучение юридической конструкции преступных деяний и вызываемой ими карательной деятельности государства, изучение совокупности норм, определяющих наказуемость преступных деяний»[125]. После

---

[123] Уголовное право. Общая часть: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. И.Я. Козаченко. – М.: Норма, 2008. – С. 15.

[124] *Игнатов А.Н., Красиков Ю.А.* Уголовное право России. Учебник для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть / Отв. ред. и рук. автор. коллектива, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Игнатов и д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Красиков. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М, 1999. – 639 с.

[125] *Таганцев Н.С.* Курс уголовного права... – СПб., 1902. – С. 27.

этого сделано умозаключение, что «предметом науки уголовного права являются российское и зарубежное уголовное законодательство, история развития уголовно-правовой мысли и уголовно-правовых институтов, правоприменительная деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью, особенности субъектов, совершающих различные виды преступлений»[126].

Некоторые правоведы не обращались к истории становления науки уголовного права и предложили весьма упрощенное и схематичное понятие о науке, ограничились указанием в предлагаемой дефиниции на совокупность взглядов, идей и представлений об уголовном праве. То есть предложили смысл научной деятельности извлекать из категории «совокупности», которая сама по себе идейной нагрузки не несет. Обозначает лишь свойство или состояние какого-либо объекта, его цельность либо сочетание в нем каких-либо элементов, их сумму или множество. Примером служит определение, предложенное авторами под наукой уголовного права понимать «совокупность (систему) господствующих в обществе на данном этапе (в настоящее время в период перехода к демократическому правовому государству и рыночной экономике) взглядов, идей и представлений об уголовном праве и путях и средствах борьбы с преступностью»[127].

В других схожих определениях ученые справедливо отказались от ссылки на «господствующие в обществе на данном этапе» взгляды о науке. Такое исключение обусловлено тем, что наука как вид познавательной деятельности, претендующий на объективное, полное и всестороннее рассмотрение проблематики, не ограничивается только действующими и доминирующими взглядами, а, как правило, обязательно рассматривает их в ретроспективе и перспективе. Более того, наука не является теорией, которая определенное время может господствовать в умах исследователей и последователей по мере своей актуальности и востребованности в конкретных социальных условиях.

В Курсе лекций по российскому уголовного праву А.В. Наумова отмечается, что «наука уголовного права – это составная часть юридической науки.

---

[126] *Игнатов А.Н.* Уголовное право. Общая часть. Лекция 1. Введение в изучение уголовного права. Уголовный закон. – М., 1999. – С. 14.

[127] Уголовное право Российской Федерации: учебник. Общая часть / Под ред. проф. Б.В. Здравомыслова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – 480 с.

Она представляет собой систему уголовно-правых взглядов, идей, представлений об уголовном законе, его социальной обусловленности и эффективности, закономерностях и тенденциях его развития и совершенствования, о принципах уголовного права, об истории уголовного права и перспективах его развития, о зарубежном уголовном праве»[128].

К этому определению ученый добавил перечень методов, входящих в состав науки и обеспечивают достижение ею искомого результата. При этом важно обратить внимание, что при переходе автора к методам он высказывался уже не о науке и ее методах, а о теории уголовного права, которая для обеспечения углубленного уяснения социального содержания и назначения институтов и норм уголовного права использует определенные методы исследования. При непосредственном перечислении методов юрист вновь вернулся к уголовно-правовой науке и к числу ее методов отнес: догматический, социологический, сравнительный, исторический и диалектический (философский).

Таким образом, А.В. Наумов отождествил науку с системой и указал на идеи, взгляды и представления как на ее элементы. Нельзя не заметить, что ученый не назвал то целое, частями которого являются названные элементы. Придал науке исключительно функциональное значение, через которое она воплощает собой лишь сферу объединения посвященных уголовному праву идей, взглядов и представлений. Поскольку автор ничего не сказал в своем определении об онтологической стороне науки, то выглядит вполне закономерным, что он не сформулировал отличия научной системы от системы, например, бытовых представлений, идей и взглядов об уголовном праве. Сделал упор на прошлое, настоящее и будущее уголовного закона как на ключевой объект научного познания, ничего не говоря об иных материальных и вербальных средствах выражения и реализации уголовного права. Не упомянул он и о субъектах познания, присущих им свойствах и связанных с их жизнедеятельностью закономерностях.

В своих последующих произведениях А.В. Наумов развил представления о науке. В них он продолжил не отличать науку от теории уголовного права и

---

[128] *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций: в 2 т. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юридическая литература, 2004. – С. 29.

чередовать эти термины в основном из стилистических соображений[129]. Тем не менее главная мысль А.В. Наумова состояла в том, что совершенствование уголовного законодательства и его критика являются не единственными целями уголовно-правовой науки и она не должна только на них «зацикливаться» по ряду причин. Во-первых, наука, по убеждению правоведа, стоит выше других компонентов уголовного права (уголовного закона и судебной практики). Во-вторых, «первичность» науки обусловлена «первичностью» правосознания, предшествующего писаному праву. Таким образом, ученый сделал важное дополнение к своему первоначальному взгляду на науку уголовного права и обратил внимание на правосознание как на ключевой источник науки и поставщик представлений об идеальном праве, т. е. о том, каким право должно быть. Поэтому «правосознание также нуждается в наблюдении и разоблачении, а в целом должно выступать самостоятельным объектом изучения»[130].

Сформулированное А.В. Наумовым первичное определение науки получило поддержку в юридическом сообществе и тиражирование в литературе, особенно в учебной. Дословное воспроизводство определения ученого имеется в учебнике по уголовному праву под редакцией Ф.Р. Сундурова и И.А. Тарханова, где указано, что «наука уголовного права является составной частью юридической науки»[131]. Затем наука определяется учеными в качестве системы взглядов, идей и представлений об уголовном законе, основании и принципах уголовной ответственности, преступлении и его элементах, наказании и других мерах уголовно-правового характера, применяемых к лицам, совершившим преступления, социальной обусловленности и закономерностях развития этих явлений.

---

[129] Высказываясь, в частности, о приоритетах теории уголовного права криминалист прежде оценил состояние уголовного права как сферы человеческой деятельности, затем высказался о развитии науки рассматриваемой отрасли права, а в завершение выразил свое видение природы постановлений Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. Данный взгляд на теорию уголовного права, очевидно, не согласуется с суждением самого А.В. Наумова о науке, «предмет которой, – по его убеждению, – шире предмета уголовного права как отрасли права».

[130] См.: *Наумов А.В.* Теория уголовного права не должна сводиться к анализу и критике уголовного законодательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – № 1. – С. 121–140.

[131] Уголовное право России. Общая часть: учебник (3-е изд., перераб. и доп.) / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – М.: Статут, 2009.

Буквальный повтор также встречается при ознакомлении с полным курсом уголовного права, подготовленным в 2008 г. под авторством известных ученых. В нем наука уголовного права определяется как часть юридической науки и «совокупность теоретических взглядов, идей, представлений о российском уголовном праве как отрасли права (включая весь спектр проблем, образующих предмет данной отрасли), о его исторической ретроспективе, тенденциях и перспективах развития, международном и зарубежном уголовном праве». В отличие от иных форм познания, отмечали правоведы, «в рамках науки уголовного права исследуются история, современное состояние и будущее уголовного права России и зарубежных стран во всех ипостасях: как уголовно-правовая доктрина, как уголовное законодательство и как практика его применения»[132].

Еще одним типичным примером служит учебник «Уголовное право России» под редакцией В.П. Ревина, где дана очень близкая по содержанию дефиниция. В ней указано, что «наука уголовного права представляет собой систему концептуальных идей, взглядов и воззрений на проблемы развития уголовной ответственности и наказания, эффективности уголовного закона и практики его применения. Направления поиска уголовно-правовых средств и возможностей повышения эффективного их применения, прежде всего, для позитивных изменений количественных и качественных параметров преступности, характера и степени общественной опасности, совершаемых преступлений обусловлены многими обстоятельствами»[133].

Привнесенные автором этого понятия дополнение в понимание науки не так велико. От себя он добавил, что наука: 1) участвует в разработке уголовно-правовых норм и институтов, ведет учет эффективности их применения; 2) дает оценку культурно-воспитательных и профилактических возможностей общества и государства; 3) изучает и реагирует на состояние криминальной ситуации в России; 4) работает над повышением уровня правосознания населения с помощью пропаганды уголовно-правовых знаний; 5) вырабатывает социально

---

[132] Полный курс уголовного права. Т. I: Преступление и наказание. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.

[133] Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстицинформ, 2016.

обусловленные, справедливые и в достаточной степени гуманные виды и размеры ответственности; 6) разрабатывает концептуальные положения теории уголовного права на основе социального заказа.

Далее можно не перечислять случаи воспроизводства предложенного А.В. Наумовым определения науки и не возвращаться к анализу связанных с ним издержек. Важнее обратить внимание на общую направленность или единство в подходе, безальтернативно избранному и используемому специалистами для раскрытия смысла и содержания науки. Во всех приведенных случаях прослеживается, что юристы принимали меры определить и развить свои представления о науке через суждения о ее прикладном предназначении. Иными словами, специалисты каждый раз пытаются по внешним признакам идентифицировать внутреннее существо науки. То есть подойти к ее значению через перечисление случаев пригодности науки для окружающего мира. В этой связи наука уголовного права выступает у криминалистов либо способом, либо условием развития уголовного права.

Примером отмеченного подхода служит учебник «Уголовное право», вышедший в свет под редакцией Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога и А.И. Чучаева, в котором наука уголовного права отнесена к числу прикладных наук, а их позиция об этом обоснована тем, что основной функцией науки является изучение механизмов уголовно-правового воздействия в конкретных условиях жизни общества. В свою очередь движение извне вовнутрь науки оправдывается тем, что существенные изменения в жизни влекут за собой пересмотр принципов, поскольку на них основывалась правовая система социума.

Таким образом, заключали криминалисты, вполне закономерно, что наука определяется исходя из ее прикладного характера, прежде всего через ее предмет, где ключевыми элементами являются «нормы действующего уголовного законодательства и практика применения этих норм в ходе предварительного расследования, судебного разбирательства и дальнейшего исполнения наказаний»[134].

---

[134] См.: Уголовное право. Общая часть: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Чучаева. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. – С. 12.

Со всеми вышеприведенными интерпретациями, посвященными науке, сложно поспорить. Ведь известно, что через подобное, во многом внешнее наблюдение и описание различных форм проявления науки не может быть вскрыто ее существо. Вернее сказать, что через внешнее наблюдение будет и может быть познана только внешняя сторона науки. Рассмотрение вышеперечисленных определений подтверждает, что с их помощью прослеживается лишь функциональная часть науки. То есть дается ответ на вопрос не о том, что есть наука, а то, чему или каким событиям и процессам она способна благоприятствовать – развивать уголовно-правую теорию, модернизировать отраслевое законодательство, совершенствовать правоприменительную практику, а в целом содействовать борьбе с преступностью и повышать уровень охраны прав и интересов личности, общества и государства.

Оригинальный взгляд на науку уголовного права предложил А.Э. Жалинский. Описание общих и специфических черт науки ученый начал с обозначения ряда очевидных, как он сам подчеркнул, постулатов. Во-первых, специалист вопреки всем сомнениям настоял на том, что уголовно-правовая наука как ветвь правовой науки существует как данность, как социальный феномен, без труда распознаваемый и одинаково используемый. Во-вторых, ученый отметил, что основное предназначение науки уголовного права состоит в производстве отличающейся своей новизной информации, необходимой, надежной и подготовленной к использованию законодателем и правоприменителем, т. е. отвечающую исторически выработанным правовым и нормативно-профессиональным стандартам. В-третьих, юрист указал на то, что потребность в уголовно-правовой науке вытекает из необходимости понимания природы, задач и истории уголовного права. В этой связи, писал правовед, наука помогает своим потребителям оптимизировать качество уголовной политики; отражает целостное состояние отрасли, формирует и представляет обществу ее картину; вырабатывает язык общения юристов и выводит национальную отрасль уголовного права на международный уровень.

Далее А.Э. Жалинский, как и А.В. Наумов, для раскрытия содержания науки обратился к понятию системы. В отличие же от своего коллеги, А.Э. Жа-

линский не стал перечислять конкретные части, которые системным методом собираются в целое, а указал на информацию как на объект интереса науки и ее конечный продукт. По его словам: «…наука уголовного права, как и любая иная наука, является системой получения информации особого рода и способом ее производства…»[135]. При этом ученый понимал, что указание на информацию никак не выделяет науку и не обособляет ее от иных производителей информации. Поэтому специалист всячески пытался оговорить и детализировать данное им определение науки ссылками на то, что производимая ею информация «обязана соответствовать природе уголовного права и признанным научным уголовно-правовым положениям» и не должна «засоряться утверждениями, которые невозможно проверить на конституционно-правовой и уголовно-правовой основе». Также правовед старался отделить науку от догматики и дидактики. Обращал внимание на то, что если «результаты догматического анализа направлены лишь на уяснение и воспроизведение того, что уже содержится в уголовном законе, ... что ... научная система обладает распознающей ценностью: в ней достигается и доказывается единство и непротиворечивость мыслительной или предметной областей, что является, – как писал А.Э. Жалинский, – целью всякой науки, и в ней каждая деталь в рамках целого определяется в ее истинном значении»[136].

Несмотря на специфичность своего взгляда на науку, критический самоанализ привел криминалиста к выводу о том, что в общем он согласуется с распространенным в литературе традиционным определением о науке как системе уголовно-правовых идей, взглядов, теоретических положений, относящихся ко всем проблемам уголовного права. Вместе с тем с течением времени взгляд А.Э. Жалинского на науку претерпел изменение и уточнение, а в целом получил развитие. Ученому стало понятно, что появлению всякой науки предшествует появление мысли. Продуктом именно мыслительной деятельности общества является уголовное право (закон и доктрина). Текст закона и его содержание, отмечал он, есть

---

[135] *Жалинский А.Э.* Наука современного уголовного права // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр. Серия: Правоведение. Центр социал. научн.-информ. исслед. Отдел правоведения, ИГП РАН, Гос. ун-т – Высш. шк. экономики; отв. ред. А.Э. Жалинский. – М., 2007. – С. 9.

[136] *Жалинский А.Э.* Там же. – С. 10.

результат не только профессиональной, но и непрофессиональной умственной деятельности людей. Качество продукта зависит от уголовно-правового мышления, его соответствия социальным реалиям и потребностям. Таким образом, под уголовно-правовой мыслью криминалист понимал выраженную в обыденном и профессиональном правосознании совокупность проверенных и непроверенных, правильных или ложных суждений об уголовном праве. Она по своему составу не стерильна и не существует, по его убеждению, в чистом виде, так как смешана, как правило, с моральными установками, этическими и религиозными взглядами. Также ученый выразил недовольство тем, что уголовно-правовая мысль как общественное явление не изучается в отраслевых источниках[137].

Затем правовед раскрыл смысл и обосновал цель совместного изучения проблематики уголовно-правовой мысли и уголовно-правовой науки. При появлении в его теории представлений о мысли, А.Э. Жалинский уточнил положение науки уголовного права и как института, и как совокупности суждений. Указал на то, что «уголовно-правовая наука развивается лишь как часть уголовно-правовой мысли, является лишь одним из способов отражения уголовного закона и практики его применения, лишь одним из источников необходимой обществу информации». При этом ученый затруднился оценить науку как надежный способ получения информации, имеющей отношение к уголовному закону. Заметил лишь то, что «законодатель зачастую готов пойти на поводу у избирателя, а не по предложенному наукой пути»[138].

Что касается феномена знания, то правовед неоднократно его упоминал. Одно из значимых утверждений его о знании сводится к тому, что наука уголов-

---

[137] Уголовное право: учебник: в 3 т. Т. 1. Общая часть / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А.Э. Жалинского. – М.: Издательский Дом «Гордец», 2011. – С. 67–68.

[138] «В этих рамках уголовно-правовая наука может осознать и ввести в оборот: методологические и социальные предпосылки уголовного закона, прежде всего легитимирующие его использование, дать целостную характеристику потребностей в уголовном праве. Она может раскрыть механизм действия объективного уголовного права и его последствий, продуцировать знания и собирать эмпирическую информацию, соответствующую определенным стандартам, выявлять проблемные ситуации применения уголовного закона и его адаптации к социальным переменам» // *Жалинский А.Э.* Наука современного уголовного права // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр. Серия: Правоведение. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел правоведения, ИГП РАН, Гос. ун-т – Высшая школа экономики; отв. ред. А.Э. Жалинский. – М., 2007. – С. 13–14.

ного права занимается производством знания. Каждый раз контекст понятия, в рамках которого оно использовалось, сводился к перечислению знания в числе иных продуктов науки. Более к знанию как термину либо феномену юрист не обращался.

Собственное понимание науки предложил Б.В. Волженкин. Правовед много не говорил о науке. В основном интересовался историей науки и выяснением сопутствующих ее развитию событий. Раздел монографии «Российская наука уголовного права и ее развитие» автор подразделил на параграфы «История развития российской уголовно-правовой науки до 1917 г.», «Советский период истории развития науки уголовного права» и «Современная наука российского права». При этом недвусмысленный посыл каждого параграфа ведет к пониманию того, что становление науки уголовного права напрямую связано и непременно следует за процессом развития уголовного законодательства. С одной стороны, в этой взаимосвязи и последовательности нет ничего удивительного. Основным объектом познания науки уголовного права естественно является уголовный закон, и его совершенство может главным образом знаменовать практическую полезность науки для общества. С другой стороны, не менее важно «подсобное» положение науки. Она, несмотря на смену эпох, не выдвигала идеи и не увлекала за собой практику этими идеями, не прогнозировала и не модерировала проекцию уголовно-правового будущего. В большинстве случаев наука призывалась в качестве помощника к обоснованию или верификации уже выдвинутого практикой проекта того или иного уложения, призывалась для его оправдания или опровержения.

Одним из примеров служит указание ученого на то, что именное новое законодательство, возникшее на фоне коренного изменения общественно-экономического и политического строя, оживило современную научную жизнь. Оно вызвало потребность в его научном комментировании и разъяснении в практических целях. За несколько лет вышло множество научно-практических комментариев, подготовленных различными авторскими коллективами, учебников общей и особенной частей уголовного права, в том числе и авторских. К сожалению, эти учебники практически не отличались друг от друга. Тем не менее Б.В. Волженкин дал

определение науке, к которому нередко прибегали другие специалисты. По его мнению, «наука представляет собой систему знаний о закономерностях развития природы и общества и способах воздействия на окружающий мир. Непосредственную цель науки можно определить как описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, составляющих предмет ее изучения. Таким предметом для науки уголовного права является само уголовное право. Однако понимание сути этого предмета, задачи, направления и методы его изучения менялись на протяжении исторического пути развития науки»[139].

Из приведенной дефиниции становится очевидным, что криминалист один из немногих юристов, кто выделил категорию «знание», целенаправленно ввел его в определение науки и связал два феномена друг с другом, указав на знание как на содержание науки. Знание в формулировке правоведа выступает тем феноменом или целым, которое опускали или вскользь называли ранее упомянутые ученые в суждениях о науке, останавливаясь лишь на элементах знания и ими ограничиваясь. Наука, по восприятию ученого, является специфическим резервуаром знания. Знание начало выступать субстратом, а наука – сферой систематизации его элементов.

Основываясь на контексте, который окружал современную уголовно-правовую науку, и которым она себя сама окружила, криминалист отмечал ее стремление исключить декларативность и идеологические штампы, характерные для прежнего уголовного законодательства. Также он сделал вывод о том, что «в 90-е годы XX века развитие уголовно-правовой науки в России шло преимущественно по экстенсивному пути. Освободившись от идеологических пут и отказавшись, во всяком случае номинально, от марксистской методологии в исследовании уголовно-правовых проблем, российские криминалисты не смогли еще должным образом разработать методологические подходы в уголовно-правовых исследованиях»[140], что по признанию ученого и других авторитетных криминалистов является одной из самых актуальных задач современной науки[141].

---

[139] *Волженкин Б.В.* Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 416.

[140] Там же. – С. 498–499.

[141] См.: *Жалинский А.Э.* О методологических основаниях уголовного права // Уголовное право. – 2000. – № 3; *Наумов А.В.* Обновление методологии науки уголовного права // Советское госу-

Б.В. Волженкин также отмечал, что «практически не проводятся исследования социальной обусловленности и эффективности современных уголовно-правовых институтов». Обобщая мнения современников[142], юрист заключил, что «будучи наукой юридической, общественной, уголовно-правовая наука изучает право не просто как совокупность норм и уголовно-правовых понятий, а как явление социальной жизни, в его становлении, развитии, реальное функционирование действующего права как социального института, перспективы его развития, т. е. прошлое, настоящее и будущее уголовного права»[143]. Что касается философской основы исследований российских ученых, то Б.В. Волженкин отметил, что в большинстве случаев они ограничивали себя работой с философией в виде контакта с методом диалектического материализма, предусматривающего изучение уголовного права как явление общественной жизни, органически связанное с конкретными условиями действительности.

В учебнике по уголовному праву, вышедшем в свет в 2008 г. под редакцией И.Я. Козаченко, отсутствует раздел, посвященный науке. Представления ученого о науке включены в параграф о социальных гранях уголовного права. В нем он рассмотрел уголовное право как: 1) исторически непреходящую реальность, 2) социальную ценность, 3) научное явление, 4) отрасль права как необходимый обществу и государству уголовно-правовой инструментарий для эффективного влияния на реальные поступки людей, исключая из них или ограничивая преступные; 5) предмет творческого и профессионального познания, т. е. как учебную дисциплину. При этом под уголовным правом как наукой юрист понимал явление, включающее в себя «самые разумные и прогрессивные идеи, питающие законотворческую и правоприменительную деятельность государства». Нужно отметить, что это определение не сильно отличается от понятия «уголовное

дарство и право. – 1991. – № 12; *Загородников Н.И., Сахаров А.Б.* Демократизация советского общества и проблемы науки уголовного права // Советское государство и право. – 1990. – № 12.

[142] Ученый рассмотрел определения предмета науки уголовного права, предложенные Ю.В. Голиком и А.И. Коробеевым (Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Преступление. – Владивосток, 1999. – С. 20–21), О.Ф. Шишовым (Российское уголовное право. Т. 1. Общая часть. 20-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.И. Рарога. – М., 2002. – С. 9), Ф.Р. Сундуровым (Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Ф.Р. Сундурова. – Казань, 2003. – С. 23–24).

[143] *Волженкин Б.В.* Избранные труды... – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 499.

право» как учебной дисциплины, поскольку, по его убеждению, она занимается тем, что «помогает юристу обрести комплекс необходимых знаний для решения серьезных уголовно-правовых проблем»[144].

Далее в учебнике обобщены сложившиеся взгляды на науку. Сначала обращено внимание на многоаспектность науки и на ее сопряженность с уголовно-правовой культурой нации, на ее включенность в борьбу с преступной идеологией и преступностью в обществе вообще. Затем – на отличие уголовного права как науки от уголовного права как отрасли права, которое «заключается не только в доктринальной оценке того, что мы имеем на сегодня, но и в выработке уголовно-правовых идей, взглядов и знаний об уголовном законе, принципах, истории и перспективах развития отечественного и зарубежного уголовного права, о преступлении, наказании и других мерах уголовно-правового воздействия»[145].

Особенность науки уголовного права от иных форм проявления этой отрасли реализуется через то, что она познает ее институты, во-первых, как правовые явления, во-вторых, в их ретроспективе и, в-третьих, через преломление на практике. То есть специфичность науки состоит в возможности применения комплекса методов и точек обзора для познания рассматриваемого феномена. Более того, отличительная черта науки состоит в ее возможности развивать различные уголовно-правовые теории, на что редко обращают внимание специалисты, хотя за этим наблюдением стоит важное различие между наукой и теорией уголовного права, указывающее на их взаимное соотношение. Первое является включающим, а второе – включаемым. Для выполнения своей задачи наука занимается изучением зарубежного законодательства и международно-правового опыта, мониторингом и обобщением правоприменительной практики, разработкой рекомендации по модификации мер борьбы с отдельными видами преступлений и с преступностью в целом. «Иными словами, – как сделан вывод в учебнике, – суть науки уголовного права выражается в систематизации всей совокупности знаний, относящихся ко всем институтам уголовного права. <...>

---

[144] Уголовное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 19–20.

[145] Там же.

При этом цель науки и научной деятельности он обнаружил в том, чтобы заставить “работать” отрасль на благо личности, общества и государства»[146].

По-иному к раскрытию значения и содержания науки уголовного права подошел коллектив Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Он дал определение науки, перечислил методы познания, обратил внимание на значение науки для правоприменительной и законотворческой деятельности, а также на взаимосвязь науки с иными дисциплинами криминального цикла. По мнению авторов, «уголовно-правовая наука представляет собой область знаний об уголовно-правовых явлениях (уголовном законе, преступлении, наказании, иных мерах уголовно-правового характера и т.д.), об истории уголовного права, тенденциях его развития, путях совершенствования, о зарубежном и международном уголовном праве»[147].

Исключением из общего правила является позиция С. Боронбекова, который рассмотрел науку уголовного права и лаконично изложил представления о ней по всем правилам гносеологии. В первую очередь правовед связал науку со знанием как своим субстратом и заявил о том, что наука есть система знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления, сфера человеческой деятельности, что наука – это не только результат, но и процесс. Опираясь на энциклопедические словари, дал следующую формулировку: «…являясь особой формой познания мира и его преобразования, наука охватывает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат – сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира»[148]. Во вторую очередь он констатирует, что наука и теория не являются синонимами ни в терминологическом, ни в функциональном плане. Теория для науки уголовного права является формой выражения. И далее отметил, что основное предназначение науки заключается в выработке и теоретической систематизации объективных знаний о действительности. При этом, в отличие от обыденного познания, наука «… ориентируется на поиск сущности,

---

[146] Уголовное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 22.

[147] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012.

[148] *Боронбеков С.* Уголовное право: понятие, предмет, метод, система, задачи и функции: монография. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2005. – С. 25.

истины, т. е. того, что не лежит на поверхности явлений и процессов, не дано непосредственно чувствам, более того, скрыто от них»[149].

Среди периодических изданий не так много трудов, посвященных науке уголовного права. В ней до сих пор не сформировался кластер, регулярно и профессионально занимающийся проблемами гносеологии уголовного права. Имеющиеся труды указывают на разовое или эпизодическое обращение авторов к вопросам науки, ее существа и содержания. Если говорить точнее, то происходит отвлечение специалистов на дилеммы научного мышления, так как основные усилия они тратят на познание иных, узкоспециализированных уголовно-правовых тем. В результате сложилось положение, при котором научные исследования активно и широко проводятся, но среди них в большом дефиците остаются изыскания, посвященные самой науке. Наука, иными словами, развивается, не заботясь о самой науке.

Не менее очевидным является то, что качество представлений криминалистов о науке варьируется на уровне материала, предложенного и растиражированного учебными пособиями, в нормативных критериях к которым еще сохраняются требования изложения знаний о науке и ее методах. В результате сложилась парадоксальная ситуация, при которой возникла возможность использовать научные методы без знаний о самой науке, закономерностях и тенденциях ее функционирования. Специалисты часто используют термин «наука», однако редко его раскрывают и, как следствие, используют по назначению[150]. Редкое исключение составляет дискуссия, развернувшаяся между академиком В.Н. Кудрявцевым и профессором А.В. Наумовым, а также присоединившимся к ним

---

[149] *Боронбеков С.* Уголовное право: понятие, предмет, метод, система, задачи и функции. – С. 26.

[150] См., напр.: *Закаев А.Х.* Понятие уголовной ответственности в законодательстве и науке уголовного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 2 (115). – С. 170–175; *Тонян А.А.* Общая характеристика состояния беспомощности в науке уголовного права // Синергия наук. – 2016. – № 2. – С. 89–96; *Лоба В.Е., Малахова А.С.* Развитие учения о субъекте преступления в отечественной науке уголовного права XIX – начала XX столетия // Уголовная юстиция. – 2017. – № 1 (9). – С. 15–20; *Ларина Л.Ю.* Субъекты уголовно-правового отношения в науке советского уголовного права // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2017. – № 1. – С. 50–53; *Филатов А.Д.* К вопросу определения стадий совершения преступлений в науке уголовного права РФ // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 5 (13). – С. 394–398; *Саввин А.М.* Исследование предмета уголовного права в отечественной юридической науке // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2015. – № 1. – С. 63–67 и др.

коллегам. Но и эта дискуссия главным образом была посвящена вопросу оценки состояния некоторых элементов отечественной науки уголовного права. Общее представление о науке и науковедении в российском уголовном праве можно составить только по результатам отыскания в научных изданиях суждений ученых и сложения из них как «фрагментов» итоговой картины.

К числу немногих специалистов, занимающихся разработкой самой науки, относится Г.В. Верина. Она постаралась отыскать сущность науки и сравнить этот термин с другими понятиями. Прошла по пути от определений науки, которые дают толковые словари, до дефиниций, предлагаемые представителями науки уголовного права. Если в первых источниках наука в общем и целом единообразно объясняется как система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления. То во вторых она раскрывается по-разному. Понятие «наука уголовного права» трактуется криминалистами то как «догма» (П.П. Пусторослев), то как «наука о человеке» (В.В. Есипов). Или как «исследование взаимно дополняющих и друг друга обусловливающих понятий: понятия о преступном деянии и понятия о наказании» (И.Я. Фойницкий). В XX в. внимание исследователей переключилось с понятия «наука» на понятие ее предмета. Стали предприниматься попытки разработки последнего для прояснения первого.

Отметив переключение исследователей с понятия «наука» на понятие ее предмета, Г.В. Верина не пошла дальше и не обнаружила, что дискуссия о науке, ее феномене и содержании, о «внутренних органах» науки переведена современными криминалистами в плоскость вопросов о ее предмете, задаче и методах, т. е. в область сугубо внешних атрибутов науки, где ее значение предлагается выяснять, как правило, «через суммирование основных задач, стоящих перед российской уголовно-правовой наукой в современный период»[151]. К сожалению, Г.В. Верина не обратила должного внимания на избавление специалистов от категории «знание» из формулируемых ими определений науки. Она сосредоточилась на наличии или отсутствии в предлагаемых учеными определениях отдельных элементов. Например, упоминаются ли в них категории «преступление» и

---

[151] См., напр.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. проф. *Б.В. Здравомыслова*. – М.: Юристъ, 1999. – 480 с.

«наказание» как два важнейших «кита» науки уголовного права. Придается ли в разрабатываемых дефинициях значение человеку, который совершает преступление и терпит наказание. Выясняет причины выбытия человека и появления в определениях о науке терминов «право» и «закон». Результаты сравнительного исследования позволили Г.В. Вериной сделать заключение о том, что наука права представляет собой незамкнутую и эволюционирующую систему «…концепций по вопросам преступления и наказания, носителем которых выступает человек, не только обязанный воздерживаться от совершения преступления, но и обязанный претерпевать уголовно-правовое воздействие (в виде порицания государства в форме обвинительного приговора суда, уголовного наказания или иной меры уголовно-правового характера) в случае совершения преступления»[152].

Исследование элементов науки уголовного права провела О.А. Яковлева и констатировала, что специалистами до сих пор не выработана единая система элементов науки уголовного права, наиболее полно отвечающая сущности самой науки. Углубившись в теоретико-ретроспективный аспект, О.А. Яковлева показывает, что «данную систему образуют *уголовная догматика* как выражение потребности в исследовании и систематизации материала, содержащегося в уголовном законодательстве, иной нормативной базе, теории; *уголовно-правовая политика* как необходимость критического отношения к уже существующим явлениям и как следствие – работа по их улучшению; *этиология* как необходимость исследования причин преступности. Преступность есть следствие каких-то причин, не открыв их и не воздействуя на них, нельзя изменить и следствия»[153].

Профессиональным познанием феномена науки уголовного права занимается Н.А. Егорова. Науку этой отрасли права она назвала одной из самых смелых и самокритичных. В ее понимании наука представляет собой отрасль знаний, имеющая дело с социальной патологией – преступностью – и средствами ее «лечения». Как одна из отраслей знания уголовное правоведение стремит-

---

[152] См.: *Верина Г.В.* Наука уголовного права, концепция, концептуальные основы российского уголовного законодательства: сущность и соотнесение понятий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 4 (117). – С. 168–176.

[153] *Яковлева О.А.* Элементы науки уголовного права (теоретико-ретроспективный анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2015. – № 1 (26). – С. 55–58.

ся к взаимодействию с другими сферами знаний. Без конвергенции с ними оно не способно решить стоящие перед ним задачи. В состоянии замкнутости, т. е. только доктринальными силами и в пределах текста уголовного закона, без опоры на философию, историю, социологию, криминологию и другие науки, в том числе математику, нельзя осуществить полноценное уголовно-правовое исследование и выработать на его основе выверенное практическое решение. Обзор современных источников по уголовному праву позволил ей сделать вывод, что одной из ключевых задач науки исследуемой отрасли права становится познание самой себя, определения места в системе иных духовных феноменов и выявления своих внешних зависимостей. На первостепенность этой задачи, по мнению Н.А. Егоровой, указывает «…повышенный интерес наших специалистов к таким концептуальным вопросам, как предмет уголовного права, его методология, легитимация уголовного права, а также действительная роль уголовного закона в регулировании поведения людей…; реальная (не предполагаемая) опасность тех или иных видов поведения, понятия преступления и состава преступления и пр .<...> актуализация указанных тем доказывает, что помимо традиционного, экстенсивного пути развития, который предполагает следование за уголовным законодательством в целях его познания и оценки, наметилась тенденция к изучению философских, социальных, моральных, психологических, религиозных оснований уголовного права»[154].

В отличие от своей коллеги Р.А. Базаров исследовал понятие науки уголовного права без углубления в толковые словари и начал с определений, что даны в юридической науке. Сослался, в частности, на предложенную В.М. Сырых дефиницию, в которой «под юридической наукой понимается многофакторная система знаний о государстве и праве, накопленных обществом за время его существования»[155]. Затем он без исследования взаимосвязанности общетеоретических и отраслевых понятий о науке перешел к объяснению происхождения понятия «уголовное право». После этого сослался на распространенное в юридической

---

[154] *Егорова Н.А.* О некоторых проблемах развития науки уголовного права // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.В. Векленко. – Омск, 2012. С. 9–13.

[155] См.: *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. – М., 2014. – С. 13.

литературе и сформулированное Б.В. Волженкиным определение, в котором «под наукой уголовного права понимается система представлений, взглядов, идей об уголовном законодательстве, его социальной обусловленности, научной обоснованности, эффективности в деле противодействия преступности, а также о закономерностях и тенденциях дальнейшего совершенствования уголовного законодательства, об истории уголовного права, о зарубежном и международном уголовном праве»[156].

В дальнейшем ученый перешел к обзору основных отраслевых исследований, сделавших существенный вклад в становление науки уголовного права в период до 1917 г. Он не стал углубляться и заниматься перепроверкой состоятельности современных представлений о науке уголовного права. Также не обратил внимания на то, что наука начинается с мысли о праве. Правильное мышление о праве, т. е. научное, образует знание и познание предмета. Иными словами, Р.А. Базаров ничего не сказал об исходных началах науки.

О существе науки рассуждает Ю.В. Голик, обративший внимание на принципы науки уголовного права. Они, по его мнению, не являются принципами уголовного права или законодательства, частично могут совпадать, но это совпадение будет только внешним сходством. Поскольку у принципов науки уголовного права стоят другие задачи, то она должна рассматриваться отдельно и самостоятельно. Принципы обеспечивают приемлемость и удовлетворенность научными исследованиями, их способность отражать реальность. В отсутствие принципов, отмечал ученый, «каждый будет делать все по-своему, а полученные результаты нельзя будет ни проверить, ни сопоставить друг с другом. Все исследования будут проводиться как бы в разных системах координат.

Принципы – это научные формулировки, положенные в основу теории. Они образуют крепкий фундамент возводимого знания. При этом конструкция самого знания может меняться. К числу ключевых принципов науки уголовного права он отнес историзм, преемственность, методологичность, системность, критичность, связь с жизнью, целеопределенность, независимость, проверяемость

---

[156] См.: *Базаров Р.А.* Понятие науки уголовного права и ее становление в период до 1917 года // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 3 (21). – С. 30–35.

(верифицируемость). Их совокупность должна позволять «получать именно те результаты, которые максимально объективно отражают окружающую нас реальность. Никакого приукрашивания и никакого очернения, только то, что есть. Правда, как она есть, может не всем понравиться, но она и не должна всем нравиться. Иначе она перестанет быть правдой»[157].

Заслуживает внимания работа К.А. Сыча, посвященная позитивизму в науке уголовного права, присутствие которого, по справедливому замечанию ученого, продолжительное время находилось в стороне от общей теории права. Автор одним из немногих специалистов, кто обратил внимание на позитивистский сценарий развития современной российской науки. Через экскурс в историю выявил, что позитивизм как новое научное течение пришло в юридическую науку в конце XIX в. и ознаменовало своим пришествием ее избавление от жесткого влияния философии, продолжительное время выступавшая главным источником знания, а другие отрасли знания еще не были достаточно развитыми и самостоятельными. С приходом позитивизма, основанного на эмпирических данных антропологии, статистики, психологии и социологии, наука уголовного права перешла из разряда теоретических в прикладные дисциплины. Философия отпала еще и потому, что она, по мнению К.А. Сыча, как мировоззренческая наука лишена единой системы знаний и фактически состоит из великого множества самых различных школ, учений, воззрений. В отличие от философского многообразия позитивистское течение в науке уголовного права реализовывало прямо противоположный подход. Собирая и соединяя в себе данные указанных наук, позитивизм старается обосновать и утвердить принципы абсолютного детерминизма, а позитивистские исследования ставят себе основной научной целью – получение универсальных методов, способных эффективно противостоять преступности по сравнению с традиционными мерами уголовной юстиции. С учетом этого правовед пришел к выводу, что «ключевые отличия между существующими направлениями в науке уголовного права вызваны их неодинаковым пониманием

---

[157] См.: *Голик Ю.В.* Историзм как принцип науки уголовного права // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы Первой Всероссийской науч.-практ. конф. (22 мая 2015 г.) / Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар: Издательский Дом «Юг», 2016. – С. 34–37.

философского вопроса о свободе, воле человека, в том числе его свободы в выборе преступного поведения»[158].

Исследование исторических предпосылок формирования отечественной науки уголовного права привело Б.А. Молчанова и Ю.С. Анциферову к противоположным выводам. По их мнению, важнейшее значение в деле становления науки рассматриваемой отрасли права сыграла «старейшая» по времени формирования классическая школа уголовного права. То есть та школа, которая возникла в XVIII–XIX вв. и основывалась на осмыслении и адаптации к своей материи прогрессивных для своего времени идей философов-энциклопедистов – Вольтера, Ж. Руссо, Ш. Монтескье и других об общественном договоре и свободе личности, а также учений лучших представителей немецкой философии – И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля о «свободе личности», «свободе воли», «справедливости» и др.

Представители позитивного направления, по словам ученых, попытались взять реванш. Они отметили допущенные пробелы классической школы и на их основе попытались поставить под сомнение ее состоятельность. Предложили отказаться от неоднозначного по своему содержанию метафизического понятийно-категориального аппарата классической школы уголовного права, компенсировав его отсутствие своими естественнонаучными вариантами ответов на вопросы уголовно-правового порядка. Речь идет о компенсации прикладными знаниями из антропологии, медицины, биологии, физиологии и других дисциплин. Однако, по убеждению ученых, попытки коренного переосмысления позитивными школами основ уголовного права, которое длилось более ста лет, не увенчались успехом. Идеи о замене в парадигме уголовного права преступления на преступника, субъективное вменение на объективное, а также предложения по деюридизации таких категорий, как «вина» и «вменяемость», – остались не поддержанными временем.

Отдельно специалисты обратили внимание на потребности государства и проблемы общества как на основные активаторы и двигатели науки. «Именно потребности и проблемы требовали первоначально систематизации, а затем кодификации уголовного законодательства. Содержание научных исследований

---

[158] См.: *Сыч К.А.* Позитивизм в науке уголовного права // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3 (82). – С. 66–68.

знаний также зависит от уровня развития социума и сформировавшейся картины мира. Усложнение общественного устройства вело к модификации права, и если внешняя среда приводила к наращиванию объема правового материала, то наука всегда обеспечивала его качество»[159].

Также следует отметить работы Т.А. Родионовой и О.А. Яковлевой, занимавшиеся исследованием роли науки уголовного права на ранних этапах ее становления. Историко-правовой анализ привел их к согласию с выводами известного историка права Г.С. Фельдштейна и к пониманию того, что первые проявления науки уголовного права не выходили за пределы простого описания уголовно-правовой практики, а ученая разработка права играла вторичную роль. В законодательных сборниках, посвященных и предшествующих составлению уголовных уложений, они не нашли подготовительной работы, которую можно было бы охарактеризовать как научную. Становление отраслевого законодательства XVII–XVIII вв. обусловливалось главным образом развитием общественных отношений, требованиями повседневного быта. Деятельность по совершенствованию нормативного массива осуществлялась официальными лицами, представлявшими не столько научную, сколько практическую сторону права. Производимая государством систематизация норм уголовного права, конечно, не была лишена теоретической основы, но научные достижения нередко носили практический характер. Отсутствовала доктринальная разработка основных идей уголовного права.

По результатам исследований специалисты предложили отличать историю науки уголовного права от истории уголовного законодательства. При этом отмечали, что «именно увеличение объема нормативного материала обусловливало появление различных уголовно-правовых школ. Процесс взаимодействия теоретических решений и юридической практики давал импульс развитию науки уголовного права»[160].

---

[159] См.: *Молчанов Б.А., Анциферова Ю.С.* Теория науки уголовного права: исторический опыт и современные реалии (на примере научных школ уголовного права XIX – начала XX века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2017. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 113–121.

[160] См.: *Родионова Т.А.* Роль науки уголовного права в становлении и развитии отечественного уголовного законодательства до XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 27 (318). – С. 84–87.

Первая половина XIX в. обозначена специалистами как период обработки права путем соединения и консолидации различных течений науки и практики. В этот период наука отечественного уголовного права уже представляла собой широкий спектр научных разработок и практических приемов осмысления материалов уголовно-правового характера. Массив юридических знаний западного и отечественного происхождения являлся предметом исследования ученых-догматиков, которые делились на два течения: историко-догматическое и философско-исследовательское. Параллельно развивались учения естественно-правового характера, видящие основу преступного поведения человека в его умозаключениях. Обобщение юридических трудов теоретической и практической направленности стало основной задачей ученых.

В связи с возникшим многообразием научных течений и школ возникла потребность в достижении «компромисса» взглядов и идей, что предлагалось достичь через их консолидацию. За достижение этой цели взялись ученые, представляющие в основном эклектическое направление в науке уголовного права. «За» и «против» эклектизма высказывались разные точки зрения. Одни считали, что «эклектизм ведет к «нивелировке» и сглаживанию существующих в теориях крайностей»[161]. Другие отмечали, что «без стремления к единообразному пониманию вещей нет научного мышления: но жизнь шире теорий, и самая строгая доктрина должна, в конце концов, обратиться к эклектизму»[162]. Тем не менее востребованность эклектизма оправдывала практика, нуждавшаяся в нем при разработке в Российском государстве уголовного права и проходившая по пути изучения делопроизводства и заимствования западноевропейских учений. К эклектизму также подстрекала работа по созданию Свода законов Российской империи, когда «уголовное право стало предметом специального изучения и преподавания в университетах»[163].

---

[161] См.: *Чубинский М.П.* Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / *М.П. Чубинский.* – М.: Инфра-М, 2008. – С. 52.

[162] См.: *Бернштейн Э.* Исторический материализм / *Э. Бернштейн*. – СПб.: Тип. Н.Н. Каблукова, 1901. – С. 16.

[163] См.: *Яковлева О.А.* Наука уголовного права начала XIX века: «Русский эклектизм» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2015. – № 4 (29). – С. 199–202.

* * *

Проведенное исследование показало, что в большинстве случаев правоведами за основу собственных представлений о науке уголовного права взяты элементарные по своей смысловой ценности данные и преимущественно о ее внешней стороне. Оставлено без внимания то, что наука уголовного права представляет собой один из видов познавательной деятельности человека. В этом качестве наука взаимодействует не только с себе подобными науками. Как вид познания она кооперирует с обыденным, художественным, религиозным, мифологическим, философским и другими видами познания. Если говорить точнее, то это сознание человека в зависимости от преследуемой цели работает в формате либо научного, либо ненаучного вида познания. Поэтому наука уголовного права должна заниматься исследованием положения своего предмета не только среди наук иных отраслей права, но и среди чужих, т. е. альтернативных видов познания.

Потребность в проведении такой работы обусловлена вескими причинами. Во-первых, необходимостью самоидентификации науки и отличия ее от ненаучных видов познания, определения ею собственных пределов и обнаружения еще не покоренных горизонтов. Во-вторых, необходимостью выстраивания наукой межпознавательных контактов, т. е. созданием условий ее взаимодействия с разными видами познания, их обоюдного обогащения за счет достижений друг друга. В-третьих, необходимостью встречной и взаимной верификации этими видами познания результатов своей изыскательной деятельности. Если говорить в целом, то первозадача науки уголовного права состоит в том, чтобы выявить закономерности каждого вида познания и изучить их воздействие на науку, а также самой науки на другие виды познания и на жизнедеятельность человека. Сравнение разницы между бытовым, профессиональным и научным восприятием общественной опасности совершенного преступления позволяет, например: вскрыть причины, по которым уголовно-правовые запреты, сконструированные законодателем, принимаются и реализуются профессиональным сообществом, соблюдаются социумом, либо отвергаются или игнорируются им; обнаружить факторы, оставляющие научные рекомендации в сфере уголовной юстиции слабо востребованными институтами правотворчества и правоприменения.

Не менее важно понять, что наука входит и исходит из состава более широкого феномена. Речь идет о познании, через призму которого наука раскрывается как один из способов и процессов преобразования человеческим сознанием результатов его взаимодействия с миром в идеальную (знаково-символическую) систему. Являясь неотъемлемым спутником сознания и воплощением его жизнедеятельности, познание опосредует все стороны человеческого мира. Лишь в абстракции познание представляет собой автономную область идеальностей, обладающую собственными источниками и динамикой развития. Как перманентный процесс сознания, познание сопровождает деятельность каждого человека, приобретая по мере своей реализации либо индивидуальные, либо коллективные очертания. Познание обеспечивает их нематериальными образами, в которых и при помощи которых внешний мир укладывается и уживается в сознании человека. В натуральном виде, в силу известных физических параметров и физиологических ограничений, реальность не может уместиться в сознании человека. Он нуждается для своей организации, как отмечает И.Т. Касавин, «в идеальных, т. е. возможных, пробных, приблизительных, вариативных моделях и перспективах»[164]. «Реальные объекты, – как пишет В.С. Степин, – замещаются в познании идеальными объектами и выступают как абстракции, которыми оперирует мышление»[165].

Из сказанного следует, что научное познание наряду с бытовым или философским познанием занимается выработкой и поставкой для сознания человека представлений (или «образов») о криминальной действительности, в т. ч. о таких ключевых явлениях уголовного права, как преступление и наказание. Из истории философии известно, что философская мысль никогда не упускала из виду уголовный вопрос и всегда предусматривала для него место в конструируемых картинах мира. Без него они оставались и считались незавершенными. Разработанные разными видами познания представления могут совпадать, а могут раз-

---

[164] *Касавин И.Т.* Истина // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 2 / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – С. 169–172.

[165] *Степин В.С.* Наука // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 3 / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – С. 23–29.

ниться, дополнять или опровергать друг друга. При этом представления отличаются не только и не всегда по качеству их содержания (точности, достоверности или обоснованности). Они отличаются также по форме. Например, участники судопроизводства, прежде всего следователи, прокуроры, судьи и адвокаты, руководствуются профессиональными представлениями о требованиях уголовного закона и криминальном происшествии, а члены окружающего их общества для понимания произошедшего пользуются сугубо бытовыми соображениями. Если первым для квалификации содеянного требуется совокупность отраслевых знаний, то вторым для этого же вывода о событии достаточно поверхностного наблюдения и элементарного обобщения увиденного. В свою очередь привлеченные к изучению обстоятельств преступления эксперты используют специальные научные знания из области медицины, финансов, бухгалтерии, налогового дела и других сфер.

Отдельно следует отметить, что между видами познания могут возникать диссонансы или даже конфликты, так как представления об уголовно-правовых событиях добываются по-разному. Если объективные причины этих конфликтов в основном обусловлены степенью совершенства методологии того или иного вида познания, то субъективные – зачастую скрываются в том, что виды познания теряют связь с общей целью по установлению истины. Они переподчиняются либо второстепенным, либо иным целям, что ведет к искажению преобразуемой реальности и вслед за этим к предоставлению сознанию искаженных о ней представлений. Так происходит, например, когда законодатель в силу политической конъюнктуры принимает тот или иной закон не на основе научно обоснованной позиции, а из желания угодить популистскому запросу избирателя. Еще одним из наиболее наглядных примеров служат случаи, когда профессиональное сообщество юристов приходит к выводу о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении, а присяжные заседатели – представители из народа – отрицают эту позицию и оправдывают человека, руководствуясь повседневными представлениями, стереотипами или предубеждениями о жизни. В этом случае особенность науки как специфического вида познания, с одной стороны, состоит в его нацеленности на поиск достоверных данных и способности за счет собственной

методологии вырабатывать объективные, системно организованные и обоснованные знания о мире. С другой стороны, наука также не лишена «перекосов», а ее представители не всегда привержены заявленной специфической черте.

Существующая вероятность искажения реальности и недопустимость наступления такого последствия как прямо противоположного результата научной работы свидетельствуют о том, что еще одной важнейшей функцией науки является самореференция, т. е. перепроверка вырабатываемых ею знаний, в том числе за счет средств других видов познания. К примеру, философия предоставляет науке уголовного права возможность выйти за собственные гносеологические пределы и взглянуть на них со стороны, при необходимости переоценить их потенциал, перестроить или скорректировать познавательные механизмы. Через такого рода работу реализуется самопознание человеком самого себя, он анализирует и оценивает собственное содержание. То есть отделяет в самом себе сомнительное от несомненного, а также узнает, как можно влиять на сознание внутренних и внешних факторов (в частности, страстей или интересов). Кроме того, через самопознание человек формирует о себе знание и способен регулярно его обновлять, поддерживать в актуализированном состоянии. Получая знания о факторах, обусловливающих жизнедеятельность своего сознания и организма, человек обретает возможность перейти к освобождению от них или к ослаблению их влияния.

Основными средствами преобразования действительности и их конвертации в употребимый для сознания вид выступают категории смысла и значения. Они образуют единую и устойчивую структуру каждого мыслимого представления (образа), которое создается и воспроизводится познанием. В этой конструкции смысл отвечает за стабильное, а значение – за изменчивое. Смысл образует совокупность неизменных признаков отношения, существующего между предметом и человеком, а значение фиксирует наличие в этом отношении изменяющихся элементов и их параметров. И не только смысл предрасполагает появлению значения, но и значение образует функциональную возможность смысла.

Выделение в составе любого вида познания отмеченных категорий требует от юриспруденции выработки и ввода в свой тезаурус таких дефиниций, как «уголовно-правовой смысл» и «уголовно-правовое значение». То есть понима-

ния того, что в уголовно-правовой материи выступает постоянным и неизменным, а что подвержено коррозии времени. При этом поиск константного и переменного касается не только суждений и понятий, а и выявления признаков преступления, которые в его понятии обозначают веяние текущего момента или имеют безвременный статус. Способствует установлению в перечне преступлений тех из них, которые от эпохи к эпохе не покидают своего места, либо, напротив, занимают это место на короткий период проявления интереса к нему со стороны господствующей власти. Вопрос о сущем и существующем в уголовном праве также затрагивает уголовно-правовые ценности, принципы, систему этой отрасли и ее организацию в жизни каждого индивида и общества. Поиск смыслов и зачений, чем, собственно, изобилует уголовное право, помогает выделить и зафиксировать то, что образует ядро этой отрасли права и ее смыслообразующую идею.

Еще одно важное наблюдение заключается в том, что познанию в целом и науке как его виду предшествуют феномены сознания и самосознания. Их появление в основании науки отсылает исследователей к области психической жизни индивида, в которой под сознанием традиционно подразумевается сфера субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида. По мнению одних мыслителей, сознание есть нечто, что расположено «между нашими головами» и помогает их общению. По убеждению других, сознание есть нечто, что находится все же «между ушами» и представляет собой систему внутренних состояний человека. На самом деле известно, что тема сознания имеет давнюю историю, более сложную и проблемную категорию, чем сформировавшиеся в психиатрии и психологии в XIX–XX вв. представления о ней.

По определению видных ученых, «сознанием является идеальная по своей форме, смысловая по содержанию и внутренняя по месторасположению реальность. Эта реальность, – как писал С. Хомяков, – не менее действительна, чем внешняя»[166]. Как явление сверхсложное, оно включает в себя разные уровни и структурные компоненты. Но несмотря на их разность, они постоянно вза-

---

[166] См.: *Хомяков С.* писал: «Мир субъективного сознания с его пространством и временем так же действителен, как и мир внешний...» (Полн. собр. соч. 2-е. изд. – М., 1878. Т. 1. – С. 334).

имодействуют и взаимодополняют друг друга, образуя из себя сознание и его возможность обеспечивать единство и уникальность человека. С помощью сознания как универсума достигается овладение индивидуумом самим собой как целым. В составе деятельности сознание выступает в качестве внутреннего средства контроля как за ее ходом, так и за внешним по отношению к ней источником представлений о ее целях, смысле и оценке.

Условно специалисты выделяют в сознании три слоя. Первый слой – духовный, складывающийся на первых ступенях развития и в пространстве между Я – Ты, Я – Другой, образуя совокупное Я. На этом этапе появляется базисное чувство доверия – недоверия – к себе, к миру, а также другие чувства. Здесь же формируется базис внешнего недетерминированного поведения, иначе говоря – область моральных поступков, когда человек не задается вопросом «почему», а действует беспричинно и бескорыстно – «по совести», т. е. определенным образом, так как иначе не может. Второй слой – бытийно-эмпирический, состоящий из двух видов тканей – биодинамической и чувственной, которых еще называют строительным материалом функциональных органов индивида, прежде всего движения. Из-за абсолютной взаимозависимости этих тканей, их зачастую называют одной тканью, т. к. чувственная ткань переходит в биодинамическую, а биодинамическая – в чувственную. Во время движения обе формы чувствительности чередуются, что обеспечивает контроль за правильностью движения. Таким образом реализуется онтологическая рефлексия, занятая объектом и получаемым посредством обеих форм чувствительности знанием. Третий слой именуют бытийно-гносеологическим. На его уровне производятся операции со значением и смыслом. Как изъясняются специалисты, «происходит осмысление значений и означение смыслов».

Нельзя сказать, что наука уголовного права не выделяет сознание и не оперирует с ним в нуждах познаваемой отрасли. Ее представители выделяют сознание, но только не в самой науке и не в составе ее структуры, а в познаваемых ею объектах. В основном касаются феномена сознания, когда появляется необходимость оценить состояние субъективной стороны преступления, т. е. психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию. Когда воз-

никают сомнения во вменяемости лица, то вопросом о состоянии его сознания занимаются специалисты-психиатры. Иными словами, ученые, как правило, работают с производными значениями сознания. Выясняют его состояние и значение для надлежащей квалификации преступления или назначения адекватного наказания, а не для науки.

Благодаря сознанию и его способности к самосознанию, человек однажды осознал наличие в себе уголовно-правового начала. Затем было зафиксировано это начало в памятниках и обеспечено институциональное присутствие в социуме, до сих пор сознательно развивая и поддерживая его на ментальном уровне в актуализированном для себя состоянии. Более того, знание структуры сознания и законов его функционирования снимает как несостоятельные многие аспекты дискуссии о составе науки и ее методах познания. Например, понимание того, что в каждый акт сознания вовлечены все слои и образующие их элементы, девальвируют рассуждения о науке уголовного права как о неюридической дисциплине, и не оправдывают включение в нее в качестве составных частей такие области науки, как уголовную антропологию, социологию или психологию уголовного права, поскольку они не исследуют право, а рассматривают только биологические или социальные факты, лежащие в основе криминальных явлений. Вместе с тем, по причине единства сознания и знания эти предметы вполне включимы в состав уголовно-правового знания и обязательны для изучения каждым криминалистом. Это же понимание признает необоснованным отделение от уголовного права вопросов духовного (морального, нравственного и религиозного) порядка. В структуре сознания все эти компоненты находятся в постоянном вертикальном и горизонтальном взаимодействии. Между ними невозможно провести строгую границу, так как сознание проникнуто единством Я. Как отмечал С.Л. Франк, сознание есть единство «сознающего» и «сознаваемого»[167]. Сознание есть «самодовлеющая внутренне и первично данная нам реальность, истинно слитная с самим субъектом знания»[168]. Бытийный слой сознания дает первичную предметность. Рефлексивный слой воспроизводит вторичные, пре-

---

[167] *Франк С.Л.* Душа человека. – М., 1917. – С. 59.

[168] Там же. – С. 23.

вращенные или извращенные формы. Вторичные формы могут затемнять и искажать первичные.

Не менее важное значение для правильного понимания науки уголовного права имеет феномен знания. При формулировании его термина, как известно, знание ставят в противоположность поверхностному и фрагментарному мнению, где первое в отличие от второго представляет собой результат глубокого, полного и специализированного осмысления объекта в процессе познания. Вопрос о знании можно было бы отнести к производному от процесса познания результату и рассмотреть после этого феномена, а затем сделать умозаключение о том, что знание возникает с помощью познания и культивации им незнания, т. е. из того жизненного опыта, который нуждается в знании. В зависимости от избранного способа познания, человек в качестве конечного продукта получает научное, обыденное, художественное, религиозное, мифологическое или философское знание.

Здесь следует отметить, что подобное определение знания не отличается своей полнотой. Выясняется, что знание в том или ином качестве и объеме присутствует на каждом этапе функционирования сознания человека. По убеждению ряда специалистов, все что осознается, является знанием того или иного рода. Сознание, иными словами, существует в форме знания. Даже при элементарном восприятии незнакомого предмета человеком уже используется определенный круг гипотез. Другое дело, что исходное знание, взятое в этом качестве до применения к нему конкретных видов познания, может отличаться своей поверхностью, сводиться, например, к выделению и отличию предмета среди прочих объектов. В этом случае осознание предмета есть не что иное, как знание о его наличии. Подобного рода знание подводит исследователей к дальнейшему изучению предмета. Присоединяющееся к сознанию познание (с его динамичностью, векторностью и интенциональностью, поисковой установкой) осуществляет преобразование имеющегося знания в знание специализированное. С помощью выработанного знания в ту или иную жизненную плоскость вносится смысл, т. е. определенность, оправдывающая существование и необходимость феномена в составе более широкой реальности или целостности. Знание, таким

образом, служит еще и для того, чтобы различать контексты этих реальностей, а также отличать одну реальность от другой.

При соотношении понятий «знание» и «наука» становятся очевидными следующие выводы. Во-первых, знание является исходным началом для науки и ее конечным результатом как отдельный способ познавательной деятельности. Во-вторых, знание шире по своему составу, чем наука, которая воспроизводит собой только отдельный вид знания. Для его получения наука, в отличие от обыденного познания, требует субъект научной деятельности и применение им особых средств и методов изыскания. И, несмотря на свою ориентацию на объективное отражение мира, наука освещает лишь один из аспектов многообразия человеческой жизнедеятельности. Но научное знание отличается от других видов знания тем, что более всего устремлено к обретению признака эвристичности. И как вид знания, и как способ познания наука старается выходить за рамки сложившейся культурной традиции и стремится открыть новые измерения реальности. Она способствует расширению горизонта человеческого бытия.

Необходимо отметить, что теория – это язык науки, т. е. тот отличительный признак и качество, которые в свое время позволили протонауке перейти в статус науки. Если преднаука не выходила за границы наличного эмпирического опыта, то наука через теорию обрела возможность строить идеальные модели объектов и рассматривать их в различных, в том числе гипотетических и потенциальных проекциях. Другими словами, науке удалось настроить работу с практикой будущего, рассматривать мир в категориях возможного и необходимого. Знания стали выступать не как предписания текущего практического момента и для самого этого момента, а как знания о реальности «самой по себе», позволяющие вырабатывать рецептуру по изменению реальности и вовлеченных в нее объектов. С освоением теории наука получила возможность выводить эмпирические следствия из теоретических постулатов.

Во вторую очередь необходимо в опровержение существующих представлений о науке уголовного права отметить, что не наука, а именно теория представляет собой комплекс идей и взглядов, раскрывающих и объясняющих то или иное явление уголовно-правового порядка. Как высшая форма организации на-

учного знания, теория отличается от других форм тем, что стремится показать целостность объекта теории и закономерности его функционирования.

В-третьих, важно обратить внимание, что по своему строению каждая теория представляет внутренне дифференцированную систему знания. Именно этой дифференциацией одна теория отличается от другой, а совокупность таких теорий образуют само научное знание. Дифференцированность теории предполагает строение ее содержания по определенному алгоритму, т. е. на основе конкретной логической зависимости одних элементов от других, в том числе от нетеоретических. Формирование знания происходит с помощью различных промежуточных звеньев и конкретизирующих факторов, в том числе эмоциональных и эстетических. Изменение в их соотношении или трансформация исходного базиса теории (совокупности первоочередных допущений, утверждений и понятий) может привести либо к развитию прежней теории, либо к появлению новой теории, либо к постановке под сомнение их состоятельность. В этом смысле теория предстает как программа, обобщающая и мобилизирующая средства ориентации в определенной обстановке.

Таким образом, правильное понимание и соотношение категорий «наука» и «теория» приводит к обнаружению и устранению заблуждений в их значении. Прежде всего к выявлению недопустимости их смешения или замещения друг другом, подмене их структур и стоящих перед ними задач. Если о разнице этих понятий говорить образно, то можно отметить, что наука – ищет, а теория – находит. Наука – задает вопросы, а теория – дает ответы. Теория – утверждает, а наука – сеет сомнения и выражает неудовлетворение. Если теория строит, то наука прежде проводит изыскательные работы. Если теория возводит и эксплуатирует, то наука – либо модернизирует, либо дестроит.

Разбор отмеченных понятий также ведет к постановке перед современной наукой уголовного права до сих пор нерассмотренных вопросов. А именно: к выяснению и классификации 1) исходного эмпирического базиса, который в свое время потребовал теоретического объяснения и тем самым дал толчок формированию современной теории уголовного права; 2) исходной теоретической основы, т. е. первичных постулатов, аксиом, стереотипов и даже верований,

использованных для идеализации объектов опыта; 3) логики современной теории уголовного права, т. е. используемые ею алгоритмы для обработки собираемых доказательств и формулирования на их основе соответствующих выводов; 4) совокупность выведенных утверждений, составляющих массив теоретического знания. Генеральная задача науки состоит в определении идеализированного объекта (модели существенных связей реальности) разрабатываемой теории, вокруг которого и ради которого разворачивается вся система теории.

В завершение можно отметить, что на начальном этапе образования уголовного права о нем шла речь как об отрасли законодательства и области науки, а также о причастности к развитию последней различных теоретических школ. После формирования в дореволюционный период и выделения среди прочих так называемой классической школы уголовного права, как наиболее выверенного и самодостаточного научно-теоретического направления, были созданы предпосылки введения в оборот категории «теория уголовного права». В советское время, когда была проявлена нетерпимость к иным школам уголовного права, произошло активное использование и закрепление в научно-образовательном обороте понятия «теория уголовного права». Кроме марксистско-ленинской теории существование других учений не признавалось. Это привело к утрате актуальности дискуссии о школах уголовного права и вырабатываемых ими теориях как о неком множестве, которое охватывается понятием «наука» и составляет ее многообразное и неотъемлемое содержание.

В современных исследованиях познанию категорий «знание», «наука», «теория» уделяется незначительное внимание. Их оставление в качестве познанных и неактуальных явлений привело к вытеснению из сферы научного интересы вопросов о внутренних механизмах образования научных представлений, их эволюции в пространстве и во времени. В большинстве выработанных дефиниций существо науки сведено к исследованию природы преступления и наказания, к поиску средств по искоренению преступлений и совершенствованию мер наказания. Задача по получению наукой знания как своей первой и основной цели в проанализированных определениях ставится крайне редко. Но и в этих случаях знанию придается подчиненное положение. Несмотря на то что фено-

мен знания на самом деле шире науки по своему масштабу и вместимости, тем более теории, он упоминается либо в составе науки, либо теории. С помощью знания раскрываются их определения.

Разработчиками теоретических и практических основ уголовного права часто упускается из виду то, что в структуру знания и состав его основных источников, как наиболее широкого явления, входит философия, математика, религия, общественный и даже бытовой опыт, т.е. те области, от которых наука уголовного права часто дистанцируется. При выработке и раскрытии термина «наука» специалисты нередко идут, как показало исследование, от определения уголовного права к определению науки этой отрасли права, в то время как по правилам гносеологии нужно идти по пути от науки в целом к науке уголовного права в частности. Следует учитывать, что всякому научному знанию предшествует знание в принципе, которое вмещает в себя и часто содержит в недифференцированном виде как научные, так и ненаучные представления о реальности, ее субъектах и закономерностях их функционирования.

Исследование дискуссии о науке уголовного права в ее ретроспективе также показало, что с момента своего зарождения по настоящее время она во многом осталась неизменной по составу и актуальности. Развитие этой дискуссии не привело к приобретению ею новых качеств и к преобразованию высказанных на первоначальных этапах суждений о науке в научно обоснованные и самодостаточные дефиниции, включающие в себя описание не только внешней стороны науки, но и внутренней. То есть отсылки к тем ее составным элементам, которые обеспечивали бы выход науки в области знания, познания и сознания. О науке и о процессе образования научного знания до сих пор остается возможным судить только по ходу той самой дискуссии, ее изменчивости, интенсивности и по кругу вовлеченных в нее вопросов.

Глава 2
Состояние субъектов уголовно-правового знания

Задача по оценке состояния субъектов уголовно-правового знания не решается за счет односложных познавательных операций. Тем более история науки подтверждает, что среди теоретиков уголовного права немногие задавались вопросами подобного рода. Не интересовались собственным «самочувствием», а также изостазией тех, кто наряду с ними занимается производством и потреблением продуктов интеллектуальной деятельности. Вели речь главным образом о преступлении, наказании или других уголовно-правовых феноменах как об объектах познания, не придавая значения вопросу субъектов, от уровня и качества знания которых напрямую зависит познаваемость криминального мира и его закономерностей.

Дополнительные затруднения процессу решения задачи по оценке состояния субъектов уголовно-правового знания добавляет социальный контекст, в условиях которого эта задача ставится. Контекст делает рассматриваемую тему актуальной либо указывает на ее невостребованность. Он же определяет внешние (общие) условия изыскания и наряду с сугубо гносеологическими (внутриотраслевыми) показателями и маркерами задает свой критерий при оценке как самого знания, так и его субъектов. Причем этим критерием служат жизненные обстоятельства, наполняющие собой социальный контекст и на себе испытывающие пригодность и прочность эксплуатируемого знания, его шаблоны и методы, способность справиться с новой реальностью.

«Специфика развивающегося момента – тотальная трансформация жизненного пространства. Неопределенность и ее имманентность текущему времени стали основными характеристиками современной жизни. Теперь она напоминает собой сложный и трудно идентифицируемый референт»[169]. Глобализация, к при-

---

[169] Аморфность важных качеств общественной динамики затрудняет специалистам дать определение объекту. Мыслители при описании фиксируемых в социальных процессах тенденций используют более десяти порой не связанных друг с другом понятий. Поэтому они не могут провести их типологию, так как любая типология при описании современности изобилует рядом разнообразных категорий. И один из них сформулировал американский теоретик И. Хассан. В него он включил: двусмысленность, прерывность, импульсивность, случайность, извращение, деформацию, дизъюнкцию, разложение и др., т. е. те знаки, через которые проходит значительная воля к разрушению (См.: *Hassan I.* Toward a Concept of Postmodernism // Post-modernism. An International Anthology. Wook-Dong Kirn. – Seoul, 1991. – P. 64–68).

меру, привела к дефрактации обществ, детотализации пространств, делегитимации политико-правовых режимов и дефростации конфликтов различных уровней. Из-за развития и внедрения всепроникающих информационно-сетевых процедур в повседневной среде, по признанию обществоведов, невозможно выделить активную и решающую историческую мутацию даже в искусстве и науке.

Усложнение функционирования коснулось и российского общества. Оно обусловлено рядом накладывающихся друг на друга внутренних и внешних причин. К числу первых относят то, что оно уже более двух десятилетий находится в состоянии транзитивности, т. е. перехода от одной (советской) шкалы ценностей к новой, пока еще не до конца определенной и освоенной системе взглядов. Во вторую группу детерминант включают то, что «российское общество, как и все мировое сообщество, ускоренно отрывается от классического миропонимания и переходит в эпоху глобализма»[170].

На фоне отмеченных процессов в социальных науках произошли изменения. И в первую очередь переоценка качества того знания, которое этими науками накоплено за продолжительный период. Правоведение не исключение. Прежняя удовлетворенность знанием переродилась в понимание того, что «со времен Аристотеля, – как отмечает В.Н Жуков, – происходил не последовательный прирост знания, связывающий в систему предыдущие и последующие результаты исследований, а их механическое сложение, приведшее к образованию в начале XXI века громадного конгломерата из взаимоисключающих идей, подходов и исходных принципов»[171]. С учетом этого актуализировались вопросы о разработке конструкций изменчивости жизни. Начали предлагаться и обосновываться интегративные концепции коллективного и индивидуального устройства, которые в большинстве своем оказываются элементарными дизъюнкциями. Полилектика стала доминирующей мировоззренческой позицией. Среди специалистов получила распространение идея ненужности и невозможности выработки какой бы то ни было культурной традиции как значимого культурного опыта.

---

[170] См.: Социальное знание на службе российского общества / Научный совет Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания». – М., 2010.

[171] *Жуков В.Н.* Юридическая наука и ценности // Государство и право. – 2018. – № 1. – С. 9.

Отечественная юридическая мысль не упускает из виду названные оценки. Она ощущает наличие серьезного кризиса в зоне своей ответственности и занимается поиском выхода из него, пытаясь оценить состояние отраслей права и диагностировать детерминанты кризиса. На философском и общетеоретическом уровнях находят отражение идеи о необходимости познания права транзитивного типа[172] и разрешения сложностей, связанных с его реализацией в условиях глобализации[173]. Излагаются результаты анализа развития государства в условиях перехода от одного общественно-политического строя к другому[174]. Выходят в свет статьи, содержащие озабоченность кратно увеличивавшимися в эпоху глобализации рисками и неэффективностью прежних юридических механизмов противодействия угрозам безопасности.

Сложнее обстоит дело с восприятием и адаптацией отмеченных процессов отдельными отраслями права. На их уровне ощущается дефицит внимания специалистов к социальному контексту национального права и его готовности к действию в условиях глобализирующегося мира. Ряд из них продолжает концентрировать свои усилия преимущественно на организационно-структурных качествах правовой системы, т. е. на ее статике. Усердно обосновывается необходимость поиска четких и юридически непротиворечивых механизмов реализации права[175], что вряд ли вообще достижимо в условиях нарастающего объема законодательного материала. Предлагается не проявлять беспокойства и развивать сложившиеся еще в XVIII–XIX вв. идеи права, приспосабливать их к новым реалиям[176].

Социальная же практика доказывает, что объективных оснований для умиротворенности не имеется. Только один пример из современной жизни спосо-

---

[172] См., напр.: *Марченко М.Н.* Государство и право переходного типа // Проблемы теории государства и права. – М., 1999. С. 106–143.

[173] См., напр.: *Малахов В.С.* Государство в условиях глобализации. – М., 2007; *Зорькин В.Д.* Право в условиях глобальных перемен. – М., 2013.

[174] См., напр.: *Сорокин В.В.* Теория государства и права переходного периода: учебник. – Новосибирск, 2008; *Кожевников С.Н.* Некоторые особенности государства и права современной России в переходный период // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 111–118.

[175] См., напр.: *Черненко А.К.* Современные проблемы качества закона и механизмы его реализации // Вестник НГУ. Серия: Право. – 2006. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 72.

[176] См.: Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. – 2006. – № 4. – С. 138.

бен убедить в том, что представители отдельных отраслей права еще не до конца осознают последствия наступающих и в определенной мере уже наступивших для некоторых стран перемен. Речь идет о «цветных революциях», одна из отличительных особенностей которых состоит в стремлении подорвать общество изнутри. Для достижения этой цели объектом агрессии выбирается национальное право и рассматривается оно как основная преграда на пути реализации интервентами своих интересов. Используется «слабость» правовой системы, ее негибкость и рудиментарность в оценках своего места и роли в текущих социальных процессах, а также неспособность увидеть себя в качестве объекта посягательств, противостоять угрозам, мобилизовывать своих субъектов к отражению различных атак.

Иными словами, эксплуатируется неспособность системы национального права и ее субъектов к саморефлексии, т. е. к производству знания о своем состоянии и основанной на нем уверенности субъектов в собственной правоспособности. Дефицит этих знаний, выполняющих в составе правового организма иммунную функцию (сопротивляемость к чужеродным инвазиям), замещается «фейками» о порочности органов правопорядка из-за их сращивания с дискредитировавшей себя политической властью, о нелегитимности других институтов права по причине их неэффективности в разрешении социальных проблем, а также о необходимости отвержения предусмотренных избирательным правом средств и механизмов политико-правового сдерживания и разрешения общественных междоусобиц в связи с их тотальной зависимостью от бюрократии, высокой степенью фальсифицируемости.

Но самый главный недостаток состоит в статичных мировоззренческих установках действующего права, которые основаны на классических теориях равновесия и готовы только к простому повторению производства тождественного. Они не предрасположены, говоря словами Н. Лумана, к оперативному и беспрерывному самообновлению, непрерывному воспроизводству и констелляции элементов для нового вида стабильности – динамической стабильности[177].

---

[177] См.: *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем.И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. – СПб., 2007. – С. 83–84.

Отраслевые юридические дисциплины продолжают рассматривать свой объект, по классификации В.С. Степина, как простую (малую) систему[178] или как «продукт», предназначенный для сугубо внутреннего («местечкового»), в основном межличностного «употребления». Они еще слабо допускают, что в защите могут нуждаться не только конкретные блага, межсубъектные связи и отношения, которые охраняются законом, но и само по себе внутреннее право как саморегулирующаяся, саморазвивающаяся, устойчиво воспроизводящаяся и сложная организованность.

В зарубежных правовых исследованиях к издержкам переходных периодов приковано пристальное внимание. Специалисты признают, что присущая им чрезвычайная разрушительная сила способствовала появлению мощной критики традиционного понимания права, переоценке форм современного правового сознания. Подтолкнула к развитию междисциплинарной области «правосудия переходного периода», включающей набор институтов различных отраслей права. Привела к поиску нового понимания права на стыке национальных и транснациональных интересов. Обратила внимание на появление ранее неизвестного объекта правового регулирования, состав которого образуют конфликтующие социальные рациональности[179].

Значительные усилия иностранных коллег сосредоточены на обосновании необходимости защиты гражданского общества – основной и движущей силы любого правопорядка – от спекулятивных политических решений и рефлекторно следующих за ними форм правотворчества. Изучаются особенности поведения судебных и иных правоприменительных органов в «переходные периоды», их роль в обеспечении правопорядка при противостоянии и смене разных политических режимов. Оцениваются возможности юстиции по сохранению своей независимости от противоборствующих сторон[180]. Ищется ответ на вопрос: должны

---

[178] См.: *Степин В.С.* Системность объектов научного познания и типы рациональности // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 1. – С. 65–66.

[179] См.: *Zumbansen P.C.* Transitional Justice in a Transnational World: The Ambiguous Role of Law (December 9, 2008) // CLPE Research Paper. – 2008. – No 40.

[180] См.: *Dyzenhaus D.* Judicial Independence, Transitional Justice and the Rule of Law // Otago Law Review. – 2003. – Vol. 345. – No 10.

ли реакции на сильные кризисы всегда быть конституционными? Моделируются разные типы поведения власти в условиях чрезвычайных ситуаций, просчитывается их эффективность и пагубность влияния на право[181].

Таким образом, свой вклад в снижение эффективности права вносит неадаптивность субъектов знания и несовершенство их познавательного процесса, который не предлагает методологических средств, позволяющих на институциональном и концептуальном уровнях отслеживать соответствующие риски, а в целом ориентировать право и его субъекты в меняющихся обществе и мире, в условиях становления новых правил их взаимодействия. Не дает оснований для целостной и перманентной оценки состояния уголовного права и влияющих на него факторов.

Если с позиции прежнего и во многом ныне действующего взгляда уголовно-правовой порядок воспринимается как статическая данность, то новое знание должно включать в себя представления об этом праве как о действии, процессе и деятельности, одновременно реализующихся на микро-, макро-, мега- и метауровнях. Для правильной оценки окружающей действительности и сохранения возможности оказания на нее надлежащего влияния уголовно-правовое знание должно изменить собственную структуру и впредь предусматривать совокупность отвечающих отмеченным уровням факторов, с их помощью получать характеристики об уголовном праве как о динамической целостности.

Таковы некоторые причины, которые определяют необходимость оценивать состояние уголовного права не только по состоянию участников уголовных правоотношений, но и по состоянию субъектов уголовно-правового знания. Требуется постоянно наблюдать за качеством научных, профессиональных и бытовых подходов, с помощью которых они формируют свои представления о мире и о своем положении в нем, окружающей криминальной обстановке. Важно своевременно выявлять сформировавшиеся в знании стереотипы и предубеждения, диагностировать их издержки и модифицировать методы познания уголовно-правовой реальности.

---

[181] См.: *Gross O., Aolain F.* Law in Times of Crisis. – Cambridge, 2006.

2.1. Ограничения научного познания уголовно-правовой реальности

Ученый мир по отношению к состоянию уголовного права практически однороден. Источники переполнены характеристикой уголовно-правового положения дел в стране. Большинство высказывающихся на этот счет специалистов уверены в кризисном состоянии отечественного уголовного права. Одни ведут речь о стагнации науки, другие – о бессистемном и безыдейном законотворчестве, третьи – о беспорядочной практике правоприменения, а все в целом – о неверной и ошибочной уголовной политике[182]. В меньшинстве находятся те, кто считает, что право вполне сносно справляется со своими задачами. Практически незаметны такие работы, где российский опыт установления и наведения уголовного правопорядка признается успешным.

Разница во взглядах, конечно, имеется, но она не влияет существенным образом на выводы их авторов, не меняет общей картины. Внушительный ряд специалистов утверждают, что наблюдается кризис уголовного права, и традиционно обращают внимание на законодателя, который, по их убеждению, виновен в том, что из первоначально цельного и системного акта уголовный закон превратился в некое лоскутное одеяло, наполнился внутренними противоречиями. Закон стал включать в себя совершенно не нужные для него нормы. Благодаря усердию «законописцев», в Уголовный кодекс РФ стали проникать институты и традиции других отраслей права, которым там явно не место.

Представители общей теории права подтверждают отмеченные наблюдения. Они убеждены в том, что «законодательство, пройдя в 1990–2000-х гг. очередной цикл своего переформирования, во многом перестало отвечать общественным потребностям»[183]. Стихийность динамики законодательного массива и отраслевая «неразбериха» привели к падению роли закона и законо-

---

[182] См., напр.: *Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006; *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 112–117; *Гладких В.И.* Еще раз о кризисе российской уголовной политики // Вопросы правоведения. – 2013. – № 4 (20). – С. 54–66; *Айвар Л.К.* О кризисе уголовной политики // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 7 (14) и др.

[183] См.: *Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В.* Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 3.

творчества, к усилению кризисных тенденций в праве, которые сегодня охватывают все новые сферы и грозят привести к серьезной девальвации данного социального института[184].

В результате нерационального правотворчества УК потерял системность – важнейшее качество любого кодифицированного нормативного правового акта. По оценкам ученых, трансформация УК РФ производилась законодателем беспорядочно, некоторые из составов сформулированы так, что в текстах новелл не могут разобраться ни ученые, ни практики. На сессии Российского конгресса уголовного права, состоявшегося в 2007 г., юристы сошлись во мнении, что ситуация в области уголовного правотворчества становится опасной для общества и государства. Пользоваться сегодняшним разбалансированным законом в борьбе с преступностью невозможно. По прогнозам ученых, если эта практика будет продолжаться, то система уголовного законодательства просто перестанет функционировать, а то и развалится.

Причин сложившегося положения несколько, но основная заключается в отказе от науки и депрофессионализации законопроектной работы. Проблема видится в чрезмерно вольном и попросту безграмотном законодателе. Не каждый из них занимается своим делом. Еще одна причина состоит в том, что ученых выдавили из сфер их традиционного влияния. С их мнением сегодня не считаются[185].

Молодые специалисты не менее категоричны. По их оценкам, корректировочная работа законодателя привела к тому, что УК РФ стал бессистемным, из него исчезла ясная, объективно обусловленная концепция. «По ряду основополагающих вопросов уголовный закон не выдерживает никакой критики и не соответствует современным реалиям. Такие принципы, как законность, вина и справедливость, приобрели в нем декларативный характер. Некоторые уголов-

---

[184] См.: *Власенко Н.А.* О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 40–43.

[185] См.: *Бойко А.И., Голик Ю.В., Елисеев С.А.* и др. Ошибки в Уголовном кодексе. Постоянные изменения в УК наполнили его противоречиями // Российская газета. – 2010, 10 июня; *Рарог А.И.* Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: матер. восьмой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 янв. 2011 г.). – М., 2011. С. 3–8; *Гладких В.И.* О некоторых тенденциях современного уголовного законотворчества // Вестник Университета (Гос. ун-т управления). – 2012. – № 14-1. – С. 232–235; и др.

но-правовые нормы провоцируют злоупотребления, не препятствуют проявлению субъективизма при квалификации деяний, позволяют произвольно выбирать размер наказания в пределах неоправданно широкого диапазона»[186].

Есть и более самокритичные юристы. Они разделяют ответственность за проигрыш в борьбе с преступностью. Основную причину безуспешного противодействия криминалу они, конечно, также видят в пороках законодательной работы. Подчеркивают, что «правотворчество обходится без фундаментального анализа и прогноза»[187]. Заявляют о том, что Конституция РФ не всегда служит ориентиром для законодателя. Последний часто забывает, что именно Основной закон «есть магистральный путь в борьбе с преступностью»[188]. Главные провалы в российском уголовно-правовом законотворчестве специалисты связывают с тем, что оно – результат работы заинтересованных чиновников и их подручных в собственных интересах, продиктованных возможной выгодой, логическими и демагогическими умозаключениями[189].

Однако отмеченные правоведы ведут речь и о недостатках в собственной работе, не пеняют только на неосмотрительного законодателя, признают, что наука сегодня не дает ожидаемого результата. В.Н. Кудрявцев подчеркивал, что ее нынешнее положение обусловлено недостаточной связью с реальностью. Науку уголовного права нужно модернизировать, так как она не решает проблем, появляющихся в связи с изменением времени, людей и их ценностей, которые в «XXI в. уже не те, что сто или даже пятьдесят лет назад». Она «нуждается в глубоком анализе демографии, статистики, а также в социологических и психологических исследованиях, сравнительном правоведении и, разумеется, прогностике, основанной на понимании тенденций социального, экономического, политического и культурного развития страны»[190].

---

[186] См.: Кодекс раскроили в лоскуты. Молодые юристы предлагают принять новый УК // Российская газета. – 2010, 16 сент.

[187] См.: *Лунеев В.В.* Кому оно служит, уголовное законодательство? // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 2 (2). – С. 104–135.

[188] *Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф., Комиссаров В.С., Лунеев В.В.* Конституция – это закон и для Государственной Думы // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 13–16.

[189] См.: *Лунеев В.В.* Проблемы российского уголовно-правового законотворчества (Ч. I) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 2 (29). – С. 48.

[190] *Кудрявцев В.Н.* Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 130–131.

Еще более неутешительный диагноз уголовно-правовой науке поставил В.В. Лунеев: «…реальная научная деятельность имеет множество недостатков. Сохраняется, с одной стороны, относительно низкий уровень влияния фундаментальной и прикладной науки криминального цикла на принятие актуальных решений в стране; с другой – недостаточный инновационный уровень развития самой науки, которая, как правило, редко выходит за пределы догматики уголовного права и процесса, мало занимается проблемами фундаментального характера»[191]. По его наблюдениям, накопление знаний в науках криминального цикла, если их можно назвать знаниями, идет наиболее легкими путями. Один из них квалифицирован как механическое списывание законодательных норм так называемых развитых стран без учета национальных традиций. Программа другого пути предусматривает: выбор нормы УК РФ, ее рассмотрение с различных сторон, ознакомление с мнениями других, изучение нескольких уголовных дел, придумывание новой части к статье и все. Как следствие, отмечает правовед, вынужденно сформировалась новая дружная школа логико-догматического апологического направления. В рамках этой школы и обучение юристов осуществляется на основе логического и догматического анализа правовых явлений с выборочной оценкой реалий. «Профессорско-преподавательский состав старшего поколения не имеет фундаментальной подготовки по социологии права, статистике, информатике и математике, в том числе высшей. Каждое научное или учебное государственное учреждение работает по своему местечковому плану. Научные силы разрозненны. Они выполняют свои частные или даже личностные задачи, не зная того, что делается у соседа»[192].

Оценки, безусловно, впечатляют. Их нельзя не замечать и уж тем более игнорировать. У нас не должно сложиться мнения о том, что кризис законодателя является сугубо его внутренним делом, продиктован чередой субъективных, ошибочных решений. Как будто кризис в законодательном процессе развивается при наличии почти совершенной или как минимум самодостаточной науки

---

[191] *Лунеев В.В.* Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков. – С. 21.

[192] См.: *Лунеев В.В.* Проблемы российского уголовно-правового законотворчества (Ч. I). – С. 48–59.

уголовного права. Не хотелось бы допускать, чтобы подобного рода убеждения составляли реальное основание взглядов криминалистов. Хотя единичные примеры высокой оценки уголовного права как науки все же имеются.

В целом юристы достаточно убедительны. Их доводы отличает ясность и простота, а сформулированные заявления и выдвинутые требования – широта и смелость. С позиции К. Поппера, долгое время занимавшегося проблемой рационализации науки, поиском ее отличий от псевдонауки, можно сказать, что аргументы правоведов в основной своей массе научны. Этому существует достаточно подтверждений. Во-первых, перед «походом» на уголовное право «криминалисты вполне успешно решили проблему критерия, который они используют в качестве средства для опровержения дееспособности и эффективности действующего уголовно-правового порядка, для подтверждения высокой степени мифичности или, точнее, ложности реализуемого противодействия криминалу»[193]. Таким критерием, без сомнения, стал один из основных элементов всего права – его система. С учетом того, что под системой права понимается внутреннее строение его структуры, вряд ли можно было найти более убедительный и, вероятно, достоверный показатель, характеризующий состояние уголовного права в целом. Поскольку принято считать, что в системности сосредоточена его целостность и внутренняя согласованность, специалисты первым делом обратили внимание на разбалансированность и противоречивость уголовного закона. Во-вторых, правоведы уверенно определились с той областью социальной практики, которую они с помощью избранного критерия уже продолжительное время решительно ревизуют. Их выбор пал на законодателя и на производимый им продукт. Предпочтение, безусловно, небеспочвенное, так как именно на долю закона и его творца во всяком цивилизованном обществе выпадает задача по организации и безопасному функционированию социума. Низкое качество законопроектной

---

[193] См., напр.: *Максимов С.В.* «Уголовно-правовые мифы» как элемент современной нормотворческой культуры. – URL: blog.pravo.ru/blog/3098.html (дата обращения: 10.10.2014); *Волженкин Б.В.* Мифы уголовной статистики и реальности экономической преступности или реальности уголовной статистики и мифы об экономической преступности // Уголовное право в XXI в.: матер. междунар. конф. на юрид. фак-те МГУ. – М., 2002. – С. 82–86; *Кауфман М.А.* Аналогия в уголовном праве: мифы и реальность // Российская юстиция. – 2005. – № 12. – С. 12–16; *Кудрявцев В.Л.* Конституционно-правовое уголовное судопроизводство: миф или правовая реальность? // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 3 (4). – С. 64–71; и др.

работы и ее конечного результата, их ошибочность или в лучшем случае бесполезность стали для ученых основным предметом внимания. Широко используемый представительным органом метод проб и ошибок предоставил специалистам богатый материал. Изобилие эмпирических данных, подпитываемое активностью законодателя, позволило деятелям науки оперативно определиться с диагнозом: кризис уголовного права.

Повседневная социальная практика стала в их руках определяющим аргументом, в связи с тем, что она способна при минимальном соучастии человека на собственном эволюционном уровне отбирать законы, выбирать из них лучшие, нивелировать значение малопригодных нормативных актов. Роль индивида в этом случае состоит в умении правильно оценивать окружающую действительность, что, по мнению специалистов, невозможно без научных знаний и методов. В условиях современного кризиса опыт им подсказывает «единственно возможный выход – это начать все заново, с самого начала», по выражению К. Поппера[194]. Наличное состояние правопорядка диктует правоведам необходимость простого решения – отторжения действующего уголовно-правового уклада и введения взамен нового или обновленного уложения. Речь идет о принятии нового УК РФ или о качественном изменении редакции функционирующего уголовного закона, что широко обсуждается в литературе.

Ученые внимательно изучают допущенные законодателем ошибки. Процессом выявления недостатков они оправдывают свое назначение. Их обилием и пагубным влиянием на общество, своей способностью находить и правильно интерпретировать социальную действительность обосновывают необходимость повышения статуса науки, ее большего вовлечения в правотворческий процесс для преодоления сложившихся и накопившихся проблем. В способности их разрешать специалисты видят свою роль как ученых, владеющих механизмом развития знания об уголовном праве в целом.

Собственно научной составляющей кризиса уголовного права внимания в отраслевых источниках уделено немного. Сбои в процессе подготовки научных кадров, невысокий уровень их потенциала отнесены к числу второстепенных

---

[194] См.: *Поппер К.* Логика научного исследования. – М., 2004. – С. 11–12.

факторов, омрачающих и лишь дополняющих общую характеристику права. Их связь с генеральной причиной не прояснена. Возможно, она не исследуется потому, что большинство все же убеждено в обоснованности позиции А.В. Наумова о самодостаточности науки, которая, по его мнению, сложилась в XVIII–XIX вв., и с тех пор «удел уголовного права состоит в эволюционном и органическом развитии, в приспособлении своих давних идей к новым реалиям»[195].

Обращение же к названным источникам не подтверждает состоятельность позиции А.В. Наумова. Авторитетными исследованиями признано, что отмеченные времена дали не самые лучшие плоды. XIX в., к значению которого апеллирует юрист, для уголовного права и всей юридической науки, по свидетельству Вл.С. Соловьева, являлся смутным временем. В обозначенный период высокое нравственное влияние юриспруденции было утеряно. Б.Н. Чичерин и Л.И. Петражицкий единогласно утверждали о разложении правосознания в современной для них науке[196]. «XIX в., – добавлял П.И. Новгородцев, – ознаменовался для теории права некоторыми печальными результатами»[197].

Затруднительно и сегодня найти в литературе убедительное подтверждение мнению А.В. Наумова. Небольшой, но впечатляющий своим качеством объем новых знаний, появившихся в важных для права отраслях науки, требует пересмотра основ его ключевых институтов. Успехи, в частности, психологической науки убеждают специалистов в том, что ранее использованная правом для конструирования института вины психоаналитическая концепция времен З. Фрейда, его непосредственных предшественников и последователей утратила связь с действительностью. Потолок ее потенциала, по оценкам профессора Фордхемского университета в Нью-Йорке Д. Денно, был достигнут и исчерпан еще в 1950–1960-х гг. К сожалению, данные пределы не были вовремя диагностированы. Освоение последующего развития культуры было продолжено средствами фрейдистской теории.

---

[195] См.: Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву... – С. 138.

[196] См.: *Чичерин Б.Н.* Философия права. – М., 1900. С. 24; *Петражицкий Л.И.* Права добросовестного владельца. – СПб., 1897. – С. 420.

[197] См.: *Новгородцев П.И.* Идея права в философии Вл.С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Гл. XII. – Кн. 56 (I). – С. 112–129.

Передовыми исследованиями установлено, что до сих пор господствующая в уголовном праве психологическая концепция, ее дефинициарный аппарат (язык), уже не вмещает в себя и тем более не в силах отражать происходящие в современном человеке психофизиологические процессы. Выявлены и другие ее недостатки. В частности, обнаружено, что она предназначена для описания преимущественно индивидуального поведения и малопригодна для оценки групповых конфликтов. Излишне многое в этой концепции необоснованно отнесено к разряду бессознательного и в силу этого исключено из сферы юридических оценок. Прогрессистские открытия в области сознания указывают на то, что «апробированные в прошлых веках психологические концепты сегодня искажают и существенно снижают значение субъективной стороны преступления»[198].

Научная обоснованность сформулированных криминалистами выводов не вызывает сомнений. Однако незначительные изменения в эпистемологической модели восприятия рассматриваемого научного опыта по определению состояния права могут привести к неожиданным, а в некоторых случаях и к прямо противоположным результатам. Отступление от традиционных для отечественной теории уголовного права логико-позитивистских и критико-рационалистических представлений о науке и повторный анализ вышеприведенных оценок правоведов с позиции Т. Куна или Т. Райхенбаха, считающихся оппонентами К. Поппера, способны существенно поколебать выводы о первопричинах кризиса уголовного права. Их концепциям под силу развернуть общепринятые взгляды вспять и убедить в том, что суждения криминалистов об удручающем состоянии данной отрасли права недостаточно полны, объективны и даже откровенны.

Самым первым делом воззрения указанных мыслителей фиксируют узость критериев научности, которые специалисты используют для определения и объяснения причинно-следственных связей, существующих между правом как онтологической необходимостью и его состояниями как нашим видением этого права. Сегодня состав этих критериев и логика их применения ограничены гносеологической системой «субъект – объект», в которой уголовное право как

---

[198] См.: *Denno D.W.* Criminal Law in a Post-Freudian World // University of Illinois Law Review. – 2005. Oct. – P. 696–697.

объект познания рассматривается в качестве единственного источника знания о себе. Специалисты не обращают должного внимания на познающего субъекта, т. е. на самих себя и на качество собственного труда, его издержки. В значительной мере игнорируются и существующие между субъектом и объектом механизмы когерентности и взаимодействия. Не учитывается одна из основных аксиом теории познания о том, что без выявления степени активности субъекта и его роли в познавательном процессе нельзя обнаружить и подлинный характер объекта. В итоге игнорирование субъекта познания не позволяет удостовериться в объективности данных им оценок, получить ответ на вопрос о том, что главным образом повлияло на экспертные выводы о кризисе уголовного права. Только ли состояние умопостигаемого объекта? Или же существуют и другие, возможно, субъективные причины, еще не вскрытые теорией права и не вовлеченные в процессы верификации?

В дальнейшем будет указано на наличие таких причин и на ту существенную роль, которую они играют в формировании отечественного уголовно-правового знания, а самое главное – будет подтвержден основной тезис Т. Куна о том, что вывод ученого может формироваться под воздействием не только «когнитивных» факторов, но напрямую он зависит от убеждений, авторитетов, социально-психологической атмосферы и традиций «научных сообществ», а также от многих других социокультурных воздействий[199]. Используя множество примеров, можно доказать верность идеи Х. Райхенбаха о том, что любой исследовательский процесс представляет собой не более чем «контекст обоснования» научного знания. Возникновение нового знания зависит от «контекста открытия», т. е. от совокупности влияющих на ученого психологических факторов.

Присутствие в научной риторике российских правоведов повышенного градуса критики по отношению к законодателю нельзя не заметить. Его уровень служит одним из первых сигналов, указывающих на необходимость поиска и изучения иррациональной стороны экспертных оценок, нашедших свое отражение в литературе.

---

[199] См.: *Порус В.Н.* Т.С. Кун // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. 2-е изд. – М., 2010.

Трудно не согласиться с тем, что представители ученого мира заявили о себе как о единственно беспристрастном и компетентном знатоке, которому известны истинные причины стагнации уголовного права. Иные субъекты правообразования, по мнению специалистов, не компетентны. Они, по глубокому убеждению высказавшихся на этот счет юристов, должны быть исключены из процесса правопроектирования. Для их отлучения находят самые разные причины. Одна из них обнаружена в профессиональной деформированности правоприменителя. «Поскольку правоохранительные органы традиционно и кровно заинтересованы в усилении режима репрессий, уголовную политику предлагают формировать без учета их мнения»[200].

Другая причина вытекает из необходимости неукоснительного следования принципу разделения властей, в нарушении которого сегодня уличают Верховный Суд РФ. Его упрекают в посягательстве на правотворческую функцию, которую должен выполнять только орган законодательной власти, но никак не судебная власть. В последнее время именно она, по оценкам специалистов, издает такие постановления, которые часто не толкуют норму УК, а скорее «дописывают» ее, что является неконституционным[201].

Избавление от этих аномалий, как считают представители науки, должно ослабить режим уголовно-правового насилия. Без внимания не оставлены и другие средства борьбы с уголовно-правовым хаосом. На их фоне выделяются усилия теоретиков по оправданию собственных оценок и убеждению заинтересованных лиц в том, что кризис уголовно-правовой сферы – это не миф, а сотворенная законодателем реальность.

Для достижения поставленной задачи правоведы активно эксплуатируют слово. В категоричности собственных заявлений, остроте подбираемых слов юристы видят доказательства выявленного ими кризиса. Придавая своим суждениям излишние импульсивность либо депрессивность, специалисты стремятся призвать к изменению фиксируемого ими состояния права, но не всегда на пользу

---

[200] См.: *Радченко В., Жалинский А.* Уголовный закон: большая имитация реформы // Ведомости. – 2011, 23 июня; *Они же.* Политика изгнания бизнеса // Ведомости. – 2011, 24 июня.

[201] См.: Кодекс раскроили в лоскуты. Молодые юристы предлагают принять новый УК...

общего дела, т. е. с целью выхода из кризиса. Иначе невозможно квалифицировать участившиеся примеры того, как юристы снимают с себя всякие ограничения и употребляют в своих аргументах «крепкие» выражения. Замечание В.Н. Кудрявцева, адресованное в свое время А.В. Наумову, о неприемлемости использования последним не имеющих отношения к научной полемике оборотов не возымело силы[202]. Повсеместное и ничем не сдерживаемое распространение в научных оценках нелицеприятной или даже, как признают их авторы, жесткой лексики приближает к нарушению норм поведения. Дело доходит до именования своих оппонентов (пусть и не всегда высокоподготовленных) откровенными неучами, а их идей – глупыми и безграмотными[203].

Однако «случаи проявления неуважения к авторам противоположных точек зрения, особенно к законодателю и результатам его труда, приобрели массовый характер. Общепринятым стало объяснять кризис уголовного права низким нравственным и интеллектуальным уровнем депутатского корпуса»[204]. Появились умозрительные обвинения представительного органа в неблаговидных злоупотреблениях. Настойчивыми стали утверждения об опасности для общества ряда правотворческих решений и о деструктивной роли уголовного закона в социальном развитии. Все это создает небеспочвенное впечатление о правоведах, которые не столько ищут выход из кризиса, сколько рукотворно и почти планомерно приближают действующее право к кризисному состоянию или как минимум к его восприятию как препятствия на пути благополучного развития общества.

Положительного исхода ожидать не стоит. Н. Луман предупреждал, что «от беспокойства система становится не просто беспокойной, но и беспокойной своим беспокойством. А беспокойство по поводу беспокойства может только увеличивать беспокойство, направлять систему исключительно по пути дестабилизации и деструктивного развития»[205]. Иными словами, ученые сами подталкивают к отторже-

---

[202] См.: *Кудрявцев В.* Науку уголовного права пора модернизировать... – С. 131.

[203] См., напр.: *Голик Ю., Коробеев А., Мысловский Е.* Может ли испытывать «симптомы кризиса» то, чего не существует // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 137, 140.

[204] См., напр.: *Бойко А.И.* Отзыв официального оппонента о диссертации А.И. Ситниковой «Законодательная текстология уголовного права» // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 2. – С. 95.

[205] См.: *Луман Н.* Указ. соч. – С. 84–85.

нию существующего правопорядка как логическому окончанию кризиса, надеясь на самореализацию при подготовке очередного уголовно-правового уложения.

Представители научного сообщества не готовы мириться с обезнаучиванием законодательного процесса, что, безусловно, заслуживает признания и всяческой поддержки. Возможно, своей непримиримостью они стремятся решить до сих пор актуальный для современной науки вопрос о выживании и сохранении. Накал их риторики порой говорит о том, что ученые не намерены считаться и с альтернативным мнением, которое они считают недостаточно научно обоснованно. Специалистов подчас не устраивают ни меры по гуманизации уголовного закона, ни мероприятия по его ужесточению. Складывается впечатление, что, даже несмотря на успешность законодателя, правоведы будут вести речь о кризисе уголовного права до тех пор, пока положительно не решится вопрос об их более активном участии в правотворческом процессе.

Имея в виду позицию Т. Куна, высказанные здесь предположения не лишены реальных оснований, так как «в научных исследованиях многое подчинено жизненным ориентирам и судьбам людей, связано с ослаблением влияния научных лидеров, с угасанием страстей вокруг их мнений и предпочтений, с иными аспектами психологии и социологии»[206]. В своих работах он предостерегал нас от ложных ожиданий того, что специалисты изменят свое мнение. «Смена позиции не наступит до тех пор, пока не будет удовлетворен запрос на предоставление научному сообществу возможности более широкого участия в управлении обществом и государством»[207]. Подобного рода настойчивость, как объяснял Т. Кун, может быть обусловлена стремлением достичь ряда субъективных результатов. Выполнение отмеченного требования будет означать для научного сообщества практический успех и признание его правоты. До этого времени, предупреждает философ, ученый будет крайне консервативным в оценке собственной рациональности и почти полностью отрицать «чужую» рациональность, направленную на решение тех же вопросов.

---

[206] См.: *Порус В.Н.* Спор о научной рациональности // Философские науки. – 1997. – № 3. – С. 4.

[207] См., напр.: *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. – М., 2014. – С. 190.

Правильной оценке состояния рациональности современной уголовно-правовой мысли также способствуют взгляды французского философа и основоположника интегрального традиционализма Рене Генона (1886–1951). Он отмечал, что только на первый взгляд «наука» и «разум» лишены сентиментальности. Все вышеописанные проявления ученых мыслитель называл в свое время рационализмом, под который замаскирован сентиментализм, так «как это слишком хорошо подтверждает страсть, привносимая его сторонниками, ненависть, демонстрируемая ими по отношению ко всему тому, что противоречит их тенденциям или превосходит их понимание»[208].

Полный перечень субъективных факторов, влияющих на исследователей, без специальных сведений из области социологии и психологии знания определить затруднительно. Не менее трудоемкими оказываются попытки установить степень влияния этих предпосылок на процесс научной работы, ее окончательные выводы. Сложность еще и в том, что все эти факторы носят латентный (скрытый от внешнего наблюдения) характер. «Встречное движение, столкновение, соединение либо отторжение внутренних реакций и внешних стимулов, – как отмечал Г.В. Мальцев, – происходит втайне, скрыто от посторонних глаз»[209]. Представители теории права, к тому же, как правило, не признают либо вообще отрицают то, что их мыслительная и рассудочная деятельность находится под воздействием собственных или посторонних эмоций. Но иррациональные побудители не входят в число верифицируемых наукой уголовного права объектов. Интроспекция в целом и самопознание в частности не являются для науки уголовного права приоритетным направлением.

Важно понимать, что каковыми бы ни были искомые детерминанты, они не только существуют, но и образуют весомую часть бытия человека, в нем самовоспроизводятся, влияют на индивида и, несмотря на вечное стремление последнего к истинно объективному, подчиняют его своей власти, а поэтому, безусловно, должны включаться в состав предмета научного интереса. Описанная уголовно-правовая ситуация служит тому очередным подтверждением. Наличия

---

[208] *Генон Р.* Восток и Запад = Orient et Occident / Пер. с фр. Т.Б. Любимова. – М., 2005. – С. 57.

[209] См.: *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. – М., 2013. – С. 128.

в размышлениях криминалистов эмоций, переживаний, сигналов и импульсов отрицать невозможно. Трудно отнести их и к числу издержек, не связанных с механизмом познания. Неразумно отвергать и то, что появление подобных реакций происходит на фоне именно гносеологических процессов. Их проявление сопутствует развитию уголовно-правовой мысли. Даже словоупотребление, по Л. Витгенштейну и Р. Харре, свидетельствует, что правоведы не столько верифицировали, сколько выстрадали свои выводы о кризисе уголовного права. Акты речевой коммуникации говорят нам о том, что осознание тяжести наступающих от действия разбалансированного уголовного закона последствий и необратимости вызванных им социальных изменений уже привело деятелей науки к отрыву от научного доказывания. Они перешли к публичным выступлениям, к громким требованиям системного обновления уголовного закона и остановки его беспорядочного изменения. Целенаправленно выбирают те вербальные инструменты, которым под силу концентрированно выражать их негативное личностное отношение к теме.

Не менее значимо умение отличать субъективные факторы от объективных, распознавать их присутствие в конкретных выводах ученого, разбираться в соотношении и доминирующем положении соответствующих предпосылок. Обладание таким навыком поможет увидеть творческое начало автора, его отличие от тех, кто, по словам А. Шопенгауэра, «учат, чтобы заработать деньги, и стремятся не за мудростью, а за ее кредитом и за тем, что кажется мудростью; либо учатся не для того, чтобы достигнуть знания и разумения, а для того, чтобы произвести респект»[210].

В итоге можно констатировать, что присутствующая в выводах современных специалистов экспансивность вопреки их желанию характеризует не столько законодателя, сколько положение самой науки, внутреннее состояние ее представителей. Она предостерегает от абсолютного доверия к оценкам теоретиков и склоняет пока только к выводу о том, что современное состояние законотворчества не слишком отличается от ситуации в научном творчестве.

---

[210] *Шопенгауэр А.* Афоризмы. Мир как воля и представление / Пер. с нем. Ю. Айхенвальд, Ф. Черниговец, Р. Кресин. – Минск, 2011. С. 1107.

Категоричность и эмоциональность выражений, описывающих причины кризиса и его виновников, заставляет задуматься о том, что реанимации подлежат не только юридико-технические, лингвистические, политические и собственно теоретические основы права. Возможно, в реабилитации прежде всего нуждается этико-психологический базис права, который, судя по депрессивному настроению специалистов, также исчерпал себя.

Без изучения «иррациональной» составляющей выводы ученых о кризисе уголовного права невозможно считать сколь-нибудь завершенными, состоятельными и готовыми для употребления на практике. Их научность, в том числе объективность и непредвзятость, требуют доказывания. В этом требовании нет ничего удивительного. Оно обращено ко всем наукам. Гносеологи отмечают, что «прошли те времена, когда всякое знание, происходящее от облеченного научным статусом субъекта, априори считалось совершенным, безоговорочно принималось и одобрялось. Текущая социокультурная обстановка активно способствует отступлению от сциентизма»[211]. Наука каждый раз должна подтверждать свою научность, в том числе через раскрытие, объяснение и оправдание внутренних механизмов принятия решений, через определение доли обыденности в этих решениях, их соотношение с ценностно-целевыми структурами, которые сегодня, по словам В.С. Степина, являются составными частями науки и необходимым условием проведения объективного исследования, получения объективно-истинного знания о всякой социальной системе[212].

Приближение к мотивам умозаключений криминалистов способно прояснить до сих пор остававшиеся в тени аспекты. Оно позволит обратить внимание, например, на то, что обсуждаемая здесь проблема может находиться вне плоскости законодательных или правоприменительных процессов, в чем яростно всех убеждают ученые. Возможно, дело и не в стагнации самой науки. Быть может, напротив, суть вопроса скрыта в успехах науки и в накоплении новых знаний, которые увеличива-

---

[211] См.: *Воденко К.В.* Наука в современном обществе: социальные и экзистенциальные причины кризиса рационализма и пути его преодоления // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 9 (40). – С. 10.

[212] См.: *Степин В.С.* О методологических подходах к анализу социального познания // Вестник Моск. ун-та. Серия 7: Философия. – 2014. – № 13. – С. 6.

ют возможности ученых, расширяют их кругозор и провоцируют более интенсивную психоэмоциональную рефлексию. По словам Д.А. Керимова, «...возрастание объема научных знаний, почти всегда повышает требования к точности, строгости и логической последовательности практической деятельности»[213].

Существуют и другие, не менее реальные свидетельства того, что суть исследуемой здесь темы состоит не в истинности или ложности выбранного законодателем пути. Нельзя исключать, что реактивность правоведов обусловлена сугубо вкусовыми предпочтениями, что подлинные причины неприятия учеными законодательных инициатив могут иметь отношение к сфере индивидуальных симпатий и антипатий. Вполне вероятно, что нарекания, касающиеся, например, системы действующего уголовного права, обусловлены сугубо художественными соображениями, которые, как отмечал В.В. Розанов, на известной ступени развития нигде не оставляют человека и нередко господствуют над ним. Художественный элемент, по убеждению мыслителя, входит в строение науки и составляет его неотъемлемую часть.

Все основания для таких допущений имеются. По развернувшейся вокруг системы уголовного права дискуссии можно проследить, что криминалисты ведут речь не столько о прочности, пользе, удобстве и прочих качествах, сколько о художественном виде интересующей их системы. С точки зрения В.В. Розанова, «специалисты рассуждают о красоте системы уголовного права, к ведению которой отнесены вопросы о взаимном расположении ее органов, симметрии, соответствии и их гармонии. Поэтому нельзя исключать того, что не столько состояние структуры, сколько безобразный вид подталкивает ученых к отторжению системы. Неприглядная внешность, как писал философ, вполне реально может повлечь наступление несовместимости системы со своими субъектами. Последние утрачивают способность жить в системе. Они не в силах возбуждать в себе привязанность к ней»[214].

Разбор внутренней составляющей предъявленных юристами выводов также дает возможность увидеть признаки смещения акцентов в вопросе о виновной сто-

---

[213] См.: *Керимов Д.А.* Философия и философия права // Право и образование. – 2002. – № 5. – С. 6.
[214] См.: *Розанов В.В.* О понимании... – С. 471.

роне в невостребованности науки и кризисе права. Более детальный анализ показывает, что ослабление роли науки не является каким-то чрезвычайным обстоятельством. Ее деактуализация имеет свои закономерные причины. Одна из них обнаружена средствами историко-сравнительного анализа, который свидетельствует, что симбиоз государства и научного сообщества, как правило, достигается в те периоды, когда требуется максимальная мобилизация ресурсов. «Характерное для текущего периода снижение качества связи между властью и научным представительством является приметой более спокойного времени»[215].

Другая причина объясняет мотивы выбора законодателя в качестве ответственного за кризис. Она указывает на то, что пристальное внимание к нему, помимо прочего, связано с нежеланием научного сообщества обозначать свою подлинную роль в сложившемся положении дел. Хотя в действительности оказывается, что на девальвацию значения науки в обществе повлияли не только отрешенность от нее власти и сомнительное качество подготовки соискателей научных степеней. Основное воздействие на понижение статуса науки оказало пренебрежение учеными гносеологической составляющей доктрины, которая априори должна доминировать среди ее иных источников. Нивелирование значения этой компоненты в составе доктрины привело в итоге к тому, что сегодня не юридико-познавательные формы логически упорядочивают противоречивый и хаотичный эмпирический материал действующего права, а наоборот – живой и актуальный опыт законотворения воспринимается как рациональное и руководящее начало, которому должна быть подчинена доктрина права, всецело удовлетворяя его нужды.

Уйдя в узкую область этатистского позитивизма, теоретики, как оказалось, уже дошли до логического конца выбранного ими направления. Венцом этого финала стало то, что они, по сути, обесценили свою деятельность и в функциональном плане обезоружили сами себя. Во многом за счет личных стараний деятели науки лишились основного и, возможно, единственного инструмента влияния на социальную организацию – «отдали» доктрину уголовного права

---

[215] См.: *Колчинский Э.И.* Наука и кризисы в XX в.: некоторые результаты сравнительного анализа // Экономический вестник Ростов. гос. ун-та. – 2006. – Т. 6. – № 3. – С. 141–149.

на откуп учреждениям власти. Сегодня она пребывает в монопольном ведении законодателя и правоприменителя, служит их прагматичным и корпоративным интересам. Проекты нормативных актов разрабатываются исследовательскими организациями по техническим заданиям заинтересованных министерств и ведомств. Творческое начало здесь исключено. Главная цель состоит в соблюдении требований заказа, в изложении научного материала согласно заранее заданным параметрам.

При обращении науки к познанию самой себя, в том числе своих субъектов, средства самореференции идут только на пользу. За счет способности «взглянуть на себя», на свою практику «со стороны» наука обеспечивает возможность проверить, отточить и обогатить свои познавательные средства, создать предпосылки, как писал М.А. Барг, для перехода на качественно новую ступень освоения изучаемой действительности[216]. На фоне гуманитарного кризиса ряд отраслей социального знания уже начал ревизию собственных предпосылок. Интроспекция принесла свои плоды. Выявлен сугубо негативный опыт оставления без внимания так называемых субъективных факторов.

Поиск причин, например, экономического кризиса привел к выводу о том, что их подавляющее число сосредоточено в области научных знаний и субъективных предпочтений модераторов этих знаний. В экономической науке зафиксирована монополизация научного знания. Многие процессы в ней происходят под влиянием доминирования одной (неолиберальной) теоретической доктрины и злоупотреблений ее сторонниками своим исключительным положением. Ученые-экономисты пропагандировали весьма ограниченные взгляды и настойчиво распространяли их среди широкой публики. Под свои одномерные финансовые представления о мире они подстраивали модели экономической эффективности и социальной справедливости, чем существенно искажали и усугубляли сложность возникшей ситуации. Есть специалисты, которые в своих изысканиях были подчинены воле заказчиков и покупателей услуг, предоставляемых экономической наукой. Ими в основном были ориентированные на краткосрочные резуль-

---

[216] См.: *Барг М.А.* О двух уровнях марксистской теории исторического познания // Вопросы философии. – 1983. – № 8. – С. 108.

таты представители бизнес-сообщества. Желание соответствовать их требованиям смещало акценты теоретического анализа, вело к подмене понятий[217].

Сегодня экономической науке рекомендовано ориентироваться на устойчивое развитие, истинные и долгосрочные интересы человека, исходить из основ его существования, не заниматься противопоставлением рыночных институтов и государства. Ей следует обратиться к широкому социальному контексту, ценностным и целевым ориентирам, которые экономисты как общественно ответственные исследователи обязаны держать в поле своего внимания. Требуется модернизировать систему базовых экономических индикаторов; обеспечить взаимосвязь экономического роста с уровнем социальной справедливости; отказаться от доминирования позитивистской методологии, которая, по оценкам специалистов, и привела к отмиранию жизненной значимости экономической науки, к снижению мировоззренческих стандартов, к утрате ряда критериев и идеалов научности[218].

Отмеченные требования, надо признать, актуальны сегодня практически для всех областей знания. Ученые говорят о необходимости построения человекоразмерной науки, предлагают включить этическую рефлексию в состав научного поиска. Р.К. Мертоном выработано широко поддерживаемое в литературе понятие «этос науки», предусматривающее совокупность норм, обеспечивающих объективность, самокритичность и независимость научного знания от личностных факторов, его нацеленность на познание истины и защищенность от вненаучных интересов[219].

Почти все вышесказанное применимо к характеристике уголовно-правовой мысли. В ней многое и на протяжении длительного времени испытывало воздействие монополии позитивизма. Развитие знания продвигается по маршрутам историцизма, при помощи редукционизма и механицизма. Преобладают уголовно-по-

---

[217] См.: *Рихтер К.К., Пахомова Н.В.* Мировой кризис, ответственность ученых и драйверы развития экономической науки // Вестник СПбГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2009. – Вып. 3. – С. 12–20.

[218] См.: *Колпаков В.А.* Кризис экономической науки как потеря жизненной значимости // Эпистемология и философия науки. – М., 2007. – Т. 12. – № 2. – С. 206.

[219] См.: *Merton R.K.* The Institutional Imperatives of Science // *R.K. Merton.* Sociology of Science. – L., 1972.

литические, т. е. по определению конъюнктурные, соображения. На их почве в XIX в. криминалисты уже пытались создать, как писал Э. Хенке, совершенно новый порядок в области правосудия с достижением maximum'а общественной пользы[220]. В итоге все старания закончились монографией А.Н. Трайнина, который в ее названии отразил главный результат многолетней работы ученых[221].

На те же позитивистские грабли ученые наступают сегодня. Возлагают надежды на политические учения. Забывают справедливые слова И.В. Михайловского о том, что «уголовная политика не есть наука»[222]. Она является околонаучной дисциплиной, только одним из приемов обработки содержания науки. Не обращают внимания и на то, что система имеющихся знаний не отличается своей завершенностью и самодостаточностью. В современной теории уголовного права до сих пор не представлена, например, метафизика. Хотя именно она располагает апробированным веками антикризисным потенциалом. Многие отрасли знания в период глубочайших кризисов с помощью метафизических знаний заново находят себя, а в повседневности – верифицируют свои достижения.

* * *

Итак, можно отметить, что представители теории не предлагают сбалансированной модели показателей, отражающей основные параметры уголовного права как динамически развивающегося объекта. Набор используемых ими в своих оценках индикаторов в общем носит сформировавшийся и типовой характер, который в значительной степени подчинен авторскому усмотрению и субъективному пониманию социальной действительности.

Комплект используемых показателей сложился опытным путем. Их поиск не был подчинен какой-либо цели и не имел рационального обоснования. Отбор выявленных индикаторов производился во многом на основе стихийных и интуитивных представлений о «правильном» и «неправильном», а если говорить в целом, то осуществлялся в пределах так называемого легистского стандарта, ориентиро-

---

[220] См.: *Henke E.* Handbuch des Kriminalrechts und der Kriminalpolitik. B. I. – Vorr., 1823. – P. VIII–IX.

[221] См.: *Трайнин А.Н.* Кризис науки уголовного права. – М., 1926.

[222] См.: *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Т. 1. – Томск, 1914. – С. 33.

ванного, как отмечал В.С. Нерсесянц, на признание «в качестве лишь того, что является приказанием, принудительно-обязательным установлением официальной власти»[223]. Поэтому сформировавшийся набор показателей, безусловно, нельзя признать выверенным и ориентированным на достоверное и целостное отображение состояния уголовного права как социальной ценности и национального достояния. Рассуждения о качестве уголовного права отличаются фрагментарностью и оппозиционностью по отношению к иным источникам и субъектам знаний, «апологией политической и правовой практики»[224]. Большая часть из них не основана на совокупности детерминант, формирующихся на микро-, макро- и метауровнях бытия уголовного права. Отсутствие таких взглядов и общих знаменателей, позволяющих оценивать положение уголовного права и его институтов, во многом объясняется отсутствием завершенной структуры знаний и не связанностью теории с формирующимся в науке новым типом рациональности.

2.2. Пределы практического понимания уголовно-правовой действительности

Отечественные ученые, как было отмечено выше, в своем большинстве определились с позицией по вопросу о состоянии современного уголовного права. Их выводы отличает твердая убежденность в своей правоте и бескомпромиссность. Они практически не сомневаются в том, что для характеристики этого состояния подходящим является определение «кризис». Противоположного взгляда придерживаются единицы. Незначительная группа специалистов считает, что в уголовно-правовой сфере мы имеем то же самое, что и во всех других сферах общественной жизни.

Состоятельность указанных выводов и качество рассудительной деятельности ученого мира детально были уже рассмотрены. Хотя вопрос не исчерпан. Внимание к теме привлекает еще один ее аспект. Имеется в виду характер взаимоотношений, складывающихся между теоретиками и практиками

---

[223] *Нерсесянц В.С.* Философия права. Учебник для вузов. – М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – С. 65.

[224] *Сырых В.М.* Застарелые недуги позитивистской доктрины права // Право и государство. – 2014. – № 2. – С. 38.

права. Сегодня мы имеем дело с наличием у них разных, нередко диаметрально противоположных точек зрения на состояние современного уголовно-правового порядка. Само по себе существование разнополярных мнений, конечно, не должно вызывать и не вызывает большого удивления. «Многообразие позиций не замечается за привычным для повседневности плюрализмом. Переменчивость и неустойчивость этих мнений сегодня скрывается за релятивизмом, который возобладал в общественном сознании и одержал, – как отмечает В.А. Лекторский, – победу в современной философии и культуре в целом»[225].

К сожалению, разностью взглядов и мнений проблема не ограничивается. Прогрессирует обоюдная недоговороспособность и в определенной мере неприятие друг друга. Более того, часто одна сторона привычно стремится к превосходству над другой, а вторая отмежевывается от какого бы то ни было диалога с первой. Сохраняющееся и не разрешающееся между ними противоречие в итоге выступает и отличительной чертой, и нормой современности. Возникающая в подобных условиях неопределенность в оценках действительного положения дел негативно характеризует обе стороны, так как указывает на их неспособность совместно справляться с такими ситуациями и продвигаться по пути развития – переходить от неопределенности к определенности. Общее состояние неопределенности также может свидетельствовать о том, что одна из сторон или даже обе стороны, убежденные в своей правоте, в действительности имеют дело с иллюзией определенности.

Вскрытая проблематика актуализирует поиск ответа на вопрос о том, что представляет собой сохраняющееся между теоретиками и практиками различие во взглядах. Понуждает углубиться в их способы мировосприятия и оценки правовой действительности. Имеет ли отличие во мнениях под собой объективные причины или же оно продиктовано субъективными факторами? Является ли их разноголосие элементарным расхождением позиций или доказательством отсутствия взаимопонимания между оппонирующими сторонами? Если последнее утверждение справедливо, то не пора ли констатировать наличие в сфере правосознания социального симптома, который Ж.Т. Тощенко назвал «расколом обще-

---

[225] См.: Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2012. – С. 3.

ственного сознания»? Не пора ли заняться познанием сопровождающих этот раскол антиномий, которые, судя по оценкам социолога, переполняют обыденную жизнь всего населения России и стали характерной чертой повседневности?[226].

Без сомнения, результат поиска ответов на поставленные вопросы очень важен. Во многом от них зависит достоверность вывода о состоянии современного уголовного права. Его поиск предполагает проведение многих параллелей и сравнений. Одна из таких параллелей состоит в исследовании состояния коммуникационных связей между модераторами (учеными) и операторами (практиками) такой столь значимой отрасли, как уголовное право. Результаты проверки наличия этих связей и их качества могут служить одним из ключевых индикаторов, определяющих положение уголовного права и как сферы знания, и как области жизнедеятельности вообще.

Ситуация парадоксальная. С одной стороны, ученые заявляют о кризисном положении уголовного права, которое проявляется в том, что законодатели и правоприменители выполняют свои профессиональные обязанности на бессистемной и противоречивой основе, не обеспечивают защиту гарантированных Основным законом прав. В целом ряде случаев, по их мнению, законотворцы и правоприменители действуют во вред социальной организации (например, непрофессиональными реформами дезорганизуют правоохранительную систему; без учета криминологической обстановки изменяют законы; принимают пробельные и не согласованные друг с другом нормативные акты; нововведениями в закон излишне криминализируют общество либо непринятием реальных мер наказания стимулируют преступность). Практики обвиняются в лоббистском и в обезнаученном подходе к праву (как при законодательной разработке конкретных юридических положений, так и при использовании их на практике). Особенно активно их порицают за декларативное, формальное отношение к научной обоснованности как первейшему и важнейшему принципу правотворческого и правоприменительного процессов.

Собственное мироощущение подсказывает ученым еще и то, что в настоящее время реализуется неадекватная состоянию преступности государственная

---

[226] См.: *Тощенко Ж.Т.* Раскол общественного сознания – угроза преобразованию России // Социология. – 2009. – № 4. – С. 69–82.

политика по борьбе с ней. Тенденции, по их мнению, настолько неблагоприятные, что не будут преувеличением утверждения о постепенном превращении Российской Федерации в криминальное государство. По наблюдениям деятелей науки, идет тотальная криминализация общества. Основываясь на личном опыте и на проведенных исследованиях, некоторые социологи отмечают, что Россия без преувеличения «утопает в крови»[227].

С другой стороны, многие практикующие юристы не разделяют пессимизма ученых. Их мнение во многом и нередко в главном не совпадает с отмеченными оценками большинства представителей науки. Лишь в ответе на конкретный вопрос «Кто виноват?» часто между ними наблюдается консенсус. Правоохранители также склонны сетовать на несовершенство нормативной базы, пенять на законодателя и почти каждый раз требовать от него принятия дополнительных правил поведения. При этом правоприменители не спешат говорить о кризисе уголовного права. Их отличает большая уверенность в праве и правопорядке, в стабильности его институтов и уравновешенности социума в целом. То же самое касается аргументации и оценок, в которых преобладает тренд на устойчивость общественного и личностного положения. В суждениях правоприменителей не найти доказательств достижения социально-правовыми процессами каких-то чрезвычайных значений. В основном практики ведут речь о некоторых недостатках, затрагивающих проблемы структурного порядка, но не оценивают их как критические.

Например, министр внутренних дел по итогам 2014 г. в докладе Президенту РФ заявил, что оперативную обстановку в государстве оценивает как положительную. Этот вывод он обосновал тем, что в обществе сокращается количество разбоев, грабежей, квартирных краж, убийств, снижается подростковая преступность. По сведениям чиновника, органами внутренних дел раскрыто более 900 тыс. преступлений, из них 206 тыс. – тяжких и особо тяжких, расследовано 27 тыс. преступлений прошлых лет.

В 2013 г. на заседании коллегии МВД России министр также констатировал, что ведомство в полном объеме обеспечило контроль над оперативной обста-

---

[227] См., напр.: *Дмитриев А.В.* Насилие как средство решения конфликтов // Общество и право. – 2004. – № 4 (6). – С. 63–64.

новкой в стране. Министерством, по его словам, выполнен значительный объем задач в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности, противодействия преступности. За отчетный период сократилось общее количество преступлений, в том числе большинство тяжких и особо тяжких, уменьшилось количество убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований, краж, квалифицированных грабежей и разбоев.

Во многом идентичными являются позиции глав других правоохранительных ведомств. Так, в итоговых решениях коллегии Следственного комитета РФ содержатся вполне удовлетворительные оценки. Из года в год в них отмечается, что руководители следственных органов принимают адекватные меры, направленные на укрепление законности и правопорядка, неукоснительное выполнение поставленных законом задач по исполнению законодательства об уголовном судопроизводстве.

Для подтверждения заявленной уверенности используются данные, включающие в себя в основном статистику уголовных и административных нарушений, структуру и динамику преступлений, а также вызывающие их факторы. Как минимум последнее десятилетие эти показатели подтверждают, что сдержанная (некризисная) оценка состояния уголовно-правовой сферы не лишена оснований. На протяжении указанного периода наблюдается последовательное снижение числа зарегистрированных преступлений (см. рис. 1).

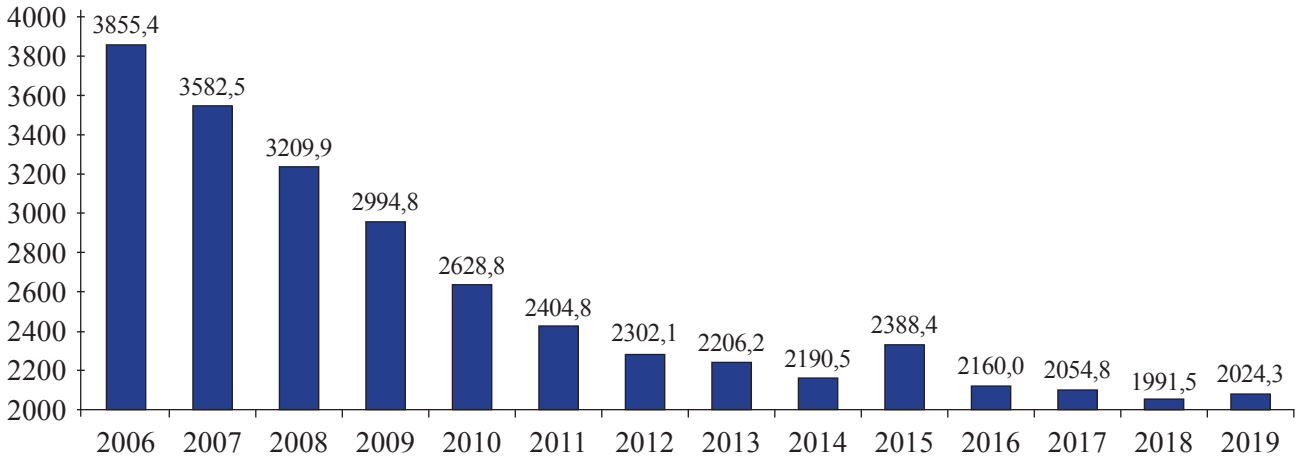

Рис. 1. Всего зарегистрировано преступлений в 2006–2019 гг. (тыс.)
Источник: Статистика Генеральной прокуратуры РФ (http://crimestat.ru).

Данная динамика касается как преступлений против личности, так и преступлений в сфере экономики. Число последних за указанный период снизилось кратно: с 489,6 в 2006 г. до 109 тыс. в 2018 г.[228]

Социологическое наблюдение, подчеркивают криминалисты, подтверждает показатели криминальной статистики. Влияние преступности как фактора, вызывающего тревогу в общественном сознании, устойчиво снижается. Определенная синхронизация социальных и криминологических тенденций позволила правоприменителям делать выводы и заявлять о том, что постепенно обретаемое в обществе спокойствие является закономерным следствием высокой эффективности их деятельности.

Свою уверенность, как видно из исследований различных социологических служб, правоохранители часто и небеспочвенно основывают на данных опросов общественного мнения, которые фиксируют, что последние 15 лет россиян стали меньше беспокоить вопросы безработицы (с 33 до 23%), преступности (с 27 до 15%), ситуация в армии (с 12 до 5%)[229]. По данным исследовательской группы «Ромир», если 15 лет назад в первую пятерку главных проблем общества помимо бедности и инфляции россияне ставили безработицу, наркоманию и рост преступности, то в 2010-х гг. куда более актуальными стали коррупция (40%) и проблема ЖКХ (37%). Проблема безработицы стала чуть менее заметной (36% против 41% восемью годами ранее)[230]. В общественном сознании фиксируется усиление актуальности проблем, связанных с социальной сферой (здравоохранение, образование, социальная политика) и состоянием экономики страны в целом[231].

Отличие позиций практиков и теоретиков права налицо. Соприкосновения их взглядов не просматривается. Емкая аргументация, основанная на длитель-

---

[228] См.: Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации – URL: http://crimestat.ru/; *Шульц В.Л., Бочкарев С.А.* Двойственность в понимании современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2 (3). – С. 122–132.

[229] См.: Ситуация в ЖКХ и инфляция стали главными проблемами россиян. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 25–26 января 2014 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. – URL: http://gkh1.ru/news/prochie_novosti/situatsiya_v_zhkkh_i_inflyatsiya_stali_glavnymi_problemami_rossiyan/ (дата обращения: 30.06.2015).

[230] См.: Исследование «Ромир»: Рейтинг основных проблем российского общества. – URL: http://gtmarket.ru/news/2013/10/23/6327.

[231] См.: Проблемный фон страны: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://wciom.ru (дата обращения: 19.06.2018).

ном отслеживании и анализе эмпирических данных, внимании к широкому кругу криминологических показателей, не убеждает представителей науки. Они считают, что для итоговых выводов о стабильном и позитивном развитии социально-правовых процессов в целом и уголовно-правовых в частности не имеется достаточных оснований.

Как правило, деятели науки оперируют большим числом веских и вполне очевидных причин, не позволяющих им согласиться с правоохранителями. К основным аргументам, используемым теоретиками для подтверждения несостоятельности позиции практиков, относят недостаточную научную обоснованность либо отсутствие данной составляющей во взглядах правоприменителей и в их практической деятельности. Другой повод для отторжения позиции оппонентов ученые обнаружили в погрешностях и легкой уязвимости системы статистического наблюдения. Специалисты утверждают, что статистическая отчетность далека от всестороннего и достоверного отображения состояния правопорядка, подвержена искажениям со стороны ответственных за ее составление ведомств и должностных лиц.

В действительности, ни один из отмеченных факторов или даже вся их совокупность не могут служить причиной «раскола» в оценках правопорядка. Реальные детерминанты нахождения субъектов оценки правопорядка на противоположных сторонах и на критическом удалении друг от друга следует искать не в *естественных* факторах, обусловленных социальным статусом и положением исследовательских групп, а в целенаправленно *избранных* ими точках обзора состояния отечественного уголовного права. Имеются в виду прежде всего дефекты мировоззренческого порядка. Их исследованию эксперты не уделяют должного внимания, но им в значительной мере подчинена уголовная статистика как основное средство восприятия правоохранительными органами окружающей социальной действительности.

Аксиологические проблемы уголовной статистики недооцениваются. Вместе с тем за несовершенством ценностной и идейно-идеологической стороны статистики стоят уже не арифметические погрешности, а высокие риски непонимания правоприменителем общественных процессов или необнаружения про-

текающих в них тенденций, тем более негативных трендов. Сегодня Украина называет цену таким рискам – демонстрирует пример плачевного исхода правового строя и всего социального устройства. Причин тому могут назвать предостаточно. Однако подобные Украине государства были повержены «цветными» переворотами, так как национальные средства правового мониторинга не сработали в критической ситуации. Средства наблюдения не отследили того, что внутренние противоречия, долго остававшиеся неурегулированными, попали в область интереса «третьих лиц», стали использоваться ими в качестве удобного предлога для разбалансировки общества и привели к неконституционному и насильственному концу целого ряда политических укладов. Российская нормативная база и основанная на ней система статистического наблюдения за явлениями уголовно-правового порядка не лишена подобных изъянов.

Во-первых, она не в полной мере учитывает то, что в правоохранительной деятельности нет ни одного аспекта, который в современных условиях можно было бы рассматривать вне социального контекста. Правоприменители составляют его неотъемлемую часть. По своему прямому назначению они призваны работать с обществом, для общества и над обществом, стремясь сделать его справедливым, свободным и самодостаточным. А на уровне уголовного закона такие задачи не сформулированы. Названные в нем цели и задачи выглядят намного проще. Назначение уголовного правопорядка выражено в безыдейных и безадресных нормах об обеспечении безопасности населения и законопослушности отдельных граждан.

В положениях уголовно-процессуального закона общество также практически не представлено. Судопроизводство обозначено как внутреннее дело ограниченного круга его непосредственных участников. Согласно ст. 6 УПК РФ органы юстиции призваны работать с отдельными лицами и организациями, потерпевшими от преступлений, а также с личностями, нуждающимися в защите от незаконного обвинения. Об обществе как о самоценности, т. е. объединении людей, обладающих общими интересами, ценностями и целями, в уголовном и уголовно-процессуальном законах практически ничего не сказано. По ним вообще затруднительно представить то общество, продуктом жизнедеятельности которого

эти законы стали. Их обезличенность не позволяет воспроизвести характеристики, имманентно присущие российскому обществу как конкретной социально-экономической и культурно-исторической целостности.

Во-вторых, вызывает тревогу состояние взаимосвязи системы статистического наблюдения с отображаемой социальной средой. Несмотря на самую прямую корреляцию статистики с конкретными жизненными происшествиями, именно ее социальная необусловленность обращает на себя внимание. С ее помощью можно рассмотреть лишь черно-белую картину уголовно-правового мира. В наименованиях многочисленных форм и показателей уголовной статистики категория «общество» не выделена, а резолютивные значения этих форм не отвечают статусу социальных индикаторов, не воспроизводят соответствующие параметрам «общества» картины. Они предлагают представления о социуме как сложенном в общую сумму множестве единичных и не связанных между собой происшествий. Сих помощью с реальными причинами происходящего определиться невозможно. Учитывая, например, что каждое третье преступление против собственности в России совершается иностранными гражданами, можно понять, что итоговые значения статистики лишены показательного смысла. Они не отражают уровня криминогенности коренного населения Российского государства. Не отвечают, в частности, на вопрос о том, являются ли ее показатели следствием упадка нравов в обществе или же это общество само стало жертвой низкой правовой культуры мигрантов.

Похожее положение в системе учета занимают скрепляющие общество ценности права. В уголовной статистике они не представлены. Их состояние в социуме не оценивается институтами правоприменения. Как показали вышеприведенные примеры, представители институтов правоприменения не измеряют и не отслеживают бытующий в обществе, например, уровень справедливости. Для них этот уровень не является руководящим началом. В этом, впрочем, нет ничего удивительного. Аналогичное отношение к справедливости проявлено законодателем. Парламентарии не сочли необходимым включить справедливость в состав охраняемых уголовным законом благ, несмотря на то что справедливость – это структурообразующая ценность всего права и каждой его отрасли, института и нормы.

Принцип справедливости закреплен в уголовном законе сугубо в отраслевых и юридико-технических целях. Как следует из буквального понимания ст. 6 УК РФ, руководствоваться этим принципом необходимо при назначении наказания. По логике законодателя, соблюдение принципа справедливости на этапах квалификации деяния, толкования уголовного закона, определения сферы его действия, привлечения граждан к ответственности или освобождения от нее не столь важно. Данный принцип должен приобретать обязательное для правоприменителя значение лишь на стадии определения виновному лицу вида и размера наказания. Но и в этом единственном случае сила его ограничена рамками сопоставления двух величин. Для установления наказания требуется соизмерение тех значений, которые характеризуют, с одной стороны, личность виновного, а с другой – обстоятельства содеянного им проступка.

Социального контекста, как видно по его нормативному воплощению в законе, принцип не имеет. О справедливости, обеспечивающей формальное равенство граждан не только перед законом, но и друг перед другом, в законе речи нет. Правоприменитель не обязан кодексом соизмерять рассмотренные им происшествия и соблюдать равенство между ними. Отсюда возникают случаи, вызывающие в общественном сознании чувство социальной несправедливости, когда за совершение 12 тяжких преступлений и хищение более 3 млрд руб. Е. Васильеву по делу «Оборонсервиса» содержат под домашним арестом, а мать, попытавшуюся для нужд ребенка обналичить принадлежащий ей по праву материнский капитал, заключают под стражу, продолжительный срок содержат в условиях полной изоляции от общества, так же как и лицо, совершившее преступление против личности.

Пренебрежительное отношение к идее справедливости, которая исконно играет конституирующую роль в русской культурной традиции и национальном самосознании, служит разумным объяснением того, почему в российском обществе существуют большие проблемы со справедливым устройством его структуры и механизма распределения ВВП в частности, на что постоянно указывают экономисты. Чувство несправедливости является самым распространенным среди россиян по частоте его переживания. По данным Института социологии РАН,

это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах граждан сложившегося в стране социального порядка, испытывает хотя бы иногда большинство всех россиян (свыше 90%), причем 46% переживает его часто[232]. Не удивительно, что «в число трех самых популярных желаний россиян входит мечта жить в более справедливом и разумно устроенном обществе (33%), составляющими которого являются социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах»[233]. Как отметил академик РАН М.К. Горшков, справедливость впору признать национальной идеей. Но при этом справедливость не входит в предмет повседневного и подлинного интереса законодателей и правоприменителей, что может свидетельствовать о существующих у них трудностях в понимании этой ценности.

Еще к одному из ключевых недостатков правоприменительного взгляда можно отнести его замкнутость «в себе». Совокупность критериев, используемая для оценки правоохранительной деятельности, не отвечает ее общественному положению и назначению, не отражает выполняемые органами юстиции публичные функции и задачи. Набор показателей, применяемых для определения качества их работы, не имеет выхода за ведомственные пределы. Ни один из его индикаторов напрямую не связан с состоянием той социальной сферы, в границах которой действует соответствующий правоохранительный орган. Система оценки во многом подчинена не общественным идеалам, а внутриведомственным ценностям, задающим в большинстве случаев стремление к корпоративной самодостаточности и внешней автономности.

Если говорить в целом, то нельзя не увидеть того, что общепринятая статистическая отчетность основана на очень упрощенной логике. Успешность органов правопорядка напрямую зависит от количества выявляемых, раскрытых и расследованных преступлений. В свою очередь, потребность в правоохранительных ведомствах определяется по увеличивающемуся числу криминальных деяний. Корреляции между отмеченными незамысловатыми показателями часто используются практиками в качестве наиболее весомого доказательства

---

[232] См.: Социокультурные факторы консолидации российского общества. – М., 2013. – С. 18.

[233] См.: О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М., 2013.

необходимости расширения полномочий и повышения уровня их довольствия, материально-технического обеспечения. Показатели эффективности правоохранительной деятельности не соотносятся с «качеством жизни» как важнейшим интегральным индикатором, который используется в социологии, экономике, политике и других социальных науках для оценки степени удовлетворения материальных и духовных потребностей человека и общества.

Вместе с тем обращение к данным, характеризующим состояние различных сфер общественной жизнедеятельности, весьма полезно для правоприменителей. Как минимум оно позволило бы им усомниться в обоснованности и самодостаточности своих выводов и подтолкнуло бы к переосмыслению собственных оценок. Социологические исследования показывают, что все основания для этого имеются. Согласно изысканиям Института социологии РАН большинство россиян не разделяют состояния умиротворенности, испытываемого правоприменителями. Несмотря на продолжительное снижение количества регистрируемых преступлений, свыше половины опрошенных устойчиво оценивают ситуацию в стране в пределах кризисных и катастрофических оценок. Уровень катастрофичности варьируется и имеет за последние годы понижающуюся динамику. Однако индикатор кризисности ситуации в стране колеблется в пределах 1994–1998 гг., не вполне успешных для государства и общества в целом (см. табл.)[234].

Таблица

Динамика оценок населением России ситуации в стране, 1994–2018 гг. (в % к числу опрошенных)

Год	Варианты ответов		
	Нормальная	Кризисная	Катастрофическая
1994	6	40	22
1997	13	43	38
1998, апрель	10	53	33
1998, октябрь	2	45	51
1999	5	61	29

[234] См.: Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования «Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды» // Исследование осуществлено научной группой ФНИСЦ РАН при финансовой поддержке РНФ (проект 14-28-00218). – М., 2018.

Год	Варианты ответов		
	Нормальная	Кризисная	Катастрофическая
2001	18	51	14
2005	25	54	12
2010	16	73	11
2011	23	59	10
2012	35	43	6
2013	31	43	10
2014	33	53	6
2015	22	64	8
2016	18	65	8
2017	31	52	7
2018	39	46	6

Источник: Институт социологии РАН. URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=428446 (дата обращения: 19.06.2018).

Более того, регулярные опросы населения подтверждают, что преступность была и продолжает оставаться первопричиной, что создает ощущение кризиса в стране. Противоположные суждения криминалистов основаны на некорректном прочтении отражаемых в социологических отчетах показателей преступности, которая в общественном понимании имеет отличный от юридического значения контекст. Внимательное отношение к социологическим данным позволяет сказать, что преступность воспринимается гражданами в узком аспекте. Под преступностью они часто подразумевают так называемый уличный вариант ее проявления. С ней связывают публичные и массовые происшествия, выражающиеся, как правило, в нарушении общественного порядка (драки, грубость, хамство, карманные кражи и др.). По данным опросов, состояние криминогенности население оценивает преимущественно по ощущению уровня безопасности в местах общего пользования (на улицах, в парках, школах и т. д.).

Из-за чрезвычайной опасности и тяжелой переносимости граждане в отдельную группу выделяют терроризм, который, безусловно, является неотъемлемой частью всей преступности. Прямо противоположный эффект связан с бытовыми,

повседневными и другими проблемами в сфере ЖКХ. Респонденты не относят их к числу преступных. Хотя немалая часть происшествий в этой области имеет уголовно-правовое измерение. Они связаны с безосновательным повышением тарифов, т. е. с обманом граждан и изъятием их средств якобы по причине повышения себестоимости оказываемых услуг. Прокурорско-следственная практика подтверждает, что в действительности целые сети энергосбытовых организаций в стране действуют в интересах не населения, а преступных сообществ. И занимаются они не энергообеспечением граждан как основным видом своей деятельности, а сбором денежных средств с населения и их выводом за рубеж по фиктивным основаниям, без оплаты услуг поставщиков и производителей.

Коррупция также выделяется респондентами в не связанную с преступностью группу. В современном же законодательном определении коррупция имеет главным образом уголовно-правовую квалификацию. Понятие коррупции, зафиксированное в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», охватывает не менее 45 составов преступлений, предусмотренных УК РФ.

Таков в самых общих чертах социальный контекст тех криминологических показателей, которые у правоприменителей не вызывают ощущения кризиса. Этот контекст недвусмысленно указывает на то, что преступность остается основной проблемой современного российского общества. Выход в конкретные сферы уголовно-правовой охраны и сравнение их состояния со значениями уголовной статистики оптимизма не добавляют. Ее индикаторы не согласуются с отраслевыми социально-экономическими тенденциями.

Продолжительное снижение числа зарегистрированных преступлений, например, в сфере экономики и, казалось бы, ее криминологическое оздоровление не приводят к улучшению в общественном сознании образа участников хозяйственной деятельности. Сохраняют актуальность высказанные еще в 1998 г. выводы специалистов Центра политических технологий, которые, исследовав образ российского бизнесмена в глазах общества, сравнили его с собирательным персонажем, совмещающим в себе черты Чичикова, Остапа Бендера, Карабаса-Барабаса, Саввы Морозова и героев О. Генри. Образ мелкого предпри-

нимателя ассоциируется в массовом сознании с «челноком», и его, скорее, жалеют. К крупному бизнесу относятся враждебно – из-за «неправедно» нажитых капиталов[235]. С тех пор общественное восприятие предпринимателя не улучшилось. Дело дошло до того, что сегодня представители государства и бизнес-сообщества призывают уже священнослужителей помочь реабилитировать предпринимательство в глазах общества, так как бизнес-активность в России в последние годы, по признанию специалистов Минэкономразвития России, неуклонно снижается, а желающих начать собственное дело становится все меньше и меньше. «Сейчас среди школьников и студентов профессия бизнесмена не котируется – в фаворе чиновники госструктур и менеджеры крупных корпораций»[236].

Сложившееся положение дел в сфере предпринимательства, имеющее устойчивый негативный тренд, свидетельствует о том, что основные отрасли законодательства не справляются с поставленными перед ними задачами. Или эти задачи перед ними до сих пор должным образом не поставлены. ГК РФ и УК РФ вносят небольшой вклад в укрепление и сцепление социальных связей. За 24-летний период действия ГК РФ и 22-летний – УК РФ антагонистические настроения в обществе, возникшие в начале 1990-х гг. на почве несправедливого распределения имущества советского государства, не снизили своего накала. После более чем 10-летнего опыта приватизации, как отметил академик РАН Н.Я. Петраков, «институт собственности в России не имеет однозначного и полного правового урегулирования. Задача создания эффективного частного собственника как доминирующей фигуры экономики страны не решена. Мелкий и средний бизнес не получил ни прочной правовой, ни экономической основы для цивилизованного конкурентного развития; крупные производства и сегменты экономики в результате приватизации снизили эффективность своей деятельности, оказавшись в монопольном положении на рынках сбыта продукции»[237].

---

[235] См.: Образ предпринимателя // Коммерсантъ. – 1998. – № 134. – URL: http://www. kommersant. ru/doc/202391 (дата обращения: 30.06.2015).

[236] См.: Проповедь на бизнес-тему. Церковь просят помочь реабилитировать предпринимательство в глазах общества. – URL: http://www.interfax-religion.ru/?act=print& div=6442 (дата обращения: 30.06.2015).

[237] См.: *Петраков Н.Я.* Развитие отношений собственности в России // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2005. – № 3 (24).

С выводами отечественных ученых согласуются оценки организации Property Rights Alliance, по наблюдениям которой степень защищенности имущественных прав в России находится на низком уровне. После оценки в 2009 г. 115 государств по 10 критериям, отражающим состояние правовой и политической среды и степень защищенности материальной и интеллектуальной собственности, Российской Федерации был присвоен индекс в 4,1 балла из 10 возможных. В рейтинге стран Россия заняла 87-е место, где она разместилась между Мозамбиком и Кенией, с одной стороны, и Замбией, Пакистаном и Алжиром – с другой. По состоянию на 2017 г. Россия не улучшила свои показатели, получив индекс в 4,0 балла, против 4,6 в 2016 г., 4,5 в 2015 г., 4,8 в 2014 г. На этот раз она не дотянула до Мавритании, Уганды, Гватемалы и Камеруна, существенно отстала от Мозамбика и Габона, встав на один уровень с Никарагуа, Нигерией и Зимбабве[238].

Обоснованность выводам о кризисном положении собственника в стране добавляют регулярные доклады Российского союза промышленников и предпринимателей о состоянии предпринимательского климата. 65% опрошенных в 2006–2011 гг. бизнесменов оценили уровень защищенности частной собственности как низкий, а более 20% выразили уверенность в том, что названный уровень за последние пять лет понизился; 15% улучшений не заметили. В аналогичном докладе за период 2011–2013 гг. отмечена негативная тенденция. До 43% увеличилась доля компаний, которые говорят об ухудшении делового климата, резко сократилась доля компаний, а по их мнению состояние деловой среды улучшилось. Фирм, уверенных в стабильности делового климата, также стало меньше в процентном отношении: 31% в 2013 г. против 42% в 2012 г. Тех, кто считает, что деловой климат в России именно ухудшился, в три раза больше, чем тех, кто придерживается обратного, положительного мнения. Это соотношение сохранилось с 2012 г.[239] В 2016 г. 47,8% респондентов при оценке состояния деловой среды за 2007–2016 гг. выразили уверенность, что деловой климат в 2016 г. ухудшился, 29,7% – что ничего не изменилось и 22,5% участников опроса указали, что

---

[238] Сведения приведены по данным организации International Property Rights (IPRI). – URL: http://internationalpropertyrightsindex.org/ (дата обращения: 19.06.2018).

[239] См.: Доклад Российского союза промышленников и предпринимателей «О состоянии делового климата в России в 2010–2013 годах». – URL: https://rcsme.ru (дата обращения: 19.06.2018).

состояние делового климата улучшилось[240]. В целом же представители деловых кругов не скрывают, что защитить имущество и бизнес в России почти невозможно из-за административных барьеров и коррупционной составляющей.

Специалисты по уголовной статистике и ее основные пользователи не верифицируют собственные данные с информацией из отмеченных источников. Можно сказать, что «система статистического наблюдения не предназначена для работы в масштабе и в формате общества. Не способствует такой работе и то, что УК РФ, вопреки требованию Основного закона, охраняет не всякую, а исключительно товарно-стоимостную собственность; требует проявления уважения не к личности собственника, а к стоимости имеющегося у него имущества; защищает не всех собственников, а только тех и тогда, когда они находятся в экономически наиболее благоприятном положении. То есть разрушает основы общества, переводя скрепляющие его принципы равенства и справедливости из естественно-правового положения в товарно-стоимостное измерение. Иными словами, соучаствует в развитии неприязни одной части социума к другой по признаку их имущественного неравенства»[241].

В действующей системе уголовно-правового мониторинга сегодня не предусмотрен механизм по диагностированию и прогнозированию наступления очередной смены форм собственности в России, которая, как отмечал Н.Я. Петраков, каждый раз происходит революционными темпами. У правоохранителей отсутствуют критерии оценки состояния социально-групповой структуры российского общества, которое уже сейчас, как отмечают Т.И. Заславская и В.А. Ядов, характеризуется вопиющим разрывом между зажиточными и бедствующими слоями граждан и нелегитимно в глазах населения[242]. Не удивительно поэтому, что, «по устойчивому мнению большинства россиян, государство защищает главным образом богатых и чиновников»[243] (см. рис. 2 на с. 164).

---

[240] См.: Доклад Российского союза промышленников и предпринимателей «О состоянии делового климата в России в 2016 году». – URL: http://media.rspp.ru/document/ 1/f/9/f9c2ca5f8cd104f8d5d40f2a7b50fced.pdf (дата обращения: 19.06.2018).

[241] См.: *Бочкарев С.А.* Собственность в уголовном праве / Под ред. *А.Э. Жалинского*. – М., 2011.

[242] См.: *Заславская Т.И., Ядов В.А.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.

[243] *Левашов В.К.*, *Афанасьев В.А.*, *Новоженина О.П.*, *Шушпанова И.С.* Экспресс – информация. Как живешь, Россия? XLIX этап социологического мониторинга, июнь 2019 года / Под общ. ред. В.К. Левашова. [Электронное издание] – М.: Перспектива, 2019.

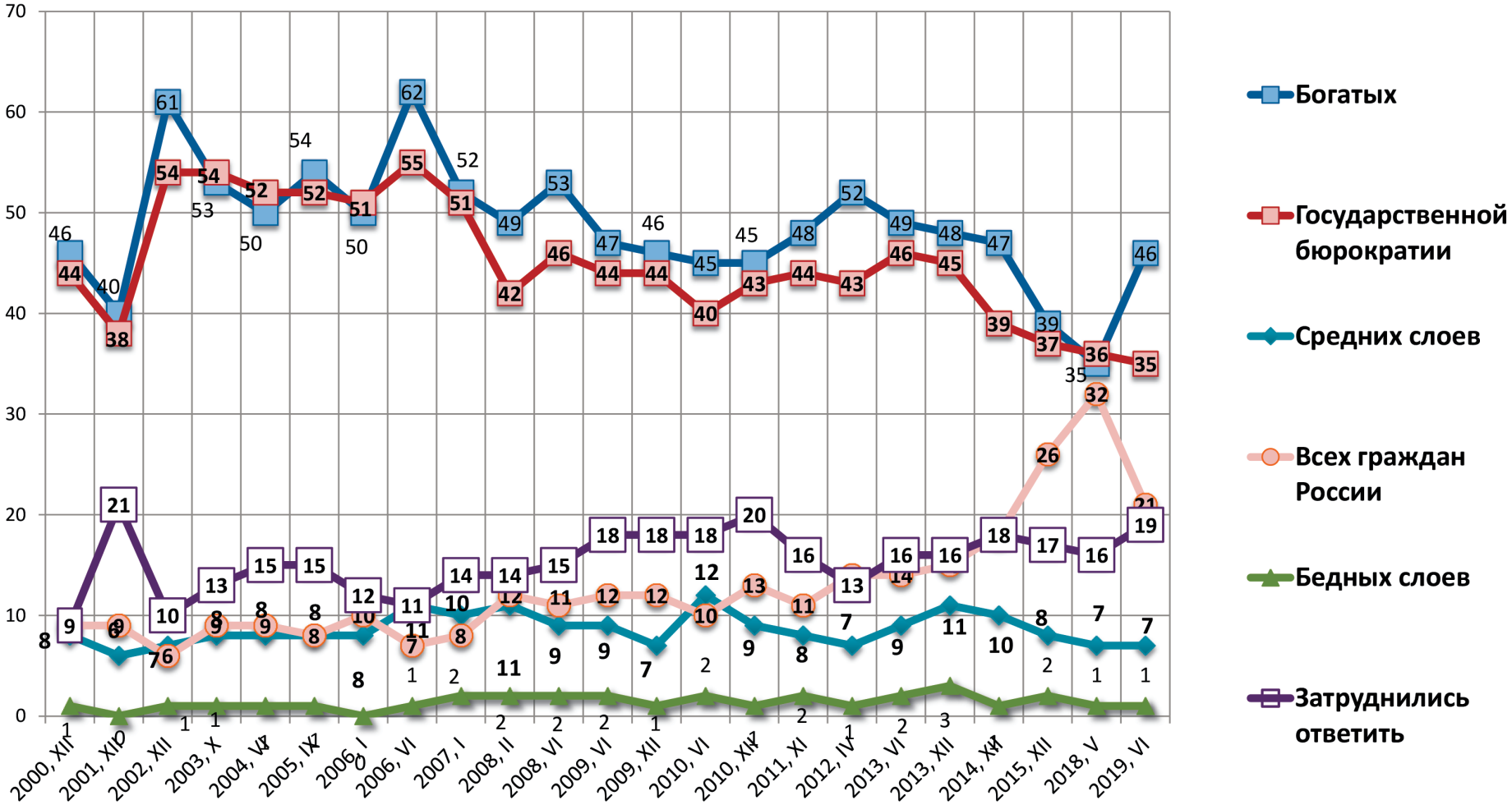

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство»?
(РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Обращение к конкретным сферам общежития и сравнение их состояния с показателями уголовной статистики можно продолжить. И уже на данном этапе становится ясным, что основанные на индикаторах уголовной статистики выводы органов юстиции весьма далеки от социально-правовой действительности.

Обесцениванию правоприменительного взгляда существенно способствуют сами правоохранительные органы и учреждения юстиции. Несмотря на унифицированность используемой ими уголовной статистики, каждое ведомство вырабатывает к ее значениям собственное отношение. «Единства в подходах к интерпретации статистического текста и социального контекста в целом нет, что, по сути, добавляет в правосознание общества свою порцию, – по выражению Ж.Т. Тощенко, – парадоксов и противоречий»[244], размывающих его представления о норме поведения. Точек соприкосновения в оценках специалистов немного. В основном преобладают расхождения. Примеры говорят сами за себя.

С одной стороны, Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев отмечает, что сложность экономических отношений в условиях становления рыночной экономики отразилась на структуре и содержании норм уголовного закона. Уголовный кодекс, по его мнению, соответствует современным экономическим потребностям общества. Этот закон максимально способствует переходу от жесткой централизованной планируемой экономики к свободным рыночным отношениям, его нормы направлены на защиту всех форм собственности и свободы экономической деятельности[245].

С другой стороны, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин сказал о том, что в стране отсутствуют твердые гарантии собственности. Обратил внимание на другие противоречивые процессы в правовом развитии России и в реализации конституционных принципов юридического равенства и социальной справедливости. Отметил то, что «Россия находится в тяжелейшем кризисе и в плену правового нигилизма, клановой и корпоративно-олигархической

---

[244] См.: *Тощенко Ж.Т.* Парадоксы и противоречия правового сознания // Безопасность Евразии. – 2002. – № 3. – С. 561–575.

[245] См.: Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. – М., 2005; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 2000.

ментальности; и то, что бюрократия превратилась в действующий в собственных интересах квазикласс, коррупции и организованной преступности»[246].

Сходная полярность наблюдается в оценках руководителей государства. По мнению Д.А. Медведева, «уровень защиты права собственности и контрактных обязательств сегодня в России соответствует мировым стандартам»[247]. По оценкам же В.В. Путина, действующие механизмы защиты собственности (в том числе интеллектуальной) не работают достаточно эффективно. Институт частной собственности нуждается в укреплении[248].

Не так много точек соприкосновения имеется в прокурорско-судебной практике. В оценке состояния, например, предварительного следствия их выводы существенно разнятся. По ежегодным докладам Генерального прокурора РФ, объем нарушений, допускаемых следователями и дознавателями на этапах проверки сообщений о правонарушениях и расследования уголовных дел, постоянно растет.

В 2014 г. объем выявленных нарушений законов в деятельности всех правоохранительных органов по сравнению с 2013 г. увеличился на 22% и в абсолютном выражении достиг почти 6 млн. Причем нарушения множатся не только на стадии регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях (+15%), но и в ходе всего дальнейшего расследования (+12%). В 2012 г. прокурорами установлено свыше 5 млн нарушений законов, допущенных на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Из них более 3,4 млн совершено на стадии приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях.

За период с 2014 по 2019 г. ситуация не изменилась. Тенденция сохранилась. В докладе Генерального прокурора РФ «О состоянии законности и правопорядка в 2017 году и о проделанной работе по их укреплению»[249] отмечается, что существенных изменений в работе органов расследования не произошло. На фоне снижения нагрузки по направленным в суд делам количество выявлен-

---

[246] См.: *Зорькин В.Д.* Указ. соч. – М., 2013. С. 7–9.

[247] См.: Медведев отметил высокий уровень защиты права собственности в РФ. Тренд – URL: http://ria.ru/society/20080607/109500873.html (дата обращения: 19.08.2015).

[248] См.: Путин предложил усилить защиту интеллектуальной собственности. – URL: http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/03/27/putin-predlozhil-usilit-zaschitu-intellektualnoj (дата обращения: 19.08.2015).

[249] Личная страница Генерального прокурора РФ. – URL: http://www.genproc.gov.ru/genprokuror/.

ных прокурорами на досудебной стадии нарушений закона в этом году выросло и составило 5,2 млн.

Иную направленность демонстрируют судебные отчеты. По их показателям, состояние законности на стадии предварительного расследования не столь удручающе. Количество уголовных дел, возвращенных судом без рассмотрения из-за допущенных в ходе расследования нарушений, находится в пределах 1%. В абсолютном выражении этот показатель ежегодно и стремительно снижается. С 2008 по 2014 г. индикатор уменьшился на 62% (с 25 343 до 9817 уголовных дел). Количество возвращенных дел в 2017 г. составило 12 614 (1,3% от числа направленных в суд дел). В 2019 г. – 10 881, или 1,23%.

Полагаясь на судебную статистику, можно пойти дальше и уверенно говорить даже о том, что беспокойство прокуроров относительно качества следственной работы беспочвенно. Объем оправдательных приговоров, с точки зрения следственных органов, имеет исключительно положительную динамику. Число оправданных лиц уже продолжительное время варьируется в пределах от 1 до 0,5% от общего числа лиц, представших перед судом. По состоянию на 2017 г. их количество составило 2233 человека, что равно 0,22% от общего числа обвиняемых, дела по которым рассмотрены судами. В 2019 г. осуждено 681 933 человека, а оправдано – 2 083, т. е. 0,3% от числа осужденных или 0,21% от общего количества лиц по поступившим в суд делам.

В сводных данных Судебного департамента Верховного Суда РФ миллионы нарушений следователей и дознавателей отражения и подтверждения не находят. Из 130 648 жалоб участников уголовного судопроизводства на незаконные действия (бездействие) должностных лиц органов следствия и дознания, рассмотренных судами общей юрисдикции в 2014 г., только 8929 удовлетворено, т. е. немногим более 6% от их общего числа. Для сравнения можно обратить внимание на то, что в 2017 г. в суды поступило 121 829 жалоб, из которых удовлетворено только 5898, т. е. 4,8%[250]. В 2019 г. в суды поступило 121 881 обращений, из них 5 416 удовлетворено, т. е. 4,4%.

---

[250] См.: Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ. – URL: http://www.cdep.ru/.

* * *

В завершение необходимо отметить, что поиск конкретных причин расхождения взглядов правоприменителей и их оппонентов можно продолжить и посвятить этому вопросу еще не одно исследование. Хотя такого рода изыскания не будут иметь большого успеха и приближать своих авторов к установлению одной для всех истины. Сложившийся в этой области опыт уже свидетельствует о том, что каждый орган правопорядка отстаивает свою правду и исключительно ею готов руководствоваться.

Для понимания современного состояния позиций правоприменителя стоит обратить внимание на сам «раскол» во внутриотраслевых и межотраслевых мнениях о положении действующего уголовно-правового порядка. Само его наличие, а также тот факт, что правоохранительные органы воспринимают его как обычное, повседневное явление, указывает на то, что подавляющая часть их оценок и мнений опирается на релятивистские установки. Базирование учреждений юстиции на подобной мировоззренческой основе, для которой вполне естественным является отсутствие соответствия между их оценками, может привести только к минимизации или даже аннулированию роли правоохранительной службы в жизни общества. Такие тенденции уже сегодня набирают силу. Согласно проведенным Фондом «Общественное мнение» опросам с 1998 по 2012 г. ведущие институты права не укрепили, а снизили свою роль в защите прав человека: прокуратура и судебные органы – с 18 до 16%, а полиция – с 11 до 7%. Тройка лидеров, набирающих вес в сфере правозащитной деятельности, представлена: 1) СМИ (с 17 до 21%), 2) Президентом РФ (с 6 до 20%) и 3) Конституционным Судом РФ (с 8 до 17%)[251]. Социальные замеры, проведенные в 2017 г. социологами РАНХиГС, подтверждают стабильность положения Президента РФ и пусть незначительное, но продолжающееся снижение доверия к «силовому блоку»[252]. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в рейтинге

---

[251] См.: Защита прав человека в России // Еженедельный опрос «ФОМнибус» 30 июня – 1 июля 2012 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. – URL: http://fom.ru/posts/10530 (дата обращения: 30.06.2015).

[252] См.: Социологи заявили о значительном снижении доверия к институтам власти. – URL: https://www.rbc.ru/politics/29/03/2017/58dbb1ed9a7947e4c4de9dcb (дата обращения: 22.06.2018).

доверия основным политическим и государственным институтам (включая органы федеральной и местной власти, правоохранительные органы, СМИ, политические и общественные организации) судебная система стабильно занимает лишь 9–10-е место из 14[253].

На фоне понимания и поддержки обществом высокой значимости закона отмеченная динамика вызывает удивление, но для удивления нет никаких оснований. При этом В.А. Лекторский уточняет, что «в ситуации релятивизации всегда происходит парализация действия»[254]. Такой паралич, надо полагать, наступил и недвусмысленно указывает на то, что теперь имеет место кризис не права, а действователя – правоприменителя. Для изменения сложившегося положения каждой правоохранительной службе необходимо выбираться из собственных искусственно сконструированных концептуальных каркасов и камерных пространств, а также поставить перед собой задачу по поиску и принятию на вооружение общей для всех социально-правовых институтов парадигмы восприятия реальности.

2.3. Издержки социального опыта в поддержании уголовного правопорядка

Социальный опыт многообразен, разрознен и практически необъятен. Его субъектов редко можно увидеть сосредоточенными на чем-то одном. Подход к опыту осложнен еще вариативностью политико-правовых, социально-экономических и просто обыденных практик, которыми он наполнен. Дисциплины криминального цикла не всегда учитывают отмеченную деталь. Часто, не вдаваясь в существо и специфику опыта, не ставя перед собой задачу целостно оценить его таким, какой он есть на самом деле, и выявить в нем единую для его субъектов проблему, названные дисциплины предлагают сугубо отраслевой набор приемов, традиционно применяемый ими для отработки и понимания социального опыта. Как правило, используемый инструментарий

---

[253] См.: Оценка деятельности судов в РФ. – URL: https://wciom.ru/index.php?id=228 (дата обращения: 22.06.2018).

[254] См.: Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2015. – С. 9.

упрощает и сужает жизненное пространство до ряда апробированных социологических, криминологических, статистических и собственно правовых показателей повседневной жизни. Линейно сводит общественную картину до пределов формата: преступление – преступник – преступность, оставляя вовне оставшийся мир. Точнее, уводит уголовно-правовую мысль из общесоциального контекста в сугубо криминальный подтекст. В итоге используемые криминалистами показатели не отвечают требованиям репрезентативности. С их помощью невозможно рассмотреть современное общество, оценить состояние его субъектов и институтов, функционирующих на микро-, макро-, мега- и метауровнях, определить беспокоящие их проблемы, рассмотреть место и значение права в жизнедеятельности общества, его роль в поиске и решении дилеммы, тревожащей всех участников социума.

Можно долго перебирать события и обстоятельства, отвечающие требованиям категории «социальный опыт», а также фиксирующие сосредоточенное и синхронное внимание личности, общества и государства как основных субъектов общественных процессов. Однако современность сама включает в повестку дня тему революции, феномен которой никого из агентов социального опыта не оставляет безучастным. Как известно, одних революция увлекает, других – вовлекает, а всех в целом делает либо пассивными, либо активными участниками слома социального уклада.

Трансформации, охватившие целый ряд стран, раскрывают перед нами составляющие их детерминанты, к которым относятся в основном политические, экономические, исторические, этнические, конфессиональные и другие предпосылки. Касательно юридической предпосылки, то она в этой области обозначена в меньшей степени. Специалисты по большей части говорят о праве на восстание и условиях его реализации либо о несовершенстве конкретных институтов правовой системы, которое способствует появлению революционных и протестных настроений. Эти рассуждения обычно сводятся к сфере права, в которой зарождаются и реализуются революционные процессы.

Следствием этого является то, что сфера революции со свойственными ей юридическими процессами и ее гносеологический потенциал исследован мало.

Одно и то же явление, но только в ином ракурсе практически не изучается, в то время как для изменения соотношения категорий «революция – право» имеются не только методологические возможности, но и социальные основания. Революционная идея с предельно концентрированной, крайне заинтересованной и чрезвычайно дееспособной силой имеет свой собственный взгляд на право, который наиболее полно реализуется, когда революция находится на пике и является уже субъектом социальной реальности, рассматривающим право в качестве объекта, разрушающим его, возвращающим общество к нецивилизованным формам отношений его членов, либо, в лучшем случае, с аналогичными издержками ускоряющим трансформацию «старого права» в «новое право» (монархическое в коммунистическое, социалистическое в капиталистическое и т.д.). По мнению зарубежных правоведов О. Гросса и Ф. Аолэйна, «неконституционная модель мер пытается отгородить привычную правовую систему от грязной действительности чрезвычайной ситуации»[255]. При этом среди прочих и даже более важных объектов посягательств именно право революция выбирает первообъектом разрушительных атак и их конечной целью. Как указывает А.Г. Лисицын-Светланов, «именно правопорядок в сфере публично-правового регулирования государств, переживших “цветные революции”, становится объектом нападок “зарубежных экспортеров” этих революций»[256]. Соотношение политических, экономических и других сил социума пересматривается революционерами во вторую очередь, так как без подавления действующего правового режима доступ к их кардинальному изменению невозможен, также как и невозможно закрепление внесенных в социальный уклад радикальных модификаций без приспособления к ним соответствующих юридических установок.

Выбор радикалов не является случайным и не ограничивается детерминантами функционального плана. Факторы аксиологического порядка вносят свой собственный вклад. Право для революции – это противоположность, поскольку главное его назначение состоит в обеспечении исключительно эволюционного

---

[255] См.: *Gross O., Aolain F.* Op. cit.

[256] *Лисицын-Светланов А.Г.* Правовые иммунитеты от «цветных революций» // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1 (6). – С. 32–36.

(или закономерного) варианта развития общества. Понятно, что этим еще не исчерпываются все те основания, в силу которых деятели революции выбирают право в качестве первообъекта своих посягательств. Помимо права другие регуляторы общественной жизни также могут иметь целью эволюционное развитие общества. Можно утверждать, что выбор революционных радикалов зависит от другой специфической черты революции – ее стремлением к подавлению целостности чего-либо или кого-либо. Очевидно, что за счет именно этой присущей только для революции цели каждое из качеств революции приобретает невиданную экспрессивность, а сама она – экстраординарную силу разрушения – революционность.

Философия и история права доказывают, что выбор революционеров практически всегда носит вполне адресный характер, имеет под собой веские основания. Учитывая весь историософский опыт можно сказать, что идея права является неотъемлемой частью как индивидуального, так и общественного сознания, и не только их частью. Правовая идея олицетворяет собой ту целостность, которой ее субъекты фактически располагают и к которой они стремятся как к общезначимому для всех идеалу и благу, потому что она концентрирует в себе наиболее значимые антагонизмы и механизмы их компромиссного разрешения. Без правового регулирования личность, общество и государство не могут стать цивилизованным целым, социально правильно определенным и полностью сформированным.

За весь длительный период становления человеческого общества другой идеи такого порядка, как право не возникло. На первых порах мифические и религиозные, а затем экономические и психологические доминанты, особенно на пике своего становления, претендовали на статус генерального регулятора и одновременно хранителя социальных норм. Но несмотря на это, идея об универсальном и общеобязательном правиле никогда не исчезала, лишь видоизменялась. Интерес индивида и поиск в себе некоего правового начала существовал всегда. Приостанавливалось развитие права, его институтов и учреждений, забывались традиции и уничтожались юридические памятники, но мысль о справедливой мере поведения никогда не покидала сознание человека и человечества.

Как итог всего – объективация права состоялась. Оно уверенно закрепилось в сознании его субъектов, как сказал Г.В. Мальцев, в виде всеобщего «образа порядка» или нормы, которая интегрирует в себе социальные регуляторы, придает индивидуальным и групповым интересам, разнообразным целям недостающий им элемент всеобщности. «Право имеет способность к высокой степени сопротивления диктатуре интересов и ценностей, если первые чрезмерно субъективизированы, а последние слишком идеологизированы. Что отличает право от других регуляторов. В метафизическом плане право представляет собой некую высшую ступень общественного развития, предначертанный правопорядок, а в повседневно-бытовом смысле – нейтрально-регулятивную систему, способную беспристрастно обращаться со всеми отдельными интересами, учитывать их в той мере, в какой это совместимо с общим благом и широко признанными ценностями»[257].

Были сформированы и обособлены отрасли права, каждая из которых направлена на обеспечение социальной целостности. Основной закон государства – Конституция – очерчивает общеправовой формат государственного и социального устройства, закрепляет его основополагающие ценности. Уголовное право защищает физическую целостность человека, общества и государства. Гражданское право обеспечивает соблюдение баланса частных и общих интересов, соразмерность прав и пропорциональность обязанностей участников гражданского оборота, его стабильность, предсказуемость и надежность (иначе говоря – ту же целостность)[258].

Можно утверждать, что феномен целостности находится сегодня в эпицентре мировых социальных процессов, доказательством этого являются востребованность революционного подхода, ряд успешно совершившихся «цветных» революций и высокая вероятность их дальнейшего распространения. В ходе революционных перемен старые представления о целостности подвергаются сомнению и радикальному пересмотру, испытываются критическими нагрузками. Изменения происходят на глобальном, региональном и локальном уровнях.

---

[257] См.: *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. – М., 2013. – С. 19–21, 29.

[258] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П.

Под давлением смены доминант в области индивидуального и общественного сознания, ускорения их динамики на каждом из обозначенных выше уровней идет переустройство.

Повышенный интерес к геополитической тематике и укладывающимся в ее формат событиям наиболее наглядно показывают, что появление, развитие и разрешение этих вопросов во многом обусловлено изменяющимися представлениями о целостности мира. В настоящее время эти воззрения переходят от монополярности к многополярности. Наиболее полная и исчерпывающая характеристика состояния дел на глобальном уровне содержится в словах А.А. Кокошина о том, что «в современной системе мировой политики и мировой экономики, в расстановке сил между рядом государств происходят тектонические сдвиги»[259]. Становление глобального коммуникационного пространства (по существу, новых представлений о его целостности) оказывает существенное влияние, как отметил В.В. Миронов, на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты всей системы культуры[260]. В области науки революционные изменения уже диагностированы. М.В. Ковальчук, в частности, указал, что «фактически мы являемся современниками новой научно-технологической революции. В течение ближайших 10–20 лет, по его оценкам, полностью изменится экономический уклад мира»[261].

Неправильно думать, что революционные процессы на глобальном уровне касаются только вышеназванных сфер и лишь частично затрагивают участников правового бытия или вообще не имеют отношения к юридической повседневности. Указанные процессы посредством смены господствующих тенденций привели к децентрализации национальных правовых систем и появлению в них новых модераторов, которые являются для этих систем и точками опоры, и источниками конфликтности. Можно отметить недостаточность средств для полноценного отображения быстро меняющихся интересов субъектов правовой

---

[259] См.: *Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б., Чернов И.В.* Сценарный анализ в управлении геополитическим информационным противоборством. – М., 2015. – С. 5.

[260] См.: *Миронов В.В.* Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. – 2006. – № 4. – С. 34.

[261] См.: *Ковальчук М.В.* Нанотехнологии – фундамент новой наукоемкой экономики XXI века // Российские нанотехнологии. – 2007. – Т. 2. – № 1/2. – С. 6–11.

действительности. Происходят существенные сдвиги в статусе традиционных субъектов права. Их суверенитет во внутренних делах уже не имеет прежней исключительности. Как отметил В.С. Степин, «...В современных условиях власть в политико-правовом планировании ориентирована больше на тактические программы. Стратегия, отвечающая нынешним проблемам планетарного масштаба и связывающая настоящее поколение с будущим, национальным правительствам уже не под силу. Неотъемлемой частью глобализационных процессов стала набирающая остроту проблема соотношения идеи прав человека и идеи прав народов. <...> Не так далеки и те времена, когда право даже на декларативном уровне не сможет обеспечить реализацию принципа формального равенства своих субъектов»[262].

Если мы обратимся к региональному уровню, то заметим, что целый ряд, казалось бы, устойчивых стран оказался не готов к трансформациям своих целостностей. На примере Украины мы видим плачевный итог изменений правового строя и всего социального уклада под давлением революционных перемен. Также очевидно, что большинство подобных Украине государств (Грузия, Киргизия, Молдавия и др.) было повержено «цветными революциями», из-за того, что национальные средства правового мониторинга этих государств не сработали в критической ситуации. Правозащитные механизмы, предназначенные для объединения общества и сохранения его целостности, не выполнили свою задачу. Их ахиллесовой пятой оказалась полная зависимость от политической осмотрительности, подготовленности и адаптивности.

«Цветные революции» стали возможны из-за неподготовленности национальной правоохранительной системы, средства наблюдения которой не смогли отследить, что неурегулированные продолжительное время внутренние противоречия попали в область интереса «третьих лиц» и были использованы ими в качестве удобного предлога для «раскачки» общества. Это в конечном счете привело к краху некоторых политических режимов. Национальная система юстиции оказалась не готова к изменению прежних значений социальных параметров.

---

[262] См.: *Степин В.С.* Философия в эпоху перемен // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. – 2006. – № 4. – С. 32–33.

В случаях выражения общественного недовольства действующая власть (чиновники) не смогла оценить масштаба угроз, формата проблем, определить состав действующих лиц и степень их активности. При незначительном внешнем воздействии эти вечно «тлеющие угли» несогласованности быстро трансформировались в бескомпромиссные противоречия и разрушительные конфликты, и это стало неожиданностью для власти. Говоря другими словами, у власти возникли сложности с целостным восприятием населяющих страну сообществ и объединяющих их культурных, исторических, экономических, политических и правовых ценностей.

Эти затруднения испытывали и те государства, которые уже «пали», и продолжают испытывать те государства, которые сейчас пытаются устоять под давлением перемен, им только еще предстоит пережить соответствующие изменения (с тем или иным успехом). При этом обозначенные изменения касаются не только государственных образований, их властных бюрократических аппаратов. На том же примере Украины можно убедиться, что похожие проблемы возникли у подавляющего числа рядовых политических акторов, многие из которых проявили неспособность к общему соизмерению индивидуальных и коллективных интересов. Закон перестал ими восприниматься в качестве путеводной нити и самодовлеющей величины. В определенный момент они проигнорировали закон и подчинились политическим искушениям. В итоге к власти пришло не большинство и даже не меньшинство, а те, с которыми в этом обществе, по выражению Л.Н. Толстого, казалось, окончательно было решено по ничтожеству этих лиц[263].

Таким образом, мы видим, что дилеммы целостности касаются каждого субъекта права. Наступившие изменения самым непосредственным образом касаются любого рядового человека. Даже можно сказать, что именно он и выступает их живым источником, так как процесс революционной деформации существующих целостностей приобрел цивилизационный масштаб в основном и прежде всего через человека. Что не отменяет того факта, что отдельно взятый

---

[263] См.: *Толстой Л.Н.* Война и мир // *Л.Н. Толстой*. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. – М., 1996. Ч. 3.

индивид может еще в недостаточной мере понимать характера происходящих под его началом дестабилизаций и именно поэтому неосознанно вступать в противоречие с собой. Из-за этого непонимания возникает бунт. Этот бунт может происходить внутри человека, а в ряде стран он уже выражается вовне. Индивиды выражают недоумение и неудовлетворение прежними средствами жизнедеятельности и познания, в том числе старыми апробированными правовыми укладами, которые ранее ими успешно применялись, а в настоящее время утратили свою эффективность и претерпевают кризис возможностей.

Вероятность бунта обусловливается как внешними факторами, так и внутренней предрасположенностью и готовностью человека к изменениям. Общественные мыслители уже отмечают, что сегодня индивид порывает со старым. Так, С.Л. Франк говорил, что человек убеждается в том, что старое как будто стройное, согласованное и неразрывное целое, в состав которого входили правовые отношения и государственный порядок, оказалось мнимым целым. По его словам, оно разложилось на глазах, и нам уяснилась его сложность, противоречивость и несогласованность. Обнаружились «различие и даже противоположность между истинной просвещенностью и блеском внешней образованности, между внутренними нравственными основами жизни и официально возвещаемыми лозунгами или внешне нормированными правовыми и политическими отношениями, между культурой духа и культурой тела»[264].

«Растет отделение мира *объективного*, созданного разумом в согласии с законами природы, от мира *субъективности*, прежде всего являющегося миром индивидуализма. Такое разделение, – утверждает А. Турен, – заменило единство мира, созданного по воле Бога, Разума и Истории, двойственностью рационализма и субъективизма»[265]. По словам Н. Рулана, «...Человек конца XX в. завоевал бесспорную индивидуальную свободу ценой разрушения общественных связей, которые, конечно же, его стесняли, но одновременно и защищали»[266]. Несмотря на успехи науки, а может быть как раз благодаря им, отмечает антрополог,

---

[264] *Франк С.Л.* Крушение кумиров. – Берлин, 1924. – С. 35–42, 44–51.

[265] *Touraine A.* Critique de la modernit. – P., 1992. – P. 14–15.

[266] *Рулан Н.* Историческое введение в право: учеб. пособие для вузов. – М., 2005. – С. 525.

контуры мира и человека вдруг оказались размытыми. «Общественный мир, – утверждает И. Хассан, – растворяется как смесь фактов и вымысла, история становится дереализированной средствами массовой информации в происходящее, наука принимает свои собственные модели как единственно доступную реальность, кибернетика сталкивается с загадкой искусственного интеллекта…»[267].

В данных условиях, чтобы соответствовать такому человеку, праву необходимо принимать во внимание его разнообразие и в работе над осмыслением общности не преувеличивать значение единообразия, чем традиционно грешила классическая модель права[268]. Философы полагают, что наступило время раскола индивидуальной и социальной собранности и, как следствие этого, правовой целостности. Они сходятся во мнении, что современное видение рационального мира, организуемого общими и даже универсальными категориями, сегодня требует серьезной корректировки (Н. Рулан). Без нового целого мы висим в воздухе среди какой-то пустоты или, по выражению С.Л. Франка, среди тумана.

Таким образом, не возникает сомнений, что у всех заинтересованных сторон проявилась, по словам П. Тейяр де Шардена, одна и та же неспособность – правильно судить о целом[269]. По мнению А.Н. Савенкова, «государства уже не могут, опираясь на известный экономический и правовой инструментарий, учитывая известные примеры иных государств в части преодоления периодов турбулентности, ни прогнозировать развитие общественно-экономических систем, ни формулировать цели социальных, экономических и политических преобразований», «…никто из лидеров или ученых государств победившей демократии в настоящее время не может предложить какой-то целостной картины не только описания современного состояния, но и тем более путей дальнейшего развития»[270]. Цена такой неспособности известна. Страны, общества и граждане поплатились собственной *полноценностью*, была утрачена государственность как

---

[267] См.: *Hassan I.* Toward a Concept of Postmodernism // Post-modernism. An International Anthology. Wook-Dong Kirn. – Seoul, 1991. – P. 64–68.

[268] См.: *Рулан Н.* Юридическая антропология. – М., 1999. – С. 298.

[269] См.: *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. – М., 1987. – С. 195–196.

[270] *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 7.

основное цивилизационное завоевание и достижение, *едино*включающее в себя правосубъектность общества, его политическую самостоятельность, экономическую достаточность и территориальную целостность.

Ведущаяся в настоящее время среди ученых дискуссия доказывает, что самый злободневный вопрос времени обнаружен. Все вопросы касаются нового облика права, соответствующего изменившейся социальной реальности. Причем исследуются именно категории, связанные (прямо или косвенно) с понятием «целое» или с его антиподом в разных плоскостях. Одни ученые говорят о необходимости оставления в прошлом «общей теории государства и права» и предлагают впредь рассматривать теорию права в единстве ее трех основных аспектов: философии права, социологии права и юридической догматики[271]. Другие указывают, что сегодня отсутствует единый философский и теоретико-правовой подход к юриспруденции (распространены идеи невозможности познания бытия, в том числе правового, отрицается гносеология, утверждается ненужность установления объективной истины и т.д.), и именно это создает большие науковедческие проблемы. Третьи выступают за дальнейшую специализацию права, его продолжающееся разделение на все новые отрасли (а также и законодательства), четвертые сомневаются в необходимости этого. Пятые указывают, что подавляющая часть правовых исследований не учитывает характерные для общества постмодерна черты: фрагментаризацию социума, глобализацию его инфраструктурных возможностей, взаимопроникновение культур, размывающее социальные нормы, регулирующие жизнь социума. Шестые утверждают, что юриспруденция не должна быть в стороне от тех изменений, которые происходят в социальной философии и связаны с трансформацией научной картины мира, а также обосновывают необходимость обращения в целях познания права к социокультурной антропологии как постклассической научно-исследовательской программе, являющейся ответом на пробелы и недостатки классических юридических изысканий, и признающей человека основой правовой системы.

---

[271] См., напр.: *Лапаева В.В.* Современное состояние и перспективы российской теории права и государства // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4 (1). – С. 21; *Козлихин И.Ю.* Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении. – Саратов, 2007. – С. 49–62.

В общем, очевиден тот факт, что в настоящее время ведется поиск модифицированного образа права, и надо скачать, что философия и теория права располагают неплохим инструментарием для разработки проблем концептуального порядка. Некоторыми учеными высказываются мнения, что он вполне самодостаточен и пригоден для восприятия права во всем его многообразии, предоставляет почву для обобщения и анализа правового опыта, его синтеза и системного исследования, интегративного осмысления правовой среды. Сходные рассуждения мы можем найти и по вопросу самодостаточности политико-правового устройства, организованного по всем канонам принятой на вооружение теории государства и права. В его составе имеется весь необходимый набор институтов, каждый из которых занимается своим делом, а в целом они дополняют и уравновешивают друг друга.

Однако социальная реальность показывает, что прежние практические и теоретические разработки (конечно, в разной степени) недостаточны для целостного осмысления, полного описания и должного отражения на ценностно-нормативном уровне протекающих в мире права и человека процессов. И то, что революционные движения появляются и достигают своих целей, говорит о том, что в государстве в относительно стабильные времена праву как целостному явлению не уделялось должного внимания. В прогностических целях целостность и устойчивость правовой системы не изучались на предмет революционных воздействий. Опыт заставляет обратить внимание и на плохое качество постановки рассматриваемой проблемы, на определенную недосказанность или опосредованность познания заявленной темы, на отсутствие напрямую заданного и с должной всесторонностью осмысленного вопроса о том, каким в современных условиях должен быть целостный взгляд на право? В чем или в ком скрыта его собственная цельность? В итоге к какой целостности должны стремиться с помощью права человек и общество в целях самосохранения и развития? И самое главное – откуда и как черпать достоверную информацию об этих целостностях?

Важность поставленных вопросов не вызывает сомнений. Социальная философия уже занимается их решением. «Целостность изучается как методологический принцип, оценивается в качестве креативного подхода в познании и

науках, исследуется эффективность, своеобразие и свойства получаемых с помощью этого подхода результатов»[272]. В тематическом плане рассматривается целостность знания и понимания, целостность и нелинейностью глобализации, целостность человека во взаимосвязи его способностей и потребностей. «Много усилий прилагается для анализа представлений о целостности в западной и восточной философии, в связи с чем появляются утверждения о зависимости понимания проблемы целостности от фундаментальных оснований главной культурной доминанты»[273].

С исследованием поставленных вопросов в теории права и государства не так все просто. На сегодняшний день можно утверждать, что гносеологический потенциал феномена «целого» практически не используется и поиск цельного облика права в ней не наблюдается. Конечно же, есть отдельные исследования, авторы которых предпринимают некоторые попытки дать оценку разного рода целостностей: правовой политики, государства, властно-правовой структуры, нормативно-правовой модели и т.д. Но в большинстве случаев целостность для них является категорией второго порядка и имеет подчиненное положение относительно других понятий. Она не исследуется как самостоятельное явление. Все как правило сводится к разговорам о характерных чертах, признаках, качествах, свойствах и пр. Это привело к тому, что вопросы о том, какие сегодня концепты о целом и цельном предлагает наука о праве, не имеет ответа на сегодняшний день. Изменились ли они? Или по-прежнему доминируют представления о праве как о безотносительной совокупности правил поведения? Однако для Л.И. Спиридонова ответы на названные вопросы вполне ясны. Как он утверждает, преобладают именно такие и подобные им определения. Они заполняют страницы руководств по изучению юриспруденции[274]. Исследования в области поиска целостного облика права, измененного образа российского государства и общества, отвечающих вызовам современности и будущего, редки.

---

[272] См., напр.: *Солонин Ю.Н.* Целостность как методологический принцип в культуроведении // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 4 (70). – С. 16.

[273] См., напр.: *Станкевич Л.П., Полякова И.П., Линченко А.А.* О понимании целостности в западной и восточной философии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2013. – № 6 (178). – С. 147–152.

[274] См.: *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. – М., 2000. – С. 88.

Как правило, мы рассматриваем в теории «целое» в его сопоставлении с «частью» этого целого. Это основные познавательные категории, имеющие в юриспруденции методологические функции[275]. Рассматривая и определяя их, специалисты, конечно же, пользуются общенаучным статусом этих категорий.

Целостность государства, например, рассматривается как один из его системных признаков, связанный и зависящий от уровня взаимодействия различных структурных элементов и от характера возникающих в его пределах разнообразных связей. Именно поэтому «для правоведов государство является весьма динамичным, постоянно развивающимся и совершенствующимся системным явлением»[276].

Так же специалисты оценивают и целостность права. Причем она обязательно связывается с системой права. В качестве некоего иного образования право практически не исследуется. Целостность права и система права, как правило, рассматриваются с естественнонаучных позиций. Для характеристики целостности права берется опыт познания органических и неорганических систем. Основой большинства выводов являются представления о том, что системность и целостность это характерные черты материальной действительности и всей вселенной, включая общество и право. В связи с этим возникает убеждение, что правовая материя, как и любая другая материя, неизменно носила и носит системный характер. В итоге целостность предстает перед нами в качестве характерной черты, указывающей на высокий уровень организованности, связанности и упорядоченности структурных элементов системы права[277]. Основной смысл целого сводят к структурно упорядоченному единству элементов, к их стабильности, взаимной интегрированности друг в друга и в систему, а также к их внутренней связанности и организованности[278].

---

[275] См., напр.: *Керимов Д.А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. – М., 2009. – С. 202–222.

[276] См.: Философия права: курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2 / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М., 2014. – С. 242.

[277] См., напр.: *Марченко М.Н.* О признаках «системы» и системном характере права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1. – С. 41–54.

[278] См., напр.: *Афанасьев В.Г.* Проблема целостности философии и биологии. – М., 1964; *Блауберг И.В.* Целостность и системность // Системные исследования: ежегодник, 1977. – М., 1977. – С. 5–28; *Синельников Б.М., Горшков В.А., Свечников В.П.* Системный подход в научном познании. – М., 1999.

Обозначенный выше системный подход имеет много преимуществ, а также обладает необходимой методологической инфраструктурой. Нас пытаются убедить в том, что лучше данного теоретического средства для целостного осмысления политико-правовой действительности не существует. Многие ученые считают системный метод априори предназначенным для концентрации внимания на целостности любой структуры. Догматизм, нормативизм, историцизм, материализм и иные направления позитивистского толка сделали очень много для укрепления позиций системного подхода в юриспруденции. Но, как нам представляется, именно в подмене феномена целостности явлением системности, в преувеличении потенциала системного подхода кроется ахиллесова пята современных представлений о целостности отечественного правового уклада и государственного устройства.

Тенденции развития современных обществ и государств с их высоким уровнем динамизма социальных процессов достаточно явственно показывают нам, что системное исследование права, его субъектов, институтов, норм и сфер действия, их рассмотрение во взаимосвязи не оправдывает себя. Такая черта системного подхода, как его целеустремление на учет и охват *всех* взаимосвязей, выявление *полной* совокупности отдельных структурных частей, определение роли *каждой* из них в общем процессе функционирования системы, указывает на наличие в его основе абсолютистских и идеалистических начал. Приверженцы системного подхода упускают из внимания информацию о том, что только технические узлы в механических устройствах, клетки в биологических организмах и ядра атомов в химических реагентах не меняют своих ролей. В социальных же процессах (особенно современных) роли у структурных частей общества (включая его субъектов права) меняются оперативно и перманентно (был истцом, а стал ответчиком; был потерпевшим, а стал обвиняемым, или наоборот). И невозможно их все учесть, а тем более полностью охватить.

Если рассматривать системный принцип в его традиционном понимании, ставя во главу угла благородную и, казалось бы, безусловно необходимую всесторонность, то можно сказать, что в реальности он скрыто ориентирует на достижение невозможных в социальном плане полноты и объективности, сви-

детельствует о неопределенности решаемой задачи и о почти бесконечной множественности преследуемых целей. К. Маркс справедливо заметил, что «форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное»[279].

Это далеко не единственная издержка системного подхода. Так, А.И. Пригожин на примере различного рода социальных организаций обоснованно доказал, что системный подход не предназначен для оценки широко распространенных в человеческой общности спонтанных процессов внесистемного и контрсистемного порядков, не применим в условиях высокой непредсказуемости. Системность, по его мнению, означает непротиворечивость, но «ценностные ориентации в организации и даже у одного ее участника иногда противоречивы до несовместимости и никакой системы не образуют»[280].

Д.А. Керимов писал, что «целостный взгляд на объект часто подменяют системным подходом, но всякая система есть только одна из разновидностей целого. Часто упускается, что в социальной природе существуют и несистемные целостности. Правовая целостность может быть и системной, и несистемной; как объективной, закономерной, так и субъективной, произвольной. Именно поэтому-то структуру в праве и тем более в законодательстве нельзя характеризовать только как непременно закономерную связь между элементами целого»[281].

Взгляд на право как на систему – это исключительно мнение активно развивавшейся на протяжении всего XX в. нормативистской школы права, что упускается из вида при оценке системного подхода. Ее сторонники рассматривают право как единую систему норм и склонны исследовать эту систему саму по себе. Здесь важно понимать, что появление нормативистской школы неслучайно. Ее базовые начала основаны на нормативной или «законодательной» (по М.К. Мамардашвили) теории познания.

Нормативистская теория, основанная на культуре XIX–XX вв., любую дисциплину изучает в пределах «аполитичных» и «строго логических» традиций;

---

[279] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. – С. 548–549.

[280] См.: *Пригожин А.И.* Методы развития организаций. – М., 2003.

[281] См.: *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. – М., 2009. – С. 209, 210, 212.

в рамках убеждений о том, что человек, общество и государство как основные субъекты права функционируют по некой универсальной или идеально-типической модели. Имманентной для такого пути является экспликация связи и смысла с точки зрения того, какими эти последние *должны быть*. Особенностями данной школы является установление нормы познавательному процессу, пояснение и обобщение идеального смысла еще неисследованной объективности и тех связей, в каких эта объективность фактически достигается. «Законодательная» теория всякий раз предлагает нам использовать образцовую установленность (т. е. состоящий из простых номенклатурных единиц интеллектуальный аппарат) и на ее основании объяснять содержание – глядеть на мир и происходящее в мире изнутри понятия о мире (находясь внутри его мысленной сущности и глазами этой сущности)[282]. Реконструируемая на основании «законодательной» теории система не связана с действительностью права, поскольку не выделяет ее для себя и не описывает относящиеся к ней события. Она лишь по своему подобию объясняет содержание, внутренне наполняющее событие, но само событие как некоторую правовую целостность не отмечает и не оценивает.

В итоге представления о политике, государстве, праве и других объектах, а не действительность становятся источником взглядов на соответствующие целостности. И фактически таким образом реализуется чисто догматический вариант их развития. Рассуждения о целостности формируются при помощи простых логических операций, в направлении от понятия «системы» к понятию «права», а затем уже к определению «системы права». Об образе целостности нормативисты судят на основании знаний о системе и их шаблонного наложения на сложившиеся представления. По результатам толкования и понимания термина «система» в праве и государстве обнаруживают системные свойства, структуру, множество взаимосвязанных частей и элементов. Реже в познании целостности исследователи отталкиваются от конкретной действительности. С помощью таких умозаключений не обеспечивается связь понятия с сущим и существующим.

---

[282] См.: *Мамардашвили М.К.* Стрела познания (набросок естественно-исторической гносеологии). – М., 1997. – С. 13–14.

Нет понимания того, какой социальной целостности должно служить уголовное право и какую целостность его субъектам и институтам необходимо *правообразовывать* и *нормовоспроизводить*? При какой целостности в итоге уголовное право способно выполнять свое бытийное предназначение?

Следует заметить, что сторонники системного подхода к праву на определенном этапе увидели его ограниченность. Невозможно не заметить того, что изобретенный ими юридико-схематичный конгломерат под названием «система права» не предусматривает места для многого из того, что непосредственно связано с правом и даже составляет его неотъемлемую часть, и этим обрекает данные явления на существование за пределами системы и даже самого права. И поэтому решили ее доработать или, как отмечает М.И. Байтин, найти определенный компромисс между сторонниками нормативного и широкого понимания права[283].

В 1980-х гг. нормативисты внесли и сами же спешно одобрили предложение по нивелированию пределов теории *системы права* путем разработки дополнительной категории – *правовой системы*. Необходимость в ней была подтверждена многими теоретиками, а введение в научный оборот объяснена тем, что наличный аналитический материал уже не укладывается в существующие теории, потребность в синтезе ведет к новой теории, более адекватно обобщающей данные анализа. Идея правовой системы, по мнению В.Н. Кудрявцева, А.М. Васильева и В.П. Казимирчука, более всего отвечает решению такой задачи[284]. Как отметил С.С. Алексеев, «понятие правовой системы должно охватить совокупность всех известных правовых явлений, чтобы сохранить четкость, “неразмытость” научной категории, выражающей главное в правовой действительности, – институционное социально-классовое нормативное образование, т. е. объективное право»[285].

Однако фактически это не принесло большой пользы, не избавило системный подход от имманентных ограничений в восприятии права и мало что изменило в

---

[283] См.: *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001. – С. 151.

[284] См.: Правовая система социализма: в 2 кн. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи / Отв. ред. А.М. Васильев. – М., 1986. – С. 31–32.

[285] *Алексеев С.С.* Право и правовая система // Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 31.

понимании права, его целостности и структуры. Ядром *правовой системы*, как и *системы права*, большинством юристов вновь была объявлена норма[286]. По мнению В.Н. Кудрявцева и А.М. Васильева, нормы являются систематизирующим фактором для правовой системы, обеспечивают ее целостность. И таким образом главный недостаток устранен не был. Индивиду в юридической системе как носителю прав и обязанностей, производителю и исполнителю норм поведения так и не нашлось достойного места. Попытки ряда авторов отстоять его положение не увенчались успехом[287]. Связь норм с человеком и обществом как основными субъектами права, а через них и с правовой реальностью также не была проработана. Человек оказался противопоказан юридической системе и праву в целом. Некоторые ученые вполне серьезно утверждают, что в правовую систему должны входить права, свободы и обязанности, но не их субъекты. Распространено мнение о том, что «включение самих субъектов права в правовую систему, тем более в качестве “ядра”, “главного компонента” правовой системы, лишает последнюю качеств “правовой” и “системы”, превращая понятие правовой системы в бессодержательную, лишенную здравого смысла абстракцию»[288].

Как представляется, человек (индивид) вытеснен из обеих систем неслучайно. Этот процесс был целенаправленным и продолжительным. Его целью являлось, как ни странно, обеспечение устойчивости и стабильности систем, сохранение ими своей целостности. Индивид как своего рода их «разрушитель» – носитель не только рационального, но и иррационального – был намеренно выведен юристами за пределы структуры права. Ему отведено место в узкоспециальной теории правоотношений, в которой само собой разумеющимся считается, что система отношений субъектов права должна быть подчинена очередному нормативистскому императиву – безусловному подчинению единичного (или частного) общему. По общепризнанному мнению

---

[286] См., напр.: *Фарбер И.Е.* О понимании советского права // Советское государство и право. – 1979. – № 7. – С. 59.

[287] См., напр.: *Семитко А.П.* Российская правовая система // Теория государства и права. – Екатеринбург, 1996. – С. 483.

[288] *Глебов А.П.* Правовая система России и ее развитие // Российское государство и правовая система. Современное развитие, проблемы, перспективы / Под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж, 1999. – С. 325; *Байтин М.И.* Указ. соч. – С. 166.

Е.Н. Трубецкого, «право как норма ограничивает свободу личности ради интересов общества взамен на предоставление индивидууму известной сферы свободы, на которую не должны посягать остальные члены общества»[289].

В результате нормативисты удалили из сферы своих исследований источник подлинных знаний о целостности путем подмены целостности права юридической системой и исключения из нее человека (индивида). Отказавшись от философии, юристы отрезали себе возможность обнаружения отмеченной подмены и устранения допущенной методологической ошибки. А ведь именно философия, как обоснованно отметил А. Кауфман, всегда ставила перед собой задачу познания всеобщего – «целого бытия, полной истины, всего права»[290]. Сторонники системного подхода упустили из виду первоценное значение феномена целостности для человека, то, что целое имеет самое непосредственное отношение к менталитету человека, к его психофизиологическому концепту, где обеспечивает устойчивость индивида как внутри, так и вовне. Тяга человека к цельному, к полному восприятию всего (включая социальное) неслучайна. Она имеет антропологическое происхождение. Подобная склонность глубоко и надежно укоренена в сущности человека. По словам Н. Гартмана, эта склонность есть совершенно латентная, скрытая от предметного сознания убежденность, которая всюду сопутствует человеку. Последний не может думать ни о себе, ни обо всем окружающем его мире в отрыве от нее, так же как не способен идти одновременно больше, чем по одному пути. При этом целокупность для него имеет не только гносеологическое значение. Она несет значимую аксиологическую нагрузку. По убеждению мыслителя, «полнота входит в группу основных ценностей человека, так как характеризует многие дифференцированные способы его поведения. Сквозь ее призму им понимается все и делаются любые этические оценки во всем разнообразии жизненных ситуаций»[291]. Человеку выпадает задача из двойственности сделать единство – более высоко сформированное замкнутое

---

[289] См.: *Трубецкой Е.Н.* Труды по философии права / Вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. – СПб., 2001. – С. 336.

[290] См.: *Кауфман А.* Философия права, теория права, правовая догматика // Государство и право. – 2019. – № 5. – С. 21.

[291] См.: *Гартман Н.* Этика. – СПб., 2002. – С. 390.

целое. Конечно, «единство существует лишь в идее; так как эта задача никогда не выполнима, единство не может быть свершившимся»[292].

Существование в лексике человека таких понятий, как «мир», «вселенная», «галактика», «бытие» и даже «бесконечное», «невообразимое» или попросту «небытие», служит одним из доказательств того, что для него является жизненно необходимым иметь не столько исчерпывающее, сколько в определенной мере и на некотором этапе завершенное, как ему кажется, полноцелое представление о каком-либо явлении. Иначе он не признает, отрицает либо пребывает в сомнениях о возможности и реальности феномена. «Целое» помогает индивиду считаться с пока еще непостижимым, допускать, а не устранять сосуществование противоречий. «Полное» не позволяет разрушить единое. Оно помогает справиться с величиной многообразия, служит постоянно действующим средством для его переработки и органичного объединения.

Человек не может отказаться от целостного или «общего обзора», поскольку его предпосылки вытекают из собственного сознания, а прототипом выступает рефлексия к самоопределению, которая заключает в себе механизм самоидентификации в условиях нравственного выбора дееспособным человеком. Обобщающий взгляд служит индивиду и системой координат, и средством навигации. С его помощью он в самом широком смысле определяет свое местоположение в мире природы, обществе и ноосфере. Собственное тело служит в структуре сознания человека и собирающим, и фокусирующим устройством, цельнообразующим в его взгляде на весь мир. Наваждение плюрализма с множеством независимых и несводимых друг к другу начал или видов бытия – явление временное и переживаемое. Сегодня его нужно воспринимать лишь в качестве предвестника появления более сложного по своей организации целого и цельного.

Русская революция 1917 г. – крупнейшее событие общеевропейской и русской истории – случилась именно по причине игнорирования сущности целостности, ее происхождения из коренных свойств русского человека и органических потребностей народного духа как собственных оснований. Можно вполне справедливо

---

[292] См.: *Гартман Н.* Систематическая философия в собственном изложении // Фауст и Заратустра: сб. ст. нем. мыслителей начала XX в. – СПб., 2001. – С. 207–274.

заметить, что такой статус в оценках историков это событие приобрело не только в силу высочайшего уровня его катастрофичности, а из-за феномена обнажения подлинных оснований общественного устройства и разительного несоответствия наложенной на них политико-правовой формы (на что до этих пор обращали внимание преимущественно классики русской литературы). Сословию, занимавшемуся обустройством российской государственности, отмеченные основания были неинтересны. Как писал П.Н. Милюков, «русские государственные учреждения, происходя из-за границы, оставались чуждыми русской душе»[293], но чиновники этого упорно не замечали и продолжали во всем руководствоваться методом внешнего заимствования. Это, правда, касается и модераторов общественного сознания того периода, которые, как высказывался И.Л. Солоневич, подходили к познанию русской государственности через импортирование различного рода схоластических учений, как будто у нее не было своего строителя и архитектора[294].

По оценкам знатоков русской революции истинные причины этого трагического явления лежали, как писал С.Л. Франк, не в корыстных вожделениях участников междоусобных процессов, а в духовной неудовлетворенности народа в деле искания целостной и осмысленной жизни, все части которой к 1905–1917 гг. претерпели существенные изменения и уже не находились в былом сцеплении. Общество изменило свою структуру и вступило в эпоху раздвоения – как внешнего, социально-политического, так и внутреннего, духовного. Произошла гибель старого боярства, появилось поместное дворянство. Государственное здоровье, единство общественного сознания и духовная целостность были утрачены при «старом порядке»[295]. Однако если ранее сцепление частей с целым не отличалось крепостью и поддерживалось в основном пассивной привычкой к подчинению, то к моменту свержения императора появившаяся на горизонте мужицкая Россия уже никаким образом не «хотела отождествлять себя с государством, чувствовать себя частью государства, ответственной за целое»[296].

---

[293] См.: *Милюков П.Н.* Почему русская революция была неизбежна? // Русская идея: сб. в 2 т. Т. 2 / Сост. В.М. Пискунов. – М., 1994. – С. 121.

[294] См.: *Солоневич И.Л.* Народная монархия. Ч. 2: Дух народа. – М., 2010. – С. 298–299.

[295] *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Русская идея: сб... – С. 25–31.

[296] *Милюков П.Н.* Указ. соч. – С. 121.

По словам И.А. Ильина, повсюду было распространено нежелание отстаивать Россию и держать общий фронт[297].

Было потеряно общее понимание целостности, причин и оснований, оправдывающих объединение его частей. Но из-за того, что повсеместно на вооружение были приняты не отражающие национальной действительности понятия и теории, многое из происходящего в тот период в обществе и с самим обществом осталось незамеченным. По мнению В.В. Розанова, «главное из недооцененного состояло в угасании в народной душе идеала – веры в царя, который во все времена на Руси воплощал в себе подлинный фундамент русской государственности»[298]. Трагическое положение и стечение способствующих его усугублению факторов сознавалось смутно. Из-за доктринерской близорукости не было видно и того, что уже ничто не служило укреплению единственной опоры государственности. Сословные отношения, по словам С.Л. Франка, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии не образовывали собой государственное устройство, не воспроизводили собой целостность общества и не служили его устойчивости. Все это в той или иной мере не имело непосредственных корней в народном сознании и держалось лишь силою царской власти.

Также можно сказать, что и оценивать политико-правовое состояние государства и общества было некому. Администрация или, по словам политолога Ю.С. Пивоварова, «русская институциональная система», занималась своим делом. Ей во всем не хватало целовосприятия. Ни для осознания бюрократией собственного существа, которая поэтому при всей ее грозности, грузности, громадности, оставалась чрезвычайно неустойчивой, неэластичной и неэффективной, хрупкой и ненадежной[299]. Ни для понимания окружающих социальных процессов. По отмеченной причине все свое дело система свела к борьбе с внешними проявлениями революции, слепому истреблению и искоренению.

---

[297] См.: *Ильин И.А.* Русская революция была катастрофой // Русская идея: сб... – С. 292.

[298] См.: *Розанов В.В.* Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции. – СПб., 1906.

[299] См.: *Пивоваров Ю.С.* Истоки и смысл русской революции // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 5. – С. 35–55.

В итоге, как писал Ф.М. Достоевский в своих набросках к «Бесам», «просмотрели Россию»[300]. И по словам С.Л. Франка, на следующий же день после ликвидации отдельных нарушений, раздоров и бунтов неожиданно очутились перед лицом революции, о наличии и силах которой не подозревали. Не усмотрели ее подземного существа, не отделили и не отличили онтологических глубин революции от пены и накипи революционного волнения – от всех официальных лозунгов, сознательных идей.

* * *

Таким образом, следует отметить, что на примерах глобального, регионального и локального масштабов было показано, что современные представления о политико-правовых и других социальных целостностях находятся в кризисном состоянии. В мире, государствах, обществах и человеке идет трансформация, создающая благоприятные условия для их революционного слома, а также объясняющая причины массовой и успешной реализации в ряде государств и обществ революционных проектов. Факторы, позволившие случиться подобного рода событиям, говорят о неподготовленности к ним правоохранительных систем государств и уголовно-правовых средств противодействия. Органы и институты юстиции оказались не готовы к тому, что большинство социальных параметров изменили прежние значения. В моменты общественного напряжения бюрократия не смогла оценить масштаб угроз, формат проблем, определить состав действующих лиц и степень их активности. Для нее стало неожиданным, что при незначительном внешнем воздействии длительно «тлеющие» социальные несогласованности превратились в бескомпромиссные противоречия и разрушительные конфликты. У власти и ее уголовно-правовой системы оценки социальной реальности возникли сложности с целовосприятием населяющих страну сообществ и объединяющих их культурных, экономических, политических и правовых ценностей.

В связи с затронутой тематикой была рассмотрена теория целостности и ее состояние в отечественном правоведении. Выявлены погрешности принятых на вооружение концепций, главная из которых состоит в смешении и подмене

---

[300] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 11. – Л., 1993. – С. 66.

категории «целостности» явлением «системности». Обоснована необходимость обращения науки к человеку в его философско-антропологическом измерении как источнику подлинных и актуальных представлений о целостности права. Из-за отсутствия в своей основе философско-антропологического знания правоохранительная организация не способна к целостному восприятию населяющих государство сообществ и объединяющих их ценностей, в том числе пониманию того, что в эпицентре всех изменений стоит человек с собственными представлениями о мироустройстве, претерпевающими сегодня существенную трансформацию. Через внимание к современному опыту зарубежных стран и историческому наследию России актуализирована потребность оценки устойчивости и целостности отечественного политико-правового устройства. Для этого, по оценкам специалистов, имеются все основания. Так, в частности, М.К. Горшков обращает внимание на те характерные черты и особенности исторического самосознания россиян, которые к сегодняшнему дню претерпели глубокие и масштабные изменения[301].

---

[301] См.: *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. Опыт социологической диагностики. – М., 2011.

Глава 3
Состояние уголовно-правового знания как объекта познания

Любое знание включает в себя две ключевые составляющие – традиционную и инновационную. Для самого знания как формы социальной и индивидуальной памяти, отвечающей за накопление, сохранение и воспроизводство умений и навыков, базовой служит традиционная часть. Если знание – это форма, то традиция – встроенный в эту форму механизм, обеспечивающий ее наполнение осмысленным опытом.

Что касается новации, то она в составе знания является диалектически необходимой противоположностью его традиционной части. Выполняет функцию рефлексии и действует в контексте тенденции на вытеснение кустарных и архаичных форм и результатов деятельности. Создает предпосылки для восприятия знания в качестве объекта познания в целом и критики в частности. Инновации отражают готовность личности к дерзновению по совершенствованию мироустройства и исходно связаны с нарушением традиции как апологии и консервации прошлого. Необходимость в новации как противоположности традиции обусловлена тем, что рано или поздно сформировавшиеся школы, как отмечал А. Кауфман, «погружаются в догматизм. Они уже не способны открыть другие стороны в научном познании и поэтому приводят к застою научной мысли, к той или иной абсолютизации постулатов школы»[302].

В отличие от новации, традиция имеет нерефлектирующую приверженность к прошлому. Ориентированный на традицию человек, отмечал К. Маннгейм, действует, как правило, элементарно и в пределах привычных этических рамках. Именно такой человек может быть наиболее адекватно понят. При этом у традиции, несмотря на ее достоинства по обеспечению устойчивости и стабильности, есть свои недостатки. Она препятствует становлению нового и сохраняет косность, недопустимую на современной стадии развития. Более того, писал социолог, «традиционное осмысление, препятствующее появлению и утвержде-

---

[302] *Кауфман А.* Философия права, теория права, правовая догматика // Государство и право. – 2019. – № 5. – С. 22.

нию новой морали и новому человеку, делает сознание ложным в интерпретации морального поведения»[303]. «Все точные, ясные формулы: “закон есть закон”, “приказ есть приказ” или также “право – это справедливость”, начинают скрывать “существо истины и выдавать за нее неправду, закоснелое и ложное”»[304].

Традиционализм, с точки зрения Э. Кассирера, мифологизирует действительность и утверждает культовую психологию. Носитель традиции верит в старину и любит ее. Он убежден, что верность прошлому дает ему власть над бытием настоящего. Считает, что придерживаясь древнего, он овладевает существующими вещами. Будущее в понимании традиции не требует «нового неба» и «новой земли», а является «простым продолжением, точным и неискаженным отображением прошлого»[305]. «Заданный порядок вещей, такой, каков он есть, освящается и является предметом сохранения». В созерцании недвижимого порядка вселенной дух достигает покоя и гармонии, останавливая при этом время, так как теперь даже «самое дальнее будущее оказывается связанным с прошлым нерасторжимыми узами»[306].

В зависимости от вида знания соотношение традиционной и инновационной составляющих в его структуре меняется. В отличие от обыденного знания, оперирующего типовыми формами, научное знание стремится к установлению трудно неуловимой истины за счет верификации, обновления или пополнения своего содержания. В этом плане, как отмечает И.Т. Касавин, «традиция в науке не противоположна развитию, рациональности и рефлексии, хотя и предполагает стремление к сохранению признанных достижений, веру в истинность теоретических постулатов и нередкое игнорирование критики». «Наука в целом не может быть понята как традиция, как скоро в ней важную роль играют не интегрированные в традицию, маргинальные индивиды, от которых традиция получает как критический, так и позитивный творческий импульс»[307].

---

[303] См.: *Маннгейм К.* Идеология и утопия. – М., 1997.

[304] *Кауфман А.* Философия права, теория права, правовая догматика // Государство и право. – 2019. – № 5. – С. 22.

[305] *Кассирер Эрнст.* Философия символических форм. Мифологическое мышление. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 2. – С. 136.

[306] Там же.

[307] *Касавин И.Т.* Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. – СПб., 2000.

Традициями уголовного права и связанными с ними издержками основательно занимаются немногие специалисты, что, по идее мыслителей, может указывать на невысокую динамику его научности. Большинство криминалистов изначально приступают к поиску новаторской части. Вместе с тем для оценки состояния знания требуется исследование в первую очередь традиционной составляющей, которая остается базовой и исходной для инновационного компонента.

Для игнорирования тем, связанных с традициями, есть свои причины. К числу субъективных детерминант следует отнести то, что постановка заявленной темы и ее обсуждение предполагают обращение к тем решениям, которые из-за очевидности, удобности и давности либо никто не помнит, либо уже не вспоминает, считает их само собой разумеющимися. Но проблема не только в беспечности специалистов. Есть еще объективные причины, продиктованные природой самих традиций, которые, как правило, не осознаются как нечто преходящее, имеющее начало и конец во времени. Поэтому исследователям кажется излишним задаваться вопросами, составляющими малозаметную основу каждого уголовно-правового рассуждения или элементарного соображения.

В уголовном праве уверенно пребывает известный и апробированный научным и жизненным опытом понятийный аппарат. Речь идет об уголовных деяниях и наказаниях, нормах и институтах, субъектах и объектах посягательств, охраняемых отношениях, уголовной ответственности. Представления о каждой из отмеченных категорий носят устоявшийся в теории и на практике характер. Обоснование их смыслового значения и взаимосвязей поначалу происходило на базе естественной или позитивной школ права. Затем выделилась классическая школа права, возникновение которой символически было приурочено к изданию книги Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Классическая школа, как полагают специалисты, соединила в себе ключевые положения антропологического, социологического, психологического, исторического и других направлений в праве и выработала на их основе фундаментальные для уголовного права положения.

Внушительный объем знаний отмеченных школ достаточен для буквального понимания темы традиций и постановки прямо вытекающего из нее основного вопроса «Что в уголовном праве традиционно?». Багажа знаний достаточно

для вполне определенного ответа на заданный вопрос: именно традиционное в уголовном праве служит «расходным материалом» для построения теоретически выверенной и исторически наполненной содержанием уголовно-правовой конструкции, обеспечения ее устойчивости и возможности постоянной эксплуатации с определенной мерой издержек.

Устоявшиеся в современной теории взгляды подтверждают то, что уголовное право прежде всего само традиционно. Несмотря на смену времен и общественных формаций, а также неодинаковую эффективность функционирования на разных исторических стадиях, уголовное право или его отдельные нормы действуют в социуме уже давно. Ни на одном из этапов развития общества и его институтов не возникало категорических возражений против применения уголовного права. Размышления об отмене уголовного права, появившиеся в основном на страницах немецкой литературы, носят в большей степени прогностический и теоретический характер.

К числу основных примеров наличия традиций в рассматриваемом знании можно отнести, к примеру, данные об обычае как о ключевом источнике уголовного права, а также об институте кровной мести как о прототипе этого права. Знания об обычае продолжительное время не ставились под сомнение и до сих пор образуют собой теоретическую основу уголовного права, несмотря на появление, к примеру, синергетической парадигмы, которая не только в теории, но и на практике помогла науке выявить феномены хаоса и случая, а также вскрыть их влияние на уголовно-правовую жизнь. Обратить внимание на оттесняющее обычай воздействие этих феноменов и увеличивающееся влияние на современную законотворческую деятельность институтов управления. Знания об обычае как о ключевом источнике уголовного права стали каноном вопреки еще историческим доказательствам. Как справедливо отмечает О.Л. Дубовик, «история реформирования уголовного законодательства в России в XIX, XX, XXI в. наглядно указывает на отсутствие между этими процессами преемственности, а в самих процессах – гармоничности и последовательности»[308].

---

[308] См.: *Дубовик О.Л.* Культурно-исторические корни отечественного уголовного права // Государство и право. – 2019. – № 5. – С. 169.

За счет традиционности отмеченных и других знаний, отмечают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, обеспечивается стабильность уголовного права как области общественных отношений. При этом еще одна традиция обнаружена ими в базировании отрасли знания в основном на началах диалектики. Идеи единства и борьбы противоположностей «позволяют на весьма содержательном уровне не только вскрыть внутреннюю пружину развития уголовно-правового феномена, но и наметить перспективы его дальнейшей динамики». На жизнеспособность уголовного права существенное влияние также оказывает присутствие традиций в его позитивном измерении, т. е. «в структуре законодательных норм». Ученые выделяют два вида традиций в уголовном праве: а) область Особенной части УК, куда входят так называемые вечные преступления, а также посвященные этим нормам «проверенные временем научные положения»; б) «сфера» Общей части УК – традиции «более высокого уровня» или «традиции высшего разряда», к ним отнесены принципы законности, вины, равенства и проч[309].

Со стратегией рассуждений М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина относительно «диалектики традиций и новаций» в уголовном праве согласился А.Г. Кибальник. Вместе с тем он говорит о традициях как о «красной черте» и скептически относится к мнению правоведов о том, что традициям, как любому «канону, не суждено бессмертие». «Осмелюсь сказать, – свидетельствует ученый, – что все же есть “красная черта”, через которую вряд ли возможно переступить любому развитию. И первая такая “красная черта” – сам человек. Пока человек остается человеком, со своими свободной волей и разумом, чувствами и эмоциями, стремлениями и побуждениями, всегда найдутся индивиды, совершающие убийства, кражи и прочие “ядровые” преступления. И законодательные (по-разному оформленные) запреты, восходящие к известным заповедям “не убий”, “не укради” и т. д., видимо, будут существовать всегда. Без этих традиций “первого порядка” уголовное право и законодательство просто фантастично. Аналогично обстоит дело с целым рядом традиций более высокого порядка – с принципами

---

[309] См.: *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста: научный журнал. – 2015. – № 2. – С. 9–28.

вины, например, и равенства всех перед законом вне зависимости от расовых, национальных, религиозных и прочих характеристик. Вторая “красная черта” диалектики традиций и новаций в уголовном праве – это... само уголовное право и законодательство, по крайней мере, как мы его понимаем, представляем его задачи и в целом его предназначение»[310].

Таковы самые первые и достоверные представления о традиционности в уголовном праве. Дискуссия о традициях еще не завершена, и тема обстоятельно не изучена. Традиции и отвечающие им положения уголовного права определяются во многом на интуитивном уровне и с некоторой опорой на общую теорию права. В большинстве случаев речь идет об аксиомах, без которых они не могут себе это право мыслить. Например, не оценивая ни самого факта главенства диалектики в методологии уголовного права, ни ее истинных возможностей и пределов, специалисты признали ее несомненные достоинства и эвристический потенциал. Настоящее исследование не исключение. Оно не претендует на исчерпывающее описание искомых традиций, а имеет целью обратить внимание на ряд погрешностей, сопровождающих рассмотрение темы. Во-первых, актуализированная проблема о традициях подменяется дилеммой о новациях. Юристы рассуждают о традициях лишь в той мере, в какой знания о них проясняют существо новаций или служат отправной точкой для их поиска и определения. Во-вторых, поднятая тема существенно сужается специалистами. Несмотря на заявленную готовность ряда правоведов выйти в область философии и подняться до метаисторического уровня, на деле большинство из них остаются в теоретико-правовой плоскости. Обсуждают положения уголовного закона, «связанные с ними постулаты судебной практики» и «проверенные временем научные положения». Констатация проблемного состояния методологии уголовного права, выказывание поддержки отвлеченным и глубоко фундаментальным изысканиям обычно сводятся к предложению сочетать ряд подходов к познанию преступления и наказания или их компонентов.

Основанием для таких выводов послужило еще и то, что к дискуссии о традициях юристов подтолкнул волюнтаризм в «ломке» антикриминальных отрас-

---

[310] *Кибальник А.Г.* Традиции и новации в уголовном праве: очевидное и невероятное // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5 (22). – С. 72–73.

лей отечественного права и привнесение в них не всегда продуманного и нужного нового или чуждого российской правовой традиции. То есть не столько проблемность самих традиций, сколько масса разного рода непрерывных обновлений уголовного законодательства понудил ученых разобраться с тем, какое право и соответствующие ему науки нужны в сфере борьбы с преступностью, что и как допустимо в законодательстве и правоприменении. С учетом этого специалисты задались вопросами: какими должны быть перемены в уголовном праве? Что можно и нужно менять, а что надо оставить в сохранности и менять недопустимо? Что в структуре уголовно-правовой отрасли в совокупности ее институтов, принципов, норм доступно для обновления, и есть ли то, чего касаться нельзя?

Вопросы, безусловно, чрезвычайно актуальны. Однако постановка таких вполне естественных вопросов, порядок их рассмотрения и содержание предлагаемых на них ответов несут серьезную гносеологическую нагрузку. Этот опыт рассмотрения темы выявляет еще одну сферу традиционности, которой на пути всякого уголовно-правового исследования «традиционно» не уделяется должного внимания. Имеется в виду уголовно-правовое мировоззрение, которое при взгляде на уголовно-правовой мир также демонстрирует свои привычки и стереотипы. Мировоззрение как система человеческих знаний, или, по Г. Гемперцу, «космотеория», лежит глубже научного знания и порой служит для него основанием. Оно складывается, как отмечает Т.И. Ойзерман, из убеждений: истинных или мнимых, обоснованных и необоснованных, прогрессивных и реакционных. Одни из них основываются на фактах, другие – коренятся лишь в субъективной уверенности, лишенной объективной основы.

Иными словами, исследуя новации и подходы к ним через традиции, специалисты не выполнили одного предусловия. Они не обратились к существу традиций, не определились с их наличием в уголовно-правовом мировоззрении, стереотипы и привычки которого имеют ключевое значение в диагностике традиций и их отличия от новаций в научной, законодательной и правоприменительной деятельности. При решении поставленной задачи не определились с базисом, на котором рассматривались бы традиции и который во всяком случае должен быть более незыблемым, чем сама традиция. Необходимость в устойчивом основании возникает

потому, что традиция сильна сама по себе, а лежащие в ее основе мировоззренческие убеждения характеризуются «прежде всего той энергией, настойчивостью, решительностью, с которыми они высказываются, обосновываются, защищаются, противопоставляются другим убеждениям»[311]. Традиция не заимствует для себя базовое основание, а сама по себе и для себя является основанием.

Теория уголовного права не располагает таким базисом и не может им служить, поскольку в этом случае она сама становится объектом исследования. Поэтому необходим выход за пределы традиционного уголовно-правового знания и обращение к вопросу о существе уголовного права, имеющего свою особенную силу. Эта сила заключена в способности все возвращать «на круги своя» и, более того, возвращать отклонившихся с курса к исходному положению вещей как вовне, так и внутри уголовного права, о котором в теории и на практике известно немногое. Анализ проблемы отношения уголовного права к сущему в целом и к человеческому бытию в частности обеспечивает возможность с онтологических позиций установить наличие сформировавшихся в нем традиций, при необходимости дистанцироваться от них и рассмотреть их изнутри. Внедогматичное и эмпирическое обозрение этого права способно диагностировать и разомкнуть тот логический круг, который обнаруженные в нем традиции различными способами сомкнули вокруг себя, ограничивая тем самым всякого исследователя вытекающими только из теории уголовного права средствами и приемами познания.

Помимо разрешения ряда гносеологических задач бытийное постижение уголовно-правовых обычаев способно ответить и на более практические вопросы. Сохранили ли известные традиции свою функциональность как передаточные звенья, обеспечивающие преемственность поколений? Либо они уже изжили себя и те ценности, охране и поддержанию которых, по М. Веберу, призваны были служить? Возможно, традиции трансформировались в привычки и сегодня представляют собой рефлекторные механизмы, используемые в быту по причине их удобства и суеверного страха их пользователей, озабоченных только тем, чтобы все шло привычным порядком? Возможно, мировоззренческие установки превратились в разновидность, как писал мыслитель, чисто подражательных, квазирефлекторных,

---

311 *Ойзерман Т.И.* Мировоззрение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. С. 578–579.

автоматических и неосмысленных действий?[312] Не находятся ли субъекты уголовного права, выражаясь словами Ф. Ницше, в плену мнимой высшей полезности тяжелых, суровых и обременительных обычаев? Понимают ли их пользователи, как отмечал философ, «что та же степень благополучия может существовать и при других нравах и что даже достижимы большие степени его?»[313].

С позиции поставленных вопросов обнаруживается, что уголовно-правовое мировоззрение традиционно прежде всего в своем отношении к философии, теории и истории. Уголовно-правовое знание привычно формируется под влиянием того, что лежащее в его основе мировоззрение игнорирует философию, назначение истории существенно недооценивает и сужает, а задачи и возможности собственной теории гипертрофирует. Что стоит за этим отношением к философии, истории и теории? Традиция или стереотип, а может, и вовсе предрассудок? Вот те вопросы, которые требуют предварительного разбора. От их рассмотрения напрямую зависит, сможет ли наука уголовного права разобраться с традициями в законотворчестве и правоприменении, пополнить источники своего знания подлинными новациями? Способна ли она, обращаясь к философии или истории, различать образы будущего человека как основного субъекта уголовного права или отмеченные сферы знания продолжат сохранять лишь статус подспорья в текущих и более насущных исследованиях? Либо в уголовно-правовой дистанцированности от философии и истории есть свой замысел, свой урок и залог успеха рассматриваемой отрасли знания?

3.1. Предрассудки науки уголовного права в восприятии философии

Для дистанцированности или даже отрешенности уголовного права от философии имеются свои причины. Во-первых, как постулируется в отраслевой литературе, уголовное право – это сугубо практическая и прикладная дисциплина. Ученые с чувством достоинства отмечают, что в юридической науке, включая криминологию, уголовное право, уголовный процесс и исполнительное пра-

---

[312] См.: *Вебер М.* Основные социологические понятия / Пер. с нем. М.И. Левиной // *М. Вебер.* Избранные произведения. – М., 1990. – С. 628.

[313] *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла: сочинения. – М.; Харьков, 2008. – С. 76.

во, доминирует прикладное направление, ориентированное на точное усвоение и адекватное практическое применение действующих законов, их отдельных норм и положений[314]. Во-вторых, философия – это такая форма общественного сознания и знания, для которой, как признают сами специалисты, характерны абстрактность, амбивалентность и универсальность.

На основе элементарного анализа названных дефиниций криминалисты предлагают для нужд уголовной политики и уголовного права разрешение философских споров отодвигать на второй план. Одни оправдывают настойчивый научный интерес к проблемам реализации уголовного закона и обилие появившихся в юриспруденции работ, посвященных вопросам применения уголовно-правовых норм[315]. Другие берут пример с Э. Ферри и вслед за ним, удивляясь, задаются вопросом: «Как вы можете не замечать необходимости изъять из сферы философских споров уголовное право и ту социальную функцию, которую оно призвано регулировать?»[316]. Третьи считают ненужным углубляться в плоскость философии, «если это реально не повышает практическую применимость уголовного закона и пригодность доктринальных суждений»[317]. Подобное мнение, по свидетельству Н.С. Мудрагей, было широко распространено еще в Античности, на заре становления самой философии. Тогда, по примеру Калликла, считали, что «занятия философией нужны только в молодости и исключительно для целей образования. Последующая работа с философией оставляет без того опыта, какой нужен, чтобы стать человеком достойным и уважаемым. Ты останешься несведущ в законах своего города вести с людьми деловые беседы, частные ли или государственные значения, – безразлично, в радостях и желаниях – одним словом, совершенно несведущ в человеческих нравах»[318]. Философия бесполез-

---

[314] См., напр.: *Лунеев В.В.* Наука криминального цикла и криминологические реалии // Всероссийский криминологический журнал. – 2007. – № 1/2. – С. 6–24.

[315] См., напр.: *Шергина К.Ф.* Применение как форма реализации уголовного закона // Уголовное право и современность: сб. ст. Вып. 2 / Науч. ред. А.Э. Жалинский; отв. ред. С.А. Маркунцов. – М., 2009. – С. 36.

[316] *Ферри Э.* Уголовная социология / Пер. под ред. С.В. Познышева. – М., 1908. – С. 301.

[317] *Жалинский А.Э.* К вопросу об инструментальной оценке справедливости и эффективности мер уголовной ответственности // Уголовное право и современность: сб. ст. Вып. 2 / Науч. ред. А.Э. Жалинский; отв. ред. С.А. Маркунцов. – М., 2009.– С. 11.

[318] *Платон*. Горгий (484, c-d) // *Платон*. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. – М., 1990.

на, так как обрекает человека «на полную беспомощность в житейских и гражданских делах, не приносит ему ни денег, ни славы, ни власти»[319].

Помимо сравнительного анализа характеристик ключевых понятий и выяснения их противоположности не в пользу гносеологических возможностей философии свидетельствует опыт самой философской мысли. Возьмем, например, слово «философия» и обратим внимание на то, что оно, как отмечал немецкий философ В. Виндельбанд, в отличие от иных названий имеет редкую и странную судьбу. «Если мы обратимся, – писал мыслитель, – к истории с вопросом, что собственно есть философия, и справимся у людей, которых называли или еще называют философами, об их воззрениях на предмет их занятий, то получим столь разнообразные и бесконечно далеко отстоящие друг от друга ответы, что попытка выразить это пестрое многообразие в одной простой формуле и подвести всю эту неопределенную массу явлений под единое понятие окажется делом совершенно безнадежным»[320].

Другим не менее весомым и доказательным примером эффективности философского дискурса является вопрос о бытии как основная тема философии. На истории ее становления также можно убедиться в том, что исследовательская практика философской мысли не безупречна. Известно, что многое на пути рассмотрения бытия пройдено, хотя многие проблемы устройства бытия еще не разрешены. В соответствующем учении о бытии многое продолжает выветриваться временем и подвергаться коррозии человеческой мысли. Многовековое развитие мировой философской мысли не привело к уверенности в твердости и самодостаточности онтологического учения. Последователи основоположников всех известных философских систем свидетельствуют об их незавершенности и неоднозначности. «Признававшиеся истинными теории, – как пишет В.А. Канке, – рано или поздно проявляли свою недостаточность... Так обстоит дело с любой теорией, она появляется, достигает стадии расцвета, а затем опровергается»[321]. Все дело, объясняет Т.И. Ойзерман, в амбивалентности самой

---

[319] *Мудрагей Н.С.* Философия: трудности становления и путь // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2005. – С. 587.

[320] *Виндельбанд В.* Избранное: Дух и история / Пер. с нем. М.И. Левиной. – М., 1995. – С. 22.

[321] *Канке В.А.* Философия. – М., 2000. – С. 112–113.

философской мысли. Всякое начало у нее является концом, а конец – началом. Диалектическая противоречивость – одно из ее основных свойств. Неопределенность всего, чего касается эта мысль, признается ее достоинством, свидетельством богатства содержания, многозначности и разносторонности.

Иначе в философии не бывает, уверяет Т.И. Ойзерман: «Достаточно подвергнуть анализу любое философское понятие, чтобы выявить внутренне присущую ему амбивалентность»[322]. Для философской практики является вполне обычным, когда почти каждая метафизическая система есть отрицание предшествующей «и зачастую также отрицание прежнего смысла самого понятия метафизики». Противоречивость философских учений считается единственной объективной определенностью. Двузначность в этих учениях возводится в норму. «Перманентная конфронтация философских учений, – по наблюдениям Т.И. Ойзермана, – образует внутренний ритм развития основных философских направлений»[323]. Однако множественность и противоречивость – удел не только философии. В представлениях о праве, его феноменах и закономерностях во многом сходное положение дел. Эти качества – вполне обычное для теории и истории права явление. С древних времен правоведы разделяли мнение Алкмеона Кротонского и других пифагорейцев о том, что противоположности суть начала всех вещей. Поэтому «плюрализм можно отнести к одному из свойств правовой мысли. Сложный процесс правоосмысления и правопонимания, – как отмечает Н.И. Матузов, – предполагает выяснение и обоснование понятий права как в объективном, так и в субъективном смыслах»[324], поиск между ними точек расхождения и соприкосновения. Сферы морали и нравственности несущественно отличаются от сферы философии. В вопросах смыслообразования у них многое схоже. «Ни один обязательный поступок, – подчеркнул Д. Мур, – не может быть единственной в своем роде ценностью... <...> Для того чтобы показать, что такой-то поступок является долгом, необходимо знать, каковы же другие условия, которые вместе с данным поступком определяют и формируют его последствия...»[325].

---

[322] *Ойзерман Т.И.* Амбивалентность философии. – М., 2011. – С. 8.

[323] *Ойзерман Т.И.* Метафилософия. Теория историко-философского процесса. – М., 2009. – С. 320, 309.

[324] См.: *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003. – С. 90.

[325] *Мур Д.* Принципы этики. – М., 1984. – С. 207–208, 234–235.

Но дело не только в правопонимании. Амбивалентность укоренена в существе права. В этом плане показательно не беспочвенное деление права на субъективное и объективное. Субъективное право, т. е. право в своем осуществлении, противопоставляется праву объективному или праву как совокупности норм. Эта противоположность происходит из того, что, как объяснял Б.А. Кистяковский, «объективное право как совокупность норм состоит из ряда явлений, которые по самой своей природе родственны понятиям. В свою очередь, субъективное право всегда представляет собой конкретную совокупность единичных правоотношений и индивидуальных прав и обязанностей, существующих в том или ином обществе в определенный период времени, которые по своей природе прямо противоположны понятиям. Если объективное право есть совокупность рациональных продуктов духовной деятельности человека, то субъективное право есть совокупность жизненных фактов, имеющих правовое значение. Каждый такой факт в своей индивидуальности, в своем своеобразии, в своей неповторяемости есть нечто, безусловно, иррациональное. Только с известным приближением или даже с натяжкой можно говорить о том, что в каждом таком факте воплощается та или иная правовая норма», – писал Б.А. Кистяковский[326].

Как объективное, так и субъективное право амбивалентны еще сами по себе и в себе. Субъективное право как жизненное явление основано на юридических фактах и событиях, о которых по причине их множества и неоднозначности можно судить только по совокупности и только после их оценки с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела. Объективное право, основную и самую существенную черту которого составляет рациональное, очень мультиплицировано, как определил ученый. Рациональное в правовой норме всегда сложно и даже многообразно. По своему содержанию норма состоит не из одного, а из нескольких понятий и порой принадлежащих разным сферам человеческой деятельности. Поэтому и выводы, получаемые из той или иной правовой нормы логическим путем, бывают различны и обыкновенно возбуждают много споров между юристами.

---

[326] *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. – СПб., 1999. – С. 212.

С амбивалентностью также имеют дело уголовно-правовые механизмы, каждый из которых и все вместе направлены на устранение и урегулирование противоречий между субъектами и возникших на их почве конфликтов. С амбивалентностью связаны и принципы права, обеспечивающие, с одной стороны, внутреннюю непротиворечивость рассматриваемой отрасли, а с другой стороны, ее внешнюю согласованность с принципами более высокого порядка – конституционными. Еще одним не менее доказательным примером перманентной связи права с амбивалентностью служит феномен самого преступления, который как центральное уголовно-правовое явление есть своего рода вступление в противоречие индивидуального акта с общепризнанной нормой поведения. При этом оно не только с формальной точки зрения выступает против закона, но и с содержательной позиции стремится опровергнуть или низвергнуть защищаемые им ценности, преследует цель создать и утвердить антиценности. Несмотря на всю определенность, например, убийств и разбоев как уголовно наказуемых деяний, признаки неоднозначности и непредсказуемости весьма плотно сопровождают процесс квалификации преступлений, в том числе названных деяний. Прежде чем наступит возможность сделать вывод об их совершении, надлежит сначала примирить совокупность разнородных и присущих преступлению признаков, его субъективные и объективные элементы. На уровне состава преступления они соотносятся правоприменителем друг с другом. Результаты их сложения определяют и выявляют смысл всего уголовно-правового замысла.

Что касается признака абстрактности и механизма абстрагирования, то они также имманентны уголовно-правовой мысли. Переход от теории уголовного права к общей теории права, т. е. от частного к более общему, – это обычная для исследователей операция при обосновании ими той или иной идеи. Механизмы, обеспечивающие связь частных признаков явления с его более общими характеристиками, имплементированы в уголовно-правовые нормы и институты. Закон требует применения соответствующих статей Особенной части Уголовного кодекса с учетом положений его Общей части. Если недостаточно данного уровня абстракции, то закон велит руководствоваться актами более высокого порядка, т. е. основывать уголовно-правовые решения на Конституции России, имеющей пря-

мое действие и высшую юридическую силу, либо вовсе на общепризнанных принципах и нормах международного права, входящих в состав юридической системы страны и имеющих приоритетное над отраслями законодательства значение.

Несмотря на все сходство в операционных возможностях и качествах философской и уголовно-правовой мысли, философия не стала для криминалистов привлекательнее и доступнее. Они, как видно по их опыту, тем не менее, сомневаются в том, что философия и ее бытийные вопросы могут претендовать на статус устойчивой опоры для возведения уголовно-правовой конструкции. Юристы остаются преданными догматизму, усматривая за амбивалентностью – безбрежную двусмысленность, а за абстрактностью – непомерную отвлеченность или неустойчивость как основное и не самое лучшее в понимании правоведов свойство философской области. Шаблон их взгляда не предназначен для охвата всего философского разнообразия. Правотворческий и правоприменительный процессы, обремененные назначением права, его целями и задачами, задают им свой формат или императив в осмыслении жизненной практики. Под массой онтологической неоднозначности этот императив может не достичь своей цели.

Сомнения юристов не лишены оснований. Сходство основных качеств философской и правовой мыслей обманчиво. Отличия между ними сохраняются. И дело здесь не только в разнородности интересующих эти мысли предметов. Суть отличий таится в том значении, которое амбивалентность и абстрактность играют в структуре философской и правовой мысли. Если для философии амбивалентность и абстрактность являются, можно сказать, самоцелью, то для права события и обстоятельства с этими характеристиками служат, говоря образно, лишь исходным и расходным материалом. Только как повод для начала модерации юридической мысли и работы правовых механизмов.

А.А. Алпатов подтверждает, что «...Обзор правовых концепций показывает приверженность юридической науки единому универсальному понятию права. До сих пор стремление выработать такое определение на основе целостной теоретической базы не утратило своей привлекательности»[327]. Релятивизма

---

[327] См.: *Алпатов А.А.* Ретроспектива и современное состояние взглядов на природу права // Право. – 2011. – № 3/4. – С. 5.

избегают даже те, кто ратует за многозначность права. Прибегают к средствам типизации, классификации и, в конечном итоге, к унификации представлений о праве. Такое тяготение объяснимо. Оно обусловлено нормативной природой права, которая проистекает из общности своих субъектов и самым первым и непременным образом встречно требует от них соблюдения и стремления к общности. Поэтому правовые нормы, как отмечал Б.А. Кистяковский, подобно всяким правилам прежде всего общи по содержанию. Всякой правовой норме свойственна в первую очередь внутренне логическая общность. Но затем, так как правовая норма представляет собой не индивидуальное, а социальное правило, ей присуща и внешне логическая общность. Она устанавливается, писал правовед, не для одного лица, а для всех лиц, принадлежащих к общественной группе.

На примере уголовно-правового понимания можно убедиться, что в праве все подчинено выработке императива как единственно возможного и безальтернативного выхода из криминального забвения. Двузначность в уголовно-правовом мире не приветствуется. Идея этого права ставит его выше сомнений, пребывающих в преступных мотивировках. Предназначение идеи как символической силы рассматриваемого права заключено в констатации однозначной ценности и неприступности защищаемых им благ и бессмысленности возникающих на их почве противоречий и конфликтов.

Разница между философской и уголовно-правовой мыслями состоит еще в том, что у каждой из них в наличии свой объект осмысления, которым они, помимо человека как их непосредственного воспроизводителя, в немалой степени обусловлены. В отличие от философской уголовно-правовая мысль имеет иное назначение в бытии и вследствие этого обременена другой степенью свободы и ответственности перед человеком и его сообществом. Если философская мысль в своих пределах может позволить себе разрушить все до основания, то правовой идее такой свободы не дано. Она всецело озадачена процессом уразумения условий, при которых можно было бы обеспечить только одно – всех и каждого справедливой мерой свободы. Право, а тем более уголовное, не располагает в зоне своей компетенции возможностью оправдания, например революции. Почти при всех обстоятельствах эволюция является уделом права. Заметим,

что обоснованием права на революцию, как правило, занимались философы. Юристы за это дело не брались. Американский философ Т. Пейн писал: «Когда все остальные права попраны, право на восстание становится бесспорным». Немецкий историк и литературовед Т. Моммзен говорил: «Когда правительство не в состоянии больше управлять, оно перестает быть законным, и тот, у кого есть сила, имеет право низвергнуть его». На эту же тему осторожно и очень выверенно высказывался отечественный философ И.А. Ильин, который допускал и оправдывал право на восстание при соблюдении ряда предварительных условий.

Правовая мысль, конечно, не всегда удерживалась от радикализма. Бывали времена, когда она трансформировалась в свою противоположность и вопреки своим принципам, выстраданным цивилизацией на протяжении всей истории ее становления, доверялась чьим-либо идеалам и старалась им отвечать. Приживалась у таких мыслителей, которые не рассматривали право как ценность, а в жизни были похожи на учеников и последователей Ж.-Ж. Руссо, который выражал свое отношение к учителю и к его наследию такими словами: «Верные твоему учению, мы возьмем в руки лом, разрушим старое до основания и соберем камни, чтобы построить новое здание, какого мир еще не знал. Быть может, мне и моим соратникам придется расплатиться за наше дело глубочайшим бедствием или даже преждевременной смертью. Меня это не пугает»[328]. Находясь на службе у подобных организаторов общественной жизни, юридическая идея вырождалась в жестокий и репрессивный взгляд, который предписывал применение высшей меры наказания – расстрел с конфискацией всего имущества – за хищение из государственных складов[329], а сами эти деяния требовал приравнивать к государственным преступлениям. В свою очередь, людей, покушавшихся на общественную собственность, в этом случае называли противообщественными кулацко-капиталистическими элементами и принуждали рассматривать их

---

[328] Цит. по: *Фейхтвангер Л.* Мудрость чудака, или Смерть и преображение Жан-Жака Руссо. – М., 1965. – С. 137–138.

[329] См.: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» // Известия ВЦИК. – 1921, 3 июня. – № 120.

как врагов народа[330]. Система права и его институты превращались в выражение произвола, когда подобно французскому философу П.-Ж. Прудону, заявившему, что «собственность – это кража!», частную собственность объявляли вне закона и проводили насильственную коллективизацию, повлекшую за собой многочисленные жертвы среди высланных и раскулаченных, а также голод, унесший жизни миллионов людей, и разрушение индивидуального крестьянского хозяйства, которое было основой экономики страны на протяжении веков.

Уголовно-правовая мысль, отвечая своей идее и назначению, при оценке жизнеустройства индивида и общества себе таких издержек позволить не может. Философская мысль, как видно на примерах, более свободна и даже произвольна. Она податлива на многие вольности и не обременена практической стороной своего применения. По этим качествам философская мысль очень похожа на политическую. Она также способна на широкую вариативность, но уже по прямо противоположным причинам – в силу своей задавленности практической целесообразностью. Для философской и политической мысли нет непреодолимых границ и препятствий. На своем пути они умело избегают или изгибают под себя различные моральные пределы и другие ограничения гуманистического порядка. История располагает примерами, когда само по себе желание соответствовать определенным философским идеям или политическим убеждениям приводило к разрушениям и даже человеческим жертвам. Вся история не принималась в расчет и ради того или иного политического соображения облекалась в разменную монету.

Между философской и политической мыслью балансирует консервативная идея права. Право на их фоне выглядит более стесненным. Уголовное право, например, не может разделять и властвовать, несмотря на политико-правовую природу этого принципа. Оно призвано принуждать к примирению, т. е. избавлять своих субъектов от всего, что их разделяет, понуждать правопользователей к диалогу и компромиссу, к поиску точек соприкосновения на основе общих целей и ценностей. Амбивалентность для права, как бесконечный конфликт противоречий, может быть только поводом для реакции. Не более того. Противоречивость не является целью

---

[330] См.: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1932, 8 августа. – № 218.

права, а тем более его собственным основанием. Для юридической практики всякое утверждение или поддержание отрицания как самоцели подобно саморазрушению. «Приверженность к неопределенности, поверхности, деконструкции может быть оправдана в сфере искусства, литературы, массовой культуры, но совершенно не мотивирована в юриспруденции. Вариативность в фундаментальной юриспруденции или правовой догматике, – подтверждают специалисты, – недопустима, если речь идет о вынесении приговора по конкретному делу или о выборе определенной системы конституционно-правовых ценностей»[331].

Сверхзадача уголовно-правовой мысли заключена в обеспечении приемлемого уровня безопасности в социуме через недопущение или преодоление противоречий, т. е. того, что Т.И. Ойзерман относил к достоинствам философской мысли. По словам же Н.А. Бердяева, «...Задача уголовно-правовой мысли – предложить способы, оберегающие ее субъектов от трагизма, который происходит от столкновения конечного и бесконечного, временного и вечного, от несоответствия между человеком как духовным существом, и человеком как природным существом, живущим в природном мире»[332]. Несмотря на масштабность и сложность задачи, от уголовно-правовой мысли на самом деле требуется немногое. Она должна оставаться консервативной, т. е. сама собой. Ей и всем позитивным формам ее выражения надлежит как вовне, так и в себе поддерживать связь времен и перемен, не допускать их разрыва и отрыва от онтологических основ, составляющих ядро жизни. Не терять глубину, отведенную мысли в человеческом сознании и жизни в целом, не вырываться на поверхности, обычно являющиеся, по Н.А. Бердяеву, убежищем революционизма.

Такова рациональная сторона вопроса о соотносимости и совместимости философской и правовой мысли. Приведенные здесь аргументы в определенной мере проясняют некоторые причины, которые могут не побуждать криминалистов к философскому измерению уголовного права. Они говорят о том, что онтологическое осмысление этой отрасли права не только проблематично, но и сомнительно, не способно привести к успешным результатам. Нет уверенности

---

[331] *Лихтер П.Л.* «Антропологический поворот» в правовой науке: благо или зло? // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 69.

[332] *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М., 1990. – С. 328–329.

в том, что философская мысль может послужить для права путеводной нитью в мир бытия. Между ними прослеживаются различия в целях и средствах их достижения, в степени свободы и ответственности. Настороженность правоведов также подпитывают примеры из истории философии, в которой, как напоминает М. Хайдеггер, были длительные периоды, когда, например, вопрос о смысле бытия объявлялся излишним, а само «бытие» признавалось наиболее общим и наиболее пустым понятием[333].

Иррациональная сторона проблемы соотносимости правовой и философской мысли представлена обыденным и неподготовленным сознанием человека, который имеет и несет в себе собственное миропонимание. Оно всегда экзистенционально, не обязательно подчинено формально-логическим структурам и почти в каждом случае обременено повседневным бытом и конкретно-историческим опытом. Из него как из хаоса самых разных событий иррациональное под влиянием желаний, эмоций и страстей черпает и складывает представления о картине мира, находит силы и поводы для подчинения или сопротивления рациональному. Составляя, как правило, фон рациональных конструкций бытия, иррациональное, тем не менее, претендует на статус альтернативного источника знания. Иррациональное формируется и функционирует в основном за счет не проверенных логикой источников и процедур. Интуиция, например, как один из источников иррационального может содержать предубеждение о соотносимости или, напротив, несовместимости философской и правовой мысли. Несмотря на то что источником иррационального могут быть предрассудки, исторически или спонтанно возникшие страхи и опасения, с ними необходимо считаться, настаивал М. Хайдеггер. Они являют собой апробированный в науке источник так называемого предпосылочного знания, которому в определенной степени разумности уже известно бытие. Изнутри этой разумности, как писал мыслитель, вырастают вопрос о смысле бытия и тенденция к его осмыслению. «Нам еще неведом горизонт, из которого надо бы схватывать и фиксировать смысл бытия, а он в нас уже в усредненном и смутном виде представлен»[334].

---

[333] См.: *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – М., 2011. – С. 2.

[334] Там же. – С. 5.

Пример работы с интуитивными ощущениями демонстрирует известный американский юрист – профессор Гарвардского университета Г.Дж. Берман, блестящий знаток истории права, говорил о состоянии современного права. Правовед признавался, что выводы о кризисе права в XX в., равного которому еще не было в истории, он сделал на основе анализа своих эмоций. В этих эмоциях, как в интуитивных ощущениях, ученый не прослеживал научности, а фактам их возникновения и укрепления в его сознании придавал большое доказательственное значение. Изучение истории западной традиции права убедило Г.Дж. Бермана в том, что в реальности отсутствуют объективные свидетельства, указывающие на упадническое положение права: «Я могу только засвидетельствовать, что я чувствую, что человек Запада находится в гуще беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли»[335]. Примеры описания подобных ощущений о стагнации права и его институтов не единичны как в зарубежных, так и в отечественных источниках. Судя по категоричности высказываемых суждений, их авторами прежде всего движут эмоции, обусловленные ожиданием усугубления положения дел в праве и наступления негативных для его субъектов последствий.

Полезное наблюдение в свою бытность зафиксировал отечественный философ и правовед Б.А. Кистяковский. Исследовав природу субъективного и объективного права, уделив пристальное внимание их делению, он не нашел рациональных оснований в позиции тех юристов, которые не усматривали между ними разницы, отождествляли их. Из-за этого ему пришлось признать фикцией уподобление права, заключающегося в правовых нормах, с правом, осуществляющимся в правовых отношениях и в индивидуальных правах и обязанностях. Но немаловажно, что на констатации ошибочных выводов мыслитель не остановился и обратил внимание на причины, которые приводили юристов к ложным умозаключениям. Б.А. Кистяковский нашел их в элементарном удобстве и в желании оптимизировать свой труд, т. е. в сфере сугубо иррационального. «Эта фикция, – писал ученый, – очень удобна для теоретиков права. Она позволяет им под видом действующей системы права излагать лишь содержание действующих норм права, что, конечно, гораздо легче, особенно при современном господстве

[335] *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1994. – С. 13.

писаного права, чем описывать действительно существующий правовой порядок в той или иной стране»[336].

Не меньший интерес представляет высказывание И.А. Покровского, который наряду с Г. Ленцем, С.А. Муромцевым, Р. Ленингом и Б.А. Кистяковским, занимался исследованием природы рационального и иррационального в праве[337]. Вдохновили его на занятие данной проблематикой, по признанию правоведа, собственные ощущения. Переживаемый им конкретно-исторический контекст дал ему почувствовать, что иррациональные факторы оказывают или способны оказать большое влияние на право. Несмотря на отсутствие рациональных предпосылок для беспокойства за судьбу права, уверенность в его нормативной полноценности, И.А. Покровский отмечал, что в «настоящий момент, момент великой международной распри... как в международных отношениях, так и во внутренней жизни каждого отдельного государства, как в крупном, так и в мелком, чуется присутствие чего-то необъяснимого одними рациональными соображениями, чего-то идущего из глубин бессознательного, из таинственного резервуара народного чувства. Рядом с планомерным и понятным разыгрывается нечто непланомерное и на первый взгляд непонятное. Основные принципы культурного человеческого общения как будто продолжают в теории признаваться, но в то же время общественная атмосфера пропитывается настроениями и деяниями, им прямо противоположными. Точно какая-то стихия бунтует против разума и наполняет все внутренней дисгармонией, моральными диссонансами... Естественно поэтому, что всякий наблюдатель современности не может не остановиться перед явлениями этого рода в глубоком раздумье. Не может не задуматься над ними и юрист. Откуда идут эти дисгармонические явления? Что представляет собой та стихия, которая побуждает нас поступать, даже создавать нормы вопреки признаваемым ими же самими принципам и которая в этом смысле вносит

---

[336] *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права... – С. 213.

[337] Под первым понимали объективное право как обобщенную и обезличенную совокупность норм поведения, а под вторым – субъективное право, которое в жизни дано, как писал Б. Кистяковский, в виде неисчислимого количества прав и обязанностей, присвоенных всем членам того или иного общества, связывающих их между собою и объединяющих в одно целое. Именно последнее право, по мнению мыслителей, играет первостепенное и определяющее значение для права в целом. (См.: *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права... – С. 213.)

в нашу жизнь подлинную “иррациональность”? Есть ли эта иррациональность только исключительное достояние некоторых особых моментов, или же, напротив, она является постоянным спутником всего праворазвития?»[338].

Еще один характерный пример находим в наследии известного русского историка права Н.М. Коркунова. Ученый в иррациональных предубеждениях замечал причины, по-разному влияющие на развитие юридической мысли. В «Истории философии права» привел негативный пример воздействия различных верований на своих последователей. В частности, причины отсутствия на естественнонаучных факультетах курсов по истории философских учений юрист объяснял распространенным среди ученых того времени убеждением о том, что такие дисциплины «ничего не дадут нам для лучшего понимания теории чисел или законов небесной механики»[339]. Казалось бы, такие стереотипы канули в Лету.

Такие отмеченные предрассудки продолжают действовать и сегодня. В связи с этим Ю.Е. Пермяков небезосновательно указывает на то, что «отечественные правоведы предпочитают держаться на расстоянии от вечных вопросов»[340]. Особенно это касается конкретных отраслей права. Уголовное право не исключение. Возможно, под влиянием похожих убеждений в вопросе о бытии находятся криминалисты. Некоторые из них считают, что метафизическое измерение уголовного права невероятно и не способно помочь в деле наилучшего освоения теории преступления или учения о наказании. Одни специалисты открыто говорят о наличии у них такой убежденности. Другие предпочитают не обозначать свое отношение к философско-правовой проблематике. Между тем на уровне всего исследовательского процесса можно наблюдать, что в своем большинстве представители науки уголовного права не проявляют заинтересованного отношения к «глубинным» темам. В наличии лишь единичные работы, остающиеся, как правило, без должного внимания.

Такое отношение к философии как к дисциплине, занимающейся познанием основ мира и фундаментальных принципов человеческого бытия, не явление

---

338 *Покровский И.А.* «Иррациональное» в области права. – М., 1915.

339 *Коркунов Н.М.* История философии права. 7-е изд. – М., 2011. – С. 2.

340 См.: *Пермяков Ю.Е.* Возвращение к метафизике в научном познании права // Право и общество в эпоху перемен. – М., 2008. – С. 9.

дня, а скорее характерная черта отечественной истории науки уголовного права. На обыденность как одну из форм иррационального отношения наук криминального цикла также указывает то, что забвение философского знания не оправдано логикой и не основано на системе верифицированных аргументов. Не последнюю роль в обеспечении устойчивости отмеченного отношения играют психологические установки, которым комфортнее основываться на обыденности. Не случайно А.Э. Жалинский отмечал, что «всякие попытки обсуждения критериев оценки состояния уголовно-правовой науки с иных позиций являются сложным и психологически опасным предприятием»[341].

В итоге можно констатировать, что у рассматриваемой темы существует иррациональная сторона, которая к тому же уже содержит свое не сформулированное, но обозначенное и не вербально выраженное мнение по поводу поднятой проблематики. Это мнение, как видно из отношения криминалистов, имеет однообразную историю и не рассеивает, а укрепляет те сомнения в возможности и полезности синтеза философской и правовой мыслей, которые возникли на этапе рационального анализа их характеристик. Такая позиция была в свое время и в силу определенных исторических предпосылок по умолчанию принята априори, и до сих пор она используется как непререкаемая мировоззренческая установка при работе с опытом. В этом состоит вся суть и специфика иррационального. Выяснением его присутствия в уголовно-правовом мировоззрении никто не занимается, поскольку, как отмечал Ж.-П. Сартр, во взгляде рационалистов иррациональное является ничем. Несмотря на то что оно часто выступает движущей силой, историки его в этом качестве не рассматривают. Они делают это лишь тогда, писал философ, когда не находят другого выхода, когда мотивов не хватает, чтобы объяснить рассматриваемое действие.

Таковы самые первые и на поверхности лежащие аналогии, сравнения и соображения, указывающие на то, что помимо рациональных установок современное уголовно-правовое мировоззрение также находится под воздействием иррациональных факторов. В своем субъективном отношении к философии оно официально остается в пределах прежнего убеждения о незначительной полез-

[341] См.: Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков. – С. 106.

ности философии для науки и практики уголовного права. Хотя на самом деле за дистанцированностью науки уголовного права от философии могут стоять такие факторы, как *сложность* в освоении и познании философских идей, *непонимание* философского материала, *незнание* философских учений, *удобство* или *удовлетворенность* юридической догмой, которая по своей сути проста и непритязательна, общепринята и всегда требует только одного – производства нормы и подчинения ей, во многом технична, так как следует формальной логике и не обременена философским многообразием. Состояние подобных предубеждений, как видно, не эволюционировало, так как отношение к философии не претерпело изменений, а сами иррациональные факторы не высвечены, не признаны и тем самым не преобразованы в рациональный контекст.

Также надо принимать во внимание то, что случаи игнорирования философии не единичны и не случайны, а массовы и повсеместны. Это дает повод не ограничиваться их оценкой как чего-то произвольного, отдельно индивидуального и самобытного. Наводит на мысль о том, что в своем сторонящемся отношении к философии уголовно-правовая мысль не одинока, а подчиняется или соответствует в этом деле чему-то более высокому и масштабному в сфере иррационального. Возможно, именно в нем как в довлеющем над мыслью сокрыто то, что не дает возможности диагностировать наличие названных факторов среди побудителей и вдохновителей уголовно-правовой мысли, оценить их как сковавшие ее предрассудки и в итоге мешает ей измениться.

Ответы на поставленные вопросы имеются в философских источниках, для которых рациональное и иррациональное являются ключевыми понятиями. При этом не только понятия, но и сами иррациональные явления всегда находятся в поле зрения философии. Она трудится над их осмыслением с целью «преображения» силами разума в доступное для понимания, т. е. перевода их на качественно более высокую степень бытия. Углубление в иррациональное уже как в «стихию» или, как говорил И.А. Покровский, в «таинственный резервуар народного чувства»[342] и рассмотрение на его фоне уголовно-правовой мысли позволит обнаружить, что эта мысль:

---

[342] *Покровский И.А.* «Иррациональное» в области права. – М., 1915.

во-первых, не одинока в своем отношении к философии, а соответствует социальным настроениям и согласуется с ним как с феноменом общественного сознания, его состоянием и умонастроением, доминирующим в современности;

во-вторых, находится в составе конкретно-исторических тенденций и событий, в которых выступает их пассивным потребителем;

в-третьих, несмотря на свой отказ от философии, продолжает пребывать в определенном философском контексте, неосмысленно следовать примеру одного из тех учений, которое также отрицало философию и пыталось обходиться в познании бытия и его отдельных проявлений собственными методологическими средствами.

Но самая главная польза от погружения в мегаиррациональное состоит в том, что уголовно-правовая мысль через такого рода сопоставления и сравнения как через свою проекцию на более высокие смыслы человеческого бытия может убедиться в правильности своих конечных целей и в подлинности отстаиваемых ценностей, избавиться от возникших на этой почве иллюзий и заблуждений.

Наряду с философской и правовой мыслями существует, как ее назвал французский писатель Ж.-П. Сартр, «современная мысль». В отличие от упомянутых мыслей она имеет свое специфическое бытие, которое служит этой мысли основанием для собственного вклада в формирование текущей уголовно-правовой идеи. В том числе в решение по ее отчуждению от философии. За этим решением в итоге стоит не только рациональный или иррациональный выбор отдельного ученого, правоприменителя или их групп. Решение также находится в составе «современной мысли», представляющая собой проявление общественного сознания. На фоне такой мегамысли, предрасполагающей к тем же тенденциям, обусловленность теории уголовного права предрассудками о невысокой полезности философии не замечается и не ощущается, критически не оценивается ни во вне, ни внутри отрасли.

По Ж.-П. Сартру, «современная мысль» слагается из совокупности значений готовых мыслей различного уровня. В основном своем произведении «Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии» автор среди прочего указал на человека, проживающего в гуще социальных ролей и неспособного отказаться от

них как от самообмана, чтобы понять, кто он на самом деле. Эта мысль, представляя индивида, неся на себе его «отпечаток», одновременно существует *в себе* и является *мыслью всех*, постоянно находится в действии. Она интересна тем, что, подчиняясь или доверяясь ей как духовному продукту, живое и свободное сознание ее адептов проектирует свои возможности, устанавливает внутреннюю структуру для себя, посредством которой человек определяется с настройками трех коррелятов – неразрывных составляющих функционирования сознания – мотивов, целей и движущей силы[343]. То есть вне рациональных схем и процессов индивид выявляет в мире мотивы и цели действия, которые Ж.-П. Сартр отнес к «иррациональным» фактам в историческом смысле этого термина. Эта мысль, по И.Л. Честнову, одномасштабна конкретному, находящемуся на определенной ступени развития обществу[344], служит человеку и социуму средством передвижения в мире повседневности и вечных идей. Она, как «дух времени» у Гёте, – определяет сущность данного промежутка времени.

Современная мысль, по наблюдениям французского философа, достигла значительного прогресса. Она, как схватывание бытия в своей непосредственности, уверена, что достигла успеха во многих областях и решила, как кажется, основные дуализмы. Разумом человека, по опыту американского психолога Э. Фромма, руководит идея построения им материального мира, реальность которого превосходит мечты и образы волшебных сказок и утопий. «Теперь, впервые за всю свою историю, человек может ощутить, что идея единства рода человеческого и завоевание природы на благо человека – это более не мечта, а реальная возможность»[345]. Отмеченная мысль, исходя из духовно-нравственных постула-

---

[343] На вопросы о том, чем является движущая сила и что такое в его понимании мотив, Ж.-П. Сартр написал: «Обычно под *мотивом* понимают *основание* действия, т. е. совокупность рациональных соображений, которые его оправдывают. ...Отметим, что мотив характеризуется фактически как объективная оценка ситуации. ...Поэтому мы назовем *мотивом* объективное понимание определенной ситуации, поскольку эта ситуация раскрывается в свете определенной цели как понимание, могущее служить средством, чтобы достигнуть этой цели. *Движущая сила*, напротив, обычно рассматривается как факт субъективный. Это – совокупность желаний, эмоций и страстей, которые побуждают меня совершить определенное действие» (*Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М., 2000. – С. 31).

[344] См.: *Честнов И.Л.* Общее и особенное в праве // Государство и право на рубеже веков. – СПб., 2000. – С. 33.

[345] *Фромм Э.* Человек для себя. Революция надежды. Иметь или Быть / *Эрих Фромм* // Пер. с англ. Л.А. Чернышевой, Т.В. Панфиловой; пер. с нем. Э.М. Телятниковой. – М., 2007. – С. 16.

тов, на глубоком житейском уровне заявляет о своей твердой уверенности в том, что «ныне культура усовершенствована и дает лучшие сорта культуры»[346].

Чувства удовлетворенности, самодостаточности и убежденности в своей правоте, надо признать, наполняют и современную уголовно-правовую мысль. *Одни* из ее авторитетных представителей заявляют о том, что наука уголовного права достигла апогея в своем развитии еще в XVIII–XIX вв., когда были распознаны и сформулированы основные уголовно-правовые идеи, в которых лежат корни современного уголовного права. Так как эти идеи и корни проверены временем, сегодня предлагается все дело криминалистов свести к приспособлению проверенных известных положений к текущей социальной обстановке, занять их органическим развитием старого для нужд новых (для каждого исторического периода) реалий[347].

Другие, как уже упоминалось, не менее удовлетворенно говорят о «красных линиях» как о вполне познанной сфере традиционных знаний об уголовном праве, без которых оно немыслимо и фантастично. *Третьи* ведут речь о традициях «первого» и «второго» порядков как о понятных и известных научных постулатах, которые носят настолько базисный характер, что отказ от них изменит саму природу уголовного права – оно перестанет быть таковым. *Четвертые* называют диалектику, а некоторые из них – системный подход как самодостаточное, исчерпывающее и навряд ли заменимое методологическое основание уголовного права. *Пятые* указывают на «научные парадигмы уголовного права», которые, по их мнению, удовлетворительно обеспечивали и обеспечивают относительную стабильность российского уголовного закона уже на протяжении многих десятков лет[348]. Уголовное право настолько успешно отражает сложившийся опыт и традиции разрешения уголовно-правового конфликта, аккумулирует их в законе и трансформирует в будущее посредством этого же закона, что, как отмечают сами ученые, в научном сообществе доминирует бережное отношение к тра-

---

[346] Великие русские старцы: Житие, чудеса, духовные наставления. – М., 2000. – С. 670.

[347] См., напр.: Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву.

[348] См., напр.: *Цай К.А.* Уголовно-правовые парадигмы и их роль в развитии российской уголовно-правовой политики (на примере членства России в Совете Европы) // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 11 (72). – С. 142–151.

дициям и постулатам сложившихся (традиционных) школ уголовного права[349]. *Шестые* поясняют, что отсутствие предложений с идеями концептуального уровня и усилий по ревизии главных традиций в современных условиях естественно и закономерно. Обусловлено сложившейся в стране социально-экономической и политической ситуацией, исключающей проведение радикальных и дорогостоящих реформ в такой важной сфере государственного регулирования, каковой является борьба с преступностью уголовно-правовыми средствами. Они, по сути, не занимаются собственно научно-изыскательской деятельностью, поскольку не ожидают заказа на их усилия от властных структур.

Но самое главное и очевидное состоит в том, что большинство представителей названных точек зрения одновременно с выражением удовлетворенности современным уголовно-правовым знанием занимаются обоснованием факта нахождения уголовного права в кризисном положении, винят в этом то законодателя, то правоприменителя, не усматривая серьезного повода и места для критики науки. Высказывают несогласие с позицией В.Н. Кудрявцева – одного из немногих, кто признал и констатировал, что современные исследования в уголовно-правовой области застыли на фундаментальных позициях, сформулированных еще в первой половине прошлого века. Не разделяют мнения и о том, что исследователи лишь в какой-то мере комментируют и уточняют основные концепции своих предшественников, разработавших учение о составе преступления. Авторы «увлеклись» написанием учебников в ущерб созданию монографических работ: учебников стало слишком много, все они мало чем отличаются один от другого, что объясняется издательской политикой.

«Современная мысль, – подчеркивал Ж.-П. Сартр, – не нуждается в онтологии и в осмыслении собственных оснований на предельных уровнях бытия. Бытием эта мысль провозгласила все существующее вокруг нее. Своим потребителям она диктует представления о сущем как о серии явлений, которые якобы его обнаруживают»[350]. Доверяя такой мысли и допуская ее до дела, как утверждает феноменолог, хотели устранить ряд дуализмов, обременяющих философию. Од-

---

[349] См., напр.: *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Указ. соч. – С. 9–28.

[350] См.: *Сартр Ж.-П.* Указ. соч. – С. 31.

нако взамен обрели трихотомии. Породили основанную на повседневном опыте систему мировоззрения, в которой ни одно явление не присутствует в достаточной мере. Каждое из них есть продолжение предыдущего и начало последующего. Ни природы, ни принадлежащих только им исходных начал явления не имеют. «Все они отсылают к другим явлениям, и ни одно из них нельзя предпочесть другому»[351]. Непрерывная череда бытовых обстоятельств стала предметом правового осмысления. Ни одного действия в отдельности недостаточно, чтобы его раскрыть. «Ни одно из них не указывает на что-либо позади себя... Видимость отсылает к целому ряду своих проявлений, а не к скрытой реальности, которая вбирала бы в себя все бытие сущего», – писал французский философ[352].

Правоведам подобная философия жизни приглянулась. Они также все многообразие научных подходов к познанию правовой действительности свели до простых и на первый взгляд верных, подручных и вытекающих из окружающей обстановки средств. Если обратить внимание на опыт уголовно-правовой мысли, то можно убедиться в том, что ей и ее модераторам в основном нужна только видимость. *Во-первых*, ее фундаментальный базис они основывают на данных, поставляемых социологией, статистикой и математикой, и ни с чем более его не связывают[353]. *Во-вторых*, в век цифровых технологий, изобилующий информацией различного рода, одни ведущие отечественные криминалисты продолжают требовать еще большей эмпирической наглядности, а другие считают этот запрос обоснованным и стараются его удовлетворить. Предлагают, например, инструментальные подходы, способные, как уверяют специалисты, помочь выбраться уголовному праву из кризиса через внедрение в него правильно подобранного набора проверяемых параметров. Эти параметры должны быть способны эмпирически характеризовать любую уголовно-правовую дилемму, т. е. быть пригодными, воспринимаемыми и поддаваться арифметически исчислимой оценке. *В-третьих*, к числу основополагающих недостатков юридических наук криминального цикла относят отсутствие новых более адекватных и точных данных об объекте исследования и его прогнозирования. Удручены тем, что при доступности инфор-

---

[351] См.: *Сартр Ж.-П.* Указ. соч. – С. 31

[352] Там же. – С. 32.

[353] См., напр.: Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков. – С. 45.

мации она еще недостаточно известна, распространена, легка для понимания и доходчива. Выражают сожаление о том, что сфера официальной статистики не расширяется, а сужается. Упрекают власть в нетранспарентности и требуют от нее соответствия известному выражению: «Степень цивилизованности общества измеряется степенью толщины его статистического сборника»[354].

В связи с недооценкой эмпирического подхода к объективному исследованию криминальных реалий и практики противодействия им В.В. Лунеев укоряет своих современников в том, что они недостаточно освоили великие идеи отечественного и зарубежного прошлого[355]. В частности, не прислушались к известному немецкому физику и философу М. Планку, который убеждал, что существует лишь то, что можно измерить. Именно поэтому давно считается, что любая наука начинается с измерения. Не вняли русской пословице «Семь раз отмерь, один раз отрежь», которая на бытовом уровне не допускает окончательного принятия решения без предварительного многократного измерения реалий. Не воспользовались советом своего соотечественника А.Н. Радищева, который в своем издании «О законоположении» писал, что для разработки новых законов необходим полноценный статистический материал, правдиво освещающий преступность, ее причины, деятельность правосудия и другие правовые и экономические вопросы, что только на основании таких данных «можно почерпнуть мысли для будущего законоположения»[356].

В свое время оправданием эмпирического подхода в философии занималась школа натурального реализма, последователями которой, вряд ли то осознавая, стали правоприменители. Выбор юристов, по Р.В. Селларсу, очень даже человечен. За основу натурального реализма взят простой человек, который в жизни воспринимает исключительно физические вещи и реагирует на них только установленными способами. «Он живет среди воспринимаемых вещей, приспосаб-

---

[354] *Савюк Л.К.* О некоторых аспектах уголовно-правовой статистики в свете Федерального закона «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» // Уголовное право и современность: сб. ст. Вып. 2 / Науч. ред. А.Э. Жалинский; отв. ред. С.А. Маркунцов. – М., 2009. – С. 20–21.

[355] См.: *Лунеев В.В.* Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 39–58.

[356] *Радищев А.Н.* Избранные философские и общественно-политические произведения. – М., 1952. – С. 460.

ливается к ним и делает их своими инструментами»[357]. Этот человек осознает, по Ф. Рауху, что обращенные им в окружающую его действительность крики ничего не изменят[358]. Привлекательность избранного подхода обусловлена тем, что его источник лежит на поверхности и в непосредственной доступности для всякого. Естественный взгляд на мир сформировал представления о его самодостаточности и реализме. Физический мир рассматривается натуралистами не только как общий для каждого человека объект переживания, но и как форма и способ самостоятельного существования природы. Нескончаемая повседневность и вечная обыденность вещей, однотипность восприятия человеком доказывают их независимость и автономность от него.

Логические связи и ценностные значения оставлены на задворках природного натурализма, где их существо во многом с помощью Дарвина объяснено нуждами естественного эволюционизма. Теория познания, как следствие, заменена теорией восприятия. «Законы нравственности в натурализме выражают законы вещей. Нравственным человеком признается тот, кто действует в соответствии с реальностью. Честным человеком обозначается лицо, которое следует направлениям эволюции вселенной. Под раскаянием понимается болезненное расхождение между индивидуальным влечением и социальным инстинктом»[359]. «Представления о свободе ограничены возможностью существования человека, которое определено на уровне самосознания»[360]. Представители натурализма выводят нормы права из сопоставимых фактов. Отправной точкой служит опыт повседневной жизни и здравый смысл, и каким они сами себе его представляют.

В уголовно-правовой науке серьезным обоснованием достоинств и преимуществ эмпирического подхода никто не занимался. Научно обоснованные работы о недостатках и издержках этого метода отсутствуют вовсе. Источники переполнены лишь расхожими и предрешенными заявлениями или оговорками криминалистов о том, что наука уголовного права призвана служить практической цели. Подобно профессору Берлинского университета Ф. фон Листу многие сначала

---

357 *Sellars R.W.* The Essentials of Philosophy. – Michigan, 1917. – P. 18.

358 См.: *Rauh F.* Essai sur le fondement metaphysique de la morale. – P., 1891. – P. 11.

359 Ibid. – P. 8–9, 12–13.

360 Ibid. – P. 70–72.

произносят безапелляционную фразу о том, что наука уголовного права постоянно работает для потребностей отправления правосудия и в нем черпает для себя все новый материал, а затем делают из нее логическое умозаключение о том, что эта «наука практическая по преимуществу»[361]. Крайне редко встречаются те, кто решается углубиться в объяснение эмпирического происхождения уголовно-правовой мысли. В любом случае пример аргументации профессора Петербургского университета В.Д. Спасовича пока не превзойден. В своем учебнике он к предмету науки отнес уголовное законодательство, а сугубо практический характер самой науки объяснял тем, что она имеет дело с позитивным уголовным правом как с грубым, сырым материалом, кучей накопившихся в течение времени узаконений. «Наука, – по описанию Спасовича, – перерабатывает этот сырой материал, она его сортирует по материям, исключает все несущественное, случайное; подмечает общее и коренное и превращает в стройную систему понятий данного народа или всех народов о правосудии уголовном, образующихся под влиянием всех условий исторического существования этих народов и отражающую все характеристические особенности их духа»[362].

Подобному восприятию уголовно-правовой мысли и ее назначения способствовали ход развития обществ и их государств, сопровождающие эти процессы исторические события. В России так сложилось, что сначала в социальной жизни обозначилось и реализовалось практическое направление уголовно-правовой мысли, а только затем к нему присоединилось теоретическое направление. В царское время, как отмечал Г.С. Фельдштейн, по целому ряду условий «законодательство очень долгое время опережало научное выяснение тех вопросов, решить которые, так или иначе, властно требовала сама жизнь»[363]. В советское время положение эмпирического начала в уголовно-правовой мысли не изменилось. По словам А.Э. Жалинского, в тот период считалось, что «наука отстает от практики и, соответственно, ее должна догонять»[364]. В современных условиях,

---

[361] *Лист фон Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть: разрешенный автором перевод с 12-го изд. / Пер. Ф. Ельяшевич; предисл. М.В. Духовской. – М., 1903. – С. 2.

[362] *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Т. 1. – СПб., 1863.

[363] *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М., 2003. – С. 4–5.

[364] См.: Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков. – С. 105.

как указывает большинство специалистов, науку либо вообще не востребуют, либо прибегают к ее возможностям в крайне малом объеме и в редких случаях. Рядом специалистов со всей определенностью утверждается об отставании самого уголовного права и науки уголовного права от развития и потребностей общественной практики. Предметом постоянной работы теоретиков является преодоление или хотя бы сокращение такого отставания. При этом большинство считает, что таких результатов можно достичь только за счет научного переосмысления существующего законодательства и практики его применения[365].

В итоге для уголовно-правового мировоззрения стало обычным делом не замечать онтологии собственной отрасли права либо в лучшем случае касаться ее в последнюю очередь, а полученный результат использовать лишь в качестве дополнения. Вполне естественно для отмеченного мировоззрения искать и находить источник знаний об уголовно-правовых феноменах, в том числе о традициях и новациях, в «глубинных сдвигах в социально-экономической и политической структуре» государства и общества, т. е. в сугубо внешнем опыте их жизнедеятельности и в посторонних для права, напрямую не связанных с ним процессах. Ожидать для такого рода «трансформаций» «вызревания» социально-экономических и политических оснований, а только затем, т. е. во вторую или третью очередь, востребовать науку, озадачив ее не моделированием, прогнозированием и управлением уголовно-правового развития, а осмыслением «послесловия», т. е. новоявленных изменений как уже наступивших и прошедших последствий, оценкой их соответствия признакам новаций через определение наличия у модифицированных решений запаса прочности и социальной полезности для будущего.

Для позитивистского уголовно-правового мировоззрения типично связывать вероятность возникновения перемен в парадигме уголовного права с какими-либо ощутимыми, зримыми и экстраординарными событиями. Из-за недостатка таких обстоятельств в реальности преобладающее в науке уголовного права мировоззрение готово вообразить и допустить пришествие на Землю более разумных, чем Homo sapiens существ и связать с их поведением кардинальные

---

[365] См., напр.: *Хилюта В.В.* Перспективы развития методологии уголовного права в эпоху постмодерна // Журнал российского права. – 2017. – № 5 (245). – С. 89–90.

изменения в праве. При появлении до сих пор неизвестных существ на планете спрогнозирована «замена» уголовного права чем-то другим. В итоге современные модераторы дискуссии о новациях скорее готовы рассуждать об условиях отмирания этого права со всеми его традициями как наглядном событии, чем попытаться углубиться и отыскать ответы на поставленные вопросы, например, в неэмпирических сферах жизнедеятельности субъектов рассматриваемого права.

Поскольку эмпирикоцентристское мировоззрение, как утверждали его основоположники – организаторы и лидеры Венского кружка – Р. Карнап, Х. Хан и О. Нейрат, основано на убеждении в том, что существует только опытное и непосредственно данное познание[366], разделяющие эту позицию криминалисты также критикуют иные источники знания, оперирующие в большей степени умозрительными образами изучаемых объектов и процессов. Здесь же немаловажно для уголовно-правовой науки знать, что в свое время, по свидетельству В.С. Степина, «сторонники позитивизма, критиковавшие и не признававшие другие учения, перенесли свою критику на всю философию в целом. Так возникла идея очищения науки от метафизики»[367]. Руководством к действию поначалу стала фраза О. Конта: «Наука – сама себе философия». Но затем позитивисты отказались от этого тезиса, так как ни одна из предложенных взамен теорий не выдерживала ни внешней, ни внутренней критики. По данным С.А. Лебедева, «все варианты позитивной философии были раскритикованы, так как, во-первых, они не удовлетворяли провозглашенным самими позитивистами критериям научности, а, во-вторых, явно или неявно продолжали опираться на «метафизические» предпосылки, которые в то же время сами отрицали»[368].

Сегодня юристы допускают выход в область философии, но в своем большинстве одновременно считают «невероятным» обращение, например, к метафизике, которая ни много ни мало представляет собой основополагающий раздел философии, занимающийся исследованиями первоначальной природы ре-

---

[366] См.: *Карнап Р., Хан Х., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. – 2005. – № 2 (47). – С. 20.

[367] См.: *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. – М., 2007. – С. 15.

[368] См.: *Лебедев С.А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). – М., 2008. – С. 88.

альности, мира и бытия. С одной стороны, признают священной диалектику, ее закон единства и борьбы противоположностей. С другой стороны, вопреки этому закону и самой идее всей диалектики исключают работу с метафизикой как с противоположным ей методом, занимающимся исследованием начал и законов бытия вообще или какого-либо типа бытия. Симпатизируют и обосновывают правильность мысли Вольтера о том, что «математическая истина остается на вечные времена, а метафизические призраки проходят, как бред больных».

На уровне общей теории права названные тенденции существуют. С помощью философии они квалифицируются как проявление позитивизма, ориентированного на сугубо эмпирический материал и общегуманитарный релятивизм как господствующий взгляд и подход к картине современного мира. Наступившие в праве негативные последствия напрямую ассоциируются с укоренением и усиливающимся значением элементов позитивизма, «разложением» на их основе идеи права, «вырождением»[369] его институтов и механизмов. В частности, к последствиям господства указанной динамики в правоведении В.Г. Графский отнес утрату «старинного навыка обособлять вечное от преходящего»[370]. Ю.Е. Пермяков обратил внимание на обесценивающийся статус права, которым сегодня наделяется практически любой акт государственной власти. «Правом, – пишет он, – признается все, что исходит от власти, а властью признается все, что претендует на господство...»[371]. В целом же, как считает Г.Дж. Берман, ставится под вопрос вся традиция права – и не только либеральные идеи последних двух столетий, поколебалось само здание законности, постройка которой началась еще в XI–XII столетиях[372]. Утрачивается вера в право и в его общеобязательность[373]. Деактуализируется потребность общества в праве.

Уголовно-правовая практика служит подтверждением названных оценок. Одним из немногих характерных примеров, указывающих на ее отрыв от соб-

---

[369] Вырождение в математике означает упрощение структуры и смысла математических объектов. – *Примеч. автора.*

[370] Право и общество в эпоху перемен: матер. философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский, М.М. Славин. – М., 2008. – С. 3.

[371] *Пермяков Ю.Е.* Указ. соч. – С. 11.

[372] См.: *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. – М., 1998. – С. 13.

[373] См.: *Берман Г.Дж.* Вера и закон: примирение права и религии. – М., 1999.

ственных базовых основ, служит исключение из закона истины как трудоемкой и ко многому обязывающей цели и ценности уголовного судопроизводства. Установление истины по уголовным делам не является более назначением уголовного судопроизводства. На ее место в праве явилась «степень вероятности» как нечто промежуточное между истиной и ее антиподом. Задача расследования свелась к подбору совокупности «правдоподобных фактов», отвечающих требованиям убедительности, состязательности и достаточности. Объектом правоприменения стали не проблемы жизни и смерти, составляющие первопредмет уголовного права, а головоломки, если использовать терминологию Т. Куна. За ними, как писал К. Поппер, не стоит каких-либо фундаментальных проблем. Процессы доказывания обстоятельств преступления, наличия вины и оснований для привлечения к уголовной ответственности отдали на откуп «практической достоверности» или «чьей-то обоснованной правде». Присущий каждому здравый смысл, подручный и повсеместно имеющийся житейский опыт стали основными инструментами определения вероятности совершения расследуемых преступлений и критериями оценки достоверности собираемых доказательств.

Освобождение процесса от установления истины как от «перегруза» или как от недосягаемой цели и сверхзадачи стало первым, как казалось, неприметным и ни на что не влияющим в практическом деле правосудия шагом. Однако за ним последовали другие шаги, а так как каждый последующий из них был похож на предыдущий, то можно говорить об изменении отношения к такому ответственному предприятию, как правосудие, к его промежуточным и конечным целям. Речь идет об имплементации в уголовный и уголовно-процессуальный закон положений, которые прямо и существенно упрощают процедуры судопроизводства, а в ряде случаев и вовсе исключают их проведение. Имеется в виду, например, «особый порядок», предусматривающий при согласии подсудимого с обвинением возможность постановки приговора без судебного разбирательства, т. е. без открытого, непосредственного и публичного исследования доказательств. Анализ собранных следствием или дознанием материалов и их оценка, как указано в уголовно-процессуальном законе, судьями не осуществляются и в приговоре не отражаются.

Введение данного института из соображений минимизации издержек, процессуальной экономии и повышения эффективности судопроизводства на практике привело к тому, что «особый порядок» оперативно трансформировался в «общий порядок». В рамках него ежегодно в стране рассматривается до 80% уголовных дел[374], а в ряде регионов эта цифра составляет 100%[375]. Подобное упрощение не может не означать того, что суд больше не «идет», а его справедливость более не торжествует в подлинном смысле этих слов. Институт правосудия настолько упростился, что в итоге стал напоминать простой бюрократический орган, где формальная сторона дела всегда довлеет над содержательной, простодушие и шаблоны приемов являются коньком. Если говорить образно, то законодатели низвели суд до уровня нотариальной конторы. Для них, говоря словами Г. Бермана, «направленность права на обеспечение удобства оказалась более ценной, чем на мораль»[376]. В отмеченном качестве и положении вряд ли суд соответствует идеалам Ф.М. Достоевского и представляет собой нравственную школу для общества и народа. В этой школе, по мысли писателя, их не научат правде и нравственности.

Демонстрацию череды взаимосвязанных и последовательных примеров по упрощению и снятию обременительной ценностной нагрузки с уголовного судопроизводства можно продолжить. Их перечисление и обобщение в едином контексте поможет пониманию того, что все они родом из позитивистской плоскости, т. е. из «течения, которое, – как метко и емко отметил П.С. Гуревич, – по существу, дегуманизировало представления человека о самом себе, обеспечило скорее эффект “обесчеловечивания”, нежели привлекало внимание к специфически человеческому»[377]. Поэтому в дополнительных иллюстрациях нет

---

[374] Согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2015 г. в особом порядке рассмотрено 82,19% дел от их общего числа. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

[375] Например, по сообщению Пензенского областного суда, в 2014 г. в Неверкинском районном суде все уголовные дела – 100% рассмотрены в особом порядке, в Лопатинском, Кондольском, Земетчинском, Вадинском, Иссинском, Колышлейском районных и Каменском городском судах в особом порядке судебного разбирательства рассмотрено свыше 80% уголовных дел. – URL: http://www.oblsud.penza.ru/item/901.

[376] См.: *Берман Г.* Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998. – С. 53.

[377] *Гуревич П.С.* Философия человека. Ч. 2. – М., 2001. – С. 118.

необходимости. Красноречивого и непреувеличенного примера процесса с «особым порядком» достаточно для понимания того, что пропозитивистский взгляд и подход в уголовном праве сегодня формирует новую – упрощенную – практику. При этом не только практику судопроизводства, но и упрощенного или даже минималистского отношения к преступлению и следующему за ним наказанию. Имеется в виду то, что преступное перестает быть чем-то экстраординарным и общественно опасным. За экономией и соблюдением несложных условий трагедия преступления остается в стороне. Оно трансформировалось в дело частное, формальное, узкого круга заинтересованных лиц. Стоящий за подсудимым человек, а также «тонкий и глубокий разбор его поступка» более никого не интересуют. Собственно само общество к оценке опасности содеянного и определению его преступности стало иметь очень отдаленное отношение.

Следственные и судебные органы изучением реальной опасности деяния по «особому порядку» не занимаются. Для своей повседневной деятельности они удовлетворяются тем, что подсудимый согласен с обвинением, а деяние включено в закон. Этого, по их убеждению, самого по себе достаточно для восприятия конкретных актов поведения в качестве опасных. В свою очередь, законодатель как основной и ключевой представитель народа, т. е. источник юридической и политической власти в социуме, не самостоятелен в уголовном правотворчестве и существенно ограничен в своих возможностях исполнительной властью. Область законотворчества воспринимается зоной преимущественного волеизъявления гаранта Конституции. Ему принадлежит негласная прерогатива реформирования как уголовного законодательства, так и всей правоохранительной системы. Парламент, можно сказать, дистанцировался от уголовно-правовой власти. Степень и весомость его вклада в сферу уголовно-правового строительства минимальны[378].

---

[378] Обработка хранящейся на сайте Государственной Думы Федерального Собрания РФ информации позволяет установить, что в 2016 г. из 75 законодательных инициатив в области уголовно-правового и процессуального законодательства восемь принадлежат Президенту РФ, семь – Правительству РФ, оставшиеся 60 – депутатам и членам Федерального Собрания РФ, а также их региональным коллегам. При этом рассмотрено, принято, одобрено и подписано 100% законопроектов исполнительной власти, а проектов собственно законодательной власти – только 18,9%, т. е. только семь проектов, оставшиеся 37 отклонены, 16 не рассмотрены. В 2015 г. из 47 законодательных инициатив две принадлежали Президенту РФ, три – Правительству РФ,

Уголовно-правовая мысль, казалось бы, отдает отчет в сложившемся в пределах ее компетенции положении дел и оценивает его в отмеченном общеправовом контексте. Она также заявляет о кризисном положении уголовного права. А на деле оказывается, что с общеправовыми оценками исследуемая мысль имеет мало общего. Они сходятся только в описании наступивших и грядущих последствий. Что касается первопричины кризиса, то между ними наблюдается значительная разница. Положение заложника позитивизма уголовно-правовой мыслью еще не осознано. С его позиций уголовное право однажды стало и до сих пор продолжает восприниматься и эксплуатироваться не как имманентное человеческому обществу качество, а как атрибут политической или экономической власти. Не как цивилизованное условие и сбалансированное основание сосуществования системы «личности, общества и государства», а как полицейская возможность того, кто в повседневности является сильнейшим.

Уже не только в быту, где простые люди душу «меряют карманом, властью, силой», говоря словами Ф.М. Достоевского, но и «в науке появился сходный тезис о том, что уголовное право предназначено для обслуживания политики, снабжения ее необходимым теоретическим инструментарием и другими результатами исследований своего предмета»[379]. Криминалисты настолько освоили этот тезис, что даже коснулись уголовной статистики. Обосновывают необходимость переподчинения ее политическому руководству страны – Президенту или же Государственной Думе[380]. Однако эта инициатива, как одно из ярких отражений общего настроения в науке уголовного права и его ориентира на культ государства, еще не предел новаторства. Пик позитивизма достигнут на высоте предложения по подчинению науки государству. Считается, что прополитической должна быть не только сфера применения уголовного права, но и область его науки. Государство и в этой плоскости, по широко распространенному мнению, обязано

оставшиеся 42 – депутатам и членам Федерального Собрания РФ, их региональным коллегам. При этом вновь 100% законопроектов исполнительной власти успешно перевоплотились в законы, а инициативы законодательной власти удовлетворены только на 10,3%, т. е. только три проекта, 29 отклонено.

379 См., напр.: *Хилюта В.В.* Проблемы методологии уголовного права // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2016. – Т. 2. – № 9. – С. 298.

380 См., напр.: *Савюк Л.К.* Указ. соч. – С. 23.

не только проявлять интерес, но и задавать режим изыскательской деятельности. С попустительством государственных органов в данном направлении напрямую связывают неудачи уголовно-правовой мысли, стагнирующее положение всей науки, отсутствие в ней фундаментальных исследований[381].

Заискивающим отношением уголовно-правовой мысли к государству и к его основополагающей роли в социальной жизни объясняется рост в науке уголовно-политических исследований. В них видят ключ для выхода из кризиса уголовного права. Для того чтобы не обмануться и самим убедиться в правильности такого восприятия политики и обоснованности возложения на нее чрезвычайных надежд, специалисты возвеличивают ее и наделяют немыслимой компетенцией. Продолжают руководствоваться мнением криминалиста-позитивиста Ф. фон Листа, который считал, что «наука должна заниматься систематизацией знания, а уголовная политика – познанием происхождения и сущности преступления, исследованием юридического основания и целей карательной власти государства»[382]. Хотя на ошибочность подобных ориентиров в свое время указывали еще Н.М. Коркунов и Б.Н. Чичерин, отмечавшие то, что идущие по названному пути специалисты по примеру Р. фон Иеринга в результате лишь смешивают право с политикой и возвещают о науке будущего.

В связи с этим возникает риторический вопрос о том, чем наука уголовного права может помочь складывающейся по позитивистскому сценарию практике, если она сама всецело лежит в плоскости позитивизма и занимается его поощрением. Разве она может содействовать оздоровлению этой практики, если ожидает решение или запрос чиновника, который на текущий момент не требует от научного сообщества какой-либо активности? Но главный вопрос состоит в том, чем наука может помочь юриспруденции, если она не ощущает кризисного положения собственной уголовно-правовой мысли, не замечает ее позитивистской предзаданности и тенденциозности, а в целом воспринимает ход развития этой мысли как естественный? Маловероятно – таков ответ на поставленные вопросы. Маловероятно еще и потому, что вследствие своей увлеченности политиче-

---

[381] См., напр.: Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков. – М., 2010. – С. 45.

[382] См.: *Лист фон Ф.* Указ. соч. – С. 2–3.

скими соображениями представители современной правовой науки утрачивают способность уверенного описания параметров изучаемой отрасли права, выделения и аргументированного подтверждения ее особенности и специфичности. Предлагая полностью приобщаться к категориальным аппаратам других отраслей права, они уже не усматривают ничего присущего исключительно уголовному праву. Популярностью пользуется предложение применять институты, понятия и термины других отраслей законодательства, используемые в уголовном законе, в том значении, в каком они употребляются в соответствующих отраслях законодательства[383].

Картина, как очевидно со всех рассмотренных здесь сторон, неутешительная. Но именно эта картина как оборотная сторона самодостаточной и самоуверенной «современной мысли» Ж.-П. Сартра непринужденно и почти без сознательных усилий, во-первых, демонстрирует то, что проблема этой мысли в ней самой, в ее предустановках и предрассудках, и, во-вторых, возвращает своих пользователей к бытийности как к противоположности повседневности. Через свою антитезу современная идея указывает на поверхностность как на безысходную и неонтологическую характеристику того пути, по которому развивается сегодня уголовно-правовая мысль. Ее собственные безыдейность и скоротечность свидетельствуют о спасительном значении онтологической проблематики, способной освободить эту мысль от засилья многообразия и безбрежия практики. А их сегодня в переизбытке, что не оставляет места для вечного и должного. Мысли в своем большинстве обращены к явлениям повседневной жизни, в массе которых их модераторы пытаются увидеть сущее.

Позитивисты, наверное, возразят и начнут оправдывать выбор в пользу повседневного опыта как верного источника познания всей картины мира. Заявят о том, что философия окружающей действительности не подвела ожиданий правоведов. Она послужила и, как им кажется, будет продолжать служить уверенной опорой для разрешения возникающих «здесь и сейчас» проблем, тем более проблем неустойчивых обществ «переходного периода», в которых прежняя

---

[383] См.: Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М., 2010. – С. 49.

шкала ценностей уже рухнула, а новая еще не сложилась. Экзистенциональное измерение повседневности, по наблюдениям И.Т. Касавина и С.П. Щавелева, успешно «переваривает» пограничные ситуации, превращает их из источника страха и отчаяния в основу мужества и терпения[384]. Имея в виду убеждения Эмпедокла, Левкиппа и Демокрита, позитивисты будут утверждать, что избранный криминалистами подход не лишен бытийных опор и может претендовать на классическое философское обоснование. Эмпирический опыт, по мнению отмеченных мыслителей, представляет собой материю, которая, на их взгляд, в действительности является причиной всех вещей. Все остальные явления и их свойства выводятся из ее состояний. Как всеобщая сущность материя не возникает и не уничтожается – она вечна. Из частей, находящихся внутри материи, может быть составлена и образована всякая сущность, в том числе уголовно-правовая.

Все тот же повседневный опыт и мысль о нем непреклонны перед позитивистами. Во-первых, они не способны, говоря словами П. Бурдье, увидеть и овладеть выраженной в их практике логикой[385]. Логика вообще и права в частности не извлекаются из практики. Они ею только подтверждаются или опровергаются. Во-вторых, в случае с материей все «на самом деле, – подсказывает Аристотель, – происходит наоборот: то, что указывается здесь, не имеет хорошего основания»[386]. За эмпирическим многообразием забыто, что право не поддается чувственному познанию и не вытекает из материи. Из материи может выводиться только множество. Принципы единства и единичности как конечные цели, на достижение которых претендует уголовное право, находятся вне материи.

В-третьих, материя не воспроизводит смыслы, без которых не только право, но и рассмотренные здесь мысли о нем быстро утрачивают себя. «Материя, по Аристотелю, представляет собой материал, материальную причину вещей, а для того чтобы вещь приобрела определенность, т. е. стала чем-то отличающим ее от других вещей, необходима форма, нечто отличное от материи, нематериальное, которое формирует из неопределенной самой по себе материи ту или иную опре-

---

[384] См.: *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. – М., 2004. – С. 14.

[385] См.: *Бурдьё П.* Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб., 2001. – С. 27.

[386] *Аристотель.* Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подгот. текста С.И. Еремеева. – СПб.; Киев, 2002. – С. 50.

деленную вещь»[387]. А «определенности, меры, нормы или, иначе, формы сегодня в дефиците. Их недостаток влечет за собой кризисность права, а поиск мер разнообразия – его выживание», как говорил И.Л. Честнов[388].

В-четвертых, избранный сегодня криминалистами подход не локализует, а приумножает проблемы правовой действительности, которые неминуемо влияют как на бытие права, так и на его микросферы. Современный подход применим при разрешении конкретных уголовных дел и совсем бесполезен для разрешения обозначенных здесь проблем права. С его высот они вообще не просматриваются. Не учитывается, что «реальность, как известно, сложнее и не столь гармонична... если изменить масштаб рассмотрения, то перед глазами могут предстать совсем другие реальности»[389], – рассуждал Ж. Ревель. Не замечается, что «сама по себе повседневность, представленная в эмпирически данных феноменах, не позволяет увидеть реально существующие макропроцессы...»[390], т. е. бытие всего права и уголовного права в частности. Иными словами, житие не дает возможность найти место в праве спорам и правдам конфликтующих сторон, прочесть их бытийный контекст. Сфера пребывания преступающих, по терминологии В.А. Бачинина, ограничивается их «мирком»[391], в котором духовная ипостась как источник мира никак не проявляется.

В-пятых, «современное мироощущение, – подтверждают специалисты, – подошло к осознанию необходимости противопоставить духовному расщеплению человека и абсурду его существования какое-то позитивное волевое движение»[392]. На его статус априори не может претендовать повседневный эмпирический опыт. В структурах повседневности, как это точно описывает Е.А. Попов, отсутствует строгое различение ценности-вещи и ценности-духа, составляющих

---

[387] *Ойзерман Т.И.* Метафилософия. Теория историко-философского процесса. – С. 322.

[388] См.: *Честнов И.Л.* Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. – СПб., 2001.

[389] *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. – М., 1996. – С. 119–120.

[390] *Честнов И.Л.* Повседневность как теоретико-методологическая проблема историко-юридической науки // Городская повседневность в России и на Западе: сб. науч. тр. – Саратов, 2006. – С. 8.

[391] См.: *Бачинин В.А.* Антропосоциология и метафизика портрета // Человек. – 2004. – № 4. – С. 128.

[392] *Горелов А.А., Горелов Т.А.* «Расщепленный» человек и идея Всеединства // Человек. – 2004. – № 5. – С. 45.

основу уголовного права. На первом плане в них стоит не человеческая индивидуальность, а вещи и предмет «для истинного удовлетворения»[393]. Поэтому предлагается в противоположность повседневности далее рассматривать бытие уголовного права с позиции бытия человека как искомой формы и высоты, достаточной для обзора всех субъектов этого права и его ценностей.

* * *

В завершение надо подчеркнуть, что на пути соотношения и сопоставления философской и правовой мысли имеется достаточно «рифов», или факторов рационального и иррационального порядка, препятствующих философскому измерению уголовного права. Действуют различного рода предубеждения, сопровождающие исследователей философско-правовой проблематики и мешают им. На протяжении длительного периода правоведов и философов, подступающих к познанию интересующих их междисциплинарных дилемм, одолевают сомнения.

Исследование бытующих в уголовно-правовом мировоззрении установок подтверждает отрицание ими полезности философского опыта. Категорическое неприятие философии как чего-то чрезмерно амбивалентного, абстрактного и даже вредного для практической науки уголовного права позволило идентифицировать принадлежность подобной уголовно-правовой мысли к конкретному философскому течению – позитивизму. Издержки последнего развели философию и право по сторонам и обособили их Как философская, так и правовая мысль стали претендовать на самодостаточность. Ничто в них не подвержено смятению. Архитектура этих мыслей, как доказывают их теоретики, совершенна. Во многом эти мысли увлечены собой. Друг с другом они обсуждают скорее лингвистические, а не ментальные репрезентации, поясняет Р. Рорти. Обращает на себя внимание и их непритязательность. Философская мысль ведет себя так, как будто все знает о бытии и лишь из-за таких реваншистов, как М. Хайдеггер, периодически их пересматривает и уточняет. В ответ уголовно-правовая мысль проявляет равнодушие к опыту философии. Наука этой отрасли права не требует

---

[393] *Попов Е.А.* Ценностно-смысловой ракурс структур повседневности // Философия и культура. – 2011. – № 12 (48). – С. 30–31.

онтологического осмысления результатов своей деятельности с целью их сверки с предельными основаниями мира. При этом она не предлагает разработанного ею и выверенного пути, обеспечивающего доступ этого права к сферам бытия и смысла. Уголовно-правовая мысль также не отрицает, что не имеет представлений об области бытия. Она удовлетворена тем, что прежде обходилась без бытийного измерения и не сомневается в возможности дальнейшего существования в мире социального без обладания знаний о нем.

В общем, мысли понимают сами себя и осознают свою самодостаточность. В том же положении находится так называемая современная мысль. Каким бы удручающим ее реальное состояние ни было, она продолжает оставаться средством социального «сцепления» и заявляет о своей готовности обходиться в этом нелегком деле без философской отвлеченности и правовой приземленности. Каждая из названных мыслей в итоге строит свой Вавилон. Взаимонепонимание они относят к несовершенству их природы либо к предрассудкам своих субъектов. В ссылке и на одну, и на другую причину они правы. Однако «камень преткновения» и «момент истины» – в ином. Обнаружены они в степени отрешенности мыслей друг от друга и от человека, которому они призваны служить. Эти мысли исходят из человека, чтобы во всей своей целостности выразить его в мире, и к нему они должны вернуться для того, чтобы уже в нем выразить мир. Но в описанной действительности эти мысли не взвешивают и не уравновешивают, а расчленяют человека. Он в их интерпретации прекращает свое бытие, и они вслед за ним уходят в небытие. Таков фокус и закономерный исход позитивизма. Человека в нем нет.

В гносеологическом смысле отмеченный опыт позитивизма полезен, поскольку на негативном примере он доказывает криминалистам, что только обоюдное стремление к пониманию человека может являться для философской и правовой мысли актуальным общим и, несмотря на все предрассудки, вести к их соотнесению и совмещению. Человек как метаценность должен самопобуждать их к рефлексии по поводу сути социального и к объединению их усилий в этом деле. Своим опытом «современная мысль» подтверждает, что она еще далека от обладания собой и тем более человеком. Эта добродетель недостижима для нее без философской и правовой мысли. Для обретения этой добродетели не-

обходима философско-правовая мысль как сложное, синергетическое действие, которое на всех уровнях бытия способно формировать жизнь человека при помощи разумно-нравственных форм и минимальном влиянии естественных порывов и аффектов. Тем более, как отмечают специалисты, в философии, несмотря на всю ее многозначительность и широкую вариативность, есть устойчивое знание, способное эти качества определять и периодически их ревизовать. Вопреки всем сложностям ученые не теряют способности оценивать философию как упорядоченную систему многообразия. Наличие тех или иных точек зрения в философии считают неслучайным. Утверждают, что разнообразие позиций «предусмотрено» самой природой философии[394]. По этому поводу уместно привести суждения А. Кауфмана, который аргументировал, что «множественность исходных положений, наличие плюрализма различных учений отнюдь не создают какого-либо препятствия или тупика для философии, а совсем наоборот, представляют необходимое условие для ее полного расцвета <…> Только тот, – продолжал мыслитель, – кто понимает философию как результат сотрудничества множества философов, длящегося на протяжении столетий и тысячелетий, кто в состоянии узреть единство в различиях, способен преодолеть релятивизм в философии и философии права»[395].

3.2. Стереотипы уголовно-правового знания в отношении к истории

В отличие от философского опыта историческое знание не испытывает дефицита внимания со стороны науки и теории уголовного права. Ни история как наука, ни ее отдельные направления и течения не вызывают столько нареканий, сколькими удостоена философия. Обладание и оперирование историческим материалом рассматривается в науке как признак подготовленности специалиста, проработанности данной темы и интеллектуализации проводимого им исследования. Поэтому почти каждый ученый считает своим долгом заглянуть в историю познаваемой проблематики и начать излагать результаты изысканий с раскрытия ито-

---

[394] См.: *Васильев С.Ф.* Метафилософия и компаративистика. – М.–Берлин, 2014.

[395] *Кауфман А.* Философия права, теория права, правовая догматика // Государство и право. – 2019. – № 5. – С. 20.

гов ретроспекции. За небольшим исключением, «практически каждый учебник, пособие или курс содержат, как правило, внушительный раздел об этапах становления и развития уголовного права и законодательства»[396]. Авторы научных монографий, посвященных отдельным институтам или явлениям уголовно-правового порядка, также не обходятся без экскурса в прошлое. В составе своих работ они либо предусматривают для истории отдельный параграф, либо включают выбранные из прошлого фрагменты в общую характеристику темы.

Сложнее дело обстоит с собственно историческими произведениями, на уровне которых обеспечивался бы максимально полный обзор развития уголовного права, вскрывались бы сопутствующие этому процессу закономерности и тенденции. Их количество несоразмерно мало́ по сравнению с двумя вышеназванными показателями востребованности истории. В этом плане до сих пор сохраняют актуальность высказанные еще в XIX в. слова профессора Императорского Казанского университета А.П. Чебышева-Дмитриева (1834–1877) о том, что «положение с литературой по истории русского уголовного права отличается своей крайней бедностью»[397]. На аналогичное положение вещей указывал профессор Новороссийского университета А. Богдановский: «исторический метод с успехом и важными результатами был приложен ко многим сферам права и еще долго должен оставаться девизом русской науки. Однако в приложении к уголовному праву исторический метод почти вовсе не имел места»[398].

Несмотря на отмеченные сложности, постоянный и подлинный интерес криминалистов к прошлому позволил им довольно оперативно справиться с познанием генезиса основополагающих категорий и явлений уголовного права. Немало сделано и на пути установления истоков этой отрасли. То есть полного круга памятников, которые в прежние времена служили формой выражения действующих уголовно-правовых требований. В итоге в науке и теории признано, что источником для прежних и современных ретроспективных исследований служит вполне известный и ограниченный круг исторических памятников. Об-

---

[396] См., напр.: *Наумов А.В.* Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1: Общая часть.

[397] См.: *Чебышев-Дмитриев А.П.* О преступном действии по русскому до-петровскому праву. – Казань, 1862. – С. 3.

[398] См.: *Богдановский А.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. – М., 1857. – С. 1.

работке, как правило, подвергаются нормативные акты Древней Руси и последующих эпох. Речь идет о Законе Русском как самом раннем устном источнике русского права[399]. Также имеются в виду первые писаные памятники. Прежде всего Русская Правда и более 100 ее списков. Затем по степени важности отмечают русско-византийские договоры 907, 911, 944, 971 и 1043 гг., заключенные между Киевской Русью и Византией, которые среди прочего активно регулировали уголовно-правовые отношения, уравнивали подданных обоих государств в правах на защиту и в ответственности за совершенные деяния. К числу источников уголовного права также относят Правосудие митрополичье и церковные уставы, отражающие практику и традиции церковного суда (суда «владычня наместника»), влияние норм светского русского права на церковную юрисдикцию[400]. В состав памятников уголовного права еще включают «Закон судный людем» или, как его называют, «Судебник царя Константина», имевший своим источником византийское право и значительно переработанный в соответствии с особенностями славянского обычного и раннегосударственного права.

Существенный вклад в становление средневекового уголовного права внесли Двинская (1397–1398 гг.) и Белозерская (1488 г.) уставные грамоты, Псковская (1467 г.) и Новгородская (1471 г.) судные грамоты, а также Судебники эпохи образования и развития централизованного Русского (Московского) государства (XV–XVII вв.) – Судебник 1497 г. великого князя Ивана III, Судебник 1550 г. царя Ивана IV Грозного, впоследствии и Судебник 1589 г. – законодательный свод, составленный при царе Федоре Иоанновиче[401]. Их положения нашли развитие в Соборном уложении 1649 г. царя Алексея Михайловича, которое укрепляло самодержавную власть московского царя и рассматривало преступление как «непослушание царской воле, нарушение предписаний». А под наказанием в нем понималось возмездие, устрашение и обезвреживание преступников.

---

[399] См.: *Георгиевский Э.В.* К вопросу о Законе Русском и его уголовно-материальных установлениях // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 4. – С. 55–57.

[400] См.: Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1955. – С. 419–420, 426–432, 438–457.

[401] См.: Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г.: по списку собрания Ф.Ф. Мазурина / Издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. – М., 1900.

В итоге можно констатировать, что если такое слово, как «философия», в понимании криминалистов выражает понятие, которое нуждается в дополнительном толковании, ибо само по себе оно многозначительно и своим названием не вскрывает собственного содержания, то при использовании слова «история» у них не возникает необходимости в дополнительных разъяснениях. Общенаучный смысл термина «история» означает для юристов последовательную смену состояний объекта, способного развиваться во времени. В уголовно-правовой науке термином «история» именуют, как правило, минувшую социальную действительность и знания о событиях прошлой жизни людей, в котором устанавливаются, классифицируются и интерпретируются свидетельства об ушедшем.

Уже на раннем этапе научного осмысления права, т. е. приблизительно с середины XVIII в., историческое знание стало базисом для конструирования догмы русского уголовного права. Историческим принципам было доверено формирование почти всей доктрины уголовного права. Каждый из трех подходов, избранных криминалистами для решения поставленной задачи, прямо или косвенно являлся историческим. Один из них, как отмечал Г.С. Фельдштейн, был чисто историческим. В соответствии с ним из общей массы существующих определений отбрасывались те, которые пережиты в прошлом и утратили свое реальное значение. Другое течение в догматической обработке права избирало путь историко-сравнительный. «Стремясь к систематическому построению действующего права, оно объясняет постановления русского уголовного права, разрозненные по своим основаниям и форме, в связи с определенными историческими условиями, порождающими эти особенности». Третье течение, как пишет историк, «унаследовано от долгого периода обработки права путем приказной рутины. Это течение не старается отыскивать общие теоретические положения для систематизации и построения действующего уголовного права, а довольствуется такой обработкой, которая ищет опорные пункты во внешних особенностях действующего права»[402].

Отмеченный способ конструирования догмы русского уголовного права, надо отметить, не уникален. Точно так же, т. е. преимущественно на истори-

[402] *Фельдштейн Г.С.* Указ. соч. – С. 288.

ческом базисе, происходило становление догм и в других странах. Так, по свидетельству немецкого правоведа Ф. фон Листа, догма уголовного права Германской империи разрабатывалась на основе анализа исторических представлений о наказании. Следующим по влиянию и востребованности методом считался сравнительно-правовой. С его помощью теоретики пополняли имеющиеся знания о преступлении и наказании, освещали пробелы и неясности в истории права отдельного народа. Он, по признанию юриста, указывал путь, по которому всегда и везде совершалось наказание; давал возможность определить направление, в котором может совершиться жизнеспособное преобразование уголовного законодательства; выступал руководителем для сознательной и осторожной уголовной политики, опирающейся на исторически сложившееся и данное[403].

В силу отмеченных качеств, а также того, что на начальном этапе становления науки права не было другого более доказательного источника знаний о явлениях этой отрасли, история в глазах правоведов предстала самодостаточной силой, способной говорить сама за себя и за уголовное право, а также брать на себя ответственность и почти все из сферы этого права называть своими именами, давать им определения. Прошлая история, по выражению японского философа Янагида Кэндзюро, предстала перед криминалистами «в виде объективного факта, чего-то уже миновавшего, мертвого...»[404]. Сомнений в состоятельности ретроспективного подхода у большинства юристов не возникает. Историки, как кажется криминалистам, достаточно убедительны и состоятельны. Они проверили корни русского уголовного права. Начали с зарождения славянских племен. Продолжили исследованием союзов первичных обществ и их сосредоточением вокруг того, кто разрешал общественные распри. Затем определились с византийскими и римскими прививками права. Далее уголовное право отдали на откуп внушительному числу памятников русского и зарубежного права.

Исторические свидетельства в системе взглядов криминалистов в итоге приобрели силу повседневных доказательств и превзошли ценность других источни-

---

[403] См.: *Лист фон Ф.* Указ. соч. – С. 4.

[404] *Кэндзюро Я.* Философия истории. – М., 1969. – С. 19.

ков знания, выработавших проверенные веками истины, а самое главное – завоевали почти безусловное для доктрины уголовного права значение. В силу высокой степени уверенности специалистов в благонадежности исторического знания сегодня считается, что догма уголовного права нашла себя в этом знании и уже в достаточной мере определилась с кругом тех архетипов, которые она считает своими источниками, а все вместе – собственным и незыблемым базисом. Кажется, что появление новых источников не способно существенным образом повлиять на сформировавшуюся доктрину уголовного права. Возникла убежденность и в том, что в концепции этого права не многое подвержено изменению.

На деле же за благоговейным отношением к истории стоят свои издержки. Нельзя не заметить, что открытий исторического плана впредь не совершается. Доминируют отдельные исследования некоторых явлений. Совершаются так называемые малые экскурсы в прошлое. Изобилуют работы, в названиях которых указывается на то, что их автор рассматривает «проблемы истории...» или «вопросы истории...». Но в реальности большинство поименованных таким образом произведений не анализирует проблемы самой истории. Идет элементарная демонстрация уголовно-правового феномена на уровне того, каким он был вчера и каким его видят сегодня. Время как основная смысловая, а не метрическая категория истории в этих изысканиях не затрагивается. Оно упоминается только в хронологических и хронометрических целях. Изредка сосредоточиваются на вопросах понимания предмета истории уголовного права[405]. «Немного случаев того, как ученые в преддверии самого исследования анализируют характеристики избранного ими историко-правового метода»[406]. Продолжаются дискуссии по весьма узким вопросам (по изменению периодизации прошлого либо смене критериев этой периодизации).

Таким образом, первая и главная из проблем состоит в том, что теория уголовного права исчерпала историю уголовного права в ее традиционном понима-

---

[405] См., напр.: *Арямов А.А.* К вопросу о понимании предмета истории уголовного права России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2015. – № 3. – С. 4–6.

[406] См., напр.: *Иванов С.А., Недайвозов В.С., Ступницкий А.И.* История развития преступлений против общественной безопасности. – Ставрополь, 2015; *Георгиевский Э.В.* Убийство в уголовном праве Древней Руси // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 2. – С. 96–106 и др.

нии. Опустошила историю в том ее значении, о котором в свое время высказался А.М. Богдановский и которого до сих пор придерживаются специалисты. Под историей уголовного права юрист главным образом представлял воззрения законодательства и народного права вообще на преступление и наказание и на взаимное отношение между ними[407]. Об истории в собственно историческом смысле этого слова в теории уголовного права речь практически не ведут. Криминалисты активно пользуются историей и занимаются ее интерпретацией, но при этом далеко не каждый из них пользуется историческим языком. Как следствие, они, как изложено у немецкого философа и основоположника исторической науки И.М. Хладениуса, не задаются вопросами о том, что в уголовном праве *длится*, а что уже прервало свое *существование*; что в этом праве *проходит*, а что в нем остается *неизменным*; что в нем является *данностью*, а что *обстоятельством* и *случаем*; что в криминальном мире выполняет роль *конечных* и *бесконечных* сущностей. То есть, по сути, не рассматривают уголовное право, пользуясь основными категориями исторического познания, спецификой исторического бытия.

Одним из немногих и выделяющихся из общей тенденции является учебник уголовного права под редакцией А.Э. Жалинского, в котором авторы до изложения истории отрасли и науки уголовного права раскрыли суть исторического подхода и обосновали его полезность. В частности, отметили, что история науки, как и история человечества, не существует сама по себе, а всегда пребывает в современном освещении. Ретроспекция самым первым делом доказывает, что уголовное право – явление не произвольное и не сиюминутное, а историческое. Тот, кто не знает истории, по утверждению правоведов, «заблуждается в оценке настоящего и слеп перед будущим». Не осмыслив информацию о прошлом как фундаменте настоящего, невозможно генерировать, как полагал Л.К. Савюк, перспективные идеи реконструкции исторического процесса с целью улучшения, совершенствования будущего. Юристы считают, что право возникло вместе с государством, поэтому истории их становления во многом тождественны. По истории одного можно вполне уверенно судить об истории и даже сущности другого. При

[407] См.: *Богдановский А.* Указ. соч. – С. 1.

этом «в каких бы ипостасях история уголовного права ни выступала (история науки, история отрасли права, история уголовного закона), в каждом случае она ставит перед исследователями определенный круг вопросов: о правовой традиции, о правовой культуре, о том, откуда оно пошло, когда возникло и кто у кого заимствовал те или иные правовые институты»[408]. Эти вопросы, по мнению правоведов, исчерпывают историю. К числу проблемных сторон ретроспективного подхода криминалисты отнесли то, что «история уголовного права, как и история государства, крайне противоречива и в социальном, и в интеллектуальном отношении». Обусловлены эти сложности тем, что в понимании истории многое предопределено выбором тех исходных начал, которые как методологический инструмент берутся для интерпретации прошлого.

Все правильно и важно, – так можно отреагировать на отмеченные тезисы правоведов. Несмотря на то что специалисты и заострили внимание на собственно «историческом» в истории уголовного права, по сути, они не сказали ничего нового. Не прояснили сверх того, что об истории, ее значении и пользе для уголовно-правовой науки столетие назад сказал профессор Киевского университета А.Ф. Кистяковский (1833–1885). В XIX в. он и его последователи заявили о том, что «без света истории, как науки, трактующей о постепенном развитии рода человеческого, уголовное право прежних формаций являлось бы во многих пунктах произведением умопомешанного. История же указывает на естественную причину существовавших уродливостей и вообще того или другого состояния уголовного права, она констатирует источник его прогрессивности и дает данные для оценки как старых, так и новых теорий и учений уголовного права»[409].

Для ослабления внимания к историческому подходу есть ряд объективных причин. *Одна* из них состоит в очевидности и традиционности отмеченных знаний о ретроспективном методе, поэтому в отраслевой литературе в крайне редких случаях встречаются примеры обсуждения сути исторического подхода.

---

[408] См.: Уголовное право: учебник: в 3 т. Т. 1: Общая часть / Под общ. ред. А.Э. Жалинского. – М., 2011. – С. 84–92.

[409] *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 3-е изд. – Киев, 1891. – С. 38.

Специалисты попросту не считают необходимым повторяться. *Другая* причина заключается в том, что после реализации историей функции «отправной точки» на начальном этапе становления науки и последующего укрепления ее отраслей статус истории в некоторой степени естественно понизился. За прошедшее время приобрели силу другие методы познания права. Ретроспекция, конечно, не утратила своего авторитета, но все же ушла на второй план – уступила место, в частности, сравнительному правоведению и иным методологическим приемам. Уже не служит исходным и единственным основанием для теоретических построений в уголовно-правовой сфере.

Третья и, скорее всего, основная причина изменения статуса истории состоит в том, что она из источника знания превратилась в стереотип знания, т. е. в то, что уже не питает теорию и не понуждает ее к рефлексии, а лишь дополнительно консервирует ее собой. История начала напоминать «резервуар из прошлого», из которого периодически извлекают и пробуют на применимость и актуальность старые рецепты. Через исторические обзоры юристы проверяются, говоря словами профессора Петербургского университета Н.С. Таганцева, в устойчивости и прочности исследуемых правовых норм. В силу своей незамысловатости отмеченный стереотип дает возможность, по словам русского философа и профессора Московского университета В.И. Герье, «реконструировать человеческое прошлое с помощью ножниц и клея, т. е. излагать то, что было без всяких философских обобщений»[410]. Уверенность в имеющихся знаниях о происхождении и назначении уголовного права не побуждает задаваться вопросами о том, чем это право было, было ли оно вообще, существует ли сегодня в своем подлинном значении и сохранит ли свое действие в будущем? Есть ли оно само по себе и на самом деле? На что или на кого в повседневной жизни оно опирается? Каким идеалам привержено и к чему в реальности стремится? Ответы на эти вопросы представляются очевидными, а их постановка кажется излишней и в некоторой степени надуманной.

Виной всему, как видится, историческое знание, а точнее, искаженное – весьма суженное значение, которое ему придают криминалисты. Между тем в

---

[410] *Герье В.И.* Философия истории от Августина до Гегеля. – М., 1915. – С. 4.

истории не все так однозначно, как это уже продолжительное время видится юристам. *Во-первых*, в ней не все подчинено артефакту и его временному значению. Не ими вообще исчерпывается история. Свой смысл и предназначение, судя по словам французского историка Ф. Броделя (1902–1985)[411], она ищет на протяжении всей собственной истории и пытается найти его в каждой приходящей эпохе. В итоге свою опору история находит в метаисторических предпосылках, т. е. в том, что, по существу, не является историческим. История, поскольку она состоит на службе у жизни, подчинена неисторической власти, писал немецкий философ Ф. Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни»[412].

Во-вторых, опыт синергетического исследования права ставит под сомнение безальтернативность исторического как его источника. Синергетическая практика изобилует примерами того, как неисторическое превалирует над историческим. Она доказывает, что далеко не всегда уголовное право подчинено обычаю и имеет своим источником сложившиеся традиции. Многое в его устройстве подвластно спонтанным процессам и несет на себе печать хаоса. В обществах трансформационных периодов особенно заметно, что на долю неназванного и нетрадиционного приходится значительный объем происшествий, которые в ежедневном режиме попирают установившиеся стереотипы уголовного права. Хаотические явления задают тон в понимании уголовного права и собственную стилистику в его применении. Историческая эволюция в свете синергетической парадигмы утрачивает статус первоисточника права. Но проблема не только в особенности обществ «переходного периода». Дело еще в природе человека. Его способность, как объяснял Ф. Ницше, чувствовать в известных пределах не исторически является более важной и более первоначальной, так как она становится фундаментом, на котором только вообще и может быть построено нечто правильное, здоровое и великое, нечто подлинно человеческое.

Важность высказанных в свое время А.Ф. Кистяковским слов о значимости изучения истории уголовного права, тем более доисторических периодов его

---

[411] Ф. Бродель утверждал: «Историю постоянно нужно переписывать, она вечно находится в стадии становления и преодоления самой себя» (цит. по: Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. – М., 1996. – С. 651).

[412] См.: *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. Т. 1. – М., 1990.

существования, никто не ставит под сомнение. В метафизических и синергетических аспектах не отрицается необходимость привычной истории и полезность ее знаний для построения догмы уголовного права. Г. Гегель писал: «В них уважительно признается, что история должна охватывать то, что есть и было, события и деяния, и она тем ближе к истине, чем более придерживается данного»[413]. Таков ее удел. Тот же Ф. Ницше признавал, что «только благодаря тому, что человек может ввести в границы неисторический элемент при помощи мысли, передумывания, сравнения, отделения и соединения, только благодаря тому, что это обволакивающее, ограничивающее туманное облако прорезывается ярким, молниеносным лучом света, – т. е. только благодаря способности использовать прошедшее для жизни и бывшее вновь превращать в историю, человек делается человеком»[414].

Метафизические и синергетические аспекты бытия убеждают лишь в том, что не следует придавать отмеченным словам А.Ф. Кистяковского безусловный характер, как это необоснованно делал сам автор. Юрист безапелляционно утверждал, что только историческое познание может предоставить точные данные о генезисе уголовного права и происхождении понятий о преступлении и наказании. Криминалист отмечал, что до сих пор остается нерешенным путем положительных исследований вопрос: составляют ли наши понятия о преступлении и наказании исконные, прирожденные убеждения человека или же они являются достоянием, приобретенным плодом развития общественной жизни, выражением его совершенствования? Поиск погруженных в историю доказательств дает возможность установить истинное значение связанных с уголовным правом явлений, однажды установившихся и с тех пор действующих во все времена. А.Ф. Кистяковский писал: «Исследование тех отдаленных, покрытых непроницаемым туманом периодов, о которых идет речь, дало бы возможность решить вопрос об исконном значении понятий не на основании произвольных умствований, теорий, на веру взятых, а на основании точных данных и умозаключений, выведенных из действительно существовавших фактов»[415].

---

[413] См.: *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. – М., 2007. – С. 486.

[414] *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 2.

[415] См.: *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. – С. 4.

Результаты онтологического осмысления истории и ее базовых оснований не оправдывают надежд А.Ф. Кистяковского на отыскание в наследии прошедших веков истинного значения категорий уголовно-правового порядка. «Привычная история» попросту не предназначена для работы с истиной. Она не имеет целью определение смысла в объеме всего исторического процесса. Ее удел лишь «правда вчерашнего дня». Она, как отмечает И.А. Гобозов, связана с явлением. Правда «есть констатация факта, события, явления. В свою очередь, истина связана с сущностью, представляет собой ...поиск, проникновение вглубь фактов и событий»[416]. Подтверждение тому – авторитетная позиция одного из основателей исторической науки И. Хладениуса. С одной стороны, он констатировал, что в отношениях между историей и истиной есть проблемы. Отмечал, в частности, что при работе с догматической литературой он без труда встречал «в себе оформленные всеобщие истины», а с их обнаружением в исторических произведениях возникали существенные затруднения. При этом пищу для усиления скептицизма к истории как к достоверному и устойчивому знанию обнаруживал «в отсутствии в ней основоположений, руководящих положений...». С другой стороны, философ призывал бороться с историческим скептицизмом. Он был убежден, что история имеет право на «исторические истины». Заявлял о том, что последние есть «маленькое подобие, маленькое отражение больших истин откровения...» и ставил перед собой задачу защитить историческое знание «разумными размышлениями о вероятном и опасном злоупотреблении этой вероятностью». Стремился точнее исследовать его качества, нивелировать в истории все вероятности и правдоподобия, а в итоге – «придать истории уверенности, распространить ее на все моменты и знать, что в них не без пользы для себя можно обнаружить истину...»[417].

Ряд причин того, что масштабы вечности, на просторах которой простирается истина, находятся вне досягаемости традиционной истории, замечен и криминалистами. Имея в виду изъяны привычно используемой исторической оцен-

---

[416] *Гобозов И.А.* Введение в философию истории. 2-е изд. – М., 1999. – С. 300.

[417] *Хладениус И.М.* Всеобщая наука истории // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. 23. – № 1. – С. 193–194.

ки, Н.С. Таганцев в свое время написал о том, что «историческая почвенность есть только одно, но не единственное условие жизненного значения закона. Не нужно забывать, что исключительно историческая оценка всякого законодательного движения, всякой реформы, легко может сделаться тормозом народного развития»[418]. Юрист разделял мнение профессора Болонского университета П. Росси (1787–1848) о том, что «исключительно историческое направление страдает часто двумя погрешностями, весьма естественными у лиц, постоянно направляющих свои помыслы к тому, чтобы понять и разъяснить прошлое. Первая погрешность – это стремление все признавать и все оправдывать, что мы находим в законах прошлого, как будто наши предки никогда не делали ошибок, как будто они никогда не отступали от принципов, выработанных их собственною цивилизацией. Другая погрешность – это стремление сделать последнее состояние законодательства не отправной точкой дальнейшего развития, а совершенным идеалом возможно лучшего в этом мире»[419].

Похожий ряд причин ограниченного взгляда криминалистов на историю виден с философских вершин. С них можно разглядеть многочисленные условности принятого теорией уголовного права на вооружение исторического знания. Отчетливо просматривается малопригодность этого знания для воспроизводства на его почве полноценной догмы уголовного права. В частности, заметно, что историки при познании того или иного явления, как правило, останавливаются на первоначальной или рефлективной историях, если руководствоваться классификацией Г. Гегеля. С помощью первоначальной историографии они описывают деяния, события и состояния, проистекающие преимущественно возле самого историка либо с его непосредственным участием[420]. Рефлективная история оправдывает того историка, который определяет объект прошлого, принципы его рассмотрения и способы интерпретации на основе своего внутреннего пред-

---

[418] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 1. – СПб., 1902. – С. 20.

[419] Там же.

[420] Примеры такой истории в исследовательской практике уголовного права имеются. См., напр.: *Игнатов А.Н.* Уголовный кодекс за 10 лет применения // Российская юстиция. – 2006. – № 6; *Трикоз Е.Н.* Десять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: достижения и недостатки // Журнал российского права. – 2006. – № 4 и др.

почтения (вкуса)[421]. Дальше этого специалисты предпочитают не продвигаться. Считают исчерпывающими и достаточными для своей повседневной практики знания об истории как идеографической дисциплине, которая, как писал немецкий философ Г. Риккерт (1863–1936), ориентирована на фиксирование уникального и игнорирование законов развития мира[422].

Взгляды большинства криминалистов подчинены ограничениям таким образом интерпретируемой истории. На это в свое время обратил внимание австрийский и немецкий криминолог Ф. фон Лист. По его наблюдениям, история уголовного права традиционно рассматривается лишь в том аспекте, в каком это необходимо для понимания действующего права как исторически образовавшегося и продолжающего развиваться. Специалисты, по свидетельству Ф. фон Листа, никогда не брались за общее изложение истории уголовного права, которого до сих пор не появилось на свет[423]. История оценивается ими главным образом в формате отдельного исторического аспекта, извлекаемого из прошлого и используется в целях разрешения конкретных и текущих коллизий.

Историки, а за ними и юристы оставляют без внимания такие ступени исторического, которые, несмотря на свою непривлекательность из-за недоступности для обыденного понимания и трудной приспособляемости к различного рода догмам, существуют и действуют, а самое главное – многое в этой жизни объясняют. Речь идет о философии истории, по Вольтеру, о всемирной или философской истории, по Г. Гегелю, либо о «всеобщей науке истории», задача которой, по И. Хладениусу, рассказать обо всем исходя из основ и совокупности «конечных и бесконечных сущностей». В связи с этим британский теолог и философ Р. Флинт пояснял, что «философия истории – это не что-то отдельное от истории и ее фактов, но что-то содержащееся в них»[424]. Философия истории направлена на поиск более крупных, возвышающихся над поверхностью причин,

---

[421] Рефлективная история широко представлена источниками в уголовном праве. Это почти каждый учебник, в котором автором обосновывается собственный подход к описанию прошлого. По сути, он выражает свое отношение к содержанию и целям описываемых им действий и событий. (См.: *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. – М., 2007. – С. 482.)

[422] См.: *Риккерт Г.* Философия истории. – Киев, 1998.

[423] См.: *Лист фон Ф.* Указ. соч. – С. 2.

[424] *Flint R.* The Philosophy of History in France and Germany. – Edinburgh; L., 1874. – P. 8.

чем просто отдельные желания, якобы определяющие ход событий. Предметом философско-исторического интереса, по утверждению Р. Флинта, являются мысли и силы, определяющие характер и форму мнений и действующие даже на тех, кто осознает и выступает против их влияния; сознательные принципы, регулирующие преемственность человеческих дел, более полно и определенно диагностирующие их конечные причины. Консолидированное мнение ученых о задачах философии истории можно выразить словами немецкого историка и источниковеда Э. Бернгейма (1850–1942): они состоят в выяснении «принципов истории, т. е. общих причин, основных условий и процессов, на которых покоятся, с одной стороны, с другой – их познание»[425].

Через призму философии истории уголовно-правовое наследие пристально еще не исследовалось. Между тем именно этот вид исторического познания способен обеспечить целостный и осмысленный взгляд на фундаментальные основы уголовного права и происхождение его догматических предпосылок. Он призван, как отмечал русский философ и историк Л.П. Карсавин (1882–1952), исследовать первоначала исторического бытия, рассматривать их в единстве бытия и знания, т. е. указывать значение и место исторического в мире и в отношении к абсолютному Бытию[426].

Но для начала опыт бытийного осмысления истории преподносит ряд важных уроков. Одно из главных наставлений заключается в том, что конкретные обстоятельства овеществления уголовного права и его институтов в жизни человека не всегда имеют первичное и смыслообразующее значение, которое им часто в зависимости от уникальности найденного материала и древности его происхождения присваивают специалисты-позитивисты. Примером такого подхода служит появление на свет категории «преступление». Ее введение в оборот имело сильнейшее воздействие на весь уголовно-правовой мир, поскольку он наконец-то обрел то явление, которое было сугубо его продуктом и символизировало, безусловно, большую самодостаточность этого мира. Он обрел свою завершенность: и причину – преступление, и закономерное следствие – наказание. С тех

---

[425] *Бернгейм Э.* Философия истории, ее история и задачи. – М., 1909. – С. 7–8.

[426] См.: *Карсавин Л.П.* Философия истории. – СПб., 1993. – С. 15.

пор стало считаться, что «преступление» и «наказание» составляют основные понятия уголовного права и исчерпывают собой чуть ли не все его содержание. Наука этого права сочла возможным для себя ограничиться изучением закономерностей, присущих явлениям преступления и наказания. Тогда же из уголовного права были вычеркнуты категории «зла», «греха», «сорома», «обиды», «лихого дела», «неправды», «деликта», «проступка», которые предшествовали появлению понятия «преступление» и составляли, как считали специалисты, неотъемлемую и исконную часть понятийного аппарата уголовного права и социального мировоззрения. Они в одночасье утратили для представителей уголовного права прежнюю значимость и перестали ими исследоваться. Для оправдания были найдены самые разные причины. Некоторые из отмеченных категорий признаны религиозными пережитками, другие – нравственными анахронизмами, третьи – чужеродными дефинициями других отраслей права. Специалисты без оглядки на прежний опыт все свое внимание обратили к преступлению и к познанию его природы как первоисточнику смысла и значений иных уголовно-правовых категорий. Хотя на деле значение понятия «преступление» до сих пор не обрело определенности. Его сущностные признаки не поддаются фиксации и описанию, вызывают неразрешимые споры теоретиков и практиков. Прошло более чем 150 лет интенсивной работы криминалистов, но актуальность слов профессора и декана юридического факультета Императорского университета Св. Владимира С.О. Богородского о том, что понятие «преступление» в уголовном праве является самым неопределенным[427] сохраняется. Причина этого, как свидетельствуют более глубокие исследования данной категории, заключена в том, что это понятие не обладает смыслообразующим статусом. Преступление как юридическая конструкция лишь объединяет в себе необходимые для ее применения смыслы иных институтов уголовного права.

Другое наставление философии истории предостерегает исследователей от стремления раскрывать существо уголовно-правовых явлений через осмысление сопутствующих их становлению внешних событий. Этот путь, по

---

[427] См.: *Богородский С.О.* Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII-го века. Т. 1. – Киев, 1862. – С. 13.

мнению мыслителей, способен сделать из ученых заложников совершенно случайных частностей. Всюду, как выражался Г. Гегель, толпятся разнообразнейшие элементы, которые стремятся вовлечь нас в свои интересы, и когда одно исчезает, другое тотчас претендует и становится на место исторического интерпретатора[428].

«Всемирная история» в определенной мере избегает погрешностей умозрительной истории. Происходит это благодаря тому, что парадигма философии истории не подчинена законам эмпирического мира и произволу чьего-либо субъективного взгляда на прошлое. В ее понимании историческое совершается в более высокой – духовной сфере, где многое и главное подчинено разуму как закону, по образу которого развивается все мироустройство. Не случай и не выбор историка, а разум выступает субстанцией, единой и неделимой движущей силой всего исторического процесса, поскольку, как писал немецкий историк культуры и основатель исторического понимания искусства И. Гердер (1744–1803), «во всем творит лишь одно начало – человеческий разум». Он из многого создает единое, «из беспорядка – порядок, из многообразия сил и намерений – соразмерное целое»[429]. Разум универсален и вездесущ, является, по утверждению Г. Гегеля, одним и тем же в великом и в малом[430]. Разум пронизывает любую природу, дополнял немецкий философ и теолог Ф. Шлейермахер (1768–1834)[431].

С позиции разума, как это ни странно, процессы зарождения и развития уголовного права детально еще не рассматривались. Разум как таковой не выделялся и не оценивался специалистами в качестве объекта или субъекта познания уголовно-правовой реальности. Э.А. Позднякова можно отнести к числу немногих современников, обратившихся к разуму и предложил искать в нем причину «печальной» склонности человека к преступлению. Он писал, что «разум и преступление – две вещи мало того, что совместные, но и совершенно неразделимые и взаимообусловленные»[432].

---

428 См.: *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. – М., 2007. – С. 543.

429 *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 440–441.

430 См.: *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. – С. 491.

431 См.: *Schleiermacher F.* Geschichte der Philosophie. – Berlin, 1839. – P. 16.

432 *Поздняков Э.А.* Философия преступления. – М., 2001. – С. 186, 189.

При объяснении происходивших с уголовным правом перемен, как правило, обходятся без обращения к категории «разум». Их значение черпается из предмета этого же права, имеет смысл только по отношению к нему и лишь в нем находит свое выражение. Иными словами, уголовное право и вытекающие из его предмета явления исследуются в том качестве, в каком они существуют в своеобразном отраслевом элементе. В этом специфическом контексте право сужается до области судопроизводства и подчиняется прикладным интересам его наиболее влиятельных участников. В историческом плане право начинает представлять собой не более чем обособленную и замкнутую в себе сферу жизни, в которой значение и ценность охраняемых благ определяются исходя из целесообразных, а не бытийных нужд человечества. Право утрачивает положение доминанты в социальном бытии и свою повелевающую силу над его субъектами.

Разум гарантирует изучение и применение права с позиции конечной цели бытия, а не с его внутриотраслевых установок. Такой целью выступают непреходящие ценности человеческого бытия. На их основе исторический процесс воспринимается сквозь призму таких категорий, как «жизнь», «свобода», «справедливость», «мир» и т. д. Эти блага выступают для уголовного права вопрошающим контекстом. Примеряясь к ним, право выходит из своей отраслевой специфики и включается в мир общечеловеческого существования. Предметом исторического осмысления становятся вопросы мировоззренческого толка, как их называл немецкий теолог и профессор Берлинского университета Э. Трельч (1865–1923)[433]. История отдельных уголовно-правовых событий, определяемых практическими тенденциями времени, не уходит на второй план, но приобретает значение в той мере, в какой она представляется частью реального целого, осуществляющего абсолютную ценность. Благодаря включению права в контекст названных ценностей в его исторической повестке оказываются вопросы о том, сколько за период своего функционирования уголовное право произвело на свет свободы, расширило ли ее пределы. Укрепило и продолжает ли укреплять положение, например, собственника и благосостояние общества в целом или же спо-

---

[433] См.: *Трельч Э.* Историзм и его проблемы / Пер. с нем. М.И. Левина, С.Д. Сказкина. – М., 1994. – С. 17.

собствует процессу их обнищания? Воспитывает ли в своих субъектах чувство ответственности? Развивает ли в них гуманистические и морально-нравственные основы? Предназначено ли вообще уголовное право для воспроизводства свободы, права собственности и других благ, для постепенного развертывания этих благ, которые даны человеку в самом начале в неразвернутом виде, говоря словами советского философа и филолога А.Ф. Лосева?[434] Или же уделом уголовного права является исключительно репрессия и узурпация прав, свобод и интересов субъектов уголовной ответственности?

Актуальность отмеченных вопросов с течением времени не утрачивается. Наличие неослабевающего к ним интереса объясняется трансисторичностью ценностей, их протяженностью во все времена. От эпохи к эпохе представления о них корректируются. Однако сами по себе эти процессы еще никогда не отменяли ценностей и необходимости в них. Ради свободы, как писал Г. Гегель, «приносились в течение долгого времени всевозможные жертвы на обширном алтаре земли. Одна лишь эта конечная цель осуществляет себя, лишь она остается постоянно при изменении всех событий и состояний, и она же является в них истинно деятельным началом»[435]. Таким же трансисторическим делается само уголовное право, когда его форма и содержание стремятся приблизиться к охраняемым ценностям. Именно последние требуют от науки и теории при поиске значения уголовно-правовых явлений не ограничиваться контекстом эпох, в пределах которых были впервые зафиксированы их феномены. Предлагают, по Н.И. Кареву, изучать не только то, как история совершалась до сих пор, куда и как вела, но и то, «куда она ведет земное человечество в пределах земного, выяснять смысл и направленность исторического процесса»[436]. Смысл, таким образом, необходимо определять через единство и всеобщность бытия, не только через прошлое, но и через настоящее и будущее этого мира. Уголовное право как разумное начало и социальный механизм такую возможность предоставляет. Если говорить словами профессора Чикагского университета

---

[434] См.: *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. – М., 1977. – С. 5.

[435] *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. – С. 495.

[436] См.: *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. – М., 1883. – С. 242–243.

Ш.Д. Кейса, «право непрерывно работает над сохранением ценности прошлого, его защитой и дополнением в настоящем, а также страхованием от угроз и рисков будущего»[437].

К числу немногих правоведов, признавших возможность и необходимость объяснения истории уголовного с позиции разума, следует отнести П. Росси. Он первым из криминалистов с целью познания рациональных основ уголовного права обратился к выводам, полученным с помощью всеобщего разума и человеческого сознания. Собрав эти выводы и отделив от них внушения эгоизма и требования страстей, юрист заключил, что уголовное право составляется из вечных и непреложных принципов справедливого и несправедливого. Оно формируется не только из местных, временных истин, существующих в фактах, с которыми они связаны, из истин изменяющихся и исчезающих вместе с этими фактами, и наконец, из истин одновременно и всеобщих и местных, вытекающих из природы человека, но изменяющихся обстоятельствами, в которые человек поставлен. Основу права образуют также «истины всех времен и всех мест, которые независимы от внешних фактов и которые не могут не существовать»[438]. Разум дает понимание того, что артефакты несут в себе лишь ту информацию об уголовном праве и его институтах, которой о них в меру своего развития располагали народы соответствующих эпох. Привычной истории неизвестно истинное значение искомых явлений. Поэтому традиционная история не может рассматриваться в качестве производителя чьих-либо догм, как кажется некоторым криминалистам. Она служит лишь свидетелем того, что для обществ прошлых времен было известно и доступно из уголовно-правового инструментария, а также достаточно для поддержания своего образа жизни.

В теории уголовного права распространено другое представление об истории. Многими усвоено то, что в прошлом можно отыскать первую истину, которая якобы загрязнена и затемнена порождениями современных заблуждений и искажений. Представления о первобытном как о естественном состоянии, в котором будто бы существуют или существовали свобода и право в полном виде,

---

[437] См.: *Case S.J.* The Christian Philosophy of History. – Chicago; Illinois, 1943. – P. 8.

[438] *Росси П.Л.* Основные начала уголовного права / Пер. с фр. Г. Козополянского. – СПб., 1871. – С. 17.

Г. Гегель назвал исторически необоснованными. Он увидел в этих представлениях гипотетические предположения исторического существования, которые составлены при слабом свете рефлексии[439].

В действительности же, искомая полнота содержится в сознании и в его способности продвигаться от несовершенного к более совершенному положению, расширять собственные представления о ценностях, преобразовывать цели и правила, содержащиеся в наших мыслях, из состояния потенциального в актуальное, из возможного в действительное. В этом смысле верно рассуждал А. Богдановский. Он понимал суть происходящих в уголовно-правовой сфере трансисторических процессов и правильно считал их первоисточником сознание. Обретение полного знания об уголовном праве криминалист прогнозировал в осознанном будущем. На собственном опыте исследования идеи преступления юрист убедился в том, что она развивается и определяется постепенно, все точнее и точнее в сознании народа и законодателя. Идея и знания об этой идее все более приближаются к истинному своему значению вместе с общим развитием народной жизни[440].

Таким образом, уголовное право неотделимо от процессов работы сознания. Благодаря постоянному стремлению человеческого сознания к достижению конечных целей бытия общество сегодня имеет дело с тем, что называется уголовным правом. Склонный и способный к самопознанию человек обнаружил в себе наличие уголовно-правовых предпосылок, которые затем вычленил из прошлой, настоящей и будущей действительности, обособил и преобразовал в самостоятельную отрасль права. Тем самым уголовное право обрело свое место в сознании (преобразовалось из потенциального в актуальное состояние) и вот уже продолжительное время одновременно является и результатом его развития, и определенным инструментом – способом фокусирования (сосредоточения) на охраняемых этим правом ценностях. Такой процесс иначе именуется основным историческим законом, который, как справедливо отмечал А. Ллойд, «осуществляется через развитие личностей, наций и человечества в целом, со всеми вов-

---

439 См.: *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. – С. 530.

440 См.: *Богдановский А.* Указ. соч. – С. 92.

леченными в этот процесс случаями отчуждения и восстановления, зла и добра, науки и религии, таланта и гения»[441].

Подобное представление об историческом бытии не производит потребности с целью отыскания истины задаваться вопросами об обстоятельствах происхождения морали, нравственности и права, а также о том, какими они были ранее и были ли они вообще, о чем говорил Гегель. Наступает понимание того, что первым, подлинным и перманентным источником уголовного права является сознание. Прежде всего сознание, а затем уже вещественные памятники поддерживают в активном состоянии представления социума об уголовном праве и его запретах. Ярким и убедительным доказательством тому служат аргументы Цицерона о том, что во времена Тарквиния Рим не имел еще писаного закона против изнасилования. Однако это не мешало Сексту Тарквинию, насилующему Лукрецию, нарушить вечный закон. Разве не было достаточно вложенного в нас природою разума, чтобы побудить к добру и отвратить от преступления? Этот закон получил силу не только в ту минуту, когда был написан, но с самого момента своего появления он был образцом законов, а появился он вместе с божественным разумом[442].

С учетом этого философия истории предлагает не делать из истории уголовного права летопись и не разрывать ее на составные части в зависимости от социально-политических событий, искусственно приурочивать к отмеренным временным интервалам зарождение вины и различные образы действий индивидов, а затем делать вид, что данное членение имеет какое-либо полезное значение, как это наблюдается в большинстве источников. Имеются основания формировать структуру и хронологию истории уголовного права в соответствии с ответами на поставленные выше вопросы мировоззренческого плана. «Развитие идеи преступления, как справедливо писал А. Богдановский, не имеет во внешнем своем проявлении в законодательстве ярких и четких форм. Она не отливалась в ту или другую эпоху своего развития и в какую-то определенную, так сказать, видимую форму. В историческом движении этой идеи мы не можем определенно

---

441 *Lloyd A.H.* Philosophy of History an Introduction to the Philosophical Study of Politics. – Written in English. 1899. – P. 250.

442 См.: *Марк Тулий Цицерон.* Мысли и высказывания / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. – М., 2011. – С. 13.

указать на тот характер, значение, какие воспринимает она в известный период развития права, на воззрение общества на преступление и законодательство в этот период. На основании вышесказанного не можем мы и, в последующем изложении прослеживая развитие идеи преступления в древнем нашем праве, дробить изложение на какие-либо отделы и части. Мы должны, следовательно, не разделяя на периоды и отделы, следить за движением и развитием этой идеи по всем законодательным и незаконодательным памятникам»[443].

Исторический подход, избранный наукой уголовного права в качестве своего оплота и приоритетного пути развития, во многом близок к историцизму, который, как известно, представляет собой крайнюю форму проявления историзма. Если при историзме мир, природные и социально-культурные явления рассматриваются в динамике их изменения, объекты анализируются в конкретно-историческом контексте их существования, то при историцизме прошлое познается в полной беспечности и беззаботности, а в нашем случае – без оглядки на смысл и предназначение уголовного права, без учета созидаемых его субъектами целей. При историцизме не отстаиваются ценности какой-то конкретной традиции. Защищается сам принцип прошлого. Утверждается самодостаточность, неизменность и неизменяемость того, откуда человек появился, где он стал тем, что он есть. Если при историзме как умеренном взгляде на прошлое не обходится без обращения к принципу дополнительности как к одному из важнейших методологических и эвристических принципов науки, с помощью которого достигается относительно полное описание явления, то историцизм в этом принципе не нуждается. Все попытки его искусственно применить не приносят успешного результата. Принципу дополнительности не под силу компенсировать издержки историцизма, нет места среди его крайностей. Сила последнего заключена в его необратимости и нерефлективности.

Представления об историческом формулируются с помощью ряда безальтернативных сценариев. Один из них предлагает жить «сугубо по-старому», а другой – «по-новому, но под непременным предводительством старого». Издержки названных подходов очевидны и во многом схожи. Главный из них в

---

[443] См.: *Богдановский А.* Указ. соч. – С. 92.

том, что истории отказывается в доступе к истине, в возможности стремиться и самой претендовать на объективность. Историческое ограничивают прошлым и лишают полноценного взгляда на это прошлое. В итоге от историцизма страдает прежде всего само прошлое. Доминируют отдельные расцвеченные факты. Значительные области прошлого либо предаются забвению, либо подвергаются искажению, чтобы приуменьшить значение нарождающегося. История превращается в справочный и расходный материал. С ее помощью в интересах текущих и конкретных нужд создают соблазнительные и воодушевляющие параллели, сближают разнородные элементы, обобщают и, наконец, отождествляют их, смягчают различия мотивов и побуждений. Понятие «смысл», составляющее основу философии истории как средство взаимосвязи между видимыми и невидимыми историческими горизонтами, оказывается излишним в уголовно-правовом знании. Простая категория «значение» признается вполне достаточной для анализа ретроспективных дел.

Таковы основные, действительные, не всегда очевидные, глубинные аспекты подхода, к помощи которого традиционно прибегают теоретики для построения догмы уголовного права. Истинный масштаб присущих историцизму погрешностей с большим трудом поддается оценке. Для выяснения степени его негативного влияния необходима ревизия чуть ли не всех основ уголовного права. Для этого понадобится не одно исследование. Здесь же видится необходимым, актуальным и достаточным обратить внимание на недопустимость скатывания к историцизму и на уже наступившую небезопасную близость к нему теории уголовного права. Убедительное подтверждение такого сближения находим в словах профессора и ректора Императорского Юрьевского университета П.П. Пусторослева, назвавшего причины сближения. Оценивая научные основы уголовного права, его догматические, исторические и политические предпосылки, юрист отметил, что единственным, строго научным приемом разработки уголовного права является позитивный или положительный метод. В его составе исторический метод занимает одну из ключевых позиций. С помощью этого метода, как утверждал криминалист, изучается и определяется по фактам ход изменений уголовного права в государстве того или иного народа в течение определенного промежутка времени, в связи изменениями потребностей и условий

жизни этого народа. «История уголовного права, подобно догме, стоит в неразрывной связи с положительным уголовным правом и без этой связи существовать не может»[444].

В словах правоведа отыскивается то, что схождение к историцистским взглядам на прошлое уголовного права стало возможно по причине рассмотрения криминалистами истории своей отрасли исключительно в контексте позитивистского учения. С его позиций, напоминал академик Санкт-Петербургской академии наук А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919), история традиционно рассматривается как эмпирическая наука. Предметом исторического интереса в такой науке выступают действия и подвиги человека не вообще, а взятые в их индивидуальности[445]. Поскольку целостность, таким образом, остается за рамками исторического изучения, ученый разработал методологию исторического построения, решавшую, по его мнению, задачу целостной реконструкции той или иной эпохи, о которой «повествует» соответствующий источник.

На пути преодоления историцизма предстоит решить ряд проблем. Одна из них заключается в том, что за счет собственных сил и средств историцизм разобраться со своими дилеммами не способен. Поразительная невосприимчивость ко всему иному, как уже было отмечено, является одним из основных признаков историцизма и необратимых последствий его действия. Другая проблема продиктована общеисторическим контекстом. С его высот обнаруживается, что в происходящем с историей уголовного права нет ничего удивительного. Оно встроено в вековые традиции.

Не менее значимый фактор – привлекательность историцизма. Наличие негативных характеристик не умаляет в глазах криминалистов способность историцизма разрешать значительное число проблем. Популярность среди специалистов во многом обусловлена его схожестью с тем, чем они занимаются повседневно. Речь идет о сборе и протоколировании доказательств, изучении и измерении конкретных фактов. С помощью самых разных подходов с позиций историцизма возможно познание каждого факта в его точно установленной

---

[444] *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Общая часть. Вып. I. – Юрьев, 1912. – С. 14–15.

[445] См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. – М., 2006. – С. 146, 148.

особенности и индивидуальности, что напрямую корреспондируется с уголовно-правовым принципом индивидуализации, реализуемым при квалификации преступления и назначении наказания. Но близостью подходов дело не ограничивается. Во многом похожим является социальный тип. Историцистскому и уголовно-правовому взгляду, говоря словами А.С. Панарина, профессионально интересен «обыватель, целиком погруженный в повседневность и не помышляющий о высших исторических смыслах»[446].

Но главная трудность заключена не в привлекательности историцизма и его сходстве с доминирующим уголовно-правовым мировоззрением. Дилемма состоит в отсутствии в недрах отечественной науки и теории уголовного права историко-философской школы, некогда появившейся в XVIII в. Даже в самых малых объемах она не представлена в современных отраслевых источниках. Следы этой школы в истории отечественного уголовного права в свое время обнаружил профессор Московского университета С.В. Познышев. По его наблюдениям, судьбу отмеченной школы, к сожалению, постигла общеисторическая участь. Она осталась в прошлом, так как в большинстве оказались те, кто в разнообразии открываемых историей фактов увидели различающиеся лишь по яркости и полноте воплощения. Последователи кантианской и гегельянской школ, сторонники метафизического направления в истории были в меньшинстве. Среди основателей науки уголовного права преобладали так называемые классики, для которых была неприемлема справедливость в некоем абсолютном виде. Они утверждали, что наука должна отказаться от всяких метафизических начал, от всяких попыток поиска естественного уголовного права. По бескомпромиссному убеждению большинства, наука должна лишь разрабатывать, – путем сравнительно-исторического и догматического или путем историко-догматического изучения, – положительное уголовное законодательство. Из-за их враждебного отношения к метафизическим построениям эти классики могут быть названы позитивистами, писал С.В. Познышев. В бытность ученого позитивное направление являлось господствующим в классической школе; лишь незначительные остатки прежних метафизических увлечений он обнаруживал в немецкой классической литерату-

---

[446] *Панарин А.С.* Народ без элиты: между отчаянием и надеждой. – М., 2006. – С. 220.

ре[447]. Соглашаясь с ученым и одновременно подытоживая сказанное им, можно заметить, что в теории уголовного права мало что изменилось.

3.3. Обыкновения теории уголовного права

К числу традиционно обсуждаемых в науке тем относят вопросы, касающиеся категорий «преступление» и «наказание». «По их поводу, – как справедливо еще более века назад отметил П.А. Сорокин, – написаны сотни тысяч томов и имеется множество определений»[448]. В отраслевой литературе о таком положении заявленной темы вообще не упоминается. Надо полагать, что дискуссия по этому поводу не открывается по вполне естественным причинам – в силу основополагающего статуса отмеченных категорий, без которых немыслимы сфера компетенции криминалиста и предмет исследований.

Можно, конечно, настаивать на сохраняющейся актуальности поднятой проблематики через причисление проблем преступления и наказания к вечным дилеммам бытия. Для этого, без сомнения, имеются как практические, так и теоретические предпосылки. В теоретической несостоятельности признавался и П.А. Сорокин, отмечая, что, несмотря на богатство определений, общепризнанного понятия преступления, а соответственно, и наказания до сих пор нет. Ученые, надо отметить, очень часто используют такого рода аргументацию в качестве отработанного приема, с помощью которого они стараются быстро миновать этап обоснования актуальности своих исследований и перейти к изложению авторских предложений по разрешению отмеченных проблем.

За счет подобных подходов в теории, как правило, меняется немногое. Ее каноны и даже вехи остаются незыблемыми. Происходит количественное пополнение знания за счет включения в него очередного определения. При этом качественного развития науки не происходит, поскольку до поиска и обнаружения главного в преступлении и наказании дело так и не доходит. Все это в итоге свидетельствует о верности вывода о том, что в науке уголовного права и других

---

[447] См.: *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть. 2-е изд. – М., 1912. – С. 13.

[448] *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Вступ. ст., сост. и примеч. В.В. Сапова. – М., 2006. – С. 128.

дисциплинах криминального цикла нет более изученных и чаще упоминаемых категорий, чем «преступление» и «наказание».

Вместе с тем надо признать и то, что в тезисах об уровне познанности заявленных понятий нет ничего оригинального. Похожее положение вокруг ключевых категорий закономерно складывается в иных отраслях права и сферах знания. Поэтому показатель их цитируемости и количество посвященных им произведений, на большой объем которых ссылался П.А. Сорокин, выступает не самым достоверным доказательством высокого уровня разработанности рассматриваемых дефиниций и уголовного права в целом.

Более убедительными доказательствами актуальности темы являются показатели гносеологического порядка. Речь идет о научных подходах, используемых при освоении понятий преступления и наказания. Они уже трансформировались в традиции с их неизменными логическими приемами и сегодня ограничивают всякого исследователя уголовного права вытекающими только из них средствами познания. Процесс изучения отмеченных явлений стал напоминать собой механизированный алгоритм. При этом стереотипы восприятия исследуемых категорий продолжительное время не ставятся под сомнение. Если говорить точнее, то они не менялись и не подвергались референции с момента их принятия наукой на свое вооружение.

В итоге латентная сила сформировавшихся обычаев сделала свое дело. Неприметно и повсеместно установила традиции. Одна из них указывает на то, что преступление и наказание рассматриваются в качестве сущностных явлений уголовного права. По мнению большинства специалистов, все это право слагается и исчерпывается в значениях названных феноменов. Другая традиция состоит в том, что каждый исследовательский «поход» на уголовное право они по обыкновению начинают с обозначения, выделения и изучения преступления и наказания. Эти понятия им представляются исходными началами и конечными целями описания и изучения уголовно-правовой реальности.

Отраслевая литература доказывает существование отмеченных стереотипов. По примеру профессора Казанского и Дерптского университетов И.Е. Неймана с начала XIX в. исследование оснований уголовного права многие начинают с

изучения преступлений и наказаний вообще[449]. Во второй половине XIX в., в частности, профессор Императорского Варшавского университета С.М. Будзинский объяснение права предварил раскрытием существа наказания и задался принципиальными, как он их оценивал для уголовного права, вопросами: «С какой целью исполняет оно карательную власть? Почему общество наказывает известные поступки, другие же оставляет ненаказанными? Какое начало руководит наложением наказаний, разных по существу и величине в различных случаях?»[450]. Профессор Петербургского университета Н.С. Таганцев не отнесся к этим вопросам как к первостепенным. В отличие от С.М. Будзинского в качестве первопредмета Общей части уголовного права он выделил преступное деяние[451]. Русский правовед и общественный деятель И.М. Наумов поступил иначе. Разделяя преступления против гражданских и уголовных прав, ученый счел, что исходным предметом изучаемого им права следует признавать не преступление, а «наказание лично гражданина...»[452]. Исследование истории развития понятий о преступлении и наказании в русском праве А.М. Богдановский начал с рассмотрения наказания. Криминалист полагал, что понятие «преступление» может быть только тогда ясно понято, когда мы узнаем, какая точка зрения господствовала в то время по отношению к наказанию. «История уголовного права какого-либо народа, – утверждал юрист, – должна представить главным образом воззрение законодательства и народного права вообще на преступление и наказание и на взаимное между ними отношение...»[453]. Аналогичного мнения придерживался профессор Петербургского университета И.Я. Фойницкий. Он утверждал, что «в область уголовного права входят право наказания и право его исполнения»[454].

Вся разница во взглядах ученых, как видно, исчерпана спором о первозначимости и приоритетности одного явления над другим. Анализ уголовного права

---

[449] См.: *Нейман И.* Начальные основания уголовного права. – СПб., 1814.

[450] *Будзинский С.* Начала уголовного права. – Варшава, 1870.

[451] См.: *Таганцев Н.С.* Уголовное право (Общая часть). Ч. 1: по изд. 1902 г. – URL: http://www.ru.Allpravo.ru. 2003.

[452] *Наумов И.М.* Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. – СПб., 1813. – С. 7.

[453] *Богдановский А.М.* Указ. соч. – С. 2.

[454] См.: *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – М., 2000.

одни начинают с преступления, а другие с наказания. Затем, в зависимости от выбора и наполнения избранной категории конкретным содержанием, объявляют ее источником для всего права и развивают его теорию, определяя цели, задачи и принципы этого права, значение каждого элемента его терминологического словаря. В итоге рождается традиция, которая основания исследуемого права предлагает искать в предпосылках преступления или наказания. «Преступление, преступник и наказание в их соотношениях друг с другом, – вот сложный предмет изучения науки уголовного права», – констатировал С.В. Познышев[455]. Сохраняя названную двойственность, специалисты российского уголовного права на первый план помещают либо преступное деяние, по отношению к которому наказание является более или менее неизбежным следствием, либо карательную деятельность государства, рассматривающую преступное деяние как ее основание. Для отечественной науки стали исходными слова Н.С. Таганцева об основах уголовного права, где он вел речь о преступном деянии как юридическом отношении, заключающем в себе два отдельных момента: отношение преступника к охраняемому законом юридическому интересу – преступление и отношение государства к преступнику, вызываемое учиненным им преступным деянием, – наказание[456].

В приведенных точках зрения, на первый взгляд, нет ничего предосудительного. Для теории уголовного права как теории в прямом смысле этого слова, которая всегда предполагает объект своего интереса и воплощает собой некоторую программу его исследования, названное положение дел вполне простительно. Примечательно то, что по такому же пути идут философы, социологи и историки уголовного права. Примеров предостаточно. Их перечисление можно начать с древних времен Моисея (XVI–XII вв. до н. э.), известные законодательные установки которого – «око за око, зуб за зуб» – до сих пор популярны у исследователей. Их впору причислить к мировоззренческим предпосылкам тех, кто в своих суждениях об уголовном праве начинает с определения и оправдания наказания. Еще можно упомянуть о мыслителях времен Протагора и Аристотеля, которые

---

[455] *Познышев С.В.* Указ. соч. – С. 1.

[456] См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая. – Тула, 2001. Т. 1. – С. 27.

вели речь о наказании как о средстве исправления злоумышленника, а затем о Цицероне, Фоме Аквинском, Г. Гроции, Г. Лейбнице и других, высказывавшихся о наказании опять же как о юридическом инструменте воздаяния.

Однако, во-первых, в обобщении всего философского опыта нет необходимости. Такая работа уже проделана. Во-вторых, будет справедливым в качестве примера привести те произведения, к моменту издания которых все три категории – «уголовное право», «преступление» и «наказание» – появились в науке о праве, и в этих сочинениях им уделено необходимое внимание. И в-третьих, обратить внимание на взгляды тех мыслителей, которые при описании сути уголовного права обходились без ссылок на преступление и наказание как на деяние и воздаяние.

Примером обоснования названных категорий и попытки построения на них как на «поверхностном слое почвы» всего здания уголовного права является работа французского социолога и философа Д.Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда», в которой мыслитель определил право как особый тип социальной солидарности и классифицировал все юридические правила по характеру связанных с ними санкций. Относящиеся к уголовному праву наказания социолог назвал репрессивными, так как они состоят главным образом в страдании, причиняемом индивиду, или, по крайней мере, в его принижении. «Они имеют цель нанести ущерб его имуществу, или счастью, или жизни, или свободе, лишить чего-то, чем он пользуется»[457].

Вместе с тем, раскрывая тему, ученый отступил от наказания как от первоначального посыла уголовного права. Он перешел к поиску определения преступления, причины которого нашел не во внутренних свойствах поступков, а в отношении этих поступков с некоторым внешним для них условием. Таких условий, в которых проявляется нечто общее для всех видов преступлений, мыслитель выделил несколько. Одно состоит в том, что поступок может признаваться преступным тогда, когда он вызывает повсеместное осуждение всеми членами каждого общества, т. е. со средней интенсивностью оскорбляет сильные чувства

---

[457] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примеч. В.В. Сапова. – М., 1996. – С. 76.

и возмущает определенные состояния коллективного сознания. Второе условие он увидел в том, что любое преступление «повсюду вызывает одно и то же следствие, а именно наказание, которое, хотя и может быть более или менее интенсивным, не меняет от этого своей природы»[458].

Что касается взаимосвязи преступления и наказания, то все черты последнего, по утверждению ученого, проистекают из сущности преступления, поскольку оно является его механическим и реакционным следствием. Через наказание реализуется единодушное отвращение, вызываемое преступлением, и возмещается зло, нанесенное им обществу.

Значительно у́же Д.Э. Дюркгейма к восприятию уголовного права подошел русско-американский социолог и культуролог П.А. Сорокин. Если первый увидел в нем особый тип социальной солидарности, в котором группируется известное и общее для всех членов одного и того же общества число состояний сознания и при помощи которого обеспечивается целостность общественной связи, то второй в работе «Преступление и кара, подвиг и награда» лишь единожды в справочном порядке упомянул об отношении преступления к области уголовного права. После предварительной классификации основных актов поведения на «должные», «рекомендуемые» и «запрещенные» социолог сразу перешел к их детальному разбору, начав с преступных поступков, которые, как он отмечал, «вызывают в нас переживание отвращения и отталкивания к такой форме поведения»[459].

В отличие от взглядов Д.Э. Дюркгейма и П.А. Сорокина философия уголовного права французского мыслителя и профессора Университета Сорбонны А. Франка выстроена на иной расстановке категорий в паре «преступление – наказание». Речь идет о феномене наказания как о начале, на правилах которого, по идее философа, должно основываться уголовное правосудие, призванное исполнять свою печальную миссию. При этом границы философии уголовного права, как выражался ученый, ясно определяются тремя группами вопросов: 1. Из какого начала истекает и на каком основывается право наказания? Берет ли право наказания свое начало в религии, нравственности или просто в обществен-

---

458 *Дюркгейм Э.* Указ. соч. – С. 91, 113.

459 *Сорокин П.А.* Указ. соч. – С. 128.

ном интересе? 2. Какие действия наказуемы или должны быть подведены под уголовный закон? Должен ли он преследовать ложь, неблагодарность точно так же, как убийство и воровство? 3. Какого свойства должны быть наказания? Какие наказания может налагать общество, не превышая своего права и не нарушая соответственности, существующей между преступлением и наказанием?[460]

Задача философской науки, по мнению русского философа и профессора Томского университета С.И. Гессена, состоит в изучении значения и ценности преступления и наказания, вскрытии их правового смысла и установлении их формальных принципов. По его мнению, «дать формальное понятие преступления и наказания – значит показать, в силу чего безразличный по отношению к праву поступок приобретает правовой смысл, или правовую ценность (положительную или отрицательную). В силу каких предпосылок действие становится преступлением, реакция на него – наказанием? Какое значение для права имеют преступление и наказание? Что придает им печать права? Наконец, каковы границы преступления и наказания, как правовых актов, нарушение которых означало бы вместе с тем выход за пределы правовой сферы? Задача философского, формального рассмотрения заключается, таким образом, не в выставлении общего родового понятия, под которое одинаково можно было бы отнести все встречающиеся в истории виды преступления и наказания, а в сведении их к первоисточнику права и в этом смысле – к обоснованию их. Но это все, что может сделать философия наказания»[461].

По убеждению С.И. Гессена, дать «абсолютное (религиозное или нравственное) оправдание праву людей наказывать себе подобных – выходит за пределы задачи и компетенции философии права. Она довольствуется лишь уяснением роли преступления и наказания, как необходимых элементов права, с правом родившихся и с правом же имеющих погибнуть. Задача общей философии права – дать затем обоснование самого права, свести его к первоисточнику явленного абсолюта – истории, или, как говорят ныне, культуры. Но только на основе вскрытого ранее содержания самого права возможно приступить к задаче

---

[460] См.: *Франк А.Д.* Философия уголовного права в популярном изложении // Философия уголовного права: сб. – СПб., 2004. – С. 53–204.

[461] *Гессен С.И.* Философия наказания // Логос. – М., 1912–1913. Кн. 1 и 2. – С. 203.

его обоснования. Только сконцентрировавши в одну общую мощную проблему все вопросы, задаваемые нам многообразными проявлениями права, возможно и имеет смысл решить самое проблему права»[462].

Из общего ряда существенным образом выбивается «Философия права» Г. Гегеля. Можно уверенно сказать, что немецкий мыслитель не задавался вопросами о паритетности категорий «преступление» и «наказание», а тем более о приоритетности одной из них над другой. Считал постановку таких вопросов искусственной. Для философа несомненным являлось то, что наказание имманентно должно наступать всегда, когда нарушается право. Преступление, как одно из таких нарушений, не исключение. Наказание присоединяется к нему как «отрицание отрицания». Об этой же зависимости понятий и явлений он сказал, отметив, что благодаря прогрессу образования воззрения на преступления смягчаются так же, как и взгляды на наказания. В настоящее время, писал Г. Гегель, они далеко не так суровы, как сто лет назад. Другое дело, что от изменения мировоззрения преступления и наказания иными не становятся. Трансформируется лишь отношение между ними.

Что касается уголовного права, то его сферу он обозначил как область подлинного неправа и отнес ее к одной из трех ступеней. Если на первой ступени разрешаются правовые коллизии, когда в рамках гражданского спора отрицается лишь особенное, на второй выстраивается обман, в ходе которого реализуется кажущаяся видимость субъективного права, то на уровне уголовного права подвергается отрицанию не только особенное, но и одновременно всеобщее. Происходит противопоставление праву как абсолютному. Под натиском преступления предмет изменяется до полной своей противоположности[463].

К числу соотечественников, выделявшихся из общего ряда оценки «преступления» и «наказания» как путеводных нитей уголовного права, следует отнести русского философа и правоведа И.А. Ильина. Он принадлежит к тем немногим мыслителям, которые при определении уголовно-правовой сферы обошлись без названных категорий. Ученый считал, что уголовная ответствен-

---

[462] *Гессен С.И.* Указ. соч. – С. 203, 209.

[463] См.: *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. – М., 1990. – С. 145.

ность человека «определяется внутренним состоянием его души и духа, а не внешним деянием...». Его фактическая наличность и уголовная предусмотренность дают лишь основание для начала предварительного следствия. При этом наказание он четким образом отделил от преступного как напрямую не связанного с ним явления. Признание виновности еще не предрешает вопроса о наказуемости вины. Юрист отмечал, что вопрос о «вине» и вопрос о «наказании» ставятся и разрешаются порознь и самостоятельно, ибо наказание возлагается на человека не в момент совершения преступления, а через известный промежуток времени. Будучи принудительным средством воспитания правосознания, наказание назначается при вынесении приговора, так как с момента совершения преступления состояние человека могло радикально измениться. Назначить наказание – «значит признать, что за период времени между преступлением и судом он не сумел самостоятельно познать неправоту своей преступившей воли и преодолеть ее силу в порядке самовоспитания»[464].

Мыслитель, конечно, не отрицал формальной стороны правонарушения, при которой лицо, преступившее запреты, установленные в нормах положительного права под страхом наказания за вину, подлежит уголовной ответственности. И он не проявлял к этой стороне правонарушения большого интереса и не питал надежды найти в ней нечто важное для обозначения сферы уголовного права и ее пределов. Более всего уделял внимание тому, что составляет ядро уголовной науки и практики, под которым он понимал правосознание. И.А. Ильин считал, что «только по состоянию правосознания, т. е. по отношению руководящей им воли к цели права и к праву в целом, можно определять виновность и невиновность человека, т. е. наличность уголовного как такового»[465].

Несмотря на убедительные исключения из традиционного подхода к уголовному праву как к узкой области права, где господствуют два явления, с момента возникновения спора о первоначальности преступления или наказания в теории уголовного права изменилось немногое. Юристы продолжают придерживаться преступления и наказания как исходных начал рассматриваемой отрасли права. В своем большинстве они разделяют позицию о том, что уголовного права не

---

[464] См.: *Ильин И.* Общее учение о праве и государстве. – М., 2006. – С. 269–278.

[465] Там же.

существует вне преступления и наказания. Советские и современные специалисты пошли дальше своих предшественников. Они поддержали и в очередной раз уточнили эту позицию. Н.И. Ветров, Г.В. Дашков, С.В. Дьяков, Б.В. Коробейников и другие авторы полностью разделили обоснованное еще М.Д. Шаргородским мнение о том, что «пока не совершено преступление, нет уголовного правоотношения»[466], а «уголовное право регулирует только те общественные отношения, которые возникают при нарушении охраняемых государством общественных отношений», т. е. при совершении преступлений. Только эти негативные отношения претерпевают воздействие уголовно-правовых норм и в результате регулятивного процесса приобретают юридическую форму охранительных уголовных правоотношений[467].

При описании природы уголовного права А.Э. Жалинский не абсолютизировал значение понятий «преступление» и «наказание». Он исходил из нормативных и формальных, социальных и юридических характеристик отмеченной отрасли права, ее исторической обусловленности и перспективы развития, сущностных черт и пограничных критериев. Но, несмотря на качественно иной подход к восприятию уголовного права, А.Э. Жалинский утверждал, что «нет уголовного права вне преступления и наказания»[468].

Не иначе складывается ситуация на философском поприще. Известны работы Э.А. Позднякова «Философия преступления», Е.Б. Кургузкиной «Понимание преступного», А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности», И.М.-о. Рагимова «Философия преступления и наказания»[469] и др. Названия красноречиво говорят сами за себя. На статус исключения из общего подхода претендует позиция Ю.В. Голика, изложенная им в сборнике «Философия уголовного права», в которой автор одним из немногих среди современников обратил вни-

---

[466] Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. – Л., 1968. – С. 10.

[467] См.: Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / Под ред. Н.Г. Кадникова. – М., 2006.

[468] См.: *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – М., 2008.

[469] См.: *Поздняков Э.А.* Философия преступления. – М., 2001; *Кургузкина Е.Б.* Понимание преступного // Философские науки. – 2008. – № 5. – С. 77–92; *Александров А.И.* Философия зла и философия преступности. – СПб., 2013; *Рагимов И.М.-о.* Философия преступления и наказания. – СПб., 2013.

мание на существующий в познании уголовно-правовой материи перекос. Он привел к тому, что с точки зрения философии в теории рассматривались прежде всего вопросы наказания и ответственности в ущерб всем другим темам. В отличие от своих коллег правовед считает, что философия уголовного права должна помочь найти ответ на вопрос о сущности уголовного права, и задает, как представляется, абсолютно правильный вопрос: что такое уголовное право? Однако в последующих рассуждениях Ю.В. Голик солидаризировался с общим подходом, который с момента зарождения уголовного права как научной дисциплины все его проблемы концентрировал вокруг преступления и наказания, а позже к ним добавил преступника. Сущность уголовного права, по его мнению, вытекает из его основного вопроса – привлекать или не привлекать участника преступления к уголовной ответственности. Весь потенциал поставленного вопроса он свел к тому, «что есть преступление с точки зрения природы человека и как его – человека – надо наказывать в случае совершения преступления»[470].

Важно отметить, что такой же традиции придерживаются не только представители отечественной, но и в целом романо-германской (континентальной) правовой семьи. Во многом по этому же пути идут специалисты англосаксонской системы права. В «Оксфордском справочнике по юриспруденции и философии права»[471], например, основные вопросы философии уголовного права полностью ассоциированы с правом наказания, с теорией и историей его становления. Предельные основания отмеченного права сведены к трем концепциям наказания, в которых оно рассмотрено с позиции ретрибутивизма, консеквенциализма и опасности. В справочнике уделяется внимание причинам наказания, обсуждены вопросы уголовной ответственности за бездействие и обоснована необходимость построения общей нормативной теории уголовного права[472].

В «Стэнфордской энциклопедии по философии» автор главы об уголовном праве – профессор Университета Миннесоты Э. Дафф – утверждал, что во взгля-

---

[470] См.: Философия уголовного права / Сост., ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика. – СПб., 2004. – С. 9–11.

[471] The Oxford Handbook of Philosophy of Criminal Law / J. Deigh and D. Dolinko (eds.). – Oxford, 2011.

[472] См.: The Philosophy of Criminal Law // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / ed. by J.L. Coleman, K.E. Himma and S.J. Shapiro. – 2004. Jan.

де на уголовное право можно оттолкнуться от разных теорий (юридического позитивизма, естественного права, экономического анализа права и иных критических правовых исследований), каждая из которых претендует на понимание и объяснение уголовного права во всей его целостности. При этом философские теории уголовного права, будь то аналитические или нормативные, не могут существовать изолированно от других областей философии. Они должны выстраиваться с учетом положений политической и моральной философии, философии действия и сознания.

В итоге за исходный тезис взято положение о том, что «уголовное право имеет дело с преступлением как с определенным видом поведения, который квалифицируется законом как неправильный. Преступление является выражением и сосредоточением той особенности, которая отличает уголовное право от иных отраслей права»[473]. Автор уточняет понятие «преступление», ассоциируя его с обидой, грехом, в том числе с аморальным, противоправным, опасным, вредным, порочным и жестоким поведением, отграничивая от неправовых явлений, главным образом от гражданских правонарушений.

Весьма показательными для рассматриваемой тематики являются результаты исследований профессора Фордхэмского университета Ли Юнгжаи. На основе ознакомления с «Оксфордским справочником по философии уголовного права», в который его редакторы – профессора права и философии американских университетов Дж. Деиж и Д. Далинко – включили 17 статей ведущих специалистов в анализируемой области, она попыталась оценить состояние текущих исследований по основным темам уголовного права и ответить на вопрос «Что такое философия уголовного права?». После обобщения суждений видных специалистов в своей статье она подразделила мир философии уголовного права на две ключевые группы: публично и индивидуалистически ориентированные теории. Такое деление, по признанию автора, несколько искусственно и условно. Оба подхода могут сосуществовать и часто пересекаться в пределах одной научной работы. Вместе с тем они наиболее точно выявляют отличия концепций и существенно

---

[473] См.: *Duff A.* Theories of Criminal Law // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2013 Ed.) / E.N. Zalta (ed.). – URL: https://plato.stanford.edu/archives/sum2013/ entries/criminal-law/.

помогают в осмыслении изучаемой области[474]. Каждый из подходов выстроен главным образом вокруг феномена наказания. Публично ориентированные теории, пишет Ли Юнгжаи, наиболее очевидны и просты в своем построении. В основном сосредоточены на пределах государственной власти, устанавливающей уголовную ответственность и определяющей наказание. На них основана большая часть научных работ, в которых уголовное право рассматривается в качестве функции государства, а правонарушитель – объекта наказания.

Индивидуалистические теории фокусируются на вопросах невиновности и виновности, справедливости и соразмерности назначаемого ответственному лицу наказания. При рассмотрении уголовного права они преимущественно исходят из его предназначения. Считают, говоря словами профессора Иллинойского университета М. Мура, что «единственной функцией уголовного права является наказание тех, кто заслуживает того, чтобы страдать из-за своего виновного правонарушения»[475]. С помощью права, таким образом, достигается, во-первых, снижение исходящего от личности вреда через систему запретов и наказания. Во-вторых, как отмечает профессор Оксфордского университета Дж. Гарднер, удовлетворяется чувство обиды потерпевшего и обеспечивается защита общества от вражды, мести и самосуда[476].

Наука, конечно, не стоит на месте. За последние 20 лет, как отмечает профессор Университета Виллановы М. Демпси, философия уголовного права значительно расширилась, вырос объем литературы, которая сегодня выходит далеко за пределы традиционных философских проблем, касающихся наказания. В развитии же не произошло ничего существенного или принципиально нового. Маятник качнулся, судя по наблюдениям правоведа, в сторону феномена преступления. Значительная часть появляющейся литературы сосредоточена на так называемой Общей части уголовного права и касается вопросов, которые в большей или меньшей степени применимы ко всем преступлениям. Не менее

---

474 См.: *Lee Youngjae*. What is Philosophy of Criminal Law? (December 15, 2012) // Criminal Law and Philosophy, 2013, Forthcoming; Fordham Law Legal Studies Research Paper No. 2189821. – URL: https://ssrn.com/abstract=2189821.

475 См.: *Moore M.S.* Placing Blame: A Theory of the Criminal Law. – Oxford, 2010.

476 См.: *Gardner J.* Offences and Defences: Selected Essays in the Philosophy of Criminal Law. – Oxford, 2009.

важное значение в работах придается конкретным правонарушениям, таким как шантаж, изнасилование, принуждение к проституции, преступления на почве ненависти[477].

Образцом для англо-американских исследователей служит немецкая теория уголовного права, пользующаяся, по их оценкам, заслуженным авторитетом в мире юридической науки и практики, к ней обращаются во многих и самых разных странах[478]. Систему уголовного права, как отмечает канадский правовед М.Д. Даббер, также образуют две основополагающие теории: теория преступления, которая постулирует единственную функцию уголовного права по защите «правовых благ» (Rechtsgьter), и теория наказания, оправдывающая уголовное наказание во имя защиты законных интересов через «общее предупреждение» (Generalprдvention)[479].

Таким образом, общераспространенной является позиция о том, что уголовное право защищает от запрещенных действий, посягающих на наиболее важные интересы общества, и уполномочивает правительство накладывать на виновных самые серьезные санкции. Так считают и исследователи из Пенсильванского университета П.Х. Робинсон и Д.А. Гралл[480]. Можно сказать, что в суть словосочетания «уголовное право» не углубляются. Большинство представлений о нем ограничивается отмеченными значениями. Далее описываются отдельные институты этого права. Объем исследований, им посвященный, настолько внушителен, что вышеприведенные знания об уголовном праве меркнут на их фоне. Само словосочетание превращается либо в предисловие к характеристикам тех самых институтов, либо в хрестоматийные названия к законодательным актам,

---

[477] См.: Notre Dame Philosophical Reviews. – URL: http://ndpr.nd.edu/news/32097-he-oxford-handbook-of-philosophy-of-criminal-law/

[478] Влияние немецкой теории уголовного права, по оценкам американских правоведов, простирается от европейских стран, таких как Испания, Португалия, Хорватия, Греция, Турция, Австрия, Швейцария, Финляндия и Швеция, до Израиля и стран Латинской Америки, а также азиатских стран, таких как Тайвань, Южная Корея и Япония. – *Примеч. автора*.

[479] См.: *Dubber M.D.* Theories of Crime and Punishment in German Criminal Law // Buffalo Legal Studies Research Paper No. 2005-02. – URL: https://ssrn.com/abstract=829226; http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.829226.

[480] См.: *Robinson P.H., Grall J.A.* Element Analysis in Defining Criminal Liability: The Model Penal Code and Beyond // Stanford Law Review. – 1983. – Vol. 35. – P. 681–762. – URL: https://ssrn.com/abstract=662025.

учебным курсам, научным исследованиям и т. д. В ряде тематических сборников об уголовном праве как таковом вообще ничего не упоминается. Ведут речь о науке, политике, социологии уголовного права, а на самом деле рассматривают все те же преступление и наказание в их разных проявлениях.

То есть не рассматривают уголовное право, например, как правомочие на необходимую оборону, которое в составе этого права вполне закономерно может претендовать на высокий статус выразителя его квинтэссенции. Несмотря на то что право на необходимую оборону наиболее важно и самым первым должно быть гарантировано человеку, почти всегда остающемуся наедине с преступником, оно менее всего представлено в законе, разработано на практике и доступно субъектам уголовного права. До сих пор, например, не выработаны правила необходимой обороны прав собственника или свободы человека. Либо уголовное право не рассматривается с позиции своих субъектов – личности, общества и государства, их взаимоотношений в уголовно-правовой сфере, баланса интересов и тех ценностей, которые объединяют этих субъектов в данной области. В большинстве случаев тема субъектов отождествляется с проблематикой субъектов либо преступления, либо наказания, низводится до ее невысокого и отработанного уровня.

Речь идет не о жизни как о ценности, защищаемой уголовным правом, а об объекте преступления. Не о субъектах права, а, привычно, о субъектах преступления. За основу собственности, например, взяты представления не членов общества, а субъектов имущественных преступлений, разница между которыми в том, что первые это право создают, а на вторых оно распространяется. Они ему подчиняются, им руководствуются. Сущность этих субъектов принципиально отлична. Для первых собственность всегда объект творчества, для вторых – объект посягательства.

Сформировалась, таким образом, не потребность в объяснении необходимости категории «уголовное право». Значение и название этой отрасли нивелировано до рамочного термина, который сегодня группирует в себе более емкие понятия «преступление» и «наказание». Порой даже складывается небезосновательное ощущение, что уголовного права как чего-то самостоятельного и содержательного не существует либо оно пока не возникло. Сложилась традиция характеризовать это право как нечто производное и вытекающее из более основ-

ных и важных отраслей права, придавать уголовно-правовой силе субсидиарный и вспомогательный характер.

В результате вся научно-теоретическая и практическая мысль, относящаяся к уголовному праву, оказалась между преступлением и наказанием как смыслообразующими категориями. В зависимости от их значения уголовному праву дается соответствующая смысловая интерпретация, определяется его функциональное предназначение и место в системе общественных отношений. За счет гипертрофированного преувеличения роли заявленных дефиниций «учение о преступлении, его структуре и способах описания заняло и занимает, – как свидетельствуют сами ученые, – одно из центральных мест в системе науки и учебной дисциплины уголовного права»[481]. Не имея альтернатив, это учение стало основанием для взгляда на исследуемую отрасль права как на атрибут политической и экономической власти, форму выражения государственной воли, «хирургический скальпель» в ее руках[482]. Кроме того, в уголовном праве видят все то, что имеет отношение к учениям о преступлении или наказании. Его функциональное назначение сведено до обеспечения взаимосвязи между деянием и воздаянием.

Значение отмеченных категорий, их содержание и смысловой потенциал специалистами абсолютизированы. Они считают, что феномены преступления и наказания составляют фундамент, на котором зиждется все здание уголовного права. С их помощью юристы подходят к уголовному праву и через их призму, как правило, его рассматривают. Этим объясняется высокая актуальность посвященных «преступлению» и «наказанию» тем. Через их исследование каждый стремится засвидетельствовать факт соприкосновения с базовыми основаниями уголовного права.

Хотя на самом деле для абсолютизации достаточных оснований не имеется.

Во-первых, если обратить внимание на положения уголовного закона, к какой бы исторической эпохе он ни относился, то самим по себе способам со-

---

[481] *Жалинский А.Э.* Современные проблемы развития учения о составе преступления // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения к 85-летию со дня рождения В.Н. Кудрявцева. – М., 2009. – С. 124.

[482] См.: Уголовное право: учебник: в 3 т. Т. 1: Общая часть / Под общ. ред. А.Э. Жалинского. – М., 2011. – С. 86.

вершения преступлений не придается большого и тем более исключительного значения. Например, закону безразлично, каким образом жертва будет лишена жизни. Речь в кодексе идет о лишении жизни в самом абстрактном смысле этого слова – настолько отвлеченном, что для него не имеет существенного значения, будет ли потерпевший зарезан, заколот, задушен, отравлен или умышленно отключен от искусственного аппарата дыхания. Закон отмечает лишь откровенно кощунственные акты посягательства. Но и в этом случае подобные акты не упомянуты в законе. В нем в самом общем виде отражена лишь особая жестокость деяния.

Во-вторых, работы криминалистов показывают, что большинство исследований определяют содержание категорий «преступление» и «наказание» с помощью принятой на вооружение концепции права, а не через вскрытие и анализ их онтологической сути. Они редко занимаются познанием самого по себе преступления. Чаще привносят в его значение инородные компоненты (девиантное, ненормальное поведение и т. д.) и через них стараются обозначить существо. Так, при определении преступлений против собственности специалисты традиционно исходят из экономической и цивилистической точек зрения на собственность. Экономический дискурс обеспечивает представление о ней как о производственных отношениях, участники которых присваивают и распределяют средства и продукты труда. Цивилистика понимает собственность как триаду прав владения, пользования и распоряжения имуществом. На основе отмеченных подходов относительно долго теоретики уголовного права вкладывали в понятие «собственность» каждый из этих аспектов. Однако «в процессе поиска оптимального соотношения экономической и цивилистической составляющих попытки абсолютизации одного из них, равно как и идеи об их диалектическом соединении, привели к тому состоянию теории уголовного права, при котором институт собственности в этом праве не имеет устойчивого положения, четкого и достаточно полного выражения»[483].

В-третьих, при наличествующих в теории стереотипах сложно, но все же можно допустить, что основаниями уголовного права нельзя признать ни

---

[483] См.: *Бочкарев С.А.* Собственность в уголовном праве: монография / Под ред. А.Э. Жалинского. – М.: Nota Bene, 2011. – С. 43.

преступление, ни наказание, равноценно заменить его этими категориями или свести к отмеченным понятиям. Уголовное право – это прежде всего его субъекты – человек, общество и государство, а также те ценности, которые их объединяют в этом праве и образуют тем самым само право. Каждого из них уголовное право защищает и не только в межличностном плане, т. е. потерпевшего от убийцы или вора, но и в наиболее полном – межсубъектном плане – личность от государства, а государство от личности, в свою очередь, целостность общество охраняет от деструктивного господства над ним одного из них.

В *межличностных отношениях* уголовное право не ограничивается защитой, например, права личности на собственность. Оно также охраняет собственность общества и государства, так же как уголовное право охраняет право на жизнь не только личности (ст. 105 УК РФ), но и общества (ст. 205 УК РФ), и государства (ст. 277–281 УК РФ). Это право на собственность, так же как и право на жизнь, защищается уголовным правом от тех форм посягательств, которые отвечают специфике конкретного субъекта права. Защищая личность от убийства, общество от терроризма, а государство от захвата власти над ним, уголовное право призвано в отношениях собственности защищать личность от запрета на труд и его неоплаты (ст. 145, 145^1 УК РФ), общество – от массового передела собственности (гл. 21 УК РФ), государство – от неуплаты ему налогов и иных сборов (ст. 198, 199 УК РФ). Речь идет об уголовном праве, в котором как жизнь, так и собственность для всех его субъектов имеют свое и одинаковое значение.

В *межсубъектных отношениях* уголовное право призвано обеспечивать баланс интересов между личностью, обществом и государством в отношениях собственности и закономерно дифференцировать их взаимную уголовную ответственность, ограничивая как абсолютное право личности на свою собственность (ст. 198, 199 УК РФ), так и право государства на имущество личности (ст. 285, 285^1, 286 УК РФ), что особенно актуально для действующего УК РФ, в котором принцип согласованности санкций во многом не соблюдается. Санкции за преступления против собственности не согласованы ни с санкциями за преступления против жизни и здоровья, ни с санкциями за преступления в сфере экономической деятельности, ни даже внутри одной главы уголовного закона.

Дополнительная характеристика охраняемых прав и возможность взгляда на них с позиции субъектов права и их базовых ценностей дает не умозрительные, а закономерные основания (на основе общности предметов посягательств, отмеченных субъектов и единства общественных отношений) выявлять и устранять несоразмерность уголовно-правовой охраны различных категорий граждан (ст. 157, 165 УК РФ), непропорциональность пределов санкций (ч. 2 ст. 145^1, ч. 3 ст. 285 УК РФ), а в целом уравновешивать объем уголовно-правовой защиты личности, общества и государства в их взаимоотношениях.

В-четвертых, сферу уголовного права образует экзистенциональная область крайностей человеческого бытия. В ней заключается и ею объясняется простота и одновременно сложность всей уголовно-правовой организации. Такая специфика уголовного права не имеет стремления отобрать себе «территории» смежных отраслей права. Как бы они ни делили между собой правовое пространство, место уголовного права всегда с краю, и в этом состоит его простота. Речь, конечно, не идет о второстепенности или «второсортности» уголовного права. Имеется в виду исключительный характер экстраординарных способов воздействия адресатов указанного права друг на друга, а также самой отрасли на своих адресатов и, как следствие, ограниченный круг случаев применения к ним соответствующих инструментов наказания.

Сложность уголовного права обусловлена его оперированием человеческими антиценностями, балансированием между правом и неправом. В этом случае уголовное право выступает и результатом познания человечеством закономерностей своего бытия в условиях «пограничных ситуаций», и способом его организации в этих условиях. Оно служит воплощением и само по себе является системой ценностей и антиценностей, предлагающей человеку рассматривать сферу общественных отношений с позиции предельных либо запредельных форм их развития. Имея дело с кризисными ситуациями, критическими обстоятельствами, с моментами глубочайшего потрясения человека, общества и государства, уголовное право с их помощью раскрывает смысл человеческого бытия через его конечность, временность и естественность.

С позиции отмеченных категорий назначение уголовного права раскрывается через борьбу с преждевременностью, неестественностью и безмерностью. То есть через противопоставление таким трансформациям охраняемых благ, за которыми теряется их сущность и предназначение, наступает разрыв в естественном порядке человеческой природы. Каждое в отдельности либо все в совокупности – преждевременность, неестественность и безмерность – служат уголовному праву качествами или маркерами, характеризующими поведение виновного и последствия совершенных им деяний. Выполняя заданную функцию, они же предопределяют основания, сферу и пределы действия уголовного права. Например, в случае охраны жизни уголовное право защищает личность от наступления неестественной и преждевременной смерти.

* * *

В завершение можно отметить, что на вопрос о состоянии права, в т. ч. уголовного, каждый исследователь отвечает в меру собственного и произвольного к нему отношения. Зачастую ответ напрямую зависит от избранных специалистом по своему усмотрению или даже мироощущению точек обзора, средств измерения и выбранной для оценки системы координат. Эксплуатируемые концепты правопонимания не всегда направлены на преодоление раскола между субъектами уголовно-правового мониторинга в оценках состояния правопорядка и получения целостного о нем представления. В исследованиях не обнаружено главное – не идентифицирован общий знаменатель, задающий единый алгоритм определения и отражения состояния почти всех или самых основных составляющих уголовного права.

Не все специалисты согласятся с «состоянием права» как с претендентом на место искомого знаменателя. Предложат оценивать, например, систему права и ее состояния, так как она более привычна, вообразима и ощутима для восприятия. Систему образуют «дробные части» (структура, элементы, субстанция, связь), которые можно выделить, обозреть и подвергнуть предметному анализу. Институты или нормы законодательства как элементы системы имеют выход в область опыта, где состояние может быть прослежено и измерено средствами правового мониторинга.

Данное предложение на первый взгляд может показаться целесообразным. Предпосылки для этого дает определение самого «состояния». По своему смыслу оно небеспочвенно ассоциируется с явлением системного порядка. Как методологическое средство «состояние» имеет собственную структуру и задает имеющую сходство с понятием системы цель по познанию объекта, явления или процесса через исследование совокупности его основных параметров и характеристик в определенный момент времени[484].

Однако право не ограничивается пределами своей системы, а системность не исчерпывает всех состояний права. Она является только одним из потенциальных состояний права. В основном указывает на внутреннюю согласованность, упорядоченность и дифференцированность его элементов. Системность не отвечает за согласованность системы права с состояниями внешнего мира. Она не учитывает вопросы о соотносимости состояния системы с состоянием времени или пространства, с социально-экономическим либо политическим самочувствием субъектов права. С учетом сказанного вероятна ситуация, когда система права может иметь гармоничные внутренние связи и оптимальные внешние формы, а состояние права в целом будет оцениваться его субъектами как неудовлетворительное.

Фиксации и тем более синхронизации различных видов состояний препятствует отсутствие в теории четкого понимания того, что в действительности состояние имеет отношение и к системе права, и к самому по себе праву. При этом состояние системы права является включаемым, а состояние права – включающим понятием. По своему масштабу и объему «состояние права» шире и вместительней состояния «системы права», так как предназначено для характеристики и отражения в том числе несистемных явлений правовой реальности, которые из-за своей второстепенности слабо воспринимаются и редко учитываются системой, но в кризисных условиях играют важную роль в становлении права, оказывают ощутимое влияние на выбор пути его дальнейшего развития.

Состояние «системы права» не тождественно «состоянию права». У них разные приемы работы с правовой действительностью. Если первое для оценки объекта требует его технологичного и строго логичного разделения на устойчи-

---

[484] См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / Под ред. В.С. Степина. – М., 2000–2001. – С. 600.

вые элементы, а затем их механического сложения в формат системы права, то второе не просит иметь представление о праве как об арифметически слагаемом явлении и технически сооружаемом устройстве. Оно реализует динамичную, ситуационную и социально ориентированную программу по собиранию целостного облика права исходя из его разных (рациональной и иррациональной) сторон, не только умозрительного, но и наличного вида.

Отсутствие в распоряжении науки общего знаменателя обусловлено тем, если говорить в самых общих чертах, что структура современного уголовно-правового знания не отличается целостностью, а в науке этой отрасли права отсутствует понимание того, какой социальной целостности должно служить уголовное право и какую целостность его субъектам и институтам необходимо правообразовывать и нормовоспроизводить, при какой целостности в итоге уголовное право может выполнять свое бытийное предназначение.

При этом противопоставление отраслевого знания и философского опыта позволяет вскрыть не только несовершенство состава и качества уголовного правоведения, ограниченность его источников. Оно также дает возможность в качестве ответа на обнаруженный дефицит понимания и видения выработать универсальную модель знания, по образу и подобию которой уголовно-правовое знание должно формироваться для обеспечения своей целостности и самодостаточности. Речь идет о структуре знания, которая включает в себя и совмещает в себе ряд само и взаимно генерирующихся составляющих: *онтологическую, аксиологическую, экзистенциональную и гносеологическую*.

Первая аккумулирует знания об обстоятельствах, при которых уголовное право остается правом, т.е. отвечает собственному назначению как средству защиты жизненно неотъемлемых и необходимых благ от насилия. *Вторая* сосредоточивает знания об условиях, при которых уголовное право служит мерой справедливости для человека и человечества. *Третья* локализует знания о специфичности уголовного права и его неповторимости как среди других отраслей права, так и иных социальных регуляторов. *Четвертая* фокусирует знания о средствах и способах познания криминального мира, истинности, достоверности и полноты получаемых о нем сведений. Таким образом, знание сможет отвечать крите-

риям фундаментальности, достоверности и актуальности при условии, если любое представление о криминальном мире, претендующее на включение в состав уголовно-правового знания, будет проверяться на предмет соответствия и принадлежности к каждой из указанных составляющих. А именно проходить через них как сложный и разноуровневый механизм верификации.

Дополнительно необходимо отметить, что из заявленных элементов конструируется не только каркас знания, по канонам которого формируются коллективное и индивидуальное мировоззрение, предпосылочные условия общежития и сожительства в нем. Также создается состоящий из этих компонентов знания оптический фокус для полноценного и обратного восприятия его носителями социальной действительности как динамически развивающейся реальности. Так воспроизводится механизм, которым не только создается и транслируется в жизнь гипотетическая проекция мироустройства, но и в возвратном режиме получаются сведения о реализации на практике этой проекции со всеми возникающими на пути издержками и искажениями. Обозначенные составляющие образуют собой универсальный и взаимосвязанный набор критериев для целостной оценки состояния уголовного права как области знания и образования, отрасли нормотворчества и законодательства, сферы правоприменения и исполнения. С помощью этих критериев на:

– *онтологическом уровне* измеряется – остается ли уголовное право правом, т. е. отвечает ли назначению как средству защиты жизненно необходимых благ от насилия, а не превращается в инструмент расправы;

– *аксиологическом уровне* оценивается – служит ли уголовное право мерой для человека и человечества, а не «меркой» для обеспечения интересов наиболее влиятельных субъектов этого права;

– *экзистенциальном уровне* определяется – сохраняет ли уголовное право свою специфичность, а не трансформируется в придаток иных отраслей права;

– *гносеологическом уровне* исследуется – сохраняет ли уголовное право смысл и обеспечивает понимание субъектов знания и правоприменения, корреляционную связь между теоретической составляющей и практической.

Глава 4
Философские предпосылки становления уголовно-правовой мысли и ее преобразования в знание

Философия права в целом и философия уголовного права в частности как сферы межотраслевого знания имеют давнюю историю. Источники дают сведения о том, что задолго до своего институционального формирования и обособления отдельные явления и институты права, в том числе уголовного порядка, привлекали серьезное внимание мыслителей всех времен и народов. Их заинтересованность правом не была случайной: без составляющих сущность права элементов конструируемые философами универсалии или концепты бытия не приобретали в их глазах целостного или завершенного вида.

Сохраняющаяся и переходящая из века в век актуальность их трудов для правоведов позволяет утверждать, что именно эти концепции некогда стали предпосылками для формирования юридического мировоззрения, а с течением времени приобрели «вес» и стали основой его универсального базиса, обеспечивающего и устойчивость, и динамическое развитие правопонимания. Значение для юриспруденции – «Государства» и «Законов» Платона, «Этики» и «Политики» Аристотеля, «О государстве» и «О законах» Цицерона, «Суммы теологии» и «О правлении государей» Фомы Аквинского, «О праве войны и мира» Гуго Гроция, «Трактата о всеобщей справедливости» Ф. Бэкона, «Левиафана...» и «Философских оснований учения о гражданине» Т. Гоббса, «Трактатов о правлении» Дж. Локка, «О духе законов» Ш. Монтескье, «Общественного договора...» Ж.-Ж. Руссо, «Метафизики нравов» И. Канта, «Философии права» Г. Гегеля, «Основ естественного права» и «Системы учения о нравственности» И. Фихте и др. – можно только недооценить. Одни названия говорят о несравнимом масштабе и мощной интеллектуальной силе этих произведений, их полезности для правовой мысли.

Здесь очень важно понять, что каждый мыслитель существенно опережал свое время. Их идеи служили своего рода взглядом из будущего или проекцией в будущее, которым они привлекали и в которое вовлекали настоящее и даже

прошлое человечества. Например, когда большинство народностей находилось в плену мифических преданий, а примером для подражания были мифологические герои, софисты уже заявляли о том, что мерой всех вещей является конкретный человек. Когда население Земли почти полностью было во власти культовых обрядов, Протагор призывал почитать не идолов, а закон и порядок, утверждал невозможность существования без них человеческого общества. Когда за убийство нездорового члена социума древние люди благодарили Зевса, снисходительного и благосклонного к ним, тот же Протагор предлагал отказаться от возмездия как идеи наказания. Когда месть и расправа воспринимались как естественное средство восстановления всеобщей гармонии и очищения земли от последствий дурного поступка, мыслитель оправдывал только то наказание, которое делало виновного лучше.

Чаще воззрения философов так и оставались невостребованными проекциями возможного будущего. Конечно, по разным причинам далеко не всегда философам удавалось увлечь своими взглядами общество, добиться отказа от несовершенных мировоззренческих стереотипов или понудить к их трансформации. Проблема была, как правило, либо в абсолютистских или утопических основаниях того или иного учения, либо в неподготовленности общественного сознания к его освоению. Вместе с тем концепты мыслителей, даже самые невероятные из них, служили и служат ориентиром для модераторов правовой мысли. Выступают для них либо идеалом, к которому надлежит стремиться, либо его антиподом, которого нужно сторониться.

Право, войдя благодаря интеллектуальным усилиям философов в состав научной картины мира и заняв в ней свое специфическое место, выполнило для мыслителей не только так называемую служебную роль. За взаимодействием философии и права последовала их взаимотрансформация. По свидетельству историков мысли, появление права в философской орбите начало модифицировать саму философию. Через обретение идеи права, как подтверждают исследования немецкого историка-эллиниста В. Ягера[485], а также его соотечественника – культуролога Э. Кассирера, обновлялась философия. Сравнив взгляды Гомера и

[485] См.: *Jaeger W.* Paideia. – Berlin and Leipzig: de Gruyter, 1934. Bd. 1. – P. 193.

Гесиода, специалисты обнаружили, что произведения последнего из-за более интенсивного обращения к праву (проклятия несправедливости и благословления права) изменили свой облик: с помощью права они преодолевали абстрагированность и обезличенность. «Идея права вдохнула в эпос новую жизнь, она дала ему такой личностный характер, который еще отсутствовал у Гомера»[486].

Правоведы, безусловно, также внесли свой вклад в институциализацию права, в процессы его формализации, догматизации, специализации, классификации и кодификации. Между тем, по признанию авторитетных юристов, их взглядам на право почти всегда предшествовала основательная философская подготовка. На подступах к познанию права они уже находились под влиянием идеализма или материализма, эмпиризма или рационализма, реализма или агностицизма, монизма или дуализма и т. д., т. е. ученые были погружены в то или иное концептуальное течение, имели мировоззренческие предпочтения и обладали инструментарием (категориями, идеями и методами) философского порядка. В качестве примера можно привести работу итальянского мыслителя Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». В этой монографии автор под влиянием идей Монтескье и французских энциклопедистов сумел выразить гуманистические взгляды эпохи Просвещения в той их части, которая касается системы уголовного права и правосудия, одновременно подвергнув критике инквизиционное право с его феодальными атрибутами. Книга Беккариа, как ее оценивают юристы, явилась гласом общественной совести, заложила фундамент правосознания Нового времени и до сих пор остается его неотъемлемой частью[487].

Можно с уверенностью сказать, что поскольку философия испокон веков представляла собой, как отмечал В.С. Степин, «самосознание всей культуры, являлась ее рефлексирующей силой и генератором новых смыслов»[488], то без внимания философов к правовому миропониманию в человеке и социуме, его соизмерения на онтологическом уровне с иными сферами общежития не могло бы состояться последующего выделения права из области других регуляторов бытия

---

[486] *Cassirer E.* Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung. – Göteborg, 1941. – P. 13.

[487] См.: *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Пер. Ю.М. Юмашева. – М., 2000. – С. 6.

[488] См.: *Степин В.С.* Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 8.

и обретения им собственной компетенции. Как минимум процесс объективации права без философского опыта затянулся бы на долгие столетия, и, вероятно, только сегодня мы бы подошли к пониманию того, что Беккариа в свое время имел в виду под «жестоким варварством», как он охарактеризовал Средневековье.

Однако если «философии права» как наиболее общей мере взаимопроникновения философии и права уделяется относительно устойчивое внимание исследователей, то далеко не так благополучно в российской науке обстоят дела с философией уголовного права. Особенно наглядно это просматривается на фоне европейской мысли: она всегда рассматривала уголовно-правовой мир в качестве объекта познания. В силу преемственности и постоянного интереса к криминальной материи континентальный подход к праву можно считать эталоном и использовать его в этом качестве при оценке усилий других юридических систем, анализирующих уголовную реальность.

4.1. Уголовно-правовая идея в философии Античности и Средневековья

Летоисчисление рассматриваемого периода в истории философии исследователи европейского уголовного права ведут со времен Античности. Согласно периодизации, предложенной немецким юристом, профессором Гёттингенского университета – Карлом Л. фон Баром, – философия уголовного права складывается из политико-правовых учений сменяющих друг друга эпох. В работе «История континентального уголовного права» он приурочил ее основные этапы ко времени появления на свет воззрений мыслителей Древней Греции и Рима, представителей Средневековья, а также уголовных теорий времен Г. Гроция – Ж.-Ж. Руссо, Ч. Беккариа – П. Фейербаха, И. Бентама – И. Гербарта, Г. Гегеля – К. Биндинга[489].

Античный период представлен воззрениями софистов, Сократа, Платона, Аристотеля, стоиков, эпикурейцев и представителей римской философии, занимавшихся в основном осмыслением происхождения наказания и поиском оснований для его применения от имени власти. Вместе с тем наиболее полезными для уголовного права признаны идеи Аристотеля. Его теория уголовного права определена историками уникальной и обособлена от других учений этого време-

---

[489] См.: *Bar von C.L.* A History of Continental Criminal Law. – Boston, 1916. – P. XXV.

ни, когда естественным обладателем права на наказание считали государство и занимались морально-этическим оправданием такого положения дел.

Аристотель же рассмотрел уголовное право не только с позиции государства, применяющего наказание. Он посмотрел на него с точки зрения преступника, который должен понести наказание, обратил внимание на личность и существование у нее самостоятельных прав, допустил возможность их противопоставления интересам государства. Он утверждал, что наказание должно основываться на распределительной справедливости («равное – равным, неравное – неравным», «каждому свое»), а не на уравнительной («равным за равное»). Что касается назначения наказания, то по мере становления взгляды Аристотеля модифицировались. На первоначальном этапе он, как и Платон, полагал, что наказание означает исцеление преступника, поддерживал мысль о мести как наилучшем методе наказания. Но уже в «Никомаховой этике» взгляды философа скорректировались. Основной целью наказания он считал сдерживание. Наказание, по его мнению, должно противодействовать распространенному желанию масс получать прибыль и удовольствия за счет несчастья и горя других.

Стоики в своем отношении к уголовному праву и его принципам исходили из того, что между добром и злом нет золотой середины. Так как они диаметрально противоположны, то тот, кто сделал зло, автоматически отождествлялся с самим злом, а проявить жалость при назначении наказания – означало проявить слабость. Законодатель, по их мнению, не нарушил принцип справедливости, даже если применил к виновникам произвольное наказание. Эпикурейцы, как и стоики, не видели в преступлении безусловного и единственного основания для наказания. В нем они усматривали инструмент в руках законодателя для наведения порядка, сдерживания либо воспитания личности для того, чтобы заставить ее служить целям законодателя.

Римская философия, как отмечал К.Л. фон Бар, в древние времена еще не сформировала систему собственных представлений об уголовном праве, поэтому она выстраивала свои взгляды на это право во многом на основе стоицизма. Мыслители Рима лишь смягчали жесткие доводы стоиков, широко используя гуманистические идеи, проложившие впоследствии путь к христианству. Возмож-

но, такой вывод историками европейского уголовного права сделан потому, что Цицероном и Сенекой, как наиболее видными представителями римской философии, немного было сказано о наказании.

Соответствует действительности и то, что в своих воззрениях они нередко опирались на стоиков или эпикурейцев. Известны слова Сенеки (4 г. до н. э. – 65 г. н. э.), в которых он соглашался с Эпикуром, что наказание является делом необходимым, полезным и целесообразным. Вместе с тем римский философ существенно развил тезисы своего греческого предшественника, убедившись в их неточности и не согласившись с ним в том, что единственным источником наказания служит исключительно воля власти. Он заметил, что злодеяния могут быть безнаказанными, но не безмятежными, и увидел в этом существование более глубинных оснований наказания. Первое и наибольшее наказание за грех он усмотрел в самом грехе. Ни одно злодейство, отмечал Сенека, пусть даже Фортуна осыплет его своими дарами, пусть охраняет его и опекает, не бывает безнаказанным, так как кара за злодейство – в нем самом.

В своих «Нравственных письмах к Луцилию»[490] Сенека предлагал не соглашаться с Эпикуром, когда тот говорил, что не существует справедливого по природе. В том, что злые дела бичуют совесть, что величайшая пытка для злодея – вечно терзающее и мучащее его беспокойство, Сенека видел доказательства того, что именно природа заставляет нас отстраняться от преступлений. Многих Фортуна освободила от кары, но никого – от страха, утверждал философ. Из-за того даже скрывшийся не верит в возможность скрываться вечно, что его уличает и обличает перед самим собою совесть. Плохо было бы наше дело, если бы многие злодеяния ускользали от мстящего закона и предписанной кары – и не приходилось бы тотчас же за них платиться тяжким наказанием, налагаемым природой, которая заменяет пытку страхом.

К уголовно-правовым идеям Сенеки надлежит отнести мысль об «основоположениях», которая по своей направленности и высокому уровню обоснованности вполне может считаться концептом о создании уголовного уложения.

---

[490] *Seneca A.* Ad Lucilium Epistulae Morales / with an English translation by R.M. Gummere. – London; Cambridge, Massachusetts, 1943.

Разработку и введение в жизнь «основоположений» философ рассматривал как наиболее сильное средство против извращенных нравов людей, прежде всего против их алчности и жестокости, не знающих меры, а также иных пороков. С их помощью люди должны искоренить в себе ложные мнения, научиться различать благо и зло, знать, что все, кроме добродетели, меняет имя и становится то злом, то благом.

Необходимость принятия идеи об «основоположениях» Сенека объяснял потребностью «связать людей», т. е. поместить их в единое ценностное пространство, чтобы не было того, что за одно и то же преступление, если оно совершено тайно, платят головою, а если в солдатских плащах – получают хвалы. Значительный потенциал таких правил мыслитель увидел в их определенности, постоянстве и непременности, так как часто мы заблуждаемся и многое считаем дороже, чем оно на самом деле есть. В руках людей появится мерило, которым они смогут проверять свои поступки и оценивать их правильность, уверенно отличать благо от зла, честное от постыдного, благочестивое от нечестивого. Будут четко знать, почему так поступают, а не относить причины содеянного к случайности либо к элементарным навыкам.

Поскольку социальная среда человека амбивалентна, одно и то же в ней может быть и позорным, и честным. Сенека пояснил, что в каждом случае важно знать, почему и как что-то происходит. Критерий же для сравнения и оценки поступков, т. е. основу «основоположений», он усматривал в принципе честности. В делах человеческих только то и благо, что проистекает из честности. Все остальное – благо лишь минутное. Честностью природа определяет, что правильно и справедливо.

Весомый вклад в римскую философию уголовного права внес Марк Туллий Цицерон (106–43 г. до н. э.). В числе его ключевых достижений – выявление онтологических основ преступления и наказания, т. е. укорененных в самом бытии их принципов. Несмотря на свой статус общественного и государственного деятеля, он не усматривал в политической организации самодостаточного источника правил, по которым должна организовываться и которым должна подчиняться жизнь. Он полагал, что политические взгляды в частности и общественные в це-

лом могут быть самыми разными, произвольными и в конечном счете ненадежными. Одни преклоняются перед гнусными животными и делают из них своих богов. Над другими властвуют иные, не менее смешные предрассудки. И было бы нелепо считать справедливым все то, что у народа получило законодательную санкцию. Если бы афиняне единогласно одобрили законы их тридцати тиранов, то стали ли бы эти законы более справедливыми?

Цицерон считал, что помимо законодательных правил есть еще данные природой установления, к которым затем апеллировал Сенека. По сути, он утверждал, что в бытии присутствуют те постулаты, которые признаются незыблемыми даже людьми, обладающими изменчивыми предрассудками. Мыслитель задавал вопрос: существует ли на земле народ, который не уважал бы доброты, кротости, чувства благодарности? И отвечал на него словами о том, что не существует народа, который не презирал бы, не питал бы отвращения к высокомерию, злобе, жестокости, неблагодарности.

Все сказанное имеет прямое отношение к праву. Оно, по мысли философа, лежит в плоскости справедливости, а неписаных законов. Природа, желавшая связать людей между собою общением и взаимными отношениями, начала с того, что создала их справедливыми. При этом существует только одна справедливость, которая и закрепляет общественную связь: она вытекает из единого закона здравого смысла, за которым должно быть признано исключительное право повелевать и запрещать. Был ли или не был этот закон когда-либо писан, – тот, кто его не знает или осмеливается нарушить, несправедлив.

Наказание, полагал философ, выступает в качестве необходимого, но не основного средства противодействия преступлениям. Первоочередное и существенное влияние на индивидуума оказывают факторы этического порядка, которые берут свое начало из того же единого закона здравого смысла. Если только боязнь наказания, писал Цицерон, а не отвращение к преступлению должна удерживать нас от правонарушений и несправедливости, то нет несправедливых людей, а люди злые – только неловки. Если нами не руководит чувство чести, если мы порядочны только потому, что усматриваем в этом свою выгоду, – мы хитрые, но не честные люди. Что станет делать впотьмах тот, кто боится только

свидетелей и судей? Как поступит он, встретив в уединенном месте слабого человека, имеющего при себе много золота, которое он легко может отнять? Если вы честны и справедливы от природы, вы приблизитесь к этому несчастному, заблудшемуся, окажете ему помощь, выведете на дорогу. Но не трудно предвидеть, как поступит тот, который ничего не делает для других и все измеряет собственным интересом[491].

Вкладу Средневековья в процесс становления теории уголовного права историки либо не придают должного значения, либо его существенно занижают. Историками уголовного права принято считать, что данная отрасль права своим существованием почти всецело обязана Новому времени и эпохе Просвещения в частности. К этому периоду относят прорыв в уголовно-правовом мировоззрении, появление в нем гуманистических векторов развития, одна часть из которых уже воплощена в жизнь, а к достижению другой человечество до сих пор продолжает стремиться. Рассмотреть рождение нового образа мышления и мироощущения историкам помогли произведения великих французских энциклопедистов и реформаторов середины XVIII в. – сочинения Монтескье, Вольтера, Гельвеция, Руссо, Бюффона, Дидро, Юма, Даламбера, Кондильяка, а также Беккариа – их страстного почитателя и главного выразителя их взглядов на уголовное право и судопроизводство. Особенно благодаря наследию последнего, судя по оценкам профессора Туринского и Парижского университетов Ф. Вентури, историки увидели, что в мыслях и сознании человека родилась новая интеллектуальная и духовная энергия, затем выразившаяся в слове, поступке, книге[492].

Надо дополнительно отметить, что таково, увы, общеисторическое отношение к Средневековью. Как отмечал А.Я. Гуревич, специалисты относятся к нему как к безвременью, разделяющему две славные эпохи истории Европы, как к средостению между античностью и ее возрождением, как перерыву или даже провалу в развитии культуры. Немалая заслуга в формировании такого мнения о Средних веках принадлежит самим гуманистам, которые противопоставляли

---

[491] См.: *Марк Туллий Цицерон.* Мысли и высказывания / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. – М., 2011. – С. 9–13, 69.

[492] См.: URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bekkar/_01.php.

динамичное Новое время «застойному», «косному» Средневековью. На критике старого времени они создавали мир новой Европы, приписывая Средневековью все те отрицательные признаки, от которых, как воображали идеологи молодой буржуазной цивилизации, их собственная эпоха была свободна[493].

Одним из ярких примеров служат слова самого Ч. Беккариа: «...Ныне уже известно, какими должны быть истинные отношения между государем и его подданными, равно как и между различными нациями. Торговля оживилась под влиянием мудрых истин, распространившихся повсеместно благодаря печатному слову, и между нациями ведется молчаливая война трудолюбия, самая гуманная и наиболее достойная разумных людей. Таковы плоды этого просвещенного века. Однако лишь немногие исследователи осудили жестокость наказаний и неупорядоченность уголовного судопроизводства, т. е. той части законодательства, которая играет исключительно важную роль практически во всех европейских государствах, но и поныне остается там беспризорной. Очень немногие, также опираясь на общие принципы, пытались пробить толщу вековых заблуждений, чтобы с помощью света познанных истин, по крайней мере, сдерживать все менее управляемый произвол власти, которая до сих пор являла собой пример ничем не ограниченной холодной жестокости»[494].

Вслед за Ч. Беккариа и под его влиянием правоведы не только XVIII и XIX вв., но и XX в. писали, что произведение «О преступлениях и наказаниях» нанесло разящий критический удар по «заповедной зоне» Средневековья – уголовному судопроизводству, т. е. по той части законодательства, которая характеризовалась жестокостью и, несмотря на исключительную важность, оставалась «запутанной и забытой почти во всех европейских странах». Так, во Франции, Германии, Англии закон предписывал смертную казнь за более чем 100 видов преступлений, включая и малозначащие. Каноническое право также было пронизано духом ветхозаветной мести за оскорбление Божеского величия, а не стремлением утвердить христианские добродетели. Всюду царили пытки и судебный произвол. Доказанность вины обвиняемого определялась арифмети-

---

[493] См.: *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд. – М., 1984. – С. 12.

[494] *Беккариа Ч.* Указ. соч. – С. 64.

чески. Уголовная система европейских стран в XVIII в. основывалась на принципе устрашения и мщения. В России наблюдалась аналогичная картина. По жестокости наказаний и способам их исполнения она не уступала Западной Европе. Наука уголовного права находилась в эмбриональном состоянии[495]. По оценкам К.Л. фон Бара, средневековая философия уголовного права не отмечена богатым представительством. Ее история, по его мнению, главным образом связана с творчеством Аврелия Августина, Фомы Аквинского и становлением христианства.

Вместе с тем многие исследователи «часто забывают, что именно в Средние века начали зарождаться европейские нации и формироваться современные государства, складываться языки, на которых мы говорим. Мало того, к Средневековью восходят многие из культурных ценностей, ставших основой нашей цивилизации. При всех контрастах связь и преемственность этих культур несомненны»[496]. Не учитывают специалисты и то, что многие из названных просветителей, вдохновивших Ч. Беккариа на написание эпохального труда, получили религиозное образование и были блестящими знатоками средневековой литературы и культуры. Они выбрали путь критиков религии, методов и способов управления обществом ее институтами и представителями, что тоже не было чем-то необычным для Средневековья. В истории имеется целый ряд примеров, когда отцы церкви вставали на антицерковный путь, отстаивая свое понимание предназначения теологии, в том числе для общества.

Но главный аргумент для противопоставления общепризнанной точке зрения о «темноте» Средних веков можно найти при обращении к наследию апостолов философской мысли отмеченного периода. Во-первых, оно позволит не согласиться с незаслуженно суженными оценками К.Л. фон Бара философского представительства тех времен, в состав которого можно, без сомнения, отнести не только Аврелия Августина и Фому Аквинского, но и не менее полезных для науки уголовного права мыслителей – Аниция Боэция, Беду Достопочтенного, Ансельма Кентерберийского, Пьера Абеляра, Гильберта Порретанского, Петра Ломбардского, Уильяма Оккама, Майстера Экхарта и др. Во-вторых, углублен-

---

[495] *Беккариа Ч.* Указ. соч. – С. 64.

[496] *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд. – М., 1984. – С. 15.

ное познание их учений даст возможность сформировать подлинный и целостный образ философии уголовного права Средневековья.

Христианство в действительности являлось доминантой всего Средневековья. И точкой роста европейской цивилизации, и ее последующими оковами. В начале своего пути оно, как отмечал французский философ, профессор Университета Сорбонны Поль Жане, воспринималось как секта и часто подвергалось преследованию. В лучшем случае к его последователям относились терпимо. На первоначальном этапе в доктрине христианства таким институтам, как государство и правовая система, места не находилось. Они не играли в христианском мировоззрении какой-либо значимой роли. Христианство поначалу признавало только собственную систему морали и ничего не знало о системе права. Исходящий от человека закон вообще был не нужен. Предполагалось, что крещеные крестьяне способны вести праведную жизнь без нужды в законе. Одной братской любви было достаточно для всего жизнеустройства. Христианством допускалось, что язычники могут иметь свое государство и право. Но между христианами названные средства организации общественного бытия считались излишними. В основе всего была братская любовь[497].

В своем отношении к государству, по мнению немецкого исследователя Г. Хетцеля, христианское учение исходило из Иисусовых заповедей, предписывающих своим последователям не вступать в конфликт с законами светской власти. Одна из них гласила «отдать кесарю – кесарево, а Богу – Божье». Другая требовала: «Возврати меч твой в ножны, ибо все, взявшие меч, погибнут от меча». Считается, что вторая заповедь выражала отрицательное отношение христианства к мести и к смертной казне. Толкователи без сомнения утверждают о том, что Христос, произнося эти слова, запретил всем людям иметь меч и употреблять его для защиты или насилия.

Существенный разворот христианства к праву был отмечен сразу после того, как оно стало признаваться государством. Когда христианство вышло из положения секты и было приравнено к статусу государственной религии, его концепция права и государства претерпела существенные изменения. Этому спо-

---

[497] См.: *Janet P.* Histoire de la Philosophie Morale et Politique: in 2 vols. Vol. I. – Paris, 1868. – P. 210.

собствовало то обстоятельство, что церковь сразу после легализации, подъема в социальной иерархии и даже отождествления себя с государством активно взялась за преследование неверующих. К тому же, «когда само государство попало под влияние христианского идеала нравственности, возникла необходимость найти способ, чтобы привести в соответствие с этим идеалом варварскую систему уголовного права, преобладавшую в государстве, а также оправдать жестокие гонения еретиков. Эта цель легко достигалась за счет приписывания государству и его законам божественного происхождения»[498].

В итоге, как писал Г. Мэн, развитие уголовного права было повсеместно связано с двумя институтами и ускорено ими – укреплением государственности и влиянием Церкви, тогда активно отстаивающая свой статус опекуна общества, а по ряду вопросов – прямого представителя государства. В своем стремлении к власти Церковь первым делом желала подчинить себе жестокую карательную систему, чтобы наказывать за тяжкие преступления, полагаясь на ряд мест из Священного Писания, в которых с одобрением говорилось о наказании. Новый Завет доказывал, что светские правители существуют для наведения ужаса на злодеев, а Ветхий Завет утверждал о том, что тот, «кто прольет кровь человека, тот прольет свою кровь от руки человека»[499].

Вместе с тем дело не ограничилось приспособлением карательной системы под нужды Церкви, к тому времени уже начавшей представлять собой определенный корпоративный союз. Становление Церкви и ее активное вхождение в общественную жизнь сопровождалось появлением незаурядных мыслителей, рефлексировавших не только по поводу ее нового положения в социуме, но и идеалов самого социума.

Для нашего исследования представляет интерес христианский богослов и философ, последователь Платона и Плотина – Аврелий Августин (354–430), мировоззрение и взгляды которого были подчинены концепту разделения известного ему бытия – Града – на Град Божий и Град Земной. В Граде обе части взаимо-

---

498 См.: *Hetzel H.* Die Todesstrafe in ihrer kulturgeschichtlichen Entwicklung / Eine studie von H. Hetzel. – Berlin, 1870. – P. 49–50.

499 *Maine H.S.* Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas. – London, 1897. – P. 397.

связаны и противопоставлены друг другу. При этом вторая подчинена первой, происходящей от высших сил – Бога, который выступает в качестве источника всей жизни и подлинной благодати, является нравственным, единым и единственным совершенством. Другая часть Града берет свое начало от низших сил, т. е. от человека как существа греховного. Его жизнь представляет собой, по выражению богослова, огромный и отвратительный океан плотских грехов. Еще он называл ее пропастью нечестивых желаний и бесстыдных торжеств либо сплошным потоком праздности, наполненным различными влюбленностями: собственной красотой, угождением себе и желанием понравиться людям.

По идее мыслителя, изложенной в его труде «О граде Божием», грех сделал необходимой организованную государственную систему, использующую для наказания и защиты принуждение. Она, по Аврелию Августину, должна иметь четкое распределение прав между правителем, назначенным Богом, и подданными, нуждающимися в управлении. Церковь в этой системе общественного устройства, как отмечают известные норвежские философы, профессора Скандинавского университета Г. Скирбекк и Н. Гилье, помогает государю в наведении и поддержании правопорядка путем морального и религиозного воспитания граждан, выступает спасителем их душ[500].

Надо сказать, что богослов не принижал и тем более не подавлял человека, не делал из него неполноценного или кем-то порабощенного существа. В своих «Исповедях» философ писал, что Бог признает в индивидууме наличие целого мира, который он почитает и поддерживает. Бог всегда остается с ним. Даже тогда, когда тот далеко уходит от Него или совсем Его покидает. Поэтому Бог оставил человека в покое, предоставил самому себе или собственному движению, продолжая радеть за него и всячески помогать ему выйти из своей презренности. Человек оказался настолько волен, что может в любое время «вспениться, как беспокойное море» и «сделать себя хуже», т. е. самостоятельно распорядиться собой и божественной благодатью. Последняя для него выступает подлинным спасением от всякого искушения, без которой он обречен на бесплодное блужда-

---

[500] См.: *Скирбек Г., Гилье Н.* История философии: учеб. пособие / Пер. с англ. В.И. Кузнецова; под ред. С.Б. Крымского. – М., 2000. – С. 186.

ние, гордое уныние и беспокойную усталость. Обречен на мир, где забывают его Создателя и становятся влюбленными в созданные Им твари. Принцип деления Града на Божий и Земной коснулся в мировоззрении Аврелия Августина не только бытия. Его действию был подвержен мир каждого отдельного человека, жизнь которого представляет собой поле битвы добра со злом.

Немалое внимание в «Исповедях» философ уделил явлениям уголовно-правового порядка. Упомянул, в частности, о «зле плохого общества», именуемого сегодня социальной средой, которая как внешний побудитель приводит человека к преступлению или, как минимум, подталкивает к его совершению. Но богослов не поддерживал этот тезис. Основной упор он делал на нравственное состояние человека. Сравнивал внешние факторы с невидимым врагом, который нападает и соблазняет человека только потому, что он сам легко соблазняется. Мыслитель приводил убедительные примеры, доказывающие, что причины воровства и убийств лежат в нравственных началах личности. Доводы об иных детерминантах, по его мнению, терпят неудачу, так как они не могут объяснить воровство, совершенное тем, кто сделал это, не будучи принужденным к нему ни голодом, ни бедностью. Философ также пояснил, что следование человека низшим чувствам неслучайно. Он движим ими, так как они наряду с высшими чувствами имеют свою привлекательность и стимулы. «Эти низшие вещи, – писал Августин, – имеют свои прелести», точно так же как есть «привлекательность в прекрасных телах, в золоте и серебре и во всем». При этом он отметил, что через гордость человек старается возвыситься, через честолюбие найти честь и славу. С помощью жестокости победить страх, используя жадность, обрести богатство, а через расточительство завоевать титул добродетеля. «По случаю всего этого и тому подобного грех совершается, а через неумеренное стремление к этим благам низшего порядка из жизни убывает все лучшее и высшее», – заключил богослов.

Аврелий Августин говорил о том, что за преступления человек наказывается Законом Господа и законом, написанным в сердцах человеческих, в которых нет места беззаконию. По-иному не может быть, поскольку одному вору не за что преследовать другого вора. Утверждал, что, наказывая, Бог милосердно строг. Через наказание Он, во-первых, «пресекает противозаконные удовольствия» и,

во-вторых, понуждает к тому, чтобы «я мог искать удовольствия без нарушения закона. Господь через наказание ранит нас, чтобы исцелить, и в некотором смысле убивает нас, чтобы мы не умерли»[501].

Работы Аниция Боэция (480–524) – римского государственного деятеля, богослова и философа – специалисты затрудняются отнести к определенной философской школе. Во многом это обусловлено тем, что сам Боэций считал основным видом своей деятельности перевод и комментирование, преследовал цель латинизировать и гармонизировать греческую философию Платона, Аристотеля и неоплатоников, за что его еще называли представителем античной культуры. Из запланированного удалось немногое – перевести и прокомментировать большинство логических трактатов Аристотеля, написать и издать ряд богословских трудов: «О Троице» («De Trinitate»), «О седмицах» («De hebdomadibus»), «О католической вере» («De fide catholica») и др.

К числу основных сочинений философа принято относить «Утешение философией» («De consolatione philosophiae»), которое, как отмечают специалисты, стало одним из популярнейших произведений Средневековья и оказало сильное влияние на европейскую литературу. Примечательно, что именно оно наилучшим образом раскрывает взгляды философа на некоторые явления уголовно-правового порядка. Отличительной чертой отмеченного труда служит его автобиографичность. Он представляет и выражает собой уникальный симбиоз глубоких знаний и личного опыта автора, так как был написан им после дворцового переворота, снятия его с должности «магистра всех служб», когда он служил при остготском короле Теодорихе, обвинения в государственной измене, а точнее – в период содержания в тюрьме и ожидания смертной казни.

В обращении к философии как к своему собеседнику мыслитель пенял на то, что многие ее божественные рассуждения и доказательства были им понапрасну забыты либо их суть, как оказывается, была совсем неизвестна в прежние времена. Лишь в момент глубочайшего кризиса Боэций смог осознать свою легкомысленность и признаться в этом. К числу истинных и величайших причин пе-

---

[501] См.: The Confessions of S. Augustine: Revised from a Former Translation / Rev. E.B. Pusey, D.D. with Illustrations from S. Augustine Himself. – Oxford; London, Cambridge, 1876. – P. 14-15, 20, 23–25.

чали он отнес непонимание того, как может вообще существовать или избегать наказания зло, если благо – повелитель всего сущего. В связи с этим философ цитировал Эпикура и задавался поставленным им вопросом «Если существует Бог, то откуда зло? И откуда добро, если Бога нет?». То есть Боэций недоумевал по поводу того, как в царстве всеведущего, всемогущего, притом желающего исключительно блага Бога процветает и правит подлость. Добродетель не только лишается наград, но, поверженная, попирается ногами порочных людей и принимает на себя наказания, причитающиеся преступникам.

Поставив и актуализировав отмеченные вопросы, ученый не дал на них развернутых ответов. Смог предложить лишь два комментария. Во-первых, с позиции философии, которая, как он писал, рисует пути созвездий палочкой для черчения математических фигур, направляет нравственные устремления и порядок жизни соответственно небесным установлениям, констатировал, что было бы бесконечной глупостью и великим преступлением полагать, что в содержавшемся в столь строгом порядке доме, руководимом Богом как отцом семейства, хранили дешевые сосуды, а дорогими пренебрегали. Так не бывает. В царстве Творца добрые всегда могучи, а дурные – всегда отвержены и слабы. Порок не остается без наказания, а добродетель – без вознаграждения. Добрые всегда обретают счастье, а злые – несчастье. Во-вторых, уже со своей точки зрения Боэций заявил, что предмет поставленных вопросов отличается большой сложностью, и ему едва ли можно дать исчерпывающее объяснение. Такова его природа, что, когда устраняется одно сомнение, подобно головам гидры вырастает бесчисленное количество других, и не существует иного способа покончить с ними, как пресечь их живейшим огнем разума.

Однако заслуга Боэция перед наукой уголовного права этими нравственными и гносеологическими комментариями не исчерпывается. Его главное достижение состоит в том, что он, делясь со своим читателем тяготами несправедливого наказания, обратил внимание на преступление как на искусственное, умозрительное и во многом рукотворное дело. В его случае доносчики, движимые долгами и низостью, выступили против мыслителя с клеветой. Затем «очевидность» инспирированного ими преступления сделала обвинителей и судей столь

единодушными в их жестокости, что ни одного из них не поколебала ни присущая человеческой природе склонность к заблуждению, ни неустойчивость судьбы всех смертных. Здесь же Сенат, которому он беззаветно служил и на защите которого твердо стоял, «сделал все, чтобы своими постановлениями, касающимися его, представить инкриминированное ему в качестве преступления». Но на этом процесс осуждения не закончился.

Как описал философ, не лучший вклад в историю его обвинения, осуждения и казни внесло общество, с интересом наблюдавшее за всеми процессами над ним. Несмотря на то что нет человека, который мог бы не удивляться и не жаловаться, видя несправедливость, суждение большинства приобрело иной характер. Оно приняло во внимание и поставило в заслугу Боэцию не дела, а удачу, и посчитало достойным лишь то, что приносит счастье. Суждения среди народа оказались столь многочисленны и противоречивы, что, как утверждал философ, стыдно помыслить об этом. Как только несчастных обвинят в каком-либо вымышленном преступлении, все сразу поверят, что они заслужили выпавшее на их долю. В итоге Боэций, лишенный всех благ и отстраненный от государственных должностей, опозоренный молвой толпы, получил наказание как благодеяние. В свою очередь, нечестивцы, поощренные безнаказанностью, начали возводить новые ложные обвинения, а честные люди, оцепенев от ужаса при виде невообразимой несправедливости, оказались повержены. Невиновные не только не остались в безопасности, но были лишены даже защиты.

Отмеченное положение дел, несмотря на его реалистичность, мыслитель не относил к сфере должного. Он считал, что часто обманывающее самое себя неблагоразумие, проявлением которого он объяснял свой пример, не может извратить действительные заслуги. Согласно предписанию Сократа Боэций полагал, что недостойно скрывать истину или соглашаться с ложью, и это закон: «…блаженствовало бы государство, если бы им управляли ученые мудрецы, или его правители стремились бы научиться мудрости». Следуя этому авторитетному суждению, полученному во время уединенных занятий философией, он пожелал реализовать его на практике общественного управления. Но в ответ натолкнулся на лицемерие, клевету, несправедливое осуждение и казнь.

Личный опыт привел богослова к выводу о том, что определение правильности поступков должно быть подчинено разуму. О них должны судить не людские страсти, а мудрые люди. Именно они обязаны принять на себя управление обществом. В ином случае управление, оставленное каким-либо порочным людям и злодеям, принесет несчастье и гибель добрым. С приходом к власти ничтожеств, всегда готовых к измене, не только Боэций, но и последующие историки связывали причины расправы над ним.

По оценкам профессора Гарвардского университета Г.Дж. Бермана, существенное влияние на обновление европейского уголовно-правового мировоззрения в Средние века оказали продолжатели Аврелия Августина. В частности, взгляды итальянского философа, католического богослова и основоположника схоластики Ансельма Кентерберийского (1033–1109). Он, конечно, основывал свои рассуждения на трудах предшествующих мыслителей. Вместе с тем, как отмечают специалисты, богослов в значительной мере их пересмотрел[502]. Уровень переоценки был таков, что с именем архиепископа тесно связали революцию в теологии и праве.

Речь идет о том, что с приходом в теологию философа религия перестала быть «священной коровой», уделом лишь мистических таинств и откровений. Долгое время считалось, что ее нравственные повествования и моральные наставления должны приниматься на веру. Поэтому они либо не подлежали познанию, либо априори не могли быть познаны традиционными научными методами. Ансельм потребовал от религии понятных для каждого доказательств ее постулатов. Тем самым он не стремился поставить основы веры под сомнение: он попросту сам попытался их отыскать. Устами своего ученика мыслитель по этому поводу сказал, «что то, о чем вы говорите, истинно; и я ни на секунду не сомневаюсь, что Его слова верны, и все, что Он делает, разумно. Но я прошу об этом, чтобы вы могли раскрыть мне в своей истинной рациональности те вещи в христианской вере, которые кажутся неверными, как правильными, так и невозможными; и это, чтобы не укреплять меня в вере, а чтобы удовлетворить одного, уже подтвержденного знанием самой истины»[503].

---

[502] См.: *Гусейнов А.А., Иррлитц Г.* Краткая история этики. – М., 1987.

[503] См.: *St. Anselm.* Proslogium; Monologium; An Appendix in Behalf of the Fool by Gaunilon; and Cur Deus Homo / translated from the Latin by S.N. Deane, B.A. with an Introduction, Bibliography,

В «Прослогионе» Ансельма теология предстала в новом для нее значении, т. е. в значении рационального анализа и объективного синтеза постулатов веры и свидетельств их справедливости. Она основывалась на разделении веры и разума, в том числе на убеждении в том, что разуму вполне посильны те истины, которые ранее постигались лишь через божественные откровения. Иными словами, философ применял к бытию Бога те же самые критерии доказательства и логические приемы, что и к другим явлениям опыта. По рационализации теологии, как писал Дж. Гхеллинк, Ансельму не было равных[504]. Это было, как отмечал Г.Дж. Берман, ratio феодальных правовых понятий удовлетворения чести и канонических правовых понятий наказания за преступление. Имеются в виду категории «справедливость», «наказание» и «возмещение», которые представлялись объективными истинами, открытыми для постижения разума как неверующих, так и верующих.

На основе своего подхода Ансельм без труда переносился от теологии к праву, за что неоднократно подвергался критике. Высказывалось даже мнение о том, что теология Ансельма – это теология права. Существенное влияние на право произвела его теория об искупительной жертве, не принятая Церковью, но продолжительное время остававшаяся господствующей на Западе. С ее помощью философ рассмотрел ряд антитез. С одной стороны, он через объяснение снисхождения на землю и принесения в жертву Иисуса Христа примирил и разрешил конфликт, возникший между Богом и человеком, когда последний ослушался и не подчинился его блаженной воле. С другой стороны, богослов через интерпретацию этого библейского события получил ответы на вопросы о том, почему требуется либо возмещение, либо наказание и почему Бог в своем милосердии и в знак благодати не может без всяких условий простить людям грехи[505].

---

and Reprints of the Opinions of Leading Philosophers and Writers on the Ontological Argument. – Chicago; London, 1903. – P. 265.

[504] См.: *Ghellingk de J.* Le Mouvement Theologioue Du XII[e] Siucle Etudes, Recherches et Documents. – Paris, 1914. – P. 58–60.

[505] См.: *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. / Пер. с англ. Н.Р. Никонова при участии Н.Н. Деевой. – М., 1998. – С. 174–175, 178, 567.

Суть основных рассуждений Ансельма состоит в том, что и возмещение, и наказание необходимы для устранения нарушения справедливого порядка, под которым он понимал праведность самого Бога. Прощение без покаяния, т. е. без наказания, по его мнению, невозможно, ибо в противном случае оно оправдывает зло и дает «волю греху». Бог связан своей справедливостью, и всякое исключение из нее противно его природе. Для него простить человеку ослушание – значит сделать его благословенным благодаря греху. Бог, как писал Ансельм, пощадив нечестивых, справедлив по своей природе, потому что он делает то, что соответствует его доброте; но он несправедлив, согласно нашей природе, потому что он не наносит наказание, которое заслуживает. Тот, кто воздает по доброй воле и по злу за свои заслуги, более справедлив, чем тот, кто так воздает только доброе[506].

В итоге, как утверждают специалисты, следуя теории Ансельма, племенное и феодальное право стало делать большой упор на покаяние, восстановление чести и примирение взамен мести. Иначе они назывались стадиями, через которые должно пройти искупление преступления или греха. Альтернативной оставалась кровная месть.

Если Ансельма называли «вторым Августином» за то, что он в новых условиях воспроизводил основные идеи последнего, во многом отталкивался от них и работал над их развитием, то Пьер Абеляр имел прямо противоположные суждения. В отличие от Ансельма, который «верил, чтобы понимать», Абеляр требовал «понимания, чтобы верить», т. е. он в определенной мере обособил разум от веры и рассматривал его в качестве ее предварительного условия. Французский философ, теолог и поэт, он неоднократно осуждался католической церковью за свои воззрения, как еретические. Еще одним основанием для порицания послужило его убеждение в том, что единственными источниками истины служат Священное Писание и диалектика. Суждения отцов Церкви и апостолов, по его мнению, не всегда соответствуют статусу источников. Они могут оказаться недостоверными либо взаимоисключающими. Данной проблеме мыслитель посвятил один из основных своих трудов «Да и нет» («Sic et non»)[507], в котором на

---

[506] См.: *St. Anselm.* Op. cit. – P. 17–18.

[507] *Abelard P.* Sic et Non a Critical Edition. – Chicago, 1977.

конкретных примерах показал противоречивость суждений авторитетов Церкви, тем самым положив начало диалектической схоластике.

Вопросы этики, а на их фоне и явления уголовно-правового порядка рассмотрены им в трактате «Этика, или Познай самого себя», в нем идет речь о душе и о нравах как ее свойствах, которые автор раздели на три основные группы: пороки и добродетели, а также те нравы, которые «не определяют человеческую жизнь ни как достойную хулы, ни как достойную похвалы». Саму душу П. Абеляр определил только как «поле битвы», где всегда присутствует порок. Он писал: «Как хромота присуща человеку, называемому за это хромым, так и порок всегда находится в душе даже при отсутствии порочного поступка. Человек призван с ним бороться. Если люди прекратят бороться, то пороки их не упустят»[508].

Далее философ разграничил порок и грех. Он отметил, что порок души – не то же самое, что грех, а грех – не то же, что злодеяние. Такое деление он провел для обозначения того, что порок для человека – это объективная данность, которая по слабости его природы всегда в нем и с ним, проявляется на уровне желания и заставляет сочувствовать тому, чему сочувствовать не надлежит. О грехе может идти речь только тогда, когда к пороку присоединяется злая воля. С одной стороны, она, как враг, противостоит человеку. Он над ней одерживает победу, подчиняя Божьей воле, но подчиняя не полностью, так что всегда у нас остается то, против чего мы могли бы упорно бороться. С другой стороны, воля всегда в его власти и состоит в согласии индивидуума со своим пороком. Он начинает склоняться к тому, чтобы ему служить или подчиняться.

Затем богослов попытался провести демаркационную линию между грехом и преступлением, указав на то, что согрешить – не значит совершить преступное деяние. Если грех, по идее теолога, проистекает из согласия души, благодаря которому мы грешим, то преступное деяние нужно понимать на основании совершения поступка, т. е. когда мы на деле осуществили то, на что прежде дали согласие. Преступление, по выводу философа, неотделимо от греха, так как жизнь в этом мире никоим образом не может протекать без греха, по

---

[508] *Abelard P.* Ethikája. Tanulmány. Irta: Czaky Lajos Ambry, Ciszterci r. Tanárjelölt. Az esztergomi fegyházmegye és a rendfnök engedélyével. – Budapest, 1909.

крайней мере – без простительных грехов. О преступлении как низшей ступени греха он высказался и тогда, когда написал, что грех выражается тремя способами: внушением, удовольствием и согласием. Под их воздействием человек часто совершает преступное деяние. Некоторые грехи он подразделил на простительные, как бы легкие, а другие – на смертные, т. е. тяжкие. Среди смертных одни он называл преступными, а другие – нет. Простительные – это, на современный лад, легкомысленные прегрешения. О них, как правило, идет речь на ежедневной исповеди, отмечает теолог. На ней мы не говорим о том, что согрешили неправедностью, убийством, неверностью, – тем, что называют смертными и тяжкими грехами. Жертвами последних человек оказывается не по рассеянности, а намеренно и обдуманно, становясь омерзительным для Бога. Их осознанный характер, как писал П. Абеляр со ссылкой на псалмы, делает тяжкие грехи гнусными и ненавистными. Некоторые из них наносят своим воздействием вред человеку и потому называются преступными, т. е. грехи, более всего возмущающими Церковь – клятвопреступление, убийство, неверность. Известно, что для выявления и определения преступления он также задавался вопросом: «...нарушение чего – наибольший грех? Речь идет, как становится понятно из последующих рассуждений мыслителя, о той добродетели, в которой исполняется Закон и против которой выступает злонамеренный поступок.

Оценивая человека и его деяния, теолог делал упор на субъективные начала их совершения. Основанием для такого акцента служило убеждение философа в том, что есть поступки, которые следует совершать либо не совершать в равной мере как добрым, так и дурным людям. И одно лишь намерение различает их. По этой причине, как отмечал П. Абеляр, Бог мерит не тем, что люди делают, а тем, с какой душой они могут делать нечто; и не в поступке, а в намерении поступающего состоит заслуга или подвиг. Часто, однако, одно и то же совершается по-разному: благодаря праведности одного и неправедности другого. Двое, приводил пример мыслитель, вешают некоего преступника. Один движим желанием справедливости, а другой – застарелой вражеской ненавистью. И хотя совершается одно и то же деяние – повешение, при всех обстоятельствах они совершают благое дело, то, чего требует справедливость, но из-за разницы намерения одно и то же делается разно: одним – со злом, другим – с благом.

Отдельно философ остановился на феномене вины. По его убеждению, не является преступником тот, кто был принужден к нарушению или не соглашался на нарушение, ибо он не ведал, что творил. Так что говорить как о преступнике, писал П. Абеляр, нужно не о том, кто совершает запретное, но о том, кто соглашается на то, что известно как запретное. Запрет, следовательно, нужно понимать не на основании поступка, а на основании согласия на него.

В продолжение темы вины он обсуждает тесно связанную с ней проблему наказания, подчеркивая то, что нередко люди судят и наказывают на основании очевидного, а не скрытого и взвешивают не столько состояние вины, сколько последствия поступка. Если Бог, отмечал мыслитель, внимает не столько тому, что люди совершают, сколько тому, с какими душевными помыслами они это делают, т. е. мерит виновность по умыслу, вникает в дух поступка, то суд исследует преступное деяние, вникает не в дух, который не видим, а преимущественно в факт поступка. Поэтому, утверждал теолог, суд часто карает невинных – по заблуждению либо на основании законов по иску, или оправдывает преступников. Назначается наказание там, где никакой виновности и не возникало.

Подытоживая свои представления об уголовно-правовом мире и о его месте в жизни человека, П. Абеляр заключал, что грех состоит из четырех взаимообусловленных компонентов, которые для правильного понимания состояния и поведения человека необходимо их отличать, а именно: изъян души, толкающий к прегрешению, затем самый грех, который мы усмотрели в согласии на зло, далее волю, направленную на зло, и, наконец, злокозненный поступок. Так же, как хотеть – значит не то же, что исполнить волю свою, так же и согрешить – не значит совершить преступное деяние, писал мыслитель. То есть он смотрел на преступление как на человеческое проявление, вытекающее из его нравственного состояния и имеющее при этом автономию.

Продолжателем практики применения диалектических методов Абеляра в работе над традиционными догматами стал Петр Ломбардский (1110–1160) – католический богослов и философ-схоласт, среди церковных авторитетов которого значатся: Августин, Иларий, Григорий Великий, Амвросий, Иероним,

Исидор, Кассиодор, Беда и Боэций. Его авторству принадлежит состоящий из четырех книг труд «Сентенции», имевший фундаментальное значение для средневековой философской культуры. Первая книга посвящена главным образом доказательствам бытия Божия; вторая – творению и учению об ангелах; третья – христологии, где раскрываются и комментируются традиционные ортодоксальные концепции; четвертая книга рассматривает таинства. В своих спекуляциях, как их называли современники мыслителя, Петр Ломбардский часто обращался к преступным актам, которые он рассматривал как яркие примеры грехопадения человека, а также как наиболее крайние и тяжелые формы его злостного поведения. Примечательно и то, что богослов отличал преступление от греха и в своих текстах старательно отделял одно явление от другого. Он не смешивал и не отождествлял их, однако исходил из тесной связи обоих феноменов. С одной стороны, преступление не является непреодолимым пороком и препятствием на пути к нравственному совершенству и к вере в целом. В этом убеждении философ полагался на пример судьбы того раскаявшегося и уверовавшего в Бога вора, который без омовения, крещения и соблюдения иных церковных таинств был прощен Господом в день их распятия и первым принят в раю. Этот вор, как подчеркивал мыслитель, был распят не за веру и не за имя Христа, а за совершенные преступления.

С другой стороны, тяжесть криминального акта всегда выделяла в учении Петра Ломбардского преступление среди прочих грехов. Одно из подтверждений этому тезису находим в его словах о том, что он не видел большого прока в тех исповедях, в которых не перечисляются конкретные грехи, совершенные человеком. Считал справедливым требование о том, чтобы как минимум все уголовные преступления упоминались хотя бы один раз в исповеди, если только человека не покинул его разум. Относил такого рода злодеяния к числу смертных грехов. Поэтому, продолжая отмеченную тему, мыслитель пояснял, что никто не должен думать, что тот, кто несправедливо забрал чужие вещи или товары, которые он способен вернуть, может после покаяния за свой грех получить прощение. Такую милость он может получить только тогда, когда вернет то, что отнял, и восстановит его владельца в правах. «До тех пор, пока объект, ради которого был

совершен грех, не возвращается, если его можно вернуть, епитимья не делается, а притворяется»[509], – писал богослов.

Но есть те проступки, отмечал философ, которые не подвластны покаянию и от которых человек не может избавиться. Они уходят вместе с ним и остаются в качестве темного пятна на его судьбе. То есть когда у другого человека несправедливо отняли то, что он не может восстановить (глаза, жизни или чего-то подобного). Искренним покаянием за эти грехи злоумышленник может заслужить только прощение.

Как видно, теолог поддерживал и развивал идею Августина о Граде Божьем и Граде Земном. Подчеркивал их взаимосвязь, но, как представляется, бóльший упор делал на их уравновешивание. Всячески подчеркивал, что дела и заслуги духовные не отменяют и не подменяют земных правил, не доминируют над ними и не могут служить оправданием для исключений из них. Последние не в меньшей степени, чем первые, важны и нужны для благодати всего Града. На этот счет богослов писал о том, что человеку через совершенное истинное покаяние все его грехи могут проститься, но наказание может остаться. Поэтому если он умрет истинно кающимся, он уйдет без греха. По Петру Ломбардскому, «человек может совершать покаяние за каждого смертного и за каждый проступок, кроме одного или нескольких умышленных грехов; точно так же как человек может иметь милостыню и один или несколько проступков, но это никоим образом невозможно с уголовными преступлениями»[510]. Ибо может быть хороший человек, имеющий милосердие, но любящий вещи этого мира с каким-то необычайным желанием; и пока он находится в этом состоянии, его одолевает смерть; он мертв в своей мирской привязанности, и все же он будет спасен, хотя и не освободится от этого здесь; поэтому после этой жизни он будет очищен от нее. За некоторые грехи, т. е. тривиальные, люди освобождаются от них в этой жизни. За тяжкие грехи наказание продолжается и после этой жизни. В качестве примера богослов привел опыт Иуды, покаявшегося, но не получившего прощения, так как своим покаянием он не исправил преступление.

---

[509] Цит. по: *Rogers E.F.* Peter Lombard and the Sacramental Sistem. – N. Y., 1917. – P. 98–99.

[510] Ibid. – P. 102–103.

Взгляды философа на грех и преступление, как видим, связаны с вопросами наказания. С одной стороны, он говорил о нем как о своего рода мести того, кто скорбит. С другой стороны, вел речь о наказании как о процессе достижения покаяния, в ходе него человек не просто ограничивается в своих свободах и правах, терпит телесные или иные страдания, а главное – через скорбь о своем грехе достигает исправления и вырабатывает в себе ненависть к совершенному преступлению. Что касается смысла наказания, то богослов высказался о пяти причинах и путях, по которым оно нас мучает. Четыре из них направлены на нравственное совершенство: или на увеличение достоинств праведника через терпение, как Иов; или на сохранение добродетелей, чтобы гордость не искушала нас, как Павел; или для исправления грехов, как проказа Марии; или для славы Божией. Пятый путь связан с именем Ирода I Великого – царя Иудеи, «готового на любое преступление в угоду своим неограниченным амбициям»[511].

Отдельное внимание теолог уделил аспекту, который сегодня отнесен к числу конституционных принципов уголовного права, запрещающего привлекать лицо к уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление. В Средние века этот вопрос уже ставился и относился к числу дискуссионных, имел сторонников убеждения в том, что Бог не судит дважды за одно и то же. Если каждый исповедует священнику один из двух или более грехов и совершит покаяние, предписанное ему священником, умолчав при этом о других грехах, то он не должен снова быть осужден за грех, исповеданный священнику, который несет силу Христа в Церкви. Ибо, если бы его снова судили за это, Господь дважды судил бы за то же самое, и возникло бы двойное несчастье. Петр Ломбардский не подвергал сомнению правильность этого принципа. Но вносил в него существенное уточнение. Писал о том, что он должен быть применим только к тем людям, которые изменились к лучшему посредством настоящего наказания. Но для тех, кто стал более жестоким и злым, добавлял мук других, временное наказание должно стать началом наказания вечного.

---

[511] Herod I at Jewish Encyclopedia. – URL: http://jewishencyclopedia.com/articles/7598-herod-i.

Таким образом, мыслитель разделил наказание на временное и вечное. Тривиальные грехи очищаются кратковременными наказаниями, легкими мерами. Если человек наказывается временно, то он не наказывается впоследствии, потому что легкое преступление компенсируется примененным наказанием. Для совершивших великие грехи полагаются длительные и вечные наказания. Они могут быть искуплены только глубокими мучениями. Тяжкие грехи наказываются суровым наказанием при жизни, а в будущем должны наказываться вечно и именно теми мерами, какими они не наказываются на земле.

Еще одним из выдающихся представителей Средневековья признан итальянский философ и теолог Фома Аквинский, который не только как глубоко религиозный человек, но и как хороший знаток и последователь Аристотеля полагал, что Бог сотворил человека, наделил его свободой воли и оставил в пределах своих наставлений. По идее мыслителя, такой институт, как наказание, имеет естественное происхождение. Во-первых, оно относится к человеку как к существу свободному. Во-вторых, наказание самым первым делом проистекает из внутреннего состояния человека, прежде всего стыда[512].

О преступлении как таковом, т. е. в близком к современному пониманию этого термина смысле, в Раннем Средневековье речь еще не вели. Оно не оценивалось как проступок, направленный против политического порядка или против общества в целом. На данном историческом этапе о преступлении говорили в основном в двух смыслах. Во-первых, как о проступке, совершенном против жертвы и близко связанных с ней лиц. Во-вторых, как о грехе, который различные церковные течения толковали по-разному: либо как падшее состояние души человека, либо как непослушание Богу, за что человек должен быть наказан непослушанием тех существ, которые должны быть ему подчинены. Поэтому в состоянии невинности, пока человек не ослушался, ничто, что естественно подчинялось ему, не ослушалось его. Вопросами о преступности деяний и критериях их оценки в качестве таковых в те времена не задавались. Главы Церкви в этом деле полагались на Моисеевы заповеди. Ересь относилась к первой и второй заповедям, прелюбодеяние и лжесвидетельство считались церковными преступлениями. Церковь допус-

---

[512] См.: *St. Thomas Aquinas.* The Summa Theologica. Part I. – London, 1920. – P. 75–102, 148, 318, 327.

кала сотрудничество со светскими властями с целью применения более сурового наказания в случае обнаружения отягчающих обстоятельств или повторного совершения злодеяний. А еще она учила, что убийство и грабеж, с их различными модификациями, находятся под юрисдикцией гражданских правителей.

В завершение надо сказать о том, что наследие отмеченных мыслителей не позволяет согласиться с расхожим мнением о Средних веках, как о безвременье или как о провальном для уголовно-правовой мысли периоде. Философы и богословы, судя по их произведениям, не оставляли эту мысль без своего внимания, в каждом случае старательно работали над поиском и определением ее места в жизни общества и прежде всего отдельного человека, в его духовно-антропологической природе. Нельзя не сказать и о том, что модераторы средневековой мысли были не менее, чем просветители и реформаторы Нового времени, гуманистически настроены по отношению к целям и задачам уголовного судопроизводства. Следует подчеркнуть, что каждый, кто прежде изучит творчество мыслителей Средневековья и обобщит их идеи, найдет немного нового в эпохальном произведении Ч. Беккариа.

Новому времени и творчеству его представителей придало оригинальность то, что они выступили резко против клерикализма в повседневной жизни и примата веры над разумом в науке, за право без религиозных суеверий и предрассудков, для чего, безусловно, имелись необходимые предпосылки. Но самого по себе избавления от теологических предрассудков им было недостаточно. Они, особенно Ш.-Л. Монтескье и Вольтер, настаивали на низвержении религии во всех ее проявлениях. Исчерпывающую основу для уголовно-правового порядка они предлагали видеть в логике или в «чистом разуме», который как достаточное основание мироздания был скоро подвергнут критике И. Кантом, а Бог и вовсе возвращен Г. Гегелем в систему философии[513]. Мыслитель счел необходимым «присовокупить» рассмотрение религии в качестве отдельной части к философскому знанию вообще[514]. Наряду с Г. Гегелем философия религии стала узловым пунктом в онтологии Ф. Ницше. Как отмечают специалисты, невозможно адек-

---

[513] См.: *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. – СПб., 1994.
[514] См.: *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии. – М., 1977.

ватно представить подход философов к проблеме бытия без учета их разработок в области религиозной философии[515].

Такому же примеру немецких философов надо последовать современной науке уголовного права и не отрицать полезности наследия Средних веков для становления философско-правовой мысли. Негодования по поводу того, что для философии Средневековья был характерен безусловный приоритет Священного Писания и Священного Предания над авторитетом науки и философии, которые тогда воспринимались как «служанки богословия», не устраняют того, что теологическая мысль, как естественнонаучная, так и философская, рождена человеческим сознанием и имеет объектом своего интереса человека, его духовный мир. Она представляет собой уникальный опыт проникновения в неподвластные науке сферы человеческой природы и деятельности. При этом, как показывает богатое творчество богословов, их мысль не в меньшей степени касалась явлений уголовно-правового порядка, а поиском первопричины этого порядка она занималась достаточно серьезно.

4.2. Уголовно-правовой концепт в философии Нового и Новейшего времени

Расцвет философской мысли, обращенной к исследуемой отрасли права, был достигнут, как известно, в эпоху Просвещения. На *Новое время* приходятся значительные интеллектуальные усилия по обобщению накопленного за тысячелетия опыта и его институционализации. Заговорили уже не столько об отдельных явлениях уголовного права, сколько о нем как о самостоятельной отрасли права, учебной дисциплине и области науки.

Вслед за объективацией уголовного права как отрасли права о себе заявила и философия уголовного права. XVIII в. отмечен работой Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях»[516], которая является прежде всего философским произведением. Во-первых, ее автора называли «апостолом человечности», а правоведом – только при случае и по мере необходимости. Во-вто-

---

[515] См.: *Фаритов В.Т.* Бог и христианство в философии Г.В.Ф. Гегеля и Ф. Ницше: опыт сравнительного исследования // Философская мысль. – 2016. – № 2. – С. 105–134.

[516] *Beccaria C.* Dei delitti e delle pene. – F. Sanvito, 1858.

рых, сам мыслитель свой труд определял как «политический догмат, в который народы должны верить и который высшие власти должны исповедовать путем непреложного следования законам». В-третьих, современники Беккариа считали идеи его произведения «откровением свыше и пророчеством будущего», т. е. находили в нем те качества, которые юридическим текстам несвойственны. И, в-четвертых, свою главную цель автор видел в изменении табуированного Средневековьем мировоззрения европейского общества, гуманизацией которого до сих пор занимаются по предложенным им стандартам. Но следует отметить, что выходу в свет произведения Ч. Беккариа более чем на век предшествовало появление сочинения Томаса Гоббса – английского философа, автора договорной теории происхождения государства и системы механистического материализма. В 1651 г. свет увидел его трактат, названный именем библейского чудовища: «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». На него часто указывают как на политическое произведение, так как оно в основном посвящено проблемам государства. Вместе с тем внушительная часть работы философа посвящена вопросам права. Точнее, естественным и гражданским законам. В части, касающейся государства, он рассмотрел темы: «О гражданских законах», «О преступлениях, оправданиях и о смягчающих вину обстоятельствах», «О наказаниях и наградах», «О том, что ослабляет или ведет государство к распаду», которые, как видно из их названий, напрямую касаются проблематики уголовного права. При этом мыслитель подчеркнул, что в его «задачу входит показать не что такое право здесь или там, а лишь что такое право вообще, подобно тому как это делали Платон, Аристотель, Цицерон и разные другие мыслители, которые не занимались специально изучением права».

Уголовно-правовую часть своего трактата, которая впечатляет уровнем своей проработанности, философ начал с разделения понятий греха и преступления. Глубокий анализ этих категорий привел его к пониманию того, что «всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление. Намерение украсть или убить есть грех, хотя бы это намерение не было выявлено никогда ни словом, ни делом, ибо Бог, знающий мысли человека, может вменить ему это в вину. Однако до тех

пор, пока такое намерение не обнаружилось каким-нибудь поступком или словом, при наличии которых намерение могло бы стать объектом разбора земного судьи, оно не называется преступлением»[517]. В этом взгляде, признавался сам мыслитель, он не был оригинален. Подобное различие делали еще греки между соответствующими словами, из которых одно переводилось как грех и обозначало всякое отклонение от закона, а другое переводилось как преступление и обозначало лишь такой грех, в котором один человек может обвинять другого. Но в намерениях, никогда не выявившихся в каком-либо внешнем действии, никто никого не может обвинить. Точно так же и римляне словом «грех» определяли всякого рода отклонения от закона, а под crimen они подразумевали лишь такие грехи, которые могли быть вскрыты перед глазами судей и поэтому не являются только намерениями.

В свою очередь, преступление философ определял как грех, заключающийся в совершении делом и словом того, что запрещено законом, или в неисполнении того, что он повелевает. Под законом Т. Гоббс понимал не совет, а приказание государственного лица, адресованное тому, кто раньше обязался повиноваться этому лицу. В отличие от греха преступления не имеется там, где нет гражданского права. Данная разница обусловлена тем, что грех подчинен естественному закону, а преступление – гражданскому. «Так как естественный закон вечен, – писал мыслитель, – то нарушение договоров, неблагодарность и высокомерие и все действия, идущие вразрез с каким-нибудь моральным принципом, никогда не могут перестать быть грехом»[518]. Другое положение занимают преступления. С упразднением гражданских законов они перестают существовать. Это обусловлено тем, что в связи с отменой гражданских законов остаются лишь естественные законы, на основе которых ни один человек не может обвинить в чем-либо другого человека. Ибо в этом случае каждый является судьей самому себе и может быть обвинен лишь своей совестью и признать себя оправданным на основании чистоты своих намерений.

Отдельное внимание мыслитель уделил источникам всякого преступления и их классификации. Под источником он понимал или недостаток понимания, или

---

[517] *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М., 2001. – С. 199.

[518] Там же. – С. 200.

какую-нибудь ошибку в рассуждении, или неожиданную силу страстей. «Недостаток понимания есть незнание. Ошибка в рассуждении есть ошибочное мнение. Незнание опять-таки может быть троякого рода: незнание закона, незнание суверена, незнание наказания. Незнание естественного закона ни для кого не может служить оправданием. Ибо предполагается, что всякий человек со зрелым умом знает, что он не должен делать другому того, что он не желал бы, чтобы было сделано по отношению к нему. Поэтому, в какую бы страну человек ни пришел, он совершает преступление, если он делает что-либо, противное законам этой страны... Однако незнание гражданского закона может служить оправданием для человека в чужой стране, пока этот закон ему не объявлен, так как до того гражданский закон не может иметь для него обязательной силы»[519].

Под наказанием Т. Гоббс подразумевал «зло, причиненное государственной властью тому, кто совершением или несовершением какого-либо деяния совершил, согласно суждению той же власти, правонарушение, причем это зло причиняется с целью сделать волю людей более расположенной к повиновению»[520]. Отдельно философ задался вопросом о том, откуда проистекает право наказания, обратив внимание, что из его теории происхождения государства никто не может быть обязан на основании договора не оказывать сопротивление насилию. Размышление над этой темой привело его к выводу о том, что право государства (т. е. того или тех, кто представляет его) наказывать не имеет своим основанием какую-либо уступку или дар подданных. Основа права наказывать состоит в том, что подданные суверена лишь одним тем, что они отказываются от своего права в пользу государства, «расширяют его возможность использовать свое право так, как он это считает нужным в целях сохранения их всех. Таким образом, указанное право было не дано суверену, а лишь оставлено ему, и только ему, и (за исключением границ, поставленных ему естественным законом) оставлено ему в таком же виде, как оно существовало в естественном состоянии и в состоянии войны каждого против своих соседей»[521].

Тему поддержали и внесли существенный вклад в ее развитие немецкие философы – столпы и вдохновители эпохи Просвещения: профессор логики и

---

519 *Гоббс Т.* Указ. соч. – С. 213.

520 Там же.

521 Там же.

метафизики Кёнигсбергского университета Иммануил Кант (1724–1804) как основоположник трансцендентального идеализма и профессор философии Йенского, Гейдельбергского и Берлинского университетов Георг Гегель (1770–1831) как родоначальник абсолютного идеализма. Про отношение И. Канта к праву известно многим правоведам. Основным источником знаний о его взглядах на право служит вышедшая в 1785 г. «Метафизика нравов»[522]. Из этого труда и других произведений мыслителя следует, что его философия права была подчинена двум вещам. Речь идет, как удачно в свое время сказал профессор Тасманского университета Австралии Моррис Миллер (1881–1964), о навсегда поразившем Канта и вызывавшем у него трепет восхищения «звездном небе над нами и нравственном законе внутри нас», которые он тесно связал с осознанием своего собственного существования. Первое относилось к миру чувств и указывало на ограниченность человека в масштабах пространственной необъятности и бесконечного круговорота движения. Второй свидетельствовал о наличии невидимой области Я, раскрывал нравственную силу и неисчерпаемое величие личности. Естественная философия заставила ученого признать важность неуклонного развития миропорядка, которому человек не мог противостоять. Но в то же время непоколебимая вера в высокую моральную ценность личности побудила его попытаться открыть разумную основу личной свободы, несмотря на, казалось бы, непреодолимое наступление физической необходимости[523].

По мнению знатоков кантовской философии, мыслителю хватило сил справиться с дуализмом витального и духовного в человеке, устоять на изломе его природной и разумной составляющих. Для этого он предложил категорический императив как постулат, не требующий опытного доказательства, или, другими словами, моральный закон как высший принцип права. Его существование не нуждается в подтверждении, так как он укоренен в сознании человека и имеет своим источником разум, является такой же постоянной бытия индивидуума, как пространство и время. Принцип обращен к человеку как к своему единственному субъекту, действует в нем как требование «ты должен» и является для

---

[522] *Kant I.* The Metaphysic of Ethics /Transl. by J.W. Jsemple. 3rd ed. – Edinburgh, 1871.

[523] См.: *Miller M.* Moral Action and Natural Law in Kant, and Some Developments. – Melbourne; Sydney, 1911. – P. 7–8.

него абсолютным обязательством. Согласно императиву личный выбор каждого должен гармонировать, а не резонировать с законом всеобщей свободы, т. е. действовать так, чтобы свобода одного не могла ограничивать свободу любого другого. До тех пор пока свобода выбора и одного, и другого будут совместимы друг с другом, согласно универсальному закону, они будут считаться правильными и справедливыми.

Об отношении И. Канта к уголовному праву и к его основным категориям в литературе упоминается нечасто. Хотя в ряде источников утверждается, что философ создал собственную теорию уголовного права, но в его «Метафизике нравов» этому доказательств нет. В наличии множество размышлений о наказании, но рассуждений о нем как о сугубо уголовно-правовом явлении немного. То же самое касается преступления. В названном произведении оно упоминается несколько раз. Мыслитель высказался о преступлении как о явлении, которое берет свое начало от порочного господства страстей и аппетитов над разумом. Еще говорил о преступлении как о пароксизме, от которого здравомыслящая часть человечества пребывает в ужасе.

Все доказательства Канта наличия в бытии человека категорического императива и его определение применимы и к уголовному праву. Когда знакомишься с его значением как безусловным дозволением или недозволением («запрещающим законом»), закрадывается сомнение в заверениях Канта о том, что идея об императиве является продуктом его сугубо априорных размышлений. Из-за высокого уровня сходства возникает твердое убеждение, что при описании категорического императива философ ориентировался именно на уголовно-правовой запрет, который, как правило, свободен от всяких условностей, мыслит и воспрещает поступок «не опосредованно через представление о цели, к которой поступок может привести, а только через одно лишь представление о самом поступке». Что касается разработки таких категорий, как «воля» и «произвол», то идеи мыслителя имеют прямое и, можно сказать, преимущественное отношение к уголовному праву, в котором от установления их качества (как внутренней и внешней составляющих всякого деяния) зависит исход любого уголовно-правового рассуждения и решения. Уголовное право в его чистом виде, т. е. как поня-

тие, обращенное к практике, отвечает статусу категорического императива. Используя пример самого мыслителя, можно сказать, что «право, рассматриваемое как метанорма, нужно и тому, кто проиграл в игре, для того чтобы он смог выразить недовольство своей неосторожностью и недостатком мастерства; и тому, кто выиграл, для понимания им, что его победа является результатом обмана. Для возникновения в последнем чувства презрения к себе, принуждения сказать самому себе: я ничтожен и злодей, хотя и богат, для оценки своего поведения как не соответствующего нравственному закону»[524].

Со второй половины XIX в. специалисты уже активно заговорили о философии уголовного права как о самостоятельной научной дисциплине. Один из первых примеров – монография французского философа, профессора Университета Сорбонны Адольфа Франка, которая вышла в 1868 г. под названием «Философия уголовного права в популярном изложении». Цель и предмет философского интереса к уголовному праву автор не отождествлял с толкованием или объяснением писаного закона. Свода уголовных правил он касался единственно только для того, чтобы оценить их с позиции вечного закона, который является одним и тем же как для Афин, так и для Рима. Текст вечного закона, по идее мыслителя, существует только в божественном разуме и в сознании рода человеческого. Без них законодательство будет творением страстей и произвола, орудием угнетения и ненависти. К предмету своего интереса Франк также не относил сбор и сравнение между собой уголовных законов, существовавших у различных народов.

Философия уголовного права должна быть посвящена только тому, чтобы найти начала, на которых основывается или должно основываться уголовное правосудие, и правила, которым оно должно следовать, исполняя свою печальную миссию. Поскольку философии уголовного права следует, по идее мыслителя, заниматься поиском в человеческом сознании или в самой природе вещей неизменных основ для социальной жизни и ее законов, он воспринимал ее в качестве части общей философии. Ни в одной отрасли человеческого знания не переплетаются между собой более прямым образом, чем в ней, права частных лиц

---

[524] См.: *Kant I.* The Metaphysic of Ethics. – P. 104–105, 177–179, 199.

и права общества, его спокойствие, мир и достоинство, и даже сама нравственность, или, по крайней мере, общественная совесть, без которой нравственность неосуществима на земле, отмечал Франк. Без нравственных начал невозможно представить, тем более учреждать и исполнять уголовное законодательство. Именно с ними он ассоциировал часто упоминаемые и отыскиваемые им в последующих текстах «твердые начала». Без твердых начал, считал мыслитель, мы в первом случае снизойдем до преследования за всякого рода безнравственности, во втором – лишим общество всех средств защиты, обезоружим правосудие и ослабим закон. Как писал философ, «общественный порядок – нравственность и общественная совесть – будут находиться в опасности, а уголовное правосудие – развращаться и разрушаться»[525].

В начале XX в. философия уголовного права нашла наиболее развернутое отражение в работе «Философия наказания» французского социолога, одного из основателей субъективно-психологического направления Жана Габриеля Тарда[526]. Он, как отмечал американский криминолог Роберт Х. Голт, рассматривал философию уголовного права как часть моральной философии. Для определения степени ответственности человека за свое поведение Тард обратился к учению о детерминизме и индетерминизме, признавая, что на индивида оказывают влияние тысячи природных и социальных сил, и каждая из них состоит в причинной связи с физиологическим состоянием, либо с модификацией его, либо с выполнением им какого-либо действия. Он не разделял позицию «крайних детерминистов» о том, что человек является безвольным существом, обращал внимание на его сознание, неравномерно вовлеченное в окружающие процессы, а поэтому не всегда и не во всем подвержено их определяющему влиянию. За счет разного уровня вовлеченности в круговорот событий индивид сохраняет за собой некоторую автономию от них и право на вариативность своего поведения.

В итоге Тард предлагал примирить воззрения о детерминизме и о свободе выбора для выведения и сохранения адекватного понятия об ответственности.

---

[525] См.: *Франк А.* Философия уголовного права в популярном изложении: сб. / Сост. Ю.В. Голик. – СПб., 2004. – С. 5–9.

[526] *Tarde G.* Penal Philosophy. – Boston, 1912.

В качестве варианта их синтеза выдвигал идею о так называемом психологическом стандарте как о постоянном и устойчивом элементе любой причинно-следственной связи. Согласно этому стандарту «степень ответственности человека, в том числе уголовной, определяется исходя из уровня идентичности личности, т. е. сохранения контроля над своей самостью, и из наличия социального согласия относительно правил поведения»[527].

Не менее знаковым событием, приходящимся на эпоху Просвещения, стало выделение из общеевропейского процесса осмысления права самостоятельного направления, которое тогда было названо специалистами англо-американской философией права. Ее лучшими представителями, обеспечившими эволюционный переход философско-правовой мысли из Нового в Новейшее время, признаны Г. Мэн, Г. Спенсер, У. Миллер, Ж. Паунд и Г. Харт.

Генри Джеймс Самнер Мэн – основатель социологии права и юридической антропологии, профессор Кембриджского и Оксфордского университетов. Его историко-правовые исследования послужили добротным подспорьем для многих философских размышлений и трактатов. Помимо права и сравнения различных правовых культур Мэн значительное внимание уделил изучению процессов зарождения и эволюции уголовного права, поиску древних источников его происхождения и сравнению с современностью. Подготовил почву для выдвижения концепций о природе преступления и наказания, уголовного права как самостоятельной отрасли права.

Г. Мэн одним из первых коснулся соотношения гражданской и уголовной частей в древнем праве. После анализа различных правовых систем сделал вывод о том, что доля одного и другого зависела от уровня развития соответствующего общества. В целом же, как отмечал Мэн, удел уголовного и гражданского в праве чрезвычайно различен. В древнегерманском праве гражданская часть имела незначительные размеры. Мэн объяснял такое соотношение отраслей права архаичностью обществ, когда цивилистика не могла развиваться, так как считалось, что, например, жена не имеет каких-либо прав против своего мужа, а сын не может выступать против отца, дети – против матери. Граж-

[527] *Tarde G.* Penal Philosophy. – Boston, 1912. – P. 69–71.

данского оборота как такового и обслуживающей его системы контрактов не было, так как земля и товары передавались внутри семьи или небольших общин. В силу незрелости нравственных понятий, от развитости которых напрямую зависит контрактное право, договоры заменялись клятвами. В итоге получалось, как заметил антрополог, что в примитивной юриспруденции уголовному закону отдавался приоритет. В небольшом ряде других правовых пространств способам исправления девиантного поведения отводилось меньше места, чем деликтам. Краткость уголовных частей в значительной степени объяснялась высоким уровнем насилия, привычным для общин.

Но такие выводы, признает Мэн, возникают только при первом приближении к источникам древнего права. На самом деле проверка древних кодексов показала, что уголовное право не имело приоритета в законах отмеченных времен. Еще одно наблюдение связано с выводом о том, что действующие в настоящее время уголовные законы не похожи на свои аналоги из древних эпох. И одно, и другое наблюдения он объяснил тем, что деяния, которые мы привыкли рассматривать исключительно как преступления, расценивались ранее только как деликты, в их числе – воровство, насильственное ограбление, за совершение которых потерпевшему полагались денежные выплаты. Эта особенность, отмечал историк, наиболее ярко выражена в сводных законах германских племен. Они содержат огромную систему денежных компенсаций за убийство и другие преступления. Сходные положения он находит в англосаксонском праве, где сумма вознаграждения полагалась за жизнь каждого свободного человека, а ее размер определялся согласно его социальному рангу или исходя из тяжести причиненной ему травмы и других случайных обстоятельств. При этом виновные лица преследовались не по уголовному закону (Law of Crime), а по деликтному праву (Law of Tort), применяемому в случаях наступления гражданской ответственности, не вытекающих из обязательств по договору.

Мэн обратил внимание и на роль институтов христианства, которые, по его оценке, на начальном этапе оказывали существенное влияние на становление уголовных запретов. Из древнегерманских сводов следует, что большинство норм сформулированы идеологами христианства и прямо или опосредованно связаны

с религиозными правилами поведения. При этом нехристианские органы архаичного права назначали уголовные наказания по определенным классам действий или упущений, которые нарушали божественные предписания и приказы. Таким образом, считал антрополог, представления о преступлениях против Бога породили первый вид запретов; представления о преступлениях против соседа – второй. «Идея о преступлениях против государства или сообщества вначале не была связана с подлинной уголовной юриспруденцией. Более ощутимо она стала обозначаться в социальной практике с укреплением государственности»[528].

Герберт Спенсер – английский философ и социолог, один из родоначальников школы эволюционизма. Его естественнонаучные и гуманитарные взгляды нашли отражение в фундаментальных произведениях «Основные начала» и «Системы синтетической философии»[529]. Представления об уголовном праве и принципах его построения детально раскрыты мыслителем в работе «Тюремная этика», впервые опубликованной в 1860 г.[530]

В силу своего исконного интереса к наукам об обществе философ рассматривал преступный мир с социологических позиций. По его мнению, вид уголовно-правового режима напрямую связан с природой граждан, живущих под его началом. На этот счет мыслитель отмечал, «что народный характер, который требует строгой формы правления, также требует строгого уголовного кодекса. Когда люди слишком импульсивные или эгоистичные для свободных учреждений и недобросовестные, чтобы обходиться в своих взаимоотношениях без поддержания тиранических институтов, они являются гражданами, которые будут терпеть и, возможно, будут нуждаться в серьезных формах наказания». Для более цивилизованного общества, как говорил социолог, страха перед дисциплинарными наказаниями может оказаться достаточно. Но для менее цивилизованного народа могут потребоваться телесные наказания или даже причинение смерти.

---

[528] См.: *Maine H.S.* Op. cit. – P. 367–371, 391–395.

[529] *Спенсер Г.* Основные начала. – СПб., 1897; *Spenser H.* A System of Synthetic Philosophy. – Boston, 1879.

[530] См.: *Spencer H.* Prison Ethics // British Quarterly Review. 1860. Ее ключевые положения в 1911 г. были воспроизведены в журнале Journal of Criminal Law and Criminology под рубрикой «Anglo-American Philosophies of Penal Law» и уже под названием «The Ethics of Punishment» («Этика наказания»).

К числу основных заслуг ученого перед наукой уголовного права надлежит отнести постановку вопроса о методе, с помощью которого можно было бы с большой точностью определять, какие наказания оправданны, а какие несправедливы. При поиске ответа на этот вопрос он прежде разрешил проблемы методологического плана, которые не учитывались другими специалистами и приводили их к грубым ошибкам. В частности, предложил рассматривать институт наказания с позиции двух антагонистических теорий морали – априорной и апостериорной, так как каждая из них по отдельности одновременно и правильная и ошибочная. Общие причины наказания могли быть выявлены при условии понимания того, что этика непосредственного опыта должна быть подкреплена абстрактной этикой. Комплексные оценки относительной целесообразности, настаивал философ, не могут обойтись без подсказки, обеспечиваемой простыми выводами абсолютной целесообразности[531].

Уильям Гэлбрейт Миллер, профессор шотландского университета в Глазго, предлагал различать понятия «наука права» и «философия права». Если первое, по его мнению, отвечает за организацию правовой жизни и должно соответствовать ее нуждам, то второе востребовано человеческим разумом, который отказывается ограничивать себя только прикладными представлениями о праве, требует ответов на вопросы более высокого порядка, в том числе о происхождении права, его отличии от закона, а также о том, является ли оно рукотворным изобретением человека или откровением Бога. Философия права, по Миллеру, должна понять мир таким, каков он есть, а не пытаться сделать его лучше. Она призвана исследовать и получить знание ради самого знания, а не стремиться добыть его ради удовлетворения каких-либо нужд.

Через углубление в историю Древнего Рима и в наиболее ранние памятники англосаксонского права мыслитель обратил внимание и на процесс зарождения уголовно-правовых норм, становление и эволюцию уголовного закона. Миллер отметил, что на первоначальном этапе законы соединяли в себе как гражданские, так и уголовные запреты, при этом разницы между ними не проводилось. На

---

[531] См.: *Spencer H.* The Ethics of Punishment. Anglo-American Philosophies of Penal Law // Journal of Criminal Law & Criminology. – 1910/1911. – Vol. 1. – No 1. – P. 862–869.

исходе древних времен признаки зарождения уголовного права обозначались более выражено. С современных позиций просматривается, что многие действия, называемые нами преступлениями, тогда рассматривались только как гражданские деликты, утверждал мыслитель. На основе этих наблюдений исследователь проводил мысль о том, что «представления о преступном в социуме зависят от его представлений о справедливом»[532].

Натан Роско Паунд (1870–1964), декан юридического факультета Гарвардского университета, основатель американской школы практической философии, как и его предшественники И. Бентам (1748–1832), Р. Йеринг (1818–1892) и Р. Штаммлер (1856–1938), критически относился к разработанному в предыдущие времена методологическому наследию. Прежде всего к школе естественного права, а также к историческим, метафизическим и аналитическим подходам к нему. Считал, что они исчерпали себя, так как, с одной стороны, указывали на самодостаточность права и правовой науки, а с другой – не справились с новыми социальными вызовами и потребностями. Он предложил рассматривать право с позиции конфликта существующих в обществе интересов и оценивать его как эффективный инструмент социального контроля. При этом не соглашался с традиционным пониманием закона как свода правил; каким бы совершенным он ни был, Паунд воспринимал его как негибкое и отвлеченное от реальности правовое средство. В связи с этим он предлагал отличать «право в книгах» от «права в действии». Отстаивал позицию о том, что подлинное право вершит не законодатель, а правоприменитель. Только последний, по Паунду, как отмечал Джеймс Гарднер, способен упорядочить человеческое поведение через наибольшее удовлетворение социальных потребностей (претензий и требований) с наименьшими потерями и издержками. Поэтому включал в понятие закона не только правовые принципы и юридические стандарты, но и доктрины, правосознание, профессиональное мастерство и искусство[533].

Представляя свою социологическую концепцию права, Паунд немалое внимание уделил уголовному праву. Наиболее развернуто результаты его исследо-

---

[532] См.: *Miller W.G.* Lectures on the Philosophy of Law, Designed Mainly as an Introduction to the Study of International Law. – L., 1884. – P. 48, 90–95.

[533] См.: *Gardner J.A.* The Sociological Jurisprudence of Roscoe Pound (Part I) // Villanova Law Review. – 1961. – Vol. 7. – No 1. – P. 9–11.

вательского интереса к отрасли представлены в работе «Введение в социологию права»[534], где правовед рассмотрел действующие уголовно-правовые механизмы как наиболее явное и исчерпывающее доказательство существования на практике «социальной инженерии». Речь идет о сложном механизме уголовного преследования, включающем в себя широкий состав участников (полицейских, следователей, прокуроров, судей, администраторов) и серию этапов, на каждом из которых они занимаются индивидуализацией закона, т. е. по своему усмотрению оценивают установленные факты для привлечения лица к ответственности либо освобождения от нее или применения к нему обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание. Таким способом, как отмечал Р. Паунд, правовая система достигает справедливости и защищается от негативных последствий механического наложения наказания на совершенное преступление. Подобного рода процедуры характерны только для отраслей, имеющих дело с определением нравственного качества индивидуального поведения. К коллизиям гражданского порядка принцип индивидуализации имеет отношение в меньшей степени.

Герберт Харт (1907–1992) заведовал кафедрой юриспруденции Оксфордского университета. Его наиболее известную работу «Понятие права»[535] исследователи относят к числу самых важных произведений в области аналитической юриспруденции и правового позитивизма[536]. В ней автор рассмотрел действующую в Англии систему права и все многообразие основанных на ней законов. Он критически отнесся к общепринятой классификации нормативных актов на те, которые наделяют полномочиями действовать частных лиц, для того чтобы они могли составить завещание, заключить договор или брак, и на те, которые дают соответствующие правомочия должностным лицам, например судьям, министрам либо органам местного самоуправления. Высказал и обосновал мнение о том, что лучшим критерием для разграничения законов выступает социальная функция, выполняемая правовым актом. С ее помощью можно наиболее отчетливо увидеть существующие между законами сходства и отличия.

---

[534] *Pound R.* An Introduction to the Philosophy of Law. – Yale, 1922.

[535] *Hart H.L.A.* The Concept of Law. 2nd ed. / Ed. by P.A. Bulloch and J. Raz. – Oxford, 1961. – P. 26–28, 32, 34, 37.

[536] См.: *Summers R.S.* Professor H.L.A. Hart's Concept of Law. – Oxford, 2011. – P. 1.

Отдельное внимание Харт уделил уголовному праву. Это право он определил как ту отрасль, которой «мы либо подчиняемся, либо не подчиняемся как должному». Если не повинуемся, то считается, что нарушаем закон и совершаем преступление. В этом плане социальная функция уголовного закона состоит в определении видов поведения, которые не следует совершать, а к совершившим закон подлежит применению независимо от их желания. Наказание или санкция, реализуемые им в этом случае, предназначены для обеспечения воздержания лица от запрещенной деятельности.

Между уголовным уставом и другими законами, как отмечал правовед, есть некоторая аналогия. Последние также включают угрозы, или, иначе, средства компенсации за вред, причиненный неисполнением обязательств, часто воспринимаемые в качестве санкций. Но с позиции социальной функции обнаруживается, что отмеченная аналогия носит весьма условный характер. На деле отмеченные группы законов выполняют разные функции. Правовые нормы, предусматривающие порядок заключения договоров, завещаний или браков, не требуют, чтобы люди действовали определенным способом, хотят они того или нет. Такие законы не налагают обязанностей или обязательств. Вместо этого они, по Харту, предоставляют своим субъектам возможность для самореализации и необходимую для этого юридическую среду. Игнорирование предусмотренных для выполнения названных действий правил не является ни нарушением, ни преступлением. Единственным последствием отмеченного пренебрежения станет юридическая ничтожность совершенного акта или произошедшего события.

Правила уголовного права другого порядка. Они идентифицируются и отличаются двумя признаками: предписанием определенного типа поведения, который запрещает его нормами, и санкцией, препятствующей его совершению. В этом смысле правила уголовного закона самодостаточны, так как не нуждаются в смысловом дополнении и подкреплении санкциями других отраслей законодательства.

Процесс обособления от континентального подхода коснулся и философии уголовного права. К числу родоначальников, стоявших у истоков англо-американской философии уголовного права, следует отнести Ф. Уортона, Ф. Брэдли, К. Кенни, А. Коцоурека и Дж. Вигмора.

Фрэнсис Уортон (1820–1889) – американский государственный деятель, профессор Кеньонского колледжа и Колумбийского университета, автор наиболее раннего трактата по философии уголовного права, целиком посвященного системному осмыслению этой науки. В работе «Философия уголовного права», не останавливаясь на определении и раскрытии названия его монографии, ученый анализирует различные теории наказания, пытаясь в них найти ответ на вопрос о том, какую цель преследует государство в наказании. С обсуждением соответствующих концепций, кстати говоря, Уортон связал базовые основания уголовной юриспруденции. Что-то похожее на то, как он понимал предназначение философии права, можно найти на первых страницах его книги, где очень кратко и своеобразно она определена как дисциплина, относящаяся к исключительной сфере законодательной деятельности. Ее компетенцию он усматривал в толковании значений и вскрытии смыслов законодательных актов. При этом их понимание, по идее мыслителя, должно основываться на обнаружении буквального значения соответствующих норм, затем – намерений, которыми руководствовался законодатель, а также той правовой системы, на которой основано законодательство конкретного государства[537].

Что касается наказания и преступления, то этим терминам и явлениям Уортон уделил самое пристальное внимание. С них он, собственно, начал изложение своей философии уголовного права. По примеру известного немецкого криминалиста и профессора Берлинского университета А.Ф. Бернера (1818–1907), к наказанию он подходил с позиции относительных и абсолютных теорий, которые видели его цель в воспрепятствовании и предотвращении преступной деятельности, самозащите общества, перевоспитании преступника либо в акте карательного правосудия. При этом исследовал недостатки каждого из названных подходов, особое внимание обратив на такую, казалось бы, приоритетную цель наказания, как перевоспитание правонарушителя. Он считал, что средствам уголовного правосудия не под силу изменить отчаянных или неисправимых деятелей, проникнуть в те ниши человеческого сознания, на уровне которых формируются их личность и моральные качества. Это не входит в компетенцию госу-

---

[537] См.: *Wharton F.* Philosophy of Criminal Law. – Philadelphia, 1880. – P. 1–2.

дарства. Оно не является ни семьей, ни церковью правонарушителя, напомнил философ[538].

Фрэнсис Герберт Брэдли (1846–1924) – английский философ-идеалист, глава школы абсолютного идеализма, почетный член Британской академии – вошел в историю благодаря своей работе «Явление и действительность». Разработанная им философия ответственности стала вкладом в уголовно-правовую науку. Наиболее полно взгляды ученого на уголовно-правовые закономерности изложены в опубликованных в 1876 г. «Этических исследованиях»[539].

Анализ основных категорий и явлений уголовно-правового мира ученый предварил изложением методологии своего подхода. Он обратил внимание на «простого человека» и предложил из его представлений, не отягощенных просвещенностью, черпать знания об ответственности и связанных с нею проявлениях. Выведение закона, систематическая метафизика, историческая эволюция рассматриваемой идеи не привлекали внимания автора. У нас есть одно дело, – писал он, – найти то, что лежит в уме обычного человека. Если мы хотим получить доступ к подлинному нравственному чувству, которое еще не было сфальсифицировано, мы не должны бояться отринуть достигнутую образованность. Мы обязаны обращаться к обычным лицам за обычной моралью и в них находить то, что, как правило, мы теряем в утонченных исследовательских поисках.

С отмеченных позиций мыслитель посвятил свою философию «необразованному человеку», а свои изыскания направил на выяснение того, что лежит в основе его представлений о моральной ответственности, насколько они согласуются с доктринами свободы и необходимости, а если противоречат друг другу, то он намеревался выявить точки их соприкосновения. В итоге обнаружил в природе человека «суд совести» как воображаемого судью, божественного или человеческого, внешнего или внутреннего. Он не обязательно подразумевает, что человек отвечает за все или за любые свои действия. Но предполагает, что ему, возможно, придется за них ответить. Он должен быть подчинен моральному трибуналу, или, как уточнял философ, моральный трибунал имеет право на

---

[538] См.: *Wharton F.* Philosophy of Criminal Law. – Philadelphia, 1880. – P. 8–9.

[539] *Bradley F. H.* Ethical Studies. Anglo-American Philosophies of Penal Law // Journal of Criminal Law & Criminology. – 1911/1912. – No 2. – P. 186–189.

человека, может призвать к ответу за любые его деяния, и человек должен ответить, если призван, за все свои дела. Индивид является объектом морали и не может отречься от своих поступков, которые его сердцем или его волей когда-либо были пережиты. Они все его, они составляют часть его сущности. Он не может поставить их на одну сторону, а сам встать на другую и сказать: «Это не мое, я никогда этого не делал». Он есть то, что когда-либо делал. Человек должен объяснить все и по итогам заплатить по долгам. При этом исследователь считал, что наказание выступает единственным способом сведения счетов. Наказание нам причитается, и поэтому нам назначается. Такова, по мысли философа, мораль обычного человека, так как она справедлива для обычного сознания.

Продолжателями традиций стали: британский политический деятель, профессор Кембриджского университета Кортни Станхоуп Кенни (1847–1930), перу которого принадлежат «Основы уголовного права»[540], а также профессор Университета Джона Хопкинса, сооснователь и первый президент Американской ассоциации политических наук Уэстел Вудбери Уиллоуби (1867–1945), приложивший значительные усилия к разработке положений о «карательном правосудии», опубликованных в 1900 г. в его работе «Социальная справедливость»[541].

Не менее весомый вклад в развитие философии уголовного права внесли профессора Северо-Западного университета США Альберт Коцоурек (1875–1952) и Джон Генри Вигмор (1863–1943), под руководством которых группой авторитетных специалистов того времени из Соединенных Штатов Америки, Англии, Шотландии и других стран было подготовлено и издано получившее широкое признание произведение под названием «Эволюция права». Одной из ценнейших частей монографии стал раздел, посвященный эволюции уголовного права. Его соавторы – ирландский политик, Генеральный прокурор Ирландии Ричард Р. Черри (1859–1923), британский теоретик и социолог, идеолог социального либерализма Леонард Трелони Хобхаус (1864–1929), доктор философии, заведующий кафедрой социологии и антропологии Чикагского университета Эллсворт Фарис (1874–1953) – исследовали вопросы, связанные с зарождением

---

[540] *Kenny C.S.* Outlines of Criminal Law. – London, 1907.

[541] *Willoughby W.W.* Social Justice. Anglo-American Philosophies of Penal Law // Journal of Criminal Law & Criminology. – 1910/1911. – No 1. – P. 354.

уголовного права, примитивными формами его проявления, дальнейшим развитием уголовной юстиции, а также происхождением наказания[542].

В *Новейшее время* внимание философии к уголовно-правовой реальности ослаблено не было. Напротив. Начало периода отмечено активизацией и консолидацией усилий по познанию криминальной реальности. Одним из оснований для этого послужил наметившийся и особенно проявивший себя на исходе Нового времени рост критических оценок результативности философского осмысления уголовно-правового бытия. Частные взгляды и усилия отдельных специалистов по его познанию уже не удовлетворяли научную общественность. В итоге как на европейском, так и на англо-американском направлениях обозначились четкие предпосылки к институциализации исследовательского интереса к философии права в целом и философии уголовного права в частности.

Наиболее часто отрицательные характеристики уровня развития философии права встречаются в работах представителей англо-американской школы, вышедших в свет на пороге XIX–XX вв. Одно из таких критических суждений принадлежит Уильяму Г. Миллеру, который в своих лекциях по философии права прямо заявил о неразвитости этой дисциплины в Англии[543]. Но есть и другие примеры, и на их фоне просматривается, что аналогичные оценки разделялись более широкими научными кругами, а интерес к дисциплине подталкивал их к кооперации.

Скопление критической массы сначала дало о себе знать на англо-американском направлении. Нехватка знаний о достижениях в данной области науки и, одновременно, нарастающее осознание социального значения уголовного права как чувствительного средства общественного регулирования привели к созыву и проведению в июне 1909 г. Национальной конференции по уголовному праву и криминологии, состоявшейся в Чикаго на базе Северо-Западного университета США. Одним из главных ее итогов стало понимание и признание научным сообществом того, что уголовные или исправительные меры не могут быть неиз-

---

[542] См.: *Kocourek A., Wigmore J.H.* Evolution of Law: Select Readings on the Origin and Development of Legal Institutions. Vol. 2: Primitive and Ancient Legal Institutions. – Boston, 1915.

[543] См.: *Miller W.G.* Op. cit. – P. 4.

бирательными и механистичными. Они должны быть адаптированы к причинам каждого преступления и к человеку, ставшему их заложником.

По свидетельству Тарда, толчком к осознанию той истины, что всякое уголовно-правовое воздействие должно быть максимально индивидуализировано применительно к человеку и к совершенному им преступлению, послужила медицина. В ней продолжительное время подразумевалось, что болезни посылаются непостижимой волей Бога, а в качестве основного средства излечения от наиболее распространенных заболеваний использовалась процедура кровопускания. Со временем все эти представления медицинской науки были признаны архаичными и оставлены в прошлом. Сформировалось и утвердилось мнение о том, что индивидуализация болезни (причины и лечения) является доминирующей истиной современной медицинской науки.

Достижения естественных наук подтолкнули участников конференции еще к одному выводу. Они отметили, что юриспруденция существенно отстает от уровня их развития. Притом что эти науки призваны способствовать достижению правом своих конечных целей. Но общественность в целом и специалисты в частности либо оставались в неведении относительно результатов технического прогресса, либо проявляли безразличие ко всему научному движению. И, как отмечал Тард, «это невежество или безразличие блокировало путь к прогрессу в управлении общественными процессами»[544].

В итоге осознание отмеченной истины потребовало пересмотра целого ряда ключевых положений уголовного права, а также поиска и изучения всех возможных данных, которые могли прояснить происхождение преступления и круг факторов, приводящих к его совершению, – наследственность человека, физические и нравственные характеристики индивида, его психоэмоциональный темперамент, окружение личности и другие условия жизнедеятельности на различных этапах ее формирования. Одним словом, выяснению подлежали все влияющие на человека и его поведение обстоятельства.

Другим итогом конференции стало учреждение Американского института уголовного права и криминологии, который был обязан способствовать реше-

[544] См.: *Tarde G.* Op. cit. – P. V–VI.

нию всех названных задач, признать изучение современной криминалистики насущной обязанностью юристов и общества в целом.

Еще одна не менее важная задача состояла в организации Комитета по тщательному отбору и переводу на английский язык авторитетной иностранной литературы в области криминалистики, в том числе философии уголовного права. Перед этим Комитетом ставилась цель выбрать работы, наилучшим образом представлявшие различные школы и концепции, точки их соприкосновения и расхождения, общие результаты, наиболее полную палитру методов исследования, а также были полезны для уголовной науки США. Пристальное внимание уделялось тем источникам, в которых помимо традиционных – юридических – аспектов раскрывались еще философские, антропологические, психологические, социологические, статистические, экономические и даже медицинские составляющие уголовно-правового мира. Выбор пал на Европу (Францию, Германию, Италию), где, как считалось в те времена, наука более всего преуспела в названных направлениях. На этот счет в литературе отмечается, что если в Америке только приступали к постановке задачи, то в континентальных странах все отрасли науки, полезные для юриспруденции, уже работали. Речь идет прежде всего о философии, антропологии, медицине, психологии, экономике, социологии, пенологии и т. д.

Поиск литературы призван был решать еще одну задачу – служить надежным основанием для воспитания профессиональных кадров и общественного сознания путем распространения информации по этому вопросу, а также интеллектуальным базисом для совершенствования уголовного законодательства.

Во многом похожая конференция прошла в октябре 1909 г. в Берлине, на ней учредили функционирующую до сих пор Международную ассоциацию по философии права и социальной философии. Она призвана содействовать развитию дисциплин на национальном и международном уровнях. Ассоциация и ее национальные секции организуют проведение аналогичных конгрессов, лекций и других мероприятий. За долгие и успешные годы работы Ассоциация пришла на все континенты и стала по праву занимать центральное место в мире академических организаций по изучению и развитию юридической и социаль-

ной философии. В апреле 1983 г. Ассоциация на базе Университета Манчестера провела международную конференцию, посвященную вопросам философии уголовного права[545].

Руководили ассоциацией известные ученые, в том числе Нил Маккормик (N. MacCormmick) (Шотландия), Энрико Паттаро (E. Pattaro) (Италия), Евгений Булыгин (Аргентина), Мортимер Селлерс (M. Sellers) (США) и Ульфрид Нойманн (U. Neumann) (Германия). Последний, являясь по совместительству профессором Франкфуртского университета, активно занимается исследованием философских основ уголовного права. Одна из ключевых его работ посвящена поиску и описанию новых теорий преступности и наказания, в ней автор успешно реализовал свои знания в области онтологии и социологии права[546]. Нойманн, как один из ведущих современных специалистов в исследуемой сфере в Европе, читает лекции по актуальным проблемам уголовного права и философии, а также возглавляет научный Фонд имени Густава Радбруха, который, в свою очередь, был основным модератором рассматриваемого направления на пороге XIX–XX вв.

Одной из последних европейских инициатив стало создание и учреждение в Брюсселе в июне 2010 г. ведущими учеными мира Центра исследований международного права и политики (The Centre for International Law Research and Policy – CILRAP), который ставит перед собой задачу внести вклад в названные области научной и практической деятельности. Центр состоит из двух основных отделов – Форума по международному уголовному и гуманитарному праву (Forum for International Criminal and Humanitarian Law – FICHL) и Академического издательства (Torkel Opsahl Academic EPublisher – TOAEP).

Ключевой инициативой Центра стал исследовательский проект «Философские основы международного уголовного права». Этот проект преследует цели: а) анализ основополагающих концепций в области международного уголовного права, б) корреляция между учениями ведущих философов права и концептами

---

[545] См.: Philosophy and the Criminal Law: Association for Legal and Social Philosophy tenth annual conference at the University of Manchester, 8th–10th April 1983 / Ed. by A. Duff and N. Simmonds. – Wiesbaden, 1984.

[546] См.: *Neumann U., Schroth U.* Neuere Theorien von Kriminalitet und Strafe: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – Darmstadt, 1980.

специалистов международного уголовного права, в) исследование потенциальных возможностей и пределов международного уголовного права.

Основанием для реализации такого проекта послужил нарастающий уровень напряженности в международных делах, а самое главное – понимание того, что унаследованная международная правовая система главным образом сформирована в XVIII в., когда международное право востребовалось редко и в основном рассматривалось в качестве средства урегулирования межгосударственных конфликтов. Вызовам современности отмеченное право и его теория не отвечают. Они нуждаются в пересмотре, обновлении и дополнении, поскольку, как отмечает директор CILRAP и профессор Пекинского университета права М. Бергсмо, прежнего понятийного аппарата недостаточно для отражения, диагностики и прогнозирования протекающих в мире процессов.

С учетом наметившихся тенденций авторы проекта предлагают сосредоточиться на основополагающих категориях и не ограничиваться смысловыми значениями таких понятий, как «наказание», «ответственность», «возмездие», «психическое состояние», «намерение», «вред», «охраняемый законом интерес», «человечество», «целостность», «сдерживание», «предотвращение», «суверенитет» и т. д. Высказываются за восстановление, как пишет профессор Кембриджского университета Ф. Аллот, высокой социальной функции философии, которая пришла в упадок в западной традиции XX в., и с ее помощью вводить в социально-правовой оборот новые термины («примирение», «единство» и др.), а также разрабатывать механизмы по их реализации[547].

Центр также отстаивает позицию, чтобы специалисты при разработке философских основ международного права отталкивались – но ни в коем случае не ограничивались – от основополагающих концепций, разработанных еще Гуго Гроцием, Томасом Гоббсом, Эммерихом де Ваттелем, Иммануилом Кантом, Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем, Джереми Бентамом, Джоном Стюартом Миллем, Рафаэлем Лемкиным, Ханной Арендт и Юргеном Хабермасом. Но помимо переосмысления идей мыслителей философия современного международного уголовного права должна искать ответы на следующие

[547] См.: *Allot Ph.* How to Make a Better World: Human Power and Human Weakness // FICHL. Policy Brief Series. – 2016. – No 75.

вопросы: должна ли эта отрасль права становиться общей для всего человечества? Выходить за рамки проступка в условиях вооруженных конфликтов и других подобных чрезвычайных ситуаций? Касаться случаев причинения серьезного вреда, например, окружающей среде, общественному здоровью или финансовым рынкам? Имеет ли международное уголовное право в настоящее время рудиментарные формы прошлого и в состоянии ли оно защищать новые ценности современного мира? Подразумевают ли онтологические основы международного уголовного права общее исполнение и еще более обязательные юрисдикционные механизмы, чем те, которые уже возложены на Международный уголовный суд?

Процесс институализации философии права и уголовного права получил развитие в отраслевых периодических изданиях. На XX в. приходится выпуск в свет таких журналов, как Journal of Criminal Law & Criminology (1909 г.), The Oxford Journal of Legal Studies (1981 г.), Law and Philosophy (1982 г.), The Journal of Moral Philosophy (2004 г.), в каждом из которых значительное внимание уделяется междисциплинарным исследованиям и философии уголовного права в частности. Эти издания знакомят современное поколение с трудами и взглядами на философские проблемы уголовного права таких мыслителей, как Джон Хопкинс, Уэстел Вудбери Уиллоуби, Фрэнсис Брэдли и Герберт Спенсер.

В 2007 г. одним из самых авторитетных немецких издательств «Шпрингер» учрежден специализированный международный журнал по вопросам философии преступления, уголовного права и наказания – Criminal Law and Philosophy. Издание публикует статьи, в которых с философской точки зрения рассматривается весь спектр вопросов уголовного права, наказания и правосудия. Издатель считает, что философия уголовного права в настоящее время переживает свой ренессанс, и появление такого журнала призвано восполнить пробел в научной литературе по рассматриваемой тематике.

В начале XXI в. высокий темп кооперации на континентальном и англо-американском направлениях продолжил наращиваться. Этот процесс в основном проявился на уровне издания коллективных монографий, включающих в себя авторов различных континентов мира из разных систем права.

Одним из примеров служит «Оксфордский справочник по юриспруденции и философии права», вышедший в свет в 2004 г. под редакцией Джулса Л. Кольмана – профессора права и философии Йельского университета, Кеннета Эйнара Химма – преподавателя философии Университета Вашингтона, и Скотта Шапиро – профессора права Университета Иешива[548]. Авторы сборника уделили самое серьезное внимание основам естественного права, рассмотрев его с позиций как классических теорий, так и современных практик. Исследованию также подвергся юридический позитивизм. Но помимо общеправовых тем значительный интерес в справочнике проявлен к философии отраслей права. Вопросы *философии общего права* рассмотрены профессором Университета Северной Каролины Джеральдом Постемой, *философии частного права* – профессором Фордхэмского университета Бенджамином Зипарским, *философии деликтного права* – профессором Университета Торонто Артуром Рипстейном, *философии договорного права* – профессором Университета Вирджинии Джоди Краусом, *философии собственности* – профессором Гарвардского университета Питером Бенсеном, *философии международного права* – профессорами Нью-Йоркского университета Дэвидом Голове и Алленом Бучананом.

Ключевые проблемы философии уголовного права в данном справочнике раскрыл профессор Университета Сан-Диего Ларри Александр. В своем эссе автор почти полностью соединил основные вопросы философии уголовного права с правом наказания, с теорией и историей его становления. Предельные основания отмеченного права сведены к трем концепциям наказания, в которых оно рассмотрено с позиции ретрибутивизма, консеквенциализма и опасности. В справочнике уделено внимание причинам наказания, обсуждены вопросы уголовной ответственности за бездействие и обоснована необходимость построения общей нормативной теории уголовного права[549].

---

[548] См.: The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / Ed. by J.L. Coleman, K.E. Himma, S.J. Shapiro. – Oxford, 2004.

[549] См.: *Alexander L.* The Philosophy of Criminal Law. 2001 // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Legal Theory, Forthcoming. – URL: https://ssrn.com/abstract=285954 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.285954.

В качестве более специализированного примера можно привести вышедший в свет в 2011 г. «Оксфордский справочник по философии уголовного права», редакторами которого явились Джон Деиж – профессор права и философии Университета штата Техас в Остине, и Дэвид Далинко – профессор права Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе[550]. Справочник содержит очерки, написанные учеными с международной репутацией. Его соавторами являются Джеральд Дворкин (США, Университет Калифорнии), Леонард Самнер (Канада, Университет Торонто), Митчелл Берман (США, Университет Пенсильвании), Дуглас Гусак (США, Университет Рутгерса), Эндрю Эшворт (Великобритания, Оксфордский университет), Кристофер Куц (США, Университет Калифорнии), Майкл Мур (США, Университет штата Иллинойс), Ларри Александр (США, Университет Сан-Диего), Кимберли Кесслер Ферзан (США, Университет Вирджинии), Джошуа Дресслер (США, Университет Огайо), Уолтер Армстронг (США, Университет Дьюка), Марсия Барон (США, Университет штата Индиана), Кэрол Стэйкер (США, Гарвардский университет), Энтони Дафф (Великобритания, Университет Стирлинга), Стивен Гарви (Великобритания, Университет Ковентри).

Справочник признан первым всеобъемлющим изданием по философии уголовного права. Он содержит 17 оригинальных эссе ведущих ученых в рассматриваемой области и охватывает основные темы отрасли, в том числе пределы уголовного права и криминализации, основы институтов причинности, виновности, ответственности, проблемы принуждения, провокации и самообороны, вопросы наказания, смертной казни, помилования, предварительного заключения и других альтернативных видов наказания. Справочник признан бесценным ресурсом для ученых и студентов, чьи научные интересы связаны с теорией и философией уголовного права.

* * *

В завершение можно отметить, что здесь представлен историографический обзор основных явлений, процессов и взглядов, отражающих зарождение, ста-

---

[550] См.: The Oxford Handbook of the Philosophy of the Criminal Law / Ed. by J. Deigh and D. Dolinko. – Oxford., N. Y., 2011.

новление и развитие философии уголовного права в европейской и англо-американской традициях. Обобщенный материал демонстрирует основные вехи истории указанных школ и не претендует на исчерпывающий обзор отраслевой литературы. Но он дает возможность дополнить или сформировать представления о мире философии уголовного права и оценить положение одноименной отрасли знания в отечественной науке, в которой на современном этапе очень робко обсуждается вопрос о необходимости и полезности для нее философии уголовного права, а целым рядом специалистов и вовсе ставится под сомнение потребность в названной дисциплине. Автор стремился не только ввести в научный оборот малоизвестные зарубежные источники, указать ведущих специалистов в рассматриваемой области, обратить внимание на преемственность исследовательского интереса к криминальному миру, но и продемонстрировать то, что европейские и англо-американские школы актуальность философско-правового знания не подвергают сомнению. После постановки и обсуждения этих вопросов еще в античные времена мыслители более не возвращались к ним и не ставили их под сомнение, последовательно продвигаясь в своих изысканиях. И сегодня они небезосновательно считаются ведущими и авторитетными учеными в области философии уголовного права.

В этом смысле история европейских и англо-американских школ как наиболее ценная часть мировой философии уголовного права в определенной мере служит примером для отечественной философии и науки уголовного права. Из нее можно вполне уверенно извлечь ряд полезных уроков. Сопоставление прошлого с настоящим отмеченных школ свидетельствует о том, что научный интерес их представителей в большинстве случаев был подчинен предмету своего исследования, т. е. уголовному праву как «вещи в себе», что объясняет их преемственность. Поскольку они не стремились приспособить этот предмет под политико-догматические представления, философия уголовного права никогда не выпадала из орбиты как собственно научной, так и общественной жизни. В итоге рассмотренные школы сегодня имеют свою историю, входят в общемировую историю и на основе этих историй самостоятельно и уверенно следуют через настоящее в будущее.

4.3. Уголовно-правовые представления в отечественной философии

Становление философии права как научно-образовательной дисциплины в России началось в середине XVIII в. и связано с появлением первых университетов. Спустя век итоги генезиса философии права в отечестве подвел выдающийся русский юрист и философ права Николай Михайлович Коркунов (1853–1904). Он справедливо констатировал, что «русское правоведение имеет свою особую историю, не укладывающуюся в общие рамки исторического развития правоведения». Эта особенность обусловлена поздним появлением на Руси научного знания и воспроизводящих его институтов, что предопределило поворот наших юристов к западной науке, которая к тому времени уже прошла этап формирования и уверенно давала обществу хорошие плоды.

Университеты заложили начало русского правоведения, пересадив на русскую почву и взрастив на ней юридическую науку. Отношение русских юристов к западной науке, как отметил мыслитель, было сравнимо с отношением глоссаторов к римской юриспруденции. Деятельность специалистов до самого последнего времени ограничивалась главным образом усвоением результатов юридической науки Запада. Из-за недостатка собственных интеллектуальных сил перед наукой стояли специфические задачи. Во-первых, «нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы...». Во-вторых, «нам прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки». За полтораста лет эти задачи были решены. «Мы почти успели наверстать, – писал Н.М. Коркунов, – отделявшую нас от западных юристов разницу в более шесть столетий»[551].

На основе отмеченных и в общем-то критических наблюдений Н.М. Коркунова позднее исследователями было обращено внимание на историю собственной страны и на ее философско-правовое наследие. Его изучение позволило специалистам прийти к выводу о том, что летоисчисление отечественной философско-правовой мысли надлежит вести со времен формирования Киевской Руси как государственного образования, а саму мысль о праве черпать и далее развивать из хорошо известных юридической науке памятников древнерусской литературы: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.), «По-

---

[551] *Коркунов Н.М.* История философии права. 7-е изд. – М., 2011. – С. 233–236.

весть временных лет» Нестора-летописца (XII в.), «Поучения» князя Владимира Мономаха (XII в.), «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Моление» Даниила Заточника (XII–XIII вв.).

В отмеченных произведениях на базе духовного синкретизма впервые нашли отражение актуальные для того времени правовые идеи, изложенные на начальном этапе на основе религиозно-символического мышления и преимущественно касались вопросов происхождения русского государства, законности существующей власти, форм государственного правления и отношения к подвластным. В целом генезис философско-правовой мысли с древних времен по настоящее время прослежен. Ее содержание успешно конкретизировано специалистами через отождествление с конкретными эпохами, социально-политическими событиями и даже географическими открытиями. Каждая мысль, безусловно, связана с ее авторами, которые выступали активными модераторами политико-правовых идей и занимались их практическим воплощением в жизнь.

Генезису уголовно-правовой мысли уделялось и уделяется не менее пристальное внимание. Ход ее становления не отличался от процесса эволюции общеправового контекста со всеми его безмерными заимствованиями, что, в принципе, не считалось зазорным. Лишь небольшой круг специалистов рефлексировал на сплошные иностранные рецепции, обнаруживал в нескромной по своим масштабам и слепой по своему качеству оглядке на западную науку опасность утраты самобытности. В частности, профессор Императорского Новороссийского университета А. Богдановский (1832–1902) еще в 1857 г. писал о том, что «с законодательства Петра русское уголовное право начало лишаться национальных, так сказать, обычных черт, принимая в себя научные начала, выработанные германской наукой и практикой, и таким образом получило иной характер»[552]. Именно поэтому криминалисты обращали свой взыскательный взгляд на познание отечественной уголовно-правовой мысли, возникшей в русском праве до Петра Великого[553], когда и она, и законодательство развивались исключительно

---

[552] См.: *Богдановский А.М.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. – М., 1857. – С. 3.

[553] См., напр.: *Чебышев-Дмитриев А.П.* О преступном действии по русскому до-петровскому праву. – Казань, 1862.

самобытно, когда юридические идеи образовывались и выражались под углом народного зрения, как отмечал ученый.

Значительно меньший интерес проявлен исследователями к эволюции философии уголовного права. В наличии имеем до сих пор не превзойденный по своей масштабности и фундаментальности труд Григория Самуиловича Фельдштейна (1868–1930) – автора, который, как справедливо отметил В.А. Томсинов, принадлежит к числу забытых российских правоведов. О нем молчат энциклопедии и биографические словари. Лишь иногда в какой-нибудь книге или статье, посвященной уголовному праву, встретится сноска на его работу[554]. Вместе с тем его авторству принадлежит одна из самых обширных в области истории русской юриспруденции монография – «Главные течения в истории науки уголовного права в России», вышедшая в свет в Ярославле в 1909 г.

Со слов самого правоведа известно, что он не ставил перед собой задачу написать историю науки уголовного права в России. Цель своих усилий ученый сводил к выяснению «главнейших моментов в истории научной обработки материала уголовного права в России», в определении «точных фактов из истории науки уголовного права», в выявлении «тех непосредственных и ближайших влияний, которым подверглась русская криминалистика...», в фиксации «главных особенностей процесса развития этой ветви юриспруденции в нашем отечестве»[555]. Правовед, безусловно, достиг поставленной перед собой цели. Он смог уделить внимание самым разным сторонам науки уголовного права, существенным образом влиявшим на ее становление и развитие.

При определении детерминант и оценке степени их влияния на уголовно-правовую мысль самое существенное внимание Г.С. Фельдштейн уделил философскому знанию. Уникальные результаты его обобщений позволяют исследователям измерить уровень востребованности философии отечественной наукой уголовного права. По итогам своей работы ученый пришел к неутешительным выводам. Изучение тех непосредственных и ближайших влияний, которым подверглась русская криминалистика, показало, что самое значительное воздействие оказала

---

[554] См.: *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова (воспроизводится с издания 1909 г., Ярославль). – М., 2003.
[555] Там же. – С. 3–6.

западноевропейская наука. Она же выступала основным и, пожалуй, единственным поставщиком философских знаний, которые отечественная юриспруденция без верификации и без учета самобытности уголовного права в нашем отечестве принимала и немедленно адаптировала в своих пределах.

Среди всех философских школ значительного расцвета в научной уголовно-правовой мысли получили эмпирические направления, зародившиеся в эпоху реформ Петра Великого и были популярны еще целое столетие. С появлением трудов И. Канта и Г. Гегеля на следующем этапе становления науки уголовного права в России школа эмпириков утратила свое доминирующее значение. Сменившая эпоха предложила ряд глубоких исследований общих проблем уголовного права и разработки положительного уголовного законодательства. В русскую науку пришли достижения философских школ Германии. Усиленно насаждалось гегельянство и заимствовались те учения уголовного права, которые поддерживали этическую и религиозную составляющие уголовно-правового строя.

Однако период углубления в трансцендентные основы уголовного права, заданный немецкими философами, длился недолго. Идеи чистого разума, постулируемые логически оперирующей мыслью человека, скоро потеряли почву под ногами и были вытеснены из научного оборота, чтобы уступить место более положительно обоснованным доктринам. Вслед за западной наукой отечественные исследователи быстро оставили в стороне вопросы онтологии. Последние метафизические построения в области уголовного права С.В. Познышев наблюдал в XVIII в. Уже в XIX в. они приобрели вид «очень слабых остатков прежних метафизических увлечений»[556]. Над наукой стали довлеть уголовно-политические соображения. Востребованными оказались взгляды таких политических писателей, как Беккариа, Филанжери, Дидро, Вольтер и др., которые давали ответы на задачи момента, не считаясь с рядом особенностей и самой личностью, а также с таким историческим фоном, на каком она выступала как реальная величина. Эти особенности как бы приносились в жертву или, вернее, исчезали из поля зрения

---

[556] *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть. 2-е изд. – М., 1912. – С. 13.

ради достижения главной цели. В западноевропейской литературе этот поворот криминалистической мысли привел к появлению весьма реального движения, родоначальником которого был отчасти Хр. Штельцер, но главным выразителем и бесспорным главой был А. Фейербах. Русская криминалистика фиксировала эти повороты, всячески стараясь за ними успевать и даже им подражать.

К непосредственным модераторам философской мысли в России, имевшей своим интересом уголовное право, Г.С. Фельдштейн отнес Л.А. Цветаева, В.С. Филимонова, Г.Ф. Покровского, А.П. Куницына, Б.О. Рейта, Н.Г. Белоусова и М.В. Билевича, которые отстаивали естественно-правовые конструкции, черпавшие свои посылы в разуме и его логических заключениях. Также ученый отметил В. Титарева и К. Пауловича, представлявших уголовно-правовые учения, опирающиеся на естественно-правовую доктрину, стремящуюся к преобразованию общественных отношений. Эклектическими построениями в уголовном праве занимались И.Х. Финке, Е.П. Манасеин, И.М. Ланг, Х.А. Шлецер, И.Д. Вильке, М.Я. Малов, И.М. Наумов, добивавшиеся возведения естественного права в степень общей теории уголовного права.

К представителям философско-догматического направления Г.С. Фельдштейн отнес криминалистов-гегельянцев – П.Г. Редкина, А.И. Палюмбецкого, Р. Шишкина, Н. Полетаева, а также представителей историко-философской школы уголовного права – И.Н. Даниловича, Г.С. Гордеенко, Д.М. Семеновского, А.С. Жиряева, П.Д. Колосовского, А.П. Чебышева-Дмитриева, у которых, по наблюдению ученого, философия была утилизирована до способа обработки положительного права и находилась на службе у догмы. Еще к представителям уголовно-правовой мысли правовед причислил русских политических писателей – Н.С. Мордвинова, П.И. Пестеля, Б.Г. Каховского и Н.И. Тургенева, которые на фоне усиливающегося культурного общения с Западом и освободительных веяний первой половины царствования Александра I поддерживали и развивали взгляды Монтескье и Беккариа, уголовно-политические идеи И. Бентама, Говарда и Болинброка.

На первый взгляд может показаться, что, относя отмеченных мыслителей к философам уголовного права, Г.С. Фельдштейн ошибся, обратив внимание толь-

ко на представителей политико-исторических идей и школ уголовного права, которые лишь частично соприкасались с философией. Зная биографию каждого, можно уверенно сказать, что никто из перечисленных авторитетных ученых, кроме зарубежных мыслителей, собственно философом не был и философской разработкой уголовного права профессионально не занимался. Большинство из них – либо юристы, либо историки. Только М.В. Билевича можно с определенной долей условности отнести к искомой категории специалистов, так как он работал по направлению Харьковского университета в новгород-северской гимназии на должности учителя философии, а затем профессором политических наук в лицее князя Безбородко.

Спустя сто лет научное достижение Г.С. Фельдштейна попытался повторить Ю.В. Голик. Издав сборник работ «Философия уголовного права» с собственной вступительной статьей, он решил напомнить современному поколению о философии уголовного права и ее лучших представителях. К их числу он отнес С.П. Мокринского, Н.Д. Сергиевского, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, Ад. Франка и И.В. Михайловского, но среди них только двух последних можно считать философами.

Круг философов в мировоззрении криминалистов существенно сокращается. Не вызывает сомнения и то, что область философии в уголовно-правовом знании также сужается. Но главное в том, что не проводится сколь-нибудь заметной работы по изучению, обобщению и систематизации отечественного философского наследия, которое на самом деле достаточно представительно. К сожалению, оно до сих пор криминалистами не распознано и в качестве полезного для науки уголовного права источника не востребовано.

К числу ведущих мыслителей, занимавшихся в России уголовно-правовой проблематикой, относятся Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Вл.С. Соловьев, В.В. Розанов, Н.О. Лосской, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, П.А. Флоренский, И.А. Ильин, С.И. Гессен, Н.А. Реймерс и др. Не каждый из отмеченных философов с должной широтой, с интересной для правоведа обстоятельностью и детальностью рассмотрел проблематику уголовного права. Для этого у них есть свои причины, которые не должны вводить в заблужде-

ние криминалиста. Его должны интересовать взгляды мыслителя или даже его отдельные высказывания для составления полноценного образа отечественной философии уголовного права, поскольку, как писал Н.М. Коркунов, «русскому юристу стыдно не знать своих предшественников». «Много или мало они сделали, мы должны это знать»[557].

Если руководствоваться хронологическим принципом, то надлежит начать с наследия Федора Михайловича Достоевского (1821–1881), который, несмотря на отсутствие философского образования и удаленность от академической философии, на самом деле являлся, как высказался американский специалист Джеймс Сканлан, одним из самых философских писателей[558]. Таким, в сущности, признавал себя и сам классик, порой одергивая себя за излишнее философствование. Он одним из первых русских писателей обратил самое пристальное внимание на уголовно-правовую тему, не упускал возможности ее затронуть. «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы» – только некоторые яркие примеры, подтверждающие это. В них Раскольников совершает убийство, Иван Карамазов – отцеубийство, а Кириллов осмеливается на самоубийство.

Но не будем раскрывать идеи Ф.М. Достоевского через созданные им художественные сюжеты и их толкование по ряду причин. Во-первых, наследие неплохо изучено. Во-вторых, о взглядах писателя судить очень трудно, так как в каждом произведении говорят герои, а не писатель. При этом ведут дискуссию всегда остро, непременно полярно и даже взаимоисключающе. На этот счет сам мыслитель в «Дневнике писателя» признавался в том, что он романист и многие из написанных им историй ему попросту показались. Порой он сам удивлялся своим монологам, с одной стороны, не находя в них ничего противоречивого, а с другой стороны, удивляясь тому, что в них все так устроено, «что ничего согласить нельзя». «Подумайте, – писал Ф.М. Достоевский в “Дневнике писателя”, – ну что, казалось бы, могло быть законнее и справедливее этого монолога? А между тем ведь он в высшей степени незаконен и несправедлив. Стало быть, и законен и, стало быть, и незаконен, что за путаница!»

---

[557] *Коркунов Н.М.* Указ. соч. – С. 233.

[558] См.: *Сканлан Д.* Достоевский как мыслитель = Dostoevsky the Thinker / Пер. с англ. Д. Васильевой и Н. Киреевой. – СПб., 2006. – С. 9.

И все же многое проясняет «Дневник писателя» – не имеющий аналогов в истории русской и мировой журналистики ежемесячный журнал философско-литературной публицистики Ф.М. Достоевского, выходивший в 1876–1877 и 1880–1881 гг. Там он говорил от своего лица и собственным словом. Как отметил И.Л. Волгин, «“Дневник писателя” – это дневник общественной жизни, пропущенной через личное писательское восприятие. Достоевский вступает на “дневниковое” поприще отнюдь не в качестве журналиста или публициста, а именно в качестве писателя...»[559].

С особенной силой и болью, отмечал П. Новгородцев, говорил Достоевский о том, что «преступление совсем не означает природной аморальности, а, наоборот, свидетельствует (отрицательно) о том, что, отходя от добра, человек теряет нечто, без чего ему жить нельзя»[560]. В этом же контексте писатель думал о наказании. По его убеждению, в основе наказания должно лежать нравственное начало. Только то наказание, которое ему подчиняется, вызывает у Ф.М. Достоевского полное и твердое одобрение. Наказание как институт принуждения должно иметь своей целью не возмездие, а перевоспитание.

К числу прочих средств, не менее нужных для достижения главной цели наказания – перевоспитания, писатель отнес образование и духовное воспитание. Что касается видов наказания и их иерархии, то Ф.М. Достоевский выделил лишение свободы как самое действительное из сдерживающих наказаний. Смертную казнь не признавал и отрицал возможность применения ее в качестве меры наказания. Эта мера, говоря словами хорошего знатока писателя Б.Н. Титова, не создавала условий для выпалывания человеком сорняков из собственной души, не способствовала его победе над «прежним животным» и взращиванию «воистину новых людей». Лишь обозначив ростки зла во внутреннем мире, человек может направить свое внимание и силы на их искоренение, предотвратить их органический рост и распространение, нащупать и разрушить мосты между эгоис-

---

[559] *Волгин И.Л.* Поверх барьеров. Загадка «Дневника писателя» // *Ф.М. Достоевский.* Дневник писателя:в 2 т. Т. 1 / Вступ. ст. И. Волгина, коммент. В. Рака, А. Архиповой, Г. Галаган. – М., 2011. – С. 9.

[560] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя / Сост., коммент. А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. – М., 2010. – С. 26.

тическими свойствами «натуры» и ложными идеями, предупредить девальвацию таких высоких понятий, как идеал, свобода, братство[561].

Наряду с Ф.М. Достоевским собственное отношение к уголовному вопросу попытался выразить Лев Николаевич Толстой (1828–1910). В отличие от своего современника писатель не посвящал преступлению и наказанию отдельного труда. По этой тематике наиболее обстоятельно он высказался в своем многолетнем этико-философском и религиозном произведении – «Путь жизни» (1910). В нем писатель продолжил развивать идею о «непротивлении злу силою» применительно к самому широкому кругу вопросов. Взгляд на природу преступления и наказание не стал тому исключением.

Л.Н. Толстой с опорой на размышления своего единомышленника, американского священника и сторонника идеи непротивления Э. Баллу (1803–1890), отмечал, что, «если справедливо, что все добрые люди хотят того, чтобы прекратились те злодейства, грабежи, богатства богатых, нищета нищих, все те убийства, преступления, которые омрачают жизнь человечества, то им надо понять, что достигнуть этого никак нельзя борьбой и возмездием. Все родит себе подобное, и пока мы не противопоставим обидам и насилиям злодеев совсем противные им дела, а, напротив, будем делать то же самое, что и они, то тем будем только пробуждать, поощрять и воспитывать в них все то зло, об искоренении которого мы как будто хлопочем. Мы сделаем только то, что зло будет переменять свой вид, но будет то же самое»[562].

Явным примером непонимания значения отмеченного тезиса служит, по мнению просветителя, участие граждан в формировании и поддержании государства как института насилия. Он считал ошибочными ожидания того, что государство может избавить от преступности. На самом деле, утверждал писатель, государство прибегает к насилию не для искоренения зла, а потому, что оно сознает свое бессилие убедить людей в своей необходимости. «Правители учат и говорят, что насилие власти охраняет всех людей от насилий и обид дурных людей, что как только насилия властей прекратятся, так немедленно им на смену начнут злые люди убивать и мучить добрых». Такие утверждения писатель считал явной и бесстыдной ложью.

---

[561] См.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. – М., 2006.

[562] *Толстой Л.Н.* Путь жизни. – СПб., 1910. – С. 89.

Феномены преступления и наказания писатель рассматривал как публицист и в тесной привязке к государству, противником которого он выступал. Государство воспринимал в качестве основного рассадника преступлений. К числу главных его прегрешений он отнес избавление граждан от чувства ответственности, наступающего от самого факта наличия государства[563]. Другое преступление государства он усмотрел в том, что оно признает и оправдывает неравенство. Научает своих граждан «тому, что есть короли, богачи, знаменитости, к которым должно относиться с уважением, и есть слуги, рабочие, нищие, к которым должно относиться только с снисхождением!»[564]. Третье преступление правительства писатель обнаружил в его безразличии или поощрении блуда, в котором пребывают граждане. Четвертое – в признании собственности на землю, которую он отличал от собственности на предметы.

К подобным размышлениям такого величайшего гения, как Л.Н. Толстой, можно относиться по-разному, полагал А. Блок. Можно упрекать их в утопичности, недальновидности и даже в фанатичности. Но ему нельзя отказать в смелости и честности. В своем взгляде на человека, общество и государство он старался исходить не из той или иной теории, а из правды. Хотя специалисты смогли специфицировать его творчество и классифицировать взгляды. Известный историк отечественного права Ю.И. Козлихин, в частности, небезосновательно отмечает, что позиция писателя «совмещает идеи нескольких концепций: этатистского позитивизма, классовой теории и анархизма с той лишь разницей, что представители этих направлений критиковали право, но никому из них не приходило в голову отрицать право в принципе. Классические этатисты, – отмечает Ю.И. Козлихин, – никогда не рассматривали государство как абсолютное зло. Толстой же, как и марксисты, считал, что было время, когда государства не было, и должно наступить время, когда его не будет. Но в отличие от них он полагал, что появление государства вообще было не оправданно, случайно и связано с человеческими суевериями»[565].

---

563 *Толстой Л.Н.* Путь жизни. – СПб., 1910. – С. 29.

564 Там же.

565 *Козлихин И.Ю.* Лев Толстой как зеркало русского правосознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2014. – № 4. – С. 5–14.

Мощное присутствие в творчестве писателя критерия правды позволило отвлечься от привычных взглядов на уголовный вопрос. Помогло ему первоначально обратиться к государству, а затем, после обнаруженной правды, отказаться от него как воспитателя индивида, а также от объекта карательного правоотношения. Не побоялся он заявить, что государство очень часто служит источником не только позитивного права, но и неправа или откровенного произвола.

При этом важно отметить, что протест Л.Н. Толстого, обращенный против государства, не был для него панацеей. Подлинный интерес мыслителя составлял человек, центральное положение которого в философии писателя отчетливо проявилось при раскрытии представлений о наказании. Он обратился от государства к индивидууму, к его нравственному началу и генеральному значению этого начала для уголовного вопроса, подчеркнув, что «всякий человек, сделавший дурное, уже наказан тем, что лишен спокойствия и мучается совестью. Если же он не мучается совестью, то все те наказания, какие могут наложить на него люди, не исправят его, а только озлобят. Действительное наказание за каждое дурное дело – это то, которое совершается в душе самого преступника и состоит в уменьшении его способности пользоваться благами жизни»[566].

Познание человека также привело Л.Н. Толстого к выводу, что многое в жизни подчинено не только совести, но и феномену «понимания». Если совесть ассоциируется с наказанием как со следствием любого деяния, то «непонимание» отождествляется с первопричиной зла. Писатель упрекал людей в непонимании ими собственного духовного братства, наличия в их душах божественного начала. А между тем только одно это не дает им истинную свободу и благо. «Не может быть и не будет свободы и блага до тех пор, – писал Л.Н. Толстой, – пока не поймут люди своего единства...»[567].

Наиболее значимый вклад в становление и развитие русской философии уголовного права внес Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) – отечественный философ и религиозный мыслитель, которого наряду с И. Кантом и Г. Гегелем относят к крупнейшим фигурам мировой философии XVIII–XIX вв. На

---

[566] *Толстой Л.Н.* Путь жизни. – СПб., 1910.– С. 37.

[567] Там же. – С. 7.

основе синтеза русских традиций, западной философии и христианских идей Вл.С. Соловьев создал оригинальную систему философского знания, и в основе ее лежит идея «всеединства», имеющая два основных истока – философию как рациональную науку и веру как явление иррациональное.

Философ не относил себя к знатокам права, тем более уголовного, не уделял этой отрасли права какого-либо отдельного внимания, но он не смог обойти право при написании «Критики отвлеченных начал» (1880), и с этической и гносеологической позиции попытался там отыскать «верховную норму» для нашей воли и деятельности. Вл.С. Соловьев придает ключевое значение праву как формальному началу, так как через труд и богатство как материальные начала невозможно найти в человеке ничего неприкосновенного, «того существенного ядра, о которое должна разбиваться всякая внешняя сила, всякий внешний гнет». Право он рассматривал как первое необходимое условие нравственной деятельности и нормального общества, в котором человек свободно действует в пределах своего права и признает своим долгом право других, т. е. внутреннюю обязанность не злоупотреблять другими. При этом мыслитель не абсолютизировал значения права. Он отмечал, что право и законы, как его частное выражение, не достигают какой-либо совершенной цели. Через право реализуется только отрицательное определение свободы, так как оно указывает лишь на то, чего никто не должен делать. Положительная сторона нравственного начала остается вне сферы права. Она, как утверждал философ, «дается в симпатии или любви, в силу которой каждый не ограничивает себя другим, а соединяется внутренне с другим, имея в нем свою положительную цель...»[568].

В 1897 г. Вл.С. Соловьевым написано философско-этическое произведение «Оправдание добра», в котором уделил внимание уголовно-правовой тематике. В одной из глав этой работы «Уголовный вопрос» он рассмотрел с нравственной точки зрения основные институты уголовного права и подверг критике традиционные взгляды на них. В контексте анализа уголовного права философ не ставил перед собой задачу, за решение которой обычно берутся криминалисты, – определить, что такое преступление. Он обратил внимание на два ключевых положе-

[568] *Соловьев В.* Философское начало цельного знания. – Минск, 1999. – С. 580–590, 610–614.

ния. *Первое* состоит в том, что игра с понятиями часто порождала разного рода мнимых преступников. *Второе* заключается в том, что все исторические изменения понятия преступления не отменили существа дела. Независимо от мнимых преступников искомая сущность, по убеждению Вл.С. Соловьева, всегда остается в действительных преступниках, которые во всех человеческих обществах всегда были, есть и до конца мира будут. Таким образом, как видно, философ посмотрел на преступление через преступника, т. е. человека со злой волей, настолько сильной и решительной, что он ее прямо и практически навязывает во вред своим ближним и с опасностью для всего общежития.

Далее Вл.С. Соловьев задался нравственным вопросом. Хотя на нравственном начале уголовного поведения философ не остановился. Он конкретизировал свои идеи через рассмотрение и критический анализ глубоко укоренившихся в уголовном праве *доктрин отмщения* и *устрашения*. Признал эти теории трансформированным продуктом первобытного общества, а продолжительную историю их не посчитал подтверждением их преимущества над иными взглядами на фундаментальные основы уголовного права. *Первое* и *прямое* тому доказательство критик нашел в самом историческом процессе, который, по его мнению, все больше и больше склоняется к тому, чтобы ограничить или исключить принцип возмездия или равномерного воздания из нашего правового отношения к преступникам. *Другое* и по своей сути *основное* подтверждение несостоятельности отмеченных доктрин философ нашел в них самих, в их внутренней бессмысленности, а также в отрицании ими друг друга.

Такой же критике философ подверг новую доктрину, по которой всякое принуждение или насилие над кем бы то ни было непозволительно. «Этот принцип, – как отмечал Вл.С. Соловьев, – страдательного отношения к преступникам, отрицая всякое принуждение вообще, исключает не только меры отмщения и устрашения (в чем он прав), но также и меры предупреждения преступлений и воспитательного воздействия на преступников»[569]. По итогам разбора погрешностей различных теорий мыслитель предложил свое видение назначения уголовного права. Оно есть нечто многостороннее, но его различные стороны

[569] См.: *Соловьев В.* Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. – М., 2012. – С. 467.

одинаково обусловлены общим нравственным началом человеколюбия, обнимающим как обиженного, так и обидчика. Терпящий от преступления имеет право на защиту и по возможности на вознаграждение; общество имеет право на безопасность; преступник имеет право на вразумление и исправление. Противодействие преступлениям, согласное с нравственным началом, должно осуществлять или во всяком случае иметь в виду равномерное претворение этих трех прав.

Интерес для философии уголовного права представляет творчество Василия Васильевича Розанова (1856–1919) – русского философа и религиозного мыслителя, литературного критика и публициста. Его занимали вопросы, касающиеся морально-этических и религиозно-идейных антиномий, каждую из которых он стремился рассмотреть и снять через обоснование того, что противоположности являются разными проявлениями одних и тех же проблем в существовании человека.

Фундаментальнейшее произведение В.В. Розанова – «О понимании» – представляет собой учение о бытии Бога, мира и человека и одновременно учение о познании бытия Бога, мира и человека[570]. В этой работе философ включил право в состав учения о мире человеческом и определил его как одну из ключевых форм жизни (наряду с наукой, искусством, нравственностью, религией и государством). Но если науку автор отнес к форме, вышедшей из разума, государство – из воли, то все остальные формы, в том числе право, он назвал произведениями, исшедшими из чувства. Сходную с правом природу имеют нравственность и государство как еще две формы человеческого бытия. Мыслитель отмечал, что все три формы одинаково стремятся подчинить себе человека, постановить пределы его воле, существуя в настоящем, определить будущее. Источник права, писал философ, есть присущее человеку чувство справедливости. Оно есть в человеке и первозданно в нем, поскольку у всех людей и всегда сильное пробуждение чувства справедливости происходит в те моменты, когда какое-либо право слишком грубо нарушается. В качестве примера автор привел случай из жизни об отня-

---

[570] См.: *Семенюк А.П.* Проблема понимания в философии В.В. Розанова: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2002.

том у законного владельца жилище, который сегодня был бы квалифицирован как преступление против собственности.

Вопросы уголовно-правового порядка мыслитель отнес к компетенции сразу трех органов. Орган, осуществляющий нравственное благо, должен бороться или предупреждать возникновение таких условий, положений и отношений между людьми, которые или с необходимостью ведут к озлоблению их друг против друга и к обману, или имеют свойство побуждать более к этому злу, нежели к добру. Например, отмечал В.В. Розанов, всякое наказание, превышающее вину, порождает злобу в наказанном, и наоборот: всякое наказание, не искупляющее вину, производит злобу в том, против кого вина[571].

Орган, осуществляющий благо в области воли, служит воспитанию воли и направлению воли, т. е. развитию внутренней волевой энергии как умения господствовать над собой и уничтожению или ослаблению в воле склонности к дурному и стремлению только к хорошему. Этот орган, по идее философа, должен действовать через общественные и политические учреждения, и в устройстве их ничего не должно развращать волю. Мыслитель имел в виду возможность подкупов, обмана и всего бесчестного.

Орган, осуществляющий благо справедливости, обязан заниматься не только восстановлением справедливости, нарушенной в единичных случаях, но также и тем, чтобы восстанавливать справедливость, где несправедливость существует как постоянное и давнее зло (например, в национальных, политических и сословных отношениях), и предупреждать возникновение подобного зла во вновь устанавливающихся отношениях. При этом важно знать, что несправедливость может скрываться не только в самом преступлении и в факте его совершения. Несправедливость как причина преступления может таиться и в том, против чего совершено преступление. Без учета этого обстоятельства компетенция данного органа неоправданно сужается – до ничтожно малой части его назначения: либо до наказания преступления как якобы справедливого способа восстановления нарушенной несправедливости, на самом деле противного своей природе; либо

---

[571] См.: *Розанов В.В.* О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ИМЛИ РАН; ред. и коммент. В.Г. Сукача, вступ. ст. В.В. Бибихина. – М., 1995. – С. 551–552.

до ненаказания преступления, открывающего простор для произвола и изворотливости, предоставляющего возможность обсуждать, что хорошо и что дурно, т. е. творить добро или зло.

Под несправедливостью философ среди прочих явлений подразумевал преступление. Его он воспринимал только как временное и местное явление. Когда в окружающей жизни «человек начинает сильнее поражаться несправедливостью, которая на земле не находит себе никакого воздаяния, его душа невольно клонится к мысли, что эта справедливость будет воздана за пределами земной жизни, что там вознаградится незаслуженное страдание и там получит свое возмездие неотмщенное преступление», – писал В.В. Розанов[572].

Большой интерес для науки уголовного права представляют взгляды Николая Онуфриевича Лосского (1870–1964) – русского философа, религиозного мыслителя и одного из основателей интуитивизма. В отличие от своих предшественников Н.О. Лосский не обращался к вопросам преступления и наказания в их буквальном и непосредственном смысле. Вместе с тем он часто апеллировал к явлениям уголовно-правового порядка для подтверждения своих суждений или опровержения доводов оппонентов в области этики.

Размышления философа, конечно, первым делом имеют отношение к этике. Но науке уголовного права не следует оставлять их без внимания по ряду весомых причин. Во-первых, они тесно связаны с отмеченной отраслью права. Мыслитель считал нравственные и правовые явления сходными и родственными до такой степени, что соображения об одних могут быть применены к другим. Во-вторых, он вполне определенно относился к проявлениям криминального порядка и целенаправленно занимался поиском их производных и исходных причин. Свои взгляды прояснял через полемику с великими мыслителями.

Например, если о принадлежности зол сатане спора между Ф.М. Достоевским и Н.О. Лосским не возникало, то по поводу существа зла появились полярные мнения. Н.О. Лосский не согласился с Ф.М. Достоевским в том, что он, как показалось первому, описывая в своих сюжетах сцены мучительства, допускал существование сверхсатанинской злобы или абсолютного зла, когда происходит

---

[572] *Розанов В.В.* О понимании... – С. 594–595.

уничтожение бытия просто ради его уничтожения. С ошибочностью позиции писателя по приданию злу сверхсатанинского статуса Н.О. Лосский связывал ряд вытекающих из нее заблуждений. *Одно* из них состоит в том, что при абсолютизации зла причину преступления нужно искать в самом преступлении как явлении самодостаточном и исчерпывающем. В случае необнаружения соответствующей причины надо закрыть вопрос о его детерминантах со ссылкой либо на когда-то пережитую преступником психологическую травму, либо на простое желание виновника сделать злое. *Другое* следствие невыверенности позиции писателя мыслитель увидел в ложной оценке беспричинности преступных актов как их особой циничности, в которой якобы скрывается конечная цель и подлинный смысл всего зверского поведения[573].

По мнению философа, автор бестселлеров не углубился в души своих антигероев, в самые сокровенные мотивы их поступков. Лосский считал, что злу непременно нужно добро как источник своей энергии и как объект поношения, опровержения или даже уничтожения. Зло не имеет собственной и самодостаточной почвы. Оно всегда стоит в оппозиции к добру, на почве добра, обещает и даже делает человеку добро. Вместе с тем через ложную любовь к добру и его призрачному блеску зло мостит человеку дорогу в ад. Через разбор сложных, подчас кажущихся беспричинными преступных актов Н.О. Лосский сделал вывод о том, что первопричины преступления состоят в гордости и самолюбия, их влиянии. на душевную жизнь человека.

Философ решительно отвергал популярную в его бытность идею о том, что причины преступления и преступности в целом объясняются условиями социальной жизни. В вопросах наказания придерживался христианского мировоззрения, но утверждал, что ключевое соображение о «прощении врагам нашим, причиняющим нам зло», не исключает наказания. Другое дело, что оно должно освободиться от мстительной, эгоистической реакции в отношении к хулиганящему ребенку или опасному преступнику. Наказывать необходимо и во имя справедливости, и ради исправления их, и ради защиты тех, кто страдает от них. При этом Н.О. Лосский отметил, что в точном смысле слова воздействие на про-

---

[573] *Лосский Н. О.* Достоевский и его христианское миропонимание. – Нью-Йорк, 1953. – С. 45.

винившегося может быть названо термином «наказание», лишь поскольку оно имеет характер воздаяния (возмездия). Все прочие стороны и способы влияния на него подходят под другие понятия, например воспитания, лечения и т. п. «Следовательно, философы, не допускающие наказания как возмездия, хотят или устранить наказание совсем, считая его нравственно неоправданным, или даже доказать, что такого явления, как наказание – воздаяние, вообще не существует в строении мира. Психологический мотив этого ошибочного учения, считал мыслитель, в большинстве случаев кроется в гордости, не переносящей мысли о наказании как воздаянии»[574].

Отдельно философ рассмотрел проблему множественности кодексов морали, которая во многом схожа с дискуссией о многочисленности уголовных законов. Особенно любима эта тематика теми школами уголовного права, которые не обнаруживают в преступлении ничего бытийного. Во множественности они находят доказательство того, что в истории нет постоянных преступлений и что тот или иной свод преступлений есть дело времени и преобладающих в нем уголовно-политических соображений.

Множественность кодексов морали, как писал Н.О. Лосский, считается нередко доказательством правильности этического релятивизма, т. е. учения, что абсолютного нравственного добра нет и абсолютного масштаба нравственности не существует. Иными словами, сторонник этического релятивизма утверждает, что различие и даже противоположность нравственной оценки одного и того же поступка с точки зрения разных народов, эпох, сословий, классов и т. п. вполне правомерны, так как нет и не может быть точки зрения, поднимающейся над ограниченным кругозором этих групп людей. Но мыслитель не разделял отмеченной позиции. Считал ее неверной, так как множественность кодексов морали, по его мнению, соединена с единством нравственности.

Неотъемлемую часть отечественной философии уголовного права составляет хорошо известное правоведам творчество Ивана Александровича Ильина (1883–1954) – одного из крупнейших мыслителей русского зарубежья, философа, писателя и публициста, который особенно пристальное внимание уделял

---

[574] См.: *Лосский Н.О.* Указ. соч. – С. 205–207.

праву. Можно сказать, что он идеализировал назначение и возможности права, считая его и оплотом всей социальной организации, и самоцелью человеческого бытия. Рассматривал право как начало мира, а по самому существу его видел в нем духовную, священную ценность. Его значение определял по Аристотелю – как способ духовного бытия, который присущ земному человеку от природы. В глубине этого бытия слышал громкий и властный голос, требующий священных, неприкосновенных, неотчуждаемых прав и взывающий к их признанию, уважению и защите.

Главным вопросом в творчестве Ильина стало правосознание как источник всего права. Правосознание он воспринял как реальный и живой духовный орган, присущий человеку и необходимый ему всегда. Естественное правосознание не дает сразу готового закона или судейского приговора, подчеркивал философ. Однако оно указывает человеку твердое и верное направление, в котором должны двигаться ум и воля людей для творческого правообразования. Преодоление любого духовного кризиса не может быть достигнуто и не будет осуществлено одними «внешними» и «формальными» реформами. Требуется обновление правосознания. «Первое и последнее, решающее слово остается за самим духом, т. е. в данном случае за правосознанием», – писал И.А. Ильин[575].

В своем «Общем учении о праве и государстве» автор не рассматривал вину отдельно и, надо полагать, тем самым не придавал ей институционального значения. По крайней мере при раскрытии основных понятий и явлений права обращение к институту вины практически не прочитывалось. Для объяснения права и его сущности философу, судя по его высказываниям, структуре и содержанию написанных им работ, было достаточно того, что, формально говоря, нарушение положительной нормы, по каким бы мотивам оно ни состоялось, – есть правонарушение, ибо оно превышает полномочия и не соблюдает обязанности, имеющие значение de jure.

Таким образом, вина рассмотрена И.А. Ильиным как уголовно-правовое явление и отождествлена именно с этим правом. Он уверенно заявил о ней только тогда, когда перешел к сфере и компетенции уголовного права. Прямо указал

[575] *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию / *И.А. Ильин.* Сочинения. – М., 2006. – С. 324.

на то, что виновность или невиновность человека устанавливаются именно уголовным судом. При этом добавление вины в состав правонарушения или исключительное внимание к ней в уголовном праве, конечно, никак не меняли общего правила о том, что преступление является одним из видов правонарушений, а утверждая это правило, философ делал из него исключение, касающееся самого преступления. Он непременно оговаривался, что не все правонарушения совершаются виновным образом. Писал, что согласно общему правилу подсудимый может быть осужден только за деяние, запрещенное под страхом наказания. Но это не значит, что он должен быть осужден за всякое такое деяние. В итоге через эти неслучайные оговорки философ убеждался в особом назначении института вины для уголовного права. С его помощью он не только выделил преступления как группу определенных правонарушений, но и обособил их, заключив в этом институте их специфику; увидел в институте вины дополнительное и обязательное условие для уголовного осуждения и наказания человека. Наличия у субъекта права вменяемого сознания и свободной воли, нарушения им запрета закона под страхом наказания недостаточно для наступления уголовной ответственности.

Что касается самой вины, то, по идее философа, она определяется состоянием правосознания человека, т. е. отношением руководившей им воли к цели права. Правосознание играет решающую роль в определении преступного и в его отграничении от непреступного. Представление о вине, по И.А. Ильину, слагается из «субъективных условий виновности», на основе их всесторонней оценки. Они всегда индивидуальны и неповторимы не только у каждого преступника, но и при каждом единичном преступлении.

По мнению философа, не каждое нарушение противостоит цели права или праву в целом. Это относится только к тому деянию, которое называется преступлением. Отмеченная локализация и целеустремленность преступного акта являются его идентифицирующими признаками. В них проявляется цель противоправности в высшем смысле, поскольку в преступлении виновная воля попирает первооснову права, то, что составляет содержание природы права, сущность правопорядка.

Еще одна отличительная черта философии И.А. Ильина проявляется в его стремлении вопрос о виновности не связывать с вопросом о наказании. Как писал мыслитель, они должны быть отделяемы на суде и рассматриваемы самостоятельно, ибо наказание возлагается на человека не в момент совершения преступления, а через промежуток времени, в течение которого состояние преступившей воли могло радикально измениться. При этом вопросы вины и наказания должны ставиться и разрешаться не только порознь, но в строгой последовательности, так что признание виновности еще не предрешает вопроса о наказуемости вины. По идее философа, наказанию подлежит тот, кто не может, не умеет или не хочет побороть в себе противоправную волю. В его представлении наказание не есть уже «наказание» в самом первом и упрощенном смысле этого слова. Оно – социально-педагогическая мера, характер которой должен быть строго индивидуализирован.

Как писал И.А. Ильин, «присудить человека к наказанию значит признать, что его правосознание находится в данный момент в таком состоянии, что для него необходимо подвергнуть его обязательному, публично организованному взращиванию и укреплению; это значит признать, что он не может быть предоставлен без дальнейших мероприятий обычной нормальной жизни, свойственной человеку как самоуправляющемуся духовному центру; это значит признать, что за период времени между преступлением и судом он не сумел самостоятельно познать неправоту своей преступившей воли и преодолеть ее силу в порядке самовоспитания»[576].

Неоспоримую ценность для науки уголовного права представляет малоизученное наследие Сергея Иосифовича Гессена (1887–1950) – русского философа и публициста. Ф.М. Достоевского мыслитель считал своим наставником, а его произведения – «учебниками жизни», а к учителям философии он относил центральные фигуры Баденской школы неокантианства – Г. Риккерта и В. Виндельбанда. Хотя со временем в философском творчестве С.И. Гессена появились черты, которые, как отмечают специалисты, указывают на его отход от чистого неокантианства и возникновение интереса к христиански ориентированным идеям Вл.С. Соловьева и Ф.М. Достоевского.

[576] *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. – М., 2006. – С. 275–279.

Философ ратовал за содержательно углубленную и расширенную идею права. Того требовала, как он писал, выдвигаемая жизнью проблематика. Идея предполагала переосмысление хозяйства и государства, которые в условиях марксистского социализма становились гегемонами всей социальной жизни. Требовалось их понимание в новом, положительном, пронизанном правом и им преображенном ключе. На повестке дня оказались вопросы: не означает ли весомая роль права в хозяйстве и государстве их умаление, или, напротив, отречение от верховенства государства в пользу суверенитета права приведет к их совершенствованию.

Отвечая на поставленные вопросы, С.И. Гессен исходил из того, что право – одно из самых мощных и верных орудий Духа. В противоположность суверенитету государства и гегемонии хозяйства господство права не означает ни принижения, ни умаления подвластных. Подчиняясь праву, государство и хозяйство становятся в большей мере самими собой, приближаются к своему подлинному предназначению. Насыщение хозяйства и государства правом есть их одухотворение.

Положение о расширении идеи права С.И. Гессен отнес и к философии наказания, в рамках которой он рассмотрел проблематику уголовного права в ее основных чертах. Главное – он понял, что для расширения идеи права необходима философия как достаточное для этого основание. Тематику уголовного права он проанализировал с помощью выработанных философской мыслью категорий и нашел ту единственную сторону проблемы наказания, которая по праву всецело принадлежит философской дисциплине.

Потребность выработки разумных границ расширения идеи права и получения определенности в вопросе о самостоятельности науки уголовного права продиктовала необходимость рассмотрения специфики гетерономных и автономных школ уголовного права. В *гетерономных школах* правовые понятия – преступление и наказание – преобразуются так, что уже более не являются правовыми, например социальная ненормальность, антропологически-психологический атавизм и т. д. Правовое понятие преступления утрачивает свою специфику и несводимость. Оно заменяется антропологическим и социологическим понятием тип преступного. Само преступление, т. е. нарушение правовой нормы, становится вторичным и несущественным.

В *автономных школах*, объясняя сущность преступления и наказания, не выходят за пределы следующего правового ряда: преступление и наказание рассматриваются с точки зрения их правового смысла, значения и ценности. Преступление в таком понимании есть прежде всего правонарушение.

В тесной взаимосвязи с отмеченными взглядами находятся позиции школ по вопросу статуса личности. Гетерономные школы не признают самостоятельного понятия правовой личности как носительницы прав. Они отрицают всякую автономию личности. Если «сущность права есть охрана интересов» общества, а сущность наказания – «общее или специальное предупреждение», то автономия правовой личности не имеет никакого смысла. Интересам самозащищающегося общества не могут противостоять никакие «неотъемлемые права личности». Для автономных школ личность есть носительница прав, и наказанию как правовому акту, направленному на правовую личность, положены пределы самой сущностью права. Право аналогично искусству и науке, в себе самом оно содержит самоограничивающий внутренний закон.

Уголовное право входит в состав уголовной политики и подчиняется ей. В гетерономных школах, отрицая автономию правовой личности, также опровергается и самостоятельность науки уголовного права: имеется лишь уголовная политика, теоретический фундамент которой состоит из истин, взятых из разных естественных и исторических наук и объединенных целью безопасности общества. Последняя, в свою очередь, входит в социальную политику вообще. Исследование сущности преступления и наказания считается в этих школах пустой метафизикой, тщетно желающей навязывать жизни свои законы. Однако подобно всякой технике, устанавливающей нормы поведения, правила должны опираться на теоретический фундамент. Фундамент этот в данном случае – «криминология», т. е. в сущности механический конгломерат психологических, антропологических, психиатрических, социологических и других сведений, приспособленных для домашнего употребления криминалиста. Никакой самостоятельной теоретической основы гетерономные школы не признают. Криминалист лишь приспосабливает чужое добро и всецело им пользуется. Таким образом, гетерономные школы ведут в сущности к самоубийству уголовного права как самостоятельной теоретической дисциплины, утверждал С.И. Гессен.

Автономные школы настаивают на том, что уголовная политика ни в коем случае не должна превращаться в социальную. Такое смешение задач одинаково вредит и той, и другой. Борьба с нездоровыми социальными условиями и дурной наследственностью исключительно с криминалистической точки зрения означает невероятное сужение задач социальной политики, низведение ее до низшей, служебной роли.

Отдавая предпочтение так называемым автономным школам, С.И. Гессен признавал, что и они не лишены ошибок. Основная из них заключается в злоупотреблении автономией. Подобно всякому рационализму формальное рассмотрение наказания она признает способным определять конкретные преступления и наказания. Это создает иллюзию господства чистого разума над конкретным миром, но также бесконечно сужает и затемняет сферу рационального. Критика рационалистических и эмпирических теорий позволила мыслителю заключить, что не отсутствие одного какого-либо момента (формального или материального) преступления или наказания – причина их рационализма или эмпиризма. Причина – и притом общая для обоих течений – коренится в недостаточно резком различении обоих необходимых моментов и в ложной уверенности, будто можно обойтись только с помощью одного из них. Рационалистические школы, защищая самоценность наказания и свободу правового субъекта, игнорируют личность преступника, лишь в конкретности своего психофизического бытия совершающего преступление. Эмпиризм же, наоборот, введя контрабандным путем в уголовную политику формальные (чисто правовые) моменты, стремится трактовать правовой субъект как субъект психофизический, понимая его как простое обобщение, отвлечение от последнего.

Преступление имеет положительное значение для права: оно есть симптом, причина и вместе с тем результат движения права. Преступление – симптом и результат дисгармонии между формой и материей права, или, говоря менее точно, между правом и «жизнью». Дисгармония эта представляет отрицательную ценность, есть нечто неразумное и в этом смысле – «иррациональное». Но, будучи отношением, а не готовым, раз навсегда данным элементом, это иррациональное есть закваска рационального, побуждающая последнее к движению и развитию.

Иррациональное преступление обладает в этом смысле творческой силой. Дисгармония вызывает стремление к гармонии: право стремится измениться, продвинуться дальше, снова достичь гармоничного сочетания формы с материей, всесторонне и любовно завладеть жизнью. Если это не удается, если право не следует зову иррационального и коснеет в своей инертности, оно отстает от жизни («абсолюта»), замыкается в своей гордыне и засыхает. Тогда оно становится несправедливым правом, начинает угнетать и давить жизнь. Если же оно внемлет зову иррационального и, гонимое им, движется дальше, то наступает пора правового творчества: тогда преступление вызывает к жизни правовое творчество, пробуждает дремлющие в обществе правовые силы. Такова роль преступления как «еще не права». Совершенно аналогична и функция его как «уже не права». В этом случае преступление есть выражение отрыва от потока всеобщей жизни, отказа от перешедшего уже на высшую ступень права, оно есть косность застывшей в себе и упорствующей в своем атомизме частной жизни. Но и тогда преступление активизирует правовые силы государства; только на этот раз правовое творчество его носит уже частный характер, выражаясь в правовой карательной деятельности государства. На чьей стороне ни лежала бы вина косности – на стороне права или жизни, – во всяком случае дисгармония не может, не должна быть терпима в правовой сфере. Справедливость есть прежде всего гармония, и всякое нарушение ее есть лишь призыв к восстановлению. Совершившееся в преступлении правонарушение само по себе, конечно, невосстановимо. Нельзя повернуть вспять колеса истории и «восстановить нарушенное право, как будто бы ничего не было», как полагают рационалистические теории наказания. Но вызванное преступлением правовое творчество может поступательным движением вперед восстановить гармоничное отношение, т. е. справедливость: возвести право на ступень «еще не права», «уже не право» воспитать до права. Итак, по С.И. Гессену, «преступление как нарушение справедливости представляет собой необходимый элемент права: это есть иррациональный момент, знаменующий движение и развитие права. Могут исчезнуть отдельные виды преступления, но преступление вообще может исчезнуть лишь вместе с самим правом»[577].

---

[577] См.: *Гессен С.И.* Философия наказания // Логос. – М., 1912–1913. Кн. 1, 2. – С. 183–232.

* * *

В завершение можно сказать, что представленные здесь философы и их творчество не исчерпывают собой философии уголовного права. Представленного материала достаточно для вывода о наличии в России собственной школы философии уголовного права. Степень ее разнородности предстоит оценить и классифицировать. Но проанализированные источники и близкий к нулю уровень их востребованности в отраслевой литературе позволяют говорить об отечественной философии уголовного права как о явлении, которое ранее было не замечено и не исследовано, а сегодня не востребовано и оставлено в прошлом. Игнорирование собственного наследия, как показало исследование, произошло по причине того, что отечественное уголовно-правовое знание разрабатывалось на фоне роста интереса к позитивизму и синхронного отрицания метафизики (XVIII–XIX вв.). В этот период оно дополнялось в основном за счет сравнительно-исторического и историко-догматического изучения уголовно-правовой действительности, т. е. методов позитивизма. При этом исторически сложилось так, что сначала в социальной жизни появлялось и реализовывалось практическое направление уголовно-правовой мысли, а только потóм к нему присоединилось научно-теоретическое направление. Историческая предзаданность, в условиях которой уголовно-правовое знание получило институциональное становление, а также текущий мировоззренческий выбор субъектов этого знания в пользу позитивизма привели к игнорированию философии, к существенной недооценке истории и ее значения, к гипертрофированию уголовно-политических и собственно теоретических разработок, а в итоге к сужению уголовно-правового взгляда, т. е. к неполноте структуры знания, оппозиционности к иным источникам знания, к отсутствию в нем ориентира на достоверное и целостное отображение уголовно-правовой реальности как динамически развивающегося объекта.

Глава 5
Потенциал философского подхода в познании уголовного права

В главе предпринята попытка максимально эксплицировать потенциал философского знания в уголовном праве. При этом основная надежда возложена на метафизический подход, дефицит которого был вскрыт и продемонстрирован в рамках предыдущих параграфов. Выбор герменевтики обусловлен тем, что она является одним из новейших философских направлений и авторитетным метафизическим ресурсом XX столетия, еще незначительно востребованного правоведением. Обращение к синергетике как к одному из передовых философских направлений также было обусловлено целью поиска метафизических основ уголовного права. Синергетика предоставляет методологию для изучения российского уголовного права, уже довольно долго пребывающего в состоянии, близком к хаотическому, но опыт его функционирования в этих экстремальных условиях, не стал предметом осмысления. Еще одна точка приложения синергетики к уголовному праву обнаружена в анализе иррегулярного поведения, которое в настоящее время стало самостоятельной криминальной силой, а уголовно-правовая наука и практика не приспособились к его диагностированию, профилактике и искоренению. Непредсказуемость криминального поведения, появление и умножение «эксклюзивных» преступлений, стало возможным в том числе и благодаря развитию Интернета, возникновению принципиально новой коммуникационной среды. Это обстоятельство обусловило обращение к проблеме виртуализации правового пространства как неизбежной дилемме настоящего и будущего российского и мирового сообщества, последствия которой для отраслей права не просчитаны.

5.1. Онтологические свойства уголовного права

В научных исследованиях уголовное право редко рассматривается с позиции учения о бытии (онтологии), составляющего основную часть метафизики. Поэтому попытки применения метафизического опыта к уголовному праву многие криминалисты сочтут несостоятельными. Сторонники такой точки зрения говорят о ненаучности метафизики и недопустимости ее постановки в один ряд с различ-

ными отраслями науки, в том числе социальными и гуманитарными. Скептицизм усиливает незначительная востребованность и малоизвестность онтологической темы в науке уголовного права, уверенность юристов в непригодности метафизических знаний для нужд уголовного права. По мнению ряда исследователей, метафизика лишена актуальности, так как представляет собой, как писал британский философ Ф. Сьюэлл (1837–1915), смутное, отчасти темное и спекулятивное, а самое главное – непрактичное творение разума[578]. Исходя из высокой степени отвлеченности от реальности и безотносительности метафизики к вопросам прикладного плана, юристы сомневаются в ее возможностях соответствовать статусу нового источника знаний, который сегодня ищут представители науки уголовного права, чтобы объяснить его кризисное положение своей отрасли.

Отмеченные предубеждения не новы для метафизического учения. В том или ином качестве они всегда его сопровождают. На этом, правда, их функциональность была исчерпана еще в далеком прошлом. Со времен Сократовых диалогов отмеченные предрассудки не упрочили своих позиций, не приобрели дополнительной твердости и ясности. Ни одного из столпов, например, древнегреческой философии они не поколебали. Взгляды каждого из них, по свидетельству русского философа С.Н. Трубецкого (1862–1905), опираются на прочную метафизическую основу, без которой невозможно помыслить философию вообще[579]. Учения каждого из них, в которых право, по словам И. Фихте, рассматривается в качестве особого понятия a priori, заложенного в существе разума[580], до сих пор не потеряли актуальности и продолжают выдерживать испытание временем.

Но противники метафизики настойчивы. От безысходности в деле подчинения метафизики позитивисты обосновывали необходимость ее отмены. Особенно активно отрицатели метафизического мировоззрения проявили себя на заре технического прогресса. В Новое время они, можно сказать, смогли довести дело

---

[578] См.: *Sewall F.* The New Metaphysics or the Law of End. Cause and Effect, with Other Essays. – London, 1888. – P. 3.

[579] См.: *Трубецкой С.Н.* Метафизика в Древней Греции / Примеч. И.И. Маханькова. – М., 2003.

[580] См.: *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте: Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. 2-е изд. – М., 2010. С. 412.

до массового отказа от метафизического постижения смысла бытия. Заявили о достаточности возросшей интеллектуализации и рационализации способов человеческого существования и о том, как отметил немецкий социолог М. Вебер (1864–1920), что уже «нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют... напротив, всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета... Больше не нужно прибегать к магическим средствам, чтобы склонить на свою сторону или подчинить себе духов, как это делал дикарь, для которого существовали подобные таинственные силы. Теперь все делается с помощью технических средств и расчета»[581]. Подобного рода мнения, т. е. прямо противоположные по своим мировоззренческим установкам, существенно помешали становлению метафизики права, тем более уголовного.

При этом опыт отрицания метафизики не менее впечатляющ, чем практика всей метафизической мысли. Сопоставление двух мыслей – метафизической и антиметафизической – несет значительный познавательный потенциал для науки уголовного права, позволяет ей разобраться в степени состоятельности каждой из них и той действительности, которую эти мысли с усердием отстаивают. Сравнение позитивистской и идеалистической идей помогает разобраться, в конечном итоге, с составом той реальности, осмыслением и освоением которой занимается уголовно-правовое знание.

Наиболее открыто и откровенно противопоставили себя метафизике позитивисты конца XVII – начала и середины XVIII в. Интерес к их работам добавляет еще то, что именно на данном историческом этапе происходило зарождение науки уголовного права. Вспомним наследие австрийско-американского философа и юриста Г. Кельзена (1881–1973). В частности, его чистое учение о праве, в котором он стремился освободить правоведение от всех чуждых ему элементов и прежде всего от так называемых метафизических наслоений. Юрист предлагал искать ответ на вопрос о том, «что есть право и как оно есть, но не на вопрос, как оно должно быть или создаваться»[582]. Представления о первопричине права

---

[581] *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *М. Вебер.* Избранные произведения. – М., 1990. – С. 713–714.

[582] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве: сб. / Пер. с нем. С.В. Лезова, Ю.С. Пивоварова. Вып. 1. – М., 1987. – С. 4.

как о творческой воле Бога или как о свободной воле человека, решающие для метафизики, юрист признавал рудиментом первобытного мышления[583].

До Г. Кельзена немало усилий к «очищению» права предприняли основатели позитивизма Ф. Кенэ, А.Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсе, К.А. Сен-Симон и их последователь О.Ф. Конт. Они относили себя к школе естественного права и, надо отметить, не отрицали полезности метафизического знания. Активно пытались его использовать. Стремились подражать этому знанию, воспроизводить в своих рассуждениях или попросту приспособить его к своим взглядам. В итоге во многом на противопоставлении традиционной метафизике, а не на какой-то собственной мировоззренческой концепции одни мыслители выстроили физиократическую метафизику, а другие – метафизику физикализма. В основу этих учений позитивисты положили чувственную достоверность, или представления о человеке, которому, как подчеркивал французский философ Ж.А. Кондорсе (1743–1794), от рождения присуща лишь одна способность – «способность испытывать ощущения, замечать и различать в своих восприятиях простейшие их элементы, задерживать, познавать, сочетать, сохранять или воспроизводить их в своей памяти...»[584]. Французский экономист Ф. Кенэ (1694–1774) в своей работе «Очевидности» подтвердил, что «...из вечного у человека имеются только ощущения, и он их получает или же получил посредством использования органов чувств. Ощущения полны, регулярны, непреложны и абсолютно согласованы с объектами. Они обучают индивида реальности и свойствам объектов, доставляемых этими ощущениями»[585].

Привлекательность чувственного бытия обусловлена еще тем, что она, по их убеждению, само собой не может ни измениться, ни уменьшиться, ни увеличиться от применения органов чувств. Это бытие зависимо от объектов, которые называются телами или веществами и являются физическими причинами всех идей и движений души (счастья, несчастья, желаний, страстей). Именно эти объекты воздействуют на человека согласно определенным законам и они же пред-

---

[583] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве... – С. 65.

[584] *Кондорсе Ж.А.Н.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. – М., 1936. – С. 3, 4.

[585] *Кенэ Ф.* Очевидность (метафизика) // *Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур.* Физиократы: избранные экономические произведения. – М., 2008. – С. 49.

ставляют собой необходимые причины мнений, знаний и желаний, моральных и физических установок. Из определенного соответствия между телами и ощущениями, по мнению позитивистов, вытекают правила поведения, а также мотивы, которые образуют желания человека и руководят ими. «Нарушение соотношения между телами и ощущениями влечет причинение зла или наступление иных вредных последствий»[586]. Другого столь же подлинного бытия, констатировал Ф. Кенэ, не существует.

Дальше Ф. Кенэ пошел его единомышленник А.Р. Тюрго (1727–1781). Для объяснения устройства бытия ему оказалось недостаточно тактильных способностей отдельно взятого человека. Для объяснения социальной действительности, писал А.Р. Тюрго, необходимо взять двух людей, так как собственной пользы у отдельного человека нет и не может быть. Он считал, что всякий частный интерес должен быть подчинен общественной пользе как высшему закону и не разделил мнения своего итальянского коллеги Ф. Галиани (1728–1787) о том, что деньги не могут иметь ценность большую, чем ценность человека[587]. По А.Р. Тюрго, «любая ценность, в том числе правовая или моральная, есть цена, под которой он, в свою очередь, понимал вещь, обмениваемую на другую вещь»[588]. В природе, замечал философ, нет основной единицы ценности. Имеется только произвольная единица, устанавливаемая соглашением сообщества заинтересованных лиц[589].

В пределах сходной парадигмы мыслители развивали свои представления о праве и о его месте в описанном ими социальном устройстве. Естественное право Ф. Кенэ рассмотрел через призму удовлетворения человеком своих потребностей. Право он свел к праву человека на вещи, пригодные для его пользования. Известно характерное для взглядов Ф. Кенэ сравнение естественного права человека с «правом каждой ласточки на всех летающих по воздуху мошек, которое

---

[586] *Кенэ Ф.* Очевидность (метафизика) // *Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур.* Физиократы: избранные экономические произведения. – М., 2008. – С. 58–61.

[587] См.: *Galiani F.* Della Moneta a Cura di Fausto Nicolini. Laterza in Bari. – Italian, 1915. – P. 129.

[588] См.: *Тюрго А.Р.Ж.* Ценности и деньги // *Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур.* Физиократы. Избранные экономические произведения. – М., 2008. – С. 651–652.

[589] *См.: Тюрго А.Р.Ж.* Учреждение фондов // *Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур.* Указ. соч. – С. 544.

сводится в действительности к тому количеству, какое она может добыть трудом или поисками, предписываемыми потребностью»[590].

Ж.А. Кондорсе необходимости в праве вообще не видел. По его мнению, к всеобщему благоденствию способна привести новая наука – политическая философия. Аналогичного мнения, по свидетельству Б.Н. Чичерина, придерживался французский философ и социолог К.А. Сен-Симон (1760–1825) и его последователи. Они также полагали, что идеала нравственного влияния на ум можно достичь посредством образования нового учреждения – академии чувств, которая должна объединить весь человеческий род общим учением о чувстве. К.А. Сен-Симон сравнивал право с «пустой метафизикой, принадлежащей к области прошлого»[591]. Право, по его убеждению, должно быть подчинено формуле слов о том, что «каждому по его способности, каждой способности по ее делам – вот новое право, которое заменит право завоевания и право рождения; человек не будет больше эксплуатировать человека; человек в товариществе с другим человеком будет эксплуатировать мир...»[592].

Мысль о том, что социальная организация приводится в действие пользой, подтверждал английский философ и правовед И. Бентам. Фактически он вторил Ф. Кенэ, так как в максимальной выгоде он видел основной принцип устроения общества. «Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей – страдания и удовольствия. Им одним, – писал И. Бентам, – предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать. К их престолу привязаны, с одной стороны, образчик хорошего и дурного и, с другой – цель причин и действий. Они управляют нами во всем, что мы делаем: всякое усилие, которое мы можем сделать, чтобы отвергнуть это подданство, послужит только к тому, чтобы доказать и подтвердить его»[593].

---

[590] *Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С.* Указ. соч. С. 330. Похожим сравнением была удостоена мыслителем свобода. Она напомнила ему обеденный стол. «Тот, кто имеет для обеда только одно кушанье, может выбирать лишь между тем, чтобы съесть его или оставить, скушать больше или меньше. Но тот, у кого двадцать блюд, имеет возможность расширять пользование своей свободой на все эти блюда, выбрать те, которые признает лучшими, и съесть выбранные в большем или меньшем количестве» [*Кенэ Ф.* Очевидность (метафизика). – С. 333].

[591] *Чичерин Б.Н.* Сен-Симон и его школа // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Кн. V (60). – С. 664.

[592] Изложение учения Сен-Симона. / Пер. с фр. Е. Ландау. – М.; Л., 1947. – С. 38.

[593] *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. – М., 1998. – С. 3.

Последователи противостоящего метафизике позитивизма широко представлены в русской философии и теории права. Значительный вклад в развитие этого учения внесли П.Л. Лавров, Г.Н. Вырубов, Е.В. де Роберти, Н.К. Михайловский, К.Д. Кавелин, М.М. Троицкий, Н.И. Кареев и др. Однако необходимости в дальнейшем представлении их взглядов не имеется. Представляется нужным и более важным подчеркнуть то, что становлению метафизических воззрений на право препятствовали не только прямо противоположные гносеологические установки ученых. Свой вклад в отмеченную тенденцию также вносила власть и избранные ею в своих конъюнктурных интересах политдогматические установки. Как правило, она приумножала значение и поощряла распространение позитивистских взглядов, поскольку власть в них всегда была представлена в качестве высшего и единственного источника смысла[594].

В итоге, если метафизики приложили «все усилия к освобождению понятия опыта от отождествления с научным опытом и сведения к чувственному»[595], а реальный мир, как писал У. Джеймс, воспринимали «гораздо более сложным, чем это предполагает и допускает естествознание»[596], то позитивисты не признавали того, что эмпирический мир является альтернативной или только одной из нескольких сфер жития человека. Они считали его единственно достоверным и полностью исчерпывающим бытие индивида. Неспособность физиократов и физикалистов рассмотреть за идеями и духом бытия, его субстанциями и акциденциями нечто большее, чем то, что они увидели в физических телах, привела их к неутешительным результатам.

Во-первых, несмотря на титанические попытки построения картины мира и объяснения его закономерностей на основе материального базиса, они не смогли

---

[594] Существенные замечания на сей счет были справедливо сделаны Д.А. Керимовым. В ходе исследования советского периода развития философии и теории права юрист смог обнаружить во взаимодействии оба фактора. Он заметил, что после известной сталинской работы, посвященной экономическим проблемам строительства социализма в СССР, специалисты «так увлеклись объективностью экономических законов, что почти не оставили места для субъективно-творческого воздействия не только на них, но и на любые другие объективные факторы». С тех пор, констатировал Д.А. Керимов, в правоведении началось нарастание нигилистического отношения к философскому осмыслению правовых феноменов *(Керимов Д.А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. – М., 2009. – С. 11).

[595] *Гурвич Г.Д.* Философия и социология права: избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. – СПб., 2004. – С. 226.

[596] *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. – М., 1993. – С. 404.

избежать столкновения со сверхчувственным опытом и нефизическими началами бытия. Попытки преодоления возникающих двойственностей или неопределенностей терпели неудачу, так как позитивисты каждый раз пытались подчинить идеальное начало в человеке его материальному субстрату. В результате кроме протестного отрицания метафизики в теории позитивизма не нашлось другого, безусловно, устойчивого и незыблемого основания мироустройства, которое она могла бы предложить своим оппонентам[597].

Во-вторых, утверждал писал Б.Н. Чичерин, без метафизики у позитивистов «все смешалось в одно хаотическое представление, из которого ничего не могло выйти, кроме утопии»[598]. Характерным доказательством тому являются слова Ф. Кенэ. С одной стороны, он полагал, что правду глаголет и «тот, кто сказал, что естественное право не предполагает ни справедливого, ни несправедливого», и «тот, кто сказал, что естественное право есть справедливое, верховное и основное право»[599]. С другой стороны, здесь же он отмечал, что никто из авторов упомянутых точек зрения «не сказал правды, которая оказалась бы ею во всех случаях»[600]. Такое смешение и блуждание происходило во многом за счет того, что из-за веры в абсолют материального позитивисты перестали различать гра-

---

[597] Одним из ярких примеров противопоставления позитивизма и метафизики служит произведение К. Маркса (1818–1883) с символичным названием «К критике гегелевской философии права». К. Маркс считал, что философии Гегеля не хватало «моста», который общую идею бытия соединил бы с государством, личностью и обществом. Маркс предлагал вывести его из элементов чувственного мира – единственно истинного мира, сущность которого проступает в явлении (См.: Проблема человека в современной философии / Ин-т философии АН СССР. – М., 1969. – С. 158.). Недостаток этого компонента в теории философа помешал ему, по мнению Маркса, увидеть специфику личности, общества и государства. Не меньшее значение К. Маркс придавал коллективному началу. По мнению критика, мир обязан человеку лишь постольку, поскольку он имеет физическую способность к воспроизводству. «Рождение, – отмечал Маркс, – дает человеку лишь индивидуальное бытие и прежде всего дает ему жизнь лишь как природному индивиду». Иные определения, связанные с личностью, «являются социальными продуктами, детищами общества, а не порождениями природного индивида» (*Маркс К.* К критике гегелевской философии права; Нищета философии / Пер. с фр. и нем.; вступ. ст. Л. Аксельрод, С. Булгакова. – М., 2007. – С. 74, 212).

По итогам автор «Критики гегелевской философии права» подчинил сущность права законам, избранным обществом и учрежденным государством. Таким образом, по убеждению Маркса, исправлялась основная ошибка Гегеля, не сумевшего установить реальную связь между миром истинным и видимым, должным и сущим, преодолеть разрыв между общей идеей и частным существованием, обеспечить переход от «ничто» к «бытию». В результате мыслитель-материалист пришел к выводам, прямо противоположным взглядам философа-идеалиста.

[598] *Чичерин Б.Н.* Сен-Симон и его школа. – С. 683.

[599] *Кенэ Ф.* Естественное право // *Ф. Кенэ*, *А.Р.Ж. Тюрго*, *П.С. Дюпон де Немур.* Указ. соч. – С. 327.

[600] Там же. – С. 327.

ницы между естественными и гуманитарными науками. Применявшиеся в физике методы перенесены в сферу моральных отношений. Поставлен знак равенства между физическими и моральными законами. В итоге у них «права и обязанности, – как заметил А. Онкен, – делаются определяемыми по количеству и весу и исчисляемыми на талеры и пфенинги»[601].

Некоторые из позитивистов ощущали утопичность суждений своих коллег, уточняли или критиковали их взгляды. Один из ярких примеров – работы французского философа-просветителя Д. Дидро (1713–1784), который к реальности относил только материю с присущей ей чувствительностью, а остальные явления определял в качестве результата движения ее частиц. В своем произведении «Систематическое опровержение книги Гельвеция “Человек”» философ переосмыслил взгляды близкого ему по духу философа-материалиста К.А. Гельвеция (1715–1771) – бескомпромиссного сторонника материи как основы всего мироздания, а также чувств к первичным импульсам всех действий человека. Д. Дидро считал, что почти все предпосылки автора верны, однако его выводы оценивал как ложные из-за слишком больших общений. Если Гельвеций полагал, что в поведении человека воспитание значит все и является единственным источником различия между людьми, то второй настаивал, что воспитание значит многое и служит только одним из признаков отличия индивидов. «То же самое, – обосновывал Д. Дидро, – относится ко всем утверждениям, из которых ни одно не является ни абсолютно истинным, ни абсолютно ложным»[602]. К словам мыслителя-позитивиста о сути позитивизма и исходе предлагаемого им методологического пути добавить практически нечего. Можно лишь отметить, что в его словах об отсутствии в суждениях Гельвеция и абсолютной истины, и абсолютной лжи состоит весь диагноз позитивизма.

В научных исследованиях уголовного права познание онтологических основ мироздания происходило по сценарию, во многом похожему на тот, который был характерен для метафизики права в целом. Структура сил и их распределение в противостоянии метафизическому измерению уголовного права сложи-

---

[601] *Онкен А.* Система физиократов // *Ф. Кенэ*, *А.Р.Ж. Тюрго*, *П.С. Дюпон де Немур.* Физиократы. Избранные экономические произведения. – М., 2008. – С. 690.

[602] *Дидро Д.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. – М., 1940. – С. 120–242.

лись одинаково. Одни представители науки не замечали и вслед за этим не признавали метафизики. Другие не менее банально отрицали ее гносеологический потенциал. Третьи с большим усердием опровергали научность, пригодность и полезность метафизики для уголовного права.

Сложившаяся в науке уголовного права ситуация вокруг метафизики объяснима. Многое в отношении к ней обусловлено тем, что отцами-основателями базовых положений уголовного права оказались позитивисты. При этом отечественные юристы считали позитивистский подход к уголовному праву наиболее правильным. Декан юридического факультета и ректор Императорского Юрьевского университета П.П. Пусторослев, в частности, отмечал, что «в XVIII столетии начинается правильная выработка уголовно-политического приема исследования. Он приобретает сильное развитие и получает довольно большое применение в области науки уголовного права. Самыми блестящими представителями этого направления выступают: французский мыслитель Ш. Монтескье, итальянские писатели – Ч. Беккариа и Г. Филанджиери, английский философ И. Бентам и немецкий профессор уголовного права П. Фейербах»[603].

Они считали, что первоначало всякого нарушения прав или всякого преступления состоит в психологической причине или в чувственном основании. Это начало проистекает, как настаивал П. Фейербах, «из силы желания человека, удовольствием какого деяния или последствия оного, побуждается к совершению такого деяния. Сие чувственное побуждение прекращается тем, когда всякий ведает, что после дела его неминуемо последует зло, гораздо большее той неприятности, какая от неудовлетворенного побуждения к делу произойти может»[604]. Позитивисты также отказывали человеку во «внутреннем чувстве», которое идеалисты называли «свободой воли» или «нравственной свободой». Как отмечал профессор Римского университета Э. Ферри, «те, кто верит в ее существование, совершенно не в состоянии доказать, что этот голос внутреннего чувства на самом деле соответствует реальной действительности или в точности ее воспроизводит. Против него указывают, прежде всего, на то, что наше сознание,

---

[603] *Пусторослев П.П.* Указ. соч. – С. 29–30.

[604] *Фейербах П.А.* Уголовное право. – СПб., 1810. – С. 14.

будто мы свободны желать одного более, чем другого, есть чистейшая иллюзия, возникающая оттого, что мы не сознаем тех физиологических или психических антецедентов, которые непосредственно обусловливают обсуждение, предшествующее хотению».

Для позитивистов человек и всякое его индивидуальное действие есть то, что представляет собой физиопсихологический процесс. Его функционирование, по их мнению, во всех смыслах этого слова исчерпывается мускульным механическим движением и результатом центробежного нервного тока. Именно они играют роль более или менее сознательной, постоянной и непреклонной побудительной причины индивидуального поведения. Иными словами, как утверждал Э. Ферри, «человек действует так, как он чувствует, а не так, как он думает». «Тут не может быть и речи, – настаивал мыслитель, – об исключительной привилегии человечества, о вмешательстве силы нравственной свободы, которая являлась бы чудесным исключением в общем строе происходящих в мире деятельностей»[605].

Появление исследований метафизических начал уголовного права традиционно связывают с формированием философских взглядов И. Канта, Г. Гегеля, К. Цахариэ. П.П. Пусторослев по этому поводу писал, что «конец XVIII века в Германии ознаменовался широким энергичным введением метафизики в область правоведения трудами таких первоклассных философов, как И. Кант и И. Фихте. Первые десятилетия XIX в., в свою очередь, отличались глубоким проникновением блестящей метафизики Г. Гегеля в область правоведения. Благодаря этим обстоятельствам, метафизический прием находит себе довольно распространенное применение в XIX в. и в области уголовного права. Например, К.С. Цахариэ и Э. Генке выступают в своих сочинениях по уголовному праву последователями Канта, а Р. Кестлин, Г. Гельшнер и А. Бернер – последователями Гегеля. Метафизический прием находит себе применение и в сочинениях других ученых, как, например, в сочинениях итальянского криминалиста Ф. Каррары».

При этом метафизический прием при изучении уголовного права русский юрист оценивал негативно. Его сущность он видел «в том, что мыслитель, не обращая должного внимания на действительно существовавшее и существующее

---

[605] *Ферри Э.* Уголовная социология. – М., 1908. – С. 292, 293, 296.

уголовное право, строит a priori, с помощью умозрений, необходимые ему общие понятия о преступлении, о наказании и т. д. и выводит из таких понятий свое учение об исследуемом вопросе». Помешало распространению метафизического приема, как отмечал юрист, широкое развитие естественных наук в XIX в. «Их замечательные открытия и блестящие успехи, достигнутые благодаря отречению от метафизики и строго последовательному применению одного лишь позитивного, положительного метода в его различных видах, оказали свое влияние главным образом со 2-й половины XIX в. и на представителей науки уголовного права. Увлечение метафизическим приемом стало ослабевать, и выдающиеся криминалисты нового времени вполне ясно и сознательно пришли к убеждению, что наука уголовного права действительно может быть наукой в истинном смысле этого слова только в том случае, когда она раз навсегда освободится от метафизического приема и будет разрабатываться только с помощью положительного метода в его различных видах, действительно применимых в ее области»[606].

Более объективно о положении метафизики в науке уголовного права высказался профессор Московского университета С.В. Познышев. Он подтвердил, что развитие науки приходится на времена Монтескье и Беккариа, когда «начинается то могучее гуманизирующее движение в литературе, которое коснулось различных сторон уголовного законодательства и пошатнуло его вековые устои. Все громче стали заявляться протесты против жесткостей того времени, особенно против смертной казни и пытки, против религиозной нетерпимости и т. д. Вольтер, Бриссо, Пасторэ, Филанджиери, Бентам, Джон Говард и целый ряд других выдающихся писателей в своих сочинениях подвергли в высшей степени меткой критике различные стороны уголовного правосудия своего времени и требовали их радикальных изменений»[607].

Юрист также отмечал, что «в конце XVIII столетия в классической школе ясно уже обрисовались два течения, одно – метафизическое, с Кантом во главе, другое утилитарное – с Бентамом и Беккарией во главе. Эти течения достигли наиболее полного выражения и обособления в уголовных теориях метафизических и утилитарных и пытались соединиться в теориях смешанных. Что каса-

---

606 *Пусторослев П.П.* Указ. соч. – С. 29–31.

607 *Познышев С.В.* Указ. соч. – С. 11–13.

ется приемов и задач науки, то в этом отношении в классической школе можно подметить следующие течения: представители метафизического направления стремились построить систему вечного естественного уголовного права, или исходя исключительно из метафизических принципов (строго метафизическое направление), или пользуясь, в качестве вспомогательного средства, историческим изучением. В истории, полагали сторонники этого последнего, так называемого историко-философского направления, все яснее проявляется и раскрывает себя абсолютная справедливость; в разнообразии открываемых историей фактов можно видеть лишь различные по яркости и полноте воплощения одних и тех же начал. Метафизическое направление в XIX столетии всего ярче было выражено в немецкой литературе, у писателей кантианской и гегельянской школ»[608]. Они опирались на сверхопытные познания разума. По их мнению, «справедливость требует, чтобы хорошие поступки соразмерно награждались, а зло, в частности преступление, – влекло за собой отплату эквивалентным злом, наказанием. Наказание не потому справедливо, что необходимо государству, как орудие достижения известных полезностей, но оно потому и необходимо, что его требует справедливость, воздающая каждому по заслугам и не допускающая, чтобы злодеяния оставались ненаказанными. Не шаткими и изменчивыми соображениями полезности, а требованиями абсолютной справедливости должно руководствоваться государство в своей карательной деятельности... Разум человеческий, учит Кант, требует, чтобы преступник был наказан таким же злом, какое он причинил потерпевшему. Это требование присуще разуму изначально и независимо ни от какого опыта; оно есть категорический императив, т. е. априорное, безусловное веление разума. Преступник должен быть наказан исключительно во имя справедливости и совершенно независимо от каких-либо соображений полезности. Характер и размеры его наказания должны определяться по принципу равным за равное, по принципу так называемого материального тальона (воздаяния тем же злом, какое причинено). В тех же случаях, когда буквальное применение этого начала невозможно, преступнику должно быть воздано злом, равным преступлению по силе действия»[609].

---

608 *Познышев С.В.* Указ. соч. – С. 11–13.

609 Там же. – С. 57.

«Третья группа классиков, – продолжал С.В. Познышев, – полагает, что наука должна отказаться от всяких метафизических начал, от всяких попыток найти естественное уголовное право, а должна лишь разрабатывать, – путем сравнительно-исторического и догматического изучения, по мнению большинства, или путем историко-догматического изучения, по мнению некоторых, – положительное уголовное законодательство». Исходя из их враждебного отношения к метафизическим построениям, этих классиков С.В. Познышев называл позитивистами. Он также отмечал, что «в настоящее время это позитивное направление является господствующим в классической школе; лишь очень слабые остатки прежних метафизических увлечений можно подметить в немецкой классической литературе; чаще их можно найти в итальянской литературе и особенно – в литературе французской, где продолжает еще господствовать эклектическая школа, ведущая свое начало от Брольи, Гизо и Росси. Во французских курсах и трактатах и теперь часто встречаешь рассуждения о естественном уголовном праве. Современные русские классики – все позитивисты в указанном значении этого слова. В русской литературе к этому направлению принадлежат: Спасович, Сергеевский, Таганцев, Вульферт, Набоков и нек. др.»[610]. Всех их объединяет признание несвободы воли или, как утверждал С.В. Познышев, детерминистская точка зрения. С ее позиции они выступали против метафизики и заявляли о том, что:

«1) О независимости принципа справедливости, – как бы ближе ни определялось его содержание, – от опыта не может быть и речи. Он всегда и неизбежно слагается из эмпирических понятий. В самом деле, этот принцип говорит об известных отношениях одних людей к другим, о награждении хороших поступков и отплат злом за дурные. Но ведь бытие нескольких людей, возможность между ними каких-либо отношений, возможность поступков хороших и дурных и т. д. – все это познается нами лишь через посредство разнообразных свидетельств наших чувств. В частности, само понятие уголовного наказания вырабатывалось долгим опытом человечества на глазах истории. Ни о каких независимых от опыта началах права или нравственности вообще не может быть речи; всякое такое начало покоится на многих свидетельствах наших чувств.

---

[610] *Познышев С.В.* Указ. соч. – С. 14.

2) Но если бы даже мы признали существование категорических императивов разума, мы должны бы были все-таки настаивать на том, что кантовский принцип наказания к ним не принадлежит. В самом деле, всякому такому императиву, по учению Канта, принадлежат две черты: необходимость (немыслимость противоположного) и всеобщность (невозможность исключений). Но выставленный Кантом принцип вовсе не необходим и не всеобщ. Целый ряд уголовных теорий, отрицающий принцип возмездия, наглядно доказывает, что этому принципу не принадлежат черты категорического императива. Если бы он был категорическим императивом, то был бы присущ всем людям во все эпохи. Между тем история уголовного права показывает, что с течением его развития идея возмездия все более исчезает из уголовного законодательства. Время господства ее прошло уже безвозвратно.

3) Наконец, принцип возмездия, выставляемый метафизическими доктринами, строго говоря, неосуществим. Он требует равенства, эквивалентности наказания и преступления. Но осуществить это равенство человеческое правосудие не в силах; ему пришлось бы в данном случае устанавливать всегда гадательные будущие величины, именно стараться определить, какую сумму страданий причинит данное наказание данному преступнику. Далее, установить настолько определенно, чтобы можно было найти эквивалент, сумму страданий, причиненных преступником, или всю величину злостности его преступной воли, также невозможно»[611].

Несмотря на превалирование в науке уголовного права пропозитивистских настроений и подходов, в ней смогла сложиться отечественная школа криминалистов-идеалистов, которые вслед за Гегелем видели в праве проявление духа или, иначе, бытие свободной воли. Она рассматривалась ими как главнейшее движущее начало преступления, а наказание – как диалектически необходимое следствие преступления и уничтожение неправа. В состав школы, по свидетельству историка уголовного права, профессора Московского университета Г.С. Фельдштейна, входили П.Г. Редкин, А.И. Палюмбецкий, Р. Шишкин, Н. Полетаев, Ф. Депп, И.А. Макимович, Н.С. Власьев и др.[612]

---

[611] *Познышев С.В.* Указ. соч. – С. 57–58.

[612] См.: *Фельдштейн Г.С.* Указ. соч. – С. 567.

По убеждению профессора и ректора Санкт-Петербургского университета П.Г. Редкина (1808–1891), право является «всегда пребывающим, и потому истинно-положительным, истинно-действительным», а преступление – его противоположностью. Сущность последнего открывается «не иначе как посредством полного логического развития всего права, начиная от самого первейшего коренного его начала и восходя до той ступени его развития, на которой раскрывается понятие преступления». В нем он увидел «неправо, как бессильное отрицание этой положительности». Как само в себе ничтожное, преступление «должно и во вне проявиться ничтожным, должно быть уничтожено, отрицаемо». При этом наказание рассматривалось правоведом как необходимость «исполнения внутренней справедливости» и логическое следствие «сущности самого преступления»[613].

П.Г. Редкин пришел к выводу о том, что между правом и преступлением как двумя противоположностями есть общее – это воля. Для обоих феноменов она является движущей силой. Поэтому юрист считал, что институты уголовного права в своем большинстве имеют субъективный характер, и обусловливаемое преступлением наказание должно направляться прежде всего против воли действующего, а воля вообще – играть решающую роль для уголовного вменения.

Декан юридического факультета и ректор Харьковского университета А.И. Палюмбецкий (1811–1897) воспринимал право как одно из проявлений морали. Писал о том, что «право есть форма или вид нравственности. Все, что в субъективной форме составляет мораль, является правом, когда мораль является объективно-обязательной». Вопросы уголовного права юрист исчерпывал существом идеи права и отрицанием этой идеи в процессе ее развития. В отличие от позитивистов предмет преступления ученый обнаруживал не в законе, а в «субстанции самого права». Выступал противником «законосообразной воли», а существо преступления он видел не в нарушении закона, «но в заключающемся там нарушении самой идеи (субстанции) права». Нарушение же конкретного бытия права «только изменяет понятие преступления». Уголовная несправедливость, по убеждению А.И. Палюмбецкого, состоит в «сознательном нарушении права или намеренном уклонении индивидуальной воли от всеобщей, разумной,

---

613 *Редкин П.* Об уголовной кодификации // Юридические записки. Т. 2. – М., 1842. – С. 423, 426.

уничтожаемом посредством наказания». «Всякое преступление, – как отмечал специалист, – состоит в уклонении особенной воли от всеобщей, – бывает произведением единичной воли, которая противопоставляет себя намеренно правилам объективно нравственного мира»[614].

Метафизический подход к познанию уголовного права дальнейшего развития, можно сказать, не получил. Для практикующих юристов и различного рода организаторов общественной жизни он оказался сложен. Они не могли в своих уголовно-правовых оценках и решениях исходить, например, из разума или других весьма абстрактных явлений. Действовали упрощенно. Извлекали образы права из повседневного быта. Более понятны и, соответственно, востребованы были идеи, например, Бентама, поскольку, как писал один из крупнейших его современных знатоков – профессор Лондонской школы экономики Б. Парех, понимание Бентамом человека очень грубо. «Его моральная теория наивна и столь субъективна, как те, которые он отвергает, его онтология примитивна, его анализ основных правовых и политических понятий – путаный и поверхностный. Несмотря на все это, он остается важной исторической фигурой по двум главным причинам. Во-первых... он великолепно опрокинул или во всяком случае подверг серьезному сомнению обоснованность целого ряда господствовавших в то время этических и политических доктрин, таких как моральный интуитивизм, общественный договор, естественное состояние и – самоочевидные – естественные права. Сделав это, он развернул широкий спектр проблем, которые преследовали многие следующие за ним поколения моральных и политических философов. Во-вторых, разрабатывая эти проблемы, он представил множество проницательных идей о природе правовой и политической жизни, которые в своей совокупности означают не что иное, как подведение нового фундамента под классический либерализм»[615].

В итоге сбылся прогноз Г.С. Фельдштейна, который на фоне успеха естественных наук, роста их значения и уже на первом этапе выделения уголовного права как самостоятельной отрасли отметил, что «в свое время мы увидим, как на смену нравоучительному и описательному трактованию преступления и на-

---

[614] Цит. по: *Köstlin R.* System des deutschen Strafrechts. – Tübingen, 1855. – S. 1.

[615] *Parekh B.* Introduction // Bentham's Political Thought. – London, 1973. – P. 44.

казания консолидируется эмпиризм, претендующий на основании наблюдений, подсказанных здравым смыслом, давать определенные уголовно-политические директивы и освещать путь для реформ»[616].

Традиции царского периода не изменились и в советское время. Как отмечал Д.А. Керимов, в исследованиях права продолжала доминировать односторонность и неполнота. «Потребовалось решительное переосмысление установившихся представлений о праве, радикальное изменение его "нормативной" схемы, которая довлела (и довлеет) над самим исследовательским процессом, недооценивавшим все то, что лежит за пределами данной схемы... Раз установившаяся догматическая схема тем и "привлекательна", что создает "чистоту" доктрины, формул и моделей. Но все они более чем упрощенное представление о развивающейся правовой действительности. Нет ничего проще, чем всегда и везде видеть в праве одни правовые нормы, объявлять их совокупность "чистым правоведением"»[617].

Спустя более чем 150 лет в научном постижении уголовно-правовой реальности изменилось немногое. Добавилось разве только то, что современные представители науки уголовного права не разделяют себя на тех, кто принадлежит к метафизическому течению, и на тех, кто выступает их противниками. Не ведут диалог о тех реальностях, где человек живет, самолично создавая их и погружая в себя. Иными словами, не обсуждаются и не исследуются темы, которые должны составлять самый первый и подлинный интерес науки. «В настоящее время предпринимаются только одиночные усилия по включению отечественного уголовного права в общефилософский контекст»[618]. «Совершаются робкие попытки обнаружить в основании этого права онтологические предпосылки»[619]. Заимствования из метафизики по-прежнему скромны и практически неощутимы. Надо признать, что и в XX–XXI вв. над наукой довлеют антиметафизические и пропозитивистские тенденции.

---

[616] *Фельдштейн Г.С.* Указ. соч. – С. 35–36.

[617] *Керимов Д.А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. – С. 14.

[618] См., напр.: *Голик Ю.В.* Философия уголовного права: сб. – СПб., 2004.

[619] См., напр.: *Козаченко И.Я., Козаченко Е.Б.* Размышления о метаправовом познании науки уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. восьмой междунар. науч.-практ. конф. 27–28 января 2011 г. – М., 2011. – С. 76–81.

Как и ранее, авторитетные специалисты не оставляют сомнений в том, что ключ от базовых основ уголовного права лежит в плоскости уголовной политики. Свою твердую уверенность они основывают на представлениях о том, что политика есть многообразное, многогранное и многоаспектное явление, определяемое с разных сторон. В их воображении она предстала как своеобразная надстройка, в которой общественные отношения выражены в концентрированном виде, должным образом обобщены и завершены с учетом их специфики и требований универсальности[620]. «Распространенным стало обращение к уголовной политике как к области науки, способной давать ответы на вопросы, разрешение которых не под силу научно-методологическим подходам»[621]. «Уголовно-правовая политика рассматривается как генеральное направление развития уголовного законодательства»[622]. На базе уголовно-политической школы сформировались представления о политике, способствующие криминалистам размышлять не только о том, что существует, но и том, что должно существовать.

Уверенность специалистов в силе политики граничит с самоуверенностью. Очевидно, что в возложении надежд на политические учения юристы упускают из виду, что политика не может служить твердой почвой для уголовно-правовых построений, так как сама нуждается в таковой. Сфера политики ограничена. Ее возможностям доступна лишь феноменальная область права. Для более глубокого погружения в недра уголовного права она не предназначена. Политика исходит из существующего, а не из сущего, которым занята метафизика. Вне компетенции политики остаются вопросы о том, что такое уголовное право само по себе и каким оно должно быть на самом деле. В область политического интереса входят аспекты желательного и наилучшего. Политика никогда не представляла должное и очень часто в своих устремлениях от него отказывалась в угоду сиюминутным эффектам. Ее уделом является целесо-

---

620 См., напр.: Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков. – С. 55–57.

621 См., напр.: *Безверхов А.Г., Коростелев В.С.* Служебные хищения имущества: тенденции и перспективы развития норм // Законодательство. – 2014. – № 4. – С. 58.

622 См., напр.: *Рарог А.И.* Метаморфозы российской уголовно-правовой политики и система наказаний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. X междунар. науч.-практ. конф. (24–25 января 2013 г.). – М., 2013. – С. 3; *Побегайло Э.Ф.* Указ. соч.; и др.

образное. Несмотря на это, современные юристы ставят перед политикой задачу стремиться к идеалу и систематизировать теоретические и практические требования уголовного характера. Включают политику в состав науки и придают ей чрезвычайное значение.

Другая тенденция также во многом рукотворно приобрела антиметафизические черты. Связана она с методом. Исходя из убежденности в сложном и многоаспектном устройстве политики, сегодня верх берут воззрения о том, что решение вытекающих из кризиса уголовного права проблем подвластно столь же сложному и комплексному методу – междисциплинарному подходу. В своем выборе метода наука уголовного права не одинока. Междисциплинарный метод пользуется популярностью. Он широко распространен среди других отраслей науки. Некоторые специалисты даже говорят о возникновении моды на междисциплинарность. В ней они видят перспективу.

Философия приступила к верификации заявленного метода. На данном этапе эпистемологи отмечают, что в самом по себе междисциплинарном подходе нет ничего антиметафизического. В нем обнаружили особую и свойственную науке форму объединения культуросозидательных сил, необходимых, как пишет В.Н. Порус, «чтобы расколы и трещины культуры не усугублялись, а заделывались, а еще лучше – вообще исчезли»[623].

Но специалисты также указывают на условия применения метода. Их игнорирование лишает его всякой основательности и влечет возникновение прямо противоположных результатов. Он превращает исследователя в обозревателя мнений специалистов и делает из него непрошеного посредника между ними; выбивает из-под правоведа юридическую почву и направляет на поиск позитивных критериев. Одним из основных условий применения междисциплинарного метода служит наличие у науки собственных парадигмальных представлений об уголовном праве. На основе понимания предмета, предназначения и функций уголовного права междисциплинарный метод сможет не только «наводить мосты» между различными частями и подразделениями знаний, но и выдержи-

---

[623] *Порус В.Н.* Междисциплинарность как тема философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. 38. – № 4. – С. 9.

вать стратегию внутреннего единства соответствующей отрасли права, направлять импульсы, возникшие от синтеза знаний, к единой познавательной цели[624]. В случае несоблюдения названного требования развивающаяся междисциплинарная тенденция, как верно отмечает Е.А. Попов, способна украсть у науки не только свой собственный взгляд на реальность, который нередко приходилось отстаивать в течение десятилетий на дискуссионных площадках и в настоящих идейных сражениях, но и заметно изменить вектор оценки тех или иных явлений и процессов[625].

Что-то похожее на квазимеждисциплинарность в теории уголовного права сегодня уже наблюдается, так как вопросы о его полноценном концептуальном обеспечении в полной мере еще не поставлены и тем более не осмыслены наукой. Как справедливо отметил А.Э. Жалинский, «соответствие юридического внешнего и сущностного внутреннего – формы и содержания – продолжает оставаться в теории уголовного права недостаточно познанным». То есть не совершаются, выход за пределы собственно юридического анализа и восхождение к так или иначе понимаемым метаюридическим ценностям, с которыми в общей теории права связывается проблема сущности права. О природе уголовного права ученые продолжают судить по его задачам, зафиксированным в законе, забывая о том, что они могут быть произвольно сформулированы законодателем[626]. Так, *одни* специалисты до сих пор теряются, отвечая на вопрос: в чем состоит специфичность предмета уголовного права, если в этом праве обнаруживают как охранительную, так и регулятивную функции, т. е. все то, что в той или иной мере свойственно другим отраслям права? *Другие* вполне определенно не усматривают в уголовном праве самостоятельного предмета и заявляют о его субсидиарном характере, считают, что запреты этой отрасли обращены к деяниям, запрещенным уже позитивным правом. *Третьи* в том же духе активно продвигают пользующееся среди юристов популярностью предложение об отказе

---

[624] См.: *Порус В.Н.* Выбор интерпретаций как проблема социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. 31. – № 1. – С. 18–35.

[625] См.: *Попов Е.А.* Право и нормы права в аспекте социального и философского знания // Вопросы правоведения. – 2013. – № 5. – С. 74.

[626] См.: *Жалинский А.Э.* Избранные труды: в 4 т. Т. 2: Уголовное право / Сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная, А.А. Попов; отв. ред. О.Л. Дубовик. – М., 2015. – С. 22–23.

от уголовно-правового понятийного аппарата. Точнее, ратуют за необходимость замены уголовно-правовых терминов на гражданско-правовые или определения других отраслей законодательства, что, по мнению криминалистов, обеспечит единообразие терминологии и будет препятствовать смешению легальных действий и уголовно наказуемых деяний[627]. При этом совершенно забывают о том, что каждая дефиниция как в смысловом, так и в процессуальном плане подчинена предназначению соответствующей отрасли законодательства. Одна, например, направлена на сохранность гражданских благ, а другая на обеспечение их «оборотоспособности».

В итоге можно заключить, что сегодня, пользуясь уголовно-политическим и междисциплинарным подходами, наука уголовного права не получает доступа ни к фундаментальным основаниям этого права, ни к сфере метафизики, где другие отрасли знания в период глубочайших кризисов заново находят себя, а в повседневности – верифицируют свои достижения. Более того, за счет своего пристрастия к сугубо позитивистской аргументации теория уголовного права не приобрела надежных источников соединения с другими отраслями знания и синтеза с наукой в целом. Тем временем целый ряд естественных и гуманитарных наук не обходится в своей эволюции без метафизики. Их опыт служит убедительным доказательством ее потенциала, полезности для отечественной науки уголовного права, испытывающей сегодня стагнацию.

В математике признана возможность геометрии, существенно отличающейся от Евклидовой. Речь идет о метагеометрии, к которой на пути ее становления относились по-разному. Были периоды, когда возможность ее существования исключалась совсем. Как и метафизику, метагеометрию упрекали в том, что формулируемые ею пространственные отношения конкретно и наглядно непредставимы. Сегодня метагеометрия не оспаривается. Глубокая степень ее проработки уже привела к мультипликативным результатам. Считается, что без принятия и осознания основных положений метагеометрии немыслимо дальнейшее развитие знания в области не только точных, но и гуманитарных наук.

---

[627] См., напр.: Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М., 2010. – С. 49.

Специалисты отмечают, что метагеометрия не является чем-то неординарным. Она обеспечивает, как пишет В.Г. Степанов, «естественный переход к более широкому, более полному восприятию объективной реальности»[628], что согласуется с оценками философов о существовании в человеческом бытии более широкой реальности. Ее познание дает возможность ответить на множество вопросов, которые не в состоянии разрешить ни геометрия Евклида, ни геометрия Лобачевского – Римана. Принципиально неразрешимые для человеческого разума задачи оказались под силу лишь метагеометрии, способной вывести человека в высшие пространственные измерения и поставить проблему, образно говоря, «с головы на ноги». Преодоление «невозможностей» в метагеометрии достигается за счет отступления от привычных аксиом и представлений о мире как о сфере конечных величин. Она не отрицает их. Не запрещает воспринимать мир старым и проверенным способом. Метагеометрия призывает работать над таким пониманием, которому под силу объяснить механизмы и самую сущность происходящих в мире физических взаимодействий, принципиально непостижимых с точки зрения надежного и устоявшегося представления о трехмерности мира. Метагеометры преодолевают рамки человеческого сознания, которое только на первый взгляд не способно объять и представить себе необъятное. Они подводят к необходимости допущения и обоснования закономерностей *n*-мерного пространства, имеющего бесконечное количество измерений.

Кроме выхода в смежные пространства метагеометрия расширяет устоявшиеся стереотипы путем введения новых понятий, наделения старых категорий обновленным смыслом либо его поиска в тех явлениях, которые прежде признавались бессмысленными. В итоге за счет собственного опыта познания законов мироздания метагеометрия обнаруживает, что в составе человеческого бытия сосуществуют несколько геометрий, которые только на первый и невооруженный взгляд находятся в противоречии друг с другом. Однако дело здесь, как оказывается, не в геометриях, а в выборе человека. По своему обыкновению он признает

---

628 *Степанов В.Г.* Что такое метагеометрия // Полигнозис. – 1998. – № 4 (4).

истинным не то, что является таковым. Индивид постулирует то, что легче всего воспринимается его упрощенным пониманием[629].

Таким образом, ни одна из известных геометрий не имеет преимущества перед другой. Все они оказываются, признавал немецкий математик Ф. Клейн (1849–1925), равноправными и лишь отдельными случаями общего Кейлевского мироопределения[630], доказывающими существование тесной связи между различными геометрическими системами. Метагеометрия является источником их легитимности. С одной стороны, она не пользуется их аксиомами, а с другой – не отрицает их существа. Метагеометрия доказывает, что между Евклидовой геометрией и не-Евклидовой метрикой есть связь и в известном смысле – единство.

Свой путь к метауровню прошла физика. С относительно недавних пор она, как отмечает В.Д. Захаров, «поверила в невидимый мир и узнала его»[631]. Метафизика уверенно вошла в физику и прочно укоренилась в ней в качестве предмета физического знания. Историографы нашли достаточно подтверждений тому, что развитие физики во многом определялось и продолжает определяться лежащими в ее основе метафизическими принципами. «Смена физических парадигм, – как утверждают специалисты, – вызывалась сменой метафизики, рождавшей каждый раз новый принцип относительности и, следовательно, новую физическую теорию»[632]. Показательно в связи с этим признание Г.В. Лейбница, который в своих физических построениях рассматривал метафилософию в качестве средства, обеспечивающего устойчивость мира.

Исследовав принципы механики, Г.В. Лейбниц уточнял, что имеющихся в ее недрах знаний недостаточно для объяснения законов природы. Он признал, «что в мире все совершается не только по геометрическим законам, но и по метафизическим законам вечных истин, т. е. не только по необ-

---

[629] На этот счет французский математик Ж.А. Пуанкаре (1854–1912) в свое время небезосновательно заметил, что «мы отдаем предпочтение одной геометрии перед другой не потому, что она более истинная, а потому, что она более подходящая». «Перенесенные в другой мир, – писал математик, – мы имели бы, конечно, другую геометрию не потому, что наша геометрия перестала бы быть истинной, а потому, что она оказалась бы менее подходящей, чем другая» (Foundations of Geometry // Monist. – 1898. – Vol. 9. – No 1. – P. 41).

[630] См.: *Клейн Ф.* Неевклидова геометрия / Пер. с нем. Н.К. Брушлинского. – М.; Л., 1936.

[631] *Захаров В.Д.* Метафизический образ мира // Метафизика. – 2012. – № 1 (3). – С. 15.

[632] Там же. – С. 16.

ходимости материи, но и по необходимости формы». Не разделив пренебрежительного отношения к метафизике, он обосновал причины того, что метафизические законы, силы и действия применяются во всей природе и превалируют над чисто геометрическими законами материи. Для него стало очевидным то, что физическая необходимость вытекает из метафизической. В материи, ее протяженности и массе, как основополагающих категориях механики, физик не увидел активного и действительного начала. В них он не нашел *достаточного основания* мира и всех его связей «ни в какой-либо отдельной вещи, ни в собрании их, или совокупности»[633]. Г.В. Лейбниц не обнаружил в природе материи *принципа истинного единства*, подтверждающего и объясняющего наличие связи между душой и телом. Основания мира найдены физиком вне мира, т. е. в том, что отлично от связи состояний и ряда вещей, совокупность которых образует мир.

Современники подтверждают, что физика и метафизика обратились друг к другу. Ранее этому мешали не отсутствие некоторых знаний о внешнем мире, а определенные философские установки – метафизические позиции. Их смена и повторное применение к прежним экспериментам сделали возможным обоснование ряда фундаментальных физических теорий. Летоисчисление метафизики и ее дружбы с физической наукой ученые ведут со времени открытия квантовой механики. Осмысление последней привело физиков к совершенно новым горизонтам бытия, и, как пишет А.Ю. Севальников, они никак не могут быть сведены к наблюдаемому эмпирическому, фактическому и наличному бытию[634].

Относительно недавно к метауровню подошла социология. Точнее, она вернулась к тому, от чего ранее, казалось бы, навсегда была оторвана позитивистами. Источники напоминают периоды, когда социологи, находясь под влиянием, с одной стороны, теории эволюции Дарвина, а с другой – психоанализа З. Фрейда, терялись перед выбором между биологией и психологией, каждую из которых они рассматривали в качестве начального основания своей науки. Их трудность была обусловлена пониманием того, что ни одна из этих наук не имела прочного

---

633 *Лейбниц Г.В.* О глубинном происхождении вещей // *Г.В. Лейбниц.* Соч.: в 4 т. Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколова; пер. Я.М. Боровского и др. – М., 1982. – С. 282.

634 См.: *Севальников А.Ю.* Понять метафизику // Метафизика. – 2011. – № 2. – С. 64.

базиса. «Современная психология, – писал Б.Н. Чичерин, – подобно всем другим наукам, отреклась от метафизики, а как скоро мы стали на эту точку зрения, так нет ни малейшей возможности понять что-нибудь в душе человека, которая имеет по преимуществу метафизическую природу и полна метафизических представлений»[635].

Попав под влияние положительной философии, социологи начали отрицать состоятельность метафизики. Они считали, что обращение к отвергнутой метафизике с ее идеями и верованиями, априорными непроверяемыми началами – дурной тон. Оставшись в итоге без рациональных начал, современные Б.Н. Чичерину социологи выдергивали наобум какое-нибудь явление и старались свести к нему все остальные. «Но так как явлений много и они весьма разнообразны, а оснований для выбора нет никаких, и каждый делает это по своему личному, случайному внушению, то и выходит полнейшая разноголосица. Один видит основной общественный фактор в договоре; другой, напротив, в принудительном действии внешних сил; третий ищет основного общественного мотива в подражании, четвертый – в экономических отношениях»[636].

Речь идет о работах А.Ж. Фуллье, Г. Спенсера, А. Шеффле, Г. Раценгофера, А. Вейсмана и др. Каждых из них сделал свой мировоззренческий выбор в пользу непризнания метафизического учения. Но никто в итоге не смог отказаться от него. Стоит вспомнить работы французского мыслителя А.Ж. Фуллье (1838–1912), который, с одной стороны, объединял идеи волюнтаризма с принципами позитивизма, а с другой – признавал особые духовно-волевые состояния, «идеи-силы», занимался эклектичной метафизикой. В «Основных началах» Г. Спенсера также можно найти разнородные размышления автора и о тождестве биологического и социального эволюционизма, и о существовании «неведомого реального», «скрытой сущности явлений» и «первоначальной причине», о познаваемом «мире явлений» и непознаваемой «вещи в себе»[637]. Смешение отмеченных идей привело к появлению в социологии механического эволюционизма, позитивистского агностицизма и психосоциологического монизма.

---

635 *Чичерин Б.Н.* Философия права. 2-е изд. – М., 2011. – С. 15.

636 Там же. – С. 16.

637 См.: *Спенсер Г.* Основные начала. – СПб., 1897. – С. 466.

Современное продвижение социологии по направлению к метатеории специалисты воспринимают по-разному. Американский социолог Дж. Тернер, в частности, писал, что «метатеоретизирование обычно увязает в значимых философских проблемах и демобилизует построение теорий... Оно вовлекает теории во внутренние неразрешимые и обычно дебатируемые противопоставления»[638]. Однако не все разделили скептицизм Дж. Тернера. Подобное, во многом обыденное отношение не создало непреодолимых препятствий на пути приобщения социологии к метатеории. Сегодня метасоциология включена в ряд ведущих учебников по социологии. Наряду с другими вопросами социологии знания в научных изданиях рассматриваются проблемы метасоциологии, формулируется ее определение. Идет процесс апробирования метакатегорий. На современном этапе социологией востребован пока только гносеологический аспект метатеории. В деле познания метасферы человеческого бытия социология полагается в основном на опыт науковедения, где признается, что «любая наука достигает зрелости, т. е. становится самостоятельной, когда она переходит в парадигмальный статус»[639]. Под метасоциологией понимают критический анализ эпистемологических и методологических структур социологии и ее различных компонентов.

Собственный путь по метаизмерению прокладывает история. Нельзя сказать, что метасфера является чем-то новым и ранее не востребованным исторической наукой. Представления о метаистории берут свое начало из глубокой древности. Первыми источниками этих представлений были мифы, религиозные традиции и культовые обычаи. В них допускалась реальность существования невидимых тонкоматериальных сущностей и миров, в контексте которых пребывает мир человеческий. В античные времена Василий Великий говорил о существовании Божественной реальности, генерирующей иную, человеческую действительность. Закономерности ее существования не сводимы к аналогичным характеристикам порождающей реальности[640]. В Средневековье Н. Кузанский выделял порождающую реальность, составляющую область осуществления за-

---

638 *Turner J.* The Structure of Sociology Theory. – Homewood, 1986. – P. 10.

639 Социология. Основы общей теории: учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М., 2003. – С. 69.

640 См.: Новейший философский словарь. 3-е изд. – Минск, 2003. – С. 171.

конов «метаистории», и реальность вторичную – виртуальную, работающую с повседневными судьбами людей[641].

Но сконцентрированные усилия по постижению логики изменений человеческого общества посредством использования несравненно более «крупномасштабных» единиц измерения исторических протяженностей, нежели было принято ранее, предприняты философами России и Запада лишь на заре XX в. В то время, по свидетельству историков, было осознано, что «вся “новоевропейская картина мира”, включающая в свои рамки модель Вселенной, устроенной согласно механике И. Ньютона, а также схему эволюции, протекающей по Ч. Дарвину, является столь же мифологической, как и христианская доктрина мироздания. Эту мысль наглядно продемонстрировали О. Шпенглер, А. Бергсон, М. Элиаде и др.»[642].

По своему определению метаистория близка к дефинициям ранее рассмотренных отраслей знания. В нем сохраняется установка на сущностно-онтологическое осмысление исторической жизни и представление о ней как о «сфере метафизического поиска[643]. В метаистории усматривают высшую форму осмысления исторического. Непревзойденным в определении сути и предмета метаистории остается Г. Гегель. Обобщив опыт Анаксагора, Сократа, Платона, Аристотеля и их оппонента Эпикура, Гегель открыл, что «мир не предоставлен случаю и внешним случайным причинам»[644]. Он подчинен разуму как субстанции и бесконечной мощи всемирной истории[645].

Похожий взгляд на метаисторию был у современника Гегеля – Ж.А.Н. Кондорсе. Ее предназначение он видел в отражении картины прогресса человеческого разума. В его развитии мыслитель также не находил ничего случайного. По мнению философа, разум обнаруживается в каждом моменте, который, в свою очередь, зависит от результатов, достигнутых в предшествовавшие момен-

---

641 См.: *Кузанский Н.* О видении Бога // *Н. Кузанский.* Сочинения. Т. 2. – М., 1979. – С. 45–46.

642 *Грицанов А.А.* Проблемы эволюции природы человека в метаисторической перспективе // Спектр антропологических учений. Вып. 3 / Ин-т философии РАН; отв. ред. П.С. Гуревич. – М., 2010. – С. 79–80.

643 *Зайцева Н.Р.* Историософия как сфера метафизического поиска: проблемное поле, специфика концептуальных построений, методология исторического моделирования. – М., 2005. – С. 2.

644 *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. – М., 2007. – С. 489.

645 Там же. – С. 486.

ты, и влияет на те, что должны быть достигнуты в будущем[646]. Базовым основанием для построения своего исторического эскиза Кондорсе считал человека. Во многом из его метафизической сути историк черпал знания об истории и ее закономерностях. Всякое иное, в понимании Кондорсе, необдуманное отношение к истории будет удерживать человеческий разум в безнадежном рабстве и в вечном младенчестве.

Таким образом, из философско-исторического опыта следует, что метауровень не отягощен материальными свидетельствами человеческого быта. На его высотах вырабатываются способы духовного освоения мировой истории. Исторический процесс оценивается сквозь призму таких «категорий, как добро и зло, прекрасное и безобразное, земное и небесное, настоящее и будущее, смерть и бессмертие, истина и заблуждение, прогресс и регресс и т. д.»[647]. На базе этих категорий выстраивается историософия как метаконцепция, которая, согласно Н.И. Кареву, синтезирует научно-объективное рассмотрение исторического процесса и ценностного подхода.

В метафизике, конечно, есть свои сложности. Но надо заметить, что ни один из недостатков метафизики не отменяет ее существа, а все они являются сугубо ее внутренним делом, чем она выгодно отличается от других учений. Поэтому опровержение антиметафизических воззрений не требует больших усилий. Не имеет смысла противопоставлять им убедительную и проверенную веками, в целом единую точку зрения авторитетных представителей самых влиятельных и одновременно разных философских школ – Аристотеля, Пифагора, Платона, Лейбница, Декарта, Вульфа, Фихте, Шеллинга, Канта и Гегеля, которые либо признавали за метафизикой научный статус, либо ставили ее выше всякой науки. Каждый из них понимал и по своей сути признавал в своих философских размышлениях тезис о том, что метафизика, как говорил американский философ и декан философского факультета Бостонского университета Б. Боун (1847–1910), лежит в основе всего мышления и всей науки. Вольно или невольно мы все включены в метафизику. Поэтому мнимый отказ от нее влечет наступление

---

646 См.: *Кондорсе Ж.А.Н.* Указ. соч.

647 *Кальной И.И.* Философия истории. – Симферополь, 2004. – С. 27–29.

практического результата, близкого по своим качествам к механическому или материалистическому фатализму[648].

Более того, сама по себе метафизическая мысль никогда не претендовала на научность. Она не скрывала, что предметом ее интереса является ненаучное (в традиционно узком смысле этого слова) – априорное, сверхъестественное и внеприродное. Возможность рассмотрения в метафизике сферы объединения различных отраслей науки объясняет и во многом обосновывает другая тенденция. Она, несмотря на свою длительную историю, еще мало изучена, а уголовным правом не распознана и не признана. Речь идет о том, что большинство разделов науки с определенной периодичностью, осознанно или подспудно сами выходят в сферу метафизики. Это происходит, надо признать, не так часто. Как правило, интенсивность такого обращения зависит от взглядов тех модераторов, которые стоят у «руля» науки. Но активность их апеллирования к метафизике однозначно усиливается в периоды кризиса представляемых наук.

К слову сказать, история свидетельствует, что философия сама порой теряет связь с метафизикой. Обращается к ней, когда ощущает критическое удаление от нее или потерю в своем составе метафизического начала или ориентира. Утрачивая метафизический характер, как справедливо отмечает А.Н. Савенков, философия права превращается в общую теорию права[649].

Опыт метафизики, иными словами, не настолько бесполезен, насколько это может показаться, судя по историческому к нему отношению науки уголовного права. Метафизическая практика всегда служила хорошим путеводителем в мир бытия, в том числе других отраслей знания. Она же на первом этапе позволяет выйти за пределы стереотипов сложившихся об уголовном праве. То есть помочь воспринять в нем то, что вне зависимости от наличия или отсутствия преступления всегда остается с нами. А самое главное – онтологическая мысль способна предложить ранее практически невостребованные криминалистами знания, полезные для определения существа уголовного права. Она помогает отыскать, по словам Фомы Аквинского, обособленное существо этого права, кое суть первый

---

[648] См.: *Bowne B.P.* Metaphysics. – N. Y.; Cincinnati; Chicago, 1882. – P. V–VI.

[649] *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 6.

двигатель, от которого … зависит порядок всех его институтов[650]. «Первому двигателю» как обособленному существу, от которого зависит весь уголовно-правовой порядок, не придается должного значения. Гносеологический потенциал этого явления теорией не разрабатывается. Описание существа права обходится выделением и обоснованием якобы присущего только ему предмета и метода. Считается, что само по себе их наличие обеспечивает соответствующую отрасль правом на самостоятельный статус. При этом не замечается, что названные категории связаны главным образом с внешней характеристикой уголовного права; с тем, что ему противостоит и что определяет его место «под солнцем». Не принимается во внимание, что эти категории противоположны, например, понятию парадигмы, которая обращена вовнутрь права и преследует цель его самоопределения.

Упускается из виду еще одна крайность. Не придается значения тому, что большинство развивающихся по стандартам современной науки уголовного права идей берет свое начало от одной из двух противоположностей. Либо от «добра» как охраняемого блага, либо от «зла», которым в рассматриваемой отрасли права выступает преступление. Размышления об уголовном праве преимущественно начинаются с рассмотрения учения о преступлении и сводятся к нему. Значительное число исследований посвящено Особенной части уголовного права, содержащимся в ней конкретным составам преступлений, их истории и практике применения. В других случаях отправной точкой для исследователей выступает защищаемое уголовным правом благо. Из Общей части этого права извлекается объект охраны, который на первом этапе изучается отвлеченно от своей отрасли права, затем оценивается его отражение в широком круге норм Особенной части. Таким способом достигается понимание того, соответствуют ли уголовно-правовые представления об объекте преступления социальным, экономическим и другим моделям защищаемых благ. Иных исследовательских сценариев наука не выдвигает и не предлагает испытывать. Смена отмеченных моделей составляет основной источник эвристических ожиданий науки. В ряде случаев он, конечно, приносит свои плоды.

---

[650] См.: *Фома Аквинский.* О необходимости существования вечной неподвижной субстанции // Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подготовка текста С.И. Еремеев. – СПб.; Киев, 2002. – С. 686.

Впрочем, познание «обособленного существа» уголовного права названными путями не совершается. И никогда не совершится. Убедительным подтверждением этого тезиса служит состояние науки уголовного права. Сложившийся в ее недрах процесс получения знаний привел к тому, что криминалисты располагают данными о преступлении и наказании в более значительном объеме, чем об уголовном праве как таковом. При этом все, чем они обладают, не больше того, что имели их предшественники. По-прежнему ведут речь в основном об уголовном праве как об отрасли права, законодательства, науки и учебной дисциплине. Проникновение в теорию уголовного права отвлеченных или других востребованных философией и общей теорией права категорий происходит с трудом. Несмотря на это, накопленные знания и их структура признаются криминалистами полными и самодостаточными. «Они, – как пишет А.В. Наумов, – уже проверены веками». Освоенные специалистами методологические стереотипы подсказывают им, что никакого нового уголовного права не появится. На их основе юрист прогнозирует органическое развитие старого права с приспособлением к новым реалиям[651], не замечая, что он на самом деле выступает как догматик и сторонник стагнирующего консерватизма.

Отсутствие во всем объеме представлений об уголовном праве крайне малого – знаний об «обособленном существе» этого права – не замечается. Дефицит информации о его самости ученых не беспокоит. Всюду обнаруживаемый дуализм, обеспечивающий бесперебойное движение науки рассматриваемой отрасли права от тезиса к антитезису и обратно, т. е. «по замкнутому кругу», не вызывает у специалистов существенной рефлексии. Они постоянно и преданно двигаются в узких пределах «диалектического противоречия»: между охраняемым благом и посягнувшим на него преступлением, преступившей виной и искупившим ее наказанием, либо между преступлением и преступником, наказанием и наказуемым. И кроме этого противоречия другого значимого результата об искомой «самости» не достигают.

Дуализм специалистов, как показало исследование, берет свое начало от более элементарного и во многом мировоззренческого, не научного начала – от

---

[651] См.: Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву. – С. 138.

традиционного и стереотипного восприятия человека в двуликом качестве, то есть как существо биологическое и социальное. На почве убежденности в том, что «все законы и зависимости, имеющие место в обществе, обусловлены двумя вещами: биологической природой человека и условиями его жизни (природными и материальными)»[652], предлагают искать причины преступности, как писал профессор Императорского Варшавского университета В.В. Есипов, «или в самом человеке – в его физической и психической организации, или же в окружающей человека среде – в тех или иных условиях общественной жизни и социального строя»[653]. С помощью субъективных признаков состава преступления оценивают психофизиологическое состояние человека, а с помощью объективных – его опасность для окружающего социума. Затем на основе сложения этих двух переменных криминалисты принимают, как им кажется, синтезированное уголовно-правовое решение о виновности и наказуемости лица.

Но таким положением вещей дуализм теории уголовного права не исчерпывается. В представлениях юристов человек традиционно пребывает в двумерном пространстве. По их тривиальному убеждению он выражает себя как существо либо индивидуальное, либо общественное. В случае совершения преступления виновный выступает в единственном числе как лицо, которое стремится к максимальной свободе волеизъявления. При привлечении виновного к ответственности субъект наказания становится лицом коллективным. Общество всячески пытается подчинить своим интересам действия индивида, нередко отклоняющиеся от общей нормы поведения. Несмотря на очевидную конфронтационность отмеченных представлений о человеке, у правоведов не возникает ощущения конфликта между различными и часто противоположными началами его природы. Они не заняты поиском той основы, на почве которой можно преодолеть соотношение личности и общества как исключающих друг друга начал. Снять с повестки дня дискуссию о приоритетности либо личности над обществом, либо общества над личностью или государства над ними в целом. Увидеть в личности и обществе два логически и исторически взаимосвязанных субъекта, а в уголовном праве

---

[652] См.: *Жуков В.Н.* Юридическая наука и ценности // Государство и право. – 2018. – № 1. – С. 9.

[653] *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая: преступление и преступники. Наказание и наказуемые. – СПб., 1898. – С. 1.

утвердить принцип, согласно которому закон не должен и не может быть совместим с доминированием одного субъекта над другим. Иначе говоря, криминалисты не испытывают потребности, как говорила П.П. Гайденко, «найти “лежащее в основе третье”, которое было бы посредником между противоположностями»[654].

О чем-то третьем в свое время писал еще Аристотель. В нем он видел выход из подобных трудностей. «Для тех, кто устанавливает два начала, – говорил мыслитель, – должно существовать еще одно начало, более важное...»[655]. Оно лежит в основе. Все противоположные определения восходят к нему, и ни одно из них не может существовать без него отдельно. Это начало неподвижно и неприродно. Оно всегда чистая актуальность. Сфера мышления является его питательной средой, а мысль – средством, используя внутренние возможности которой, как отмечает В.В. Миронов, исследователь способен проникать в сущность бытия[656].

Предложение античного мыслителя по отысканию «третьего» универсально и даже бытийно. Оно в полной мере применимо как к праву в целом, так и к уголовному праву в частности. Обоснованность этого тезиса в последующем подтвердил и развил применительно к праву Г. Гегель. Он видел, что в основе спора о праве всегда лежат направленные друг против друга основания и отрицательные суждения. Для их разрешения требуется, как писал философ, «третье суждение». В его качестве выступает суждение о «праве в себе», которое не заинтересовано в вещи и являет собой силу, сообщающую этому праву наличное бытие[657].

«Нечто третье» Аристотеля и Гегеля, судя по их доводам, метафизично. Современники не находят его в обыденной, повседневной жизни. Они обнаруживают «третье» в «другом мире», названного М.К. Мамардашвили «другим модусом бытия и жизни». Он более реален, чем тот, который криминалисты считают эмпирическим, или обиходно, повседневным. По своей природе этот мир первичен, состоит из человеческих явлений, отличающихся от человеческих

---

654 *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. – М., 1980. – С. 280.

655 *Аристотель*. Указ. соч. – С. 403.

656 См.: *Миронов В.В.* Предметное самоопределение метафизики // Метафизика. – 2011. – № 1. – С. 8.

657 См.: Гегель // Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа / Отв. ред. Е.П. Ситковский; редкол.: Б.М. Кедров и др. – М., 1977. – С. 331–332.

состояний[658]. Речь идет, по С.Л. Франку, о сфере духовного. О ней как более основной задаче, на уровне которой только и возможно сущностное преодоление источника преступной воли, часто забывают при решении неотложной задачи по внешнему ограждению жизни от зла мерами организационно-распорядительного устройства. Ученые не вспоминают о духовном, вероятно, потому, что считают его областью, не поддающейся внешнему воздействию. На свободу личности, которой наполняется содержание его духовной сферы, в действительности, как отмечал мыслитель, не распространяется никакое внешнеорганизационное принудительное вмешательство. Поэтому государство и право, по убеждению С.Л. Франка, должны ограждать жизнь от гибельных последствий греховной воли, ограничивать свободу действий, в каких-то случаях даже убивать носителя злой воли. Но они «не могут заниматься задачей внутреннего перевоспитания человека, которое есть дело только его автономной воли – и Бога. Единственное, что может государство, это, не касаясь непосредственно нутра человеческой души, создавать внешние условия, наиболее благоприятные для свободного внутреннего самосовершенствования человека, для прорастания в нем его богосродного и богослитного существа»[659].

О «другом модусе бытия», через который лежит путь к обособленному существу уголовного права и в котором оно может быть обнаружено, в науке говорится немногое. Знания об альтернативных реальностях, так же доступных человеку и представляют собой основной интерес для метафизики, развиты слабо. Кажется, что привычный режим психофизических существ является единственно возможным и нормальным. Другого и более реального режима не существует. Во всяком случае с помощью подручных средств, в том числе уголовно-правовых, его невозможно представить. Уголовно-правовая мысль, к тому же, никогда не отрывалась от реальности известного ей мира, а поэтому, возможно, ее нельзя упрекнуть в недостаточной осмотрительности и обоснованности. Она всегда была последовательно и убежденно привержена всему насто-

---

[658] См.: *Мамардашвили М.* Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). – СПб., 2012. – С. 20.

[659] *Франк С.Л.* Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. – Париж, 1956. – С. 340–344.

ящему. На каждом историческом этапе ее модераторы призывали не забывать об окружающей уголовное право среде и старались обеспечить их перманентную взаимосвязь.

Вспомним Н.С. Таганцева, который в конце XIX – начале XX в. настаивал на «изучении преступлений, как событий текущей жизни, как явлений социального порядка, или как продукта органических особенностей известных лиц...»[660]. В своих изысканиях юрист инкорпорировал реальность в уголовно-правовую материю, включил ее в понятие нормы. Известно суждение правоведа о том, что «только та норма может быть нарушена, которая имеет реальную жизнь. Для того чтобы она могла стать реальным элементом юридической жизни, норма должна быть создана жизнью, а затем получить самостоятельное бытие»[661]. На исходе XX – начала XXI в. В.Н. Кудрявцев высказал такое же мнение. Оценивая состояние уголовно-правовой науки, он заявил о том, что ее нынешнее положение обусловлено недостаточной связанностью с реальностью. Уголовное право нужно модернизировать, так как оно уже не решает проблем, появляющихся в связи с изменением времени, людей и их ценностей, которые в «XXI веке уже не те, что сто или даже пятьдесят лет назад»[662]. Сторонники и оппоненты В.Н. Кудрявцева, несмотря на определенные разногласия, согласны с наличием потребности в обеспечении связи уголовного права с современными для него реалиями.

Из сказанного следует, что реальность как таковая не забыта представителями науки уголовного права. Другое дело, что актуальное уголовное право и знания о нем они пытаются получить сбором сведений обо всех его внешних проявлениях в известной им окружающей реальности. Поэтому юристы небезосновательно могут усомниться в значимости для них заявленного философами тезиса о существовании некого неохваченного ими мира. По глубокому убеждению криминалистов, никакой более реальной реальности, чем та, в которой действует уголовное право, не существует. И в этом заключена скорее их проблема, чем достижение.

---

[660] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая. 2-е изд. – СПб., 1902. Т. 1. – С. 7.

[661] Там же. – С. 42.

[662] *Кудрявцев В.Н.* Науку уголовного права пора модернизировать... – С. 130–131.

В ряде отраслей науки осознание сосуществования описываемых здесь миров уже наступило. Открытие возможностей метафизического мира для уголовного права, развивающегося преимущественно под влиянием позитивизма, требует веских доказательств. Их представление способно убедить криминалистов в необходимости отступления от эмпириокритицистских традиций и от безальтернативного стремления искать и находить в них объяснение существа уголовного права, его институтов. Без выхода в метамир альтернативных знаний достижение отмеченной цели маловероятно.

Изучение маршрутов движения отдельных наук на пути к метафизике существенно обогащает знание об этих науках, о возможностях самой метафизики, а также преподносит пример для науки уголовного права. Однако не менее очевидно то, что эта наука в своем отношении к метафизике не одинока. С ней вся современная цивилизация, одним из основных признаков которой, как пишет А.Ю. Севальников: «является то, что она носит принципиально не метафизический характер, а скорее даже, антиметафизический характер»[663]. К этим словам можно добавить, что с прежних времен изменилось немногое. В философских науках и сегодня любое обращение к вопросам метафизики, в каком бы виде оно ни осуществлялось, до сих пор остается рискованным делом. В некотором смысле положение даже усугубилось. «Если ранее метафизика была “немодной” для обывателя, то сегодня она является таковой и для профессиональных философов»[664].

Вместе с тем исследование того, как другие науки расширяли свои представления о метафизике и приобщались с ее помощью к собственным онтологическим основаниям, достаточно для снятия существующих предубеждений и опровержения несостоятельных доводов о ее невостребованности. Достаточно для понимания того, что проблемы уголовного права могут скрываться и проявляться не только во внешних сферах жизни. Их основой способны стать однажды взятые теорией на вооружение мировоззренческие аксиомы, терпящие сегодня кризис из-за того, что достигли своих пределов, исчерпали возможности, не способны вместить в

---

[663] *Севальников А.Ю.* Указ. соч. – С. 59.

[664] См.: *Сайкина Г.К.* Социальный потенциал метафизики человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Казань, 2013. – С. 3.

свои хранилища (формы) существующую и ежедневно зарождающуюся социальную практику. У науки уголовного права появляются предпосылки для поиска ранее невостребованных резервов, лежащих в сфере бытия человека.

Приведенный опыт обращения естественных и социальных наук к метафизике также свидетельствует о том, что имеющиеся у науки уголовного права знания о реальности служат одним из препятствий в использовании метафизических возможностей. Они не позволяют юристам допустить мысль о двух мирах или, точнее, о двух модусах мира, один из которых более реален, чем существующий. Многое в представлениях криминалистов о реальности обусловлено банальностью эмпирической жизни, ее легкой доступностью для понимания, которым она назначена действительной и возведена в статус подлинной. При этом в укрепление подобных представлений немалый вклад вносит сама философия. Ее представители регулярно напоминают о том, что «в человеке первична биология, его инстинкты и материальные потребности, а всякие представления о преобладании в жизни человека культуры являются заблуждениями»[665].

Другая причина связана с неоправданными надеждами правоведов на то, что сбор наибольшего объема различных знаний и информации о повседневной жизни способен дать полное и актуальное представление об уголовном праве. Они исходят из того, что право не может быть понято вне связи с различными сферами и формами социальной жизни, без учета нюансов правовых культур и консолидации самых разнообразных сведений, накопленных за долгие годы. Им кажется, что свойственное метафизике абстрагирование допустимо и применимо только при исследовании конкретных аспектов и институтов права. Оно не подходит для постижения природы, сущности и назначения права, решения мировоззренческих вопросов. Их одоление возможно через анализ конкретной обстановки и социального окружения, в которых действует право[666].

Зависимость уголовного права от широкого круга прямых и косвенных детерминант не вызывает сомнений. Необходимость их исследования представляет собой аксиому. Однако отмеченным ожиданиям правоведов на понимание перво-

---

[665] См., напр.: *Жуков В.Н.* Антропология в философии права: постановка проблемы // Государство и право. – 2019. – № 3. – С. 63.

[666] См., напр.: *Сигалов К.Е.* Среда права: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – С. 3.

сущности уголовного права с помощью обзора всех его сторон, по свидетельству специалистов, занимающихся междисциплинарным, идейно-прикладным познанием реальности, не суждено сбыться по достаточно объективным причинам. Ю.Ф. Вилесов и Ф.В. Лазарев, в частности, отмечают, что «ни один объект не может одновременно актуально проявить всех своих свойств, поскольку всякий объект неисчерпаем в своих связях и отношениях и эта неисчерпаемость не является чем-то актуально данным»[667]. То же самое касается однажды выбранных для их оценки критериев. Теоретико-экспериментальные исследования физиков подтверждают, что те коэффициенты, которые с момента своего открытия и затем еще долго считались положительными, на самом деле могут иметь и отрицательные величины[668].

Одновременный взгляд на различные стороны права, его социальную, экономическую, политическую, демографическую и другие составляющие недостижим. Он создает иллюзию того, что исследователь с его помощью может получить прообраз уголовного права, добраться до его первосущности. Все эти обзоры, как бы их не систематизировали, по определению своему разные и способны лишь расфокусировать взгляд на преступление или наказание. Отвечая своему назначению, они извлекают из уголовного права только те характерные черты и в том объеме, которые соответствуют формату представляемой ими отрасли знания. Ни одна из них не имеет своей целью создание универсального языка, обеспечивающего перевод с языка одной отрасли знания на язык другой. Каждая из наук в этих целях выходит в метасферу. Их собственным междисциплинарным методикам под силу познание лишь самих по себе связей как каналов, обеспечивающих не более чем переход научной информации, ее взаимообмен.

Геометрия также учит, что для разрешения имеющихся проблем науке уголовного права полезно востребовать не только новые локальные точки обзора, но и целые пространства с неметрическими системами социального измерения. Сосуществование в бытии человека нескольких геометрий свидетельствует о том,

---

[667] См.: *Вилесов Ю.Ф., Лазарев Ф.В.* Взаимосвязь между законами и понятиями в физике // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. – 1999. – № 6. – С. 34.

[668] См.: Интервью Веселаго В.Г. // Успехи физической науки. – URL: http://ufn.ru/ ru/ufn90/ veselago.html.

что искомые пространства наличествуют и образуют его неотъемлемую часть. Уголовное право работает с этими измерениями, но его теория еще не придает им должного значения. Не имея полного о них представления, она относится к ним как к второстепенным и сопутствующим факторам. Примеры такого отношения имеются.

Но основная причина недооценки неметрических средств социального измерения заключается в укоренившейся уверенности в том, что эмпирические средства, традиционно используемые для оценки преступности и наказуемости деяний, безальтернативны. Только они наиболее точно и достоверно отражают общественную опасность посягательств и последствий их совершения. Не берутся в расчет результаты физических и геометрических исследований о том, что евклидовские средства измерения являются только частным видом более широкой и полной объективной реальности, а добываемые с их помощью определения имеют приблизительный характер. Также игнорируется то, что истины – временные, случайные или физические – проистекают из вечных, или метафизических, истин.

При выборе средств уголовно-правовой оценки человека и его поступка упущено то, что фундаментальной основой человеческой идентичности считается человеческий дух, душа. Тело и его потребности не самоотождествляют и не идентифицируют человека[669]. Эмпирические средства измерения во многом условны и способны выполнять лишь вспомогательные функции. Понятия величины, формы и движения вовсе не так отчетливы, как воображают. Они, как писал Г.В. Лейбниц, заключают в себе нечто мнимое и относящееся к нашим восприятиям. Почти также об эмпирических методах осмысления реальности высказывался М. Фуко. Мыслитель отмечал, что физиологическое восприятие мира во многом галлюцинаторное, что в наше восприятие входит только то, что мы способны воспринять. Им не достигается изучение реального человека.

В современной теории уголовного права все устроено иначе. Существенный акцент сделан на осязаемость уголовно-правового подхода. Теоретики сторонятся всего, что напоминает им мир абстракций, в том числе и метафизики.

---

[669] См.: Спектр антропологических учений. Вып. 5 / Ин-т философии РАН; отв. ред. П.С. Гуревич. – М., 2013. – С. 156.

В связи с этим, как отмечал А.Э. Жалинский, традиционно рассматривается не философская, а, скорее, практическая составляющая сущности уголовного права[670]. На деле оказывается, как отмечают физики, что именно абстракции тонко и адекватно отражают реальность. «Посредством абстракций проявляется единство нашего мира, его общность. Абстракции отображают не только законы природы, но и границы той области, где они оказывают в основном влияние на наблюдаемые процессы. Понятие как абстракция отображает некоторые объективные законы природы»[671].

Таким образом, нельзя сказать, что все вышеприведенные знания не касаются уголовного права, значительно от него оторваны либо абстрагированы от решаемых им задач. Представляется, что уже скоро невозможно будет вообразить уголовное право, которое сможет обходиться без метафизических категорий и знаний в целом. Приближение к метафизическим вершинам явится самым лучшим доказательством того, что наука уголовного права входит в общенаучный контекст, идет по пути достижения своей зрелости, т. е. становится самостоятельной, приобретает парадигмальный статус. В общей теории права наступает понимание роли и значимости метафизики. Некоторым современным юристам ясно, как отмечает А.И. Гусейнов, что «человеческая жизнь и в будущем будет неотделима от права как нормативно-интегративного и метафизического понятия»[672]. Ведущие теоретики права страны разделяют соглашаются с тем, что выработка нового ценностного мировоззрения, отвечающего вызовам исторической эпохи, не может обойтись без преодоления крайностей естественно-правового и юридико-позитивистского подходов, а также без формирования, как считает И.Л. Честнов, новой онтологии правовой реальности[673]. По прогнозам Г.В. Мальцева, в ожидаемой концепции права «найдут свое выражение и эмпирические начала (включая те, которые отстаивает и развивает философ-

---

[670] См.: *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ… – С. 21.

[671] См.: *Вилесов Ю.Ф., Лазарев Ф.В.* Указ. соч. – С. 26–33.

[672] См.: *Гусейнов А.И.* Право как феномен культуры: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 277–278.

[673] См.: *Честнов И.Л.* Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. – СПб., 2000.

ский и юридический позитивизм), и метафизические истины, которые до сих пор вместе плохо уживались. Речь идет не о суммировании, не о простом синтезе этих начал, но об их единстве на базе глубокого взаимопроникновения и взаимного обогащения»[674].

5.2. Герменевтика в структуре уголовно-правового знания

Герменевтику относят к современным типам правопонимания. Востребованность этого философского направления, уверены специалисты, является откликом на кризисное состояние права конца XX – начала XXI в., так как дает возможность по-новому взглянуть на природу права и найти выход из стагнации его основных институтов[675]. С появлением и обоснованием герменевтики в юриспруденции, с использованием ее потенциала на пути познания права теоретики связывают надежды на разрешение вопроса о том, в чем состоит мотивация человека, в силу которой он должен руководствоваться правом.

Помимо объяснения востребованности герменевтики вызовами современности правоведы указывают на то, что до недавнего времени юридические исследования, как правило, ограничивались формально-логическими операциями. К ним активно обращались, поскольку, по мнению большинства специалистов, они обеспечивали максимально глубокий анализ правового материала для его практического использования в процессе реализации того или иного закона. Основанием для широкого применения такого подхода служило общее убеждение в исконном предназначении юриспруденции отвечать требованиям юридической практики. Учитывалось и то, что научный инструментарий такого подхода довольно давно сформировался и успешно себя апробировал на практике. Имело значение также то, что «методология правовой науки сложилась под “высоким началом” юридического позитивизма»[676], отличающегося жестким прагматизмом в определении понятия правового явления и его классификации в соответствии

---

[674] *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999. – С. 4.

[675] См., напр.: *Честнов И.Л.* Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права: учеб. пособие. – СПб., 2001.

[676] См.: *Алексеев С.С.* Философия права. – М., 1999. – С. 37.

с признанными критериями. «Успех позитивизма был предопределен еще и тем, что он был активным проводником определения сущности правовых явлений через ряд простых понятий, которые предназначаются для лучшего, углубленного понимания юридической нормы правоприменителем при решении конкретно-прикладных проблем ее реализации»[677].

В современных (существенно изменившихся) условиях наступило понимание того, что юридический позитивизм не справляется со складывающейся и усложняющейся многоаспектной правовой реальностью, так как сформировался в прямо противоположных социально-правовых условиях. Зародился и развился тогда, когда юридический мир был одномерным, отличался монополией государства на установление правил поведения – принятие законов, приведение их в действие и наказание за неповиновение им. Конструкции позитивизма не были приспособлены для работы в обстановке социально-экономического и политико-правового динамизма, а само учение не было готово к появлению новых субъектов законотворчества и правоприменения, к многократно увеличившемуся объему исходящих от них нормативных актов и решений, к возникновению между ними конфликтов и борьбы за право толковать правила общежития в «последней инстанции». Не готово к тому, что закономерности новой реальности правового бытия выявляются более сложными способами, нежели формально-правовой анализ. В итоге специалисты сошлись во мнении, что одним из нужных для юриспруденции методов мог бы послужить герменевтический подход к исследованию права. В отличие от формально-логического анализа, на который опирается юридический позитивизм, герменевтика права предполагает более сложный семантический анализ.

Обзор юридических источников убеждает в том, что современной теории права и государства как будто бы все и доподлинно известно о герменевтике. Но если посмотреть на юридическую мысль в целом, то увидим большое количество разночтений в понимании и теоретическом определении герменевтики, в том числе юридической. Одни категорично заявляют, что «герменевтика – это одна из древних *наук*, которая появилась в раннем христианстве и занималась

[677] См.: *Суслов В.А.* Герменевтика права // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 4–12.

трактовкой религиозных текстов»[678]. Хотя автор этой позиции не брался за исследование герменевтики с позиции гносеологии и не решал задачу по выявлению и выделению в герменевтике признаков научности. Другие часто утверждают о герменевтике как об отдельном общефилософском *методе*. Делают подобные заявления, хотя весьма отдаленно касались философского контекста этого метода. Третьи считают, что герменевтика имеет опосредованное отношение к философии, что она является результатом дивергенции исторического и юридического толкований. Относят герменевтику к типичной деятельности юриста, профессионально занимающегося толкованием норм права и фактов, которые обусловливают их применение[679]. Настаивают на данной позиции без учета высокого потенциала философии, позволившего обнаружить и осмыслить универсальные свойства герменевтики, ее отношение к самым разным сторонам культуры.

Некоторые адепты самостоятельности юридической герменевтики идут еще дальше и отождествляют правовую науку и герменевтику. По их мнению, объектом исследования первой «являются, в первую очередь, различного рода правовые тексты». Кроме того, они признают, что юридическая герменевтика находится в тесной взаимосвязи с философской герменевтикой. Последняя выступает как методологическое основание юридической герменевтики[680]. Существует и смешанная позиция. На страницах периодических изданий утверждается, «что юридическая герменевтика – это *наука* и *искусство* толкования правовых терминов, а также учение о принципах и методах интерпретации юридических терминов»; что «юридическая герменевтика, или толкование права, – необходимое и важное *условие* всего механизма правового регулирования, начиная с правотворчества и заканчивая правореализационным процессом»[681]. Некоторые ученые не

---

[678] См., напр.: *Атарщикова Е.Н.* Место и роль герменевтики в современном праве // Общество и право. – 2012. – № 5. – С. 16.

[679] См., напр.: *Косцова И.П.* Герменевтический метод толкования норм права: историческая и юридическая дивергенция // Вестник Национального университета «Львовский политехник». Серия: Юридические науки. – 2015. – № 827. – С. 153–158.

[680] См., напр.: *Яркова Е.Н.* История и методология юридической науки: учеб. пособие. – Тюмень, 2012. – С. 105–107.

[681] *Беляева О.М.* Понятие и сущность юридической герменевтики // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 8. – С. 109–112.

сомневаются в том, что «герменевтика сегодня – это один из основных *механизмов* толкования принципов и ценностей права, который позволяет не только законодателю, но и судьям творить право»[682].

В монографических исследованиях, более глубоко погруженных в смысл и историю становления герменевтики, к ее восприятию подходят более широко. Не сводят герменевтику к проблемам текстологии. Относятся к ней как к методологии социально-гуманитарного познания. Определяют герменевтику в качестве теории и методологии познания человека, общества и культуры путем интерпретации и понимания смыслового содержания их взаимоотношений и отдельных актов поведения. Вслед за знатоками герменевтического учения правоведы отказываются от его узурпации и причисления к числу сугубо юридических дисциплин, расширяют рамки предмета юридической герменевтики и относят к его содержанию смысл как отдельных нормативно-правовых установлений, так и всей правовой действительности, понимаемой как текст. При этом они учитывают, что правоприменитель не ограничен работой с текстом закона. Он «вынужден осуществлять толкование не только текста нормативного акта, но и других источников права, а также давать оценку юридическим фактам и правоотношениям, ссылаясь на доказательства, подтверждающие существование этих обстоятельств, и специфицирующие их отличительные свойства»[683].

В теориях отдельных отраслей права к оценке герменевтики и ее эвристических возможностей подходят намного скромнее. На их уровне герменевтика пока не воспринимается как тип правопонимания. Юристы не увидели в герменевтике нового мировоззрения, на базе которого возможны переоценка содержания права и поиск причин его кризиса. Усилия большинства специалистов сводятся к попыткам познания содержания и структуры герменевтики, определения меры ее присутствия в конкретной отрасли. Через углубление в философию сторонники герменевтики стараются переоценить имеющийся в каждой отрасли

---

[682] См., напр.: *Трофименко В.А.* Современная юридическая герменевтика как механизм толкования принципов и ценностей в праве // Вестник Национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого». Серия: Философия, философия права, политология, социология. – 2012. – № 3. – С. 43–52.

[683] Юридическая герменевтика в XXI веке / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. – СПб., 2016. – С. 10.

законодательства институт толкования и дополнить его возможности ранее не востребованными герменевтическими приемами, которые были бы полезны в законотворческой и правоприменительной деятельности.

В качестве примера можно привести работу Т.А. Левченковой, в которой герменевтика рассмотрена в качестве метода толкования нормы финансового права, а также способа ее применения[684]. В диссертации М.Н. Амельченко аргументированно изложена трудоправовая герменевтика: рассмотрена роль герменевтики в нормотворчестве, правоприменительной практике и науке трудового права, дана характеристика недостатков трудового законодательства, приведены примеры устранения неточностей текстуальных формулировок закона, исследованы вопросы толкования трудовых сделок, проанализированы интерпретационные ошибки[685].

Уголовно-правовые представления о герменевтике не отличаются новизной. Их обзор демонстрирует значительную разницу, существующую между ними и общеправовыми достижениями в познании герменевтики. С одной стороны, герменевтическое учение не оставлено без внимания наукой уголовного права. С другой стороны, в настоящее время проводится работа в основном по актуализации герменевтики и ее метода в науке рассматриваемого права. В немногочисленных источниках содержатся надежды на герменевтику в уголовно-правовых исследованиях. Так, Ю.В. Голик, предвещая появление философии уголовного права, уверен, что в ближайшее время обострится интерес ученых к герменевтике, ее возможностям в познании сути вещей, понятий, явлений. С помощью герменевтики «рано или поздно будут проанализированы все институты уголовного права»[686].

В работе О.В. Пычевой юридическая герменевтика рассмотрена как метод познания права, исследованы понятие и этапы формирования герменевтики, выделены герменевтические проблемы юридических текстов. Юридическая герменевтика определена как наука о понимании, истолковании и применении смысла законодательного текста, использующая семантические приемы его формулиро-

---

[684] См.: *Левченкова Т.А.* Герменевтический метод как один из методов науки финансового права // Финансовое право. – 2011. – № 5. – С. 5–11.

[685] См.: *Амельченко М.Н.* Герменевтика трудового права России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2010.

[686] Философия уголовного права / Сост., ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика. – СПб., 2004. – С. 8.

вания и восприятия. При этом усилиями автора юридическая герменевтика сведена до вида познания как процесса, развивающегося от понимания к объяснению, а вид познания отнесен к так называемому юридическому анализу: буквального текста, догматическому и социально-историческому[687]. То есть герменевтика, востребованная временем и учеными в качестве средства преодоления позитивистской традиции, помещена автором в узкие рамки ее подхода. Предназначение герменевтики нивелировано до формирования навыков восприятия текста.

Новым для науки уголовного права стало введение в ее понятийный аппарат категории «понимание», которая пока еще не получила должной оценки. Одни специалисты понимание наряду с истолкованием и применением причисляют к элементам герменевтики и к одному из этапов анализа текста уголовного закона. Другие понимание и толкование отождествляют, относят их к синонимам. Третьи не возражают против категории «понимание», но откровенно признают, что этот феномен мало изучен и его потенциал в решении уголовно-правовых проблем не совсем известен.

В исследовании А.И. Ситниковой предпринята попытка обосновать понятие «уголовно-правовая текстология» без ссылки на герменевтическое учение. На основе филологического и лингвистического анализа автором выделена текстология как новое направление исследований, объектом которых является текст уголовного закона, а предметную область составляют исходные теоретические положения, касающиеся текстуальных признаков уголовного закона, требований, предъявляемых к тексту уголовно-правовых предписаний, их конструированию и интерпретации[688].

Таким образом, проблема незначительной востребованности герменевтики существует не только в уголовном праве. Использование философской герменевтики в других отраслях российского права также невелико. В специальной литературе имеются единичные работы по герменевтике. Это обусловлено еще и тем, что герменевтика не до конца познана и понята в науке в целом. Как справедливо отмечал Ю.В. Борев, герменевтика сегодня неоднородна: в ее русле сложился

---

[687] См.: *Пычева О.В.* Герменевтика уголовного закона: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.

[688] См.: *Ситникова А.И.* Законодательная текстология уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014.

ряд течений, по-разному понимающих предмет, цели, методы этой дисциплины (натуралистическое, философское, культурологическое, психологическое, аллегорико-символическое, грамматическое, стилистическое)[689].

В итоге дальше ребрендинга хорошо известной и неплохо разработанной концепции толкования юридических текстов научно-исследовательская мысль, если говорить в целом, пока не продвинулась. Под видом познания герменевтики специалисты, как правило, углубляются в вопросы текстологии, ограничиваются проблемами интерпретации и разъяснения нормативных актов. Не задаются главным вопросом – не занимаются поиском, говоря словами И.Л. Честнова, эксплицитного начала герменевтики, определением и формулированием главного эвристического вклада, который герменевтика как явление парадигмального и социокультурного порядка способна преподнести праву в целом и каждой его отрасли в частности.

Обращение к основным вехам истории становления герменевтики является вынужденной мерой и позволит приблизиться к ответам на поставленные вопросы. Прежде всего, избавиться от иллюзии о том, что пределы герменевтического учения ограничены правилами и приемами интерпретации текстов. Убедиться в том, что такого рода суждения отражают развитие герменевтики по состоянию на Средневековье. В те времена преобладало сформулированное американским мыслителем М. Милзинером (1828–1903) представление о герменевтике как о науке по толкованию или объяснению значения слов согласно определенным правилам. Имелись в виду те значения, которые, как отмечал мыслитель, особенно активно применялись в толковании Священного Писания. При этом уже тогда проводилось различие между герменевтикой и толкованием. Несмотря на то что эти термины нередко воспринимались как синонимы, герменевтику относили к той отрасли науки, которая устанавливает принципы и правила толкования, а толкование – к фактическим способам применения соответствующих принципов и правил[690].

Ретроспективный взгляд дает возможность убедиться, что в основе герменевтики лежит тысячелетняя культура языка, принадлежащий человеку и

---

[689] См.: *Борев Ю.Б.* Эстетика: учебник. – М., 2002. – С. 259.

[690] См.: *Mielziner* M. Introduction to the Talmud: Historical and Literary Introduction, Legal Hermeneutics of the Talmud, Talmudical Terminology and Methodology, Outlines of Talmudical Ethics. – Funk & Wagnalls, 1903. – P. 117.

имеющий собственную сферу бытия, пронизывающую и, что немаловажно, скрепляющую все области жизнедеятельности человека. Поэтому основной интерес науки права заключается в распознавании с помощью герменевтического учения тех нормативных сил и закономерностей языка, которым без видимого принуждения, почти бессознательно и безусловно повинуется каждый человек, любой социум и все мировое сообщество в целом. Разгадать и попытаться применить к тексту уголовного закона залог успеха, в силу которого, как писал русский поэт В.С. Шефнер (1914–2002), «словом можно убить, словом можно спасти...».

В качестве самостоятельного философского течения герменевтика сформировалась в начале XIX в. В большинстве учебных изданий разговор о герменевтике, как правило, начинается с творчества философа Фридриха Шлейермахера (1768–1834)[691] и его коллеги Фридриха Шлегеля (1772–1829). Их относят к основоположникам герменевтики, так как они понимание текста поставили в зависимость от искусства его толкования. Будучи протестантскими теологами, использовали герменевтику как способ «истинной» интерпретации священных текстов. Родоначальниками рассматриваемого учения также считают немецких филологов Ф.А. Вольфа (1759–1824) и Г.Ф. Аста (1778–1841), европейских философов: В. Дильтея (1833–1911)[692], понимавшего герменевтику как метод наук о духе, М. Хайдеггера (1889–1976), Э. Бетти (1823–1892) и Г. Гадамера (1900–2002), в работах которых герменевтика в середине XX в. из метода гуманитарных наук была преобразована в философское учение о бытии[693].

Между тем исторический опыт свидетельствует о том, что происхождение герменевтики не может быть объяснено чьим-либо авторством. Связывать ее появление и развитие с работами отдельных философов представляется ошибочным. В таком случае предается забвению опыт, например, юристов Древнего Рима, труды которых заслуживают не менее пристального внимания. Они, без

---

[691] См.: *Шлейермахер Ф.Д.Э.* Академические речи 1829 года / Пер. Е.М. Ананьевой // Метафизические исследования. – СПб., 1998. Вып. 3, 4.

[692] См.: *Дильтей В.* Сущность философии. – М., 2001. – С. 60–61.

[693] См.: *Грицанов А., Румянцева Т., Можейко М.* История философии: энциклопедия. – Минск, 2002; *Ивин А., Никифоров А.* Словарь по логике. – М., 1997.

преувеличения, вели большую работу над словом, которое, судя по речам Цицерона и Квинтилиана, являлось для них основным орудием в борьбе за «правое дело», а в целом за положение в обществе.

Слово в названные времена, как отмечал американский мыслитель Ф. Либер (1798–1872), будь то исполненное в письме либо торжественно произнесенное, наполнялось верой и сверхъестественной силой. Нигде эта вера в слово не была сильнее, чем в Древнем Риме. Культ слова пронизывал все отношения, вытекающие из публичной и личной жизни, религии, морали и права. В истории Рима был продолжительный период, когда люди по слогу судили не только о юристе, но и об императоре. Их порицали и делали объектом насмешек либо, напротив, возносили и восхваляли. Для Древнего Рима слово означало власть. Оно обязывало или освобождало, стесняло либо раскрепощало его подданных. Слово имело силу если не сдвигать горы, то по крайней мере перемещать зерна на другие поля. С момента учреждения Двенадцати таблиц и вплоть до времен Апулея произнесенные слова играли большую роль. Именно в эпоху Древнего Рима стало считаться, что «строгое соблюдение буквы – знак незрелости во всем мире, и особенно в области права». В юридической сфере культивировался тезис о том, что первую главу истории права нужно писать под девизом: «Вначале было слово»[694].

В римском праве термин «interpretatio» имел широкое значение и был гораздо ближе по своей сути к автору, чем к самой по себе интерпретационной деятельности. Интерпретаторы, толкующие букву закона и факты реальной жизни, были призваны изменять текст нормативного акта и корректировать намерения законодателя в соответствии с требованиями своего времени таким образом, чтобы сделать их применимыми к меняющимся обстоятельствам жизни. При этом толкователям вменялось руководствоваться духом закона, а не его буквой или тем, что законодатель имел в виду, когда оформлял эту букву. Они были обязаны развивать этот дух, выявляя возможные способы разрешения не только насту-

---

[694] См.: *Lieber F.* Legal and Political Hermeneutics: or Principles of Interpretation and Construction in Law and Politics, with Remarks on Precedents and Authorities. 3rd, ed. – Boston, 1880. – P. 262–263.

пивших, но и потенциальных проблем[695]. Немецкий правовед Г. Хьюго, например, предназначение interpretatio видел не в «объяснении темных мест, а в постепенном формировании правовой доктрины»[696]. По этим основаниям, свидетельствует Ф. Либер, внушительная часть законов, найденных в Пандектах и других трудах римских юристов, сформирована путем постепенной интерпретации положений Двенадцати таблиц и расширения сферы применения гражданского права в соответствии с новыми вызовами жизни и чрезвычайными ситуациями в торговых отношениях[697].

В то же время безмерная свобода толкования, особенно широко используемая при заключении сделок, привела к росту непонимания и появлению оппонентов. Под их воздействием древними юристами выработаны и приняты на вооружение правила, стесняющие волю ораторов. Речь идет о принципе буквального толкования, который требует рассмотрения не того, что говорящий человек предполагал, а того, что им было прямо и четко произнесено. Имеется в виду также ограничение воли в зависимости от использования в сделках технических слов или традиционных формул.

Уроки римских юристов и Гермеса – толмача заветных посланий – были усвоены христианством, стремившимся сократить дистанцию между Богом и людьми, увеличивающуюся вместе с уходившим в небытие язычеством, а также покорить новые территории и вовлечь в свою веру широкие слои населения. К видным представителям христианского мира, впервые концептуализировавшим мысль о герменевтике, заслуженно относят Аврелия Августина. Его произведение «Христианская наука, или Основания священной герменевтики и искусства церковного красноречия» по своей сути является сводным трудом, объединившим в себе базовые начала герменевтики. В нем определена основополагающая для этого учения категория «понимание», обозначающая переход от знака к значению, т. е. к запечатлению в душе познающего представления о воздействующем на нее знаке. В названной работе также обнаруживается один

---

695 См.: *Puchta G.F.* Cursus der Institutionen. – Leipzig, 1841. Band I. § 78. – S. 315, 316.

696 *Hugo G.* Geschichte der R.H., bis auf Justinian. – N.Y.: A. Mylins, 1832. – S. 65.

697 См.: *Lieber F.* Op. cit. – P. 260.

из конституирующих принципов всей герменевтики – принцип контекстуального подхода, предполагающего понимание знаков не изолированно, а в определенном контексте, т. е. во взаимосвязи между собой и текстом в целом.

Наряду с отмеченным принципом философ выдвинул требование о конгениальности, т. е. о паритетности потенциалов исследователя текста и его автора. Так, чтобы не ошибиться при истолковании Священного Писания, не вывести другой смысл, а не тот, какой имел в виду изъясняемый Писатель, толкователь, как и Писатель, должен верить, надеяться и любить. «Кто свое разумение Св. Писания будет основывать на сих трех добродетелях, – писал Августин, – тот смело может приступать к изъяснению Слова Божия»[698].

Требование Августина об учете контекста в общих чертах находит отражение в ч. 3 ст. 17 УК РФ. Ее положения обязывают правоприменителя руководствоваться текстом всего уголовного закона, искать в его содержании общие и специальные нормы и затем применять одну из них. В доктрине уголовного права закрепилось правило понимания значения охраняемых ценностей исходя из взаимосоотношения и месторасположения в тексте уголовного закона его норм, глав и разделов. Аналогичная практика интерпретации применима и для извлечения смысла уголовно-правовых запретов. Она используется для понимания цели и пределов действия законодательных воспрещений, а идея их следует из содержания нормы закона. Далее она корректируется через соотношение со смыслом наименований соответствующих статей, глав и разделов УК РФ.

Следующий после Античности исторический этап – Средневековье – не предъявил особенных требований к языку. Труды апостольских мужей, как и большинства христианских писателей, отличаются несовершенством терминологии и сбивчивостью основных понятий. Святоотеческая мысль не предложила дополнительных дефиниций[699]. По отношению к герменевтике Средневековье осталось временем господства идей Аврелия Августина. Однако на работе

---

[698] *Августин Аврелий.* Христианская наука, или Основания Герменевтики и Церковного Красноречия. – Киев, 1835.

[699] См.: Философская библиотека Средневековья. – URL: http://antology.rchgi.spb.ru (дата обращения: 01.10.2011).

с контекстом богословы не остановились. Арсенал разъяснительных процедур Августина они дополнили методиками использования *примеров, сравнений, противоположностей и параллельных подходов*[700].

Опыт христианской мысли, в итоге, оказал большое влияние на последующее формирование герменевтики права. Их воздействие друг на друга было обоюдным и паритетным, поскольку как теологическая, так и юридическая герменевтика занимались разработкой норм общественного поведения. Здесь можно напомнить о том, что ныне действующие уголовно-процессуальные процедуры признания лица виновным квалифицированным большинством присяжных заседателей выработаны на базе канонического права. На его же основе сформирован запрет на использование показаний родственников против обвиняемого. Появление данного воспрещения стало результатом искусственной интерпретации слов о том, что «отцы не должны быть наказуемы смертью за детей, и дети не должны быть наказуемы смертью за своих отцов». Естественное толкование этих слов дало ограничение, не допускающее привлечение к ответственности семьи за совершение преступления ее членом.

Очередной запрос на герменевтику появился на следующем этапе развития цивилизации: разложения феодализма и распада политического и религиозного единства средневекового мира Западной Европы[701]. Возникла необходимость в переосмыслении и новой интерпретации религии, в критике католицизма и обосновании обновленного христианства. Началось системное изучение юридических источников. Каноническое право, также образовавшееся в Средние века[702], свидетельствует о том, что герменевтика в данный период развивалась одновременно на базе теологии и юриспруденции.

С наступлением этого периода совпало время жизни юриста Гуго Гроция (1583–1645), который внес значительный вклад в становление юридической гер-

---

[700] См.: *Sawyer L.A.* The Elements of Biblical Interpretation: or an Exposition of the Laws by Which the Scriptures are Capable of Being Correctly Interpreted; Together With an Analysis of the Rationalistic and Mystic Modes / in English published by A.H. Maltby. – New Haven, 1836. – P. 4–7.

[701] См.: *Саккетти А.Л., Желудков А.А.* Гуго Гроций и его трактат «О праве войны и мира». – М., 1994. – С. 6.

[702] См.: *Цыпин В.А.* Церковное право. – М., 1996. – С. 12.

меневтики. Обобщив философский опыт Сократа, Каллимаха, Цицерона, Полибия, Ульпиана, Ливия, Вегеция и других мыслителей, он объединил правила толкования нормосодержащих текстов в своем произведении «О праве войны и мира». Истолкование, по мнению правоведа, вызывалось двусмысленностью слов и заключалось в извлечении смысла из вполне понятных знаков[703].

К числу базовых правил толкования философ относил требование о том, чтобы слова понимали в их собственном смысле – не в грамматическом, выводимом из их происхождения, а в обычно употребляемом теми, в чьих руках они находятся. К словам же, образованным искусственно и едва понятным для народа, должны применяться определения той отрасли знания, которой они соответствуют.

По убеждению правоведа, главными приемами толкования воли служат заключения о содержании и вытекающих последствиях, а также о связи слов с привходящими обстоятельствами. Наряду с этой дифференциацией Г. Гроций разделил юридические тексты на благоприятствующие, неблагоприятствующие и смешанные. На основании приведенных различий в значениях слов мыслитель предложил конкретные правила их толкования[704].

Рекомендации Г. Гроция по извлечению смысла слов и учету их значения соотносятся с общеправовыми требованиями о недопустимости не казуального и расширительного толкования норм уголовного закона. Ограничение любого конституционного права допустимо в строго определенных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ целях. Эти ограничения, отмечает Конституционный Суд РФ, не могут толковаться расширительно и не должны приводить к умалению других гражданских, политических и иных прав, гарантированных гражданам Конституцией и законами Российской Федерации, и влечь вследствие такого расширения уго-

---

703 *Гроций Г.* О праве войны и мира / Репринт с изд. 1956 г. – М., 1994. – С. 404.

704 В неблагоприятствующих обязательствах словами следует пользоваться широко, поскольку они более всего служат восстановлению в правах того, кому насильственно преграждён доступ к его имуществу. К обозначениям, имеющим переносный смысл, по рекомендации Г. Гроция, прибегать не следует. Для избежания несправедливости словами необходимо пользоваться в более узком смысле, чем тот, который им обычно свойствен. Если справедливость или польза на стороне ограничения смысла, то следует выбирать между наиболее узкими смыслами, поскольку обстоятельства не требуют иного. В неблагоприятствующих обязательствах смысл слов ограничивается тем, что вероятнее всего имеется в виду.

ловную ответственность[705]. Вопреки заветам Г. Гроция сегодня Пленум Верховного Суда РФ своими разъяснениями расширяет пределы уголовной юстиции. Делает он это либо за счет импорта недостающих понятий из других отраслей законодательства, в которых для них предусмотрен собственный контекст, либо путем экспорта своих представлений о порочности поступков, совершаемых в иных сферах общественных отношений[706].

Очередной поворот в герменевтике связан с лютеранским богословом Маттиасом Флациусом Иллирийским (1520–1575), который первым начал различать «понимание» и «интерпретацию» и подразумевать под первым цель герменевтического искусства, а под вторым – герменевтический метод[707]. Как отмечает В.Г. Кузнецов, мыслителем обоснованы принципы: герменевтического круга, требующего истолкования целого исходя из смысла входящих в него частей; учета цели и замысла автора текста.

Предложения Флациуса по учету цели и замысла автора текста уголовного закона не реализуются в процессуальных решениях судов общей юрисдикции, следователей и прокуроров. Внимание к замыслу законодателя не находит отражения в правоприменительной практике указанных субъектов. Встречаются апелляции к смыслу закона, а не к замыслу законодателя, в чем скорее всего реализуется принцип Г. Гроция о том, что правовое значение имеет слово, а не родившая его мысль.

---

[705] См. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П.

[706] В качестве примера можно привести постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором судам разъяснено, что сообщаемые при мошенничестве ложные сведения могут относиться к любым обстоятельствам. Пленумом при этом не учтено то, что для гражданско-правового оборота порочным является не всякий обман, а только тот, который касается обстоятельств, имеющих значение для заключения сделки (ст. 179 ГК РФ). Речь идет не обо всех условиях договора, а только о тех из них, которые оказали *решающее* влияние на волеизъявление истца при его заключении. Их число не безгранично и не связано с усмотрением потерпевшего. Заблуждение должно затрагивать *существенные* условия договора, круг которых установлен Гражданским кодексом РФ применительно к конкретному правоотношению. Если говорить точнее, то согласно ст. 432 ГК РФ существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе как необходимые для договоров данного вида, а также те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

[707] См.: *Долгова О.А.* Феномен понимания в структуре познавательной деятельности: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2004. – С. 14.

Флациус ввел в герменевтику принцип контекстуальной интерпретации. Речь здесь не идет об одноименном принципе Аврелия Августина. Имеется в виду его антипод – принцип, рассматривающий интерпретацию не как способ установления «истинного» смысла слова, а, напротив, как причину его изменения[708]. Подлинный смысл любого слова, по мнению мыслителя, всегда один, «сокровенный», но разные контексты употребления данного слова конкретизируют различные смысловые вариации.

С данным тезисом Флациуса не согласился германский богослов и философ И.М. Хладениус (1710–1759), понимавший, что ложными являются утверждения о том, будто «каждая вещь может создавать лишь одно правильное представление о себе»[709]. Причины различий в представлениях людей об одних и тех же вещах он объяснял местом и положением нашего тела, которые могут меняться. Отличия в извлекаемых смыслах он также объяснял либо связями с вещью, либо способом обдумывания, поиска, благодаря которым каждый направляет свое внимание различным образом. Важное значение И.М. Хладениус придавал психологическим правилам, благодаря которым «можно понять то, что воспринималось автором», и считал, что использование приемов психологии необходимо для точного понимания того, что подразумевается под словами.

Все последующие приверженцы герменевтики, как покажет экскурс в историю, в своей практической работе будут подтверждать необходимость ее сближения с психологией и разрабатывать их междисциплинарные связи. При этом нельзя согласиться с теми авторами, которые в появлении психологической аргументации увидели новую веху в истории становления рассматриваемого метода. Такого рода выводы, как правило, связывают с философией Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) и Ф. Шлегеля, уделявших большое внимание выяснению зависимостей между культурой знаков и душевной структурой человека. Говоря о работах этих философов, обычно отмечают, что в них обоснована функция языка не только как средства коммуникации, но и как способа самовы-

---

[708] См.: *Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Моледжян К.Х.* Философия: учебник. – М., 2004. – С. 86–98 (§ 4. Между объективизмом и субъективизмом: герменевтические направления современной философии).

[709] *Chladenius J.M*. Einleitung zur richtigen Auslegung vernünftiger Reden und Schriften. Mit einer Einleitung von Lutz Geldsetzer. – Düsseldorf, 1969.

ражения человека. Действительно, В. Гумбольдт и Ф. Шлегель достигли без преувеличения важных для всей гуманитарной науки результатов. Однако неприемлемо умалять наследие Августина, Гроция, Флациуса и Хладениуса, как будто не имевшего под собой психологической основы. Анализ их работ свидетельствует об обратном. Каждый из мыслителей исходил из внутреннего существа человека, из психологических, знаковых форм его проявления, стремясь соединить эти формы, увидеть между ними закономерные соотношения.

Приведенные наблюдения имеют значение не только для герменевтики, но и для уголовного права. До сих пор не озвученный «психологический момент» выступал тем звеном, недостаток в котором не позволял утверждать о наличии связи между основами уголовного права и началами герменевтики. Отсутствие этого компонента, имеющего конституирующее значение не только для уголовного права, но и для герменевтики, не позволяло оценить уровень их совместимости и взаимной приемлемости, а в целом полезности друг для друга.

Творчество В. Гумбольдта, А. Шлегеля и Ф. Шлейермахера существенно проясняет искомую взаимосвязь, благодаря разработанной ими концепции языка как живого образа внутреннего мира человека, на котором так или иначе сфокусированы все институты уголовного права. Гумбольдт целенаправленно абстрагировался от формально-логического соотношения знаков и текстов с душевным состоянием человека, над поиском которого трудились приверженцы герменевтики Античности и Средневековья. Он пошел дальше, рассмотрев, как артикулирует эти символы язык. В его природе философ обнаружил прочную структуру, органическое строение и пределы завершенности, а самое главное – связь с нервной организацией человека, как ее называл Н. Хомский[710]. При помощи языка человек имеет возможность разграничивать в себе область духовного – посредством рефлексии и сферу физического – путем произносительного членения и воссоединять их – синтезом рассудка и ударением.

Изыскания Гумбольдта служат для уголовно-правовой мысли убедительным доказательством того, что языковое проявление субъектов социальной дей-

---

[710] См.: *Chomsky N.* Language and Mind. Enlarged Edition. – N.Y.; Chicago; San Francisco; Atlanta, 1973. – P. 56.

ствительности обусловлено не произвольным творением, а их сознательной деятельностью. Философский опыт, заверял Гумбольдт, свидетельствует, что даже «грубые» и «варварские» диалекты, подобно самым высокоразвитым языкам, обладают всем необходимым для совершенного выражения любой мысли[711]. Языковая практика, как и уголовно-правовая, основана на работе с субъективным и объективным. Языковая форма к тому же имеет нормативные основания. Она накладывает ограничения на все индивидуальные акты, в том числе акты производства и восприятия речи. Немаловажно и то, что концепция языка привела Гумбольдта к доктрине естественного права, являющегося базовым основанием уголовного права.

Шлегель вторил выводам Гумбольдта. Он утверждал, что с помощью языка можно заглянуть в самую душу человека, так как «речь не зависит от одних только внешних стимулов или целей»[712]. По его убеждению, реализуя силу человеческого духа, язык способен описывать вещи, воспринимающиеся человеком не только чувственно, но и духовно.

Философия Шлейермахера позволяет говорить об аналогиях между уголовно-правовыми и герменевтическими стандартами. Речь идет о категориях, близких по своему смысловому содержанию к основополагающим для уголовного права дефинициям. Например, состав «застывшей речи», как и состав преступления, имеет субъективную и объективную стороны. В герменевтическом смысле преступление, как и его аналогия, в большинстве случаев есть следствие – объективированный вовне итог состоявшихся в прошлом событий, реализовавшихся целей и мотивов. Они отдалены от следователя как текст от исследователя временной, пространственной, психологической и мировоззренческой дистанциями, множеством других «барьеров», препятствующих как одному, так и другому субъекту прямо проникать в их смысл.

Объективная сторона речи предполагает выяснение отношения к языку как к основному и объективно существующему действию его инициатора. В случае

---

[711] См.: *Гумбольдт фон В.* О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / Избранные труды по языкознанию // Фон В. Гумбольдт. – М., 1984. – С. 307–323.

[712] Цит. по: *Хомский Н.* Картезианская лингвистика: глава из истории рационалистической мысли / Пер. с англ.; предисл. *Б.П. Нарумова*. – М., 2005. – С. 45.

с учением о преступлении, как известно, объективная сторона также означает выяснение отношения к внешним формам выражения деяния лица, его действию или бездействию. *Субъективная сторона* текста рассматривается Шлейермахером при помощи психологической интерпретации. Речь исследуется как производная от ее автора, т. е. как явление, обусловленное внутренним миром ее инициатора. Под субъективной стороной преступления также подразумевается психическое отношение лица к произведенному им деянию.

Названные стороны у Шлейермахера, как и в доктрине уголовного права, разделены. Для их понимания в герменевтике используются различные виды интерпретаций. Тексты исследуются путем грамматического и психологического толкования. При этом отмеченные стороны полностью равнозначны. Дополняя друг друга, они образуют взаимобытие, в котором ничто не мешает преобладанию одной из сторон над другой в определенном случае и, наоборот, возвышению другой в отличном от первого случае[713].

В теории отечественного уголовного права субъективная и объективная стороны преступления также равнозначны. Все элементы состава преступления, подтверждал А.Н. Трайнин, равноценны[714]. Их равносильность вытекает из уголовного закона и обусловлена тем, что каждая из них является составной частью наказуемого деяния. Отсутствие одной из сторон не образует совокупности признаков, которые необходимы и достаточны для признания лица, совершившего преступление[715]. «Эти элементы, – писал Б.С. Никифоров, – взятые порознь или хотя бы без одного из них, не составляют преступления и поэтому безразличны для уголовного права»[716]. Взаимодействуя друг с другом, они образуют, как сказал А.Э. Жалинский, «зону пересечения»[717], связывающую деяние и наступившие от его совершения последствия.

В дальнейшем происходила онтологизация герменевтической проблематики. С помощью философии В. Дильтея вскрываются не менее весомые доказа-

---

[713] См.: *Шлейермахер Ф.* Герменевтика / Пер. с нем. А.Л. Вольского. – СПб., 2004.

[714] См.: *Трайниин А.Н.* Общее учение о составе преступления. – М., 1957. – С. 236.

[715] См.: *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступления. – М., 2006. – С. 7.

[716] *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1960. – С. 135.

[717] См.: Уголовное право: учебник: в 3 т. Т. 1: Общая часть / Под общ. ред. А.Э. Жалинского. – С. 412; Идея уголовного права и ее философское измерение (С.А. Бочкарев. Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 1, январь-март).

тельства близости герменевтики и уголовного права. Это касается не только отмеченной отрасли права, но и всей гуманитарной науки. С помощью герменевтики он стремился выявить истинную природу наук о духе[718]. В этом деле ему должна была помочь герменевтика, которая, в свою очередь, за счет его усилий получила общенаучное философское объяснение. Как отмечал последователь философа – Г. Гадамер: «Дильтей расширил герменевтику до органона наук о духе»[719]. Он вывел герменевтику на философский уровень, утверждают современники. Она стала использоваться для постижения неограниченного круга «жизненных проявлений», а не только для понимания ушедшей в историю культуры.

Пытаясь обосновать гуманитарные науки с психологических позиций и на основе герменевтического метода, предметом новой методологии Дильтей признал внутренний мир индивида, в зависимости от которого, к слову сказать, находятся основные показатели уголовно-правового измерения. Речь идет о виновности лица, преступности совершенного им деяния, о виде и размере наказания и др. Свой выбор мыслитель объяснил наличием границы, отличающей миры духовных и природных явлений. Духовные сущности не встречаются независимо от человека, чем и отличаются от природных явлений. Последние, отмечал философ, мы объясняем, а духовные понимаем, объективируя их вовне в виде права, религии, морали, регулирующих общественное поведение.

Помимо вышеприведенных положений совместимость уголовного права с герменевтическим стандартом может быть объяснена «проявлениями жизни», введенными мыслителем. Уголовное право также способно рассматриваться как своего рода «проявление жизни». Согласно классификации Дильтея к *первому типу проявлений жизни* относятся понятия, суждения и умозаключения, т. е. собственно сам уголовный закон, как он представлен в тексте, и основанные на его положениях решения правоохранительных органов и иных субъектов правоприменения. Их тексты высвобождены из переживаний, всегда должны одинаково пониматься и не быть связанными со скрытыми случаями чьей-либо душевной

---

[718] См.: *Дильтей В.* Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М., 1987. – С. 114–129.

[719] *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. – Tübingen, 1960. – P. 250.

жизни[720]. Во всех контекстах и при любых обстоятельствах они должны подчиняться одному и тому же закону[721].

Ко *второму типу проявлений жизни* относятся поступки. Имеются в виду, очевидно, деяния привлекаемых к ответственности субъектов и защищаемых от посягательств лиц, которые составляют основное существо всего позитивного уголовного права. Как и в праве, поступок в герменевтике Дильтея подлежит исследованию на предмет объяснения. Выясняются вопросы о том, «как в нем соединены обстоятельства, цель, средства и жизненная связь... с внутренней жизнью, из которой он возник»[722].

Помимо жизненных проявлений основополагающей категорией своей теории Дильтей определил «общность». В контексте его исследований общность означает действующий во всех отдельных случаях один закон их образования и внутреннюю связь, объединяющую все эти случаи в одну область[723]. «Каждое слово, – отмечал философ, – каждое предложение, каждый жест или форма вежливости, каждое произведение искусства понятны лишь потому, что выражающего и понимающего связывает общность; кто переживает отдельное, тот думает и действует всегда в сфере общности и только поэтому понимает»[724].

Уголовное право не противоречит природе дильтеевской общности. Имея в виду идею философа, само по себе уголовное право можно назвать общностью, так как все его содержание стремится к мононачалу. Согласно центрующей и объединяющей силе этого начала Особенная часть должна быть подчинена Общей части уголовного права. Уголовное законодательство может состоять исключительно из УК РФ (ч. 1 ст. 1). Только им определяется преступность деяния и его наказуемость. Какие-либо аналогии недопустимы (ст. 3 УК РФ). Единонача-

---

[720] Конституционный Суд РФ, в частности, недвусмысленно отмечает, что его решения не подлежат обжалованию, не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами, имеют непосредственное действие. Выявленный Судом конституционно-правовой смысл является общеобязательным и исключает любое иное понимание истолкованных им норм в правоприменительной практике. Постановления Суда окончательны и вступают в силу немедленно.

[721] См.: *Дильтей В.* Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 141.

[722] Там же. – С. 142.

[723] См.: *Дильтей В.* Сущность философии. – М., 2001. – С. 7.

[724] Цит. по: *Zöckler Chr.* Dilthey und Hermeneutik. – Stuttgart, 1975. – S. 72.

лу дильтеевской общности подчинены принципы уголовного права, призванные дисциплинировать все уголовно-правовое сообщение, не допуская каких-либо разногласий и разночтений по поводу основных требований.

Названные положения далеки от идеала. Между тем отмеченные признаки общности в уголовном праве вполне отчетливо и недвусмысленно присутствуют. Другое дело, что мало кто отдавал отчет действительному значению структуры уголовного закона. Как правило, ее смысл сводят к обеспечению внутренних нужд юридического конструкта. Практически не задумываются о том, что не только слово, но и структура слов как их общность имеет герменевтическое предназначение. Она скрывает в себе не только внутритекстовый, но и внетекстовый – «социальный функционал»[725].

Герменевтические инициативы Дильтея и Шпета по рассмотрению «жизненного» контекста существующих в уголовно-правовом порядке обстоятельств и оценке их социального горизонта находят фрагментарное отражение в совокупности разнородных норм уголовного закона. В каждой из них речь идет об обстоятельствах, которые напрямую не связаны с событием деяния, но их появление недвусмысленно влияет на его восприятие и конечное понимание следующих за ним юридических последствий. Имеются в виду, к примеру, положения о рецидиве преступлений (ст. 18 УК РФ), представляющих механизм оценки опасности лица, исходя из тяжести совершенного преступления и аналогичных «подвигов», содеянных в прошлом. Названным целям также служит ст. 80^1 УК РФ, предусматривающая освобождение лица от наказания в связи с изменением обстановки. Она требует оценки наступивших после преступления обстоятельств, характеризующих обвиняемого в быту, межличностных и коллективных отношениях, иной жизненной ситуации, по которым можно судить о том, перестал ли он быть опасным или еще несет угрозу обществу.

Максимальное сближение герменевтики и уголовного права можно наблюдать на уровне философских взглядов Поля Рикера (1913–2005), который перевел герменевтический метод из сферы символов в область деятельности субъектов

---

[725] См.: *Шухов А.* Проблема сингулярного начала моделирующей реконструкции социального развития. – URL: http://nounivers.narod.ru/hist/funct.htm (дата обращения: 08.05.2012).

социальной жизни[726]. Возможность обнаружения пика близости герменевтики и уголовного права обусловлена стремлением философа перейти от герменевтики текста к герменевтике «социального действия». Разработка последнего стала по своей сути развитием дильтеевских взглядов о поступке как об одном из жизненных проявлений, над познанием которого усердно трудятся науки криминального цикла. Основным тезисом герменевтики являлось утверждение «о том, что действие может быть прочитано». Полагаясь на Э. Кассирера и К. Геертца, философ считал, что символы имманентны действию, конституируют значение последнего. Через символы действия входят в конструируемую ими культуру – концептуальную сеть, «отделяющую в структурном плане действие от простого физического движения...», или видение от смотрения, а смотрение от бескачественного глазения, как говорил Хайдеггер.

Возможность прочтения действия философ видел в его способности структурироваться в «строение, сопоставимое со строением текста», т. е. превращаться в квазитекст. Действие, как и текст, имеет свой контекст. К примеру, по П. Рикеру, «невозможно понять смысл какого-либо обряда, не определив его место в ритуале как таковом, а место ритуала – в контексте и место этого последнего – в совокупности соглашений, верований и институтов, которые создают специфический облик той или иной культуры»[727].

В уголовном праве и процессе роль похожего по своему содержанию контекста выполняет межотраслевой институт «обстоятельств, подлежащих доказыванию» (ст. 73 УПК РФ). Он предполагает расследование не только события преступления (времени, места, способа совершения) и виновности лица, но и обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, размер причиненного им вреда. Также подлежат оценке обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие или отягчающие наказание (ст. 62 и 63 УК РФ), в том числе те, которые влекут за собой освобождение от уголовной ответственности (ст. 75–78 УК РФ). Подлежат выявлению и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

---

[726] *Рикер П.* Герменевтика и метод социальных наук. – URL: http://www.litmir.me/br/?b=124180Bcp-1.

[727] *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовина. – М., 1995.

К числу законоположений, реализующих контекст «социального действия» П. Рикера, можно также отнести ст. 14 УК РФ, определяющую понятие «преступление». Согласно данной норме для признания деяния преступлением недостаточно виновности лица и запрещенности совершенного им деяния. В законе на этот счет недвусмысленно указано, что не является преступлением действие или бездействие, лишь формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ. Для признания преступным необходимо наряду с указанными признаками установление общественной опасности деяния.

В доктринальном и правоприменительном смыслах критерий общественной опасности раскрывает социальную сущность запрещенного деяния[728]. Суды ведут речь не о нормативной опасности, зафиксированной законодателем в виде различных критериев, а о «социальной опасности содеянного»[729], т. е. о его реальной способности причинить вред охраняемым законом общественным отношениям, их субъектам – личности, обществу или государству[730]. С помощью института общественной опасности вскрывается социальный контекст действия или бездействия, т. е. их соотносимость и приемлемость для сложившейся общественной практики.

Философское наследие немецкого мыслителя М. Хайдеггера активно используется различными отраслями гуманитарной науки. Говоря о герменевтике как таковой, М. Хайдеггер не сводил ее к философии языка. Предназначение герменевтики он рассмотрел в свете основного для философии вопроса о сущности бытия. Так как уголовно-правовое бытие – это часть всего бытия, то криминалисты имеют возможность оценить место и предназначение герменевтики в их отрасли права, учитывая ее положение в онтологии Хайдеггера. То есть обнаружить ее ключевую роль в разрешении дилеммы о смысле бытия вообще и правового бытия в частности.

Для последователя Хайдеггера – немецкого философа Г. Гадамера онтологический статус герменевтики был вне сомнений. Контекст и предзнание как

---

[728] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 6-е изд. / Отв. ред. В.М. Лебедев. 6-е изд. – М., 2006. – С. 55.

[729] См.: Надзорное определение Верховного Суда РФ от 8 августа 2006 г. № 64-Дп06-12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2011).

[730] Там же.

ключевые герменевтические компоненты он без колебания отнес ко всей науке. Вместе с тем философ критически проанализировал точки зрения ведущих теоретиков герменевтики. Начал он с замены вопроса Хайдеггера о бытии вопросом об истине, затем подверг переоценке взгляды Шлейермахера на герменевтический круг. После внесенных поправок, Гадамер назвал герменевтикой новую сферу проблематики, возникшую в философии XX в. К ее движущей силе мыслитель отнес всякое сознание, мыслящее предмет, которое в ходе этого процесса само изменяется и необходимым образом изменяет свой предмет, а в итоге «снимает» предметность мышления в «абсолютном» знании и познает истину.

Имея дело с сознанием как с основой понимания, Г. Гадамер обратил к нему ряд требований, минимально и неотъемлемо нужных для образования понятийной коммуникации. Речь идет о том, что:

1. Любое истолкование должно отказываться от произвольных внушений, от ограниченных мыслительных привычек, которые могут быть почти незаметны. Оно должно быть направлено на «самую суть дела». Для этого толкователь должен этой сутью направляться. Она на деле его «первая, постоянная и последняя задача». Каковы бы ни были заблуждения, непрестанно преследующие толкователя и коренящиеся в нем самом, необходимо выдержать взгляд, твердо направленный на самую суть дела.

2. Нужно осознать свою предвзятость, только тогда текст явится во всей своей инаковости, обретя возможность защищать свою предметную истину от наших предмнений. Всякий, кто стремится понимать, может заблуждаться; источник заблуждения – предмнения, неоправданные самой сутью дела. Отсюда рождается требование привести свои предрассудки во взвешенное состояние.

3. Требуется открытость мнению другого как содержанию книги; чужие мнения включать в известное отношение к совокупности собственных мнений, или наоборот. Из всего многообразия того, что может подразумеваться или ожидаться читателем, на деле возможно не все. Поэтому «кто пропускает мимо ушей то, что в действительности говорит другой, в конце концов не сможет подчиниться и своему собственному многообразию смыслового ожидания».

4. Тот, кто хочет понять, не станет полагаться на случайность своего предмнения и не будет упорно игнорировать подразумеваемый текстом смысл, хотя бы до тех пор, пока станет невозможно его не расслышать или пока кажущееся мнимое понимание не будет опровергнуто окончательно. Кто хочет понять текст, всегда готов к тому, чтобы что-то услышать. Но восприимчивость отнюдь не предполагает предметной «нейтральности» или тем более полного самоотвержения, она, напротив, предполагает, что собственные предмнения и присуждения будут усвоены как нечто вполне различимое.

Самыми ближайшими аналогами, воплотившими в себе названные герменевтические притязания, могут быть положения ст. 6, 14, 73, 87 и 299 УПК РФ. Требования о поиске и установлении «сути дела» в самых общих чертах просматриваются в нормах о «назначении уголовного судопроизводства», «обстоятельствах, подлежащих доказыванию» и «вопросах, разрешаемых судом при постановлении приговора». На всех стадиях уголовного судопроизводства они ориентируют правоприменителя на строго определенный круг вопросов, без разрешения которых не может состояться законного и справедливого уголовного разбирательства. К их числу, в частности, относятся вопросы доказанности события деяния, причастности и виновности подсудимого в его совершении. При этом общим и обязательным для всех субъектов правоохранительной деятельности является требование о том, чтобы уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечало целям судопроизводства, что и отказ от преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному принуждению (ст. 6 УПК РФ).

Недопустимость «собственной предвзятости» вытекает из установления в уголовно-процессуальном законе открытого перечня обстоятельств, исключающих участие следователя, дознавателя, прокурора и судьи в уголовном судопроизводстве. К их числу законом отнесены причины, которые дают основания полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе уголовного дела. В ряд норм, призванных уравновешивать личное и профессиональное отношение правоохранителей к исполнению возложенных на них законом обязан-

ностей, можно поставить положения ст. 7 и 17 УПК РФ. Они требуют принятия обоснованных решений и оценки доказательств по совести, своему внутреннему убеждению и обязательно на основании закона, совокупности имеющихся в деле доказательств. Отмеченные нормы к тому же запрещают заранее придавать доказательствам ту или иную силу (значение), пока, как говорит Г. Гадамер, все сомнения не будут опровергнуты. Положения закона, запрещающие принимать в качестве доказательств показания свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания лица, который не может указать источник своей осведомленности (ст. 75 УПК РФ), фактически реализуют герменевтическое предостережение о «произвольных внушениях».

Необходимость внимательного отношения субъектов правоприменения «к чужим мнениям» закреплена в правилах оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ), которые понуждают полученные в ходе следствия сведения оценивать с точки зрения их относимости к другим сведениям, имеющимся в уголовном деле. Наряду с этим презумпция невиновности требует от стороны обвинения изучения мнения подозреваемого или обвиняемого и опровержения их доводов, приводимых в свою защиту (ч. 2 ст. 14 УПК РФ).

«Набрасывание» и «пробрасывание» Г. Гадамера также реализуются в уголовно-правовой практике. Он объясняет, что тот, кто хочет понять текст, занят набрасыванием: как только в тексте появляется первый проблеск смысла, толкователь пробрасывает его вперед, проецируя тем самым смысл целого. А проблеск смысла, в свою очередь, появляется благодаря тому, что текст читают с известными ожиданиями, в направлении того или иного смысла. Аналогичным образом построена работа, например, сотрудников оперативно-следственных групп, которые, исходя из поступившего сообщения, первоначально формируют представление о событии происшествия, а после оценки конкретных обстоятельств – версии его совершения. Говоря словами герменевтов, они разрабатывают предварительную проекцию смысла и постоянно пересматривают ее в зависимости от доказательств, добываемых и слагаемых друг с другом при дальнейшем погружении в суть расследуемого события. Наряду с этим уместно сравнить процесс возбуждения дела с толкованием, которое у Гадамера начинается с

предварительных понятий, со временем заменяющихся более адекватными. Этот этап расследования является началом фокусирования искомого смысла, который не более чем предваряет потенцию возможного обвинения.

Углубление в историю позволило определить исходные начала и базовые принципы герменевтического подхода; проследить в основных чертах динамику развития герменевтического учения; диагностировать искаженные о нем представления; обнаружить не только точки соприкосновения, но и прямые корреляции между герменевтическим и уголовно-правовым стандартами, возможность их совмещения, сопоставления и взаимосоизмерения. Потенциал метода обозначен. Он заключен и, как отметило бы большинство специалистов, исчерпан вопросом поддержания понимаемости уголовного закона, логической концепции изложенного в нем текста. В меньшей степени назначение герменевтических правил касается оценки уголовно-правовых событий и поведения их участников.

Проведенный анализ также свидетельствует, что герменевтический метод имеет важное гносеологическое значение для всей уголовно-правовой сферы. Его основной и полезный для науки уголовного права посыл состоит в том, что язык обладает независимым бытием, оказывает давление на человека, а сам порождается внешней необходимостью общения и внутренними потребностями человеческого духа[731]. Герменевтика убеждает криминалистов в том, что мир языка, в котором уголовное право пребывает и с помощью которого оно объективируется, всецело обусловлен проблемным полем сознания. По состоянию и уровню развития языка можно оценивать не только духовный мир человека и его мировоззренческие позиции, но и степень совершенства правовой сферы его бытия. То есть разрешать многие из тех вопросов, с которыми связано и для разрешения которых предназначено уголовное право.

Также удалось обратить внимание на состояние и положение правил толкования, так как от них напрямую зависит адекватность восприятия требований закона и имеющих уголовно-правовое значение событий, в том числе их формули-

---

[731] См.: *Кузнецов В.* Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления. – URL: http://www.i-u.ru.

руемость, понимаемость и применимость. В своей основной части эти правила лишь опосредованно присутствуют в уголовном законе и их недостаточно для: 1) устранения существующих и предотвращения потенциальных уголовно-правовых несообразностей[732]; 2) воспроизводства формально определенных, точных, четких и ясных, не допускающих расширительного толкования ограничений и, следовательно, их произвольного применения[733].

Присутствующие в кодексе герменевтические элементы в меньшей степени касаются адекватности восприятия законодателем окружающей его социальной действительности и правильности ее истолкования в издаваемых им нормативных актах, а также используемости закона в качестве средства социальной коммуникации и индивидуального способа самопознания. К примеру, в действующем уголовном кодексе правила толкования напрямую не представлены, имеют подтекстуальный статус. То есть неявно присутствуют в законе, оказывают косвенное влияние на весь текст и на процесс его прочтения, выполняют функцию намекающего сигнала. С легистской точки зрения их преждевременно называть правилами. Они не более чем рассеяно присутствуют в уголовно-правовой области, представляют собой рассредоточенный набор. Состав этого набора определяется текстом уголовного закона, а его наличие обнаруживается только вооруженным взглядом. За счет своей второплановости рассматриваемые правила уступают силе текстуализированных норм закона. Они являются необязательными для правоприменителя. Отсутствие текстуализированной формы у этих правил не обязывает следователя, прокурора или судью руководствоваться комплексом мыслей и чувств, скрытых под словами текста, речевыми ситуациями, намерениями и экспрессиями законодателя. Лексические значения слов и предложений последнего перестают определять внутреннее содержание уголов-

---

[732] См.: Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 УПК РФ в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» от 19.04.2010 № 8-П.

[733] См.: Постановление от 30 октября 2003 года № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова».

ного закона и даже вступают с ним в противоречие. Получается, что просматривающиеся в законе герменевтические начала пока еще не могут быть признаны конструкторами уголовно-правовой сферы, иметь право задавать для нее правила построения.

Для преодоления такого положения вещей в мире правопонимания требуется выработка и законодательное закрепление единых и не делимых для всех субъектов законотворчества и правоприменения правил интерпретации уголовного закона и окружающей его правовой действительности. Отсутствие условий и пределов толкования приводит к появлению в процессуальных решениях следователей, прокуроров и судов многочисленных подтекстов и разночтений. Существует необходимость в правовой легитимации используемых Конституционным Судом РФ приемов интерпретации, и их имплементация в уголовную юстицию позволит обеспечить связь правоприменителя с конституционным истолкованием, а уголовному закону добавит конституционности, корреспонденцию его норм с положениями Федерального закона «О Конституционном Суде РФ», требующих: 1) решать вопрос о том, подлежит ли та или иная норма применению в рассматриваемом деле, путем уяснения ее конституционного смысла и осуществления казуального толкования[734]; 2) делать вывод о применимости нормы исходя из ее собственного смысла и смысла совокупности других норм уголовного закона, т.е. из их системной взаимосвязи; 3) не придавать силу тому, чего закон не предполагает, и не руководствоваться тем, что он не запрещает[735].

Несмотря на отмеченные трудности, возникшие на пути познания герменевтики и ее специфики, специалистов они не смущают, а сопутствующие издержки их не обременяют. Потенциал герменевтического учения, как считают правоведы, выявлен, в достаточной мере познан и освещен в литературе. Он заключен и исчерпан вопросом поддержания читаемости действующего законодательства

---

[734] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 07.06.2011 № 843-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Симакова А.В. на нарушение его конституционных прав положениями п. 3 и 15 ч. 2 ст. 37, п. 3 ч. 2 ст. 38, п. 8 ч. 1 ст. 39, ч. 3 ст. 125, ч. 6 ст. 162, п. 2 ч. 1 ст. 221, ст. 237 и ч. 2 ст. 409 УПК РФ» // Система КонсультантПлюс…

[735] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2007 № 327-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вешицкого Д.В. на нарушение его конституционных прав ч. 6 ст. 148 УПК РФ» // Система КонсультантПлюс…

и логической концепции изложенного в нем текста. Вместе с тем знакомство с философским наследием позволяет не согласиться с мнением большинства и дает возможность обозначить ряд актуальных для науки уголовного права тем. С помощью разработок герменевтики обратить внимание на социально обусловленную – обратную нормативизму и связанному с ним позитивизму – сторону уголовного права, которая способна по-своему объяснить закономерности этой отрасли права и охраняемые ею отношения. Например, предложить ипостаси, с позиции которых представляется возможным обозреть это право с нетрадиционных для криминалиста позиций. Задать социально-правовой дискурс, позволяющий увидеть уголовное право в жизни человека и его символике, а не в привычном мертвом тексте закона.

Речь идет, к примеру, о способности герменевтического метода, как писал Гумбольдт, «служить не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной»[736]. Имеется в виду, как говорил Г. Шпет, открытие новых миров «бытия, но не по ту сторону от нашего действительного бытия, а в нем самом...»[737]. Приверженцы герменевтики настаивали на их поиске, осознавая, что позиционные и нейтрализирующие модификации сознания приводят к таким расширениям его актов, которые переходят за пределы и раскрывают в структуре смысла новые предметности[738]. Если идеи мыслителей преломлять к сфере уголовного права, то под новыми мирами бытия нужно понимать модифицирующиеся способы совершения преступлений и обновляющиеся сферы криминального бытия человека, обнаружением и исследованием которых должна обременять себя наука.

Но проблемами мировоззрения современная наука уголовного права практически не занимается. В ее наличии лишь рационалистские суждения о том, что рассматриваемое право есть способ познания заранее данной социальной действительности – механизм реконструкции события совершенного преступления.

---

[736] *Гумбольдт фон В.* О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 307–323.

[737] *Шпет Г.Г.* Явление и смысл (Феноменология как основная наука и ее проблемы). – Томск, 1996. – С. 180.

[738] Там же. – С. 118.

Его предметом являются уже сложившиеся – оставшиеся на дне общественного сознания – архетипы человеческого поведения. Герменевтический подход обращает внимание криминалистов и на необходимость работы с мировидением, поиска в нем источника знаний об уголовном праве и его субъектах как пользователях этого права.

Смысл открытых Гумбольдтом потенций метода развивал Шлейермахер. Не отрицая того, что в герменевтическом круге видели Августин и Флациус, Шлейермахер существенно раздвигал его границы. Он предложил рассматривать текст как часть, а культуру, в которой он реализуется, как целое, т. е. не ограничиваться привычным для герменевтики соотношением части текста со всем текстом. Названным соизмерением занимается законодатель в процессе криминализации или декриминализации тех или иных деяний. Также могут указать на правоприменителей, толкующих положения закона исходя из окружающей их обстановки и зачастую приспосабливающих нетехнологичные нормы закона к постоянно совершенствующимся преступным посягательствам. Но все эти субъекты ограничены в своих возможностях. Каждый по-своему, но ограничен. Одни – регламентом законодательного процесса и политическими целями. Другие – уровнем своей квалификации и самим законом, являющимся, как убедительно свидетельствуют исследования В.В. Лунеева[739], не всегда успешным итогом законотворческой деятельности, а по сути – стремлений к достижению все тех же политических целей.

По отмеченным основаниям законодательные и правоприменительные практики не всегда основаны на законе и реальных социальных нуждах. Их появление стало возможным из-за отсутствия в уголовном праве институтов, реагирующих на постоянно происходящие изменения окружающего мира; соизмеряющих с этим миром то, что законодателем признается преступным и наказуемым. Наука не предлагает, а закон не располагает средствами для обнаружения мировидения своих субъектов. Из-за отсутствия в системе этого права механизма, обеспечивающего его взаимосвязь с прошлым, настоящим и будущим своих

---

[739] См.: *Лунеев В.В.* Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 39–58.

субъектов – их культурой, традициями, сознательными и бессознательными моментами, известными и еще непознанными истинами, возникает оторванность отечественного уголовного права от постоянно интерпретирующего реальность человека обусловлена. Механизм – это диалог, который, по Шлейермахеру, обеспечивает связь между «интерпретатором и текстом», по Гадамеру, – «связь не только с прошлым, но и с будущим», а по Хайдеггеру – согласованность, которая «имеется в фактическом суждении не только между содержанием суждения и реальным объектом, но вместе между идеальным содержанием и реальным осуществлением суждения»[740].

В современном законодательстве требованиям диалога ближайшим образом отвечает институт суда присяжных, представляющий собой альтернативную форму уголовного процесса, где основную функцию судебного органа – осуществления правосудия – выполняют не только профессиональные судьи, но и представители общества. На основе взаимного признания, как главного признака диалога, в единую коллегию соединяются профессиональный судья и присяжные заседатели, наделенные функциями не только «судей факта», но и «судей права». Профессиональные же судьи, объединяясь с представителями общества, получают возможность судить «по справедливости» и в случае необходимости не следовать принципу «Dura lex, sed lex»[741].

В деятельности суда присяжных закон реализуется в том значении, в котором его понимает не законодатель или правоприменитель, а общество. Члены этого общества в режиме реального времени и на основе единства противоположных моментов – своих обычаев и традиций, стереотипов правовой культуры, обыденного правосознания, собственных ментальных установок и моральных ценностей, эмоциональных переживаний – «здесь и сейчас» формулируют и норму права, и вердикт суда для конкретного случая. Консенсуальность суда присяжных проявляется в том, что идеальным вердиктом – решением присяж-

---

[740] *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков, 2003. – С. 121.

[741] См.: *Демичев А.А.* Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России: история и современность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2003; Идея уголовного права и ее философское измерение (*Бочкарев С.А.* Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 1, январь-март).

ных – считается тот, который принят единогласно, т. е. когда судьи от народа пришли к одному мнению[742]. Писаный закон для присяжных выступает лишь дисциплинирующим их ориентиром.

Как верно отмечает Ю.В. Порутенко, каждое преступление, рассматриваемое присяжными, исследуется намного многограннее, чем это предлагает делать закон, под который оно подпадает. Присяжные пропускают каждое дело через призму собственных нравственных представлений и ценностей. Нравственность дает возможность взглянуть на поступок и на ситуацию в целом не с одной стороны (например, с законодательной), а измерить его под разным углом зрения[743], с позиции диахронного и синхронного аспектов[744], и тем самым понять суть, найти истину.

Реализация принципа диалога также предполагает преобразование представлений об уголовном законе. Из карательного инструмента он превращается в средство паритетного общения власти и общества, в предмет их взаимной дискуссии. Этот же принцип профилактирует узурпацию уголовно-правовой власти государством и ее использование исключительно для нужд бюрократии. Возникает возможность увидеть в законе не столько механизм охраны и преследования «государевых подданных», сколько алгоритм сдерживания и урегулирования их притязаний друг к другу. Например, обеспечить баланс интересов личности, общества и государства в отношениях собственности и закономерно дифференцировать их взаимную уголовную ответственность, ограничивая как абсолютное право личности на свою собственность (ст. 198, 199 УК РФ), так и право государства на имущество личности (ст. 285, 285[1], 286 УК РФ).

В качестве инструмента, обеспечивающего диалогичный формат уголовно-правового измерения, может выступать модернизированный вариант института общественной опасности. Его разработка предполагает необходимость оценки деяния не только с позиции состава преступления, но и с альтернативной, а точнее, с полнотекстовой точки зрения – состава общественной опасности. По-

---

[742] См.: *Киреев Е.А.* Суд присяжных как особый социальный институт российской государственной власти: историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.

[743] См.: *Порутенко Ю.В.* Нравственные аспекты деятельности суда присяжных: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2009.

[744] См.: *Честнов И.Л.* Принцип диалога в современной теории права (Проблемы правопонимания): дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2002.

следний не исключает, а включает в себя первый, так как позволяет оценивать не только опасность виновного, но и потерпевшего с окружающим обществом, степень их соучастия в совершенном преступлении.

Модификация названного института предусматривает интерпретацию события происшествия с позиции как состава преступления, так и состава общественной опасности, т. е. объекта – охраняемого блага, субъекта – потерпевшего (личности – общества – государства), а также субъективной стороны – отношения потерпевшего к содеянному и объективной стороны – роли потерпевшего в произошедшем событии. За счет развернутой оценки можно достичь не только уголовно-процессуальной уравновешенности, но и уголовно-правовой связанности времени происшествия с актуальностью применимого к нему закона и зрелостью их субъектов – интерпретаторов социальной действительности.

Философия Густава Шпета (1879–1937) дает науке уголовного права методологические предпосылки, на базе которых имеется возможность строго, а не произвольно оценить состоятельность «общественных отношений» как универсального объекта преступлений, решить дилемму обоснованности уголовной ответственности за совершение материальных, формальных и так называемых безвредных деяний. Потребность в проведении такой работы обусловлена незавершенностью соответствующих теоретических разработок в науке уголовного права. Как отмечали Н.С. Алексеев и М.Д. Шаргородский «проблема объекта преступления является не менее важной и философски глубокой проблемой, чем проблема вины и причинения вреда, она только менее разработана в нашей литературе»[745]. В этих условиях представляется актуальной для науки уголовного права апробация шпетовского «социального бытия». «Те перспективы, – говорили они, – которые открываются при анализе “социального бытия”, показывают в совершенно новом виде решительно все предметы как научного знания, так и философского, сама феноменология испытывает при этом значительные модификации»[746].

---

[745] *Алексеев Н.С., Шаргородский М.Д.* Актуальные вопросы советского уголовного права // Ученые записки ЛГУ. – 1954. – № 182. – Вып. 5. – С. 188–189.

[746] Там же. – С. 157.

По Г. Шпету, «социальное бытие» – это особый вид эмпирического бытия, который имеет и свою собственную данность, и определенный способ познания. С его помощью Г. Шпет стремился разрешить основное для многих философских теорий и коренное для уголовного права затруднение. Речь идет о попытке перекинуть мост через пропасть, образующуюся от разделения источников названных отраслей знания на опытные и идеальные, чувственные и разумные, внешние и внутренние, естественные и механические. Имеется в виду также неразрешенность «старой проблемы об отношении индивидуального и общего»[747].

Подобного рода дихотомии характерны не только для всего гуманитарного знания, но и для повседневной человеческой практики, в том числе правоприменительной. Заложником такого разделения является и отечественное уголовное право. В нем также, например, последствия деяний подразделяются либо на физические, либо на психические. Совсем редко в уголовном законодательстве речь заходит об идеальных (моральных, культурных и иных) результатах преступного поведения. Практически ничего не говорится о духовных девиациях. А поскольку последствие принадлежит одновременно и действию, и объекту, то и их изучение происходит раздельно.

Современная догма уголовного права не учитывает того, что все отмеченные стороны деяния в одном социуме являются неотъемлемыми спутниками любого и каждого преступного акта. Исходя из противоположных методологических позиций, действующие теоретические стереотипы разрывают социальное бытие на две части. С одной стороны, социальные предметы как материальные объекты противопоставлены идеальному сознанию человека, из-за чего они отождествлены с природными вещами и полностью утратили свою самостоятельность. С другой стороны, природе бытия противопоставлено общество как единый организм (охраняемый уголовным законом общий объект преступления), включающий в себя индивидуальное бытие, в результате чего оно оказалось отождествлено, а точнее, подменено коллективным.

---

[747] *Шпет Г.* Указ. соч. – С. 111–112.

Вследствие такой аппликации и социальное, и индивидуальное бытие утратили свою определенность и оригинальность. Получилось, как говорят философы, что человек и общество существуют сами по себе, а созданное ими социальное бытие – само по себе, что и стало причиной многих ошибок и заблуждений. Оказалось, например, что уголовный закон запрещает несанкционированное владение чужим имуществом, а общество ожидает от него охраны собственности, которая сегодня большинством граждан рассматривается в качестве зоны своей личной свободы и способности к волеизъявлению[748]. Для уголовного права стало неожиданностью, что социум тревожит не эксплуатация человека человеком, а неравенство как таковое. Повышенной для человека общественной опасностью характеризуются посягательства на те объекты собственности, которые не столько констатируют вещное положение, сколько имеют потенциал реализовывать его возможности, влиять на личностное развитие.

Ценность идеи Шпета заключается в том, что обнаруженный и обоснованный им феномен «социального бытия» требует не разделения, а постоянной и необходимой корреляции в объекте как чувственной, так и идеальной сторон бытия. Такое бытие представляет интерес для исследуемой отрасли права, так как оно стремится познать акты человеческого поведения в их цельном переживании, представить в качестве «единосовокупного предмета». Привлекательность социального бытия как единого объекта заключается в том, что оно не сводимо ни к обществу, ни к продуктам духовной деятельности индивида. Инкорпорируя их, «социальное бытие включает в себя не только общество, но и человека и их продукты духовной деятельности...»[749].

Для обнаружения и описания объектов по образу и подобию «социального бытия» теория уголовного права, надо полагать, нуждается в совершенно других критериях и категориях, нежели те, которые имеются в ее арсенале и на основе которых сегодня законодатели и правоприменители определяют блага, требующие уголовно-правовой защиты, степень опасности посягающих на них деяний.

---

[748] См.: Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность: аналитический доклад Института комплексных социальных исследований РАН. – М., 2005.

[749] *Мухамадиев Р.Ш.* Г. Шпет: Герменевтика социального бытия // Философия и общество. – 2008. – № 4. – С. 142.

Либо исследуемая отрасль права должна пересмотреть перечень охраняемых благ и найти новые способы их отбора, возможно, путем их синтеза и интеграции. Выбор любого из этих вариантов – это неподъемная для криминалистов задача. Ни одна из ныне признанных школ уголовного права, в том числе социологическая, им не в помощь. Теоретики не обращались к поиску шпетовского «социального бытия» или рикеровского «проекта», а также соответствующего методологического базиса.

Вариант недостающего науке метода предлагал В. Дильтей, считающий, что требуется рассмотреть охраняемые объекты не с позиции чьего-либо усмотрения – законодательного или правоприменительного, а с точки зрения «переживания» как жизненного проявления. Переживание – свойство душевной жизни и ее связи с внешним миром. Актуальность этого явления объяснена философом тем, что все мы объединены необходимостью переживания. «Нет ни одного человека, – писал мыслитель, – который не связывал бы отдельные факты, попадающие в зону его восприятия, на основании доступных ему общих представлений или понятий, как то позволяет ему опыт лично пережитого». Через переживание человек сталкивается с наиболее ценным для него. Переживанием к тому же каждый ограничен в своем произволе, поскольку стремится понять, что в нем и окружающих людях вызывает беспокойство, а что умиротворение.

Однако в науке отечественного уголовного права немногое можно найти о «переживании». Самая ближайшая к «переживанию» психологическая школа не обращается к нему как к средству обнаружения и оценки охраняемых благ. Несмотря на это, от переживания нельзя отказаться. Оно тесно связано со всем уголовно-правовым бытием. Переживание сопутствует каждому исконно опасному деянию. Им обуреваются как жертва, так и виновник преступления, вся окружающая их среда. В этом плане уголовный закон выступает способом владения пережитым и управления переживаемым, устранения иллюзий о том, что для его субъектов является поистине ценным. В конечном счете Дильтей сам называл право наиболее совершенным способом возвышения до общезначимого понимания жизненных ценностей. Под правом он понимал систему, на базе которой

ее субъекты с помощью переживания создают социальную связность, направляющую и упорядочивающую наши цели, блага, обязанности, правила жизни и регулирование общества[750].

Таким образом, с позиции переживания в уголовном праве не должно быть ни одного понятия, которое не вобрало бы в себя всю полноту исторического переживания. Оно не должно включать в себя ничего, что не являлось бы существенным выражением исторической реальности. В этом плане примечательна экономическая категория стоимости, широко использующаяся законодателем в качестве средства оценки общественной опасности преступлений против собственности. Законодателем не учитывается, что стоимость не переживается, а переживание не измеряется стоимостью, которая либо арифметическим образом рассчитывается, либо попросту назначается.

Несмотря на отсутствие в стоимости переживающего фактора, авторами уголовного закона ей придается большое значение в уголовно-правовой области. С помощью стоимости правоприменитель обязан оценивать предмет хищения и размер причиненного этим преступлением ущерба, устанавливать причинно-следственную связь между убылью в одном месте и прибылью в другом, определять границу уголовной и административной юстиции, степень опасности деяний против собственности, а также вид и размер наказания, назначаемого за преступления данной категории. В аналогичном положении находятся нормы об ответственности за преступления в сфере экономики. На их безжизненной основе предпринимателей продолжают сажать, как отмечают А.Э. Жалинский и В.И. Радченко, за получение дохода (а не за причинение ущерба), т. е. вне зависимости от наличия реальных потерпевших по делу[751]. И все это из-за того, что «в УК причинение ущерба по делам экономической направленности заменено получением дохода, а санкции таковы, что предприниматели могут быть осуждены (и осуждаются!) на сроки более длительные, чем сроки, назначаемые убийцам»[752].

---

[750] *Дильтей В.* Сущность философии. – М., 2001. – С. 76–78.

[751] См.: *Радченко В., Жалинский А.* Уголовный закон: большая имитация реформы…

[752] *Радченко В., Жалинский А.* Политика изгнания бизнеса…

Герменевтика всем своим содержанием доказывает, что писаные нормы сами по себе не определяют, например, преступность, наказуемость или общественную опасность запрещенных деяний. Замысел автора, в частности, законодателя, который запечатлен в его сознании, может отличаться от идеи созданного им текста закона. Более того, оба эти начала (замысел и идея) могут в итоге не быть связаны с окружающей их обстановкой, т. е. с отображаемым в нормативном акте жизненным контекстом. Явное подтверждение тому – российский уголовный закон постоянно и, судя по количеству внесенных в него изменений, тотально пересматривается[753].

В результате соответствующее и, возможно, конечное определение тому или иному уголовно-правовому запрету и событию дает не законодатель и закон, как продукт его деятельности, а субъект правоприменения. При этом не закон, а знание о событии происшествия и законе, которое вырабатывается в ходе коммуникации участников судопроизводства, служит единственно реальным и актуальным основанием уголовной ответственности. Отвечая своему герменевтическому назначению, он оценивает: опасность, которую имел в виду автор нормы; опасность, как ее воспринимали виновный и потерпевший, а также окружающее их общество. И в конечном счете ту опасность, представления о которой сложились у самого правоприменителя. Последнему к тому же надлежит согласовать названные представления об опасности в своем кругу и затем вынести результаты собственного герменевтического труда на суд иных участников уголовного судопроизводства – руководителя следственного органа, защитника, прокурора, судьи. Каждому из них на соответствующем этапе судопроизводства (адвокату – при ознакомлении с материалами дела, прокурору – при решении вопроса об утверждении обвинительного заключения,

---

[753] В.В. Лунеев отмечает: «Более чем за 10 лет действия УК РФ было принято более 60 федеральных законов по изменению и дополнению УК РФ. В среднем принималось по пять законов в год. В текст УК РФ было внесено около 800 изменений и дополнений, т. е. по 80–90 трансформаций ежегодно и по две корректировки в каждую статью Кодекса» (Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков. – С. 28). Был случай, когда в одну статью – 171-ю – изменения вносились в один день двумя разными законами. Только одним из них – от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ – изменения внесены в 110 статей УК. А в декабре 2003 г. одновременно были модифицированы 266 статей (См.: *Бойко А.И., Голик Ю.В., Елисеев С.А.* и др. Указ. соч.).

судье – при вынесении приговора) надлежит пройтись по аналогичному кругу и согласиться либо не согласиться с предыдущим интерпретатором рассматриваемого происшествия. При этом каждому толкователю события законом предоставлена возможность вступления в коммуникацию с иными участниками процесса для обоснования и отстаивания своего понимания обстоятельств дела, а оппонентам – возможность перепроверить свои представления о рассматриваемом предмете и при согласии ответить взаимопониманием.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Э. Дейл, отмечавшей, что картина, которая вырисовывается в результате деятельности уголовной системы правосудия, опирающейся на человеческие страсти и прагматичную практику, а также правовую доктрину, есть власть людей, а не законов[754]. Именно в ходе коммуникации участников судопроизводства рождается выверенное и апробированное уголовно-правовое знание об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. То есть о событии преступления; виновности лица, форме его вины и мотиве; обстоятельствах, характеризующих личность обвиняемого; характере и размере вреда; обстоятельствах, исключающих преступность и наказуемость деяния, смягчающих и отягчающих наказание. Таким образом, герменевтика на деле подтверждает, что коммуникация выступает, как пишет И.Т. Касавин, «возможно главным источником познания»[755].

В отмеченном смысле текст уголовного закона выполняет вспомогательную функцию. С одной стороны, он логизирует и дисциплинирует работу своих пользователей, т. е. приводит их умозрительную и рассудительную работу в соответствие с логическими законами мышления нормотворца. С другой стороны, предлагает вариативный набор критериев для оценки интересующих обстоятельств, который всегда подлежит герменевтической проверке. При этом речь идет не только о выяснении юридической силы правового акта (его действительности или недействительности). Имеется в виду проверка достоверности содержащихся в

---

[754] См.: *Dale E.* Criminal Justice in the United States, 1790–1920: A Government of Laws or Men? // The Cambridge History of Law in America / Ed. by M. Grossberg, C. Tomlins. Vol. II: The Long Nineteenth Century (1789–1920). – Cambridge, 2008. – P. 134.

[755] См.: *Касавин И.Т.* Источники знания: проблема «testimonial knowledge» // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. XXXV. – № 1. – С. 14.

кодексе критериев противоправности, общественной опасности и наказуемости деяний. Их соответствие тому времени, в измерении которого они действуют, так как текст, с позиции герменевтики, всегда является текстом прошлого и, как правило, о прошлом. Доказательством служит то, что герменевтика началась с интерпретации текстов об уже давно забытом. Еще большую значимость слова о проверке актуальности закона приобретают, когда не язык и его традиции довлеют над содержанием и структурой нормативного акта, а политическая система или форма общественного устройства, которые, по определению, как говорил И.А. Бродский, есть формы прошедшего времени, пытающегося навязать себя настоящему (а нередко и будущему)[756].

В таком ключе текст уголовного закона, интерпретируя слова Э. Кассирера, не следует воспринимать криминалисту в качестве истины «в последней инстанции». То есть как готовую вещь, в которой схвачена, усвоена посредством законодательных усилий и без труда передана и сообщена субъектам уголовного судопроизводства вся последовательность их действий. Согласно выявленному в ходе исследования герменевтическому смыслу ст. 14 УК РФ текст закона подлежит проверке на предмет его соответствия контексту жизни. Речь, однако, не идет о возможности пренебрежения уголовным законом или его правки в соответствии с консолидированным мнением участников уголовного процесса. Напротив, имеется в виду дополнительная ответственность, которая в условиях законодательной неуверенности ложится на правоприменителя. В рамках правотворческого беспорядка следователи, прокуроры, судьи и присяжные заседатели призваны принимать на себя ответственность за решение вопросов о реальной оценке совершенного деяния, его опасности и противоправности. При этом для правоприменителей остается открытым вопрос о механизме герменевтической проверки уголовного закона и получения целостного понимания его уголовно-правового бытия. Если в гражданском законе приемы интерпретации межличностных обязательств определены институтом толкования договоров (ст. 431 ГК РФ), то в Уголовном кодексе такого института и предусмотренного им алгоритма нет. Наряду с этим герменевтическое учение не дает ответа на поставленный вопрос.

---

[756] См.: *Бродский И.А.* Избранное. – М., 2010. – С. 777.

Названное положение вещей хорошо объясняет И.Л. Честнов о том, что чрезвычайно плодотворные идеи герменевтики не имеют логического завершения. Герменевтике права присущи недостатки, главный из которых – отсутствие четкого, эксплицитного трансцендентального критерия правовых явлений[757]. Вероятно, по данным причинам исторический обзор не способствовал обнаружению этого критерия и позволил убедиться только в герменевтическом многоцветии. Порой кажется, что герменевтика сама растеряна от многообразия предложенных ею способов разрешения не менее разнообразных задач. Судя по всему, действительно, не найден универсум, скрепляющий идеи о конгениальности, диалогичности понимания и необходимости учета жизненного контекста, а также всего социального горизонта для адекватности толкования, взаимодополнения типов толкования и стадий интерпретационного процесса, их соединения в единое целое.

Проведенный анализ к тому же показал, что герменевтические предпосылки преждевременно называть правилами. Они не более чем рассеянно присутствуют в уголовно-правовой области, представляют собой рассредоточенный набор. Состав этого набора определяется текстом уголовного закона, а его наличие обнаруживается только вооруженным взглядом. То есть с помощью средств инструментальной герменевтики, которыми все элементы интерпретационного набора можно собрать вместе и, скажем, просмотреть их на общем фоне текста, что порой служит подспорьем при изучении его смысла. За счет названных качеств обнаруженные герменевтические начала с легистской точки зрения пока еще не могут быть признаны конструкторами уголовно-правовой сферы, иметь право задавать для нее правила построения.

Между тем основной упрек, адресованный И.Л. Честновым последователям герменевтики, состоит в том, что, обращая внимание на понимание как на важный феномен, они его существо не прояснили и не утвердили. Хотя проанализированные взгляды дают почву для размышления над пониманием как нормой всей общественной жизни, так как вне понимания и скрытых за ним герменев-

---

[757] См.: *Честнов И.Л.* Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права: учеб. пособие. – СПб., 2001.

тических практик невозможна совместная жизнь людей, немыслимо само общество. Нетрудно заметить, что понимание является началом как правоспособности, так и дееспособности человека, поскольку для реализации себя в жизни ему надлежит понимать как себя, так и другого.

В свое время на отмеченное метаположение феномена понимания в жизни социума обратил внимание Л.Н. Толстой. О понимании он упомянул в самом начале своего многолетнего труда «Путь жизни», посвященного размышлениям о смысле человеческого существования. Он ясно и емко отметил, что «для того, чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать. Для того чтобы знать это, ему надо понимать, что такое он сам и тот мир, среди которого он живет. Об этом учили во все времена самые мудрые и добрые люди всех народов. Учения эти все в самом главном сходятся между собою, сходятся и с тем, что говорят каждому человеку его разум и совесть»[758].

И действительно, всякий член общества либо кандидат на его место прежде пытается осознать собственное наличие, а затем уже присутствие социального образования, определить его состав, понять язык, ценности и идею. Впоследствии уже вступить с ним в диалог, использовать привычные для соответствующего коллектива средства изъяснения и в итоге присоединиться к правилам поведения найденного социума либо отказаться от них. В конце концов нормально, когда люди понимают друг друга. И совсем ненормально, когда человек не понимает ни себя, ни своего оппонента. Поэтому было бы справедливым сказать, что само по себе понимание является нормой жизни, в том числе правовой жизни. Своей первой целью регуляторы жизни имеют понимание. Те же из них, которые не преследуют этой цели, в скором времени становятся невостребованными.

Наряду с этим понимание выступает не только целью, но и ценностью для своих субъектов, т. е. идеалом, который для них в определенной степени недостижим, из-за чего возникают конфликты и потребность в правосудии как в способе разрешения противоречий и принуждения к пониманию. Пониманию присуще нормативное и регулятивное значение, так как в нем скрыты требования, обращенные как к понимаемому, так и к понимающему, которыми также являются

---

[758] *Толстой Л.Н.* Путь жизни. – СПб., 1910. – С. 3.

и не могут не являться субъекты уголовных правоотношений. Подтверждением тому служат споры о достижимости и недостижимости полного взаимопроникновения автора и его читателя. Наряду с этим понимание, как и любая другая ценность права, скрывает за собой значения долженствования и свободы. Как одну, так и другую сторону понимание призывает к взаимоуважению. На примере хайдеггеровского предпонимания, в частности, можно убедиться в запросе, который адресован к изъясняемому, т. е. к субъекту, вступающему в диалог. Речь идет о задаче конкретизации исторического сознания, разрешение которой требует от каждого удостовериться в собственных предмнениях и предсуждениях для того, чтобы мы акт понимания не наполняли только тем, что сами же в него вложили, и не ожидали от него этого же.

Таким образом, для того чтобы правоустановление стало нормой, оно должно отвечать критерию понимания. В связи с этим можно утверждать, что норма выполняется (соблюдается) тогда, когда она понимается. В случае, если она критерию понимания отвечает, но не выполняется, а для этого все изъяснительные инструменты исчерпаны и в достаточной степени представлены в законе, должен включаться механизм этого нормативного акта по принуждению к его пониманию и, соответственно, исполнению. Собственно в этом заключается основное герменевтическое предназначение уголовного закона. Наивно и безрассудно требовать от лица исполнения того, чего он не понимает, а тем более привлекать за это к уголовной ответственности. Здесь справедливы слова Б. Шоу: «У меня вызывает яростный протест все, что лишено ясного определения. Вы можете создать какой угодно закон, определяющий, что значит ввести во грех, но употреблять закон, не знающий, что же это в действительности такое, – это, согласитесь, слишком»[759].

В этом смысле важность юридической герменевтики как учения обусловлена ценностью понимания, требующего достижения согласия, но не каждого с каждым своим путем и способом, что характерно для искусства, а общими усилиями и едиными средствами. Потребность в герменевтике связана с существованием непонимания либо недопонимания, а в юридической герменевтике – борьбой за власть над установлением условий понимания. При этом уголовное

---

[759] Цит. по: *Пирсон Х.* Бернард Шоу. – Ростов н/Д., 1997. – С. 319.

право необходимо герменевтике в качестве средства принуждения к пониманию, а герменевтика – уголовному праву в качестве способа организации самопознания и взаимопонимания его субъектов.

Уровень познания и интерпретации феномена понимания пока не соответствует потенциалу этого явления. Предпосылки к его обнаружению просматриваются в философии Гадамера, который первым и пока, пожалуй, единственным из представленных мыслителей, небезосновательно переименовал «герменевтический круг» в «круг понимания». Другой такой же по своей силе пример продемонстрировал русский философ В.В. Розанов, который в понимании видел постоянную и вечно неподвижную форму. Форму из разряда тех, к которым «незаметно стремятся живущие». У В.В. Розанова, считал В.В. Бибихин, понимание и понимающий разум, хотя и определяют собою все в истории, не вычленяются в наблюдаемом бытии, не развиваются из биологии, не могут быть приобретены по желанию, не поддаются применению для практических целей. Не понимание принадлежит нам, а мы – пониманию[760].

5.3. Синергетический подход в науке уголовного права

Востребованность синергетики как междисциплинарного научного направления обусловлена недостаточностью инструментария современной теории уголовного права для адекватной и исчерпывающей оценки происходящих в обществе в целом и криминальном мире событий в частности. Многие специалисты культивируют традиционные научные подходы, пробуют вдохнуть в них «вторую жизнь». Одни настаивают на состоятельности сложившейся догмы уголовного права и на потребности ее лишь частичного изменения с целью приспособления к веяниям времени. Другие обосновывают важность расширения теоретических концептов уголовного права за счет включения в них знаний из других отраслей науки. В итоге в науке имеются разные и порой диаметрально противоположные, но все же вполне определенные ответы на вопрос о том, что с этим правом сегодня происходит. Существует уверенность, что круг оценок определен и в некоторой степени исчерпан. Существо же их не удовлетворяет широкий круг

---

[760] См.: *Розанов В.В.* О понимании…

специалистов, так как они ощущают, что понимание окружающей реальности не улучшается, управляемость криминальной обстановкой не повышается, ожидаемые изменения не наступают. Ряд экспертов наблюдают прямо противоположный эффект. Они констатируют признаки регресса.

Не всеми исследователями учитывается, что упомянутые подходы к познанию уголовно-правовой действительности исчерпали себя. Они впредь не действуют с прежней эвристической отдачей, поскольку были сформулированы в другом обществе и приспособлены для работы с иным социумом. Являются продуктом индустриальных обществ, время функционирования которых уже ушло в прошлое. Методы настроены на работу лишь с классическими представлениями об уголовно-правовом мире. К труду над транзитивными обществами названные подходы не приспособлены. На изучение закономерностей постоянно меняющегося социума и всех его институтов, в том числе и уголовного права, ориентирована синергетика. Она, по оценкам теоретиков права, демонстрирует возможность и перспективность иного правопонимания, учитывает особенности постмодернистского общества и предлагает по-новому взглянуть на природу права. В итоге синергетика не беспочвенно претендует на адекватный современным условиям тип правопонимания[761].

К ключевым мировоззренческим категориям синергетики относят «хаос». Говоря об основополагающем значении хаоса для нового научного направления и об их взаимосвязи, специалисты обычно отмечают, что синергетика исследует законы образования упорядоченных структур из хаоса или возникновение хаоса из упорядоченных структур.

В прежние времена по идеологическим и научно-догматическим причинам хаос находился за пределами научного осмысления. В лучшем случае о нем писали как о явлении древнегреческой мифологии, первичном состоянии Вселенной, свойстве Космоса либо как об антиподе системности. На этом познание хаоса ограничивалось, так как считалось, что указания на то, что он противоположен порядку – достаточно для раскрытия его существа.

---

[761] См.: *Честнов И.Л.* Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права…

По мнению С. Манна, за счет продолжительного превалирования механицистского мировосприятия в научном и общественном сознании хаос принимали в качестве исключения из правила[762]. Из-за недостаточности оснований для включения хаоса в существующую теорию детерминизма им до недавних пор пренебрегали. Полагалось, отмечает Р.Р. Мухин, что линейного языка достаточно для понимания основных закономерностей. Различные нелинейности, в том числе и хаос, «вводились как поправки к линейным системам, им отводилась роль довеска, уточняющего детали»[763]. Социальный хаос, подтверждает В.Д. Байрамов, оценивался как побочный результат дифференциации общественной жизни, как несоответствие между ее усложнением и поведением отдельных социальных групп[764].

Время показало, что не только исключение подтверждает правило, но и правило актуализирует «исключение» – вероятность его становления нормой. Наука долго игнорировала встречающиеся на ее пути исключения, идеализировала детерминизм и элиминировала из него хаос. Настало время осмыслить все исключения, что, как это ни странно, уже дало свои результаты. Исключений оказалось достаточно для построения синергетической парадигмы, которая не лишена вполне жизнеспособного мировоззренческого потенциала.

Представления о хаосе как об элементарной и произвольной случайности преобразовались в знания о нем как о сложной структурированности бытия, не подчиняющейся детерминистским законам. «Выяснилось, – пишет Ю.А. Данилов, – что вопреки традиционным представлениям о хаосе как синониме беспорядка хаос может обладать тонкой и сложной организацией»[765]. Оценивавшееся еще совсем недавно как из ряда вон выходящее и экзотическое явление детерминированного хаоса оказалось типичным, а при определенных условиях неизбежным для большинства нелинейных систем, констатирует В.В. Афанасьева.

---

[762] См.: *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление. – URL: http:// spkurdyumov. narod.ru/ mann.htm (дата обращения: 06.08.2012).

[763] *Мухин Р.Р.* Развитие концепции динамического хаоса в СССР. 1950–1980-е годы: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. – М., 2010. – С. 5.

[764] См.: *Байрамов В.Д.* Социальный хаос в российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов н/Д., 2009. – С. 3–4.

[765] *Данилов Ю.А.* Синергетика // Прекрасный мир науки: сб. / Сост. А.Г. Шадтина; под общ. ред. В.И. Санюка, Д.И. Трубецкого. – М., 2008. – С. 196–223.

Прояснилось, что феномен детерминированного хаоса является всеобъемлющим и универсальным, его можно наблюдать на всех уровнях организации материи[766]. Он обнаружен в гидродинамических, метеорологических, биофизических, химических, экономических, экологических, оптических, электронных и даже социальных и экономических моделях.

Постепенное осмысление хаоса, оценка его значения и установление места в природе и социальном мире изменили господствующее в науке линейное мировоззрение, дополнив его нелинейным. Открытие динамического хаоса, явившееся одним из крупнейших достижений науки XX в., способствовало значительному прогрессу в разрешении, казалось бы, уже неразрешимых трудностей классической физики и углубленному пониманию динамического и статистического описания. Исследования хаоса дали новые импульсы к изучению как общефизических, так и общенаучных проблем[767]. По свидетельству Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «все рациональное единство, к которому стремится наука, она отдала бы за крохотный комочек хаоса, который она могла бы изучать»[768]. Но главную причину, которая подвела к пересмотру сложившихся в науке, философии и искусстве стереотипов, специалисты увидели не в самом по себе хаосе, а в корреляциях, существующих между порядком и беспорядком. Изучив существующие между ними взаимоотношения, И.Р. Пригожин, в частности, обнаружил, что порядок и беспорядок тесно связаны. Механизмы их действия предполагают друг друга. Они в разных соотношениях возникают и сосуществуют одновременно. Порядок и беспорядок сожительствуют как два аспекта одного целого и дают нам различное видение мира[769]. Хаос обладает собственной структурой и поэтому является, по Э. Ласло, «сложной и непредсказуемой формой порядка»[770].

---

[766] См.: *Афанасьева В.В.* Детерминированный хаос: феноменологическо-онтологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Саратов, 2002. – С. 3.

[767] См.: *Мухин Р.Р.* Указ. соч. – С. 3–4.

[768] *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. – М., 2009. – С. 238.

[769] См.: *Пригожин И.* Философия нестабильности. – URL: http://spkurdyumov. narod.ru/Prigojin22.htm (дата обращения: 06.08.2012).

[770] *Ласло Э.* Век бифуркации. Постижение изменяющегося мира // Путь. – 1995. – № 1. – С. 3–129.

Но что означает весь этот синергетический опыт для уголовного права? Может ли хаос вообще иметь отношение к нему как к явлению, которое всем своим существом символизирует порядок или по меньшей мере всецело к нему устремлено? Существуют ли примеры того, как один уголовно-правовой порядок сменяется другим? Если в истории уголовного законодательства таких примеров нет, то необходимо ли вообще осмысление названных вопросов и поиск хаоса в уголовно-правовом измерении?

Ответы на поставленные вопросы даются разные. Так, К.В. Шундиков утверждает, что, несмотря на очевидные системные качества позитивного права, исследование его через призму концепций самоорганизации вряд ли перспективно[771]. Аналогичного мнения придерживается Н.Г. Демидова. На ее взгляд, возможности применения синергетического метода для изучения правовых явлений и категорий весьма сомнительны. Причины возникновения новых правовых норм, объединения их в единую систему, основания внутренней структуризации права, с ее точки зрения, находятся вне системы права, что не позволяет относить его к самоорганизующимся системам и применять для его изучения синергетическую методологию[772].

Потенциал синергетики убеждает в полезности апробирования ее знаний в сфере уголовного права. Она по-своему разрешает поставленные вопросы, меняя тем самым сложившиеся в теории представления об уголовно-правовом порядке. За счет открытия новых закономерностей, существующих между порядком и беспорядком, синергетика увеличивает масштаб уголовно-правового измерения. Она включает в него не только порядок, рассматриваемый представителями уголовного права и как результат внутренней организации этого права, и как внешний итог его функционирования в социуме. Имплицитным для отрасли права становится беспорядок, который также способен быть и отражением ее структуры, и следствием действия в обществе. Возникает вероятность существования уголовно-правового беспорядка с вытекающими из него последствиями.

---

[771] См.: *Шундиков К.В.* Юридические явления в свете концепций самоорганизации // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 24.

[772] См.: *Демидова Н.Г.* О возможности использования синергетики в правоведении // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 4 (68). – С. 21–24.

Возможно, уже сейчас отечественное уголовное право пребывает в состоянии хаоса. Сложившееся в нем положение дел находит тому подтверждение и заставляет об этом задумываться. Оценки ведущих специалистов говорят сами за себя[773]. Они признают, что уголовное право граничит с утратой сущностных своих черт. Исследования действующих в сфере экономики механизмов уголовно-правовой охраны убеждают в том, что современный уголовный закон не представляет цельного и системного акта. В нем присутствуют «чужеродные» институты и традиции иных отраслей права и сфер общественных отношений. Уголовный кодекс разбалансирован, а по ряду положений опасен для общества, так как наполнен противоречиями и лишен концептуальных основ.

По оценкам разработчиков Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, подготовленной по поручению Президента РФ, защита собственности, контрактов и личной неприкосновенности субъектов экономики недостаточна и деформирована. «Уголовное законодательство не имеет общей идеологии и единой методологии. Оно служит основной причиной большого разрыва между смыслом, вложенным в текст закона, и смыслом, придаваемым ему в процессе правоприменения; распространена практика реализации квазинорм, оторванных от действительного содержания уголовно-правовых запретов»[774].

Но, несмотря на подтвержденную актуальность изучения феномена хаоса, наукой уголовного права он пока еще не замечается. Не располагая гносеологическим потенциалом этого явления, специалисты, как следствие, не решаются идти дальше вышеприведенных характеристик и подвергать осмыслению опыт кризисного функционирования уголовного права. Криминалисты в итоге не могут ответить на вопрос: что же плохого в «плохом» уголовно-правовом порядке? Теоретики и практики удовлетворяются предложениями по отмене дефектных норм для избавления от связанных с ними проблем и принятию новых положений, якобы способных, по их внутреннему убеждению, стабилизировать соответствующие отношения.

В исследованиях принято ограничиваться выводами, в частности, о неэффективности той или иной нормы, т. е. вполне безобидной констатацией ее не-

---

[773] См.: *Бойко А.И., Голик Ю.В., Елисеев С.А.* и др. Указ. соч.

[774] См.: Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере... – С. 20.

способности достичь желаемого результата. Хотя в свете синергетической парадигмы нетрудно заметить, что категория неэффективности установленного уголовным законом правила поведения не отражает его реального влияния на охраняемые отношения. Названная характеристика в силу своей узости и неразработанности локализует проблему несовершенства уголовно-правового положения до юридико-технического аспекта.

Между тем синергетика акцентирует внимание на том, что вывод об эффекте нормы может свидетельствовать не только о его близости к нулю, но и о способности законоположения усугублять положение дел, воспроизводить в отношениях беспорядок. Примером могут служить нормы гл. 21 УК РФ, обеспечивающие уголовно-правовую охрану собственности. Казалось бы, исследователями накоплен значительный опыт по их познанию и применению на практике. По крайней мере непреодолимых препятствий на пути правоприменения ст. 158–168 УК РФ специалисты не встречают.

В то же время проведенными изысканиями установлено, что уголовно-правовой механизм охраны собственности не производит высокого положительного эффекта как для системы уголовного права, так и для охраняемого ею блага. Он не транслирует в общество право собственности в его действительном и самобытном виде. На практике механизм воспроизводит искаженное представление о собственности лишь как об объекте материального мира. Образуя собой суррогат этого права, состав хищения требует проявления уважения не к воле личности, ее пространству и времени как неотъемлемым составным собственности, а к стоимости имеющегося у лица имущества. Закон обеспечивает защиту прав не всех собственников, а только тех и тогда, когда они находятся в экономически благоприятном положении. Он не уравновешивает и не развивает основы социального порядка, а переводит скрепляющие его принципы равенства и справедливости из естественно-правового положения в товарно-стоимостное измерение. Иными словами, «ряд ключевых положений Уголовного кодекса РФ способствуют развитию неприязни одной части общества – к другой по признаку имущественного положения»[775].

---

[775] См.: *Бочкарев С.А.* Уголовно-правовая охрана собственности: теоретико-инструментальный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. С. 22, 24.

Сложившаяся догма отечественного уголовного права не располагает гносеологическими ресурсами по осмыслению негативных сторон действия этого права. Освоение синергетики способно привести к расширению возможностей теории уголовного права. Принятие синергетической парадигмы актуализирует вопросы, которые до сих пор не ставились перед уголовно-правовым мировоззрением. Синергетическая парадигма предлагает задуматься над тем, чего больше производит норма в защищаемых отношениях: порядка или беспорядка? И что из них в результате более полезно для охраняемых благ или ближе к достижению поставленных целей?

Ответы на заданные вопросы кажутся очевидными. Норма принимается, одобряется и применяется в жизни для того, чтобы установить порядок. Но при этом синергетика констатирует, что введение в неорганизованные отношения, казалось бы, еще более дезорганизующего их механизма может привести к упорядочиванию социальных связей. И наоборот, наложение на сложившийся уклад характерного правового порядка способно привести к его дестабилизации. Такая вероятность появляется не потому, что субъекты соответствующих отношений могут изменить себе и поменять свои стереотипы. Она способна возникнуть либо из-за конкуренции между параметрами порядка – уголовно-правовыми, гражданскими и другими регуляторами, воздействующими на один и тот же объект, либо, напротив, из-за отсутствия между ними точек соприкосновения. Широко распространены случаи, когда лицу отказывается и в уголовно-правовой защите по причине нахождения конфликта в гражданско-правовой сфере, и в удовлетворении исковых требований в связи с отсутствием доказательств, которые нельзя получить гражданско-процессуальными средствами.

А может сложиться и так, что субъекты права все же трансформируют свое отношение к ранее избранным ценностям. Такое изменение взглядов случается, когда общество переходит из одного качественного состояния в другое (политическое, экономическое или социальное), т. е. становится транзитивным. В этом случае основанное на утративших свою актуальность ценностях право, с одной стороны, усилиями государства будет сохранять свою легитимность, но с другой – утрачивать упорядочивающую силу воздействия на своих адресатов. По-

следние остаются без нужного им применимого «здесь» и полезного «сейчас» порядка. Наступает пора беспорядка. В подобных социумах, как отмечают специалисты, «старая система ценностных координат уже не работает, а новая еще не сложилась...»[776]. В них, можно сказать, нет привычных ценностей. Они утрачивают прежнее значение. Транзитивные увлечения берут верх над традиционными интересами. Так было в 1990-е гг., когда правопорядок как таковой отсутствовал. Силы беспорядка – криминальных «крыш» – использовались для наведения социального порядка: разрешения хозяйственных споров и других конфликтов, в том числе с институтами и отдельными представителями государственной власти.

В связи со сказанным возникают вопросы: готово ли отечественное уголовное право к взаимодействию с таким социумом? Предназначено ли оно для регулирования поведения неопределенного и еще неопределившегося общества? Приспособлено ли к работе в условиях, когда общество продуцирует хаос, что есть данность, с которой уголовному праву необходимо справляться, отражать его неустойчивые качества и невзвешенные количества? Иначе говоря, в силах ли уголовное право работать с российским обществом – «обществом всеобщего риска» (О.Н. Яницкий), в котором повреждены или «работают во внештатном режиме» все элементы и связи всех систем?[777]

Или же системы общества и права по-своему разбалансированы и уже не обнаруживают друг друга? Возможно, дистанция между ними имеет внушительные размеры и даже непреодолимые величины, а направленность их движения – противоположная? К чему вообще готово отечественное уголовное право: к приспособлению либо, напротив, к обособлению от своего общества? Одним словом, способно ли оно балансировать вместе с неуравновешенным обществом и одновременно с этим сохранять возможность выполнять по отношению к нему свою нормативную функцию?

Разрешение поставленных вопросов синергетика ставит в зависимость от вида системы, по образу и подобию которой функционирует внутреннее устройство уголовного права. Один вид ориентирован на работу с регулярным, а дру-

---

[776] *Кальной И.И.* Философия права: учебник. – СПб., 2006. – С. 5.

[777] См.: *Кара-Мурза С.Г.* Кризисное обществоведение. Ч. 2: курс лекций. – М., 2012. – С. 5.

гой – с нерегулярным поведением. Согласно синергетике первый вид систем в природе является редким случаем, а второй – частым[778]. Система уголовного права – не исключение из этого правила. От ее принадлежности к тому или иному виду систем, а также от способности одновременно работать с разными типами человеческого поведения во многом зависит сфера действия уголовного права и его способность защищать общество от всех форм криминального поведения: как от повторяющихся из раза в раз актов, так и от редких случаев.

Характеристики современной социальной среды свидетельствуют, что регулярное поведение, на нормирование которого ориентировано уголовное право, ныне в дефиците, а вот креативность в цене. Стали невозможными любые упорядоченные модели мироздания[779]. Качества индивида, которые характеризуются готовностью к принятию и созданию принципиально новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления, а в целом новое необычное видение проблемы или ситуации нужно сегодня регулярно: еженедельно, даже ежедневно, констатирует И.Л. Викентьев[780].

В этом смысле теория хаоса дает повод для упрека структур уголовного права, в том числе закона, в стремлении к отражению исключительно регулярного криминального поведения, которое сегодня является «исчезающим видом». Сама же «редкость» сейчас повсюду. В частности, неорганизованные группы вполне скоординировано действуют в социальных сетях, занимаются интернет-хищениями или распространяют материалы, возбуждающие ненависть и вражду по признакам расы, национальности и отношения к религии. Входящие в эти неструктурированные образования индивиды не охвачены единым умыслом (в его классическом представлении), но они достигают вполне ожидаемых результатов.

Существующие уголовно-правовые механизмы не приспособлены для оперирования с внесистемными для установленного правопорядка явлениями, вызывающими в его рядах хаос. На работу с иррегулярным поведением, так же образующим

---

[778] См.: *Мухин Р.Р.* Указ. соч. С. 6.

[779] См.: *Чешков М.А.* Синергетика: за и против хаоса (заметки о науке эпохи Глобальной смуты) // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 130.

[780] См.: Классификация технологий креатива по И.Л. Викентьеву. – URL: http://www. triz-chance.ru/tk_0.php (дата обращения: 29.09.2012).

самостоятельную криминальную силу, они не ориентированы. Борьба с нетипичными для действующего уголовного закона «финансовыми пирамидами», «корпоративными злоупотреблениями», «коррупционными проявлениями», «виртуальными посягательствами» и иными не менее разрушающими и уже, надо отметить, не новыми, но постоянно меняющимися деяниями оставлена на откуп правоприменителю. Другие субъекты уголовного права не допущены к этой работе и находятся в заложниках чужого усмотрения, бдительности и профессионализма.

Сложившееся положение дел объяснимо. Российское уголовное право не имеет встроенного в структуру механизма динамического развития устанавливаемого им порядка. В нем недостаточно корректирующих инструментов, предоставляющих его участникам легальную возможность уточнения прививаемого порядка с учетом состоявшихся вокруг него изменений во времени и пространстве. «Время» в собственном смысле в уголовном праве вообще не представлено. Точнее говоря, его значение в нем существенно упрощено. Оно сведено до «момента совершения общественно опасного деяния» (ст. 9 УК РФ), «изменившейся обстановки» (ст. 80^1 УК РФ), сроков давности и наказания (ст. 71 и 78 УК РФ).

Между тем «время» как атрибут, выражающий длительность бытия и смену состояний существующих в мире систем и процессов[781], как фундаментальное понятие человеческого мышления, отображающее изменчивость мира, процессуальный характер его существования, выступает одним из основных средств обнаружения перехода права от упорядоченного состояния к беспорядочному положению. Отсутствие в праве «времени» не позволяет его субъектам управлять им или по меньшей мере отслеживать и контролировать происходящие в нем и вокруг него изменения, в том числе возникновение и последующее течение кризисных периодов. Уголовное право, лишенное представлений о времени, начинает вступать в конфликт с требованиями современности и в итоге противопоставлять себя обществу. Иными словами, собственными силами как внутри, так и вовне производить непорядок, охранять ценности, которые утратили свое значение, привлекать к ответственности за безобидные или вполне еще сносные деяния.

---

[781] См.: Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М., 1983.

Современники подтверждают, что архетипы 1960–1980-х гг., послужившие лейтмотивом для написания постсоветского уголовного закона, существенно отличаются от артефактов 1990-х гг. и совсем не похожи на современные типы поведения. Обман цыганки, по образу которой авторы УК РФ 1996 г. конструировали ст. 159, занимает крайне малую долю во всем массиве совершаемых сегодня мошенничеств. При этом активное становление в 1990-х и продолжающееся развитие в 2000-х гг. страхового, акционерного, банковского, финансового и кредитного дела в России до недавних пор никак не отражались на сопутствующей им истории становления гл. 21 УК РФ. В то же время учреждение аналогичных институтов в странах романо-германской правовой семьи, в частности в ФРГ, привело к зарождению группы составов. Появилось компьютерное, страховое, кредитное мошенничество, а также мошенничество с ценными бумагами[782].

Иными словами, несмотря на смену «времен» – плановой системы экономики рыночными взаимоотношениями – и их существенное отличие, механизм уголовно-правовой охраны собственности, установленный уголовными кодексами 1960 и 1996 гг., остался неизменным. В этом механизме сегодня, как и прежде, основное значение имеют стоимостные основания права собственности, но они не обеспечивают справедливости и эффективности уголовного закона. Исчезли директивные цены, обеспечивающие в период плановой экономики консервативность и невосприимчивость к инновациям не только промышленных структур[783], но и уголовно-правового поля. Стабильность последнего, как и устойчивость всей экономической системы, достигалась за счет контроля за ценами. Их сдерживание делало неочевидной подчиненность уголовно-правового порядка стоимости охраняемых товаров. С изменением значения стоимости, эта взаимообусловленность приобрела фатальный характер. В зависимости от ценообразования на рынках товаров преступность и наказуемость совершаемых против собственности деяний стала меняться несколько раз в день.

---

[782] См.: *Жалинский А.Э.* Современное немецкое уголовное право. – М., 2006. – С. 448.

[783] См.: *Кузьминов Я.И.*, *Яковлев А.А.* Модернизация экономики: глобальные тенденции, базовые ограничения и варианты стратегии. – М., 2002. – С. 7.

Деньги приобрели новые свойства. Развитие рыночных отношений в XX в. существенно изменило структуру рынка. Формы обмена, привычные для плановой экономики, стали отличаться от современных рынков[784]. Если на этапе становления индустриального общества финансовые рынки составляли незначительную часть общего оборота, то уже в XX в. только 5% денежной массы мира обслуживают товарные рынки, а 95% – финансовые рынки[785]. За счет этих процессов, как отмечают экономисты, уже «не товары определяют деньги, а деньги определяют товары»[786].

Для уголовного права все это означает, что деньги «не обусловлены реальным хозяйством»[787]. Их стоимость, на значение которой ориентирован механизм уголовно-правовой охраны собственности, не отражает реальных издержек производства и затрат человеческого труда. В связи с этим выводы о виновности лица и размере его наказания стали основываться не на стоимости товара или услуги, а на цене денежного агрегата или суррогата, фиктивного либо спекулятивного капитала, не реального, а теневого сектора экономики. Или другими словами, не на реальных ценностях, а на субъективных представлениях, которые уже привели к появлению дисбалансов не только в оценках финансовых операций и активов, но и в вопросах уголовной ответственности.

И дело здесь не только во времени, без учета которого невозможно наблюдение переходов уголовного права из одного состояния в другое. Синергетика подсказывает, что хаотическое поведение не всегда можно обнаружить либо из-за его присутствия в узкой области параметров, либо по причине экранирования других более сильных процессов. Для преодоления малозаметности хаоса требуется использование принципиально новых взглядов и понятий, способных оказать глубокое воздействие на представления об уголовно-правовом мире.

---

[784] См.: *Радаев В.В.* Что такое рынок: экономико-социологический подход: препринт P15WP4/2006/07. – М., 2006. – С. 27.

[785] См.: *Макаренко О.В.* Деньги в условиях перехода от индустриального общества к информационному // Россия как цивилизация денег / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. – Волгоград, 2008. – С. 415.

[786] *Рязанова О.Е.* Новые тенденции в развитии института собственности в условиях финансовой экономики // Вопросы экономики и права. – 2009. – № 8. – С. 8.

[787] Там же.

Проведенное исследование доказывает полезность феномена хаоса для нужд уголовного права. Он может выступать в качестве антипода внутренней организованности уголовного права и внешней упорядоченности охраняемых им отношений. На фоне феномена хаоса продемонстрировано, что уголовное право далеко не всегда может быть «правым» и «правом» в собственном смысле этих слов. Иначе говоря, отвечать своему назначению и интересам своих субъектов, выступать для них мерилом и примером для подражания. Уголовное право в равной мере предрасположено как к сохранению, так и к разрушению защищаемых благ, т. е. к превращениям из положительного смысла в отрицательное значение при сохранении своей целостности.

Не возникает сомнений, что хаос имеет и другие основания в уголовно-правовом измерении. Их еще предстоит познать. По самым предварительным оценкам можно судить, что дальнейшее исследование хаоса способно поставить под сомнение утверждение о нахождении в основе уголовного права заранее данных и лишь охраняемых этим правом общественных отношений. Синергетика же отказывает нам в этом стереотипе. Композицию изучаемого права она предлагает выстраивать с альтернативных позиций, т. е. не без учета явлений, сеющих в названных отношениях беспорядок.

5.4. Виртуализация уголовно-правового пространства

Заметно и быстро растущий уровень информатизации мирового и российского обществ, с которым связано массовое появление у них модернизированных средств коммуникации, актуализирует тему о влиянии современного технического уклада на общепринятый и еще действующий уголовно-правовой взгляд. Речь идет об интернет-сайтах, социальных сетях, блогах, твиттерах, скайпах и иных средствах организации межличностного взаимодействия. Анализируя данную «часть мировой коммуникационной технологии, которая активно развивается и эволюционирует в новую информационную индустрию»[788], большинство исследователей применяют к ней традиционный набор юридических средств.

---

[788] *Рассолов И.М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд. – М., 2009. – С. 3.

Используя апробированный комплект методов и методик, теоретики права сформировали представление об информационном праве[789]. Они же предлагают обоснование интернет-праву как комплексному институту, который взаимодействует не только с информационным правом, но и с международным частным и публичным правом, гражданским, уголовным и другими отраслями права. Но если в общей теории права предлагаются новые концепции права виртуальной реальности, обозначаются модифицированные принципы и условия его действия в киберпространстве, то в уголовном праве такой работы практически не ведется. Наблюдаются усилия по актуализации заявленной темы. Б.С. Гавриш и Е.В. Фесенко, в частности, отмечают, что «необходимо победить стереотипы, сложившиеся у ученых и юристов-практиков с советских времен, обусловленных идеологизацией общественных наук в целом, в том числе уголовного права»[790]. При этом в качестве обстоятельства, препятствующего обоснованию виртуального мира, приводится то, что «классическая теория уголовного права продолжает воспринимать предмет преступления исходя из исключительного материалистического мировосприятия...»[791]. В наличии также немногочисленные монографические и диссертационные исследования, посвященные вопросам правового регулирования онлайн-отношений, которые, безусловно, вносят свой вклад в развитие науки уголовного права.

Названные достижения по-прежнему связаны с распространением на виртуальный мир устоявшихся теоретических и практических правоположений. В большинстве опубликованных работ, как отмечает И.М. Рассолов, основное внимание уделяется прикладным аспектам Интернета и права. Акцентируется внимание на естественнонаучной характеристике самого Интернета и частных

---

[789] См.: *Копылов В.А.* Информационное право. М., 2002; *Рассолов И.М.* Информационное право: анализ и решение практических задач. – М., 1998; *Бачило И.Л.* Информационное право. Роль и место в системе права Российской Федерации // Государство и право. – 2001. – № 2. – С. 5–14.

[790] *Гавриш Б.С., Фесенко Е.В.* Концептуальные вопросы применения криминального законодательства Украины // Новый криминальный кодекс Украины: Вопросы применения и изучения: матер. междунар. науч.-практ. конф. 2001. – Харьков, 2002. – С. 11–14.

[791] *Розенфельд Н.А.* Некоторые аспекты необходимости введения понятия «виртуальный предмет преступления» в теорию уголовного права // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2007. – Т. 7. – № 2. – С. 62.

проблемах интернет-права[792]. Научные работы в основном ограничиваются установлением объектов и субъектов правового воздействия, условий и последствий их взаимодействия.

В редких случаях принимается во внимание то, что для телекоммуникационной области человеческой жизнедеятельности характерны закономерности функционирования, которые схожи, но малопригодны для применения в обыденных сферах общественной жизни. С целью их обнаружения теоретики уголовного права практически рассматривают те же вопросы, но только в их «обратной связи». Имеются в виду процессы, которые всегда и в равной мере противодействуют всякой силе, в том числе силе правового воздействия. Речь идет о названных средствах коммуникации, социальная среда которых способна не только воспринимать, но и отражать, формировать, и не только новое информационное и телекоммуникационное, но и правовое, в том числе уголовно-правовое, пространство. Заявленные способы человеческого взаимодействия имеют возможность обусловливать и изменять окружающую их сферу, адаптировать под себя область права, мировоззрение его субъектов, их взгляды на время и окружающее пространство.

«Технологии массмедиа, – как отмечает И.Н. Гансвинд, – в особенности телевидение и компьютерные технологии, трансформируют мировосприятие в сторону многомерной, многовариантной, сценарно-игровой виртуальности. К жизни человека, ориентированного на виртуальность, приращивается другая жизнь, которая продлевает, расширяет, заполняет пустоты модельной и игровой стихией»[793]. «Становится уже привычной ситуация, – добавляет А.В. Говорунов, – когда человек может “заиграться” и “перепутать” пространство компьютерной игры и действительной жизни»[794]. При этом такие изменения касаются не только индивида. С внедрением современных информационных технологий, утверждает М.С. Вершинин, изменяется «сама суть развития социальных про-

---

[792] См.: *Рассолов И.М.* Право и Интернет... – С. 4.

[793] *Гансвинд И.Н.* Виртуальность // Словарь Института исследований природы времени. – URL: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/gansvind_ virtualnost.htm (дата обращения: 25.10.2011).

[794] *Говорунов А.В.* Человек в ситуации виртуальной реальности // Информационное общество. – 2001. – № 1. – С. 22.

цессов»[795]. Одним словом, как пишет В.А. Лекторский, аудиовизуальная культура, вытесняющая сегодня культуру книжную (и вообще текстовую), имеет далеко идущие последствия[796].

Для работы с собой отмеченные средства контакта требуют как минимум специальных знаний, нахождения в киберкультуре и владения интернет-языком, а в целом глубокого осмысления и согласия с закономерностями их бытия. И такое переосмысление, судя по стремительно увеличивающемуся числу интернет-пользователей, уже происходит. По оценкам фонда «Общественное мнение», если в 2007 г. число интернет-пользователей составило 28,7 млн (25% населения), то в 2008 г. их количество уже преодолело 32,7 млн человек (29%)[797]. По разным оценкам, в 2009 г. число пользователей составило 45 млн человек (32,7%). По сообщению международной исследовательской группы TNS, количество россиян, пользующихся Интернетом, за 2010 г. выросло на 14%. При этом «Твиттер» за этот же год в России вырос в три раза. По данным Wall Street Journal, сейчас в России 60 млн интернет-пользователей. Ожидалось, что к 2013 г. доступ к Интернету смогут получить уже 93 млн человек (67% населения)[798]. Прогнозы сбылись и рост состоялся. Согласно данным организации Internet World Stat, число пользователей Интернета к 2017 г. в России составило более 109 млн человек. В 2019 г. Росстата насчитал примерно 118 млн россиян, пользующихся интернетом[799]. Internet World Stat дает цифру в 116 млн человек.

В чем же смыслы и каковы цели, искомые интернет-пользователями? И не затрагивают ли они основ и господствующих концептов уголовного права? А если затрагивают, то готова ли и способна ли эта отрасль права отвечать требованиям новой реальности, вытекающей из взаимодействия человека с миром компьютера? Или же эта отрасль права неспособна провести общество в будущее, констатируя лишь его прошлое?

---

[795] *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб., 2001.

[796] См.: *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М., 2001. – С. 6.

[797] См.: Опросы «Интернет в России» / Фонд «Общественное мнение». – 2008. – Вып. 23. – № 3.

[798] См.: Через два года российский сегмент Интернета станет самым крупным в Европе. – URL: http://www.dp.ru/a/2011/06/03/CHerez_ dva_goda_rossijskij (дата обращения: 25.10.2011).

[799] См.: Сколько в России интернет-пользователей. – URL: https://journal.tinkoff.ru/e-commerce-stat/ (дата обращения: 13.01.2020).

На уровне эмпирических наблюдений нетрудно заметить, что устремленность общества сосредоточена на поиске форматов и условий взаимодействия его членов, обеспечивающих контакт социальной, политической, экономической и правовой связей безотносительно к месту и времени их нахождения, при условии простоты, мобильности и минимальной затратности этого контакта. То есть обществом делается выбор в пользу той социальной инфраструктуры, которая строится на принципах децентрализации и конвергенции. При этом предпочтение отдается интернет-средствам, так как они стирают границы и расстояния, создают равные возможности, преодолевают разрывы, обеспечивают планетарный и мгновенной доступ. В их пользу делается выбор, так как «нервная клетка – нейрон – срабатывает в миллион раз медленнее, чем триггер – элементарная логическая единица в чипе персонального компьютера. Скорость передачи информации нервной системе в миллион раз меньше, чем в персональном компьютере»[800].

В силу универсального характера заявленных качеств, отвечающих природе Интернета, аналогичное значение они имеют и для уголовно-правовой сферы человеческого бытия. В этой области интернет-инструменты способны приумножать силы преступного воздействия – повышать эффективность, снижать издержки и расширять сферу криминального поведения. Интернет располагает большей возможностью сокрытия факта совершения преступления, меньшей вероятностью обнаружения виновного лица и жертв его посягательств. В целом же, как говорит Н.А. Розенфельд, создается «новое поле для совершения преступлений, которые направлены на кибернетические достижения...»[801]. И все это, как отмечает А.Н. Райков, за счет того, что «скрытость, латентность – глубинная природа Сети»[802].

Во многом за счет отмеченных качеств растет киберпреступность, и в ней успех дела не связан с большим риском. В реальном мире психологический

---

[800] *Майнцер К.* Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. – М., 2009. – С. 11.

[801] *Розенфельд Н.А.* Указ. соч. – С. 63.

[802] *Райков А.Н.* Виртуальное пространство доверия // Информационное общество. – 2006. – № 5/6. – С. 127.

аспект преступления предполагает наличие определенных средств сдерживания, внешних и внутренних обстоятельств, без преодоления которых невозможно достижение преступной цели. В виртуальном мире преступники могут не видеть своих жертв, будь то отдельных людей или целые организации, выбранные ими для атаки. Как говорит Е. Касперский, «грабить тех, кого ты не видишь, до кого не можешь дотянуться рукой, гораздо легче»[803].

Все это свидетельствует о том, что как в легальной, так и в криминальной сфере человеческого бытия общество востребует интернет-инструменты, поскольку они сокращают пространства и экономят время на пути движения к свои целям. Но таким образом социум не только минимизирует издержки своей деятельности. Адаптируя интернет-измерение, он пересматривает собственные взгляды на условия ориентации в окружающем его мире. По оценкам специалистов Института философии РАН, диффузный, расфокусированный режим восприятия этого мира, характерный для виртуальной реальности, уже во многом трансформирует классическую картину мира, делая ее более многослойной и лишенной привычной системы координат, свободной от законов гравитации, объемности, равномерности, рядоположенности объектов и т. п.[804]

Уголовно-правовой концепт основан на механическом представлении о мире. Уголовный закон воспринимает и оценивает окружающий его мир сквозь призму линейных и параллельных прямых. В нем не синтезируется, а накладывается объективное на субъективное (ст. 14 УК РФ), интеллектуальное на волевое (ст. 24–26 УК РФ), а в целом – преступное на наказуемое (разд. 2, 3 УК РФ). Для определения вида и размера наказания в уголовном законе существуют натуральные счеты, обеспечивающие частичное или полное сложение сроков различных наказаний (ст. 71 УК РФ). Применяются обыкновенные дроби, с помощью которых осуществляется зачет отбытых сроков наказания в неотбытые (ст. 72 УК РФ).

Широко используются уголовным законом и числовые неравенства. При оценке деяний, совершенных против собственности, правоприменитель должен

---

[803] *Касперский Е.* Киберпреступность как бизнес. – URL: http://biz.liga.net/articles/ EA080183.html.

[804] См.: *Бычков В.В., Маньковская Н.Б.* Виртуальная реальность как феномен современного искусства // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – М., 2006. Вып. 2. – С. 59.

исходить из величины их стоимости. Если сумма или стоимость похищенного имущества меньше или равна, а в целом не превышает 1000 руб., то отсутствуют основания для уголовного преследования лица. Если же сумма ущерба или стоимость похищенного свыше 2500, но не превышает 250 тыс. руб., то размер наказания не может превышать пять лет лишения свободы. В том случае, если преступление против собственности будет совершено в крупном размере, т. е. в размере от 250 тыс. руб. до 1 млн руб., или в особо крупном размере, т. е. свыше 1 млн руб., то размер наказания по общему правилу не может выходить за пределы от двух до шести лет и от пяти до десяти лет лишения свободы соответственно.

При этом не только в уголовном законе, но и в одноименной отрасли права проявляется пристрастие к отмеченным приемам рассмотрения социальной действительности и объяснения связей ее явлений. Сама по себе теория уголовного права преимущественно рассматривается как сумма предписаний, закрепленных в законе или ином тексте, признанном ее источником. Не иначе рассматривается и преступность. В ней видят совокупность, т. е. все ту же общую сумму, преступлений, объединенных наличием в них сходных признаков.

Характерной чертой для уголовного права является и его ориентация на линейное начало. Ему подчинены все нормы, устанавливающие единый подход к применению наказания вне зависимости от сферы человеческой деятельности и иных качественных характеристик индивидуума. Целостная система таких норм, отличающаяся своей невосприимчивостью к социальным изменениям и способностью существовать лишь в составе бесконечного во времени и пространстве мира, является идеалом для теории уголовного права. Разрабатывая нормы уголовного закона, специалисты стремятся достичь их юридико-технической универсальности и социальной адаптивности ко всем общественно-экономическим формациям. Они добиваются в конечном счете уголовно-правового измерения, индифферентного к окружающей его социальной действительности.

Отмеченные средства юридического измерения глубоко внедрены в уголовно-правовую материю, хотя способны как в теории, так и на практике приводить лишь к кратному сложению или умножению, вычитанию или делению. Другими словами, к искаженному – преувеличенному или уменьшенному взгляду на при-

чины и обстоятельства совершения конкретного преступления. Способны приводить к наказанию как к общему, а не индивидуальному знаменателю. Для поиска этих знаменателей в сложившемся уголовно-правовом мире, как и в механическом, используется координатная прямая с положительными и отрицательными числами. На ней положительное свидетельствует о преступном, а отрицательное – о некриминальном качестве деяний.

Сходными у рассматриваемых концептов являются и системы отсчета. Как и в механике[805], в нынешнем уголовном праве пространство однородно и неподвижно, а время абсолютно. Они оторваны от охраняемых благ и реальных социальных процессов так же, как в ньютоновской концепции пространство и время текут сами по себе, безотносительно к каким-либо процессам[806]. Иными словами, в уголовно-правовой системе отсчета пространство тесно связано с территорией, а время – с моментом совершения преступления в их практическом смысле и прикладном содержании. Такое представление о мире, как отмечал Л.И. Спиридонов, пришло к нам из Средневековья. В то время мир представал как единство, подчиненное связям причинного характера и линейного подчинения[807].

В результате вышеприведенные элементы уголовно-правового расчета оказались настолько отвлечены от социального пространства и человеческого времени, что наука уголовного права, как говорит А.Э. Жалинский, «все еще не способна впитать в себя, выразить на своем языке необходимость охраны личности в ее новых социальных ролях и условиях...». Наука не приобрела средств для включения уголовного права в социальный дискурс современного общества[808]. Она практически не пользуется сложными социальными уравнениями, которые и предназначены для обнаружения детерминирующих корней, а не обобщенных знаменателей. При этом речь не идет о необходимости усложнения уголовно-правовой организации. Несмотря на виртуальность предлагаемой для исследования

---

[805] См.: *Горохов В.Г.* Концепции современного естествознания и техники: учеб. пособие. – М., 2000. – С. 313.

[806] См.: *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии // *А.Н. Крылов.* Сочинения. – М.; Л., 1936. Т. 7. – С. 30.

[807] См.: *Спиридонов Л.И.* Человек. Познание. Общество // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 230.

[808] См.: *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – М., 2008. – С. 108.

реальности, в ней «нет ничего нового»[809]. В виртуальном мире, так же как и в подлинном, можно моделировать и реализовывать процессы и объекты реальной жизни, создавать пространство с ощущением и восприятием его реальности за счет активного участия пользователя компьютера в событиях, предлагаемых информационной системой. В виртуальной среде возможно общаться со своими «коллегами», выполнять различные действия, совместно строить и развивать свой мир[810].

Требует, во-первых, обнаружить и принять во внимание нетрадиционные для уголовного права типы и архетипы человеческого поведения, все чаще и явственнее обнаруживающие себя в социальной практике. Во-вторых, заново осмыслить существующую уголовно-правовую реальность, ее проблемы, за которыми кроется неэффективность уголовного закона как метода рациональной реконструкции подорванных преступлением общественных отношений. И в-третьих, разговор ведется об обнаружении и разграничении продуктивных и репродуктивных результатов действия уголовного закона, и для их диагностирования необходима новая, возможно, виртуальная реальность, ее пространство и время.

Виртуально-правовой концепт никоим образом не исключает реального. «Виртуальная реальность, – как пишут Д.В. Воробьев и А.А. Сироткина, – не существует сама по себе»[811]. «Актуальное и виртуальное, – отмечал известный французский философ Ж. Делез, – сосуществуют и вступают в прямое круговращение, которое нас постоянно ведет от одного к другому»[812]. Виртуальная реальность – это реальность чувственная, жизненная, средовая, реальность и события «здесь и сейчас». Она, подобно обычным реальностям, может быть обжита, казаться более или менее естественной, выглядеть обычной или странной[813].

---

[809] *Ларионов И.Ю.* Виртуальная реальность: добродетель и преступление // Виртуальное пространство культуры: матер. науч. конф. 11–13 апреля 2000 г. – СПб., 2000. – С. 103.

[810] См.: *Коловоротный С.В.* Виртуальная реальность: манипулирование временем и пространством // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2003. – № 1. – С. 3.

[811] *Воробьев Д.В., Сироткина А.А.* Виртуальная реальность как категория социальной философии, или Что такое виртуальная реальность? // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – № 4 (12). – С. 90.

[812] *Делез Ж.* Актуальное и виртуальное // Альманах «Восток». – 2006. – № 3 (39).

[813] См.: *Розин В.М.* Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. – М., 2004. – С. 10.

В правовой сущности рассматриваемого концепта нет новой культуры или системы ценностей. Он составлен из многих культур, ценностей, проектов, которые приходят на ум и меняются тем же темпом, что и участники коммуникационных сетей, следуя их организационной и культурной трансформации[814]. Однако в отличие от реального виртуальное имеет нефизические формы пространства и времени[815]. Вернее, как уточняют специалисты, виртуальная реальность состоит из двух подсистем и сочетает в себе как физическую, так и нефизическую среду, последняя из которых доминирует над первой. «Привычное» время и пространство являются для виртуального мира не более чем формальной системой координат.

За счет такого соотношения «взаимодействие в виртуальной реальности происходит таким же образом, как и в подлинной реальности...»[816], но только все это за более малое время и короткое расстояние, за счет «легкой проницаемости барьеров»[817]. Поэтому овладение виртуальным, замечает французский мыслитель П. Вирилио, означает приобретение способности воспринимать мир в более глубоком и интенсивно переживаемом времени[818].

В некотором смысле уголовное право уже имеет дело с виртуальным миром. Исследуя субъективную сторону всякого состава преступления, криминалисты погружаются в нефизическое – перцептуальное пространство лица, совершившего общественно опасное деяние. Специалисты оценивают психическое отношение виновного к совершенному преступлению в целом и его отдельным юридически значимым элементам. Они соизмеряют возраст лица с уровнем его психического развития. Вместе с тем рассмотрение исследуемой реальности сквозь призму учения о преступлении обеспечивает ограниченный взгляд на виртуальность как на способ восприятия мира. В этом представлении пространство и время высту-

---

814 См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М., 2000. – С. 142.

815 См.: *Галкин К.Ю.* Темпорологическая концепция виртуальной аддикции. 1999. – URL: http://add.net.ru/articles/200103212013338.hmtl.

816 *Коловоротный С.В.* Указ. соч.

817 *Минаков А.* Некоторые психологические свойства и особенности Интернета как нового слоя реальности. – URL: http://vspu.ac.ru/vip/index.html (дата обращения: 09.10.2010).

818 См.: *Вирилио П.* Информационная бомба. Стратегия обмана. – URL: http://lib.aldebaran.ru (дата обращения: 05.11.2010).

пают лишь средствами обнаружения материальных объектов и их состояний[819]. Их субъекты ограничены позициями зрителя, читателя или слушателя и неспособны включаться в действие в качестве активных персонажей[820].

Инструментария сложившейся теории уголовного права недостаточно для обнаружения в виртуальном мире самостоятельной реальности, обеспечивающей человеку возможность сквозь время и пространство не только наблюдать, но и действовать. Теории не хватает для объяснения закономерностей технологий, умножающих либо преображающих способности человека. Накопленных знаний недостаточно для понимания новых качеств и возможностей, за счет которых лицо способно не только в легальной, но и в криминальной сфере создавать, например, производства, функционирующие на базе труда специалистов, не знакомых и тактильно не сообщающихся друг с другом, живущих и работающих в разных странах и частях света.

Виртуальное пространство имманентно не связано с территорией, которая применительно к России «включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды, территориальные море и воздушное пространство над ними» (ст. 67 Конституции РФ). Границы исследуемого пространства не определяются линиями и проходящими по ним вертикальными поверхностями, которые в международно-правовой практике служат пределами суши, вод, недр и воздушной среды[821].

Несмотря на то что виртуальная реальность является местом бытия конкретных людей и целых сообществ, ее пространство, тем не менее, не связано с национальными и географическими границами. В нем нет гражданства, половых, расовых и языковых притеснений и ограничений.

Пространством виртуальной реальности является сознание человека. Сознанием определяется натуральность виртуальной реальности, которая тем более реалистична, чем более внушительно ее компоненты воздействуют на сознание человека. Оно служит и основным инструментом проникновения в искусственную реальность, создаваемую самим человеком с помощью компьютерных

---

819 См.: *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: учебник. 3-е изд. – М., 2003.

820 См.: *Розин В.М.* Указ. соч. – С. 7.

821 См. ст. 394 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации».

технологий[822]. Компьютерные технологии выступают средством выражения, а точнее, отражения тех сторон сознания, которым ранее человек не придавал значения, не допускал их в сферу своей целесообразной деятельности. В этом смысле феномен сознания для уголовного права способен служить не традиционным, а единым и унифицированным объектом преступления. Последствия посягательств на него «могут быть самыми непредсказуемыми, где расстройства психического характера будут далеко не самым худшим вариантом»[823].

К слову сказать, в современных философских изысканиях само по себе сознание все чаще начинает рассматриваться в качестве определенного энергоинформационного поля, законы становления и функционирования которого пока мало известны науке. В источниках отмечается, что «в науке существует достаточно много фактов, свидетельствующих о заметном влиянии сознания человека, силы его мысли на окружающий мир»[824]. В связи с этим сознание предлагается рассматривать не только в качестве источника разнообразных знаний о мире, но и как органическую, деятельную часть этого мира.

Все это свидетельствует об актуальности научного осмысления особенностей воздействия элементов искусственной реальности на сознание, места и времени, где для сознания заканчивается граница подлинной и начинается действие виртуальной реальности. Разрешая эти вопросы, специалисты уже сегодня сходятся во мнении, что главная проблема, налагающая существенные и принципиальные ограничения на развитие виртуальной реальности, заключается в возможностях человеческой психики, допустимых пределах ее функционирования в практически безграничной сфере квазиреальности виртуального мира[825].

Виртуальное время не отменяет и не изменяет «регулярного» времени. Виртуальное время есть одна из вариаций времени, переживаемая различными обществами, индивидами и вещами. Такое время, по словам французского социолога П. Хибрауда, отличается стремительностью, прерывистостью и забегания-

---

[822] См.: *Hammet F.* Virtual Reality. – N. Y., 1993.

[823] *Коловоротный С.В.* Указ. соч.

[824] *Кениспаев Ж.К.* Философия сознания: онтология, гносеология, праксиология: дис. ... д-ра филос. наук. – Барнаул, 2006.

[825] См.: *Бычков В.В., Маньковская Н.Б.* Указ. соч. – С. 60.

ми вперед[826]. Не замечая его, теоретики уголовного права ограничиваются взглядом на время лишь как на способ фиксации продолжительности интересующего его деяния.

Виртуальная реальность, отмечает М. Кастельс, вносит двоякий вклад в преобразование времени в нашем обществе: в виде одновременности и вневременности[827]. Время отмеченной реальности обновляет устоявшиеся в праве представления о скорости и движении как его неотъемлемых спутниках. Речь уже идет не об экстенсивном времени, характерном для обыденной для нас практики, а о времени интенсивном, которое, так же как и вся виртуальная реальность, «призвано сделать доступной для восприятия информацию, умещающуюся в бесконечно малые промежутки времени»[828]. Благодаря новым коммуникационным технологиям время сжимается и в определенном смысле совершенно отвергается культурой. Оно отменяется как примитивная копия быстрого оборота в производстве, потреблении, идеологии и политике, на котором основано общество.

Таким образом, сравнительное исследование действующего уголовно-правового и грядущего виртуально-правового концепта позволяет прийти к выводу о том, что современная компьютерная эпоха актуализирует для уголовного права необходимость поиска новых выразительных средств. Прежние механизмы практического опыта уже не срабатывают и обусловливают необходимость задумываться о целостной и принципиально иной – виртуальной реальности, ее формах, механизме и границах действия.

Широчайшее внедрение компьютера, Интернета и иных дигитальных технологий в жизнь обычного человека приводит не только к расширению его технико-технологических возможностей, но и к существенному изменению ментально-психической структуры личности, переориентации с традиционного опыта на новый, далекий от всего, с чем человек имел дело в обозримый период истории. В связи с такими изменениями уголовное право наряду со всей гуманитарной наукой должно трудиться над поиском и выработкой инновационных парадигм

---

[826] См.: *Hebraud P.* Observations sur la notion du temps dans le droit civil. – Marseille, 1979. T. 2. – P. 1.

[827] См.: *Кастельс М.* Указ. соч.

[828] *Делез Ж.* Указ. соч.

человеческой деятельности. На основе «измененного» сознания, в котором господствующее положение занимают не формально-логические, одномерно-дискурсивные конструкты и словесные тексты, а полисемантичные аудиовизуальные, тактильно-гаптические структуры, ориентированные на функционирование «новой телесности», уголовное право как минимум не должно ограничиваться рамками рационально-рассудочной сферы человеческого сознания.

Движение в названном направлении обнаруживает, что:

1. Виртуальная реальность, являясь средством сосуществования и взаимодействия людей, своей востребованностью доказывает, что исторически сложившееся представление уголовного права о двумерном – временном и территориальном – пространстве не является универсальным. Оно не обеспечивает уголовному праву возможность присутствия и действия в тех сферах общественной жизни, которые не подвластны физическим законам и ограничениям, но в которых за счет «транслируемых» данных можно воздействовать на человека настолько сильно, что отличить искусственную реальность от подлинной практически невозможно[829].

2. Современные уголовно-правовые средства не располагают доступом к альтернативным пространствам человеческой жизнедеятельности. При этом дело здесь не только в том, что виртуальная реальность разрушает сложившиеся представления, например, о юрисдикции уголовного закона и права, которая традиционно определяется пределом действия государственного суверенитета. Проблема в том, что виртуальная данность ставит вопрос о содержательно-смысловой недостаточности понятийного аппарата уголовного права, который как в материальном, так и в процессуальном планах тесно связан с «примитивным» представлением о месте происшествия.

3. В виртуальной реальности «обычное» время, используемое для установления события преступления, может быть обнулено, а место выполнения общественно опасного действия рассеяно до неопределенного множества. В таком качестве они утрачивают привычное значение, а киберпреступность для уголовного права с типичной системой координат становится невидимой.

---

[829] См.: *Heim M.* The Metaphysics of Virtual Reality // Virtual Reality: Theory, Practice and Promise. – London, 1991.

4. Субъектный состав отношений, возникающих в связи с использованием Сети, слабо коррелируется с субъектами правоотношений, зафиксированных в законодательных системах[830]. Для уголовного права это означает, что организованная преступность, например, получает иное смысловое наполнение. Образованные в сетях группы и сообщества не проявляются в «сложноподчиненных» и «закомплексованных» формах, не создаются продолжительным путем и трудоемкими способами, как это представлено в ст. 35 и 210 УК РФ. Сетевые группы формируются спонтанно и самопроизвольно. При формировании в них вообще отсутствует лидер. Каждый входящий в Сеть является потенциальным лидером[831]. При этом в большинстве выявленных групп организующим началом выступало не единство умысла их членов, а частный и разнородный по своему существу интерес.

5. Наряду с названными нормами уголовного закона подлежат переоценке и иные составы преступлений, их квалифицирующие признаки, обстоятельства, отягчающие или смягчающие наказание. В частности, не вызывает сомнения, что повышенной общественной опасностью характеризуются действия по использованию интернет-ресурсов при распространении заведомо ложных сообщений об актах терроризма (ст. 207 УК РФ), призывах к неподчинению законным требованиям власти, насилию над гражданами, массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ) и др.

6. Виртуальное пространство требует для поддержания своей жизнедеятельности создания и использования не раздельных схем, а программных систем обеспечения. Для уголовного правотворчества это означает, что и оно должно переходить от сводных правил к модульному порядку формирования, от кодирования к программированию социального порядка, так как первое является лишь частью второго, находясь вне которого кодинг в своей практике вынужден обходиться без анализа и проектирования, тестирования и отладки, а также без операционального сопровождения своей сферы применения.

7. В этом смысле необходимо не только принятие уголовного закона и последующее правоприменение, но и социальная инсталляция его положений. То

---

830 См.: *Рассолов И.М.* Право и Интернет... – С. 76.

831 См.: *Райков А.Н.* Указ. соч. – С. 124.

есть создание не плоскостного, а экспозиционного пространства, в котором за счет нетривиальных контекстов и композиционных решений могут быть созданы условия для многомерного, семантического уголовно-правового поля, непрестанно приспосабливающегося к поддерживающим его правовым средам и социальным структурам. На законотворческом уровне такая инсталляция уже происходит, когда к разработке законопроекта привлекают широкие слои населения, профессиональные сообщества.

8. В аналогичных по своему принципу действия институтах нуждается само уголовное право. В качестве инструмента, обеспечивающего заявленный формат уголовно-правового измерения, может выступать институт общественной опасности. Его разработка предоставляет возможность рассматривать деяние не только с позиции состава преступления, но и с альтернативной точки зрения – состава общественной опасности. Последний не исключает, а дополняет первый, так как позволяет оценивать не только опасность виновного, но и степень соучастия потерпевшего в совершенном преступлении.

9. В конце концов освоение наукой уголовного права закономерностей виртуальной реальности позволит ее представителям на практике отличать мифическое от реалистического, искусственное от действительного, жизненное от нежизненного, а в целом наличие в уголовном законе реальной или имитационной силы.

Названные предложения далеки от своей завершенности и требуют дальнейшей проверки и обоснования. Задача исследования виделась в обнаружении альтернативных сфер человеческого бытия, в демонстрации происходящих в сознании индивида парадигмальных изменений, без учета которых отечественное уголовное право не сможет отвечать своему назначению в постмодернистском социуме. Оно не будет способно, говоря словами Т.Я. Хабриевой, создавать «нормативно очерченную модель инновационного общества»[832]. Серьезность происходящих в менталитете человека обновлений подтверждена тем, что они коснулись категорий «пространства» и «времени», в зависимости от которых индивид определяет смысл своей жизни и отношение к миру. На фоне принципов

---

[832] *Хабриева Т.Я.* Век инноваций и право // Вопросы правоведения. – 2010. – № 1. – С. 8.

построения компьютерных технологий и сетевых связей уголовному праву показаны подходы, интересующие его субъектов и уже реализующиеся ими в своей повседневной практике.

* * *

В завершение можно отметить, что в главе предпринята попытка максимально эксплицировать потенциал философского знания в уголовном праве. При этом основная надежда возложена на метафизический подход, дефицит которого был вскрыт и продемонстрирован в рамках предыдущих параграфов. Укоренившаяся в правовой науке еще в конце XIX столетия эмпирико-позитивистская модель и спустя столетия определяет содержание исследований. Более того, метафизика располагает возможностями по выявлению детерминант уголовно-правового бытия как синтезирующего начала, без определения которого попытки получить знание об уголовном праве посредством сбора и описания свидетельств о феноменальном уровне останутся бесперспективными, а собранные доказательства – грудой фактоподобных данных.

Выбор герменевтики обусловлен тем, что она является одним из новейших философских направлений и авторитетным метафизическим ресурсом XX столетия, еще незначительно востребованного правоведением. С позиции герменевтики обнаружено отсутствие в уголовном праве механизма, обеспечивающего его взаимосвязь с историей и с социокультурной средой, которая его породила и подпитывает на всем протяжении существования. Применение герменевтического подхода позволило вскрыть, что уголовно-правовое знание оперирует в основном институтом толкования, а не феноменом понимания, имеющим метанормативное значение для человека и уголовного права, является для них и целью, и ценностью, определяет их содержание, а также служит им условием введения в социальный контекст и реализации в нем. Убедиться в том, что конечное определение уголовно-правовому запрету и событию дает не законодатель и закон, как продукт его деятельности, а субъект правоприменения. Не закон, а знание о событии происшествия и законе, которое вырабатывается в ходе коммуникации участников судопроизводства, служит единственно реальным и актуальным основанием уголовной ответственности.

Обращение к синергетике как к одному из передовых философских направлений было обусловлено целью поиска онтологических основ уголовного права в условиях его современного пребывания в хаотическом состоянии. Синергетическая парадигма дает повод задуматься над тем, насколько безусловной ценностью для уголовного права является порядок. Поскольку порядок ассоциируется с нормой, а беспорядок – с отступлением от нее, исследованы примеры, когда норма выступает дестабилизирующим фактором. В частности, когда политический и экономический уклад общества радикально меняется, а нормы права остаются прежними, то они тормозят развитие, тем самым дестабилизируя социальное положение. В связи с этим обосновано, что уголовное право в равной мере предрасположено как к сохранению, так и к разрушению защищаемых благ, то есть к превращениям из положительного смысла в отрицательное значение при сохранении своей целостности.

Еще одна точка приложения синергетики к уголовному праву обнаружена в анализе иррегулярного поведения, которое в настоящее время стало самостоятельной криминальной силой, а уголовно-правовая наука и практика не приспособились к его диагностированию, профилактике и искоренению. Непредсказуемость криминального поведения, появление и умножение «эксклюзивных» преступлений стало возможным, в том числе и благодаря развитию Интернета, возникновению принципиально новой коммуникационной среды. Это обстоятельство обусловило обращение к проблеме виртуализации правового пространства как неизбежной дилемме настоящего и будущего российского и мирового сообщества, последствия которой для отраслей права не просчитаны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации исследовано состояние современного уголовно-правового знания, которое является, с одной стороны, унаследованным из прошлого продуктом эволюции общественного сознания, а с другой – результатом текущей научно-практической деятельности и устремленным в будущее инструментом по организации справедливой охраны ключевых благ человеческого общежития. При этом изучаемое знание рассмотрено в качестве основного и постоянного объекта внимания философии, которая в ходе изыскания взята и использована в трех ипостасях. Во-первых, в качестве методологического средства. Во-вторых, в качестве мировоззренческого базиса для выхода за привычные пределы изучаемого знания. И в-третьих, в качестве оригинального источника обогащения юриспруденции в целом и уголовного права в частности.

Правоведение и философия взяты в качестве двух диалектических противоположностей. С учетом поставленной цели изучено положение истории, науки, практики, социального опыта и собственно самой философии в структуре современного уголовно-правового знания. При оценке их состояния как неотъемлемых элементов одного феномена предпринята попытка вскрыть и определить основную проблему уголовно-правового знания, предложить стандарт (модель и критерии) для оценки его полноценности.

В результате проведенного исследования установлено, что уголовно-правовое знание разрабатывалось на фоне синхронного роста интереса к позитивизму и отрицания метафизики (XVIII–XIX вв.). В этот период оно пополнялось в основном с помощью и за счет сравнительно-исторического и историко-догматического изучения уголовно-правовой действительности. Под длительным и безальтернативным воздействием этих подходов историческое знание стало базисом для конструирования догмы русского уголовного права. Историческим принципам было доверено формирование почти всей доктрины уголовного права. При этом под самой историей криминалисты понимали исключительно хронологию воззрений законодательства на преступление и наказание и на взаимное отношение между ними.

Истории было выказано абсолютное доверие. У правоведов она предстала доказательным и правдоподобным источником знания, поскольку, как считалось, она судит по фактам и учитывает условия жизни конкретного народа в определенный промежуток времени. Отыскивая погруженные в историю доказательства, правоведы связали возможность установления истинного значения уголовно-правовых явлений, которые, судя по их логике, однажды где-то в прошлом возникли и с тех пор действуют. Исторические свидетельства в системе взглядов криминалистов в итоге приобрели силу повседневных доказательств и превзошли ценность других источников знания, выработавших проверенные веками истины, а самое главное – завоевали почти безусловное для доктрины уголовного права значение.

При абсолютизации названных подходов не было учтено, что конкретные обстоятельства овеществления уголовного права и его институтов в жизни человека не всегда имеют первичное и смыслообразующее значение, которое им часто в зависимости от уникальности открытого материала и древности его происхождения присваивают специалисты. Также упущено, что стремление раскрыть существо уголовно-правовых явлений через осмысление сопутствующих их становлению внешних событий часто делает исследователей заложниками случайных частностей из жизни народов, ориентирует их на фиксирование уникального и игнорирование законов развития мира в целом.

Исторический подход в восприятии специалистов трансформировался из историзма в историцизм, став самодостаточной силой, способной исключительно на основе прошлого говорить об уголовном праве, определять все сферы этого права. Ретроспективный подход в их понимании настолько упростился, что лишился способности исследовать первоначала бытия, рассматривать их в единстве бытия и сознания, т. е. указывать значение и место исторического в целом мире и в отношении к абсолютному Бытию. Отпала потребность задаваться вопросами о том, что в уголовном праве *длится*, а что уже прервало свое *существование*; что в этом праве *проходит*, а что в нем остается *неизменным*; что в нем является *данностью*, а что *обстоятельством* и *случаем*; что в криминальном мире выполняет роль *конечных* и *бесконечных* сущностей. То есть, по сути,

рассматривать уголовное право через основные категории исторического познания, через специфичность исторического бытия.

Сегодня ретроспекция не утратила своего значения. Но она ушла на второй план – уступила место иным методологическим приемам и не служит исходным и единственным основанием для теоретических построений в уголовно-правовой сфере. Основная, но до конца еще не осмысленная причина в изменении статуса истории состоит в том, что она исчерпала себя. Из источника превратилась в стереотип знания, т. е. в то, что уже не питает науку и не понуждает к рефлексии, а лишь ее консервирует.

В общетеоретическом плане получила распространение позиция о том, что уголовное право защищает от запрещенных действий, посягающих на наиболее важные интересы общества, и уполномочивает правительство накладывать на ответственных лиц санкции. Более в суть словосочетания «уголовное право» не углубляются и не стремятся найти в нем право в первом и собственном смысле этого слова, то есть как полномочие на жизнь, свободу или собственность. В представлениях знатоков уголовного права как чего-то самостоятельного и содержательного не существует либо оно пока не появилось. Сложилась традиция характеризовать это право как нечто производное и вытекающее из более общих и важных отраслей права, придавать уголовно-правовой силе субсидиарный и вспомогательный характер. Значение и название этой отрасли права нивелировано до рамочного термина, который уже продолжительное время в науке лишь облекает и объединяет в себе более емкие понятия «преступление» и «наказание».

Нужно отметить, что вся научно-теоретическая и практическая мысль об уголовном праве стала развиваться между преступлением и наказанием как смыслообразующими это право категориями. В зависимости от их значения уголовное право соответствующим образом интерпретируется, определяется его функциональное предназначение и место в системе общественных отношений. За счет гипертрофированного отношения к заявленным дефинициям учение о преступлении заняло одно из центральных мест в науке и учебной дисциплине уголовного права. Не имея альтернатив, это учение стало основанием для взгля-

да на исследуемую отрасль права как на атрибут политической и экономической власти, форму выражения государственной воли.

Иными словами, функциональное назначение уголовного права сведено до обеспечения взаимосвязи между деянием и воздаянием. Значение отмеченных категорий, их содержание и смысловой потенциал абсолютизированы. Специалисты считают, что феномены преступления и наказания составляют фундамент здания уголовного права. Относятся к ним как методологическим основаниям, с помощью которых юристы подходят к уголовному праву и через призму которых, как правило, его рассматривают. Через их исследование каждый стремится засвидетельствовать факт соприкосновения с базовыми основами уголовного права.

Однако исследование показало, что традиционный подход к уголовному праву формирует о нем ложное представление как об узкой области двух явлений. Криминалисты относятся к познанию природы преступления как первоисточника смысла и значений иных уголовно-правовых категорий. Вместе с тем категория «преступление» не обладает смыслообразующим статусом. Преступление как юридическая конструкция лишь собирает в себе необходимые для его применения смыслы иных институтов уголовного права.

Уголовное право, таким образом, не рассматривается в собственном смысле слова. То есть как право. Криминалисты не ведут речь об уголовном праве, например, как о праве необходимой обороны, которое среди прочих в составе этого права вполне закономерно может претендовать на высокий статус выразителя его квинтэссенции. Право на необходимую оборону должно быть гарантировано человеку, почти всегда остающемуся наедине с преступником. А оно менее всего представлено в законе, разработано на практике и доступно в жизни субъектов уголовного права.

Остается без учета и то, что уголовное право – это прежде всего его субъекты – человек, общество и государство, а также те ценности и антиценности, которые их одновременно и объединяют, и разъединяют. Каждого из этих субъектов и их идеалы уголовное право защищает. При этом не только в межличностном плане, т. е. жертву от убийцы, но и в наиболее полном – межсубъектном варианте. Личность – от государства, а государство – от личности. Целостность

общества от деструктивного и эгоистичного превалирования над ним либо государства, либо личности.

Не менее важным результатом исследования стало обнаружение того, что вышеотмеченные знания об истории и теории фактически являются уголовно-правовыми обыкновениями и стереотипами, так как на деле сковывают и консервируют эту отрасль. Они не только не исчерпывают собой современной реальности, но уже не развивают уголовное правоведение и отраслевое мировоззрение в целом. Проблема усугубляется еще тем, что принятая на вооружение теория не в силах диагностировать свое состояние и тем более найти средства для выхода из стагнирующего положения. Такой исход стал возможен в силу собственного мировоззренческого выбора криминалистов – предопределен их неуклонным ориентиром на позитивизм, который в стереотипности знания видит не недостаток, а преимущество и даже совершенство.

Более того, позитивизм, несмотря на то что сам является одним из философских учений, первым делом отрицает философию, необходимость в ней и ее полезность. Учение, как правило, не признает другие источники знания, всегда и везде постулирует самодостаточность отраслевого элемента. Поэтому не является случайным то, что в науке уголовного права выявлен невысокий уровень востребованности философского опыта. С молчаливого согласия или прямого одобрения большинства специалистов реализуется практика по отмежеванию отраслевой науки от философского знания. При этом примеры игнорирования философии не единичны и не случайны, а массовы, повсеместны и довольно широко проявляются. В специализированной литературе бытует и постулируется убеждение в том, что уголовное право и философия как две сферы знания несовместимы и даже противоположны друг другу. Под правом понимается сугубо практическая и прикладная дисциплина, отличающаяся своей точностью и адекватностью реальности, а под философией – спекулятивный и во многом отвлеченный от действительности предмет.

Выяснилось, что у подобного отношения к философии имеются свои причины, в том числе исторические. В социальной жизни России прежде обозначилось и реализовалось практическое направление уголовно-правовой мысли,

а только затем к нему присоединилось теоретическое направление. Наука на каждом этапе государственно-правового становления отставала от практики и, соответственно, ставила перед собой задачу ее догонять.

Но ретроспективными причинами проблема не исчерпывается. На дистанцированность науки от философии дополнительно воздействует ряд рациональных и иррациональных предпосылок, убеждающих субъектов знания в том, что онтологическое осмысление этой отрасли права не только проблематично, нежелательно, но и сомнительно, не способно привести к успешным результатам. Отсутствует уверенность в том, что философская мысль может послужить для права путеводной нитью в мир бытия, устойчивой опорой для построения уголовно-правовой конструкции. Философия сама сеет о себе сомнения. Известно, что многое на пути рассмотрения, например, бытия как основного вопроса философии пройдено. Но большинство проблем его устройства все еще не разрешено. В онтологии немало знаний продолжает «выветриваться» временем и подвергаться «коррозии» человеческой мысли.

Более того, между философской и правовой мыслями прослеживаются различия в целях и средствах достижения своих идеалов, степени свободы и ответственности на пути к ним. Рациональные факторы указывают на характерные для философской мысли и противоположные правовой идее свойства абстрактности, амбивалентности, неопределенности и универсальности. Если для философии эти качества являются достоинствами, признаются свидетельством богатства ее содержания и разносторонности, то для права события и обстоятельства с отмеченными характеристиками служат лишь исходным и расходным материалом. Воспринимаются и используются только как повод для начала модерации юридической мысли и запуска правовых механизмов. Каждый из них и все вместе направлены на устранение и урегулирование противоречий между его субъектами и возникших на их почве конфликтов. В уголовном праве все подчинено выработке императива как единственно возможного и безальтернативного выхода из криминального забвения. Двузначность в уголовно-правовом мире не допускается. Символическая сила права заключена в констатации однозначной ценности и неприступности защищаемых им благ (жизни, здоровья, свободы и др.), а также бессмысленности возникающих на их почве противоречий и конфликтов.

Свое давление на ученых оказывают иррациональные факторы. На их скрытое наличие указывает прежде всего безмолвие большинства криминалистов относительно философии и однозначная отрешенность от нее. При этом иррационализм, как показало исследование, также предлагает правоведам оставаться преданным позитивизму, его первому и основному оплоту – догматизму. Они верны ему, так как усматривают за философской амбивалентностью безбрежную двусмысленность, а за абстрактностью – непомерную отвлеченность или, если говорить в целом, неустойчивость как основное и не самое лучшее в понимании правоведов свойство философии.

Интуиция, предрассудки, исторически или спонтанно возникшие страхи и опасения, как составные элементы иррационализма, сподвигают юристов к предубеждениям о несовместимости философской и правовой мыслей. Указывают на такие факторы, как *сложность* в освоении и познании философских идей, *удобство* или *удовлетворенность* юридической догмой, которая проста и непритязательна в употреблении, общепринята и всегда требует только одного – производства нормы и подчинения ее правилу. Догма во многом технична, так как подчинена формальной логике и не обременена многообразием.

Рассмотрение детерминированности уголовно-правового мировоззрения позволило обнаружить его нахождение не только под влиянием индивидуального выбора субъектов знания и их персональных (рациональных или иррациональных) предпочтений. Взгляд модераторов и пользователей знания также находится под воздействием общественного сознания. Изучение последнего показало, что уголовно-правовая мысль не одинока в своем отношении к философии, а соответствует и согласуется с социальным настроением как элементом общественного сознания, его доминирующими самочувствием и умонастроением. Нахождение уголовно-правового знания в составе общественного сознания и под его влиянием во многом объясняет причины, по которым отрасль не ощущает, не замечает и критически не оценивает наличие в себе предрассудков о невысокой полезности философии.

Исследование привело к выводу, что для уголовно-правового мировоззрения стало историчным и обычным делом опускать онтологию собственной от-

расли права либо в лучшем случае касаться ее в последнюю очередь, а полученный результат использовать лишь в качестве дополнения. Вполне естественно для отмеченного мировоззрения искать и находить источник знаний об уголовно-правовых феноменах, в том числе о традициях и новациях, в социально-экономических и политических сдвигах, т. е. сугубо во внешнем и эмпирическом опыте субъектов жизнедеятельности, в посторонних, напрямую не связанных с правом процессах.

Отмеченный подход, как известно, родом из позитивизма и одной из его ведущих школ – натурального реализма. На их основе в уголовном праве сегодня формируется упрощенная практика. При этом не только практика судопроизводства, но и минималистское отношение к преступлению и наказанию. Выбор криминалистов в пользу позитивизма обусловлен тем, что в качестве источника знания он предлагает воспринимать окружающую поверхность, на которой в непосредственной доступности лежит интересующая реальность. Знание формируется на основе естественного взгляда на мир, его обыденности и нескончаемой повседневности. Однотипность восприятия человеком окружающей реальности убедили юристов в самодостаточности получаемого в результате бытового опыта знания.

Сегодня наука и практика располагают уголовно-правовым знанием, в основе которого лежат укоренившиеся в нем предрассудки в восприятии философии, стереотипы в отношении к истории и обыкновения самой теории уголовного права. Их широкая и некритическая эксплуатация привела к ряду негативных последствий. Во-первых, к игнорированию философии, к существенной недооценке истории и сужению ее значения, к гипертрофированию собственных теоретических возможностей. Во-вторых, российская мысль оказалась не представлена в современных течениях и школах философии уголовного права. Одновременно с этим не обеспечено присутствие одноименной отрасли знания в отечественной науке. На текущем этапе лишь робко обсуждается вопрос о степени необходимости и полезности философии уголовного права, а некоторыми специалистами ставится под сомнение потребность в названной дисциплине. Не востребуется и не институциализируется собственное философское наследие.

Культивирование позитивистских начал также способствовало формированию «пороков» и «порогов» в научном познании криминальной реальности, достижению пределов в практическом понимании уголовно-правовой действительности, возникновению издержек в социальном поддержании права. Речь идет о том, что самым непосредственным и явным следствием использования основанного на позитивизме знания стало возникновение раскола во внутриотраслевых и межотраслевых мнениях о состоянии действующего уголовно-правового порядка, возникшего между основными потребителями знания – модераторами (учеными) и операторами (практиками) уголовного права. Названные субъекты знания, как показало исследование, в своих оценках состояния правопорядка находятся на противоположных позициях. Ответственность за кризис отмеченной отрасли права ученые возлагают на законодателя и правоприменителя. При этом опыт своей деятельности они в целом признают успешным, а знание, разработкой которого занимаются, полноценным и самодостаточным. В свою очередь, практики винят законодателей в недостаточности издаваемого нормативного материала и слабой научной проработанности их инициатив.

Во внутриотраслевой плоскости прослеживается, что каждое правоохранительное ведомство вырабатывает собственное отношение к состоянию уголовного правопорядка, которое во многом опосредованно, а поэтому искажено корпоративным интересом. Единства в подходах к интерпретации его состояния и социального контекста в целом не имеется, что добавляет в правосознание общества парадоксов и противоречий, размывающих его представления о норме поведения. Точек соприкосновения в оценках специалистов немного, поскольку, как выяснено, выбранные ими средства мониторинга базируются на релятивистских установках, которые ведут к параличу органов юстиции.

Не в лучшем положении находится социальный опыт. Рассмотрение ряда современных общественных трансформаций, протекающих в силу своей специфики во всех сферах и на всех уровнях жизни, позволило обнаружить, что знание и выстроенная на его основе правоохранительная деятельность испытывают нехватку средств для адекватной оценки быстро меняющихся интересов субъектов правовой действительности. Дефицит в их составе, в частности, философско-

антропологического инструментария, привел к отсутствию в институтах правоприменения должного понимания того, что в эпицентре всех изменений стоит человек, а также его бытовые, научные и практические представления о целостности мира, общества и личности, которые сегодня меняются.

Таким образом, на каждом уровне проявления уголовно-правового знания убедительно просматривается одна и та же картина. Она имеет своим источником логико-позитивистскую и критико-рационалистическую традицию и отвечает ее параметрам. В ней отсутствует место для человека как существа духовного, являющегося предельным основанием самого права. При изменении эпистемологической модели оценки знания путем расширения состава критериев научности выявлено, что основные индикаторы и показатели, которыми руководствуются специалисты при характеристике положения дел в уголовно-правовой сфере, не ориентированы на ее достоверное и целостное отображение как динамически развивающегося объекта. Рассуждения криминалистов отличаются фрагментарностью и оппозиционностью по отношению к иным источникам и субъектам знаний. Принятая ими модель знаний ограничена рамками позитивизма (эмпиризма, натурализма, историцизма, нормативизма, бытовизма и релятивизма), согласно которому у права нет и не должно быть ни идеи, ни собственного определения. Достаточно, что у права имеется своя функция и обслуживаемый интерес.

Предпринятые в исследовании усилия по включению в состав науки уголовного права философского знания и опыта обнаружили узость общепринятого уголовно-правового взгляда. С помощью метафизики, в частности современной теории уголовного права, продемонстрировано существование более полной реальности бытия человека, наличие которой не принимается учеными во внимание. С позиции метафизики проверены эмпирические средства, традиционно используемые для оценки преступности и наказуемости деяний. Выявлена их условность и приблизительность, неспособность выполнять поставленные перед ними задачи по конкретизации содеянного, персонификации ответственности и индивидуализации наказания. Констатировано, что наукой уголовного права оставлены невостребованными неэмпирические и неметрические инструменты социального измерения.

В ходе проделанной диссертационной работы также установлено, что без обращения к метафизике исследуемое знание не сможет включиться в общенаучный контекст, в структуру иных составляющих духовной жизни человека и общества. На конкретных примерах из истории становления других отраслей науки продемонстрировано, как они с определенной периодичностью выходят в сферу метафизики, особенно в периоды кризиса этих наук.

Рассматривая уголовное право с позиции герменевтики, было выявлено, что конечное определение уголовно-правовому запрету и событию дает не законодатель и не закон как продукт его деятельности, а субъект правоприменения. При этом не закон, а знание о событии происшествия и о законе, которое вырабатывается в ходе коммуникации участников судопроизводства, служит единственно реальным и актуальным основанием уголовной ответственности. Герменевтика также способствовала обнаружению феномена понимания и его претензию на статус аксиологической основы права. Через исследование истории становления герменевтического учения дано обоснование того, что понимание образует метанорму жизни человека и, в частности, права. Без понимания как такового и скрытых за ним герменевтических практик невозможна совместная жизнь людей, немыслимо само общество. Понимание является предтечей как правоспособности, так и дееспособности человека, поскольку для реализации себя в жизни ему исходно и первоначально надлежит понимать себя и научиться понимать другого. При этом отмечено, что понимание не только является предусловием уголовного права, но и определяет его содержание, сопровождает каждую норму права. Такое сопутствие обеспечивается принципом справедливости, который позволяет требовать выполнения уголовного запрета только тогда, когда он отвечает критериям понимания. В случае если запрет отвечает критерию понимания, но не выполняется, а все для этого изъяснительные инструменты исчерпаны и в достаточной степени представлены в законе, должен включаться механизм этого нормативного акта по принуждению к его пониманию и, соответственно, исполнению.

Актуальность и эвристический потенциал синергетической парадигмы для развития уголовно-правового мировоззрения вскрыты через хаос как осно-

вополагающую категорию синергетики. Синергетика расширяет масштаб уголовно-правового взгляда. Она включает в него не только порядок, традиционно рассматриваемый представителями уголовного права как результат внутренней организации этого права и как внешний итог его функционирования в социуме. Кроме того, синергетика предлагает науке уголовного права феномен беспорядка, который способен быть и инструментом отражения ее структуры, и следствием действия в обществе. Возникает вероятность существования уголовно-правового беспорядка с вытекающими из этого последствиями. Появляется методологический базис для диагностирования того, чего больше производит норма в защищаемых отношениях: порядка или беспорядка. И что из них в конечном счете более полезно для охраняемых благ или ближе к достижению поставленных целей? Способно ли право балансировать вместе с неуравновешенным обществом и одновременно с этим сохранять возможность выполнять по отношению к нему свою нормативную функцию?

В работе продемонстрировано, что на фоне феномена хаоса уголовное право в его позитивном измерении далеко не всегда может быть «правым» и «правом» в собственном смысле этих слов, т. е. отвечать назначению и интересам своих субъектов, выступать для них мерилом и примером для подражания. Уголовное право в равной мере предрасположено как к сохранению, так и к разрушению защищаемых благ, т. е. к превращениям из положительного смысла в отрицательное значение при сохранении своей целостности. Также выяснено, что существующие уголовно-правовые механизмы не приспособлены для оперирования с внесистемными для установленного правопорядка явлениями, вызывающими в его рядах хаос. При этом сложившееся положение дел объяснено тем, что российское уголовное право не имеет встроенного в его структуру механизма динамического развития устанавливаемого им порядка.

С позиции феномена виртуальности как характерной черты современного технологического уклада проверена состоятельность действующего уголовно-правового концепта. Обнаружено, что он основан на механистическом представлении о мире. Как и одноименная концепция, уголовный закон воспринимает и оценивает окружающий его мир с помощью простых логических и арифме-

тических приемов, сквозь призму линейных и параллельных прямых. В нем не синтезируется, а накладывается объективное на субъективное (ст. 14 УК РФ), интеллектуальное на волевое (ст. 24–26 УК РФ), а в целом преступное на наказуемое (разд. 2, 3 УК РФ). Как и в механике, в уголовном праве пространство однородно и неподвижно, а время абсолютно. Они оторваны от охраняемых благ и реальных социальных процессов, так же как в ньютоновской концепции пространство и время текут безотносительно к чему-либо.

Сравнительное исследование действующего уголовно-правового и грядущего виртуально-правового концептов позволило прийти к выводам о том, что современная цифровая эпоха актуализирует для права необходимость поиска новых средств саморазвития и самовыражения. Прежние механизмы практического опыта уже не срабатывают, так как в сфере человеческого бытия появились альтернативные области. Их возникновение, в свою очередь, привело к зарождению и протеканию в сознании индивида парадигмальных изменений. Трансформировались, например, представления о времени и пространстве. Без учета таких модификаций теория и практика отечественного уголовного права не сможет отвечать своему назначению в постмодернистском социуме. Оно не будет способно соответствовать модели инновационного общества, так как протекающие в менталитете человека обновления первым делом коснулись категорий «пространства» и «времени», в зависимости от которых индивид определяет смысл своей жизни и отношение к миру.

Если говорить в самых общих чертах об итогах проведенного исследования, то можно отметить, что структура современного уголовно-правового знания не отличается целостностью, а в науке этой отрасли права отсутствует понимание того, какой социальной целостности должно служить уголовное право и какую целостность его субъектам и институтам необходимо правообразовывать и нормовоспроизводить, при какой целостности уголовное право может выполнять свое бытийное предназначение.

При этом противопоставление отраслевого знания и философского опыта позволило вскрыть не только несовершенство состава и качества уголовного правоведения, ограниченность его источников. Оно также дало возможность

в качестве ответа на обнаруженный дефицит понимания и видения выработать универсальную модель знания, по образу и подобию которой уголовно-правовое знание должно формироваться для обеспечения своей целостности и самодостаточности. Речь идет о структуре знания, включающей в себя и совмещающей в себе ряд само- и взаимно генерирующихся составляющих: *онтологическую, аксиологическую, экзистенциональную и гносеологическую*.

Первая аккумулирует знания об обстоятельствах, при которых уголовное право остается правом, т. е. отвечает собственному назначению как средству защиты жизненно неотъемлемых и необходимых благ от насилия. *Вторая* сосредоточивает знания об условиях, при которых уголовное право служит мерой справедливости для человека и человечества в целом. *Третья* локализует знания о специфичности уголовного права и его неповторимости как среди других отраслей права, так и иных социальных регуляторов. *Четвертая* фокусирует знания о средствах и способах познания криминального мира, истинности, достоверности и полноты получаемых о нем сведений.

Таким образом, знание сможет отвечать критериям фундаментальности, достоверности и актуальности при условии, если любое представление о криминальном мире, претендующее на включение в состав уголовно-правового знания, будет проверяться на предмет соответствия и принадлежности к каждой из указанных составляющих. То есть проходить через них как сложный и разноуровневый механизм верификации.

Кроме того, из заявленных элементов конструируется не только каркас знания, по канонам которого формируются коллективное и индивидуальное мировоззрение, предпосылочные условия общежития и сожительства в нем. Также создается состоящий из этих компонентов знания оптический фокус для полноценного и обратного восприятия его носителями социальной действительности как динамически развивающейся реальности. Таким образом воспроизводится механизм, которым не только создается и транслируется в жизнь гипотетическая проекция мироустройства, но и в возвратном режиме получаются сведения о реализации на практике этой проекции со всеми возникающими на пути издержками и искажениями.

В этом плане названные составляющие образуют собой универсальный и взаимосвязанный набор критериев для целостной оценки состояния уголовного права как области знания и образования, отрасли нормотворчества и законодательства, сферы правоприменения и исполнения. С помощью этих критериев на:

– *онтологическом уровне* измеряется – остается ли уголовное правом правом, т. е. отвечает назначению как средству защиты жизненно необходимых благ от насилия, а не превращается в инструмент расправы;

– *аксиологическом уровне* оценивается – служит ли уголовное право мерой для человека и человечества в целом, а не «меркой» для обеспечения интересов наиболее влиятельных субъектов этого права;

– *экзистенциальном уровне* определяется – сохраняет ли уголовное право свою специфичность, а не трансформируется в придаток иных отраслей права;

– *гносеологическом уровне* исследуется – сохраняет ли уголовное право смысл и обеспечивает понимание субъектов знания и правоприменения, корреляционную связь между теоретической составляющей и практической.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты РСФСР, Российской Федерации

1. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» // Известия ВЦИК. – 1921, 3 июня. – № 120.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 07.06.2011 № 843-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Симакова А.В. на нарушение его конституционных прав положениями п. 3 и 15 ч. 2 ст. 37, п. 3 ч. 2 ст. 38, п. 8 ч. 1 ст. 39, ч. 3 ст. 125, ч. 6 ст. 162, п. 2 ч. 1 ст. 221, ст. 237 и ч. 2 ст. 409 УПК РФ» // Система КонсультантПлюс…
3. Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2007 № 327-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вешицкого Д.В. на нарушение его конституционных прав ч. 6 ст. 148 УПК РФ» // Система КонсультантПлюс…
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П.
5. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1932, 8 августа. – № 218.
6. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 8 августа 2006 г. № 64-Дп06-12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2011).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П.
8. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 УПК РФ в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» от 19.04.2010 № 8-П.
9. Постановление от 30 октября 2003 года № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова».
10. Ст. 394 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации».

Список литературы

Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии, статьи

1. Абеляр Петр. Теологические трактаты / Пер. с лат., коммент., ввод. ст. [с. 5–49], сост. С.С. Неретиной. – М., 1995.
2. *Августин Аврелий.* Христианская наука, или Основания Герменевтики и Церковного Красноречия. – Киев, 1835.
3. *Айвар Л.К.* О кризисе уголовной политики // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 7 (14).
4. *Аквинский Фома.* О необходимости существования вечной неподвижной субстанции // *Аристотель*. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подгот. текста С.И. Еремеев. – СПб.; Киев, 2002.
5. *Александров А.И.* Философия зла и философия преступности. – СПб., 2013.
6. *Александров А.С., Бойков А.Д., Ведерникова О.Н. и др.* Уголовное судопроизводство: теория и практика / Под ред. Н.А. Колоколова). – М., 2015.
7. *Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006.
8. *Алексеев Н.С., Шаргородский М.Д.* Актуальные вопросы советского уголовного права // Ученые записки ЛГУ. – 1954. – Вып. 5. – № 182.
9. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: учебник. 3-е изд. – М., 2003.
10. *Алексеев С.С.* Право и правовая система // Правоведение. – 1980. – № 1.
11. *Алексеев С.С.* Философия права. – М., 1999.
12. *Алпатов А.А.* Ретроспектива и современное состояние взглядов на природу права // Право. ГУ ВШЭ. – 2011. – № 3/4. – С. 5.
13. *Амельченко М.Н.* Герменевтика трудового права России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2010.
14. *Аристотель.* Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подгот. текста С.И. Еремеев. – СПб.; Киев, 2002.
15. *Арямов А.А.* К вопросу о понимании предмета истории уголовного права России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2015. – № 1.
16. *Атарщикова Е.Н.* Место и роль герменевтики в современном праве // Общество и право. – 2012. – № 5.
17. *Афанасьев В.Г.* Проблема целостности философии и биологии. – М., 1964.
18. *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 2.

19. *Базаров Р.А.* Понятие науки уголовного права и ее становление в период до 1917 года // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 3 (21).
20. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001.
21. *Барг М.А.* О двух уровнях марксистской теории исторического познания // Вопросы философии. – 1983. – № 8.
22. *Бачило И.Л.* Информационное право. Роль и место в системе права Российской Федерации // Государство и право. – 2001. – № 2.
23. *Бачинин В.А.* Антропосоциология и метафизика портрета // Человек. –2004. – № 4.
24. *Безверхов А.Г., Коростелев В.С.* Служебные хищения имущества: тенденции и перспективы развития норм // Законодательство. – 2014. – № 4.
25. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Пер. с ит. Ю.М. Юмашева. – М., 2000.
26. *Беляева О.М.* Понятие и сущность юридической герменевтики // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 8.
27. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. – М., 1998.
28. *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М., 1990.
29. *Бердяев Н.А.* Философия свободы / Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М., 2004. – С. 95.
30. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. / Пер. с англ. Н.Р. Никонова при участии Н.Н. Деевой. – М., 1998.
31. *Берман Г.Дж.* Вера и закон: примирение права и религии. – М., 1999.
32. *Бернгейм Э.* Философия истории, ее история и задачи. – М., 1909.
33. *Бернштейн Э.* Исторический материализм. – СПб., 1901.
34. *Блауберг И.В.* Целостность и системность // Системные исследования. Ежегодник, 1977. – М., 1977.
35. *Блохинцев Д.И.* Основы квантовой механики. – М., 1961.
36. *Богдановский А.М.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. – М., 1857.
37. *Богородский С.О.* Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. – Киев, 1862. Т. 1.
38. *Бойко А.И.* Отзыв официального оппонента о диссертации А.И. Ситниковой «Законодательная текстология уголовного права» // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 2.

39. *Бойко А.И., Голик Ю.В., Елисеев С.А.* и др. Ошибки в Уголовном кодексе. Постоянные изменения в УК наполнили его противоречиями // Российская газета. – 2010, 10 июня.
40. *Бом Д.* Причинность и случайность в современной физике. – М., 1959.
41. *Борев Ю.Б.* Эстетика: учебник. – М., 2002.
42. *Боронбеков С.* Уголовное право: понятие, предмет, метод, система, задачи и функции: монография. – Рязань, 2005.
43. *Бродский И.А.* Избранное. – М., 2010.
44. *Будзинский С.* Начала уголовного права. – Варшава, 1870.
45. *Бурдье П.* Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб., 2001.
46. *Бычков В.В., Маньковская Н.Б.* Виртуальная реальность как феномен современного искусства // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – М., 2006. Вып. 2.
47. *Валицкий А.* Послесловие к публикации «жизнеописания» С.И. Гессена // Вопросы философии. – 1994. – № 7/8.
48. *Васильев С.Ф.* Метафилософия и компаративистика. – М.; Берлин, 2014.
49. *Вебер М.* Основные социологические понятия. Избранные произведения / Пер. с нем. М.И. Левиной.– М., 1990.
50. Великие русские старцы: Житие, чудеса, духовные наставления. – М.,2000.
51. *Верина Г.В.* Наука уголовного права, концепция, концептуальные основы российского уголовного законодательства: сущность и соотнесение понятий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 4 (117).
52. *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб., 2001.
53. *Вилесов Ю.Ф., Лазарев Ф.В.* Взаимосвязь между законами и понятиями в физике // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. – 1999. – № 6.
54. *Виндельбанд В.* Избранное: Дух и история / Пер. с нем. М.И. Левиной. – М., 1995.
55. *Власенко Н.А.* О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. – 2014. – № 8.
56. *Воденко К.В.* Наука в современном обществе: социальные и экзистенциальные причины кризиса рационализма и пути его преодоления // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 9 (40).
57. *Волгин И.Л.* Поверх барьеров. Загадка «Дневника писателя» // *Ф.М. Достоевский.* Дневник писателя: в 2 т. Т. 1 / Вступ. ст. И. Волгина, коммент. В. Рака, А. Архиповой, Г. Галаган. – М., 2011.

58. *Волженкин Б.В.* Мифы уголовной статистики и реальности экономической преступности или реальности уголовной статистки и мифы об экономической преступности // Уголовное право в XXI в.: матер. междунар. конф. на юрид. фак-те МГУ. – М., 2002.
59. *Волженкин Б.В.* Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). – СПб., 2008.
60. *Волков А.В.* Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (Анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом). – Специально для системы ГАРАНТ, 2012.
61. *Воробьев Д.В., Сироткина А.А.* Виртуальная реальность как категория социальной философии, или Что такое виртуальная реальность? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – № 4 (12).
62. *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте: Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. 2-е изд. – М., 2010.
63. *Гавриш Б.С., Фесенко Е.В.* Концептуальные вопросы применения криминального законодательства Украины // Новый криминальный кодекс Украины: вопросы применения и изучения: матер. междунар. науч.-практ. конф. 2001. – Харьков, 2002.
64. *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. – М., 1980.
65. *Гартман Н.* Систематическая философия в собственном изложении // Фауст и Заратустра: сб. ст. нем. мыслителей начала XX в. – СПб., 2001.
66. *Гартман Н.* Этика. – СПб., 2002.
67. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии. – М., 1977.
68. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. – М., 1990.
69. Гегель // Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа / Отв. ред. Е.П. Ситковский; редкол.: Б.М. Кедров и др. – М., 1977.
70. *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. – М., 2007.
71. *Генон Р.* Восток и Запад = Orient et Occident / Пер. с фр. Т.Б. Любимова. – М., 2005.
72. *Георгиевский Э.В.* К вопросу о Законе Русском и его уголовно-материальных установлениях // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 4.
73. *Георгиевский Э.В.* Убийство в уголовном праве Древней Руси // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 2.
74. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М., 1977.

75. *Гернет М.Н.* Месяц за границей (Доклад пленарному заседанию Госуд. ин-та по изучению преступности 20 января 1926 г.). Вып. 1. – М.–Л., 1926.
76. *Герцензон А.А.* Об объеме содержания советской науки уголовного права / *А.А. Герцензон* // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925–1945): Тезисы докладов / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М., 1946.
77. *Герцензон А.А.* Сорокалетие советской науки уголовного права и вопросы изучения преступности и ее причины // Межвузовское научное совещание «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки»: тезисы докладов. – Л.: , 1957.
78. *Герье В.И.* Философия истории от Августина до Гегеля. – М., 1915.
79. *Гессен С.И.* Философия наказания // Логос. – М., 1912–1913. Кн. 1 и 2.
80. *Гладких В.И.* О некоторых тенденциях современного уголовного законотворчества // Вестник Университета (Гос. ун-т управления). – 2012. – № 14-1.
81. *Гладких В.И.* Еще раз о кризисе российской уголовной политики // Вопросы правоведения. – 2013. – № 4 (20).
82. *Глебов А.П.* Правовая система России и ее развитие // Российское государство и правовая система. Современное развитие, проблемы, перспективы / Под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж, 1999.
83. *Гоббс Т.* К читателю. О теле Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1964.
84. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М., 2011.
85. *Гобозов И.А.* Введение в философию истории. 2-е изд. – М., 1999.
86. *Говорунов А.В.* Человек в ситуации виртуальной реальности // Информационное общество. – 2001. – № 1.
87. *Голик Ю.В.* Философия уголовного права: сб. – СПб., 2004.
88. *Голик Ю., Коробеев А., Мысловский Е.* Может ли испытывать «симптомы кризиса» то, чего не существует // Уголовное право. – 2007. – № 1.
89. *Голик Ю.В.* Историзм как принцип науки уголовного права // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы Первой Всероссийской науч.-практ. конф. (22 мая 2015 г.). – Краснодар, 2016.
90. *Горелов А.А., Горелов Т.А.* «Расщепленный» человек и идея Всеединства // Человек. – 2004. – № 5.
91. *Горохов В.Г.* Концепции современного естествознания и техники: учеб. пособие. – М., 2000.

92. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. Опыт социологической диагностики. – М., 2011.
93. *Грицанов А., Румянцева Т., Можейко М.* История Философии: энциклопедия. – Минск, 2002.
94. *Грицанов А.А.* Проблемы эволюции природы человека в метаисторической перспективе // Спектр антропологических учений. Вып. 3 / ИФ РАН; отв. ред. П.С. Гуревич. – М., 2010.
95. *Гроций Г.* О праве войны и мира. Репринт с изд. 1956 г. – М., 1994.
96. *Гумбольдт фон В.* О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
97. *Гурвич Г.Д.* Философия и социология права: избранные сочинения / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. – СПб., 2004.
98. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд. – М., 1984.
99. *Гуревич П.С.* Философия человека. Ч. 2. – М., 2001.
100. *Гусейнов А.А., Иррлитц Г.* Краткая история этики. – М., 1987.
101. *Гусейнов А.А., Степин В.С.* и др. Пути развития философии права в России // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1 (10). – С. 9–49.
102. *Данилов Ю.А.* Синергетика // Прекрасный мир науки: сб. / Сост. А.Г. Шадтина; под общ. ред. В.И. Санюка, Д.И. Трубецкого. – М., 2008.
103. *Декарт Р.* Начала философии // *Р. Декарт*. Избранные произведения. – М., 1950.
104. *Делез Ж.* Актуальное и виртуальное // Альманах «Восток». – 2006. – № 3 (39).
105. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. – М., 2009.
106. *Демидова Н.Г.* О возможности использования синергетики в правоведении // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 4 (68).
107. *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. – М., 1993.
108. *Дидро Д.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. – М., 1940.
109. *Дильтей В.* Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М., 1987.
110. *Дильтей В.* Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – № 4.
111. *Дильтей В.* Сущность философии. – М., 2001. – С. 7.
112. *Дмитриев А.В.* Насилие как средство решения конфликтов // Общество и право. – 2004. – № 4 (6).
113. *Долгова О.А.* Феномен понимания в структуре познавательной деятельности: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2004.

114. *Доронин С.И.* Квантовая магия. – СПб., 2007.
115. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя / Сост., коммент. А.В. Белов; отв. ред. О.А. Платонов. – М., 2010.
116. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 11. – Л., 1993.
117. *Дубовик О.Л.* Культурно-исторические корни отечественного уголовного права // Государство и право. – 2019. – № 5.
118. *Духовской М.В.* Задачи науки уголовного права. Вступительная лекция, читанная 3 октября 1872 года // Временник Демидовского юридического лицея. – Ярославль: Тип. Губернского правления, 1873. Кн. 4.
119. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примеч. В.В. Сапова. – М., 1996.
120. *Егорова Н.А.* О некоторых проблемах развития науки уголовного права // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.В. Векленко. – Омск, 2012.
121. *Есипов В.В.* Грех и преступление, святотатство и кража. – СПб., 1894.
122. *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая: преступление и преступники. Наказание и наказуемые. 2-е изд. – СПб., 1898.
123. *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. 3-е изд., доп. – М., 1904.
124. *Жалинский А.Э.* О методологических основаниях уголовного права // Уголовное право. – 2000. – № 3.
125. *Жалинский А.Э.* Современное немецкое уголовное право. – М., 2006.
126. *Жалинский А.Э.* Наука современного уголовного права // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр. Серия: Правоведение. – М., 2007.
127. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – М., 2008.
128. *Жалинский А.Э.* К вопросу об инструментальной оценке справедливости и эффективности мер уголовной ответственности // Уголовное право и современность: сб. ст. Вып. 2 / Науч. ред. А.Э. Жалинский, отв. ред. С.А. Маркунцов. – М., 2009.
129. *Жалинский А.Э.* Современные проблемы развития учения о составе преступления // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения к 85-летию со дня рождения В.Н. Кудрявцева. – М., 2009.
130. *Жалинский А.Э.* Уголовно-правовые транснациональные конфликты в сфере экономики // Закон. – 2011. – № 9.

131. *Жалинский А.Э.* Избранные труды: в 4 т. Т. 2: Уголовное право / Сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная, А.А. Попов; отв. ред. О.Л. Дубовик. – М., 2015.
132. *Жданов А.А.* Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западно-европейской философии». – М., 1947.
133. *Жижиленко А.А.* К вопросу о прошлом и будущем русской науки уголовного права // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1915. – № 45.
134. *Жуков В.Н.* Юридическая наука и ценности // Государство и право. – 2018. – № 1.
135. *Жуков В.Н.* Антропология в философии права: постановка проблемы // Государство и право. – 2019. – № 3.
136. *Жуков В.И.* Сбережение населения: национальные интересы, мораль и право // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М., 2019.
137. *Загородников Н.И., Сахаров А.Б.* Демократизация советского общества и проблемы науки уголовного права // Советское государство и право. – 1990. – № 12.
138. *Зайцева Н.Р.* Историософия как сфера метафизического поиска: проблемное поле, специфика концептуальных построений, методология исторического моделирования. – М., 2005.
139. *Закаев А.Х.* Понятие уголовной ответственности в законодательстве и науке уголовного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 2 (115).
140. *Заславская Т.И., Ядов В.А.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.
141. *Захаров В.Д.* Метафизический образ мира // Метафизика. – 2012. – № 1 (3).
142. *Зеньковский В.В.* Глава XI: «Почвенники». Аполлон Григорьев. Н.Н. Страхов. Ф.М. Достоевский // История русской философии. 2-е изд. – Париж, 1989.
143. *Зорькин В.Д.* Право в условиях глобальных перемен. – М., 2013.
144. *Иванищев Н.* О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германской вирою. – Киев, 1840.
145. *Иванов С.А., Недайвозов В.С., Ступницкий А.И.* История развития преступлений против общественной безопасности. – Ставрополь, 2015.
146. *Ивин А., Никифоров А.* Словарь по логике. – М., 1997.
147. *Игнатов А.Н.* Уголовное право. Общая часть. Лекция 1. Введение в изучение уголовного права. Уголовный закон. – М., 1999.
148. *Игнатов А.Н.* Уголовный кодекс за 10 лет применения // Российская юстиция. – 2006. – № 6.

149. Изложение учения Сен-Симона / Пер. с фр. Е. Ландау. – М.; Л., 1947.
150. *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. – СПб., 1994.
151. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. – М., 2006.
152. *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М., 2006.
153. *Ильин И.А.* Русская революция была катастрофой // Наши задачи: статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. Т. 1. – М., 2008.
154. *Ильин И.А.* Теория права и государства. 2-е изд., доп. / Под ред. В.А. Томсинова. – М., 2008.
155. *Ильин И.А.* О духовности права. Избранное. – М., 2015.
156. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования «Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды» // Исследование осуществлено научной группой ФНИСЦ РАН при финансовой поддержке РНФ (проект 14-28-00218). – М., 2018.
157. *Исаев М.М.* К вопросу об оценке идей классической школы уголовного права в первой половине XIX века // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925–1945): тезисы докладов. – М., 1946.
158. *Кальной И.И.* Философия истории. – Симферополь, 2004.
159. *Кальной И.И.* Философия права: учебник. – СПб., 2006. – С. 510.
160. *Канке В.А.* Философия. – М., 2000.
161. *Кара-Мурза С.Г.* Кризисное обществоведение. Ч. 1: курс лекций. – М., 2011.
162. *Кара-Мурза С.Г.* Кризисное обществоведение. Ч. 2: курс лекций. – М., 2012.
163. *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. – СПб., 1883.
164. *Карнап Р., Хан Х., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. – 2005. – № 2 (47).
165. *Карсавин Л.П.* Философия истории. – СПб., 1993.
166. *Касавин И.Т.* О дескриптивном понимании истины // Философские науки. – 1990. – № 8. – С. 64.
167. *Касавин И.Т.* Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. – СПб., 2000.
168. *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. – М., 2004.
169. *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. 7. – № 1.
170. *Касавин И.Т.* Истина // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 2. – М., 2010.

171. *Касавин И.Т.* Источники знания: проблема «testimonial knowledge» // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. XXXV. – № 1.
172. *Кассирер Эрнст.* Философия символических форм. Мифологическое мышление. Т. 2. – М.; СПб., 2002.
173. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М., 2000.
174. *Кауфман М.А.* Аналогия в уголовном праве: мифы и реальность // Российская юстиция. – 2005. – № 12.
175. *Кауфман А.* Философия права, теория права, правовая догматика // Государство и право. – 2019. – № 5.
176. Качество уголовного закона: проблемы Особенной части / Отв. ред. А.И. Рарог. – М., 2017.
177. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве: сб. / Пер. с нем. С.В. Лезова, Ю.С. Пивоварова. Вып. 1. – М., 1987.
178. *Кениспаев Ж.К.* Философия сознания: онтология, гносеология, праксиология: дис. ... д-ра филос. наук. – Барнаул, 2006.
179. *Кенэ Ф.* Естественное право // *Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур.* Физиократы. Избранные экономические произведения. – М., 2008.
180. *Кенэ Ф.* Очевидность (метафизика) // *Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур.* Физиократы. Избранные экономические произведения. – М., 2008.
181. *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. – М., 2014.
182. *Керимов Д.А.* Будущее российского правоведения / Культура и техника законотворчества. – М., 1991.
183. *Керимов Д.А.* Методологические функции философии права // Государство и право. – 1995. – № 9.
184. *Керимов Д.А.* Философия и философия права // Право и образование. – 2002. – № 5.
185. *Керимов Д.А.* Избранные произведения: в 3 т. – М., 2007.
186. *Керимов Д.А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. – М., 2009.
187. *Кибальник А.Г.* Традиции и новации в уголовном праве: очевидное и невероятное // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5 (22).
188. *Кириченко В.Ф.* Вопросы советского уголовного права в свете работ и высказываний товарища И.В. Сталина // Советское государство и право. – 1950. – № 2 (февраль).

189. *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 3-е изд. – Киев, 1891.
190. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. – СПб., 1999.
191. *Клеандров М.И.* Философия права и правосудие // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М., 2019.
192. *Клейн Ф.* Неевклидова геометрия / Пер. с нем. Н.К. Брушлинского. – М.; Л., 1936.
193. *Ковальчук М.В.* Нанотехнологии – фундамент новой наукоемкой экономики XXI века // Российские нанотехнологии. – 2007. – Т. 2. – № 1/2.
194. Кодекс раскроили в лоскуты. Молодые юристы предлагают принять новый УК // Российская газета. – 2010, 16 сент.
195. *Кожевников С.Н.* Некоторые особенности государства и права современной России в переходный период // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1.
196. *Козаченко И.Я., Козаченко Е.Б.* Размышления о метаправовом познании науки уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. восьмой междунар. науч.-практ. конф. 27–28 января 2011 г. – М., 2011.512
197. *Козлихин И.Ю.* Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении. – Саратов, 2007.
198. *Козлихин И.Ю.* Лев Толстой как зеркало русского правосознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2014. – № 4.
199. *Коловоротный С.В.* Виртуальная реальность: манипулирование временем и пространством // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2003. – № 1.
200. *Колпаков В.А.* Кризис экономической науки как потеря жизненной значимости // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. 12. – № 2.
201. *Колчинский Э.И.* Наука и кризисы в XX в.: некоторые результаты сравнительного анализа // Экономический вестник Ростов. гос. ун-та. – 2006. –Т. 6. – № 3.
202. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 2000.
203. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 6-е изд. / Отв. ред. В.М. Лебедев. – М., 2006.
204. *Кондорсе Ж.А.Н.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. – М., 1936.

205. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М., 2010.
206. *Копылов В.А.* Информационное право. – М., 2002.
207. *Коркунов Н.М.* История философии права. 7-е изд. – М., 2011.
208. *Корет Эмерих.* Основы метафизики / Пер. с нем. В. Терлецкого. – Киев, 1998.
209. *Косцова И.П.* Герменевтический метод толкования норм права: историческая и юридическая дивергенция // Вестник Национального университета «Львовский политехник». Серия: Юридические науки. – 2015. – № 827.
210. *Кудрявцев В.Н.* Общественные науки: переоценка ценностей // Вестник АН СССР. – 1989. – № 8.
211. *Кудрявцев В.Н.* Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. – М., 2002.
212. *Кудрявцев В.Н.* Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. – 2006. – № 5.
213. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступления. – М., 2006.
214. *Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф., Комиссаров В.С., Лунеев В.В.* Конституция – это закон и для Государственной Думы // Государство и право. – 2007. – № 5.
215. *Кудрявцев В.Л.* Конституционно-правовое уголовное судопроизводство: миф или правовая реальность? // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 3 (4).
216. *Кузанский Н.* О видении Бога // Николай Кузанский. Соч. Т. 2. – М., 1979.
217. *Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Моледжян К.Х.* Философия: учебник. – М., 2004.
218. *Кузьминов Я.И., Яковлев А.А.* Модернизация экономики: глобальные тенденции, базовые ограничения и варианты стратегии. – М., 2002.
219. *Кургузкина Е.Б.* Понимание преступного // Философские науки. – 2008. – № 5.
220. Курс советского уголовного права. Часть общая. – Л., 1968. Т. 1.
221. Курс уголовного права: в 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой, Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. – М., 2002.
222. *Кэндзюро Я.* Философия истории. – М., 1969.
223. *Лапаева В.В.* Современное состояние и перспективы российской теории права и государства // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4 (1).
224. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. – М., 2006.
225. *Ларина Л.Ю.* Субъекты уголовно-правового отношения в науке советского уголовного права // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2017. – № 1.
226. *Ларионов И.Ю.* Виртуальная реальность: добродетель и преступление // Виртуальное пространство культуры: матер. науч. конф. 11–13 апреля 2000 г. – СПб., 2000.

227. *Ласло Э.* Век бифуркации. Постижение изменяющегося мира // Путь. –1995. – № 7.
228. *Лебедев С.А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). – М., 2008.
229. *Левкин В.Е.* Психические состояния и общее состояние человека (из серии «Аспекты философии психологии») // Человек в зеркалах гуманитарного познания: сб. ст. – Тюмень, 2002.
230. *Левченкова Т.А.* Герменевтический метод как один из методов науки финансового права // Финансовое право. – 2011. – № 5.
231. *Лейбниц Г.В.* О глубинном происхождении вещей. Соч.: в 4 т. Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов; пер. Я.М. Боровского и др. – М., 1982.
232. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М., 2001.
233. *Лекторский В.А.* Что есть знание? // Знание как предмет эпистемологии / ИФ РАН; отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2011.
234. *Лисицын-Светланов А.Г.* Философия права: классические идеи и вызовы современности // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М., 2019.
235. *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть: разрешенный автором перевод с 12-го переработанного издания / Пер. Ф. Ельяшевич; предисл. М.В. Духовской. – М., 1903.
236. *Лихтер П.Л.* «Антропологический поворот» в правовой науке: благо или зло? // Государство и право. – 2019. – № 4.
237. *Лоба В.Е., Малахова А.С.* Развитие учения о субъекте преступления в отечественной науке уголовного права XIX – начала XX столетия // Уголовная юстиция. – 2017. – № 1 (9).
238. *Лосский Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимание. – Нью-Йорк, 1953.
239. *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. – М., 1977.
240. *Лукашева Е.А.* Права человека в современном мироустройстве // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М., 2019.
241. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. – СПб., 2007.
242. *Лунеев В.В.* Наука криминального цикла и криминологические реалии // Всероссийский криминологический журнал. – 2007. – № 1/2.

243. *Лунеев В.В.* Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. – 2007. – № 5.
244. *Лунеев В.В.* Кому оно служит, уголовное законодательство? // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 2 (2).
245. *Лунеев В.В.* Проблемы российского уголовно-правового законотворчества (Ч. I) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 2 (29).
246. *Люблинский П.И.* К вопросу о русской науке уголовного права и чужеземных влияниях // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1915. – № 47; № 48.
247. *Майнцер К.* Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / Пер. с англ., под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. – М., 2009.
248. *Макаренко О.В.* Деньги в условиях перехода от индустриального общества к информационному // Россия как цивилизация денег / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. – Волгоград, 2008.
249. *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Вестник РАН. – 2003. – Т. 73. – № 5.
250. *Маклецов А.В.* Наука уголовного права в Советской России // Закон и Суд: Вестник Русского юридического общества. – 1930. – № 11–12 (май–июнь).
251. *Максуров А.А., Таланова М.В.* Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур. – М., 2014.
252. *Малахов В.С.* Государство в условиях глобализации. – М., 2007.
253. *Мальцев В.В.* Курс российского уголовного права. Общая часть: в 4 т. Т. III. Преступление. Кн. I: Категория «преступление» в уголовном праве: науч. исследование. – М., 2017.
254. *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999.
255. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. – М., 2013.
256. *Мамардашвили М.К.* Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). – М., 1997.
257. *Мамардашвили М.* Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). – СПб., 2012.
258. *Маннгейм К.* Идеология и утопия. – М., 1997.
259. *Маньковский Б.С.* Чезаре Беккариа и наука уголовного права // Советское государство. – 1938. – № 4.
260. *Маньковский Б.С.* К вопросу о предмете науки уголовного права // Советское государство. – 1938. – № 5.
261. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1961.
262. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права; Нищета философии / Пер. с фр. и нем.; вступ. ст. Л. Аксельрод, С. Булгакова. – М., 2007.

263. *Маркунцов С.А.* Теория уголовно-правового запрета: дис. ... д-ра канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2015.
264. *Марченко М.Н.* Государство и право переходного типа // Проблемы теории государства и права. – М., 1999.
265. *Марченко М.Н.* О признаках «системы» и системном характере права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1 (5).
266. *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2016.
267. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003.
268. *Мильнер Б.М.* Управление знаниями. Эволюция и революция в организациях // Проблемы теории и практики управления. – М., 2003.
269. *Милюков П.Н.* Почему русская революция была неизбежна? // Русская идея: в 2 т. Т. 2 / Сост. В.М. Пискунов. – М., 1994.
270. *Минаков А.* Некоторые психологические свойства и особенности Интернета как нового слоя реальности. – URL: http://vspu.ac.ru/vip/index.html.
271. *Миронов В.В.* Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2006. – № 4.
272. *Миронов В.В.* Предметное самоопределение метафизики // Метафизика. – 2011. – № 1.
273. *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Т. 1. – Томск, 1914.
274. *Мокринский С.П.* Система и методы науки уголовного права // Вестник Права. – 1906. – Кн. 3.
275. *Молчанов Б.А., Анциферова Ю.С.* Теория науки уголовного права: исторический опыт и современные реалии (на примере научных школ уголовного права XIX – начала XX века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2017. – Т. 7. – № 4 (25).
276. *Мудрагей Н.С.* Философия: трудности становления и путь // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2005.
277. *Мур Д.* Принципы этики. – М., 1984.
278. *Мухамадиев Р.Ш.* Г. Шпет: Герменевтика социального бытия // Философия и общество. – 2008. – № 4.
279. *Мухин Р.Р.* Развитие концепции динамического хаоса в СССР. 1950–1980-е годы: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. – М., 2010.
280. *Мякишев Г.Я.* Общая структура фундаментальных физических теорий и понятие состояния // Физическая теория. – М., 1980.

281. Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2005. – С. 587.
282. *Набоков В.Д.* К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1915. – № 44.
283. *Наумов А.В.* Обновление методологии науки уголовного права // Советское государство и право. – 1991. – № 12.
284. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций: в 2 т. Т. 1: Общая часть. 3-е изд. – М., 2004.
285. *Наумов А.В.* Теория уголовного права не должна сводиться к анализу и критике уголовного законодательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – № 1.
286. *Наумов И.М.* Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. – СПб., 1813.
287. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. – М., 2005.
288. *Нейман И.* Начальные основания уголовного права. – СПб., 1814.
289. *Нейман фон И.* Математические основы квантовой механики. – М., 1964.
290. *Нерсесянц В.С.* Перестройка и правовое мышление // Советское государство и право. – 1987. – № 9.
291. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учебник для вузов. – М., 1997; 2000.
292. *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция – наука о свободе // Законодательство и экономика. – 1997. – № 17–18.
293. Нерсесянц В.С. Типология правопонимания // Право и политика. – 2001. – № 10. – С. 4.
294. *Нерсесянц В.С.* Философия права // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 / ИФ РАН; под ред. В.С. Степина. – М., 2010.
295. *Нерсесянц В.С.* «Образ врага» – автопортрет общества // Платон. – 2014. – № 4.
296. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. межд. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. межд. проекта Б.Н. Кузык. – М., 2010.
297. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1960.
298. *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. Т. 1. – М., 1990.
299. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла: сочинения. – М.; Харьков, 2008.
300. Новейший философский словарь. 3-е изд. – Минск, 2003.
301. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / ИФ РАН; под ред. В.С. Степина. – М., 2000–2001.

302. *Новгородцев П.И.* Идея права в философии Вл.С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. – М., 1901. Гл. XII. Кн. 56 (I).
303. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии / Соч. – М.; Л., 1936. Т. 7.
304. Оборона Пскова от Стефана Батория // Библиотека всемирной литературы. Былины. – М., 2008.
305. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2016.
306. *Ойзерман Т.И.* Метафилософия. Теория историко-философского процесса. – М., 2009.
307. *Ойзерман Т.И.* Амбивалентность философии. – М., 2011.
308. *Онкен А.* Система физиократов // *Ф. Кенэ*, *А.Р.Ж. Тюрго*, *П.С. Дюпон де Немур* / Физиократы. Избранные экономические произведения. – М., 2008.
309. Опросы «Интернет в России» / Фонд «Общественное мнение». – 2008. – Вып. 23. – № 3.
310. *Осипов Г.В., Степашин С.В.* Экономика и социология знания. – М.: Наука, 2009.
311. Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. – М., 1996.
312. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. – 2006. – № 4.
313. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М., 2013.
314. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1955.
315. *Панарин А.С.* Народ без элиты: между отчаянием и надеждой. – М., 2006.
316. *Пермяков Ю.Е.* Возвращение к метафизике в научном познании права // Право и общество в эпоху перемен. – М., 2008.
317. *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм / Коммунистическая Академия. Секция права и государства; Е.Б. Пашуканис. – 3-е изд. – [М.], 1927.
318. *Пашуканис Е.Б.* Пролетарское государство и построение бесклассового общества – М.: Партиздат, 1932.
319. *Петражицкий Л.И.* Права добросовестного владельца. – СПб., 1897.
320. *Петраков Н.Я.* Развитие отношений собственности в России // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2005. – № 3 (24).
321. *Пивоваров Ю.С.* Истоки и смысл русской революции // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 5.

322. *Пионтковские А.А., А.А. и А.А.* Смертная казнь в Европе. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. Публицистика на уголовно-политические темы / Отв. ред. и автор предисл. В.А. Томсинов. – М., 2013.
323. *Пирсон Х.* Бернард Шоу. – Ростов н/Д., 1997.
324. *Платон*. Горгий (484, c-d). Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. – М., 1990.
325. *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. – 2004. – № 4.
326. *Поздняков Э.А.* Философия преступления. – М., 2001.
327. *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть. 2-е изд. – М., 1912.
328. *Покровский И.А.* «Иррациональное» в области права. – М., 1915.
329. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. 3-е изд. – М., 2001.
330. Полный курс уголовного права: Преступление и наказание: в 5 т. Т. 1 / Под ред. А.И. Коробеева. – СПб., 2008.
331. *Поляков А.В.* Общая теория права проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. – М., 2016.
332. *Попечителев Е.П.* Система технических методов управления состоянием человека // Физиотерапевт. – 2010. – № 11.
333. *Попов Е.А.* Право и нормы права в аспекте социального и философского знания // Вопросы правоведения. – 2013. – № 5.
334. *Попов Е.А.* Ценностно-смысловой ракурс структур повседневности // Философия и культура. – 2011. – № 12 (48).
335. *Поппер К.* Логика научного исследования. – М., 2004.
336. *Порус В.Н.* Спор о научной рациональности // Философские науки. – 1997. – № 3.
337. *Порус В.Н.* Т.С. Кун // Новая философская энциклопедия / ИФ РАН. 2-е изд. – М., 2010.
338. *Порус В.Н.* Выбор интерпретаций как проблема социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. 31. – № 1.
339. *Порус В.Н.* Междисциплинарность как тема философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. 38. – № 4.
340. Право и общество в эпоху перемен: матер. философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский, М.М. Славин. – М., 2008.
341. Правовая система социализма: в 2 кн. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи / Отв. ред. А.М. Васильев. – М., 1986.
342. *Пригожин А.И.* Методы развития организаций. – М., 2003.

343. Проблема человека в современной философии / Ин-т философии АН СССР. – М., 1969.
344. *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Общая часть. Вып. I. – Юрьев, 1912.
345. *Рагимов И.М.-о*. Философия преступления и наказания. – СПб., 2013.
346. *Радаев В.В.* Что такое рынок: экономико-социологический подход. Препринт P15WP4/2006/07. – М., 2006.
347. *Радищев А.Н.* Избранные философские и общественно-политические произведения. – М., 1952.
348. *Радченко В., Жалинский А.* Уголовный закон: Большая имитация реформы // Ведомости. – 2011, 23 июня.
349. *Радченко В., Жалинский А.* Политика изгнания бизнеса // Ведомости. – 2011, 24 июня.
350. *Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В.* и др. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. – 2008. – № 8.
351. *Райков А.Н.* Виртуальное пространство доверия // Информационное общество. – 2006. – № 5/6.
352. *Рарог А.И.* Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: матер. восьмой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 янв. 2011 г.). – М., 2011.
353. *Рарог А.И.* Метаморфозы российской уголовно-правовой политики и система наказаний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. X междунар. науч.-практ. конф. (24–25 января 2013 г.). – М., 2013.
354. *Рарог А.И.* Уголовный кодекс против терроризма // Lex Russica. – 2017. – № 4 (125).
355. *Рассолов И.М.* Информационное право: анализ и решение практических задач. – М., 1998.
356. *Рассолов И.М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд. – М., 2009.
357. *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. – М., 1996.
358. Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Советское государство и революция права. – 1931. – № 3 (март)
359. Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладу тов. Крыленко // Советское государство и революция права. – 1931. – № 4 (апрель).

360. Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) ИКП ССР и ИССП Комакадемии по докладу т. Пашуканиса «Проблемы государства и права в свете решений XVII партконференции» // Советское государство. – 1932. – № 5–6 (май–июнь).
361. Резолюция пленума Всесоюзной ассоциации обществ марксистов-государственников по докладам товарищей Бермана и Климова // Советское государство и революция права. – 1931. – № 9 (сентябрь).
362. *Резцов Л.* Правоотношение и право-норма (Теория Е. Пашуканиса, как рецидив буржуазно-правового индивидуализма) // Советское государство и революция права. – 1930. – № 8–9 (август–сентябрь).
363. *Редкин П.* Об уголовной кодификации // Юридические записки. Т. 2.– М., 1842.
364. Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2015.
365. Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2012.
366. Реформа советского уголовного права // Революция права. – 1929. – № 5 (сентябрь–октябрь).
367. Рецензия на монографию С.А. Бочкарева «Философия уголовного права: постановка вопроса». – М., 2019.
368. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовина. – М., 1995.
369. *Риккерт Г.* Философия истории. – Киев, 1998.
370. *Рихтер К.К., Пахомова Н.В.* Мировой кризис, ответственность ученых и драйверы развития экономической науки // Вестник СПбГУ. Серия 5. – 2009. – Вып. 3.
371. *Родионова Т.А.* Роль науки уголовного права в становлении и развитии отечественного уголовного законодательства до XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 27 (318).
372. *Розанов В.В.* Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции. – СПб., 1906.
373. *Розанов В.В.* О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / Ред. и коммент. В.Н. Сукача, вступ. ст. В.В. Бибихина. – М., 1995.
374. *Розенфельд Н.А.* Некоторые аспекты необходимости введения понятия «виртуальный предмет преступления» в теорию уголовного права // Известия Саратовского ун-та. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2007. – Т. 7. – № 2.
375. *Розин В.М.* Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. – М., 2004.

376. *Росси П.Л.* Основные начала уголовного права / Пер. с фр. Г. Козополянского. – СПб., 1871.
377. *Рулан Н.* Юридическая антропология. – М., 1999.
378. *Рулан Н.* Историческое введение в право: учеб. пособие для вузов. – М., 2005.
379. Русская философия: словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. – М., 1995.
380. *Рыженков А.Я.* Философия гражданского права И. Канта // Гражданское право. – 2016. – № 5.
381. *Рыженков А.Я.* Гегелевская философия гражданского права // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1.
382. *Рязанова О.Е.* Новые тенденции в развитии института собственности в условиях финансовой экономики // Вопросы экономики и права. – 2009. – № 8.
383. *Саввин А.М.* Исследование предмета уголовного права в отечественной юридической науке // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2015. – № 1.
384. *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. – 2019. – № 4.
385. *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М., 2019.
386. *Савюк Л.К.* О некоторых аспектах уголовно-правовой статистики в свете Федерального закона «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» // Уголовное право и современность: сб. ст. Вып. 2 / Науч. ред. А.Э. Жалинский; отв. ред. С.А. Маркунцов. – М., 2009.
387. *Саккетти А.Л., Желудков А.А.* Гуго Гроций и его трактат «О праве войны и мира». – М., 1994.
388. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М., 2000.
389. *Севальников А.Ю.* Понять метафизику // Метафизика. – 2011. – № 2.
390. *Семитко А.П.* Российская правовая система // Теория государства и права. – Екатеринбург, 1996.
391. *Семякин М.Н.* Философская рефлексия гражданского (частного) права: продолжение старых традиций или новый цивилистический концепт? // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1 (88).
392. *Сергеевский Н.Д.* Преступление и наказание как предмет юридической науки // Юридический вестник. – 1879. – Т. 2. – № 12.

393. *Сергеевский Н.Д.* Философские приемы и наука уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права: январь и февраль: издание Санкт-Петербургского юридического общества. Кн. 1. – СПб., 1879.
394. *Сергеевский Н.Д.* Избранные труды / Отв. ред. А.И. Чучаев. Серия: Право. – М., 2008.
395. *Сигалов К.Е.* Среда права: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010.
396. *Симанов А.Л.* Понятие «состояние» как философская категория. – Новосибирск, 1982.
397. *Синельников Б.М., Горшков В.А., Свечников В.П.* Системный подход в научном познании. – М., 1999.
398. *Сканлан Д.* Достоевский как мыслитель = Dostoevsky the Thinker / Пер. с англ. Д. Васильевой и Н. Киреевой. – СПб., 2006.
399. *Скирбек Г., Гилье Н.* История философии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Пер. с англ. В.И. Кузнецова; под ред. С.Б. Крымского. – М., 2000.
400. Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность. Аналитический доклад Института комплексных социальных исследований РАН. – М., 2005.
401. *Соловьев В.* Философское начало цельного знания. – Минск, 1999.
402. *Соловьев В.* Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. – М., 2012.
403. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. Ч. 2: Дух народа. – М., 2010.
404. *Солонин Ю.Н.* Целостность как методологический принцип в культуроведении // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 4 (70).
405. *Сорокин В.В.* Теория государства и права переходного периода: учебник. – Новосибирск, 2008.
406. *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Вступ. ст., сост. и примеч. В.В. Сапова. – М., 2006.
407. Социальное знание на службе российского общества / Научный совет Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания». – М., 2010.
408. Социокультурные факторы консолидации российского общества. – М., 2013.
409. Социология. Основы общей теории: учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М., 2003.
410. *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Т. 1. – СПб., 1863.
411. Спектр антропологических учений. Вып. 5 / Ин-т философии РАН; отв. ред. П.С. Гуревич. – М., 2013.
412. *Спенсер Г.* Основные начала. – СПб., 1897.

413. *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. – М., 2000.
414. *Спиридонов Л.И.* Человек. Познание. Общество // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2009. – № 5.
415. *Ставцев С.Н.* Введение в философию Хайдеггера. – СПб., 2000.
416. *Станкевич Л.П., Полякова И.П., Линченко А.А.* О понимании целостности в западной и восточной философии // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общ. науки. – 2013. – № 6 (178).
417. *Степанов В.Г.* Что такое метагеометрия // Полигнозис. – 1998. – № 4 (4).
418. *Степин В.С.* Философия в эпоху перемен // Вестник Московского ун-та. Серия 7: Философия. – 2006. – № 4.
419. *Степин В.С.* Системность объектов научного познания и типы рациональности // Вестник Томского государственного ун-та. – 2007. – № 1.
420. *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. – М., 2007.
421. *Степин В.С.* Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. – 2011. – № 1.
422. *Степин В.С.* О методологических подходах к анализу социального познания // Вестник Московского ун-та. Серия 7: Философия. – 2014. – № 13.
423. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. [Текст]: по списку собрания Ф.Ф. Мазурина / Издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. – М., 1900.
424. *Суслов В.А.* Герменевтика права // Правоведение. – 2001. – № 5.
425. *Сырых В.М.* Застарелые недуги позитивистской доктрины права // Право и государство. – 2014. – № 2.
426. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. – М., 2014.
427. *Сыч К.А.* Позитивизм в науке уголовного права // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3 (82).
428. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. 2-е изд. – СПб., 1902.
429. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. – М., 1987.
430. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 45. – М.; Л., 1928–1964.
431. *Толстой Л.Н.* Путь жизни. – СПб., 1910.
432. *Толстой Л.Н.* Война и мир / Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Ч. 3. – М., 1996.
433. *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. Т. 2. – М., 2007.
434. *Тонян А.А.* Общая характеристика состояния беспомощности в науке уголовного права // Синергия наук. – 2016. – № 2.

435. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксы и противоречия правового сознания // Безопасность Евразии. – 2002. – № 3.
436. *Тощенко Ж.Т.* Раскол общественного сознания – угроза преобразованию России // Социология. – 2009. – № 4.
437. *Тощенко Ж.Т.* Новые тенденции в развитии российской социологии // Социологические исследования. – 2013. – № 4 (348).
438. *Трайнин А.Н.* Кризис науки уголовного права. – М., 1926.
439. *Трайнин А.* Общая конструкция составов преступления в социалистическом уголовном праве // Социалистическая законность. – 1944. – № 11 (ноябрь).
440. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. – М., 1957.
441. *Трёльч Э.* Историзм и его проблемы / Пер. с нем. М.И. Левина, С.Д. Сказкин. – М., 1994.
442. *Трикоз Е.Н.* Десять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: достижения и недостатки // Журнал российского права. – 2006. – № 4.
443. *Трофименко В.А.* Современная юридическая герменевтика как механизм толкования принципов и ценностей в праве // Вестник Национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого». Серия: Философия, философия права, политология, социология. – 2012. – № 3 (13).
444. *Трубецкой С.Н.* Сочинения / Сост., ред. и вступ. статья П.П. Гайденко; Примеч. П.П. Гайденко, Д.Е. Афиногенова. – М., 1994.
445. *Трубецкой Е.Н.* Труды по философии права / Вступ. ст., сост. и примеч И.И. Евлампиева. – СПб., 2001.
446. *Трубецкой С.Н.* Метафизика в Древней Греции / Примеч. И.И. Маханькова. – М., 2003.
447. *Тюрго А.Р.Ж.* Учреждение фондов // *Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур.* Физиократы. Избранные экономические произведения. – М., 2008.
448. *Тюрго А.Р.Ж.* Ценности и деньги // *Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур.* Физиократы. Избранные экономические произведения. – М., 2008.
449. Уголовное право РСФСР. Часть общая / *А.А. Пионтковский.* – М., 1924.
450. Уголовное право России. Учебник для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть / Отв. ред. А.Н. Игнатов и Ю.А. Красиков. – М., 1999.
451. Уголовное право Российской Федерации: учебник. Общая часть. / Под ред. проф. Б.В. Здравомыслова. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999.
452. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / Под ред. Н.Г. Кадникова. – М., 2006.

453. Уголовное право. Общая часть: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2008.
454. Уголовное право. Общая часть: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. И.Я. Козаченко. – М., 2008.
455. Уголовное право России. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – М., 2009.
456. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / Под ред. В.В. Лунеева. – М., 2010.
457. Уголовное право России.Общая часть: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Ревина. – М., 2010.
458. Уголовное право: учебник: в 3 т. Т. 1: Общая часть. Преступление / Под общ. ред. А.Э. Жалинского. – М., 2011.
459. Уголовное право и современность: сб. ст. Вып. 4: в 2 т / Отв. ред. А.Э. Жалинский. – М., 2012.
460. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. В.П. Ревина. – М., 2016.
461. Уголовное право. Общая часть. Академический курс: в 10 т. / Под ред. Н.А. Лопашенко. – М., 2016.
462. *Утевский Б.С.* Наука уголовного права во время Отечественной войны // Социалистическая законность. – 1944. – № 11 (ноябрь).
463. *Утевский Б.С.* Значение сталинского учения о базисе и надстройке для развития советской науки уголовного права // Научная сессия, посвященная годовщине опубликования труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: Тезисы докладов / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М., 1951.
464. *Фарбер И.Е.* О понимании советского права // Советское государство и право. – 1979. – № 7.
465. *Фаритов В.Т.* Бог и христианство в философии Г. В. Ф. Гегеля и Ф. Ницше: опыт сравнительного исследования // Философская мысль. – 2016. – № 2.
466. *Фейербах П.А.* Уголовное право. – СПб., 1810.
467. *Фейхтвангер Л.* Мудрость чудака, или Смерть и преображение Жан-Жака Руссо. – М., 1965.
468. *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова (воспроизводится по изданию 1909 г., Ярославль). – М., 2003.

469. *Ферри Э.* Уголовная социология / Пер. с 5-го французского издания 1905 г.; под ред. С.В. Познышева. – М., 1908.
470. *Фёдоров А.Ю.* Правовая охрана корпоративных отношений: актуальные проблемы, противодействие современным криминальным угрозам, зарубежный опыт: науч.-практ. пособие. – М., 2012.
471. *Филатов А.Д.* К вопросу определения стадий совершения преступлений в науке уголовного права РФ // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 5 (13).
472. Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2 / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М., 2014.
473. Философия уголовного права / Сост., ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика. – СПб., 2004.
474. Философия философии. Тексты философии / Сост. В. Кузнецов. – М., 2012.
475. Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М., 2004.
476. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М., 1983.
477. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – М., 2000.
478. *Фок В.А.* Квантовая физика и строение материи. – Л., 1965.
479. *Франк А.Д.* Философия уголовного права в популярном изложении // Философия уголовного права: сб. / Сост. Ю.В. Голик. – СПб., 2004.
480. *Франк С.Л.* Душа человека. – М., 1917.
481. *Франк С.Л.* Крушение кумиров. – Париж, 1924.
482. *Франк С.Л.* Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. – Париж, 1956.
483. *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Русская идея: сб. в 2 т. Т. 2 / Сост. В.М. Пискунов. – М., 1994.
484. *Фромм Э.* Человек для себя. Революция надежды. Иметь или Быть / Пер. с англ. и нем. Пер. с англ. Л.А. Чернышевой, Т.В. Панфиловой; пер. с нем. Э.М. Телятниковой. – М., 2007.
485. *Хабриева Т.Я.* Век инноваций и право // Вопросы правоведения. – 2010. – № 1.
486. *Хабриева Т.Я.* Правовое измерение научного прогресса // Журнал российского права. – 2009. – № 8 (152).
487. *Хабриева Т.Я.* Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. – 2015. – № 8 (224).
488. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – М., 2003.

489. *Хилюта В.В.* Проблемы методологии уголовного права // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2016. – Т. 2. – № 9.
490. *Хилюта В.В.* Перспективы развития методологии уголовного права в эпоху постмодерна // Журнал российского права. – 2017. – № 5 (245).
491. *Хладениус И.М.* Всеобщая наука истории // Эпистемология & философия науки. – 2010. – Т. 23. – № 1.
492. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / Пер. с англ. предисл. Б.П. Нарумова. – М., 2005.
493. *Хомяков С.* Полн. собр. соч. 2-е. изд. Т. 1. – М., 1878.
494. *Хохлов С.В.* Проблема обоснования естественного и гражданского права в философии И. Канта // Вестник Тверского государственного ун-та. Серия: Философия. – 2008. – № 5.
495. *Цай К.А.* Уголовно-правовые парадигмы и их роль в развитии российской уголовно-правовой политики (на примере членства России в Совете Европы) // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 11 (72).
496. *Цицерон Марк Туллий.* Мысли и высказывания / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. – М., 2011.
497. *Цыпин В.А.* Церковное право. – М., 1996.
498. *Чебышев-Дмитриев А.* О преступном действии по русскому до-петровскому праву. – Казань, 1862.
499. *Черненко А.К.* Современные проблемы качества закона и механизмы его реализации // Вестник НГУ. Серия: Право. – 2006. – Т. 2. – Вып. 1.
500. *Честнов И.Л.* Общее и особенное в праве // Государство и право на рубеже веков: матер. межвуз. науч.-практ. семинара, 19 июня 2000 г., Санкт-Петербург. – СПб., 2000.
501. *Честнов И.Л.* Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. – СПб., 2000.
502. *Честнов И.Л.* Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права: учеб. пособие. – СПб., 2001.
503. *Честнов И.Л.* Повседневность как теоретико-методологическая проблема историко-юридической науки // Городская повседневность в России и на Западе: сб. науч. тр. – Саратов, 2006.
504. *Чешков М.А.* Синергетика: за и против хаоса (заметки о науке эпохи Глобальной смуты) // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6.
505. *Чичерин Б.Н.* Философия права. – М., 1900.

506. *Чичерин Б.Н.* Сен-Симон и его школа // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Кн. V (60).
507. *Чубинский М.П.* Наука уголовного права и ее составные элементы // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – № 7.
508. *Чубинский М.П.* Кризис права и морали и пути к возрождению России. – Ростов-н/Д.: [б. и.], 1919.
509. *Чубинский М.П.* Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. – М., 2008.
510. *Чучаев А.И., Фирсова А.П.* Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. – М., 2010.
511. *Шаргородский М.Д.* Итоги философской дискуссии и некоторые вопросы науки уголовного права // Советское государство и право. – 1948. – № 3 (март).
512. *Шергина К.Ф.* Применение как форма реализации уголовного закона // Уголовное право и современность: сб. ст. Вып. 2 / Науч. ред. А.Э. Жалинский; отв. ред. С.А. Маркунцов. – М., 2009.
513. *Ширвиндт Е.* О проблемах преступности. Сб. Проблемы преступности. Вып. 1. – М., 1926. – С. 3.
514. *Шульц В.Л.* Социология знания: история и методология. – М., 2006
515. *Шлейермахер Ф.Д.Э.* Академические речи 1829 года / Пер. Е.М. Ананьевой // Метафизические исследования. – СПб., 1998. Вып. 3, 4.
516. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика / Пер. с нем. А.Л. Вольского; науч. ред. Н.О. Гучинская. – СПб., 2004.
517. *Шопенгауэр А.* Афоризмы. Мир как воля и представление / Пер. с нем. Ю. Айхенвальд, Ф. Черниговец, Р. Кресин. – Минск, 2011.
518. *Шпак В.Ю., Корешникова А.О.* Правовое измерение: многообразие определенностей и своеобразие содержания // Философия права. – 2007. – № 4.
519. *Шпет Г.* Явление и смысл (Феноменология как основная наука и ее проблемы). – Томск, 1996.
520. *Шульц В.Л.* Социология знания: история и методология. – М., 2006.
521. *Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б., Чернов И.В.* Сценарный анализ в управлении геополитическим информационным противоборством. – М., 2015.
522. *Шундиков К.В.* Юридические явления в свете концепций самоорганизации // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3.
523. *Шухов А.* Проблема сингулярного начала моделирующей реконструкции социального развития. – URL: http://nounivers.narod.ru/hist/funct.htm.

524. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние» / Под ред. акад. РАН О.Т. Богомолова. – М., 2008.
525. Энциклопедия уголовного права. – СПб., 2005–2013.
526. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М., 2009.
527. Эпистемология вчера и сегодня / ИФ РАН; отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2010.
528. *Эшби У.Р.* Введение в кибернетику. – М., 1959.
529. Юридическая герменевтика в XXI веке / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. – СПб., 2016.
530. *Яковлева О.А.* Элементы науки уголовного права (теоретико-ретроспективный анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2015. – № 1 (26).
531. *Яковлева О.А.* Наука уголовного права начала XIX века: «Русский эклектизм» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2015. – № 4 (29).
532. *Яркова Е.Н.* История и методология юридической науки: учеб. пособие. – Тюмень, 2012.
533. *Abelard P.* Sic et Non a Critical Edition. – Chicago, 1977.
534. *Abelard P.* Ethikája. Tanulmány. Irta: Czaky Lajos Ambry, Ciszterci r. Tanárjelölt.Az esztergomi fegyházmegye és a rendfnök engedélyével. – Budapest, 1909.
535. Ad Lucilium Epistulae Morales / with an English translation by R.M. Gummere in 3 vol. I. – London, 1909.
536. *Allot Ph.* How to Make a Better World: Human Power and Human Weakness // FICHL Policy Brief Series. – 2016. – No 75.
537. *Bar von C.L.* A History of Continental Criminal Law. – Boston: Little, Brown and Company, 1916.
538. *Beccaria C.* Dei delitti e delle pene. – F. Sanvito, 1858.
539. *Bowne B.P.* Metaphysics. – N. Y.; Cincinnati; Chicago, 1882.
540. *Bradley F.H.* Anglo-American Philosophies of Penal Law // Journal of Criminal Law & Criminology. – 1911/1912. – No 2. – P. 186–189.
541. *Case S.J.* The Christian Philosophy of History. – Chicago; Illinois, 1943.
542. *Cassirer E.* Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung. – Göteborg, 1941.
543. *Chladenius J.M.* Einleitung zur richtigen Auslegung vernünftiger Reden und Schriften. Mit einer Einleitung von Lutz Geldsetzer. – Düsseldorf, 1969.
544. *Chomsky N.* Language and mind. Enlarged Edition. – N. Y.; Chicago; San Francisco; Atlanta, 1973.

545. *Dale E.* Criminal Justice in the United States, 1790–1920: A Government of Laws or Men? // The Cambridge history of law in America / Ed. by M. Grossberg, C. Tomlins. Vol. II: The Long Nineteenth Century (1789–1920). – Cambridge, 2008.
546. *Denno D.W.* Criminal Law in a Post-Freudian World // University of Illinois Law Review. – 2005. Oct.
547. *Dyzenhaus D.* Judicial Independence, Transitional Justice and the Rule of Law, Otago Law Review. – 2003. – Vol. 345. – No 10.
548. *Flint R.* The Philosophy of History in France and Germany. – Edinburgh; London, 1874.
549. Foundations of Geometry / Monist. – 1898. – Vol. 9. – No 1.
550. *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. – Tübingen, 1960.
551. *Galiani F.* Della Moneta a Cura di Fausto Nicolini. Laterza in Bari. Italian, 1915.
552. *Gardner J.* Offences and Defences: Selected Essays in the Philosophy of Criminal Law. – Oxford, 2009.
553. *Gardner J.A.* The Sociological Jurisprudence of Roscoe Pound (Part I) // Villanova Law Review. – 1961. – Vol. 7. – No 1.
554. *Ghellingk de J.* Le Mouvement Theologioue Du XIIe Siécle Etudes, Recherches et Documents. – Paris, 1914.
555. *Gross O., Aolain F.* Law in Times of Crisis. – Cambridge, 2006.
556. *Hälschner H.* System des preussischen Strafrechts, I Th. – Bonn, 1858.
557. *Hammet F.* Virtual Reality. – N. Y., 1993.
558. *Hart H.L.A.* The Concept of Law / Ed. by P.A. Bulloch and J. Raz. – Oxford, 1961.
559. *Hassan I.* Toward a Concept of Postmodernism // Post-modernism. An International Anthology. Wook-Dong Kirn. – Seoul, 1991.
560. *Hebraud P.* Observations sur la notion du temps dans le droit civil / Ed. Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 1979. T. II.
561. *Heim Ml.* The Metaphysics of virtual reality // Virtual Reality: Theory, Practice and Promise. – Westport; London, 1991.
562. *Henke E.* Handbuch des Kriminalrechts und der Kriminalpolitik. – B.I. Vorr., 1823.
563. Herod I at Jewish Encyclopedia. – URL: http://jewishencyclopedia. com/articles/7598-herod-i.
564. *Hetzel H.* Die Todesstrafe in ihrer Kulturgeschichtlichen Entwicklung / Eine studie von H. Hetzel. – Berlin, 1870.
565. *Hugo G.* Geschichte der R.H., bis auf Justinian. – N.Y.: A. Mylins, 1832.
566. *Jaeger W.* Paideia. – Berlin, 1934. Bd. 1.
567. *Janet P.* Histoire de la Philosophie Morale et Politique: in 2 vols. Vol. I. – Paris, 1868.

568. *Kant I.* The Metaphysic of Ethics / Transl. by J.W. Jsemple. 3rd ed. – Edinburgh, 1871.
569. *Kenny C.S.* Outlines of Criminal Law. – London, 1907.
570. *Kocourek A., Wigmore J.H.* Evolution of Law: Select Readings on the Origin and Development of Legal Institutions. Vol. II: Primitive and Ancient Legal Institutions. – Boston, 1915.
571. *Köstlin R.* System des deutschen Strafrechts. – Tübingen, 1855.
572. *Lieber F.* Legal and Political Hermeneutics: or Principles of Interpretation and Construction in Law and Politics, with Remarks on Precedents and Authorities. 3rd ed., with the author's last corrections and additions, and notes by William G. – Boston, 1880.
573. *Lloyd A.H.* Philosophy of History an Introduction to the Philosophical Study of Politics. – Written in English, 1899.
574. *Maine H.S.* Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas. – London, 1897.
575. *Merton R.K.* The Institutional Imperatives of Science. Sociology of Science. – London, 1972.
576. *Mielziner M.* Introduction to the Talmud: Historical and Literary Introduction, Legal Hermeneutics of the Talmud, Talmudical Terminology and Methodology, Outlines of Talmudical Ethics. – Funk & Wagnalls, 1903.
577. *Miller W.G.* Lectures on the Philosophy of Law, Designed Mainly as an Introduction to the Study of International Law. – London, 1884.
578. *Miller M.* Moral Action and Natural Law in Kant, and some Developments. – Melbourne, Sydney, Adelaide and Brisbane, 1911.
579. *Moore M.S.* Placing Blame: A Theory of the Criminal Law. – Oxford, 2010.
580. *Neumann U., Schroth U.* Neuere Theorien von Kriminalität und Strafe: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – Darmstadt, 1980.
581. Notre Dame Philosophical Reviews. – URL: http://ndpr.nd.edu/news/32097-he-oxford-handbook-of-philosophy-of-criminal-law/
582. *Parekh B.* Introduction // Bentham's Political Thought. – London, 1973.
583. Philosophy and the Criminal Law // Association for Legal and Social Philosophy tenth annual conference at the University of Manchester, 8th–10th April 1983/ Ed. by A. Duff and N. Simmonds. – Wiesbaden, 1984.
584. *Pound R.* An Introduction to the Philosophy of Law. – Yale, Ct. 1922.
585. *Puchta G.F.* Cursus der Institutionen. – Leipzig, 1841. Band I.
586. *Rauh F.* Essai sur le fondement métaphysique de la morale. – Paris, 1891.

587. *Rogers E.F.* Peter Lombard and the Sacramental System. – N. Y., 1917.
588. *Sawyer L.A.* The Elements of Biblical Interpretation: or an Exposition of the Laws by which the Scriptures are Capable of Being Correctly Interpreted; Together with an Analysis of the Rationalistic and Mystic Modes / Publ. by A.H. Maltby. – New Haven, 1836.
589. *Schleiermacher F.* Geschichte der Philosophie. – Berlin, 1839.
590. *Sellars R.W.* The Essentials of Philosophy. – Michigan, 1917.
591. *Seneca A.* Ad Lucilium Epistulae Morales / with an English translation by R.M. Gummere. – London, Cambridge, Massachusetts, 1943.
592. *Sewall F.* The New Metaphysics or, the Law of End, Cause, and Effect, with Other Essays. – London, 1888.
593. *Spencer H.* Prison Ethics // British Quarterly Review. 1860.
594. *Spencer H.* A System of Synthetic Philosophy. – Boston, 1879.
595. *Spencer H.* The Ethics of Punishment. Anglo-American Philosophies of Penal Law // Journal of Criminal Law & Criminology. – 1910/1911. – Vol. 1. – No 1.
596. *St. Anselm.* Proslogium; Monologium; An Appendix in Behalf of the Fool by Gaunilon; and Cur Deus Homo. Translated from the Latin by Sidney Norton Deane, B.A. With an Introduction, Bibliography, and Reprints of the Opinions of Leading Philosophers and Writers on the Ontological Argument. – Chicago the Open Court Publishing Company; London, 1903.
597. *St. Thomas Aquinas.* The Summa Theologica. Part I. QQ. LXXV CII. – London, 1920.
598. *Summers R.S.* Professor H.L. A. Hart's Concept of Law. – Oxford, 2011.
599. *Szwarc M.* Decyzje ramowe jako instrument harmonizacji prawa karnego w UE // Pacstwo i Prawo. – 2005. – No 7.
600. *Tarde G.* Penal Philosophy. – Boston, 1912.
601. The Confessions of S. Augustine. Revised from a Former Translation / Rev. E.B. Pusey. – Oxford, 1876.
602. The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / Ed. by J.L. Coleman, K.E. Himma, S.J. Shapiro. – Oxford, 2004.
603. The Oxford Handbook of Philosophy of Criminal Law // Ed. by J. Deigh and D. Dolinko. – Oxford, N. Y., 2011.
604. *Touraine A.* Critique de la modernité. – Paris, 1992.
605. *Turner J.* The Structure of Sociology Theory. – Homewood, 1986.
606. *Weigend E.* Europeizacja prawa karnego w њwietle Konstytucji Europejskiej // Pacstwo i Prawo. – 2005. – No 6.
607. *Wharton F.* Philosophy of Criminal Law. – Philadelphia, 1880.

608. *Willoughby W.W.* Social Justice. Anglo-American Philosophies of Penal Law // Journal of Criminal Law & Criminology. – 1910/1911. – No 1.
609. *Zöckler Chr.* Dilthey und Hermeneutik. – Stuttgart, 1975.
610. *Zumbansen P.C.* Transitional Justice in a Transnational World: The Ambiguous Role of Law (December 9, 2008) // CLPE Research Paper. – 2008. – No 40.

Работы соискателя по теме диссертации

1. *Бочкарев С.А.* Уголовно-правовая охрана собственности: Теоретико-инструментальный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2010.
2. *Бочкарев С.А., Жалинский А.Э.* Об инфляции рубля и «дефляции» уголовного закона // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2010. – № 9, сентябрь.
3. *Бочкарев С.А.* Собственность в уголовном праве: монография / Под ред. А.Э. Жалинского. – М., 2011.
4. *Бочкарев С.А.* Идея уголовного права и ее философское измерение // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 1, январь-март.
5. *Шульц В.Л., Бочкарев С.А.* Двойственность в понимании современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2 (3).
6. *Шульц В.Л., Бочкарев С.А.* Революционное измерение целостности права // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1 (6).

Диссертационные исследования и рефераты

1. *Бочкарев С.А.* Уголовно-правовая охрана собственности: Теоретико-инструментальный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2010.
2. *Бочкарев С.А., Жалинский А.Э.* Об инфляции рубля и «дефляции» уголовного закона // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2010. – № 9, сентябрь.
3. *Бочкарев С.А.* Собственность в уголовном праве: монография / Под ред. А.Э. Жалинского. – М., 2011.
4. *Бочкарев С.А.* Идея уголовного права и ее философское измерение // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 1, январь-март.
5. *Шульц В.Л., Бочкарев С.А.* Двойственность в понимании современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2 (3).
6. *Шульц В.Л., Бочкарев С.А.* Революционное измерение целостности права // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1 (6).

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Афанасьева В.В.* Детерминированный хаос: феноменологическо-онтологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Саратов, 2002.
2. *Байрамов В.Д.* Социальный хаос в российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов н/Д., 2009.
3. *Батютина Т.Ю.* Роль норм гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Краснодар, 2019.
4. *Графский В.Г.* Проблема взаимоотношений власти и знания в истории политической мысли: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Ин-т государства и права. – М., 1992.
5. *Гусейнов А.И.* Право как феномен культуры: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.
6. *Демичев А.А.* Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России: история и современность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2003.
7. *Калинина Г.Н.* Метаморфоз форм знания на границах науки: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08 / НИУ БелГУ. – Белгород, 2013.
8. *Киреев Е.А.* Суд присяжных как особый социальный институт российской государственной власти: историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.
9. *Мухин Р.Р.* Развитие концепции динамического хаоса в СССР. 1950–1980-е годы: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. – М., 2010.
10. *Порутенко Ю.В.* Нравственные аспекты деятельности суда присяжных: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2009.
11. *Пычева О.В.* Герменевтика уголовного закона: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
12. *Сайкина Г.К.* Социальный потенциал метафизики человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Казань, 2013.
13. *Семенюк А.П.* Проблема понимания в философии В.В. Розанова: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2002.
14. *Сигалов К.Е.* Среда права: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010.
15. *Ситникова А.И.* Законодательная текстология уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014.
16. *Ситникова И.О.* Система языковых средств аргументации и воздействия на адресата в философских трудах Мартина Хайдеггера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003.

17. *Честнов И.Л.* Принцип диалога в современной теории права (Проблемы правопонимания): дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2002.

Интернет-источники

1. *Вирилио П.* Информационная бомба. Стратегия обмана. – URL: http://lib.aldebaran.ru.
2. *Галкин К.Ю.* Темпорологическая концепция виртуальной аддикции. 1999. – URL: http://add.net/ru/articles/200103212013338/html.
3. Доклад Российского союза промышленников и предпринимателей «О состоянии делового климата в России в 2010–2013 годах». – URL: https://rcsme.ru (дата обращения: 19.06.2018).
4. *Гансвинд И.Н.* Виртуальность // Словарь Института исследований природы времени. – URL: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/gansvind_virtualnost. htm.
5. Защита прав человека в России // Еженедельный опрос «ФОМнибус» 30 июня – 1 июля 2012 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. – URL: http://fom.ru/posts/10530 (дата обращения: 30.06.2015).
6. Институт социологии РАН. – URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=428446 (дата обращения: 19.06.2018).
7. Интервью Веселаго В.Г. // Успехи физической науки. – URL: http://ufn.ru/ ru/ufn90/veselago.html.
8. Исследование «Ромир»: Рейтинг основных проблем российского общества. – URL: http://gtmarket.ru/news/2013/10/23/6327.
9. *Касперский Е.* Киберпреступность как бизнес. – URL: // http://biz.liga.net/ articles/EA080183.html.
10. Классификация технологий креатива по И.Л. Викентьеву. – URL: http://www.triz-chance.ru/tk_0.php.
11. *Кузнецов В.* Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления. – URL: http://www.i-u.ru.
12. *Левашов В.К.*, *Афанасьев В.А.*, *Новоженина О.П.*, *Шушпанова И.С.* Экспресс – информация. Как живешь, Россия? XLIX этап социологического мониторинга, июнь 2019 года / Под общ. ред. В.К. Левашова. [Электронное издание] – М., 2019.
13. Личная страница Генерального прокурора РФ. – URL: http://www.genproc.gov.ru/genprokuror/.
14. *Максимов С.В.* «Уголовно-правовые мифы» как элемент современной нормотворческой культуры. – URL: http://blog.pravo.ru/blog/3098.html.

15. *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление. – URL: http:// spkurdyumov.narod.ru/mann.htm.
16. Медведев отметил высокий уровень защиты права собственности в РФ. Тренд – URL: http://ria.ru/society/20080607/109500873.html (дата обращения: 19.08.2015).
17. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 8 августа 2006 г. № 64-Дп06-12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2011).
18. Образ предпринимателя // Коммерсантъ. – 1998. – № 134. – URL: http://www.kommersant.ru/doc/202391 (дата обращения: 30.06.2015).
19. Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ. – URL: http://www.cdep.ru/.
20. Оценка деятельности судов в РФ. – URL: https://wciom.ru/index.php?id=228 (дата обращения: 22.06.2018).
21. Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования. 2016. – 711 с. – С. 678–688. – URL: http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/05-06-2018-1d.pdf
22. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации – URL: http://crimestat.ru/
23. *Пригожин И.* Философия нестабильности. – URL: http://spkurdyumov. narod.ru/Prigojin22.htm.
24. Проблемный фон страны: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://wciom.ru (дата обращения: 19.06.2018).
25. Проповедь на бизнес-тему. Церковь просят помочь реабилитировать предпринимательство в глазах общества. – URL: http://www.interfax-religion.ru/?act=print& div=6442 (дата обращения: 30.06.2015).
26. Путин предложил усилить защиту интеллектуальной собственности. – URL: http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/03/27/putin-predlozhil-usilit-zaschitu-intellektualnoj (дата обращения: 19.08.2015).
27. *Рикер П.* Герменевтика и метод социальных наук. – URL: http://www.litmir.me/br/?b=124180Bcp-1.
28. Сколько в России интернет-пользователей. – URL: https://journal.tinkoff.ru/e-commerce-stat/ (дата обращения: 13.01.2020).
29. Социологи заявили о значительном снижении доверия к институтам власти. – URL: https://www.rbc.ru/politics/29/03/2017/58dbb1ed9a7947e4c4de9dcb (дата обращения: 22.06.2018).
30. Согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2015 г. в особом порядке рассмотрено 82,19% дел от их общего числа. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

31. Ситуация в ЖКХ и инфляция стали главными проблемами россиян. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 25–26 января 2014 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. – URL: http:// gkh1.ru/news/prochie_novosti/situatsiya_v_zhkkh_i_inflyatsiya_stali_glavnymi_ problemami_rossiyan/ (дата обращения: 30.06.2015).
32. *Таганцев Н.С.* Уголовное право (Общая часть). Ч. 1: по изд. 1902 г. – URL: http:// www.ru.Allpravo.ru. 2003.
33. Философская библиотека Средневековья. – URL: http:// antology.rchgi.spb.ru.
34. Через два года российский сегмент Интернета станет самым крупным в Европе. – URL: http://www.dp.ru/a/2011/06/03/CHerez_dva_goda_rossijskij (дата обращения: 25.10.2011).
35. *Шухов А.* Проблема сингулярного начала моделирующей реконструкции социального развития. – URL: http://nounivers.narod.ru/hist/funct.htm.
36. *Alexander L.* The Philosophy of Criminal Law. 2001 // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Legal Theory, Forthcoming. – URL: https://ssrn.com/abstract=285954 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.285954.
37. *Dubber M.D.* Theories of Crime and Punishment in German Criminal Law. Buffalo Legal Studies Research Paper No 2005-02. – URL: https://ssrn.com/abstract = 829226; http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.829226.
38. *Duff A.* Theories of Criminal Law // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2013 Edition) / E.N. Zalta (ed.). – URL: https://plato.stanford. edu/archives/ sum2013/entries/criminal-law.
39. *Herlin-Karnell E.* The Constitutional Dimension of European Criminal Law. – Oxford, 2012. – URL: http://ssrn.com/abstract=2349165.530
40. *Larry A.* The Philosophy of Criminal Law (May 15, 2001) // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Legal Theory, Forthcoming. – URL: https://ssrn. com/ abstract=285954 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.285954.
41. *Lee Youngjae*. What is Philosophy of Criminal Law? (December 15, 2012). Criminal Law and Philosophy, 2013, Forthcoming; Fordham Law Legal Studies Research Paper No. 2189821. – URL: https://ssrn.com/abstract=2189821.
42. *Robinson P.H., Grall J.A.* Element Analysis in Defining Criminal Liability: The Model Penal Code and Beyond // Stanford Law Review. – 1983. – Vol. 35. – URL: https://ssrn.com/abstract=662025.